

Настоящий материал (информация)
распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

18+

Александр Тарасов,
Глеб Черкасов,
Татьяна Шавшукова

Левые в России: от умеренных до экстремистов

Под общей редакцией Александра Верховского. Москва, Центр «Панорама», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Александр Тарасов	
ЛЕВОРАДИКАЛЫ	9
ОБЪЯСНЕНИЕ ТЕРМИНА	9
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР/РОССИИ В 80-Е – 90-е гг. XX века	9
Предшественники движения в 70-е – первой половине 80-х гг.	9
Левое подполье – предшественник организаций времен перестройки	11
Левые группы 70-х – 80-х гг. и современное левое движение	12
Левые группы 70-х – 80-х гг. и современное левое движение (2)	13
Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г.	15
Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (2)	16
Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (3)	17
Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (4)	18
Леворадикалы в России: от распада СССР до весны 1997 г. История, практика, тенденции развития	20
Последовательная радикализация движения	20
Дело «Родионова – Кузнецова»	20
Реакция на дело «Родионова – Кузнецова»	22
Провал иллюзий	23
Проигранная теоретическая полемика	25
Возникновение «новых левых»	25
Радикализация общего политического фона в России	27
Активизация фашистов и националистов	28
Активизация фашистов и националистов (2)	29
Активизация фашистов и националистов (3)	30
Осознание тупиковости предыдущих тактик	31
Определение себя как врага буржуазной демократии	33
Определение себя как врага буржуазной демократии (2)	34
Определение себя как врага буржуазной демократии (3)	35
Выход из изоляции, конституирование леворадикалов как признанного крайнего крыла левой оппозиции	36
Выход из изоляции (2)	37
Выход из изоляции (3)	38
“Новые левые” выходят на первое место	39
“Новые левые” выходят на первое место (2)	41
“Новые левые” выходят на первое место (3)	42
“Новые левые” выходят на первое место (4)	44
“Новые левые” выходят на первое место (5)	45
“Новые левые” выходят на первое место (6)	46

Распад традиционных структур	47
Распад традиционных структур (2)	48
Распад традиционных структур (3)	49
Распад традиционных структур (4)	49
Обогащение идеологической палитры.....	50
Обогащение идеологической палитры (2)	52
Обогащение идеологической палитры (3)	53
Обогащение идеологической палитры (4)	54
Обогащение идеологической палитры (5)	55
Сотрудничество с Национал-большевистской партией	55
Сотрудничество с Национал-большевистской партией (2)	56
Сотрудничество с Национал-большевистской партией (3)	57
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис.....	59
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (2)	60
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (3)	62
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (4)	64
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (5)	65
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (6)	66
Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (7)	67
ИДЕОЛОГИЯ.....	69
Троцкисты	69
Троцкисты (2).....	70
«Пролетаристы».....	71
«Новые левые»	73
«Новые левые» (2)	74
«Новые левые» (3)	75
«Новые левые» (4)	77
«Новые левые» (5)	78
«Новые левые» (6)	80
«Новые левые» (7)	81
Анархисты.....	82
Анархисты (2)	83
ТЕНДЕНЦИИ НА БУДУЩЕЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ	84
Тенденции на будущее. Перспективы (2).....	85
Тенденции на будущее. Перспективы (3).....	87
Тенденции на будущее. Перспективы (4).....	88
Тенденции на будущее. Перспективы (5).....	89
Тенденции на будущее. Перспективы (6).....	90
Тенденции на будущее. Перспективы (8).....	91
Тенденции на будущее. Перспективы (9).....	92
Тенденции на будущее. Перспективы (10).....	93
Татьяна Шавшукова	
РАДИКАЛЬНЫЕ КОММУНИСТЫ: ГЕНЕАЛОГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, БЛОКИ.....	96
ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	97
Платформы внутри КПСС и движения членов КПСС.....	98
Платформы внутри КПСС и движения членов КПСС (2)	98
Конец КПСС	99
Формирование “коммунистической многопартийности”.....	100
Формирование “коммунистической многопартийности” (2)	100
Формирование “коммунистической многопартийности” (3)	102
Формирование “коммунистической многопартийности” (4)	103
Формирование “коммунистической многопартийности” (5)	104
Формирование “коммунистической многопартийности” (6)	105
ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КПСС И ЕДИНСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОГО	
ДВИЖЕНИЯ	107
Первые объединительные инициативы.....	107

Начало процесса восстановления КПСС.....	108
Роскомсоюз и КПРФ.....	109
Союз коммунистических партий – КПСС.....	111
Народно-патриотический союз России и объединения радикальных коммунистов	113
Народно-патриотический союз России и объединения радикальных коммунистов (2)..	114
РАДИКАЛЬНЫЕ КОММУНИСТЫ НА ВЫБОРАХ	116
Выборы 1995 года. Формирование избирательных блоков.....	116
Выборы 1995 года. Формирование избирательных блоков (2)	117
Взаимоотношения между коммунистическими блоками.....	118
Взаимоотношения между коммунистическими блоками (2).....	120
Президентская кампания	121
Президентская кампания (2).....	122
Президентская кампания (3).....	123
Президентская кампания (4).....	125
ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ И ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВКАХ	125
Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (2).....	127
Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (3).....	128
Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (4).....	130
ФЕНОМЕН “КРАСНО-КОРИЧНЕВЫХ”	132
Феномен “красно-коричневых” (2).....	133
РАДИКАЛЫ И ЭКСТРЕМИСТЫ	135
Радикалы и экстремисты (2)	136
Радикалы и экстремисты (3)	138
Радикалы и экстремисты (4)	139
Глеб Черкасов	
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	141
ВСТУПЛЕНИЕ.....	141
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 1990–1993 гг.	142
Хроника.....	142
ФРАКЦИЯ КПРФ В I (V) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	143
Хроника.....	143
Комментарии.....	143
ОТНОШЕНИЯ С ФРАКЦИЯМИ И ДЕПУТАТСКИМИ ГРУППАМИ В I (V) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ	145
КПРФ НА ВЫБОРАХ В II (VI) ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ	145
Хроника.....	145
Комментарии.....	146
ФРАКЦИЯ КПРФ В II (VI) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ. 1996 г.	147
Хроника.....	147
Комментарии.....	148
Комментарии (2)	149
Комментарии (3)	151
Комментарии (4)	152
ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ ГЕННАДИЯ ЗЮГАНОВА	153
Хроника.....	153
Комментарии.....	154
Комментарии (2)	155
ГРУППИРОВКИ В КПРФ	158
Группировки в КПРФ (2).....	159
КПРФ В БЛОКАХ И КОАЛИЦИЯХ, ЕЕ СОЮЗНИКИ И ПАРТНЕРЫ	160
КПРФ и АПР	160
КПРФ и Александр Ручкой	161

КПРФ и СПТ	162
Геннадий Зюганов и другие лидеры оппозиции – кандидаты на пост президента.....	162
Геннадий Зюганов и другие лидеры оппозиции – кандидаты на пост президента (2)	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ.....	166
ПАРТИЯ ТРУДА	166
Партия Труда (2)	168
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ТРУДЯЩИХСЯ	170
Социалистическая партия трудящихся (2)	171
Социалистическая партия трудящихся (3)	172
Социалистическая партия трудящихся (4)	174
Социалистическая партия трудящихся (5)	175
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПРАВКИ	177
ОРГАНИЗАЦИИ	177
Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).....	177
Елецко-Липецкое Движение Анархистов	179
Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – Секция Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ	181
Общественно-политическое объединение "Рабочий"	184
Объединенный фронт трудящихся.....	187
Российская партия коммунистов.....	189
Самарский анархо-коммунистический союз.....	192
Федерация анархистов Кубани.....	193
ПРЕССА	197
"Молодой коммунист"	197
БИОГРАФИИ	198
Григорьев Владимир Федорович.....	198
Дамье Вадим Валерьевич	199
Ихлов Борис Лазаревич	201
Митина Дарья Александровна.....	201
Тюлькин Виктор Аркадьевич	202
Не входило в книгу, издавалось отдельно:	
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПОЛЕМИКА О ЧАСТИ “ЛЕВОРАДИКАЛЫ”	206
ОТ РЕДАКТОРА.....	206
ПОЛЕМИКА	206
1-4	206
5-9	209
10	211
11-14	212
15-19	214
20-23	216
24-28	218
29-32	221
33-36	222
36-39	224
40-44	227
45-49	229
50-54	232
55-61	234
62-65	236
66-72	239
ЗАМЕТКИ О МИФОЛОГИИ А. ТАРАСОВА	241
1	241
2	242
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	244

ОТ РЕДАКТОРА

Данная работа является продолжением серии обзорно-аналитических работ о радикальных политических течениях в России, начатого “Панорамой” в 1995 г. Первым шагом было широкое исследование “Политический экстремизм в России”, вышедшее в начале 1996 г.; в этом исследовании, при участии двоих авторов данной работы (А. Тарасова и Т. Шавшуковой), была поднята и тема левого экстремизма.

Книга “Левые в России: от умеренных до экстремистов” представляет весь спектр левого движения: от небольших экстремистских группировок до достаточно умеренной КПРФ, крупнейшей парламентской партии страны. История левых прослежена от 50-х годов до весны 1997 года.

Мы разделили, достаточно условно, российских левых на три группы – КПРФ, радикальных коммунистов и леворадикалов (анархистов, “новых левых” и др.). По каждой группе даются аналитический и исторический обзоры, а также избирательно – справочная информация. Информация о демократических левых оформлена в дополнительную главу. В качестве приложений приведены отдельные справки на лидеров, издания и организации.

В интернет-версии книги мы прилагаем также дискуссию по поводу части “Леворадикалы”, ранее опубликованную “Панорамой” очень незначительным тиражом.

Авторство разделов книги:

- КПРФ – Глеб Черкасов;

- радикальные коммунисты – Татьяна Шавшукова;

- леворадикалы – Александр Тарасов;

- демократические левые – А. Тарасов с использованием справочного материала Марины Холмской;

- биографии лидеров радикальных коммунистов и некоторые другие справки написаны с использованием базы данных “Лабиринт” Информационно-экспертной группы “Панорама”, за что создатели книги выражают признательность авторам информации базы данных, особенно – Владимиру Прибыловскому.

А. Тарасов также выражает особую благодарность Анне Комаринец за неоценимую помощь в работе с источниками на немецком и чешском языках.

Введение и общее концептуальное редактирование – А. Верховский.

Редактирование, корректура, составление указателей – Валерия Ахметьева.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое Вашему вниманию исследование является продолжением серии проектов, начатой книгами “Политический экстремизм в России” и “Национал-патриотические организации России. История, идеология, экстремистские тенденции”¹. В первой из этих двух книг уже был рассмотрен феномен левого экстремизма в современной России, причем двое из авторов новой книги, Александр Тарасов и Татьяна Шавшукова, принимали в этом активнейшее участие.

Тема современного левого движения в России пока мало изучена. В книге “Политический экстремизм в России” речь шла только о группировках, которые, в рамках принятого нами подхода, можно было отнести к экстремистским. Описывалась история экстремистов, приводились справки на их организации, биографии их лидеров. Но в реальности граница между экстремистами и не экстремистами не столь уж четкая, поэтому назрела необходимость предпринять попытку описать левое движение в целом.

Кроме того, в предыдущей книге левые занимали не первое место, уступив его правоэкстремистским течениям. Это привело к вынужденной конспективности изложения, многие аспекты левого движения, например, идеологические, практически не затрагивались, ряд важных моментов был изложен лишь вкратце. В нынешней книге мы в какой-то степени смогли преодолеть еще один недостаток – изложение преимущественно столичных событий (вызванное ограниченными возможностями). Вообще, нынешнее исследование – гораздо более полное и систематическое, хотя мы не сомневаемся, что здесь по-прежнему остается широчайшее поле для дальнейшей работы.

Первоначально книга, по аналогии с “Политическим экстремизмом в России”, планировалась как обзорно-аналитический труд с обширными справочными приложениями, но объем подготовленного материала значительно превысил издательские возможности. В связи с этим было принято решение о разделении книги на две части. Вашему вниманию предлагаются обзорно-аналитическая часть целиком и некоторые фрагменты из приложений – справки на организации и издания и биографии лидеров. Полностью справочная часть выпускается центром “Панорама” отдельным изданием. (Тираж его, к сожалению, ограничен.) В этом издании справочный материал отбирался по критерию новизны в сравнении со справочным материалом книги “Политический экстремизм в России”.

Определение границ собственно левого движения – задача, не имеющая однозначного решения. В нашей книге мы решили провести границу справа, но не проводить никаких ограничений слева, то есть нами рассматривались крайне левые течения любого толка, зато справа мы заведомо исключили из рассмотрения социал-демократов, как формальных (типа Социал-демократической партии России), так и тех, кто может быть отнесен к социал-демократам (например, “Яблоко” нередко рассматривается как социал-демократическое движение правой ориентации). Социал-демократия, в европейском смысле этого слова, представляет собой самостоятельное, давно сложившееся движение, подчеркнуто дистанцирующееся от любого радикализма. Этого нельзя сказать о других крупных левых течениях, хотя, разумеется, далеко не все левые организации сами тяготеют к радикализму и тем более к экстремизму. Задача всего цикла исследований “Панорамы”, частью которого является данная книга, – изучение различных аспектов радикализма и экстремизма в современном российском обществе, поэтому мы позволили себе ограничить указанным образом поле своего исследования.

Можно возразить, что Коммунистическая партия Российской Федерации – тоже отчасти социал-демократическая, а отчасти и вовсе не левая, а скорее правая национал-патриотическая организация. Но в целом или, как минимум, в значительной степени КПРФ – именно левая партия и поэтому включена в нашу книгу.

Переходный феномен представляет собой также Социалистическая партия трудящихся и все так называемые демократические левые. Мы не хотели бы особо акцентировать на них внимание, так как их удельный вес в российской политике вообще и в левом спектре в частности неуклонно снижается, но и вовсе пройти мимо них все-таки невозможно. Демократические левые оказались, вопреки ожиданиям многих, не заменой старой идеологии КПСС, а лишь “пограничным эффектом” современного левого движения. Почему так случилось – тема отдельного исследования.

Вообще, можно заметить, границы “левого” в России довольно причудливы: наши левые тесно граничат (сотрудничают, соседствуют, даже организационно сливаются) не только с социал-демократами, но и с “державниками”, националистами и даже с фашистами. Тема такого соседства-сотрудничества неоднократно поднимается в нашей книге, но по-настоящему основательно она должна быть рассмотрена в более широком контексте.

За исключением демократических левых левое движение делится фактически на три части – КПРФ, радикальных коммунистов и левых радикалов (анархистов, “новых левых”, троцкистов, “пролетаристов”). Соответственно, книга разделена на три большие части. Они написаны разными авторами, отличаются по стилю, объему и глубине рассмотрения материала, по хронологическим рамкам и т.д., и могут рассматриваться как отдельные самостоятельные исследования. Мы отдаем себе отчет в недостатках такого подхода, но не видим пока другого выхода: материал этих трех частей настолько различен, что его невозможно описывать по одинаковой методике, да и невозможно найти специалистов, действительно хорошо разбирающихся сразу во всем левом движении.

Рассмотрение истории левых радикалов начинается с последних предперестроечных десятилетий, радикальных коммунистов – с 1990 г., КПРФ – с начала работы I(V) Государственной Думы. Заканчивается изложение во всех случаях событиями весны 1997 г. Разумеется, между частями и в жизни, и в книге существуют пересечения, например, в истории воссоздания Коммунистической партии после ее запрета в 1991 г. При этом авторы освещают общие для частей издания события под несколько разным углом зрения. Такой способ описания нам представляется наиболее адекватным: в данном примере важно не только объективное освещение сложной истории воссоздания и реорганизации коммунистического движения в 1991–1993 гг., но и представление о том, как этот процесс виделся его участниками с разных сторон; к тому же, в данном примере соответствующие страницы истории радикальных коммунистов фактически являются предисловием к истории КПРФ.

Расположение частей в нашей книге может рассматриваться как хронологическое, но оно отражает и порядок “убывания радикализма” в левом движении – от крайних леваков до “демократических левых”.

Мы не стали разделять приложения в соответствии с частями книги, ограничившись алфавитным порядком. Примечания даны в конце частей, а также в конце отдельных справок.

Основные темы, вокруг которых авторы рассматривали различные сегменты левого спектра, – история развития политических структур, идеологическая эволюция, место того или иного левого движения в политической и общественной жизни, степень радикализма и связь с экстремистскими тенденциями. Разумеется, для разных типов левых собственно предмет рассмотрения по всем этим темам заметно различается. Так, у КПРФ, в сущности, просто нет единой идеологии, а та, что есть, составлена из общеизвестных фрагментов. Зато идеология “новых левых” у нас известна очень мало; предлагаемый в нашей книге обзор ее основных положений, вынужденно краткий, – первый в России, написанный не с позиций “совковой” контрпропаганды.

Разделенность левого движения – реальность современной российской политики, но ее не надо абсолютизировать. Левое движение может рассматриваться и как единое. Во-первых, между разными организациями существуют весьма значительные пересечения в личном составе активистов, в первую очередь – на низовом уровне. Во-вторых, весьма часты попытки коалиций среди левых и некоторые из них оказываются действительно жизнеспособными, наглядно демонстрируя левое единство. В-третьих, нельзя забывать о близости – с либеральной точки зрения – идеологических оснований различных левых организаций, даже если сами эти организации предпочитают акцентировать внимание не на общих чертах, а на различиях и противоречиях. Левые не отказываются от своей преемственности экстремистских движений прошлого, будь то партия большевиков, русские анархисты или левые террористы на Западе последних десятилетий.

Для нас особенно важно, что все левые – от уважаемой КПРФ до маргинальных анархистских групп – в той или иной степени склоняются к политическому радикализму. КПРФ – крупнейшая партия страны и сейчас она безусловно парламентская партия, но КПРФ связана с весьма радикальными группировками разного толка, в том числе и на уровне своей парламентской фракции. Именно это, пусть ограниченное, единство левых в их радикализме по-прежнему представляет угрозу для перспектив открытого общества в России.

Стоит добавить, что крайне левые на практике оказались не менее склонны к политическому насилию, чем крайне правые. Профсоюз “Студенческая защита” организовал крупнейшие с октября 1993 г. политические беспорядки в Москве (в 1994 и 1995 гг.). Насколько можно судить по обрывочным сведениям, поступающим из среды левых радикалов, загадочные террористические акции осени 1996 – весны 1997 гг. – это не провокация спецслужб, а действия реальных леваков или коммунистов. Другое дело, что вряд ли к таким действиям причастны известные лидеры: можно предположить, что сами теракты осуществлялись отдельными маленькими группами (или одной группой) левых, вдохновившихся, наконец, пропагандой своих вождей. В частности, взрыв

памятника Николаю II и закладка взрывчатки в памятник Петру I, скорее всего, действительно осуществлены молодежной коммунистической группировкой "РВС РСФСР"².

Внимательный читатель, возможно, заметит, что два автора нашей книги, Т. Шавшукова и А. Тарасов, и сами придерживаются левой ориентации. Это следует и из эмоционально заинтересованного тона в тех местах, где речь идет о проблемах левого движения, и из некоторых особенностей терминологии (например, в части о леворадикалах либеральная демократия постоянно именуется "буржуазной демократией"). Это обстоятельство не делает авторов менее объективными в изложении и анализе, зато очевидно, что "чужой" просто не может столь полно собрать информацию в весьма специфическом мире радикальных политических группировок.

Мы предлагаем читателю самому оценить качество и глубину изучения левых движений в нашей книге. Мы с большим интересом рассмотрим также любые замечания, как концептуального, так и фактического характера.

ЛЕВОРАДИКАЛЫ

ОБЪЯСНЕНИЕ ТЕРМИНА

Термин “леворадикалы” (“леваки”) здесь и далее применяется по отношению к крайне левой части спектра всего левого движения – к организациям анархистов, троцкистов, “новых левых” и антисталинистов-“пролетаристов”. Понятно, что такое использование термина носит условный характер, но оно сложилось исторически и принято всеми крыльями левого движения. Первоначально подобное употребление термина было навязано советской пропагандой, которая отделяла “правильных” левых (промосковские коммунистические партии) от “неправильных” (силы левее компартий) – и эти последние и именовались “леваками” и “леворадикалами”. Со временем, однако, термины “леворадикалы” и “леваки” перестали осознаваться крайне левыми (кроме части троцкистов) как негативно окрашенные и были приняты ими в качестве самоназвания.

В последнее время в части большой прессы (в газетах “Сегодня”, “Московский комсомолец”, “Известия”) и на телевидении термин “леворадикалы” нередко распространяется на мелкие ортодоксальные коммунистические (неосталинистские) организации, формально стоящие на позициях левее КПРФ (то есть на РКП, ВКП(б), “Трудовую Россию” и т.п.), а в некоторых случаях – даже и на КПРФ. В самом левом сообществе такая точка зрения не встречает понимания, и леворадикалами (леваками) по-прежнему именуют лишь крайне левую часть движения.

Можно ввести четкий критерий, отделяющий леворадикалов (леваков) от представителей даже самой радикальной коммунистической оппозиции: это отношение к Сталину и ВКП(б) – КПСС. В отличие от коммунистических организаций леворадикалы не соотносят себя с ВКП(б) – КПСС, не считают себя наследниками этой партии и отрицательно относятся к сталинизму. Это может быть тотальным отрицанием советского опыта и идеологии и практики ВКП(б) – КПСС, как у анархистов и “новых левых”, либо – отрицанием этого опыта и этой практики начиная с периода сталинизма, но с признанием дореволюционного опыта большевиков и позитивности самого факта Октябрьской революции (у троцкистов).

Своеобразным феноменом является “пролетаризм”. “Пролетаризм” – это исключительно постсоветское политическое явление. Под этим термином понимаются группы социалистической и отчасти марксистской ориентации, оппозиционные КПСС и ее наследникам и пытающиеся закрепить вульгарно-“классовую” позицию – с признанием приоритетных прав рабочего класса (пролетариата) и восприятием всех остальных классов и слоев общества (включая интеллигенцию) как “реакционных” или “паразитических”. “Пролетаристы” распадаются на неосталинистов-“пролетаристов” (Партия диктатуры пролетариата), которые по сути являются ортодоксальными коммунистами-сталинистами с явным влиянием махаевских идей, и антисталинистов-“пролетаристов” (Общественно-политическое объединение “Рабочий”), которые по сути являются носителями смешанной идеологии неомарксизма, троцкизма и идей “новых левых” в сугубо рабочей среде – и потому включены в понятие “леворадикалы”.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛЕВОРАДИКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР/РОССИИ В 80-Е – 90-е гг. XX века

Предшественники движения в 70-е – первой половине 80-х гг.

Отдаленными предшественниками леворадикальных организаций, возникших в СССР/России в годы перестройки, можно считать подпольные левые оппозиционные группы и кружки, существовавшие в СССР в послесталинский период во второй половине 50-х – 60-е гг. Являвшиеся в основном группами классического марксизма и марксизма-ленинизма, эти организации, однако, стояли, несомненно, у истоков той линии противостояния режиму КПСС, которая была продолжена неортодоксальными левыми подпольными организациями 70-х – первой половины 80-х гг. и – затем – леворадикальными организациями эпохи перестройки. Помимо традиции *опозиции слева* по отношению к Советской власти и режиму КПСС, часть этих групп уже демонстрировала явный интерес к кругу идей, характерных для леворадикалов 80-х – 90-х гг.: к неомарксизму, анархизму, троцкизму, “пролетаризму” и идеям “новых левых”. Подобные идейные “отклонения” от

ортодоксальных схем советского марксизма можно проследить как минимум в “деле Пименова – Вайля”³, “деле Краснопевцева”⁴, “деле Павленкова – Капанова”⁵, “деле Молостова”⁶.

Общее число левых подпольных оппозиционных групп в 50-е – 60-е гг. было значительным. У Л. Алексеевой перечислено 16 таких организаций⁷, у В. Иофе – 22⁸.

К этому списку можно добавить еще “дело Осипова – Кузнецова”, в котором, среди прочего, имела место попытка создания подпольной анархо-синдикалистской организации⁹.

Подпольные левые организации 70-х – первой половины 80-х гг. являлись уже непосредственными предшественниками леворадикалов времен перестройки. Все они уже вдохновлялись (хотя бы отчасти) кругом тех же идей, что и перестроечные леваки. Несомненно, это было связано с воздействием на умы феномена “молодежной революции” 60-х гг. на Западе, которая вдохновлялась теми же идеями.

Так, разгромленная КГБ в ноябре 1971 г. в Свердловске Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза (РПИСС) во главе с Василием Спиненко и Георгием Давиденко совмещала в своих программных документах положения неомарксизма, левой социал-демократии и “новых левых” (в духе идей Г. Маркузе и Ч. Райта Миллса)¹⁰. Свердловские леворадикалы и демократические левые времен перестройки считали РПИСС одной из своих предшественниц¹¹.

Созданная зимой 1972/1973 г. и частично разгромленная КГБ в начале 1975 г. (провалилась – не полностью – центральная московская группа) Неокоммунистическая партия Советского Союза (НКПСС) (лидеры – Александр Тарасов, Наталья Магнат (1954–1997), Игорь Духанов, Ольга Бараш, Василий Минорский) в своей идеологии совмещала элементы классического марксизма, троцкизма, неоанархизма (в духе Д. Кон-Бендита), экзистенциализма (Ж.-П. Сартра, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, Л. Шестова) и идеи круга “новых левых” авторов (Г. Маркузе, Э. Че Гевары, Р. Дебре)¹². Кировская региональная группа НКПСС (Ирина Борисенкова-Орлова, Сергей Макин), работавшая в изоляции до своего провала в начале 1980 г., явилась вдохновителем и создателем контркультуры в г. Кирове, активно насаждая в местных художественных и театральных кругах идеи “новых левых”, в первую очередь – идеи “молодежного протеста 60-х” и западной левацкой контркультуры¹³.

Созданная в Ленинграде в 1976 г. и разгромленная КГБ в 1978 г. группа “Левая оппозиция” (выпускавшая журнал “Перспективы”) во главе с Александром Скобовым и Аркадием Цурковым совмещала классический марксизм с идеями анархизма, троцкизма и “новых левых”¹⁴. В № 1 журнала “Перспективы” были помещены отрывки из книг М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.Д. Троцкого, Г. Маркузе и Д. Кон-Бендита¹⁵.

Созданный в 1975 г. и разгромленный КГБ в 1979 г. в том же Ленинграде Союз революционных коммунаров (СРК) (Алексей Стасевич, Владимир Михайлов и Алевтина Кочнева) прямо считал себя наследником парижских студентов-бунтарей “Красного Мая” 1968 г.¹⁶ Члены СРК хранили и распространяли анархистскую литературу и книги теоретиков “новой левой” Г. Маркузе и Э. Фромма¹⁷. Современные анархисты прямо называют себя продолжателями дела “Левой оппозиции” и СРК¹⁸.

Существовавшая с 1976 г. и разгромленная КГБ в 1981 г. в Куйбышеве группа под руководством Алексея Разлацкого (1935–1989), автора самиздатских работ “Второй Коммунистический манифест”, “Чего не желает знать наша интеллигенция” и др., была основоположницей “пролетаризма” на территории СССР. В конце 80-х гг. под идейным руководством А. Разлацкого и освободившегося из заключения члена его группы Григория Исаева была создана классическая организация неосталинистского “пролетаризма” – Партия диктатуры пролетариата (ПДП)¹⁹. Однако группа Разлацкого отчасти явилась идейным предшественником и “пролетаристов”-антисталинистов. Во всяком случае, член Исполкома (1 из 3-х) антисталинистско-“пролетаристского” Общественно-политического объединения “Рабочий” (ОПОР) Анатолий Осауленко – в прошлом ученик А. Разлацкого и член ПДП.

В 1979 г. в Москве, Туле и Ярославле сложилась подпольная группа, называвшая себя “Молодежь за коммунизм” (лидеры – Константин Бегтин, Дмитрий Петров, Рустем Сафронов), ориентированная на “революционный марксизм” в духе Э. Че Гевары и идеи “новых левых” “образца 1968 г.”. Деятельность группы была пресечена КГБ в 1981 г., но еще в 1979 г. Р. Сафронов установил контакты с клубом “Антарес” (см. ниже) (тогда, впрочем, уже сворачивавшим свою деятельность) и пытался завязать отношения с “молодыми социалистами” (см. ниже) и НКПСС (А. Тарасовым). Впрочем, и “молодые социалисты”, и А. Тарасов от взаимодействия уклонились, заподозрив в Р. Сафронове “агента КГБ”. Д. Петров установил контакты с пропагандистом идей

“новых левых” среди хиппи А. Рубченко (см. ниже), а в 1994 г. Д. Петров уже возник на политическом горизонте как председатель профсоюза “Студенческая защита – Москва” – московского отделения леворадикального профсоюза “Студенческая защита”.

Левое подполье – предшественник организаций времен перестройки

В ряде случаев оказывается возможным проследить прямое перерастание доперестроечного левого подполья в леворадикальные организации 80-х – 90-х гг.

Иногда это происходило не путем прямого перехода одного явления в другое, а посредством сложных превращений. Широко известно дело кружка, издававшего журналы “Варианты” и “Левый поворот” (с 1981 – “Социализм и будущее”), основанного в декабре 1977 г., планировавшего создание Федерации демократических сил социалистической ориентации (ФДССИ) и разгромленного КГБ в 1981 г. (лидеры – Павел Кудюкин, Борис Кагарлицкий, Андрей Фадин). Идеология этой группы (известной в литературе под условным наименованием “молодые социалисты”) состояла из сплава идей еврокоммунизма, левой социал-демократии и идей “новых левых”²⁰. Уже в 1986 г. Б. Кагарлицкий был одним из создателей Клуба социальных инициатив (КСИ) – структуры, под прикрытием которой расцвела деятельность будущих леворадикалов (анархистов). Вместе с лидерами анархо-синдикалистов Андреем Исаевым и Александром Шубиным в августе 1987 г. Б. Кагарлицкий основывает Федерацию социалистических общественных клубов (ФСОК), структуры которой позволили анархо-синдикалистам создать в 1988 г. “Альянс социалистов-федералистов” (АСФ), преобразованный в 1989 г. в Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС) – крупнейшую леворадикальную организацию того времени. В июне 1990 г. Б. Кагарлицкий стал одним из создателей и фактических лидеров Социалистической партии, соединявшей в своих программных установках идеи еврокоммунизма, левой социал-демократии и “новых левых”. В 1992 г. Б. Кагарлицкий с тем же идеологическим багажом стал одним из основателей и руководителей Партии Труда, в руководстве которой встретился, в частности, с анархо-синдикалистами А. Исаевым и А. Шершуковым. Показательно, что выпускавшийся с 1987 г. Б. Кагарлицким совместно с Александром Гришиным журнал “Свидетель” с 3-го номера стал носить название “Левый поворот” – как подпольный журнал “молодых социалистов”. Участие Б. Кагарлицкого в структурах ФСОК создавало определенную ауру преемственности доперестроечного и перестроечного “левого сопротивления” советскому режиму.

В то же время другие “молодые социалисты” – Павел Кудюкин, Владимир Чернецкий и Юлий Хавкин – стояли у истоков социал-демократического движения в начальный период перестройки, когда все неформалы тяготели друг к другу, и особенно – те из них, кого можно было считать “некоммунистическими левыми” (социал-демократы, социалисты, “новые левые”, анархисты). Наконец, причастный к делу “молодых социалистов” Владимир Замойский стал видным деятелем “зеленого” движения, также традиционно блокирующегося в СССР/России с леворадикалами.

В 1980 г. в Москве группой школьников во главе с Алексеем Василивецким, Дмитрием Чегодаевым (в будущем – известным активистом демократического движения эпохи перестройки), Николаем Кузнецовым и Владимиром Гуляевым (в будущем – активистом Московского антифашистского центра) был создан подпольный необольшевистский кружок. Держась в русле чистого ленинизма и оценивая (опираясь на тексты В.И. Ленина) существующий в СССР строй как “государственный капитализм”, кружок ставил своей целью создание новой большевистской партии и совершение социалистической революции. В 1982 г. поступивший в Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (МГПИ) А. Василивецкий вовлек в кружок будущего лидера КАС А. Исаева, а в 1984 г. – будущего издателя журнала КАС “Община” Владимира Губарева. Организация разрасталась (в 1983–1984 гг. А. Исаев и В. Гуляев, проходя службу в рядах Советской Армии, каждый создал в своих частях по дочерней подпольной ячейке), и в 1985 г. было принято решение назвать группу Организационный комитет Всесоюзной революционной марксистской партии (ОК ВРМП). Был разработан Устав и другие программные документы, ОК ВРМП издавал собственный орган – журнал “Буревестник” (выходил в 1 экземпляре, после прочтения уничтожался, впрочем, в личном архиве В. Губарева сохранился один номер). Лидерами ОК ВРМП были А. Василивецкий, А. Исаев и Н. Кузнецов (руководил отделением ОК ВРМП в г. Долгопрудном Московской обл.).

Осенью 1986 г. ОК ВРМП легализовался как Студенческий дискуссионный клуб МГПИ, а в декабре 1986 г. Студенческий дискуссионный клуб породил “Инициативную группу за перестройку комсомола” (возникшую в рамках инициированной на биофаке МГУ легальной кампании за “демократизацию ВЛКСМ”). Лидером “Инициативной группы” наряду с А. Исаевым стал будущий лидер и теоретик КАС Александр Шубин.

В мае 1987 г. эти структуры преобразовались в Историко-политический клуб “Община” – неформальную легальную организацию периода перестройки, уже не скрывавшую своей левацкой ориентации. В августе 1988 г. “Община” была преобразована в АСФ, который в сентябре 1988 г. был переименован в Союз независимых социалистов (СНС), а в январе 1989 г. – в КАС. КАС стала крупнейшей и известнейшей организацией леворадикалов периода перестройки.

В 1978 г. в Москве в подполье старшеклассниками была создана организация “Отряд имени Че Гевары” (лидеры – Леонид Наумов, Евгений Маркелов, Евгений Васильев). “Отряд” ориентировался на идеи “революционного марксизма” в духе Ф. Кастро, Э. Че Гевары и Р. Дебре, а также на идеи французских и американских “новых левых”. В том же 1978 г. “Отряд” внедрился в легальное неформальное педагогическое коммунарское движение, большинство членов отряда поступили затем в МГПИ, где организация численно выросла. “Отряд им. Че Гевары” представляет собой редкий случай нераскрытой подпольной левацкой группы – в основном потому, что “Отряд” не вел активной антиправительственной работы, а задачи устной агитации и численного роста удавалось решать в рамках легальной структуры – коммунарского движения. В 1986 г. “Отряд им. Че Гевары” был преобразован в неформальную педагогическо-интернационалистскую группу “Лесной народ” (лидеры – Л. Наумов, Е. Маркелов, Ольга Хрипякова), ориентированную идеологически на взгляды “новых левых” (“Лесной народ” – название британской группы “новых левых”). В 1987 г. “Лесной народ” вошел во ФСОК, а в 1989 г. большинство лидеров и активистов “Лесного народа” в индивидуальном порядке вступили в КАС.

В 1983 г. в Перми возникла подпольная “Группа продленного дня” (ГПД) во главе с Борисом Ихловым. Несколько странное название группы было взято из темы работы В.И. Ленина “Очередные задачи Советской власти”: социализм – это когда каждый после отработанного 6-часового урока начинает заниматься государственной деятельностью²¹. В 1985 г. группа создала филиал в Москве (на физическом факультете МГУ), а в 1986 г. преобразовалась в Союз Коммунистов. В 1988 г. группа попала в “разработку” КГБ, после чего вышла из подполья и стала предшественником антисталинистского “пролетаристского” Общественно-политического объединения “Рабочий” (ОПОР). Идеология ГПД – Союза Коммунистов представляла собой соединение классического марксизма с отдельными положениями троцкизма и анархо-синдикализма. Лидер и теоретик ГПД Б. Ихлов в настоящий момент является лидером и теоретиком ОПОР.

Левые группы 70-х – 80-х гг. и современное левое движение

Прослеживается связь между левыми группами 70-х – 80-х гг., чья деятельность не являлась подпольной, но вызвала к себе интерес и последующие санкции КГБ, и леворадикалами 80-х – 90-х гг. Так, в 1983–1984 гг. в Иркутском государственном университете им. А.А. Жданова группа студентов (называвших себя “новыми коммунистами”) во главе с Игорем Подшиваловым, Игорем Переваловым и Михаилом Дроновым выпускала альманах “Свеча”. Издание этого альманаха было признано “идеологически вредным” (в альманахе были опубликованы статьи И. Подшивалова, пропагандирующие анархизм), И. Подшивалов был отчислен из университета²². Впрочем, еще в 1980–1982 гг. И. Подшивалов выпустил 9 номеров рукописного альманаха “Архивариус”, на страницах которого рекламировал идеи анархизма, а в 1982 г. создал анархистский кружок из 4 человек, называвшийся “Федерацией иркутских анархистов-коммунистов”. Кружок сам собой развалился вскоре после создания²³. Уже в 1988 г. И. Подшивалов и другие бывшие участники альманаха “Свеча” основали в Иркутске Социалистический клуб и возобновили издание “Свечи” (с № 2 – журнал Социалистического клуба). Социалистический клуб стал одним из предшественников КАС, а И. Подшивалов – одним из видных лидеров КАС в Сибири.

В 1984 г. в Москве была создана “Интербригада имени Эрнесто Че Гевары” (не путать с “Отрядом им. Че Гевары”!). “Бригада” была создана легально по типу существовавших официально интерклубов (вроде действовавшего при Московском городском Дворце пионеров Интерклуба “Эпоха”, участники которого впоследствии (в 1986 г.) создали неформальную левую группу “Юные коммунары-интернационалисты” (ЮКИ) во главе с Андреем Бабушкиным, вошедшую в 1987 г. во

ФСОК) группой советских студентов и школьников и несколькими латиноамериканскими студентами левых убеждений, учившимися в СССР. “Бригада” откровенно ориентировалась на идеи “новых левых” и “революционного марксизма” в духе Э. Че Гевары и других теоретиков партизанской борьбы и поддерживала контакты с партизанскими движениями в странах Латинской Америки – с Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО) в Никарагуа, Фронтом национального освобождения им. Фарабундо Марти (ФНОФМ) в Сальвадоре, Патриотическим фронтом им. Мануэля Родригеса в Чили, Левым революционным движением (МИР) в Перу, Национальным революционным единством Гватемалы. Показательно, что минимум один член “Бригады им. Э. Че Гевары” стал впоследствии партизаном “Сендеро Луминосо” и минимум еще один – партизаном Революционного движения им. Тупак Амару (МРТА) в Перу.

Власти относились к деятельности “Бригады” с подозрением, активистов “Бригады” вызывали в КГБ для “бесед”, “Бригаду” трижды лишали помещения, МГК ВЛКСМ пытался несколько раз ликвидировать “Бригаду”. Лидерами “Бригады” были Наталья Селиванова (1954–1990), Галина Зайцева, Альберто Бенхамин де Пас (Перу) и Николай Муравин (1966–1996). В 1987 г. “Бригада” вошла во ФСОК, а в 1989 г. большинство активистов “Бригады” вошло в КАС, причем Н. Муравин занял видное место в Московской организации КАС.

В конце 70-х – начале 80-х гг. в целом в молодежной среде, например Москвы, сложился своеобразный полуподпольный мир, напоминавший времена, предшествовавшие появлению народнических организаций в России в XIX в. В этом полуподпольном мире причудливо переплетались различные группы, движения и течения (от вполне легальных до подпольных) и, по сути, культивировались идеи революционного романтизма и левого радикализма. Центрами притяжения в этом мире были коммунарское движение, с одной стороны, и Система (сообщество хиппи) – с другой.

Коммунарское движение было удивительным феноменом общественной жизни СССР периода “оттепели”. Это неформальное педагогическое движение, основанное на экспериментальных методиках, выработанных в 1957 г. доцентом Ленинградского института педагогики и психологии им. А.И. Герцена Игорем Ивановым и внедренных в практику первоначально в Ленинграде Фаиной Шапиро, в 60-е гг. распространилось почти на всю страну (крупнейшими центрами коммунарского движения были Москва, Ленинград, Челябинск, Свердловск, Тула, Воронеж, Харьков, Киев, Донецк, Одесса, Минск, Петрозаводск), воспитало несколько поколений педагогов-энтузиастов и охватывало во времена расцвета (середина 60-х гг.) десятки тысяч школьников и подростков. Пропагандистом коммунарских идей был известный писатель и педагог Симон Соловейчик (1930–1996). В методическом плане коммунарское движение совмещало элементы движения скаутов, педагогики творчества, групповой психотерапии и развивающей игры. В идеологическом плане коммунарское движение совмещало идеи “раннего Маркса” с идеями романтического революционаризма и экзистенциалистского гуманизма. До 1969 г. власти смотрели на коммунарское движение сквозь пальцы (а зачастую благосклонно), в 1969 г. Советская власть осознала, наконец, что коммунарское движение превращается в опасного идеологического и практического конкурента ВЛКСМ – и последовал прямой запрет коммунарского движения. После 1969 г. коммунарское движение существовало полуполюгально – в виде самостоятельных педагогических образований, поддерживавших между собой активные горизонтальные связи. Коммунистическая ориентация спасла движение от прямых и жестких репрессий властей²⁴.

В младшем поколении коммунарского движения в марте 1977 г. сложилась неофициальная структура, негласно претендовавшая на идеологическое руководство движением – “Комбриг” (Ольга Мариничева, Валерий Хилтунен, Александр Морозов, Александр Фурман и др.), который через “Комсомольскую правду” (в статьях О. Мариничевой, В. Хилтунена, А. Морозова и отчасти С. Соловейчика) пропагандировал идеи романтического революционаризма. “Комбриг” рассматривал себя как коммунистический левооппозиционный центр, революционизирующий молодежную среду. В кругах “Комбрига” в 1978–1979 гг. Андреем Совельевым была разработана даже доктрина “коммунарской революции”. Период максимального влияния “Комбрига” приходится на рубеж 70-х – 80-х гг.

Левые группы 70-х – 80-х гг. и современное левое движение (2)

Одновременно сложилось несколько похожих кружков среди хиппи. Хиппи (Система) и без того были порождением “молодежной революции” 60-х гг. и сами это понимали и воспринимали себя как часть контркультуры, но и внутри Системы сложилось несколько групп, лидеры которых активно

и целенаправленно пропагандировали леворадикальные идеи (в основном – “новых левых”, реже – анархистские) и распространяли соответствующую литературу. В первую очередь, это был кружок, объединившийся вокруг Александра Подберезского (“Сталкера”) (1959–1993), автора известных манифестов хиппи (“Манифест Сталкера”, “Манифест Сталкера, Генерала и Воробья”), установившего, в частности, контакты с журналом “Поиски”, с одной стороны, и с коммунарским движением – с другой. Во времена перестройки А. Подберезский выступил в печати как активный пропагандист идей, основанных на синтезе анархизма, радикального экологизма, взглядов “новых левых” и концепций контркультуры²⁵. Еще одна такая группа сформировалась вокруг Бориса Фрумкина (“Фроси”) и еще одна – вокруг Александра Рубченко (“Рулевого”), ставшего впоследствии активистом диссидентской Группы за установление доверия между Востоком и Западом (группы “Доверие”) и играющего в настоящее время заметную роль в леворадикальных кругах Нью-Йорка.

В той же среде активно функционировала группа, называвшая себя Клуб “Антарес”, которая была создана в 1975 г. школьниками Ильей Смирновым и Григорием Лойферманом. “Антарес” считал себя, видимо, подпольной революционной организацией, но действия его носили демонстративно вызывающий характер (вплоть до официальных предложений МГК ВЛКСМ о проведении факельных шествий) и очень рано приобрели окраску контркультурных художественных акций (в “Антаресе” вскоре образовалось чисто художественное крыло – группа “Мухоморы” во главе с Константином Звездочетовым и Сергеем Мироненко). Члены “Антареса” восторженно относились к Э. Че Геваре, “Красным бригадам” и “Роте Армее Фракцион” (РАФ)²⁶. В 1977 г. “Антарес” установил тесные контакты с “Комбригом” и вообще в коммунарском движении, а также с хиппи, в 1978 г. И. Смирнов завязал контакты с кругами религиозной оппозиции (Александр Огородников и др.) и – через довольно загадочную фигуру левого полуподполья конца 70-х Бориса Исайко (бывшего члена ЦК ЛКСМ Молдавии, пытавшегося объединить все подпольные и полуподпольные группы в единую антиправительственную организацию) – с о. Дмитрием Дудко. Впрочем, в 1978–1979 гг. деятельность “Антареса” сошла на нет. Это было связано с тем, что И. Смирнов летом 1978 г. в узком кругу (члены “Комбрига” А. Морозов, А. Фурман, руководитель подросткового клуба в Обнинске Сергей Шапошник, Б. Исайко и Валентин Юмашев – в настоящее время глава Администрации Президента Российской Федерации) зачитал свой труд, посвященный сравнительному анализу стилей В.И. Ленина и Л.И. Брежнева. Вскоре этот текст был конфискован КГБ у задержанного на улице Б. Исайко, И. Смирнов был вызван в КГБ, где ему угрожали помещением в спецпсихбольницу. И. Смирнов свернул деятельность “Антареса” (во всяком случае, внешне фиксируемую), но впоследствии стал известной фигурой в контркультурных кругах – соиздатель журналов “Ухо” и “УР Лайт”. В том же 1978 г. в коммунарское движение внедрился, не раскрывая себя, “Отряд им. Че Гевары”, установивший также отношения с “Антаресом”.

Параллельно в конце 70-х гг. вышедшие из спецпсихбольниц лидеры НКПС (А. Тарасов и И. Духанов) совместно с не провалившимися лидерами НКПС (Н. Магнат, О. Бараш), не раскрывая себя, активно устанавливали контакты в той же среде и вербовали новых членов (решение о прекращении деятельности НКПС было принято лишь в январе 1985 г.). Так, член НКПС Сергей Трубкин внедрился в коммунарское движение, завязал тесные контакты с “Комбригом” и “Антаресом” и даже “раскрыл” “Отряд им. Че Гевары”. Он же установил тесный контакт с А. Подберезским (“Сталкером”). В. Минорский внедрил в “Антарес” (в группу К. Звездочетова) своего агента – нераскрытого КГБ члена НКПС. НКПС установил контакты с Б. Фрумкиным и его кружком, а также с А. Стасевичем, членом ленинградского Союза революционных коммунаров (СРК). На контакты с НКПС самостоятельно выходили Б. Исайко и Р. Сафронов (от лица “Молодежи за коммунизм”).

Общая замкнутость подпольных и полуподпольных леворадикалов начал 80-х гг. на педагогическом коммунарском движении сделала неизбежным превращение педагогических институтов (МГПИ им. В.И. Ленина в Москве, ЛГПИ им. А.И. Герцена в Ленинграде и т.д.) в центры зарождения леворадикального движения в период перестройки. В педвузах учились активисты группы “Молодежь за коммунизм”, костяк будущей Анархо-синдикалистской свободной ассоциации (АССА), лидеры будущего “Союза максималистов”, И. Борисенкова-Орлова – лидер Кировской группы НКПС, Галина Тюкавкина – лидер Днепропетровской группы НКПС и др. В МГПИ училось большинство членов “Отряда им. Че Гевары”, большинство членов ОК ВРМП, переросшего затем в “Общину” и КАС, лидер “Антареса” И. Смирнов, многие лидеры и активисты НКПС (Н. Магнат, О. Бараш, А. Тарасов, С. Трубкин и др.).

Аналогичную московской картину формирования в конце 70-х – начале 80-х гг. достаточно широкого полуподпольного мира, который повлиял на возникновение леворадикального движения в

эпоху перестройки, можно проследить и на примерах, как минимум, Ленинграда, Челябинска и Свердловска (не делается из соображений экономии места).

Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г.

Современное леворадикальное движение берет начало в первых годах перестройки (в 1986–1987 гг.). В этот период нелегальные левые группы выходят из подполья и преобразуются в полуполигальные и легальные, зачастую меняя название, а иногда и ориентацию: ОК ВРМП преобразуется в 1986 г. в Студенческий дискуссионный клуб МГПИ, которые в 1987 г. превращается в Клуб “Община” – готовое ядро будущей КАС; “Отряд им. Че Гевары” в 1986 г. преобразуется в “Лесной народ”; ГПД в 1986 г. преобразуется в Союз Коммунистов и в 1988 г. выходит из подполья. Одновременно в СССР возникает и расцветает так называемое неформальное движение, в которое леворадикалы органично вписываются.

Показательно, что в этот период из четырех леворадикальных тенденций на общественной арене СССР присутствуют только две: анархисты и “пролетаристы”. Троцкистские группы появляются лишь в 1990 г. – как результат целенаправленных действий зарубежных эмиссаров, а организации “новых левых” возникнут уже после августа 1991 г.

Преобладающей тенденцией этого периода было осознание леворадикалами себя как части общего демократического движения (или, возможно, даже шире: общего неформального – тогда в это понятие включали не только политических неформалов, но и неполитических: хиппи, панков, металлистов, рок-фанатов, футбольных фанатов, байкеров и т.п.). Соответственно леворадикалы активно взаимодействовали с другими неформальными группами – вплоть до национал-патриотов (основатель и председатель национал-патриотического общества “Отечество” Аполлон Кузьмин был профессором исторического факультета МГПИ и учителем всех лидеров КАС; влияние идей А. Кузьмина можно обнаружить в журнале КАС “Община”²⁷) – и, в то же время, не выпячивали своих “левацких” взглядов. Поскольку подавляющее большинство неформалов камуфлировалось в то время под сторонников “социализма с человеческим лицом” (что облегчало отношения с властями), такая позиция казалась всем естественной.

Вообще, надо учитывать, что общедемократическое движение в первый период перестройки состояло (или объявляло себя) в основном из сторонников “социалистического либерализма” (т.е. “советских либералов”, ориентированных на идеалы “оттепели” и близкие к еврокоммунизму концепции, звучавшие вполне в духе установок М.С. Горбачева на демократизацию и либерализацию общественной и партийной жизни). Лишь незначительная часть общедемократического движения прямо заявляла о себе как о сторонниках не “советского либерализма”, а либерализма западного образца (семинар “Демократия и гуманизм”, группа “Гражданское достоинство”, чуть позже – Демократический Союз). Ниже эти группы и система их ценностей будут именоваться “буржуазно-либеральными”. Интересно, что в процессе перестройки буржуазно-либеральное крыло общедемократического движения почти полностью распропагандировало, ассимилировало и поглотило “советских либералов”.

Успешнее прочих леворадикалов мимикрировали анархисты – будущие основатели КАС. На стадии Студенческого дискуссионного клуба будущие касовцы практиковали, например, такую форму деятельности, как “политбой” (собственно в МГПИ и с выездом в другие вузы), на которых, разбившись на группы, участники излагали аудитории, например, взгляды разных направлений социалистической мысли (“советский марксизм”, “югославский самоуправленческий социализм”, еврокоммунизм, маоизм, анархо-синдикализм и т.д.), а затем, после дискуссии, вместе с залом приходили к благонамеренному выводу, что советская модель – самая лучшая. “Община” активно занималась проектом “демократизации ВЛКСМ” в духе горбачевской перестройки (“Демократическая фракция в ВЛКСМ”), что предполагало постоянные легальные позитивные контакты с властями. В то же время “Община” успешно взаимодействовала, например, с буржуазно-либеральной группой “Гражданское достоинство” – и даже провела совместно с ней демонстрацию 28 мая 1988 г. (от Большого театра на Пушкинскую площадь), положившую начало серии подобных мероприятий. В качестве другого примера такого же рода можно привести Социалистический клуб в Иркутске, созданный в июле 1988 г. Игорем Подшиваловым и его товарищами-анархистами. Программный документ клуба – “Общественный договор” удивительным образом совмещал в себе анархистские требования (безгосударственное общество) с буржуазно-либеральными (многопартийная система, рыночная экономика, независимые профсоюзы), а в сам клуб вошло до 80

человек, причем анархисты оказались в явном меньшинстве и даже вынуждены были вскоре создать внутри клуба свою фракцию²⁸.

Фактически леворадикалы в тот период выступали как “группа поддержки” слева антиправительственного буржуазно-демократического движения, солидарно борющаяся с единым врагом – диктатурой КПСС. Подобное положение длилось до 1991 г. – и осознавалось большинством лидеров, например КАС, как естественное. Лидер и идеолог КАС Андрей Исаев даже в 1990 г. называл анархистов “либералами среди социалистов и социалистами среди либералов” и пояснял: “Каждый раз, когда мы разговариваем с представителями соцпартий, они соглашаются с нами по поводу идей справедливости, равенства... А в разговоре с либералами мы солидарны, когда речь идет о приоритете прав личности над государством, о свободе, рыночных отношениях... Как идея социализма и братства, так и идея либерализма и свобод – обе для нас ценны”²⁹.

Исключением из общего правила можно было считать разве что “Союз максималистов”, анархистскую группу, созданную зимой 1988 г. в Ленинграде Дмитрием Жвания. Группа рассматривала себя как нелегальную, но фактически действовала полулегально, распространяла анархистскую литературу, вела листовочные кампании. В конце 1989 г. “Союз максималистов” был переименован в “Анархо-коммунистический революционный союз (максималистов)”, который в марте-апреле 1989 г. вразрез с общей практикой анархистов того периода выпустил относительно большим тиражом листовки с призывом к “вооруженному бойкоту выборов в Верховный Совет СССР”. Листовки распространялись в Ленинграде и Риге, по этому делу КГБ было возбуждено следствие. В процессе общения со следователями КГБ организация распалась.

В целом же в неформальных кругах вплоть до 1991 г. (а большинством рядовых анархистов, как минимум, до 1989 г.) плохо осознавалось, что неформалы-анархисты выступают против власти КПСС *слева*, в отличие от большинства неформалов. Во всяком случае, когда ИПК “Община” в июле 1988 г. вышла из Московского Народного Фронта (МНФ) под тем формальным предлогом, что программа МНФ “излишне социалистична”, это не вызвало ни удивления у большинства других неформальных организаций, ни протестов внутри самой “Общины”.

Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (2)

Подобно анархистам антисталинисты-“пролетаристы” активно взаимодействовали в тот период с общедемократическим движением. Союз Коммунистов в Перми вместе с “Мемориалом”, пермским отделением Клуба социальных инициатив (КСИ) и Экологическим комитетом создал клуб “Диалог”, а затем участвовал в создании Клуба избирателей и т.д. Но, в отличие от анархистов, Союз Коммунистов уже в 1989 г. пришел к выводу, что у рабочего движения есть собственные, отличные от общедемократического движения, интересы – и начал медленно, но верно дистанцироваться от общедемократического движения. Союз Коммунистов решил взаимодействовать с общедемократическим движением лишь в тех акциях, которые заведомо не были направлены против интересов рабочего движения, и сосредоточился на конкретной социальной работе (начиная с восстановления уволенных рабочих активистов и кончая участием в “табачных бунтах” на Урале в июле-августе 1990 г.)³⁰.

Союз Коммунистов отличался от анархистов изначально более высоким уровнем теоретической подготовки, развитой способностью к абстрактному мышлению у лидеров и более четко выраженным классовым подходом. Уже в 1989 г. лидеры Союза Коммунистов пришли к выводу, что “КПСС является в настоящее время единственной организацией, которая реализует экономические связи по вертикали. В отсутствие массовых рабочих организаций устранение этой структуры не принесет ничего, кроме ее замены на подобную”³¹. Естественным следствием такого вывода была установка на опору на собственные силы, на размежевание с общедемократическим движением и – в потенции – на противостояние постсоветскому режиму.

В 1988 г. наступил период массового выплода анархистских организаций: в Иркутске был создан Социалистический клуб, в Ленинграде – Анархо-синдикалистская свободная ассоциация (АССА), в Харькове – анархистские группы “Шанс” и “Ноябрь”, и т.д. Одновременно “общинники” впервые открыто заявляют о себе как об анархистах и начинают именно по этому принципу искать контакты в других городах по каналах ФСОК. В начале 1988 г. “Община” предприняла первую попытку учреждения общесоюзного анархистского объединения – Всесоюзного общества любителей анархизма в неформальном движении (ВОЛАНД) и поехала с этой целью в Псков, где якобы существовала созданная известным псковским хиппи Валерием Никольским (“Юфо”) огромнейшая и

мощнейшая анархистская организация. Поскольку таковая найдена не была, ВОЛАНД так и не учредили³². Но уже в августе 1988 г. подобное объединение было создано – “Альянс социалистов-федералистов” (АСФ; сам термин “социалисты-федералисты” использовался “общинниками” тогда, когда они опасались прямо говорить о себе как об анархистах). Структура АСФ была использована “Общиной” для внедрения анархистских взглядов в другие неформальные левые и левацкие группы, объединившиеся в АСФ (“Лесной народ”, ленинградская группа “Спасение”, куйбышевская “Перспектива”, рязанская “5 июня”; кроме того, в АСФ вошла подставная “общинная” группа “Альянс” – в реальности школьная секция “Общины”). Поскольку в АСФ в индивидуальном порядке вошли и представители других групп, состоявших во ФСОК (“Алый парус”, ЮКИ, “Бригада им. Че Гевары” и др.), “Община” смогла анархизировать значительную часть ФСОК и в будущем поглотить часть этих групп.

В том же году вышел из подполья Союз Коммунистов – и стал межгородской организацией (отделения в Перми, Чебоксарах, Орджоникидзе, Ликино-Дулево Московской обл. и Нытве Пермской обл.).

В 1989 г. наблюдался расцвет анархистского движения, возникли многочисленные мелкие группы, вскоре ассимилированные в Конфедерацию анархо-синдикалистов – КАС (в КАС в начале 1989 г. был преобразован Союз независимых социалистов, как с сентября 1988 г. именовала себя АСФ); появилось большое число анархистских изданий (“Воля”, “Черное знамя”, “Набат”, “Кенгуру”, “Частное лицо”, “КАС-КОР”, “Новый свет”, “Голос анархии” и многие др. – в то время как в конце 1987 г. существовал только журнал “Община”); были созданы (после I съезда КАС в мае 1989 г.) упорядоченные во всесоюзном масштабе структуры анархистского движения; зародилась мода на анархизм в молодежной среде (на уровне подростковой субкультуры).

Но все же в тот период анархистские группы отличались от других неформалов разве что почти поголовно молодежным составом (присутствие на I съезде КАС ветерана рабочего движения, активного участника Новочеркасских событий 1962 г., необольшевика Петра Сиуды вызвало у членов КАС такой восторг и уважение к себе, что на этом факте специально акцентировалось внимание в прессе КАС³³), повышенной ажитированностью и восприятием себя в героическом ореоле, выдающейся даже для неформалов теоретической безграмотностью и склонностью к частым переименованиям и звучным аббревиатурам. (Последние две тенденции закрепились в анархистском сообществе – см., например, бесконечные переименования петроградских анархистов; в области аббревиатур наследниками сокращений ВОЛАНД и АССА были МАКИ АДА, МРАК, СРАМ, ФАК, ЕЛДА и т.д.).

Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (3)

В 1990 г. стал очевиден рост численности леворадикалов, улучшилась их теоретическая подготовка, увеличилось число организаций, обогатился идеологический спектр. Во-первых, была создана леворадикальная “пролетаристская” организация – ОПОР, во-вторых, возникли многочисленные троцкистские группы – “Революционные пролетарские ячейки” (РПЯ), “Комитет за рабочую демократию и международный социализм” (КРДМС), “Комитет за советскую секцию IV Интернационала”, “Интернациональная коммунистическая лига (IV Интернациональная)”, в-третьих, чрезвычайно усложнилась картина анархистского мира – частью за счет расколов, но в основном за счет создания новых групп и массового притока новых членов в старые. В КАС, например, в Москве начался массовый наплыв новых членов после многотысячных митингов неформалов февраля-марта 1990 г., особенно – после митинга 4 марта. Прошел “Ленинский призыв в КАС”, когда в Ленинской аудитории МГПИ в один день в КАС приняли 30 новых членов. Позже лидеры КАС вспоминали этот период с нескрываемым ужасом, так как обнаружилось, что они понятия не имели, чем занять неопитов. В этот период численность КАС достигала 1200 человек, что является абсолютным рекордом для анархистских организаций в СССР/России. Впрочем, численность ОПОР к концу 1990 г. поднялась до 2500 человек, но надо отметить, что в ОПОР иногда рабочие вступали целыми цехами.

Но одновременно внутри наиболее процветающей ветви леворадикалов – в анархистском движении – с 1989 г. начали подспудно нарастать кризисные явления.

Это было неизбежно, поскольку в рядах КАС, объединившей почти всех анархистов на территории СССР, оказались помимо анархо-синдикалистов анархо-коммунисты, анархо-демократы, анархо-индивидуалисты, анархо-пацифисты, а также большое число лиц, имевших вообще самые дикие и экзотические представления о теории и практике анархизма (чего стоит один Николай

Озимов, анархо-мистик, язычник и колдун из Черкасс, отсидевший за организацию банды, побывавший в психбольнице за убийство родного брата и зарабатывающий на жизнь лечением женщин от *всех* болезней платными сеансами секса на кладбище или на перекрестке трех дорог в полночь!³⁴).

Украинские анархисты (из Днепропетровска и Запорожья) резко критиковали линию руководства КАС (т.е. Московской организации КАС во главе с Андреем Исаевым и Александром Шубиным) уже в октябре 1989 г. Если вникнуть в суть конфликта, обнаруживается, что украинцы и москвичи принадлежали к совершенно разным течениям анархизма: москвичи были прудонистами, а украинцы – анархо-коммунистами.

В 1990 г. идеологические противоречия внутри КАС достигли предела. С одной стороны, лидеры КАС (МО КАС, поддержанное И. Подшиваловым) настойчиво пытались провести линию на превращение КАС в *чисто* анархо-синдикалистскую организацию (при этом А. Исаев, например, вовсе не имел в виду исключение из КАС всех несиндикалистов, а, напротив, “капитуляцию” всех “неправильных” анархистов и переход их на платформу анархо-синдикализма). С другой стороны, несиндикалистские группы и члены, входившие в КАС, стали активно сопротивляться “синдикалистскому диктату”. В результате КАС потрясла серия скандалов и расколов. Весной 1990 г. из КАС вышли Анархо-коммунистический революционный союз (АКРС) и АССА (значительная часть членов АССА, вышедшая из КАС, к III съезду КАС (3–4 ноября 1990 г.) вернулась в КАС, но уже 7–8 ноября 1990 г. последовал окончательный разрыв между АССА и КАС). Показательно, что крайне правая часть анархистов – входившие в АССА анархо-демократы (последовательные сторонники неолиберализма, распространявшие этот неолиберализм, в отличие от Р. Рейгана и М. Тэтчер, из области экономики в область политики – то есть до полного отрицания государства), объединившиеся в Анархо-демократическую секцию (АДС, позднее – Анархо-демократический союз), вышли в апреле 1990 г. из АССА и остались в КАС. В том же году возникли анархистские организации, принципиально не входившие в КАС, – Московский Союз Анархистов (МСА), Анархо-радикальное объединение молодежи (АРОМ), Альянс Казанских Анархистов (АКА) и др. В июле 1990 г. эти группы и многие другие объединились в довольно аморфную всесоюзную организацию – Ассоциацию движений анархистов (АДА), единственной целью которой было противостояние КАС в анархистском мире.

В тот период происходящее еще не осознавалось анархистами как кризис, поскольку расколы и острая полемика между анархистами сопровождалась ростом рядов и ростом числа анархистских организаций.

Среди других причин кризиса 1990 г. отметим рост теоретической грамотности анархистов. В результате настойчивых требований лидеров КАС А. Исаева и А. Шубина анархистская масса стала (хотя и нехотя) изучать классиков. Журнал “Община” и лекции А. Исаева перестали быть единственным источником знаний по теории анархизма. Быстро выяснилось, что существуют резкие противоречия между “анархизмом по Исаеву” и аутентичными взглядами М. А. Бакунина, П.А. Кропоткина и других анархистских классиков. Особенно жесткая полемика развернулась по такому основополагающему вопросу, как рыночные отношения, поскольку выяснилось, что Бакунин был, конечно, антирыночником. А. Исаеву не удалось внятно объяснить оппонентам, почему он искажил взгляды Бакунина на рыночные отношения, а смелости признаться в том, что он подменил Бакунина Прудонем (Прудона остальные анархисты в подавляющем большинстве не читали) у Исаева не нашлось. В результате московское руководство КАС подорвало свой авторитет теоретиков, до того момента почти незыблемый.

Одновременно возникло напряжение между “центром” и “регионами”. На I съезде КАС были приняты только Организационный договор и первая часть Программного документа КАС (объемом в 1/7 общего текста документа), другие 6/7 текста приняты не были, но были включены МО КАС в текст принятого на съезде Программного документа и в таком виде воспроизводились и распространялись. Это вызвало протесты в провинции, подозрения и обвинения в адрес МО КАС и ее лидеров – и быстро отравило первоначально доверительную атмосферу в организации.

Леворадикалы в СССР: с начала перестройки по август 1991 г. (4)

Другой причиной кризиса КАС стало недовольство значительной части анархистов ориентацией руководства на блок с общедемократической (буржуазно-либеральной) оппозицией, что фактически превращало анархистское движение в “охвостье” буржуазных демократов. С точки зрения чистоты анархистской теории, а также собственных интересов, потребностей и задач

анархистского движения, это недовольство было оправданным. Однако недовольные “оппортунизмом внутри КАС” рядовые анархисты не осознавали того, что, во-первых, идеи анархизма вовсе не были так популярны в “широких слоях трудящихся”, как они это себе представляли, во-вторых, что состав анархо-движения (преобладание в нем индивидуумов, принадлежащих к божемному социокультурному типу – и потому неспособных к длительной рутинной целенаправленной работе) не позволял ему выступить в качестве равноправной альтернативной общедемократическому движению силы, и, в-третьих, что и сами они не могут предложить “массам” никакой программы, более привлекательной, чем “оппортунизм” вождей КАС. Однако сама критика официальной доктрины КАС была одной из причин радикализации анархистского мира.

Под влиянием критики “слева” руководство КАС было вынуждено на III съезде КАС дистанцироваться от буржуазных либералов и заявить о “категорическом неприятии” позиции руководства “Демократической России” и “национально-авторитарных организаций”, но на окончательный разрыв с общедемократическим движением не пошло³⁵. Лишь на IV съезде КАС (май 1991 г.) А. Исаев объявил об окончательном отделении КАС от общедемократического движения и назвал “Демократическую Россию” в числе противников КАС. Но было уже поздно. Большинство недовольных покинуло КАС и вошло в АДА. Деятельность и КАС, и АДА в значительной степени сосредоточилась на взаимной полемике и противоборстве, что само по себе было явным свидетельством кризиса в анархо-движении.

В том же русле лежала и полемика вокруг выборов. Традиционно анархистские концепции отрицают буржуазную представительную демократию и “парламентские игры”. Однако МО КАС попыталась провести своего кандидата (А. Исаева) в “парламент” (на Съезд народных депутатов). После того, как депутат от КАС не был зарегистрирован, КАС – в строгом соответствии с анархистской доктриной – призвал население к отказу от участия в выборах как в “беспринципном государственном фарсе”³⁶. Наученные горьким опытом, лидеры КАС призвали в ноябре 1989 г. независимые общественные организации и избирателей игнорировать выборы в Верховный Совет РСФСР и сосредоточиться на выборах в местные органы власти³⁷. В результате КАС провела депутатов в местные Советы в Новокуйбышевске, Томске-7 (Северске), Хабаровске и Харькове (в Харькове Игорь Рассоха даже стал депутатом облсовета). А. Исаев выборы в Москве проиграл. Подобная линия КАС была подвергнута жесткой критике “снизу” и “слева” как “вхождение в государственные структуры власти”, “предательство принципов анархизма”, “вождизм”, “оппортунизм”, “беспринципность” и пр. Полемику инициировал Д. Жвания³⁸ – и дело сразу дошло, например, в Ленинграде, до ультиматума со стороны Анархо-коммунистического революционного союза (АКРС) в адрес лидера АССА Петра Рауша, намеревавшегося выставить свою кандидатуру на выборах в Ленсовет³⁹. Будущее показало, что анархисты от участия в местных органах власти ничего не выиграли, большинство прошедших в депутаты членов КАС оказались вскоре для анархистского движения потерянными.

В 1990 г. намечилось откровенное противостояние внутри МО КАС между “стариками” и “молодыми”. “Молодые” (некоторые из них, впрочем, были моложе “стариков” лишь на 2–3 года) – выходцы из “Альянса” и находившиеся под влиянием КАС Союза учащейся молодежи (СУМ) – создали т.н. Беспартийную школу, которая стала центром левой оппозиции “обюрократившимся” вождям КАС. Конфликт вылился в исключение из КАС в феврале 1991 г. ведущих активистов Беспартшколы Максима Кучинского и Евгении Бузикошвили – с последующим выходом из КАС в знак солидарности с ними Дмитрия Костенко. Д. Костенко и Е. Бузикошвили уже весной 1991 г. оказались в числе основателей анархо-коммунистической группы Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), а М. Кучинский – в числе основателей Анархического молодежного фронта (АМФ). По общему мнению ветеранов КАС, история с исключением из КАС Е. Бузикошвили и М. Кучинского произвела на членов КАС тяжелое моральное впечатление.

С конца 1990 г. анархистское движение вошло в полосу кризиса, преодолеть который так и не удастся. Наиболее тяжелый кризис поразил КАС. Уже осенью 1990 г. перестает регулярно выходить журнал КАС “Община” (героические попытки Влада Тупкина возродить “Общину” то как орган КАС, то как просто “анархо-синдикалистский журнал” успехом не увенчались). В конце 1990 и в 1991 г. из КАС наблюдалось все более массовое бегство членов – зеркальная копия притока членов в КАС в конце 1989 – начале 1990 г.

Разочарование в традиционных вариантах леворадикальной идеологии (в анархизме) и в практике анархистского движения активизировало – не без помощи эмиссаров с Запада – троцкизм в России. Можно сказать, что возникновение троцкистских групп отчасти связано с закатом анархизма.

Наиболее яркий пример такого рода – раскол АКРС Петрограда и превращения большинства членов АКРС в троцкистскую группу “Революционные пролетарские ячейки” (лидер – Д. Жвания).

В этом же ряду лежит возникновение весной 1991 г. Комитета культурной революции (ККР), предтечи первой организации “новых левых” в постсоветской России – Фиолетового Интернационала. Члены ККР считали себя анархистами, но на самом деле были типичными представителями “нового левого” движения, чьи взгляды сформировались в основном под воздействием теоретиков “новых левых” – Г. Маркузе, Э. Фромма, В. Райха, Ч. Рейха – и лишь отчасти под влиянием неонархизма Д. Кон-Бендита.

Леворадикалы в России: от распада СССР до весны 1997 г. История, практика, тенденции развития

Последовательная радикализация движения

Усиление радикальных тенденций среди леваков после августа 1991 г. лишь в незначительной степени можно связать с внутренними проблемами леворадикального сообщества и протекавшими в нем имманентными процессами. Безусловно, признаки неизбежной радикализации появились еще до распада СССР и были связаны с *кризисом КАС*.

Нет сомнения, что большинство анархистов, порвавших с КАС в 1990 – первой половине 1991 г., были настроены гораздо радикальнее официальной линии КАС. “Оппортунизм” КАС были причиной выхода из нее АКРС, причем в запале критики слева в адрес руководства КАС часть АКРС (во главе с Д. Жвания) так радикализовалась, что порвала вскоре и с АКРС и вообще с анархизмом и превратилась в троцкистскую группу (РПЯ). Даже АДА, созданная в 1990 г. по принципу объединения “всех, кто против КАС”, критиковала КАС именно слева, за отход от принципов анархизма в сторону буржуазной демократии. Вообще полемика между КАС и ее критиками слева была излюбленным чтением в анархистской среде в 1990–1991 гг.⁴⁰

Возникшие в 1990–1991 гг. вне КАС анархистские организации поголовно были безусловно более радикальны, чем КАС. Анархо-радикальное объединение молодежи (АРОМ), созданное в октябре 1990 г., просто было группой ориентированных на анархизм панков и хиппи, причем панки, как им и полагается, эстетизировали насилие. Не случайно первыми анархистами, осужденными по поводу, связанному с насилием, были члены АРОМ Алексей Родионов и Александр Кузнецов. Показательно также то, что лидер АРОМ Андрей Семилетников (“Дымсон”) участвовал в обороне “Белого дома” в сентябре-октябре 1993 г., а весной 1994 г. даже пытался создать (неудачно) профашистскую “Праворадикальную партию”⁴¹.

Ожесточеннейшим нападкам слева подвергалась КАС и со стороны Московского Союза Анархистов (МСА), отделившегося в мае 1990 г. от АКРС. Лидер МСА Александр Червяков так пугал своим радикализмом лидеров КАС, что те совершенно искренне считали его сумасшедшим. Впрочем, А. Исаев вообще всех критиков слева презрительно именовал “анархо-урлой”⁴².

Когда в весной 1991 г. исключенная за радикализм из КАС Е. Бузикошвили и добровольно вышедшие из КАС Д. Костенко и Вадим Дамье создали организацию под названием Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), всем в леворадикальном сообществе было очевидно, что это название содержит намек на то, что КАС – организация “неревolutionных анархистов”.

На этом чисто внутренние причины радикализации левацкого сообщества исчерпываются. Следующим важнейшим фактором радикализации было *“дело А. Родионова и А. Кузнецова”*.

Дело «Родионова – Кузнецова»

История “дела Родионова – Кузнецова” такова. 12 марта 1991 г. по инициативе Демократического Союза (ДС) перед зданием КГБ на пл. Дзержинского (Лубянской) состоялся митинг памяти жертв ВЧК – ГПУ – НКВД – МГБ – КГБ. Помимо других организаций в митинге участвовали представители МСА и АРОМ. После окончания митинга возвращавшиеся с него два члена АРОМ – 19-летние панки Алексей Родионов (“Параша”) и Александр Кузнецов (“Жопа”, он же “Кузя”, он же “Зеленый”) – и участвовавший в митинге гражданин Венгрии Иштван Зихерман были неожиданно атакованы двумя неизвестными в штатском. События происходили уже на значительном удалении от здания КГБ – в подземном переходе под ул. Горького (Тверской). Как впоследствии выяснилось, “неизвестные в штатском” были сотрудниками Отряда милиции особого назначения (ОМОН), имевшими, судя по всему, задание задержать А. Родионова, А. Кузнецова и И. Зихермана как участников митинга. Однако А. Родионов и А. Кузнецов оказали сопротивление (поскольку не

знали, что на них нападают омовцы) и, возможно, при этом пригрозили омовцам бритвой, но были задержаны и при задержании жестоко избиты. Избиения продолжались также в отделении милиции, причем носили такой зверский характер, что к арестованным в течение месяца не пускали никого, в том числе и адвокатов. Свидетели, видевшие А. Родионова и А. Кузнецова в отделении милиции, утверждают, что "на них живого места не было"⁴³. Факт зверского избиения А. Родионова и А. Кузнецова были вынуждены признать судебные власти (Дзержинский районный суд Москвы 20 февраля 1992 г.), и материалы по факту избиения были переданы для проверки в Главное управление внутренних дел (ГУВД) Москвы⁴⁴, где, естественно, "затерялись".

Между тем, обвинение выдвигало другую версию, согласно которой А. Родионов и А. Кузнецов сами немотивированно и неспровоцированно напали на сотрудников ОМОНа в штатском и нанесли им "телесные повреждения" перочинным ножом и бритвой (перочинный нож и бритва действительно принадлежали А. Родионову и А. Кузнецову и были добровольно ими выданы при аресте). Однако подтвердить на суде факт нанесения телесных повреждений, характерных для ножа и бритвы, обвинению не удалось⁴⁵.

В предварительном заключении, как стало известно, А. Родионов и А. Кузнецов подвергались систематическому жестокому обращению с целью получения от них нужных следствию показаний. От Иштвана Зихермана следователи путем систематических избиений добились нужных следствию – направленных против А. Родионова и А. Кузнецова – показаний, после чего он был освобожден из-под стражи и выехал в Венгрию летом 1991 г., оставив заверенное заявление, в котором отказывался от своих показаний на предварительном следствии, поскольку они были вырваны у него силой⁴⁶. Столкнувшись с подобными проблемами, следствие смогло подготовить дело к суду лишь осенью 1991 г., уже после падения власти КПСС (в августе 1991 г.).

Суд над А. Родионовым и А. Кузнецовым должен был состояться 24 сентября 1991 г. До суда акции в защиту А. Родионова и А. Кузнецова проводились в Москве в основном АРОМ, МСА и ДС. Однако к 24 сентября сведения о жестоком обращении с А. Родионовым и А. Кузнецовым стали достоянием широкой общественности. Ряд общедемократических и правозащитных организаций, так же как и анархисты, рассматривал это "дело" как фальсифицированное, а готовящийся процесс – как политический. Косвенным свидетельством того, что и власти рассматривали "дело Родионова – Кузнецова" как политическое, было содержание А. Родионова и А. Кузнецова в следственном изоляторе КГБ ("Лефортово"). Особое возмущение вызывало то, что при новой, антисоветской власти продолжались репрессии против тех, кто выступал против прежней власти – советской. Кроме того, анархисты бывшего СССР впервые столкнулись с систематическим жестоким обращением в тюрьме с единомышленниками (анархистами).

В результате перед зданием Дзержинского районного суда 24 сентября 1991 г. собралось 300 человек, устроивших пикет в защиту А. Родионова и А. Кузнецова. В пикете участвовали члены ДС из Москвы и Твери, анархисты из разных организаций Москвы, Тулы, Казани, Твери, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Балакова, Харькова и других городов, представители правозащитных организаций и даже члены Русского народно-демократического фронта – движения "Память" (лидер – Игорь Сычев). Но суд был перенесен на 26 сентября, а пикетчики провели демонстрацию и несанкционированный митинг у Моссовета.

26–27 сентября на суде А. Родионов и А. Кузнецов объявляют себя жертвами политических репрессий, а обвинение начинает "рассыпаться". В результате суд переносят на 30 сентября. На заседаниях свидетели, дававшие показания в пользу А. Родионова и А. Кузнецова, отвергались судом, а ходатайство защиты о вызове дополнительных свидетелей отводилось. Это вызвало усиление протестов и расширение числа анархистских организаций, проводивших акции в защиту А. Родионова и А. Кузнецова.

30 сентября судебное заседание, едва начавшись, было прекращено и перенесено на 24 октября. В ответ 7 октября началась голодовка протеста анархистов, к которой – после того как трое участников голодовки были доставлены в больницу – присоединились депутаты Моссовета и Верховного Совета. Это привело к 24 октября к изменению меры пресечения А. Родионову и А. Кузнецову – освобождению их из-под стражи под подписку о невыезде.

Между тем, в ходе совместных акций протеста происходило постоянное общение более радикальных анархистов с менее радикальными, что влекло за собой медленное преодоление неприязни и, вследствие этого, размывание идейной "чистоты" КАС, лидеры которой пытались третировать радикалов как "вульгарных анархистов". В результате оба крупнейших объединения анархистов – и АДА (на III съезде 19-20 октября 1991 г.), и КАС (на конференции в Санкт-

Петербурге 2–3 ноября 1991 г.) – приняли обращения в защиту А. Родионова и А. Кузнецова и решили бороться за их освобождение.

Особое возмущение у анархистов – что также содействовало росту радикальных настроений – вызвало замалчивание средствами массовой информации "дела Родионова – Кузнецова"⁴⁷.

10 февраля 1992 г. Дзержинский районный суд вынес обвинительный приговор по делу А. Родионова и А. Кузнецова. Они были осуждены на три года лишения свободы по ст.206, ч.3 УК РСФСР (хулиганство "с применением или попыткой применения огнестрельного оружия, либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений")⁴⁸. Обвинительный приговор был вынесен несмотря на то, что защите удалось доказать, что все основные следственные действия проведены с нарушением УПК и строго юридически виновность А. Родионова и А. Кузнецова обвинению доказать не удалось⁴⁹. Всего же, по словам адвоката Г. Агеевой, "в деле было столько нарушений УПК, что их хватило бы на десятки дел"⁵⁰.

Степень неприятия судебного решения анархистами разных направлений была уже одинаковой – и действия членов КАС ничем не отличались по уровню радикализма от действий их "экстремистских" товарищей. После оглашения приговора анархисты провели демонстрацию в центре Москвы, перекрыв уличное движение у Моссовета и организовав митинг на Советской площади. Митинг был разогнан ОМОНОм с применением дубинок, многие участники получили серьезные побои, 20 человек было задержано⁵¹.

Реакция на дело «Родионова – Кузнецова»

И "умеренные", и "радикальные" анархисты были возмущены как применением силы к демонстрантам, так и освещением событий в средствах массовой информации: "Два официоза – старый ("Правда") и новый ("Российская газета") поместили насквозь лживую информацию Центра общественных связей МВД России. "Московский телетайп" вообще ухитрился показать не митинг в защиту несправедливо осужденных, а скверно состряпанную картинку «из жизни подонков общества»"⁵². В результате 13 февраля на Советской площади состоялся часовой – несмотря на жестокий мороз – митинг, в котором участвовало несколько сот человек, представлявших 8 анархистских организаций и ДС, а также депутаты Моссовета. Митинг вновь был разогнан ОМОНОм с применением спецсредств, многие его участники были задержаны. В тот же день митинги и пикеты в защиту А. Родионова и А. Кузнецова прошли в Санкт-Петербурге и Казани.

После этого акции в защиту А. Родионова и А. Кузнецова принимают систематический характер. В Санкт-Петербурге почти ежедневно анархисты всех действующих в городе групп проводят пикеты и собирают подписи под обращением с требованием освободить А. Родионова и А. Кузнецова. Аналогичные акции проводятся в Казани, Саратове и Севастополе. В Москве митинги в защиту А. Родионова и А. Кузнецова продолжают разгоняться ОМОНОм. В феврале-марте московские анархисты при поддержке анархистских групп России и Украины переходят к регулярным акциям блокирования здания Прокуратуры России. Участников так же регулярно разгоняет с помощью дубинок ОМОН. Результатом жестких действий властей становится нарастающее неприятие нового режима со стороны анархистов.

В ходе кампании в защиту А. Родионова и А. Кузнецова анархисты столкнулись с нежеланием своих недавних союзников – партий и печати бывшей "демократической оппозиции" – оказать им помощь. Поддержали анархистов лишь организации, оказавшиеся после августа 1991 г. "на обочине" общедемократического движения и "оттертые" от власти – мелкие независимые профсоюзы, ДС, правозащитники. Средства массовой информации игнорировали "дело Родионова – Кузнецова" или подавали сведения о нем в искаженном виде. Более или менее регулярно освещали "дело" (помимо собственно анархистской прессы) лишь газета Московской Федерации Профсоюзов (МФП) "Солидарность" (где работало много членов КАС) и правозащитная газета "Экспресс-Хроника" (главный редактор газеты Александр Подрабинек участвовал в кампании в защиту А. Родионова и А. Кузнецова).

Особенно неблагоприятное впечатление это произвело на анархистов в Санкт-Петербурге, имевших до августа 1991 г. тесные контакты с "демократической оппозицией", настроенных в большинстве своем антисоциалистически и довольно лояльных вначале к новому – постсоветскому – режиму. Несмотря на все старания анархистов лишь правозащитный канал "Радио Балтика" рассказал о "деле Родионова – Кузнецова". Санкт-Петербургское радио отказалось сообщать о "деле", "демократическая газета" "Невское время" обещала напечатать материалы о "деле Родионова – Кузнецова", но обманула. В программе Санкт-Петербургского телевидения "Пари-Прогноз" из

интервью с лидером петербургских анархистов П. Раушем вся информация о "деле Родионова – Кузнецова" была вырезана. В ответ анархисты начали 7 марта пикетирование Санкт-Петербургского телецентра с требованием дать в эфир информацию о "деле Родионова – Кузнецова". Пикетирование привлекло внимание общественности, о нем сообщили средства массовой информации. В результате Санкт-Петербургское телевидение в программе "Альтернатива" дала краткий сюжет о "деле Родионова – Кузнецова"⁵³.

В условиях непрекращающейся кампании протеста, в том числе и международной (акции в защиту А. Родионова и А. Кузнецова проходили в США, Франции, Канаде, Швеции и Польше), 24 апреля 1992 г. решением Московского городского суда А. Родионов и А. Кузнецов были освобождены из-под стражи. Суд, однако, не оправдал их, а лишь сократил срок заключения до фактически отбытого (известная советская практика). Это вызвало разочарование и возмущение анархистской массы⁵⁴.

В целом является несомненным, что "дело Родионова – Кузнецова" заметно увеличило степень неприятия анархистским сообществом нового режима в России и безусловно радикализовало настроения. Более других в процесс радикализации были втянуты анархисты, непосредственно участвовавшие в акциях в защиту А. Родионова и А. Кузнецова – в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге. Участники московских акций, систематически разгоняемые и избиваемые ОМОНОм, стали воспринимать новый режим как "демократическую бутафорию полицейского государства". Анархисты Санкт-Петербурга испытали тяжелое потрясение, обнаружив, что их вчерашний друг и союзник – "демократическая оппозиция", придя к власти, "предала" их и "переродилась". Серьезный удар "дело Родионова – Кузнецова" нанесло по крупнейшей нерадикальной анархистской организацией – КАС. Участвуя в совместных акциях, рядовые члены КАС убедились, что радикальные анархисты по сути мало чем отличаются от них самих – вопреки уверениям вождей КАС, что радикальные анархисты – это "просто шпана". Более того, радикальные анархисты приняли на себя всю тяжесть репрессий в ходе кампании в защиту А. Родионова и А. Кузнецова, в то время как лидеры КАС избегали участвовать в уличных акциях – и это однозначно вызывало у рядовых членов КАС симпатии к "радикалам" и увеличивало степень недоверия к своим "вождям".

Можно смело утверждать, что "дело Родионова – Кузнецова" изменило лицо российского анархизма. Во-первых, в ходе акций в защиту Родионова и Кузнецова *все анархисты* окончательно осознали себя представителями *внесистемной* оппозиции, а во-вторых, анархисты впервые перешли к тактике самостоятельного систематического неповиновения властям и открытого сопротивления закону.

"Дело Родионова – Кузнецова" сыграло непропорциональную самой сути дела роль в радикализации анархистов в немалой степени из-за действий правоохранительных органов (милиции и ОМОНа). Милиция, к сожалению, не придумала ничего лучшего, чем систематически натравливать на пикеты анархистов местную шпану, а когда анархисты стали давать шпане отпор и приводить задержанных хулиганов в отделение милиции, тех демонстративно отпускали⁵⁵. В результате даже умеренные анархисты стали идентифицировать неполитические правоохранительные органы (т.е. не КГБ – ФСБ, к которым анархисты и ранее, разумеется, относились с неприязнью, а милицию) с уголовниками. Кроме того, милиция и ОМОН при задержании участников акций протеста в связи с "делом Родионова – Кузнецова" действовали с неоправданной жестокостью (избивали задержанных в милицейских автобусах и машинах, а затем в отделениях милиции, но когда задержанные анархисты стали отвечать насилием на насилие (в том числе и в отделениях милиции, пользуясь возникавшим иногда численным превосходством), отношение к задержанным внезапно изменилось к лучшему)⁵⁶. Это навело анархистов на мысль о действенности именно насильственных методов как "наиболее понятных" для представителей государства.

Провал иллюзий

Следующим фактором радикализации – тоже внешним по отношению к левакам, явились *провал иллюзий относительно улучшения экономической и политической ситуации в стране после распада СССР и введение "шоковой терапии"*.

Анархо-синдикалисты и "пролетаристы" из ОПОР искренне надеялись, что разгосударствление средств производства после падения власти КПСС выльется в передачу средств производства в руки трудовых коллективов. Тот факт, что в реальности процесс приватизации превратился в перераспределение собственности от государства в руки собственников-частников,

вызвал у анархо-синдикалистов и “пролетаристов” сначала недоумение (“обманули!”), а затем откровенное неприятие и возмущение. Леворадикалы начали кампанию против приватизации⁵⁷.

Иногда эта кампания приобретала даже очень острые формы, как в Хабаровске, где местные анархисты в мае 1993 г. по сути сорвали городской праздник “День приватизации”, проведя агрессивную контракцию, в ходе которой участникам “Дня приватизации” были насильно всучены листовки матерного содержания, оскорблявшие Б.Н. Ельцина⁵⁸.

В то же время проведение “шоковой терапии”, последовавшие за ней разгул инфляции, углубляющийся экономический кризис и деиндустриализация нанесли серьезный удар по экономическому положению большинства леваков. Особенно сильно пострадали анархисты. Немногочисленные троцкистские группы, как правило, имели “патронов” за рубежом (РПЯ – “Lutte Ouvriere”, а затем – “International Socialism”; “Комитет за советскую секцию IV Интернационала” (позже – Социалистический рабочий союз) – “Рабочий Интернационал за восстановление IV Интернационала”; КРДМС – Интернационал “Милитант” и т.д.), которые оказывали им финансовую помощь; ОПОР состоял в основном из рабочих тогда еще вполне стабильно работавших предприятий, которые исправно платили взносы, – но анархистская масса стремительно нищала.

Очевидно, здесь имело место совпадение нескольких факторов. Во-первых, анархисты были, как правило, гораздо моложе остальных леворадикалов, не зарабатывали еще самостоятельно на жизнь и зависели в материальном отношении от родителей. Когда финансовое положение родителей пошатнулось – острее всего это ощутили их дети-анархисты, т.к. произошло естественное перераспределение приоритетов в семейном бюджете. Во-вторых, именно анархистская среда была изначально сильнее других алкоголизована и наркотизирована (выпивка и “травка” воспринимались почти как освященные традицией анархистские доблести). В советский период анархистствующей молодежи хватало скромных финансовых средств и на спиртное (наркотики), и на выпуск листовок. С резким уменьшением доходов пришлось выбирать что-то одно. Поскольку листовки наркотической зависимости не вызывают, выбор свершился в пользу спиртного и “травы”⁵⁹. Анархистский принцип “свободы личности” препятствовал многим анархистам в устройстве на работу “на государство” или “на частника” и фактически обрекал на паразитический образ жизни. Конфликты в семье (с родителями, а зачастую и с женами, поскольку супружеская верность в число анархистских добродетелей явно не входит) оставили многих анархистов без жилья. Само представление об анархистском сообществе как о “вольнице” влекло к анархизму людей откровенно богемного склада. Уважением к закону анархисты не отличались (многие сибирские анархисты, например, успели отбыть сроки по уголовным статьям)⁶⁰. Видимо, экономические неурядицы лишь выявили и обострили внутренние дефекты анархистского сообщества.

В результате анархистская масса подверглась быстрой алкоголизации и наркотизации – с последующими люмпенизацией, маргинализацией, асоциализацией и прекращением общественной деятельности⁶¹. Многие анархисты замкнулись в частной жизни, некоторые пытались заняться бизнесом (в основном неудачно), часть ушла в другие политические организации (от троцкистов до крайне правых).

Кроме того, именно анархисты продемонстрировали исключительную неспособность к систематической целенаправленной рутинной деятельности (ярким исключением, пожалуй, можно считать лишь лидера КАС А. Исаева, перешедшего на работу в официальные профсоюзы (Федерацию Независимых Профсоюзов России, ФНПР) и сделавшего там блестящую карьеру; впрочем, и А. Исаев показал себя способным к систематической организационной работе в рамках уже существующей бюрократической структуры, а не в сфере деятельности начинающего “с нуля” оппозиционного образования). Даже изредка получаемая от западных анархистов денежная и другая материальная помощь зачастую пропадала впустую (притчей во языцех стала история с ротатором, полученным КАС от шведского анархо-синдикалистского профсоюза SAC; за многие годы касовцы так и не собрали и не запустили этот ротатор).

Оказавшись на социальном дне и наблюдая в то же время быстрое обогащение политически чуждых им слоев (в первую очередь чиновничества), анархисты, как нетрудно догадаться, быстро переходили от терпимости к радикализму.

Несколько позднее по мере нарастания экономического кризиса этот процесс распространился и на всех остальных леворадикалов. В последнюю очередь он достиг “пролетаристов” – как наиболее социально адаптированных и укорененных в материальном производстве леворадикалов. В конце 1996 г. обнищавшие рядовые члены ОПОР уже предъявляли своим руководителям претензии по поводу того, что те приносят инструкции, как “выбивать” из администрации задержанную зарплату, вместо того чтобы приносить автоматы и пулеметы.

Таковую же роль сыграло и становление в стране политической системы парламентаризма. Будучи внепарламентской оппозицией, леворадикалы болезненно переживали вытеснение себя из формального политического мира и оттеснение на “обочину”. Особенно тяжело на это реагировали анархисты в Сибири, многие из которых в последние три года существования СССР вошли в различные “горизонтальные” гражданские движения, проекты, группы и низовые инициативы, которые осуществляли самоуправление по месту жительства в микрорайонах, обеспечивали контроль со стороны общества за деятельностью чиновничества в сфере охраны окружающей среды, распределения жилья, продуктов, добивались решения назревших проблем города, района (транспортных, в сфере соцкультбыта, организации досуга молодежи и т.п.); с введением общественной активности в русло многопартийности и борьбы партий на выборах эти анархисты оказались исключены из общественной жизни.

Проигранная теоретическая полемика

Еще одной причиной последовательной радикализации леваков явился тот факт, что *умеренные анархисты (КАС) проиграли теоретическую полемику радикалам.*

В 1992–1993 гг. и, хотя и в меньшей степени, в 1994 г. в анархистских кругах продолжалась активная полемика между представителями умеренного крыла (КАС) и радикалами (почти все остальные). Особенностью ситуации было то, что почти все оппоненты КАС были выходцами из этой организации. Объективно КАС оказалась в невыгодной ситуации: основатели и идеологи КАС несли личную ответственность за то, что КАС в предыдущие годы играла подчиненную роль – роль группы поддержки общедемократического (либерально-буржуазного) движения. К 1992 г. все, включая лидеров КАС, признали, что эта тактика было ошибочной. К тому же, такие действия расходились с принципами анархо-синдикализма. После падения власти КПСС в августе 1991 г. общедемократическое (либерально-буржуазное) движение не нуждалось более в поддержке слева (в том числе и со стороны КАС), но лидеры КАС не смогли предложить какую-либо продуманную привлекательную стратегию взамен предыдущей, а также и оправдать предыдущую (явно потерпевшую поражение). В течение 1992–1994 гг. лидеры и теоретики КАС постепенно покинули Конфедерацию, отказавшись от попыток организовать отпор критике слева с собственно анархо-синдикалистских позиций.

Таким образом радикалы выиграли теоретическую полемику. Внешне это выразилось в 1992–1994 гг. в укрупнении и увеличении численности радикальных (вне КАС) анархистских объединений (относительном, конечно, поскольку упала общая численность анархистов). Тенденция к радикализации хорошо прослеживается на примере все увеличивающегося числа участников съездов альтернативной КАС Ассоциации движений анархистов (АДА), а также на примере усиления “раскольнических” анархо-коммунистических группировок ИРЕАН и Федерации революционных анархистов (ФРАН). Численность ИРЕАН, и ФРАН к 1995 г. превысили численность КАС (еще раньше это произошло с АДА, но АДА не являлась структурированной организацией в отличие от КАС, ИРЕАН и ФРАН).

Теоретический провал “исторического руководства” КАС имел не внутрианархистское, а общелеворадикальное значение. Поскольку “исторические лидеры” КАС А. Исаев и А. Шубин не просто прекратили полемику с радикалами, а перешли на позиции национал-реформизма (то есть покинули собственно лагерь леворадикалов), они стали удобным примером “ущербности умеренной позиции” не только в анархистской, но и в троцкистской и “пролетаристской” прессе, не говоря уже об изданиях “новых левых”.

Поскольку КАС была единственной организацией “умеренных” леваков, которая систематически вела аргументированную полемику по теоретическим вопросам с радикалами (петроградские анархо-демократы от такой полемики давно отказались; Тульский Союз Анархистов (ТСА) и вовсе не способен был на серьезную теоретическую полемику), то сам факт прекращения такой полемики сдвигал весь мир леворадикалов в сторону теоретического и практического экстремизма, просто выводя из обихода “нереволюционные” и вообще “умеренные” тексты и взгляды. “Умеренные” анархисты были единственными леворадикалами, которые рассматривали эволюционный (ненасильственный) путь изменения общества как равноправный революционному (насильственному). С 1994 г. понятие “эволюционный путь” исчезло из леворадикального лексикона.

Возникновение «новых левых»

Свидетельством все более углубляющейся радикализации леваков и одновременно важным фактором их дальнейшей радикализации явилось *возникновение организации “новых левых”.*

Идеи “новых левых” и ранее активно циркулировали в леворадикальной массе (например, журнал КАС “Великий Отказ”, издававшийся П. Рябовым и Д. Костенко, в значительной степени был посвящен пропаганде этих идей; само понятие “Великий Отказ” – одно из центральных в политической философии Г. Маркузе). Более того, с весны 1991 г. существовал Комитет культурной революции (ККР), члены которого назывались не “новыми левыми”, а анархистами по недоразумению и лидеры которого находились всецело под идеологическим воздействием видного теоретика “новых левых”, представителя т.н. западного марксизма Герберта Маркузе.

Первая организация радикальных “новых левых”, осознающая себя таковой – Фиолетовый Интернационал, – была создана в 1992 г. как прямой ответ части леворадикалов на введение политики “шоковой терапии”. Фиолетовый Интернационал стал своеобразным полигоном отработки новых методов борьбы. Быстро перейдя от контркультурной артистической деятельности к “оранжевым” акциям, активисты Фиолетового Интернационала разработали своеобразный вариант леворадикальной идеологии – “фиолетовый анархизм”, который на самом деле был не одним из направлений анархизма, а основанной преимущественно на идеях “новых левых” идеологией, радикально отрицающей современное общество в его фундаментальных основах.

После 1 Мая 1993 г., когда члены Фиолетового Интернационала участвовали в столкновениях демонстрантов с ОМОНОм на Ленинском проспекте, Фиолетовый Интернационал быстро радикализуется политически и перестраивается в ориентированную на активные действия организацию. Летом 1993 г. московская группа Фиолетового Интернационала называет себя “Партизанским движением” и переходит к целенаправленному установлению контактов с наиболее радикальными группами антиправительственной оппозиции. В действиях Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” начинают проявляться черты “милитантизма” и нацеленность на овладение методами “уличной борьбы” и “городской герильи”.

С сентября 1993 г. “Партизанское движение” активно участвует в развернувшихся событиях на стороне Верховного Совета, одновременно укрепляя связи с широким кругом оппозиционных организаций и выводя таким образом леворадикалов (в первую очередь анархистов) из политико-идеологической изоляции.

“Новые левые” в лице Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” фактически выводили леворадикальное сообщество из круга традиционных методов деятельности (достаточно умеренных) и из круга традиционных идей и концепций (в случае, например, анархизма – явно безнадежно устаревших, не подвергавшихся обновлению и развитию последние 100–150 лет).

Очень быстро обнаружили “традиционные” группы леворадикалов, индуцируемые идеологическими новациями “новых левых” – например, ИРЕАН, которая превратилась в проводника идей “городской герильи” и тому подобных типичных идей круга “новых левых” в анархистской среде. Журнал “Черная звезда” быстро превратился из анархо-коммунистического в типичное “новое левое” издание, нацеленное на пропаганду идей революционного террора, городской партизанской войны и т.п. Это дало возможность более умеренным представителям “традиционных” анархистских кругов раздраженно характеризовать “Черную звезду” как “специальное издание провокационно-левацкой ориентации, исполненное на высоком художественном уровне”⁶².

Систематическое пропагандистское (в том числе действием) влияние радикальных “новых левых” на левацкую массу позволило леворадикалам впервые не просто принять участие в связанных с насилием политических акциях, возникших помимо их воли (как это было 1 Мая 1993 г. и в сентябре-октябре 1993 г.), но самим организовать такие акции (студенческие беспорядки 12 апреля 1994 г. и 12 апреля 1995 г.).

Студенческие беспорядки 12 апреля 1994 г. позволили создать влиятельнейшую леворадикальную организацию “новых левых” – “Студенческую защиту”, а затем, с учетом опыта “Студенческой защиты”, и Революционный молодежный союз “Смерть буржуям!”. Возникшие позже в провинции леворадикальные группы (Федерация анархистов Кубани (ФАК), Елецко-Липецкое Движение Анархистов (ЕЛДА), Самарский анархо-коммунистический союз (САКС), Практико-революционная организация Воронежа (ПРОВО) и др.) уже были, несмотря на присутствие слова “анархизм” в их названиях, по сути организациями “новых левых”. Фактически организацией “новых левых” с “зеленым уклоном” является и группа “Хранители Радуги”.

Нет никакого сомнения в том, что все группы “новых левых” в России – а также все группы “традиционных” леворадикалов, подвергшиеся сильной идейной инвазии со стороны “новых левых”, имманентно ориентированы на куда более жесткий и радикальный вариант противостояния власти, чем “старые” леворадикалы. Это явление не программного или формально-теоретического характера (троцкисты, например, программно все нацелены на совершение пролетарской революции, но на их

реальной практической деятельности программный революционаризм фактически не сказывается), а *ментального*. Формирование в леворадикальной среде широкого круга активистов, по складу мышления готовых к насильственным революционным действиям “здесь и сейчас”, разумеется, стало мощным фактором радикализации леваков.

Радикализация общего политического фона в России

Следующим таким фактором явилась *радикализация общего политического фона в России* в 1993 г.

1 Мая 1993 г. многие леворадикалы неожиданно для себя оказались вовлечены в столкновения манифестантов с силами правопорядка на Ленинском проспекте и Гагаринской площади. На Фиолетовый Интернационал эти события произвели сильное революционизирующее воздействие, подтолкнув его к резкой политизации.

Как предвестник неизбежного вооруженного конфликта (который в октябре 1993 г. действительно разразился) воспринял события 1 Мая троцкистский КРДМС, члены которого также оказались вовлечены в беспорядки.

Наиболее показательным было то, что в столкновениях активно участвовали видные члены МО КАС Михаил Цовма и Николай Муравин, причем М. Цовма в издававшемся им журнале “Аспирин не поможет” затем обосновал – в разрыв с общей “умеренной” линией КАС – право демонстрантов на насилие⁶³.

Еще более важную роль в радикализации настроений и поведения леваков сыграли события сентября-октября 1993 г. Все без исключения леворадикальные организации расценили разгон Верховного Совета и расстрел “Белого дома” как “фашистский переворот”, “введение диктатуры”, установление “фашистского”, “полуфашистского”, “военно-полицейского диктаторского” режима или просто “режима открытой диктатуры буржуазии”. Многие леворадикалы (представители АДА, ИРЕАН, Группы революционных анархо-синдикалистов (ГРАС), Фиолетового Интернационала, “Партизанского движения”, КРДМС, Русской секции Комитета за рабочий Интернационал и др.) лично участвовали в событиях сентября-октября 1993 г. на стороне защитников Верховного Совета, в том числе часть из них – в походе на Останкино, в обороне “Белого дома”.

Приобретенный личный опыт насильственного противостояния власти (несмотря на поражение сторонников Верховного Совета), безусловно, сильно революционизировал сознание леворадикалов. После октября 1993 г. из текстов леворадикалов практически исчезло проявление даже малейших симпатий к буржуазной демократии и к буржуазии вообще, до того регулярно встречавшихся, особенно у КАС⁶⁴.

Хотя МО КАС во время событий октября 1993 г. заняла позицию нейтралитета, призвала москвичей “не дать обезумевшим политикам и военным втянуть” себя в боевые действия и предложила “начать всеобщую забастовку” до тех пор, пока “не будут даны железные гарантии проведения одновременных свободных выборов парламента и президента”⁶⁵, после расстрела “Белого дома” ведущие активисты МО КАС совместно с Информационным центром КАС-КОР выпустили газету “Рабочее действие”, где Б.Н. Ельцин сравнивался с Гитлером и Наполеоном⁶⁶, а действия московских властей в период “режима чрезвычайного положения” характеризовались как “расистские погромы”⁶⁷.

Практически все леворадикальные организации активно участвовали в кампании бойкота выборов и опроса населения по Конституции в декабре 1993 г., хотя мотивировалось это разными причинами: у части – отрицанием парламентской демократии вообще и предпочтением ей самоуправления (прямой демократии), у части – несогласием с правом нелегитимного режима на такие действия, у части – несогласием с положениями новой Конституции, превращавшими парламент в бутафорию. Исключением из общего правила был Тульский Союз Анархистов (ТСА), члены которого баллотировались в областную Думу⁶⁸. Кроме того, организация КАС в поселке Озон (Удмуртия) распространяла листовки с призывом голосовать за партии “социалистической оппозиции”: коммунистов, аграриев, Социалистическую партию трудящихся⁶⁹.

При этом надо иметь в виду, что ТСА к 1993 г. уже полностью утратил черты леворадикальной организации и “анархистским” именовался лишь традиционно. Анализ предвыборных программ тульских анархистов, а также их печатных выступлений показывает, что идеологию лидеров ТСА можно смело квалифицировать как социал-демократическую с явными элементами русского национализма (не случайно, видимо, часть членов ТСА перешла в ряды национал-патриотической организации “Русское национальное сопротивление”). Исполнительный секретарь ТСА Михаил Судаченков еще в 1991 г. противопоставлял тульских анархистов всем

остальным как сторонников "мирного анархизма" (остальные анархисты, по М. Судаченкову, – "представители бунтарских направлений")⁷⁰. Один из кандидатов в депутаты от ТСА – Игорь Марченко – сочетал анархистскую деятельность с предпринимательской (владелец частного продуктового магазина "Свободный договор", директор частного предприятия)⁷¹.

Несомненно также и то, что личное участие в насильственном противостоянии властям сняло у части леваков в Москве барьер инстинктивного страха перед представителями правопорядка, что было затем продемонстрировано леворадикалами во время студенческих беспорядков 12 апреля 1994 г. и 12 апреля 1995 г. Вообще, неприятие насильственных действий после октября 1993 г. исчезло у значительной части российского общества (в первую очередь, из-за действий самого правительства) – без этого просто было бы невозможно поднять студенческую массу на беспорядки.

Чеченскую войну леворадикалы дружно осудили – и поголовно рассматривали ее как прямое продолжение действий правительства Б.Н. Ельцина в октябре 1993 г. Несомненно, поражение российской армии в Чечне еще более радикализовало настроения в левацкой среде, так как леворадикалы рассматривали чеченский конфликт в первую очередь не с точки зрения "неделимости России" и не с точки зрения "права наций на самоопределения", а как *успешный опыт вооруженного противостояния* режиму Б.Н. Ельцина⁷². В результате в леворадикальной прессе появились откровенные статьи с призывами усвоить "уроки Чеченской войны" и перенести успешный опыт вооруженного сопротивления режиму Б.Н. Ельцина и на другие регионы России⁷³. Леваки даже идентифицировали себя с продудаевскими силами⁷⁴ и обещали "мстить" за убитых федеральными войсками чеченцев⁷⁵.

Активизация фашистов и националистов

Следующим фактором радикализации можно считать *активизацию фашистов и националистов*.

Первоначально анархисты, как укорененные в неформальном движении, не уделяли серьезного внимания националистической и фашистской опасности. Они знали, что численность и влияние "Памяти" сильно преувеличиваются официальными СМИ, с удовольствием издевались над национал-патриотами в "Общине" и даже безбоязненно печатали материалы "Памяти" и других национал-патриотов⁷⁶.

Пермская группа Союза Коммунистов активно сотрудничала с местным отделением Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость (ВДОБТ) в ходе кампании против 1-го секретаря Пермского обкома КПСС Е.Н. Чернышова – с тем, чтобы не дать ему пройти в Верховный Совет РСФСР (что и удалось сделать)⁷⁷. Активисты ВДОБТ в Перми уже тогда активно интересовались "сионистским алкогеноцидом", а вскоре и вовсе переключились на ловлю "жидомасонов".

Однако уже к концу 1992 г. леворадикалы столкнулись с фактом усиления фашистских и националистических тенденций – притом не только в России, но и на всей территории бывшего СССР. Члены КАС из Кишинева Игорь Гёргенрёдер и Тамара Бурденко, активно обличавшие в анархистской и вообще левой печати молдавских националистов⁷⁸, стали жертвами политических репрессий в Молдавии (увольнения с работы, судебные преследования, избиения в местном отделении полиции, запугивание, обстрел квартиры)⁷⁹. С давлением националистов сначала на Союз Рабочих Шауляя, а затем и непосредственно на членов КАС и других анархистов, состоявших в Союзе Рабочих, столкнулись анархисты Литвы, причем обнаружилось единение местных профашистски настроенных организаций и официальных литовских властей⁸⁰.

Черносотенно настроенное Иркутское казачье войско (ИКВ) организовало кампанию давления на местную газету "Советская молодежь", где работал видный деятель КАС в Сибири И. Подшивалов, с тем чтобы изгнать Подшивалова из газеты. Казаки ИКВ даже устроили "демонстрацию силы", явившись в редакцию газеты с намерением И. Подшивалова высечь. Местным анархистам пришлось в ответ устроить "демонстрацию силы" по отношению к ИКВ⁸¹.

Несколько позже с подобными явлениями стали сталкиваться анархисты и в других республиках. Например, в Крыму систематические преследования украинских властей (постоянные задержания, допросы, обыски, увольнения с работы, избиения, попытки "навесить" чужие уголовные дела) даже заставили анархистов просить политического убежища в посольстве Ливии в Киеве⁸² (а позже одного из них – Александра Шугаева – совершить попытку побега морем в Турцию)⁸³. Впрочем, надо учитывать также низкий интеллектуальный уровень сотрудников крымских правоохранительных органов. В частности, севастопольский анархист Олег Софьяник был схвачен

специальной группой захвата по подозрению в “терроризме, направленном против ВМФ Украины” после того, как правоохранные органы Крыма перехватили адресованное ему письмо киевского анархиста, известного деятеля контркультуры Владимира Задираки. В письмо была вложена откровенно шутовская по содержанию листовка с призывом к вооруженной борьбе с “мировым и украинским империализмом”, подписанная “Киевская организация Фракции Красной Армии (RAF)” и “Ирландская Республиканская Армия (IRA): отделение морского террора”. Местные правоохранные органы, вплоть до начальника УВД г. Севастополя генерал-лейтенанта Белобородова, восприняли эту листовку всерьез!⁸⁴ В Казахстане анархисты также оказались под жестким давлением местных правоохранных органов (милиции и Комитета национальной безопасности, КНБ). Непрерывные задержания, обыски, давление на администрацию по месту работы, прямые запугивания (обещания поместить в Талгарскую спецпсихбольницу, пользующуюся мрачной славой одного из самых жестоких бастионов “карательной психиатрии”), наконец, заведение уголовного дела по факту выпуска листовки, направленной против “казахской государственности” (на самом деле листовка, как вся анархистская продукция, утверждала, что *любое* государство – вне зависимости от национальной принадлежности – “зло”), вынудили некоторых анархистов, в том числе лидера Группы анархистов Кустаная (ГАК) Виталия Каткова (“тов. Василия”) скрыться за пределами республики (в России)⁸⁵. Следствием такой позиции казахских властей явилось возникновение в Казахстане первой на всем постсоветском пространстве подпольной анархистской организации, именующей себя “.А.Т.А.” (как расшифровывается аббревиатура, неизвестно)⁸⁶

Интересно, что все описанные инциденты были связаны не с антигосударственной позицией анархистов, а с их антинационалистической, интернационалистской позицией, в связи с чем местные националистически настроенные власти рассматривали анархистов не как классового или политического врага, а именно как *национального* противника.

Активизация фашистов и националистов (2)

С осени 1992 г. тема фашизма и национализма стала активно занимать и троцкистскую прессу – впрочем, пока еще в академическом плане, вне связи с прямыми столкновениями с фашистами⁸⁷.

С весны-лета 1993 г. ситуация еще более обострилась – первоначально в Москве, где распространители леворадикальной и коммунистической прессы стали подвергаться систематическим нападениям со стороны крайне правых, преимущественно членов Русского национального единства (РНЕ). Показательно, что правоохранные органы неизменно в этих инцидентах принимали сторону фашистов, что подтолкнуло леворадикалов к выводам о “внутренней фашизоидности” российского режима⁸⁸.

4 августа 1993 г. радикальные анархисты, троцкисты, комсомольцы, члены "Трудовой России" наладили совместное патрулирование около музея В.И. Ленина – для отпора правым радикалам, систематически нападавшим там на распространителей левой прессы.

7 августа 1993 г. произошло столкновение такого патруля с боевиками РНЕ, в ходе которого один из боевиков РНЕ получил сотрясение мозга (от удара бутылкой по голове). Милицией были задержаны только представители левых – троцкист Борис Эскин (член Комитета за рабочую демократию и международный социализм, КРДМС) и социалист-самоуправленец, редактор газеты "Левая альтернатива" Александр Байрамов (ныне – Александр Желенин, сотрудник “Независимой газеты”). При допросах в отделении милиции несовершеннолетний Б. Эскин подвергался избиениям⁸⁹. Кроме того, следствие откровенно солидаризовалось с фашистами (А. Байрамову следователь прямо заявлял, что "Гитлер был хороший человек, хотел добра своему народу"). Об этом стало широко известно московским левакам, что усилило радикальные настроения и сформировало мнение о режиме Ельцина как режиме, сознательно покровительствующем фашистам⁹⁰.

Появившаяся вскоре статья Александра Митрофанова в газете "Московский комсомолец", в которой рассказывалось об этом случае и в которой открыто содержался призыв дать фашистам возможность "очистить наши улицы от красных! И неважно, кто этот "коммуняка" – троцкист или сталинист"⁹¹, только усилила такое мнение в леворадикальной среде.

Отзвуки этих событий имели место в сентябре 1993 г., когда леворадикалы встретились на баррикадах, окружавших Верховный Совет, с боевиками РНЕ. Регулярно между леваками и членами РНЕ происходили ссоры и стычки, в одном случае дело дошло до поножовщины с участием члена ИРЕАН Владимира Платоненко⁹².

Расстрел из танков “Белого дома” и последовавший за ним произвол правоохранных органов в Москве в период “режима чрезвычайного положения” леворадикалами рассматривался

преимущественно под углом фашизации страны “сверху”, совмещения правящим режимом элементов фашистского государства и буржуазной демократии.

Особое внимание обратили леворадикалы на устроенные в Москве городскими властями в период “режима чрезвычайного положения” *этнические чистки*, направленные против выходцев с Кавказа (впрочем, поскольку в результате этих “чисток” пострадали не только “кавказцы”, но и уроженцы Средней Азии, Балкан, арабы, евреи и иранцы, очевидно, что критериями репрессий были не столько национальные, сколько *расовые* отличия – пострадали именно представители малых подрас (кавказской, динарской, средиземноморской и т.д.) большой европеоидной расы⁹³ – но милиция и ОМОН в таких этнографических тонкостях, естественно, не разбирались и “чистили” тех, кто обладал “недостаточно арийской” внешностью).

Леворадикалы связали фашистское, с их точки зрения, поведение московских правоохранительных органов с инцидентами у Музея Ленина весной-летом 1993 г. Действия московских властей квалифицировались в левацкой прессе просто как “расистские погромы”⁹⁴.

Сразу после отмены в столице “режима чрезвычайного положения” в помещении Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) состоялось крупное совещание леворадикалов (с участием ИРЕАН, Группы революционных анархо-синдикалистов (ГРАС), КАС, КРДМС, Социалистического рабочего союза (СРС), Товарищества социалистов-народников, Русской секции Комитета за рабочий Интернационал, Фиолетового Интернационала, “Хранителей Радуги”, Молодых социал-демократов и ряда беспартийных леваков, а также представителей Демократического Союза), на котором было принято решение о создании объединенных левацких “дружин самообороны” на случай повторения октябрьских событий и с целью отпора крайне правым. Однако никакого развития это решение не получило, и инициатива заглохла сама собой.

С ноября 1992 г. в Москве стали происходить спорадические стычки между леваками и фашиствующей молодежью – скинхедами. Первый такой случай имел место 8 ноября 1992 г. в центре Москвы, когда группа идейных анархистов и анархистующих панков и хиппи из Анархического молодежного фронта (АМФ) и Анархо-радикального объединения молодежи (АРОМ) проводила шествие по случаю дня рождения Н.И. Махно и подверглась нападению банды скинхедов.

Однако систематический характер такого рода инциденты стали носить с 1993 г. и были вызваны в основном вторжениями фашиствующей молодежи на рок-концерты, организуемые леворадикалами в Клубе им. Джерри Рубина, А-клубе и других местах. Подобные вторжения носят сознательный и целенаправленный характер и являются предметом особой гордости у скинхедов⁹⁵.

По большей части леваки оказались не готовы к сопротивлению скинхедам на рок-концертах. Яркими исключениями из этого правила были лишь инциденты в апреле 1994 г., когда анархисты смогли успешно противостоять скинхедам на рок-фестивале “Индюки”, и в декабре 1996 г. на “анархо-ёлке” в Клубе им. Джерри Рубина⁹⁶.

О том, до какой степени подобное “бытовое давление” со стороны ультраправых может оказывать радикализующее воздействие на сознание и поведение леваков, свидетельствует тот факт, что 20 апреля 1996 г. группа из 15–20 человек (преимущественно анархистов) по инициативе и под руководством достаточно мирного, интеллигентного и “книжного” анархиста – члена МО КАС М. Цовмы устроила специальный рейд по улицам Москвы в надежде наткнуться на неофашистов, празднующих день рождения Гитлера и максимально жестоко их избить. Многочасовые поиски фашистов успехом не увенчались.

Активизация фашистов и националистов (3)

Насколько болезненной для московских леваков стала тема фашизма, видно из все увеличивающегося числа публикаций в леворадикальных изданиях на эту тему начиная с 1993 г.⁹⁷, а также из того факта, что в 1994 г. в Центре современного искусства функционировал семинар, посвященный проблемам фашизма и “нового правого” движения, который активно посещался в основном авангардными художниками, искусствоведами и леваками (анархистами, троцкистами и “новыми левыми”)⁹⁸. К сожалению, материалы этих семинаров, за единственным исключением⁹⁹, не опубликованы.

В 1995 г. с фактом идейного и практического единения правоохранительных органов и русских фашистов (РНЕ) столкнулись и петербургские анархисты¹⁰⁰.

Постепенно практика открытого давления крайне правых на леваков стала распространяться из Москвы и Иркутска и на другие города (Самару, Псков, Ростов, Волгоград, Липецк, Новосибирск)¹⁰¹, приобретая подчас жесткие формы. Особенно заметный и систематический характер это давление приобрело в Краснодаре, где объектом постоянных нападений местных

фашиствующих казаков, скинхедов и боевиков РНЕ стали анархисты – члены Федерации анархистов Кубани (ФАК) и группы ИРЕАН Кубани¹⁰².

В результате ФАК стала одним из соучредителей “Левого Антифашистского Сопротивления” (ЛАС) – российского филиала международного движения “Молодежь Европы против расизма” (YRE). Учредительная конференция ЛАС состоялась в Москве 25–26 октября 1996 г. Помимо ФАК в состав ЛАС вошли Елецко-Липецкое Движение Анархистов (ЕЛДА), Самарский анархо-коммунистический союз (САКС), Русская секция Комитета за рабочий Интернационал, некоторые группы ИРЕАН, группа “Коммунистический реализм” и ряд других организаций.

Интересно, что учреждение ЛАС, в котором объединились троцкисты, анархисты и “новые левые”, вызвало болезненную реакцию у части анархо-синдикалистов, которые сочли это объединение недостаточно “чистым” с точки зрения методов и идеалов анархо-синдикализма (в частности, потому, что в него вошли группы и лица, “заигрывавшие” с Национал-большевистской партией), во-первых, и подконтрольным Интернационалу “Милитант”, во-вторых (т.к., с их точки зрения, YRE – это “партийная организация троцкистской тенденции «Милитант»”). Заявление об этом было опубликовано от лица Московской организации Конфедерации революционных анархо-синдикалистов – Секции Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС – МАТ) и редколлегии анархо-буржуазного журнала “Наперекор”¹⁰³. Было бы слишком примитивным связывать это заявление только с противоборством между троцкистским “интернационалом” “Милитант” и анархистским “интернационалом” МАТ. Несомненно, оно явилось также показателем утвердившегося к 1996 г. среди ряда анархистов восприятия фашизма как всего, что имеет отношение к государственной власти вообще, к согласию (хотя бы временному) с самим фактом существования государства. В этот смысл “антифашистский радикализм” части анархистов может быть распространен на всех, кроме самих этих анархистов¹⁰⁴.

В принципе, такой образ мышления (“всё, что не анархия – то фашизм”¹⁰⁵ или “все, кроме нас – фашисты”) является уже замеченной в специальной литературе особенностью левацкого сознания, прослеженной на примере западных леворадикалов 60-х – 70-х гг.¹⁰⁶ или выходцев из среды “бунтарей 68-го года” – французских “новых философов”, в частности, Бернара-Анри Леви¹⁰⁷.

Осознание тупиковости предыдущих тактик

Еще одним фактором радикализации леваков явилось *осознание тупиковости всех предыдущих тактик*.

Тактика “поддержки слева” общедемократического движения оказалась для леворадикалов тупиковой, что было признано всеми леваками уже в 1991 г. Создать при помощи этой тактики “на гребне волны” общедемократического движения устойчивые левацкие структуры не удалось, занять солидное место в политическом спектре страны – также. После падения власти КПСС и распада СССР исчез основной противник, против которого боролись леваки, что временно лишило движение “ближайших целей” (в этом позже откровенно признавались, например, анархисты)¹⁰⁸. Использовать структуры и финансовые средства общедемократического движения в своих целях также не удалось.

Более того, взаимодействие леворадикалов с буржуазно-либеральным крылом неформалов вызвало переход к либералам части леваков – в первую очередь тех, кто надеялся на осуществление через структуры неформалов политической и деловой карьеры, кто использовал эти структуры как нетрадиционный канал вертикальной социальной мобильности. Это лишило леворадикальный лагерь значительной части активных молодых людей.

Как уже говорилось выше, в анархистской среде это вызвало крен от “умеренного” анархизма – анархо-синдикализма КАС – к “радикальному” анархизму (в первую очередь, к анархо-коммунизму). ОПОР по той же схеме и по тем же причинам перешел от весьма умеренных действий типа устройства Клуба избирателей к организации “табачных бунтов”.

Провалом завершились и попытки леворадикалов внедриться в официальные структуры (Советы и профсоюзы). Надежды лидеров КАС (откровенно высказывавшиеся на заседаниях МО КАС в конце 1991 г.) на “анархо-синдикализацию” официальных профсоюзов (системы Московской Федерации Профсоюзов – Федерации Независимых Профсоюзов России, МФП – ФНПР) оказались утопическими. Напротив, традиционная бюрократическая структура профсоюзов интегрировала в себя часть лидеров и активистов КАС, соответствующим образом изменив их психологию и превратив их в проводников своей политической линии¹⁰⁹.

Аналогичная судьба ждала леворадикалов, вошедших в официальные структуры представительной власти. Будучи в абсолютном меньшинстве, леворадикалы не могли провести через органы представительной власти свою линию, но многие, почувствовав “вкус к власти”,

перестали быть леворадикалами. Единственным исключением был член КАС Владимир Чернолих (1938–1995), до самой смерти пытавшийся через структуры представительной власти в Приморском р-не Иркутской обл. проводить (разумеется, безуспешно) анархистскую линию¹¹⁰.

Провалом закончилась и тактика энтризма (т.е. внедрения в другие левые группы и организации), которую пытались осуществить отдельные троцкистские группы, в частности Комитет за рабочую демократию и международный социализм (КРДМС). КРДМС еще в конце 1991 г. пытался, пользуясь неразберихой, царившей в рядах коммунистов после закрытия КПСС, создать “Рабочую партию” и с этой целью принимал участие в мероприятиях “Трудовой России”¹¹¹. КРДМС пытался также энтрироваться в “Союз рабочих Москвы” (руководимый В. Шишкаревым), несколько членов КРДМС состояли одновременно в Российском коммунистическом союзе молодежи (РКСМ), однако продвинуться в этих организациях и начать оказывать воздействие на их политическую линию КРДМС не удалось. Не удалась также и более поздняя затея КРДМС с организацией Революционной рабочей партии, в которую должны были объединиться российские троцкистские, марксистские и “пролетаристские” группы левее КПРФ¹¹².

Также никаких результатов не дала попытка секции троцкистского Социалистического рабочего союза (СРС) в Туле энтрироваться в местное отделение Социалистической партии трудящихся (СПТ).

Как парадоксальный пример проведения тактики энтризма можно привести действия нескольких троцкистских тенденций (то есть направлений в международном троцкизме), которым не удалось создать своих российских секций. Так, например, ламбертисты (последователи Пьера Ламбера из Международного Союза Трудящихся) через созданную ими в качестве “самостоятельной” Партию трудящихся Франции пытались внедрить свои установки в МФП и КАС-КОР (разумеется, безуспешно). Моренисты (последователи Науэля Морено) из “Международного рабочего движения” (Аргентина) так же безуспешно пытались поставить под свой контроль Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ)¹¹³.

Своеобразным вариантом энтризма можно было, видимо, первоначально считать и деятельность одного из “исторических лидеров” КАС А. Шубина в “зеленом” движении (в Российской Партии Зеленых – РПЗ и Социально-экологическом Союзе – СоЭС). Однако и здесь история повторилась. А. Шубину не удалось анархизировать то крыло “зеленого” движения, в которое он внедрился, напротив, собственные взгляды А. Шубина претерпели резкую эволюцию вправо и с конца 1994 г. А. Шубин уже открыто восхвалял оппортунизм (“я оппортунист и тем горжусь”)¹¹⁴, третировал радикалов как “политических бомжей”¹¹⁵ и даже занимал проимперскую позицию в чеченском конфликте¹¹⁶, за что был печатно назван бывшими товарищами по КАС “великодержавным шовинистом”¹¹⁷.

Очевидную неудачу потерпела выбранная ОПОР тактика “малых дел” (организация локальных забастовок, восстановление на работе отдельных уволенных активистов рабочего движения, помощь в решении социальных и бытовых вопросов на индивидуальном уровне). Столкнувшись с фактом деиндустриализации Уральского региона, нарастающей безработицей и социальной апатией, ОПОР был вынужден признать факт тупиковости тактики “малых дел” и в ноябре 1996 г. принял куда более радикальную тактику, исходящую из неизбежности классовой войны и нацеленную на создание революционной партии рабочего класса¹¹⁸.

Не оправдала себя и тактика ряда анархистских и троцкистских групп, ориентированная на самоизоляцию под “правильными” лозунгами и на основе “правильной” доктрины – с дистанцированием от существующих в России более массовых оппозиционных движений как от “сталинистских”, “идейно эклектичных” и “зараженных патриотизмом”. В условиях информационной блокады, не располагая большими техническими и людскими ресурсами, эти группы быстро превратились в классические микроскопические политические левацкие секты западного образца, по определению не имеющие никаких шансов на рост и развитие.

Таким образом, леворадикалы оказались перед несколькими альтернативными вариантами поведения:

- а) либо покинуть политическую сцену;
- б) либо покинуть ряды леворадикального мира и встроиться в мир “большой политики” в рамках куда более умеренных структур;
- в) либо инкапсулироваться в рамках микроскопических сект без всяких надежд на развитие;
- г) либо перейти к более радикальным методам политической работы, пропаганды и просто бытового поведения с целью привлечь к себе внимание, что предполагало активное взаимодействие к

наиболее радикальными слоями антиправительственной оппозиции вне леворадикального сообщества.

Наиболее активная часть леворадикалов выбрала последний путь.

Определение себя как врага буржуазной демократии

В результате на сцену выступил последний фактор радикализации левацкого мира – **окончательное осознание и формальное определение себя как врага буржуазной демократии.**

До событий сентября-октября 1993 г. значительная часть леворадикалов испытывала определенные колебания между неприятием институтов буржуазной демократии (как этого требовала от них формально идеология) и положительным отношениям к этим институтам, поскольку они обеспечивали беспрепятственное функционирование леворадикальных организаций и пропаганду леворадикальных идей. Более того, в значительной степени коллективное сознание леворадикалов было озабочено псевдодихотомической коллизией между нежеланием возврата Советской власти и неприятием капитализма.

В ряде случаев неприятие Советской власти настолько перевешивало стремление к “бесклассовому обществу” (“анархии”, “безгосударственному социализму”, “коммунизму”, “обществу самоуправления трудящихся”), что отдельные группы леворадикалов включались в обычный процесс буржуазной представительной демократии и начинали себя вести уже “не как леворадикалы”. Например, большинство Тверской организации КАС во главе с Вячеславом Хазовым в середине июня 1993 г. вступило в Либерально-демократическую партию России (ЛДПР)¹¹⁹, за что, конечно, было исключено из КАС (впрочем, сами они с этим исключением не согласились).

Анархо-демократы также интегрировались в буржуазную парламентскую систему. 19–20 июня 1993 г. они провели в Москве Учредительный съезд Союза Вольных Тружеников (СВТ), который решил защищать интересы мелкого и среднего бизнеса, предпринимателей¹²⁰. На II съезде СВТ (30–31 октября 1993 г. в Москве), в котором также участвовал перешедший на позиции русского национализма Тульский Союз Анархистов (ТСА), было решено, что буржуазная демократия – необходимый переходный этап к анархии и, таким образом, формально было “снято” противоречие между буржуазным государством и безгосударственным идеалом анархистов (по сути это – закрепленный на программном уровне тезис петербургского анархо-демократа Павла Гескина, отстаивавшийся им с 1990 г.)¹²¹.

СВТ провозгласил себя “партией”, которая должна участвовать в выборах и выступать за рыночное общество, подтвердив в качестве основной своей задачи защиту интересов мелкого и среднего бизнеса, и установив в качестве второй по важности задачи “ненасильственное урегулирование отношений труженика и собственника”¹²². После этого остальное анархистское сообщество отказалось признавать СВТ анархистами, расценив их позицию как ренегатскую¹²³. Представитель Анархо-коммунистического революционного союза (АКРС) Олег Дубровский даже заклеил СВТ как “взбесившийся от ужасов “реального социализма” мелкобуржуазный элемент” и заявил: “Свобода делать деньги – вот их идеал... они работают на государство, ибо защищают классовое общество – социальную основу существования любого государства”¹²⁴.

СВТ ответил на эту критику в том духе, что каждый имеет право называть себя анархистом или не называть, и никто, кроме самого этого человека, не может определять, является ли тот анархистом или нет (т.е. дело не в программах и действиях, а в “праве личности” на любое самоназвание)¹²⁵. После этого все остальные анархисты, свернув полемику как бесперспективную, стали игнорировать СВТ.

Но после октября 1993 г. почти все остальные леворадикалы быстро и однозначно перешли к позиции *системного* неприятия буржуазной демократии. Это было тем легче сделать, что для такого перехода не требовалось ни проведения каких-либо специальных дискуссий, ни сочинения специальных теоретических текстов. Достаточно было просто вернуться “назад к основам” – к анархизму, троцкизму, марксизму, неомарксизму и т.п., чьи классические тексты уже содержали развернутую критику буржуазной демократии как “неподлинной” и ориентировали читателя на “прямую демократию”.

Внешним признаком этого перехода стала не только куда более радикальная практика поведения леваков (участие в уличных беспорядках), но обостренный теоретический интерес к практике политической борьбы, несовместимой с буржуазной демократией. Издания леворадикалов наполнились материалами, восхвалявшими партизанскую борьбу – как в классическом варианте (в частности, опыт Сапатистской армии национального освобождения (САНО) в Мексике)¹²⁶ – причем одна из статей о САНО в издании Елецко-Липецкого Движения Анархистов (ЕЛДА) была даже

подписана “Липецкий батальон САНО”¹²⁷; Революционного движения им. Тупак Амару в Перу¹²⁸; партизан в Колумбии¹²⁹), так и в варианте “городской герильи” – РАФ¹³⁰, бельгийских Коммунистических Боевых Ячеек (причем о Коммунистических Боевых Ячейках, *левомарксистской* организации, рассказывало с восторгом *анархистское* издание “Крысодав”!)¹³¹, ИРА и ЭТА¹³². Леворадикалы стали проявлять интерес к практике даже *правого* вооруженного сопротивления буржуазной демократии¹³³.

Чрезвычайно обострился интерес к практике индивидуального террора¹³⁴. Даже очень умеренная в последние годы петербургская анархистская газета “Новый свет” вдруг начала публикацию знаменитого “Мини-учебника городской партизанской войны” Карлоса Маригеллы¹³⁵.

Лидер “Студенческой защиты” и ИРЕАН Д. Костенко опубликовал более чем показательный текст “Назад к Нечаеву”, где, в частности, писал: “От этики Кропоткина придется отказаться... Мы должны взять систему внутренних взаимоотношений бандитской “братвы”, отбросив их иерархию. И если наедут на кого-нибудь из нашей братвы, то мы должны быть готовы порвать за него глотку, а не думать, стоит ли за него заступаться. И не думать, не совершил ли он какой-нибудь ошибки, не сказал ли где-нибудь по какому-либо поводу что-то, не предусмотренное анархическим каноном.

Возьмите современное левое движение и левое движение лет двадцать назад. Вы увидите два совершенно разных мира. Если 20 лет назад вы увидите массовые организации, которые готовы были к революции, готовы завтра же взяться за оружие, шли на открытое противостояние системе. Темы, которые их волнуют, – глобальная революция, третий мир как запал бомбы, подложенной под западный мир. То что мы имеем сегодня? Попытка решать маленькие, локальные проблемы, попытка ухода от окружающего мира в крошечные локальные зоны-пространства, которые они считают свободными. Это борьба за цели, за которые всегда боролись не революционеры, а либералы: права женщин, педиков, вегетарианство. Слова “революция” и “рабочий класс” превратились просто в кришнаитские мантры, которые спокойные уважаемые люди повторяют перед такими же спокойными и уважаемыми аудиториями...

Поэтому выход возможен только один – тотальное восстание против системы. Причем не стоит брезговать никакими средствами. Если есть возможность пойти работать в органы – надо идти в органы. Если есть возможность попасть в парламент, надо идти в парламент и вредить там. Если есть возможность пробраться во вражескую организацию – надо вступить в нее...

Чем стабильнее система, тем меньше у нас шансов. Шанс появляется только в период нестабильности, хаоса, поэтому любое нагнетание напряженности, любые деструктивные действия объективно идет на пользу революции. Любая драка двух алкоголиков несет в себе в тысячу раз более революционный заряд, чем сотня левых семинаров. Панковский лозунг “destroy” должен стать главным лозунгом победоносной диффузной герильи, которая единственно способна нанести новому мировому порядку осязаемый вред”¹³⁶.

Фактически перед нами – отход от восприятия буржуазной демократии как человеческого сообщества. Буржуазная демократия в этом тексте выступает как инопланетный завоеватель, по отношению к которому не работают ни моральные ограничители, ни правила ведения войны.

Лишь чуть умереннее выглядит отношение к существующим властям анархо-экологистов: “Правительство экологического бандитизма само поставило себя вне Закона!”¹³⁷.

Этот процесс захватывает даже самые умеренные леворадикальные круги. Например, журнал “Наперекор”, издающийся умеренными московскими анархистами – бывшими членами КАС, членами Конфедерации революционных анархо-синдикалистов – Секции Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС – МАТ) и группой буржуазных демократов, близких к Демократическому Союзу (ДС), публикует большие по объему материалы о САНО¹³⁸ и западных автономках¹³⁹ – а ведь еще недавно те же круги осуждали Д. Костенко за пропаганду “деструктивного образа” автономов!

Определение себя как врага буржуазной демократии (2)

Развился интерес к *теории* террора и терроризма¹⁴⁰. Возникают даже такие тексты: “Единственным эффективным (изменяющим мир) действием на данном этапе политической (классовой) борьбы я считаю – террор... Террор (красный) – это процесс, который должен, это обязательное условие его существования, проявляться во всех областях человеческой деятельности. Красный – подчеркивает его антиидеологическую направленность. Красный терроризм есть перманентное действие, для которого цель сиюминутна и не соотносима ни с какой “Абсолютной

идеями” (Гегель), это целенаправленная война, где бесцельность оправдывает средства, это борьба против Системы, то есть против псевдоразумного действительного (Гегель)”,¹⁴¹.

Леворадикальные издания стали регулярно печатать инструкции по изготовлению взрывчатки и оружия, а также по тактике ведения партизанской войны и насильственного противостояния силам правопорядка в условиях массовых уличных столкновений. Пионером таких публикаций явилась петербургская газета “Новый свет”, в которой эти публикации носили первоначально, судя по всему, всего-навсего эпатажный характер¹⁴², но после октября 1993 г. эта мода захлестнула и другие леворадикальные издания, став повсеместной¹⁴³. Кроме того, практически все левацкие издания откликнулись восторженными рецензиями на выход в свет на русском языке “Поваренной книги анархиста” Уильяма Пауэлла, содержащей в обилии рецепты по изготовлению взрывчатых веществ, снаряжению бомб и т.п.¹⁴⁴ Известны минимум два случая использования приведенных в левацкой прессе рецептов по прямому назначению¹⁴⁵.

Постоянным чтением в леворадикальной среде стала газета Национал-большевистской партии (НБП) “Лимонка”. С одной стороны, леваки клеймят “лимоновцев” как фашистов, с другой – внимательно читают тексты “Лимонки”, посвященные левым революционным движениям, экстремизму и терроризму¹⁴⁶. Более того, практически все леворадикалы прочли как минимум один номер журнала “Элементы”, содержащий “досье: агрессия, террор, насилие”, где опубликованы материалы о теоретике революционного насилия Жорже Сореле¹⁴⁷, статья об экзистенциальном опыте повстанца¹⁴⁸ и статья о феномене левацкого терроризма¹⁴⁹.

Определение себя как врага буржуазной демократии (3)

Обязательным чтением леваков становится газета Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) “Бумбараш-2017”, где публикуются статьи о революционной вооруженной борьбе¹⁵⁰, а члены ИРЕАН (в первую очередь Д. Костенко) систематически пропагандируют малоизвестный опыт вооруженной и партизанской борьбы (преимущественно в странах “третьего мира”)¹⁵¹. Вообще, леворадикалы (в первую очередь из “Студенческой защиты”) стали постоянными авторами “Бумбараша-2017” и в некоторых выпусках газеты фактически определяли ее лицо.

Леворадикалы дружно откликнулись на арест американского террориста-экологиста Унабомбера, причем не было никаких сомнений, на чьей стороне находятся их симпатии¹⁵².

Еще более показательным можно считать интерес леворадикалов к фигуре Чарльза Мэнсона – руководителя калифорнийской “семьи” псевдохиппи, совершившей летом 1969 г. серию массовых убийств, жертвой одного из которых, в частности, стала голливудская кинозвезда Шарон Тейт, жена знаменитого кинорежиссера Романа Поланского. Леваки тщательно изучали редкие публикации о Мэнсоне¹⁵³, хотя, безусловно, знали, что Мэнсон соединял в своем “учении” элементы идеологии леворадикальной контркультуры с элементами откровенно фашистской идеологии, будучи одновременно поклонником Иисуса Христа, “Битлз” и Гитлера¹⁵⁴. Очевидно, Мэнсон какой-то части леворадикалов стал казаться символом *тотального отрицания* современной западной цивилизации.

Даже в журнале “Наперекор” обнаруживаются сожаления о том, что “левый террор в Москве – все еще теория...”¹⁵⁵

Так что когда в Москве происходит наконец первый акт террора, расцененного в прессе как “левацкий” (взрыв в военкомате, произведенный от лица мифической организации “Новая революционная альтернатива”, НРА), леворадикальная пресса разражается восторгами и с готовностью перепечатывает “коммюнике” НРА¹⁵⁶.

То, что такая позиция отражает не только эволюцию “вождей”, живущих в первую очередь проблемами леворадикального движения и уже тотально выпадающих из “нормальной жизни”, но соответствует настроениям рядовых леваков, свидетельствует, например, “крик души” некоего Владимира Камынина из Серпухова: “Декларируя на словах крутизну и приверженность насилию, нынешние радикалы мало чем могут подтвердить свои слова практически. Сколько министров, генералов из Чечни, депутатов, политических лидеров убито за последние годы? Сколько офисов, казино, ресторанов сожжено или взорвано по политическим, а не по уголовным мотивам? Весь пар ушел в свисток. А ведь были на Руси и настоящие радикалы – за 1906-7 по отчетам полиции было убито 4126 должностных лиц...”¹⁵⁷ Интересно, что редакция, напротив, пыталась (хотя и вяло и неубедительно) остудить “революционный пыл” рядового левака¹⁵⁸.

Как далеко в сторону радикализма и экстремизма сдвинулись леваки, можно понять, если вспомнить, что на первом всесоюзном совещании неформальных движений – встрече-диалоге “Общественные инициативы в перестройке” (август 1987 г.) участники встречи договорились о

совместном понимании термина “экстремизм”: “Это такие действия, которые являются одновременно безнравственными и противоправными, и осуществляются в целях увеличения своего социально-политического влияния, кто бы ни был субъектом таких действий – частные лица, общественные группы и организации или государственные учреждения”¹⁵⁹. Леворадикалы на встрече-диалоге были представлены клубом “Община”, “Альянсом”, “Лесным народом”, Интербригадой им. Фарабундо Марти, Интербригадой им. Э. Че Гевары, Интербригадой им. М. Родригеса, Объединенным антифашистским фронтом, “Юными коммунарами – интернационалистами” (ЮКИ), то есть практически всеми легальными на тот момент леворадикальными группами. Едва ли спустя 10 лет найдется хоть одна леворадикальная организация, которая согласится вновь подписаться под вышеприведенной формулой экстремизма!

Сегодняшние леворадикалы говорят об экстремизме так:

“Голосовать – глупо. Ходить на оппозиционные митинги, слушать там чужих взрослых людей, мечтающих рулить историей и купаться в шампанском – глупо...

Нужно купить пистолет и распылитель. Пистолет для самообороны, а распылитель для превращения скучных городских стен в произведения искусства. Нужно добиться легализации мягких наркотиков, чтобы система не могла контролировать твоё сознание с помощью телевизора. Ты – сам себе телевизор! Нужно добиться свободного ношения оружия, ибо система вооружена против тебя – армией, полицией, мафией; а ты нет...

Те, кто хотят, чтобы мир сохранился таким, каков он есть, – на самом деле не хотят, чтобы он сохранился. Система убивает жизнь: ту, которая вокруг, и ту, которая еще теплится каким-то чудом у тебя внутри и зовется “воля к свободе”. Существование системы – паралич мировой души и смерть человека. Наше существование – карнавал революции и приговор системе.

Они называют нас экстремистами. Это не экстремизм – это нормальная реакция живых людей на происходящее, просто живых осталось немного”¹⁶⁰;

“Террористы – те, кто строит тюрьмы, а не те, кто их взрывает. Террористы – те, кто бомбит городские кварталы и села, отдает преступные приказы, развязывает войны и загоняет молодых парней на бойню. Экстремисты не те, кто устраивает акции протеста, а те, кто, пользуясь нашим страхом перед аппаратом подавления, избивает демонстрантов, легализует массовые убийства, и сгоняет население в фильтрационные лагеря. Государственный террор – основной источник насилия и террора...

Наше “насилие” – это реакция естественной самозащиты угнетенных от террора, возведенного в закон и ежедневно совершаемого государством и правящей кастой”¹⁶¹;

“Сильный идет против ветра. Свобода – осознанная необходимость. Для того, чтобы стать свободным, надо сначала завоевать свободу. Подаренной свободы не бывает. В свободном обществе свободы не может быть, ее заменяет либеральность. Экстремизм – это не битие окон и не пьяная драка с ментами. Экстремизм – это, в первую очередь, попытка разработать собственную шкалу ценностей и жить в соответствии с ней. Экстремизм – это поиск смысла жизни в обществе, где главными ценностями являются стабильность ради стабильности и сытость ради сытости. Экстремист – это человек, шагнувший на край пропасти, чтобы вдохнуть свежего ветра. Вставший в полный рост под пулями, чтобы увидеть звезды... Пусть будет проклята стабильность, да здравствует экстремизм!”¹⁶²

Выход из изоляции, конституирование леворадикалов как признанного крайнего крыла левой оппозиции

После августа 1991 г. леворадикалы оказались в ситуации политической изоляции. От общедемократического (буржуазно-либерального) движения они к тому времени уже отошли – и само это движение в них не нуждалось. К коммунистам леворадикалы по-прежнему находились в оппозиции – и не стремились к союзу (а для троцкистов это было и вовсе невозможно, т.к. общим местом троцкистской доктрины был отказ от союза со “сталинистскими” организациями).

Однако первоначально степень своей изоляции леваками, видимо, не осознавалась. Во всяком случае, анархисты поняли, насколько они изолированы, только во время кампании за освобождение А. Родионова и А. Кузнецова, когда их почти никто из бывших союзников не поддержал.

Это непонимание хорошо видно из факта отказа Инициативы революционных анархистов (ИРЕАН) и троцкистских “Комитета за рабочую демократию и международный социализм” (КРДМС) и “Комитета за советскую секцию IV Интернационала” от сотрудничества с коммунистическими радикалами сразу после демонстрации 7 ноября 1991 г. на Красной площади, проведенной по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Демонстрация не была

санкционирована московскими властями, и растерявшиеся коммунисты не смогли ее организовать. Демонстрация состоялась только потому, что невзирая на запрет на Красную площадь вышли ИРЕАН, КРДМС и “Комитет за советскую секцию IV Интернационала”, а уже затем их поддержали неорганизованные коммунистические радикалы (причем демонстрация сопровождалась столкновениями с милицией). Анархисты и троцкисты могли бы воспользоваться событиями для укрепления своего влияния в среде радикальной коммунистической оппозиции, но не сделали этого.

Попытку КРДМС осенью 1991 – весной 1992 г. создать из обломков КПСС “Рабочую партию” едва ли можно отнести к попыткам выйти из изоляции. Скорее, КРДМС в соответствии с известной троцкистской тактикой энтризма пытался захватить лидерство в среде мелких коммунистических организаций. После того, как инициатива с “Рабочей партией” провалилась, лидер КРДМС Сергей Биец, в строгом соответствии с троцкистской ортодоксией, заклеил радикальные коммунистические организации как “мелкобуржуазные”¹⁶³.

Однако нельзя не признать, что установившиеся в тот период личные контакты между активистами КРДМС и активистами “Трудовой России” помогли затем троцкистам и леворадикалам вообще в деле выхода из политической изоляции.

Интересно, что первые сознательные шаги по выводу леворадикалов из изоляции сделали осенью 1991 г. представители “номенклатурной” левой оппозиции. Председатель Моссовета Николай Гончар (бывший секретарь Бауманского райкома КПСС в Москве) привлек к разработанному им проекту организации Партии Труда лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) Андрея Исаева и Александра Шершукова. В проекте закулисно (через своих подчиненных – секретарей Московской Федерации Профсоюзов (МФП) Михаила Нагайцева и Татьяны Фроловой) участвовал и председатель МФП Михаил Шмаков. Вскоре А. Исаев возглавил оставшуюся без руководства газету МФП “Солидарность” и привел туда с собой большое число анархистов. В тот период на заседаниях Московской организации КАС А. Исаев не скрывал, что рассматривает участие в Партии Труда и работу в МФП как способ вывести КАС из маргинального состояния и “анархо-синдикализировать” официальные профсоюзы.

Хотя в реальности все получилось наоборот (А. Исаев и А. Шершуков вышли из КАС, их товарищи по КАС либо перестали быть анархистами, либо порвали с МФП и А. Исаевым), нет сомнения, что участие членов КАС в работе официальных профсоюзов и сотрудничество с Партией Труда, а через нее – с другими демократическими левыми (Социалистической партией трудящихся (СПТ) и т.п.) и даже с социал-демократами – создавало основу для включения анархо-синдикалистов в “общий фронт” левой оппозиции.

Выход из изоляции (2)

Другим примером такого рода можно считать активные контакты СПТ и Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) в Ростовской области с Союзом радикальной анархистской молодежи (СРАМ) в конце 1991 – начале 1992 г. Поскольку и СПТ, и РКРП не имели связей и опоры в молодежной среде, а СРАМ пользовался заметным влиянием у местной левой молодежи (особенно в г. Шахты), СПТ и РКРП надеялись использовать анархистов для омоложения своих рядов, и предлагали СРАМ союз и всяческую помощь¹⁶⁴. Местные власти болезненно отреагировали на перспективу создания “единого оппозиционного блока” СПТ – РКРП – СРАМ и предприняли быстрые и эффективные меры по дезорганизации и ликвидации СРАМ. Активистов СРАМ исключали из учебных заведений, выгоняли с работы, забирали в армию, вели “разъяснительную” работу с родителями и т.п., лидера СРАМ Дмитрия Рябинина и лидера Шахтинской группы СРАМ Александра Любомищенко зимой 1991/92 г. отчислили из института в Шахтах, после чего деятельность СРАМ была полностью парализована.

В особом положении находились “пролетаристы” из Общественно-политического объединения “Рабочий” (ОПОР). ОПОР еще до августа 1991 г., не порывая окончательно контактов с отдельными представителями общедемократического движения (например, с социал-демократами), устанавливает отношения с западными троцкистами (“Lutte Ouvriere” (Франция), Международная Лига Трудящихся (Бразилия) и т.п.), “пролетаристами”-сталинистами, ВКП(б), РКРП, независимыми профсоюзами и со многими другими группами, преимущественно – марксистской ориентации. В этом кругу (марксистская оппозиция – рабочие организации) ОПОР вращается до сих пор, то ослабляя (даже прерывая) контакты с некоторыми контрагентами, то активизируя (возобновляя) их (в зависимости от остроты полемики со своими партнерами, материального положения организации, ухудшения/улучшения личных отношений между лидерами и т.п.). Можно сказать, что ОПОР

является единственной леворадикальной организацией, которая никогда не попадала в положение подлинной политической изоляции.

Как минимум в двух городах – в Свердловске (Екатеринбурге) и Челябинске – ОПОР оказался включен в достаточно широкие инициативы левых (типа “Рабочего клуба”), внутри которых осуществляет постоянные тесные контакты с Партией Труда, СПТ, левыми социал-демократами, КПРФ, РКРП и другими группами “левее центра”.

Однако подлинный выход леворадикалов из изоляции начался только после событий 1 Мая 1993 г. в Москве, причем этот выход был не результатом стихийного развития событий, а плодом целенаправленной деятельности Фиолетового Интернационала. Фиолетовый Интернационал завязал тесные контакты с ИРЕАН, стал устанавливать такие же контакты практически со всей левой оппозицией, ориентируясь на наиболее радикальную ее часть (“Трудовую Россию”, “Трудовую Москву”, РКРП, РКСМ, Всесоюзную молодую гвардию большевиков (ВМГБ) и т.п.).

Летом 1993 г. в этот процесс оказалась вовлечена и ИРЕАН, у которой установился особенно тесный контакт с РКСМ в Москве. Осенью 1993 г. – в основном через структуры Фиолетового Интернационала и ИРЕАН – процесс сближения леворадикалов с отдельными кругами коммунистической оппозиции распространился на Санкт-Петербург.

Окончательный прорыв изоляции произошел во время событий сентября-октября 1993 г. и сразу после них. Оказавшиеся (за редкими исключениями) в стане сторонников Верховного Совета леворадикалы органически вступили в контакт с представителями левой и даже патриотической оппозиции, включая и вполне умеренные круги (КПРФ, Партия Труда, социал-демократы, даже “Гражданский союз”).

Постоянное участие леворадикалов (часто под собственными знаменами и плакатами) в совместных мероприятиях левой и “лево-патриотической” оппозиции после октября 1993 г. приучило левую оппозицию к мысли, что леворадикалы – это законная и естественная (хотя и не без “странностей”) часть общей оппозиции режиму. Это было важным изменением, поскольку в предшествующий период традиционная левая оппозиция зачастую воспринимала леваков как “provokatorov”, “участников разрушения Советского Союза”, “агентов мирового империализма, засланных в молодежную среду” или, как в случае с троцкистами, “сионистскую агентуру”.

Особенно тесные контакты установились между леваками и молодежью традиционной коммунистической оппозиции, что вскоре привело и ту и другую стороны к обмену идеями, лозунгами, переходу отдельных членов из коммунистических организаций в левацкие и наоборот, выработке единого лексикона и многочисленным случаям перепечаток тех или иных материалов из прессы друг друга.

Даже известные своими антикоммунистическими настроениями леворадикалы – петербургские анархисты – сблизилась с традиционной левой оппозицией в ходе совместных акций против войны в Чечне¹⁶⁵, и в дальнейшем проведение совместных мероприятий с коммунистами уже не вызывало у них отторжения и, более того, дело доходило до акций солидарности с коммунистами¹⁶⁶.

Впрочем, первые шаги по сближению с коммунистической оппозицией петербургские анархисты предприняли еще летом 1994 г., поддержав призыв “Трудовой России” к проведению всеобщей политической забастовки под лозунгами отставки Б.Н. Ельцина и правительства, роспуска Государственной думы, Совета Федерации и признания Конституции 1993 г. недействительной¹⁶⁷.

Выход из изоляции (3)

Следующим шагом должно было стать прямое слияние части леворадикалов и представителей традиционной левой оппозиции. Это и произошло в виде создания профсоюза “Студенческая защита” в апреле 1994 г. Поскольку наряду с леваками (в первую очередь анархистами и “новыми левыми”) в “Студенческой защите” сразу же важную роль стал играть Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), “Студенческая защита” оказалась втянута в область прямых партийных и организационных интересов как КПРФ, так и РКРП – тем более, что на первом этапе существования “Студенческой защиты” при создании отделений этого профсоюза в провинции во многих случаях организационные структуры “Студенческой защиты” формировались вокруг уже существовавших оргструктур РКСМ.

Возникшие в “Студенческой защите” в 1995–1996 гг. внутренние противоречия между анархистами и комсомольцами в связи с борьбой за преобладающее влияние в профсоюзе (а также и аналогичная борьба между комсомольцами – сторонниками Павла Былевского и комсомольцами – сторонниками Игоря Малярова в профсоюзе “Студенческая защита – Москва”) воспроизводили

классические схемы внутренней аппаратной борьбы в коммунистическом движении и являлись свидетельством того, что “Студенческая защита” в каком-то смысле уже принадлежит как к миру леворадикалов, так и к миру традиционной коммунистической оппозиции.

Восприятие леворадикалов как естественной части левой оппозиции достигло такой степени, что глубоко академичная Международная ассоциация “Ученые за демократию и социализм” пригласила членов Федерации революционных анархо-синдикалистов (ФРАН) организовать один из “круглых столов” (“Кризис “госкапитализма” и самоуправленческая альтернатива”) в рамках проходившей в Москве 16–18 июня 1995 г. международной конференции “Мир через 50 лет после II Мировой войны: взгляд слева”. Основной доклад на “круглом столе” делал член ФРАН, лидер Группы революционных анархо-синдикалистов (ГРАС) Вадим Дамье, среди выступавших были члены ФРАН В. Платоненко, Д. Костенко (лидер ИРЕАН), член КАС М. Цовма.

К весне 1997 г. крупнейшие леворадикальные организации страны фактически оказались включены в структуру партий и движений системы представительной демократии в России – в качестве крайне левого крыла, преимущественно в виде “внепарламентской оппозиции”, что само по себе является нормальным, т.к. именно такое место и с таким статусом занимают леворадикалы и в странах Запада. В определенном смысле это – их “законное” место.

“Студенческая защита” даже может считать себя представленной в парламенте: член Исполкома “Студенческой защиты” Дарья Митина – депутат Государственной думы (по списку КПРФ), член Исполкома П. Былевский и Председатель Исполкома Д. Костенко – помощники депутата Госдумы Владимира Григорьева (депутат от РКРП).

Кроме того, многие леворадикалы (“Студенческая защита”, Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм”, ИРЕАН, ОПОР, Самарский анархо-коммунистический союз (САКС) и т.д.) тесно сотрудничают и с другими политическими партиями и организациями – вплоть до “Яблока” (отделение “Студенческой защиты” в Московском институте электроники и математики, МИЭМ) и Национал-большевистской партии (Фиолетовый Интернационал, ИРЕАН в Москве, Санкт-Петербурге и других местах).

Некоторые группы леворадикалов откликнулись на такое развитие событий усилением тенденции к самоизоляции. В основном это были троцкистские группы, в том числе и те, кто активно сотрудничал до недавнего времени с определенными кругами вне леворадикального мира (с Партией Труда, Союзом интернационалистов, ассоциацией “Ученые за демократию и социализм” и т.п.). Даже лидер достаточно открытого для внешних контактов Социалистического рабочего союза (СРС) Алексей Гусев на конференции, посвященной 60-летию книги Л.Д. Троцкого “Преданная революция” (Москва, 22–24 ноября 1996 г.) подтвердил традиционную троцкистскую позицию “никакого сотрудничества со сталинистскими партиями”¹⁶⁸. Надо иметь в виду, что в троцкистской терминологии “сталинистскими” называются не только партии последователей И.В. Сталина, но вообще любые компартии, построенные на организационных принципах, аналогичных ВКП(б) – КПСС, или с близкой к КПСС идеологией.

Сходную позицию усиления самоизоляции на внутривнутриполитической арене заняла и Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – Секция Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС – МАТ), кстати, осуществляющая постоянные контакты с СРС (ведущий активист КРАС – МАТ Юлия Гусева – жена лидера СРС Алексея Гусева). КРАС – МАТ так же, как и троцкисты, осуждает установление и расширение контактов леваков (конкретно – анархистов) за пределами леворадикального мира (т.е. с “тоталитаристами” – традиционной коммунистической оппозицией и тем более НБП) и ориентируется в первую очередь на усиление контактов с собственным анархистским “интернационалом” – МАТ.

Впрочем, КРАС – МАТ осуществляет “персональный” проект выхода из политической изоляции – при помощи сформированного ею микропрофсоюза “Воля” (12 членов), в котором помимо членов КРАС – МАТ состоит некоторое число неортодоксально мыслящих марксистов (Дмитрий Федоров, Татьяна Шавшукова и др.).

“Новые левые” выходят на первое место

В 1994 г. стало очевидно, что именно “новые левые”, пробившие брешь в изоляции леваков вообще, наиболее активны, мобильны тактически и идеологически и обладают наибольшими перспективами. Их активность привлекла к ним новых членов – как из рядов других левацких организаций, так и из-за пределов мира леворадикалов.

Можно сказать, что “новые левые” в 1994–1996 гг. были единственным “живым” крылом среди леворадикалов – в то время как все остальные медленно деградировали (анархисты и троцкисты) или стагнировали (“пролетаристы”).

Однако безусловно ведущее место в леворадикальном сообществе “новые левые” закрепили за собой только после того, как им – первым среди леваков – удалось самостоятельно организовать настоящие *массовые уличные беспорядки*.

Впервые это произошло 12 апреля 1994 г. в Москве.

Беспорядки выросли из пикета перед Домом правительства (“Белым домом”), который проводила официальная Ассоциация профсоюзных объединений студентов (АПОС) в поддержку требований повышения стипендий и своевременной их выплаты. По известной методике официальных профсоюзов на пикет в автобусах были доставлены представители студенчества из ряда городов Центральной России – Калуги, Твери, Пензы, Воронежа. К ним присоединились, естественно, московские студенты. Всего число пикетчиков доходило до 5 тысяч человек. Разумеется, на пикет явились и представители левой оппозиции – от комсомольцев до анархистов, – которые развернули среди студентов задушевную агитацию и активно торговали своей периодикой.

После двух часов бесполезного и скучного стояния терпение пикетчиков иссякло. Правительство явно и демонстративно игнорировало пикет. Подзуживаемые леваками, студенты устроили стихийный митинг, используя в качестве трибуны строительный вагончик. Официальные профлидеры пытались было этому противостоять, но их никто не слушал. Студенты один за другим выкрикивали в адрес правительства и президента всё, что у них накопилось. Ораторского опыта у выступавших не было, и потому они быстро переходили от аргументированной критики к угрозам и мату в адрес “высших должностных лиц”. Тут инициативу захватили поднаторевшие на митингах лидеры леваков. Заведя массы революционными речами, они призвали организовать марш к Кремлю и перенести митинг на Красную площадь. Такой митинг власти вряд ли могут проигнорировать.

Скандируя “Стипендию! Стипендию!”, “Вся власть студентам!”, “Fuck off буржуй!” и “Ельцин – козел!”, толпа выплеснулась на Новый Арбат. В марше участвовало от 2,5 до 3 тысяч человек. С организацией было плохо. “Марш протеста” скорее напоминал народное гулянье, и только первые ряды, где сосредоточились политические активисты, выглядели стройными.

Демонстранты перекрыли уличное движение на Новом Арбате. ГАИ вынуждено было пустить автопоток в объезд. Впрочем, какой-то “новый русский” на иномарке смело въехал в колонну и сбил одного из студентов (по счастью, парень отделался только ушибами). Обозленные студенты тут же выбили в иномарке ветровое стекло и пригрозили “новому русскому”, что сожгут его вместе с машиной. По воспоминаниям участников, “буржуй сидел в тачке тихо, как мышка”.

Первое столкновение с милицией произошло напротив кинотеатра “Октябрь”. Попытка остановить колонну не удалась – студенты прорвали милицейский кордон, однако три человека были арестованы (среди них – лидер Инициативы революционных анархистов (ИРЕАН) Дмитрий Костенко). После этого настроения студентов радикализировались, и лозунги “Стипендию!” сменились уже исключительно антиправительственными, антипрезидентскими и вообще антикапиталистическими. Сломав еще несколько кордонов милиции, колонна вышла на Манежную площадь в районе Кутафьей башни, где столкнулась с ОМОНОм.

Несмотря на активное сопротивление студентов, демонстрация была рассеяна. Однако несколько сот демонстрантов (по разным данным, от 300 до 600 человек) прорвались через Александровский сад к Историческому проезду. Основу этой группы составили комсомольцы, анархисты и активисты “Партизанского движения”. В какой-то момент группу прорвавшихся возглавил лидер Фиолетового Интернационала Алексей Цветков.

В Историческом проезде демонстранты были встречены превосходящими силами ОМОНа. Большинство демонстрантов было здесь избито и остановлено. Среди прочих, получив тяжелое сотрясение мозга, выбыл из строя и А. Цветков (затем он долго лечился и по сию пору наблюдается у врача). Однако от 100 до 150 студентов во главе с активистами ИРЕАН прорвались через цепи ОМОНа и “нырнули” в ГУМ. Там эта толпа, скандировавшая лозунги и размахивавшая красными и черными знаменами и транспарантами революционного содержания, произвела изрядный переполох. Точно “в центре ГУМа у фонтана” какой-то одетый в дорогой костюм и кожаное пальто “новый русский” счел своим долгом остановить демонстрантов, чтобы высказать неудовольствие их внешним видом и цветом их знамен, за что был брошен студентами в фонтан.

Студенты попытались прорваться через ГУМ на Красную площадь, но были встречены ОМОНОм и быстро рассеяны.

В ходе беспорядков от 60 до 80 демонстрантов получили тяжелые побои или травмы, 9 человек было арестовано. Суд над задержанными состоялся на следующий день. Журналистов на суде не было. На некоторых демонстрантов распространились затем и внесудебные преследования (так, Д. Костенко, на суде отделавшийся предупреждением, был отчислен из очной аспирантуры)¹⁶⁹.

Студенческие беспорядки 12 апреля 1994 г. послужили стимулом к созданию профсоюза "Студенческая защита" – самой крупной, известной и активной организации "новых левых" в России. Именно активные участники беспорядков провели 16 апреля 1994 г. в МГУ учредительную конференцию профсоюза. В Исполком профсоюза вошли многие активные участники беспорядков, Д. Костенко был избран председателем Исполкома. К весне 1997 г. "Студенческая защита" уже насчитывала свыше 15 тысяч членов в 22 регионах России.

Беспорядки 12 апреля 1994 г. были первыми массовыми уличными гражданскими беспорядками в Москве (и, кажется, вообще в России) с момента событий октября 1993 г. и первыми уличными студенческими беспорядками в Москве с конца 60-х, со времени демонстраций китайских студентов, обучавшихся в Советском Союзе.

Официальные средства массовой информации студенческие беспорядки 12 апреля 1994 г. замолчали. Однако эффект от замалчивания получился обратный ожидавшемуся. Немногочисленные экземпляры малотиражных леворадикальных изданий с описанием событий 12 апреля в Москве, попавшие в провинцию в студенческую и вообще молодежную среду, буквально зачитывались до дыр, после чего содержание статей пересказывалось уже по памяти – с добавлением многих, не существовавших в реальности, эпизодов. Так, студенты из Владивостока, приехавшие в 1995 г. в Москву, были уверены, что 12 апреля демонстранты чуть-чуть не взяли штурмом Кремль, в этом же были уверены и студенты пединститута из Барнаула (там была даже сложена красивая легенда, что Ельцин 12 апреля был спешно эвакуирован из Кремля на вертолете). Минские студенты выпустили листовку, где события 12 апреля 1994 г. в Москве сравнивались в "Красным Маем 1968" в Париже¹⁷⁰. Содержание листовки стало предметом специального заседания коллегии КГБ Белоруссии, после чего автор текста листовки – председатель "Свободного студенческого союза Беларуси" анархист Олег Новиков – был вынужден временно эмигрировать в "соседнюю страну" – на Украину, где белорусская госбезопасность, как ни странно, его не нашла¹⁷¹.

“Новые левые” выходят на первое место (2)

Следующие беспорядки, связанные со “Студенческой защитой”, произошли через месяц с небольшим – в ночь с 19 на 20 мая 1994 г. в Твери, на территории студенческого городка Тверского государственного университета (ТГУ).

Собственно, то, что там произошло, "беспорядками" можно назвать с некоторой натяжкой. Или уж, во всяком случае, организаторами беспорядков были не столько студенты, сколько правоохранительные органы.

Дело в том, что после запрета КПСС и ее дочерних организаций (включая комсомол и пионерскую организацию) и развала СССР в студгородке ТГУ внезапно завелась "нездоровая" традиция: праздновать день рождения пионерской организации (19 мая 1922 г.). Праздник возник как большая студенческая пьянка, но к 1994 г. эта пьянка уже обросла ритуалами: полагалось надевать пионерские значки и галстуки, петь всю ночь напролет пионерские и комсомольские песни, дудеть в горны, бить в барабаны, ходить строем и разжигать пионерские костры. Причем с каждым годом праздник становился все менее пьяным (студенты в провинции нищали и перешли с водки на пиво – но и на пиво денег не хватало), но зато – в качестве компенсации – все более массовым и "пионерским". Это был, конечно, “стёб”, но с явными элементами вызова новой буржуазной власти. Два года власти снисходительно игнорировали эти грандиозные студенческие пьянки с пением, кострами и дудением в горны. В 1994 г. все изменилось.

Небольшая группа студентов, участвовавших 12 апреля в беспорядках в Москве и вдохновленных идеей создания в Твери отделения "Студенческой защиты", сочла, что День рождения пионерии – самый удобный случай для пропаганды этой идеи. К восторгу еще почти непьющих студентов они провозгласили территорию студгородка "оккупированной" и открыли “антиправительственный революционный митинг”. "Митинг", вообще-то говоря, свелся к двум кратким речам о том, как плохо жить студентам и какая хорошая организация "Студенческая защита", а потому нужно срочно учредить ее и в Твери. "Митинг" пользовался успехом – в основном потому, что хлынувший ливень загасил "пионерский костер" и загнал студентов в помещения. "В ознаменование начала бескомпромиссной революционной борьбы" кто-то из ораторов предложил

спеть "более взрослую" песню – "Интернационал". Народ дружно грянул (как ни странно, слова все знали).

Реакция властей последовала незамедлительно. В Спортивном переулке перед студгородком появились 6 машин, битком набитых омовцами в бронежилетах, в шлемах и с автоматами, но в основном без щитов и дубинок. Видимо, вызов в студгородок вообще был для ОМОНа большой неожиданностью, так как омовцы в большинстве своем были пьяны. Позже ходили слухи, что ОМОН вызвала перепуганная администрация, сообщив по телефону, что студгородок захвачен вооруженными анпиловцами, которые с пением "Интернационала" строятся в колонны под красным знаменем и, видимо, намерены штурмовать город. В этой информации все было правдой, кроме анпиловцев, оружия и штурма.

С криками "Всем лежать, б...ди!" омовцы ворвались в студгородок и принялись, вышибая стекла и двери, нещадно избивать оторопевших студентов. Студенты не сопротивлялись: кто был уже пьян, кто – не умел, а многие и вовсе спали. Запертые двери (в основном в комнатах девушек) вызывали у омовцев приступы инстинктивной ярости. Омовцы вышибали двери, выволакивали (обычно за волосы) полуголых девчонок, избивая их по дороге и требуя "выдать оружие и наркотики". Многим девушкам запомнился здоровенный пьяный омовец, который профессионально – одним ударом ноги – высаживал двери и врвался в комнаты с диким криком: "Кто здесь целка?! Отвечать! Я – спец по целкам!".

Кое-где этажи перекрывались решетками – и студенты успели их закрыть и спасти свои комнаты от разгрома, а себя от избиения. На крыше несколько студентов попытались забаррикадироваться и встретили ОМОН градом пустых пивных бутылок. Но омовцы, хоть и пьяные, подавили сопротивление без потерь и, задержав защитников крыши, препроводили их в милицеские машины. Заодно прихватили и некоторых других почему-то не понравившихся им студентов, "революционную символику" (знамя, горны и барабан), все спиртное, какое нашли, а также кое-какие чужие личные вещи.

Избитые студенты выползли из углов, матеря "ментов" и Ельцина, перевязывая раны и утешая плачущих девушек. Одного студента, впрочем, избили так сильно, что его пришлось отправить с стационар с переломами¹⁷².

Кто-то из чудом не задержанных "революционеров" громко высказался в том духе, что "теперь-то всем очевиден звериный оскал власти" и призвал немедленно основать "Студенческую защиту". И "Студенческая защита" в Твери действительно была создана. Журнал "Черная звезда" рассказ об этих событиях сопроводил совершенно справедливым саркастическим замечанием: "Сто анархистских агитаторов за год не добились бы такого эффекта"¹⁷³.

“Новые левые” выходят на первое место (3)

Наконец, 12 апреля 1995 г. "Студенческая защита" уже совершенно сознательно и целенаправленно участвовала в организации и осуществлении крупнейших студенческих массовых беспорядков – вновь в Москве.

12 апреля 1995 г. в стране проходил Всероссийский день профсоюзных действий, организованный ФНПР. К "взрослым" профсоюзам присоединилась, разумеется, и входящая в ФНПР Ассоциация профсоюзных организаций студентов (АПОС). К АПОС присоединилась "Студенческая защита".

К заявленному времени – к 3 часам дня – перед "Белым домом" собрался 5-тысячный студенческий митинг. На митинге "Студенческая защита" развернула небывалую активность. Специально к этому дню было напечатано огромное количество листовок и спецвыпуск еженедельника "Студенческая защита", которые раздавались всем желающим. Кроме того, ораторы "Студенческой защиты", используя мегафоны, с трех разных точек, сменяя друг друга, непрерывно выступали с речами. Основными требованиями "Студенческой защиты" к властям были: отмена решения правительства России о лишении успевающих студентов права на стипендию; отказ от принятия закона о призыве студентов и выпускников вузов на службу в армию рядовыми на два года; расширение студенческого самоуправления в вузах; участие студентов в контроле над финансовой деятельностью вузов; прекращение практики сокращения бесплатных учебных мест и сдачи общежитий в аренду коммерческим структурам. Требования АПОС были куда более скромными: АПОС, как обычно, просила лишь не задерживать выплаты стипендий и, если можно, повысить их.

Выступавший от микрофона, установленного на грузовике, лидер АПОС Алексей Щербина быстро устал от конкурентов-радикалов (которых в основном и слушали) и решил устранить их. По его просьбе без всяких объяснений милиция задержала трех ораторов с мегафонами (в их числе

оказались лидер "Студенческой защиты" Дмитрий Костенко и лидер РКСМ Игорь Маляров). Задержанных отвезли в отделение. Туда же кинулось большинство руководителей "Студенческой защиты" – добиваться освобождения задержанных. Студенты заволновались и стали возмущаться. А Щербина решил не рисковать и объявил только что начавшийся митинг завершенным. Милиция начала вытеснять студентов с площади перед "Белым домом".

Далее события стали быстро развиваться по уже знакомому сценарию. Несмотря на отсутствие руководства студенты организовались, построились в колонны и, сметя металлические ограждения и милицейское оцепление, направились маршем по Новому Арбату в сторону Кремля. Демонстрация носила откровенно стихийный характер и только на пересечении Нового Арбата с Садовым кольцом в голову колонны пробилась единственные оставшиеся на месте члены Исполкома "Студенческой защиты" – Алексей Цветков (студент Литературного института, лидер Фиолетового Интернационала и "Партизанского движения") и Станислав Маркелов (студент Юридической академии, член Социал-демократической партии России, СДПР).

Как выяснилось, власти заранее подготовились к такому повороту событий. Сзади студентов атаковали неожиданно появившиеся дополнительные подразделения муниципальной милиции, а на пересечении Нового Арбата с Садовым кольцом дорогу демонстрантам перекрыли машины с ОМОНОм. Поскольку в хвосте колонны оказались в основном девушки, сколько-то серьезно сопротивляться "муниципалам" они не могли, и милиция с удовольствием отыгралась дубинками на "слабом поле".

Голова колонны тем временем вступила в схватку с ОМОНОм. ОМОН применял дубинки, демонстранты – камни, палки и пустые бутылки. Рассеять студентов не удалось. Наоборот, студенты побили все стекла в омовских машинах и загнали ОМОН частью в машины, частью – за них. На перекресток подходили новые милицейские подразделения.

Прорваться дальше по Новому Арбату у студентов сил не хватило. Но они обошли заслон и прорвались на Старый Арбат. Прорвались, однако, не все – лишь от 1,5 до 2 тысяч студентов. Милиция и ОМОН постоянно наседали сзади, отсекая небольшие группы демонстрантов. Однако на Старом Арбате к демонстрантам присоединилось до 500 человек из числа находившейся там молодежи.

К этому времени демонстранты уже сильно озлобились. "Студенческие" лозунги сменились откровенно антиправительственными и антикапиталистическими, самым популярным из которых был лозунг "Ельцина – на х..!" В голову колонны вынесли огромный транспарант "Капитализм – дерьмо!"

Власти несколько раз попытались остановить демонстрантов на Старом Арбате, но каждый раз после жестокой схватки вынуждены были отступить. Наиболее серьезной была такая попытка около 5-го отделения милиции.

Озверевшие студенты побили по дороге несколько витрин, которые показались им особенно "буржуйскими". Перед "неразбиваемой" витриной "Олби" демонстранты даже специально задержались – и в конце концов разбили ее.

На месте впадения Арбата в Арбатскую площадь студентов уже ждали новые цепи милиции и ОМОНа. При прорыве колонны на Арбатскую площадь произошла одна из самых ожесточенных схваток, в ходе которой свыше 10 студентов получили серьезные травмы, ОМОН разорвал знаменитый транспарант "Капитализм – дерьмо!", были разбиты стекла входа в ресторан "Прага", а одному из милиционеров пробили голову.

До 1200 студентов все же прорвались через заслоны к зданию Министерства обороны, которое они забросали камнями, бутылками и пузырьками с чернилами, а заодно расписали здание и асфальт перед ним антивоенными лозунгами, воспользовавшись краской, оставленной перед зданием строителями.

Демонстранты перекрыли движение на Арбатской площади, Новом Арбате и Бульварном кольце. Часть студентов попытались зачем-то прорваться по Новому Арбату в сторону "Белого дома" (возможно, их привлекло обилие "особо буржуйских" витрин на этом отрезке проспекта), но ОМОН остановил их дубинками и слезоточивым газом. Большинство демонстрантов направилось к Манежной площади.

На Манежной площади демонстрация была встречена соединенными силами милиции, ОМОНа и солдат внутренних войск, которые рассекли колонну сначала на две, а затем на три части и стали "рассеивать". Рассеивание превратилось в огромную "охоту" на студентов, которая распространилась на близлежащие улицы и даже станции метро. Студентов беспощадно избивали дубинками, били ногами, затаскивали в милицейские машины и автобусы и снова били. Били и на

станциях метро. Заодно избили многих, в демонстрации не участвовавших, а просто подвернувшихся под горячую руку.

Две из трех групп, на которые была рассечена студенческая колонна, удалось рассеять относительно легко, но голова колонны, где собрались политические активисты, попыталась прорваться в Александровский сад, помня об опыте 1994 г. Эта попытка частично удалась – в Александровский сад прорвалось около 500 демонстрантов. При этом, правда, один из двух руководителей колонны – А. Цветков – получив серьезные побои, был выведен из строя (Цветков получил второе тяжелое сотрясение мозга и был задержан).

“Новые левые” выходят на первое место (4)

Около полутысячи студентов, собравшись в Александровском саду, организованно направились к Музею В.И. Ленина, где атаковали распространителей фашистской литературы, изрядно их побив. К месту драки подоспел ОМОН, который встал на сторону фашистов и оттеснил активно сопротивлявшихся студентов на Театральную площадь, а оттуда – на Никольскую улицу, где студенты и были окончательно рассеяны.

В ходе беспорядков свыше 200 студентов получили различные травмы, свыше 30 – были задержаны на сутки (еще большее число студентов было задержано на несколько часов, ими были набиты 5-е, 11-е и 122-е отделения милиции, после установления личности и получения объяснений их отпускали). Пятеро из задержанных были оштрафованы судом, остальные отделались предупреждением. Революционная символика решением суда была конфискована и уничтожена. Трое ораторов "Студенческой защиты", задержанных перед "Белым домом" до начала беспорядков, были по суду полностью оправданы и освобождены. В свою очередь, студенты разбили несколько милицеских машин и нанесли тяжелые травмы головы двум сотрудникам милиции.

Если беспорядки 12 апреля 1994 г. продолжались около 1,5 часа, то беспорядки 12 апреля 1995 г. продолжались свыше 3 часов. Демонстрантам противостояло до 1100 сотрудников милиции, омовцев и солдат внутренних войск. Беспорядки охватили столь значительную часть центра столицы, что не заметить их было просто невозможно. Как невозможно было не почувствовать запаха слезоточивого газа. Но журналисты из "большой прессы" и электронных СМИ – не заметили.

12 апреля 1995 г. студенты насчитали 13 телекамер и свыше 20 человек с удостоверениями прессы, не менее двух десятков фотографов. Студенты – активисты "Студенческой защиты", члены Фиолетового Интернационала и ИРЕАН вспоминают, как еще во время митинга, до начала беспорядков у них брали интервью (всего не менее 3 телеинтервью, не менее 2 радиointервью и минимум 6 интервью для газет). Эти интервью нигде не появились.

Правительство, хотя оно внешне и игнорировало оба митинга, на самом деле беспорядки заметило и сделало выводы. И в первый, и во второй раз вскоре после беспорядков власть быстро находила средства на срочную ликвидацию задолженности по стипендиям и на повышение стипендий студентам и аспирантам. Вскоре после студенческих беспорядков 1995 г. В.С. Черномырдин даже сказал знаменитую фразу (растиражированную всеми каналами ТВ) о том, что революции начинаются не с шахтерских забастовок, а со студенческих волнений.

Вновь, как и год назад, о беспорядках написала "альтернативная" пресса. "Бумбараш-2017" сопроводил статью большим количеством фотографий и даже воспроизвел карикатуру из листовки "Студенческой защиты" к 12 апреля. На карикатуре тонконогий плюгавенький студент мощно бил ногой под зад премьера Черномырдина, выкрикивая "Вот тебе, гад!"¹⁷⁴. Ежедневник профсоюза "Студенческая защита", естественно, занял материалом о беспорядках всю первую полосу¹⁷⁵. Достаточно большую статью о беспорядках опубликовала "Лимонка"¹⁷⁶. "Большая пресса" промолчала.

"Студенческая защита" – в попытке прорвать информационную блокаду – провела 16 апреля в Российско-Американском информационном пресс-центре специальную пресс-конференцию, посвященную событиям 12 апреля. На пресс-конференции присутствовало почти пять десятков журналистов (отечественных и зарубежных), включая радио-, теле- и фото). Но никаких репортажей с пресс-конференции не последовало. Лидеры "Студенческой защиты", чье сознание несколько мифологизировано, решили, что на тему наложено табу – и наложено кем-то невероятно сильным, раз промолчали даже оппозиционные издания, хотя очевидно, что никакого "центра", управляющего и правительственными, и оппозиционными СМИ, в России нет.

Единственным сообщением о пресс-конференции "Студенческой защиты" была крошечная заметка, разосланная по сети "Интерфакса". В заметке ничего не говорилось о беспорядках, а лишь цитировалась угроза председателя профсоюза "Студенческая защита – Москва" (Московское

отделение "большой" "Студенческой защиты") организовать захват студентами вузов и правительственных учреждений, если власть и дальше будет игнорировать интересы студенчества. Эта заметка (как правило, в усеченном виде) попала в некоторые (в основном провинциальные) газеты¹⁷⁷.

Такое отношение к беспорядкам 12 апреля 1995 г. и ко всему, что с ними связано, особенно показательно, если сравнить его с освещением в СМИ других акций "Студенческой защиты". Например, 14 октября 1994 г. "Студенческая защита" провела у памятника М.В. Ломоносову перед зданием факультета журналистики МГУ митинг. В митинге участвовало от силы 200 человек, причем значительная часть из них была журналистами, сотрудниками спецслужб и просто случайными прохожими. В принципе невозможно даже точно сказать, сколько человек участвовало в этой акции (помимо собственно двух-трех десятков организаторов), поскольку митинг проходил перед входом в здание факультета, и студенты, выйдя после занятий на улицу, автоматически превращались в участников митинга (обычно, постояв немного и послушав ораторов, они уходили, но их сменяла новая порция). Ораторы (в том числе один в маске Фредди Крюгера и с надписью на груди "Я жил на одну стипендию") призывали студентов бороться за свои права и записываться в "Студенческую защиту". Над всем этим развевались огромные транспаранты "Долой капитализм!" и "Капитализм – дерьмо!", а завершилось действие ритуальным сожжением чучела буржуа в красном пиджаке со значком на лацкане "Хочешь похудеть – спроси меня как!" Тут же после сожжения никому не известный молодой человек (он все время терся около организаторов и спрашивал их о программе "Студенческой защиты" и тому подобных вещах) метнул в стоявших неподалеку милиционеров бутылку – и митинг сразу же был разогнан (милиейские машины стояли наготове). По указаниям все того же неизвестного молодого человека милиция задержала двух организаторов митинга (к вечеру по требованию депутатов Госдумы они были освобождены¹⁷⁸).

Об этом скромном и по сути дела карнавальном событии написали (пусть коротко) почти все газеты, рассказали все программы TV, были сделаны многочисленные радиорепортажи. Телепередача "До 16 и старше" даже посвятила митингу специальный получасовой выпуск. Активисты "Студенческой защиты" подсчитали, что суммарное телевремя сюжетов, посвященных митингу, потянуло на 1 час 49 минут. "Новая ежедневная газета" посвятила этому действию специальную статью¹⁷⁹.

“Новые левые” выходят на первое место (5)

С большим запозданием (в конце апреля) за пределами “альтернативной” прессы появились две статьи, посвященные беспорядкам 12 апреля 1995 г.

В газете "Экспресс-Хроника" была напечатана статья Виталия Воскресенского "Любители удобной жизни". В статье говорилось о студенческом митинге 12 апреля у "Белого дома", но ни слова не было сказано ни о ходе митинга, ни о последующих беспорядках. Автор заменил изложение событий долгой и маловразумительной руганью в адрес студентов. Из статьи выходило, что студенты протестовали исключительно против призыва их на военную службу, и автор негодовал, за что студентам такие льготы, чем они, студенты, лучше других? "А может быть, – ехидно спрашивал В. Воскресенский, – студентам просто не хочется, чтобы их так удобно складывающаяся жизнь изменялась к худшему?"¹⁸⁰

26 апреля 1995 г. в "Московском комсомольце" появилась статья Екатерины Головацкой "Не бывает непробиваемых стекол. Бывают непробиваемые головы". События 12 апреля 1995 г. в статье излагались несколько своеобразно: "12 апреля у передового студенчества случилась пьянка. Прямо перед Белым домом. Как и любая настоящая русская пьянка, закончилась она дебошем. "Студенческая защита" любит высокопарные слова, и потому этот самый дебош она называет "студенческими волнениями в Москве"... На митинг собралось примерно 5000 человек. О том, сколько было выпито пива, статистика умалчивает... толпа отправилась бродить по центру Москвы... Под предводительством "защитников" они успели побывать у мэрии, на Старом Арбате, у здания Генштаба, которое облили черной краской..., а заодно разбили бронированную витрину "Олбидипломат"... Поматерясь власть у Генштаба, студенты пошли биться головой о кремлевские стены. Там наконец-то их разогнали... Два часа они пьяной кодлой шатались по Москве, били стекла, матерились и пугали прохожих... Так и зарабатывают юные бунтари свой первичный политический капитал, среди таких же любителей пива, как они сами. А пиво у нас любят о-очень многие... За удовольствие надо платить. Есть, например, масса районных группировок. Регулярно "пионеры Сетуни" бьют морду "пионерам фабрики Ногина", а потом отсиживают свои пятнадцать суток за хулиганство. И не возмущаются..."¹⁸¹

Таким образом, “большая” пресса и электронные СМИ студенческие беспорядки, устроенные “новыми левыми”, постарались замолчать, а если это оказалось невозможным, передали о них искаженную информацию¹⁸².

Кстати, лидеры “Студенческой защиты” успешно использовали публикации “Экспресс-Хроники” и “Московского комсомольца” в собственных целях. В нескольких тысячах экземпляров они отскерокопировали статьи Воскресенского и Головацкой – и раздали их участникам беспорядков, всем активистам “Студенческой защиты”, разослали в провинцию (с соответствующими комментариями). Разумеется, содержание статей вызвало бурное возмущение у активистов “Студенческой защиты” и участников беспорядков и укрепило их во мнении, что “большая” и вообще “буржуазная” пресса – “лживая” и “продажная”.

Ореол “уличных бойцов”, культивировавшийся лидерами “Студенческой защиты” в 1994–1995 гг. вокруг своей организации, обеспечил интерес к ней как в левацком мире, так и в кругах радикальной оппозиции вообще, а также и в молодежной среде, что облегчило “Студенческой защите” быстрое и успешное развитие, отчасти за счет ложной славы и немотивированного страха перед нею со стороны правящих структур (в Иванове, например, где местные власти были уверены, что “Студенческая защита” – это что-то вроде боевиков РНЕ, только ультралевых¹⁸³, и потому именно “Студенческой защите” приписывались все мыслимые инциденты в вузах, включая пожар в Ивановском государственном университете¹⁸⁴).

“Новые левые” выходят на первое место (6)

Подобная ситуация позволила активизироваться не только “Студенческой защите”, как крупнейшей леворадикальной организации, но и Фиолетовому Интернационалу / “Партизанскому движению” (впрочем, на уровне активистов почти слившимся со “Студенческой защитой”), а также породить новые организации “новых левых”: Революционный молодежный союз “Смерть буржуям!” в Санкт-Петербурге и ряд других в провинции – иногда формально анархистские (Самарский анархо-коммунистический союз (САКС), Федерацию анархистов Кубани (ФАК) и т.д.), иногда уже явно “новые левые” (Практико-революционная организация Воронежа, ПРОВО).

Более того, из анархистского сообщества наиболее активными и способными воздействовать на сознание леворадикальной (и вообще молодежной) среды оказались в первую очередь те группы, которые подверглись сильному идейному воздействию “новых левых” (ИРЕАН, “Хранители Радуги”). Эти группы, в частности, взяли на вооружение тактику силового противостояния власти в конфликтных ситуациях.

В ряде случаев можно заметить даже прямое провоцирование властей на применение силы (Фиолетовым Интернационалом и ИРЕАН во время профсоюзного митинга в Иванове в октябре 1994 г.¹⁸⁵, или Фиолетовым Интернационалом и “Хранителями Радуги” во время акций экологистов в 1994–1996 гг.¹⁸⁶).

Несомненно, что такая активность привлекла к “новым левым” внимание (вполне корыстное, естественно) не только традиционной левой оппозиции (в том числе и вполне “солидной” – не случайно КПРФ долго обхаживала “Студенческую защиту”, чтобы та поставила свою подпись под соглашением в поддержку кандидатуры Г.А. Зюганова на президентских выборах 1996 г.; в конце концов из-за отказа Д. Костенко поддержать кандидатуру Г.А. Зюганова подпись от имени “Студенческой защиты” была поставлена А. Цветковым¹⁸⁷), но и оппозиционных групп иной ориентации, в частности, Национал-большевистской партии (НБП).

Опыт уличных акций “новых левых” произвел впечатление даже на достаточно самостоятельный тактически и идеологически ОПОР. В марте 1997 г. ОПОР призвал пермских рабочих игнорировать официально предложенные методы “общероссийской акции протеста”, проводившейся ФНПР (т.е. митинги и забастовки), а вместо этого перекрывать транспортные магистрали¹⁸⁸. Рабочие завода “Машиностроитель” в Перми так и сделали – перекрыли одну из ведущих магистралей города.

Оппоненты “новых левых” – в основном из кругов МО КАС, Группы революционных анархо-синдикалистов (ГРАС), Социалистического рабочего союза (СРС) – довольно резко критиковали тактику “новых левых” как “милитантскую”, “провокационную” и “отличающуюся идейной неразборчивостью”. Эта критика, разумеется, содержала в себе позитивное зерно, однако не воспринималась всерьез ни самими “новыми левыми”, ни сочувствовавшей им в целом левацкой массой ввиду явного тяжелого кризиса, в котором пребывали КАС, ГРАС, СРС и другие оппоненты “новых левых”.

Тактика проведения силовых уличных акций, позволившая “новым левым” создать структуры по всей стране и резко повысить свой авторитет в леворадикальном сообществе в 1994–1995 гг., в 1996 г. вошла в противоречие с объективными задачами, стоявшими перед “новыми левыми”. “Студенческая защита” – а через нее большинство других “новых левых” – оказалась вовлечена в предвыборную кампанию и была вынуждена учитывать специфику предвыборной борьбы. В частности, Исполком “Студенческой защиты” настойчиво рекомендовал всем местным организациям воздержаться от уличных акций и вообще любых действий, которые могут быть использованы правительством в пропагандистских целях против оппозиции.

Таким образом, рост “Студенческой защиты”, позволивший ей выйти из маргинального состояния в мир “большой политики”, одновременно наложил ограничения на формы деятельности “Студенческой защиты”. Возникло противоречие между привычными для “новых левых” формами деятельности и методом мышления “новых левых”, с одной стороны, и объективными требованиями и правилами поведения, принятыми в “большой политике” – с другой. Это повлекло за собой нарастание в конце 1996 г. апатии в рядах “новых левых” – в первую очередь среди наиболее молодых и радикально настроенных активистов (членов “Партизанского движения” и т.п.).

Тактика, позволившая “новым левым” решить задачи, которые они поставили перед собой после октября 1993 г., объективно исчерпала себя именно ввиду своей успешности. Поставленные задачи были решены, новые не были сформулированы и, следовательно, никакая новая тактика не была разработана. К концу 1996 г. “новые левые” вступили в стадию инерционного существования.

Очевидно, к началу 1997 г. исчерпанность предыдущей тактики поняли и сами “новые левые”, как минимум, в Москве. Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм” сосредоточились в основном на артистической и контркультурной деятельности, “Студенческая защита” убедилась, что отработанная схема организации студенческих беспорядков больше не срабатывает – после того, как АПОС, предупрежденная заранее газетой “Сегодня” о планах “Студенческой защиты” организовать беспорядки¹⁸⁹, срочно отменила 26 февраля 1997 г. студенческую демонстрацию в Москве, намеченную ею на 27 февраля¹⁹⁰ – и “Студенческая защита”, таким образом, не смогла в третий раз осуществить проверенный сценарий.

Распад традиционных структур

Изначально леворадикалы строили свои организационные структуры по разным принципам, зависевшим в большей степени от идеологических догм, чем от непосредственных целей и задач, стоявших перед левацкими организациями, что само по себе было, безусловно, свидетельством теоретической и организационной слабости, неподготовленности и общей наивности леворадикалов.

Так, анархисты на практике постоянно стремились провести принципы “стихийности” и “самоорганизации”, испытывали недоверие к “бюрократизации” собственных организационных структур и явную идиосинкразию к “вождизму”, подпитываемую зачастую личными амбициями, завистью, ревностью и возникавшими на этой почве личными неприязненными отношениями.

В результате Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС) была создана на столь широких и аморфных конфедеративных принципах, что оказалась не в состоянии противостоять самораспаду. Местные организации КАС и индивидуальные члены КАС не считали себя обязанными выполнять резолюции съездов КАС, прислушиваться к указаниям “вождей” и вообще соглашаться с официальными документами КАС.

Наиболее прозорливые члены КАС осознавали, что все это чревато тотальным развалом организации. И. Подшивалов накануне III съезда КАС (прошедшего в ноябре 1990 г. в Ленинграде) распространил письмо “КАС – организация, а не тусовка”¹⁹¹, в котором требовал введения хотя бы минимальной дисциплины (на более жесткие требования он, как “идейный анархист”, не решился), внесения ясности в теоретическую линию КАС, создания хоть сколько-то четких организационных структур. На съезде решить этот вопрос не удалось, поскольку большинство участников съезда (включая лидеров КАС А. Исаева и А. Шубина, а следом за ними – и влиятельнейшую Московскую организацию КАС) были против такого “завинчивания гаек”.

К доводам И. Подшивалова КАС прислушалась только в мае 1991 г., когда общий жесточайший кризис КАС был уже самоочевидным фактом. КАС была разделена на 8 региональных объединений, был создан руководящий орган – Федеральный Совет, и учреждена должность Ответственного секретаря Федерального Совета, на которую был избран Владлен (“Влад”) Тупкин.

Но эти действия не могли спасти КАС от распада, поскольку и *modus vivendi* и *modus operandi* Конфедерации уже полностью сформировались. В результате на V съезде КАС (Томск, май 1992 г.) было решено упразднить Федеральный Совет и Секретариат КАС. Безусловно, и

Федеральный Совет, и Секретариат КАС были мертворожденными структурами, и их неудачи нельзя связывать с персональными недостатками вошедших в Федеральный Совет представителей или с личными особенностями В. Тупкина. Кадровый состав КАС и коллективные представления касовцев о том, что какой должна быть в идеале анархистская организация, препятствовали любым попыткам превращения КАС в жизнеспособную структуру в условиях все ужесточающихся правил политической игры в России.

В конце концов к началу 1997 г. на всей территории бывшего СССР осталось 23–25 человек, считающих себя членами КАС. Значительная часть из них политической активности не проявляет, хотя многие поддерживают эпизодические личные связи (как минимум, путем переписки). Единственными жизнеспособными секциями КАС остались группы в Омске, Томске и Северске (Томске-7), где члены КАС были в среднем на 10–15 лет старше остальных касовцев, принадлежали к рабочим и ИТР местных предприятий и относились к своей деятельности и вообще к идеям анархосиндикализма гораздо серьезнее и ответственнее своих более молодых товарищей по КАС.

Распад традиционных структур (2)

Подавляющее большинство анархистских организаций в России воспроизвели ту же схему деградации и развала, что и КАС. Будучи, по верному замечанию И. Подшивалова, не организациями, а “тусовками”, они быстро набирали критическую массу членов, оказывались не в силах занять их каким-то систематическим делом и были органически неспособны к самодисциплине и серьезной работе в условиях ухудшающегося материального и политического положения и все поднимающейся планки объективных требований, предъявляемых внешней средой к любой политической организации в России. Сама по себе анархистствующая личность, как уже отмечалось выше, сопротивлялась нормальной политической работе и рассматривала ее как попытку покушения на свою “свободу”. Большое число анархистских организаций возникло позже КАС, а развалилось раньше (Московский Союз Анархистов, Анархо-радикальное объединение молодежи, Анархический молодежный фронт, Федерация анархистских групп Москвы – I; Федерация анархистских групп Москвы – II, и т.д., и т.д.).

В еще более жестоком кризисе, чем КАС, оказался формально не распущенный, но реально не работающий Анархо-коммунистический революционный союз (АКРС), полностью повторивший судьбу КАС.

Ярким примером повторения судьбы КАС была и судьба Ассоциации движений анархистов (АДА). Созданная в июне 1990 г. именно как альтернатива КАС, АДА разрасталась до тех пор, пока задача противостояния КАС, с одной стороны, рассматривалась в анархистском сообществе как актуальная, а с другой стороны, такое противостояние не требовало от анархистов – оппонентов КАС ничего, кроме подписания совместных деклараций. После явного краха КАС – и уж тем более после “исторического примирения” КАС с АДА (на VIII съезде АДА в Санкт-Петербурге в декабре 1995 г., когда в АДА вступила в полном составе Московская организация КАС¹⁹²) – АДА утратила смысл своего существования и стала распадаться. В попытке воспрепятствовать этому VIII съезд АДА принял новое “Соглашение о взаимодействии” АДА, которое вводило более жесткие правила вхождения в АДА, в частности, фиксировало действия членов АДА, несовместимые с пребыванием в АДА, и вводило официальный порядок принудительного исключения из АДА лиц и групп, нарушивших новое “Соглашение”¹⁹³.

Таким образом, АДА всего лишь повторяла поведение КАС в ситуации структурного кризиса. Последствием этого явилось то, что до сих пор в самой АДА не очень хорошо понимают, кто же из членов АДА полностью признал новый вариант “Соглашения”, а кто – нет. Произошла рутинизация деятельности АДА, новый “враг” – взамен КАС – пока не найден, интерес к работе внутри АДА у членов самой АДА резко упал, тем более что неясно, в чем такая работа может заключаться. Никаких жестких структур новое “Соглашение” АДА не создало, аморфность и “тусовочность” Ассоциации не преодолены.

Анархисты Санкт-Петербурга, чьи традиционные структуры к 1994 г. развалились или почти полностью развалились, пытались выйти из кризиса, собрав всех анархистов всех направлений в единое городское объединение – Питерскую лигу анархистов (ПЛА, ПиЛА, Питерская ЛИАНА). Однако даже в масштабе одного города такое объединение оказалось слишком аморфным и фактически пребывает с 1994 г. в полукоматозном состоянии.

Интересно, что внутри ПЛА в 1995 г. было создано Движение жесткой анархии (ДЖАН), которое в своем Уставе фиксировало большее, чем в ПЛА, идейное единство и вводило некоторые организационные принципы, близкие к организационным принципам последнего “Соглашения о

взаимодействии” АДА¹⁹⁴. Однако, даже несмотря на микроскопичность ДЖАН, введение более жестких теоретических и организационных принципов не смогло стимулировать деятельность ни ДЖАН, ни ПЛА в целом.

Подобную картину можно наблюдать и в ИРЕАН. ИРЕАН превратилась даже не в конфедерацию анархо-коммунистических групп, а в некий аморфный конгломерат организаций, называющих себя “ИРЕАН”, лишенных общих теоретических документов, единого руководства, и не способных к проведению скоординированных действий. Более того, заявительный порядок существования групп ИРЕАН предполагает некоторую “расплывчатость” их статуса – одни и те же люди могут сегодня считать себя ИРЕАН, завтра (в зависимости от настроения) – нет. Что касается ИРЕАН Израиля, то нет даже твердой уверенности, что сама группа пережила зиму 1996/97 г., так как именно те израильские анархисты, которые считали себя иреановцами, проводили зиму в “сквоте” в заброшенном поселении Лифта и часть их погибла там от недоброкачественного героина, часть попала в тяжелом состоянии в больницу.

Распад традиционных структур (3)

Такой же распад поразил и троцкистские организации – хотя и по несколько другой схеме. Троцкисты (вне зависимости от “тенденции” – то есть направления в международном троцкизме; в настоящее время существует около 40 “тенденций”) были ориентированы на создание, во-первых, сильно централизованных и дисциплинированных немногочисленных “авангардных” структур, состоящих в идеале из “профессиональных революционеров”, и во-вторых, на пропаганду и агитацию в рядах рабочего класса (желательно промышленного пролетариата) с последующим созданием массовой рабочей партии, вдохновленной идеями Л.Д. Троцкого.

Однако на практике дальше создания немногочисленных и малороботоспособных кружков дело не пошло. В 1990–1994 гг. наблюдалась определенная стабилизация троцкистских рядов с переменными тенденциями то к росту, то к уменьшению организаций. При этом дисциплина в троцкистских группах падала, наиболее идейно лабильные или наименее дисциплинированные троцкисты переходили в другие организации (иногда нанося значительный ущерб репутации троцкистов, как, например, Илья Романов из Нижнего Новгорода, ознаменовавший свой разрыв с троцкизмом составлением издевательского и оскорбительного для троцкистов “Краткого словаря троцкизма”¹⁹⁵, ставшего “бестселлером” в левацких кругах), распространенным явлением стала критика отдельных теоретических положений Троцкого и троцкизма (сначала Комитетом за рабочую демократию и международный социализм (КРДМС), затем – Социалистическим рабочим союзом (СРС) и “Рабочей борьбой”), что неизбежно вызвало трения между российскими троцкистскими группами и их “патронами” из западных международных троцкистских тенденций.

В 1995–1996 гг. прогрессировал паралич деятельности троцкистских групп. Не сумев установить устойчивых связей в рабочей среде, эти группы лишались доверия и финансовой помощи своих западных “патронов”, что отрицательно сказалось на выпуске троцкистской печатной продукции.

Неизбежным в этих условиях становилось скатывание троцкистских групп на путь чисто семинарской работы в узком кругу постоянных активистов. Это имело бы смысл, если бы российские троцкисты признавали наличие большого числа нерешенных теоретических вопросов и располагали определенным количеством крупных теоретиков. Однако в отсутствие и того и другого даже семинарская работа стала медленно затухать.

В результате к началу 1997 г. активность троцкистских групп упала в России до минимума, многие структуры фактически распались (уровень кризиса трудно достоверно определить из-за патологической склонности большинства троцкистских групп к конспирации и секретности, доходящей до того, что многие троцкисты пользуются псевдонимами, хотя всем в левацком сообществе – а уж тем более правоохранительным органам – известны их настоящие имена).

Интернациональная коммунистическая лига (IV Интернациональная) (“спартакисты”) объявила в начале 1997 г. о временном прекращении своей работы на территории России¹⁹⁶. Петербургская группа “Рабочая борьба” во главе с Д. Жвания в конце 1996 г. самоликвидировалась и вступила в Национал-большевистскую партию (НБП), причем Д. Жвания был назначен лидером НБП Э. Лимоновым главой отделения НБП в Санкт-Петербурге¹⁹⁷.

Распад традиционных структур (4)

Кризис структур задел также и “новых левых”. Фиолетовый Интернационал, как неструктурированная организация, не мог утратить структур, но, потеряв в численности, изменил образ существования. Если раньше Фиолетовый Интернационал представлял собой некое единство

(пусть без фиксированного членства), наиболее политизированная часть которого называла себя “Партизанским движением”, то к началу 1997 г. это единство распалось на сложный конгломерат Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм”, причем уже далеко не все участники, например, “Коммунистического реализма” или “Партизанского движения” причисляли себя к Фиолетовому Интернационалу.

“Студенческая защита”, организованная по стандартному профсоюзному принципу, к 1997 г. превратилась в достаточно аморфную организацию, Исполком стал по сути координационно-информационным органом, неспособным влиять на политическую линию “Студенческой защиты” на местах. Профсоюз “Студенческая защита – Москва” и вовсе развалился, подорванный изнутри противоборством двух Российских коммунистических союзов молодежи – РКСМ П. Былевского, ориентированного на РКРП, и РКСМ И. Малярова, ориентированного на КПРФ. Комсомольцы обеих противоборствующих группировок пытались полностью подчинить себе профсоюз “Студенческая защита – Москва”, но после того, как это не удалось ни одной из сторон, комсомольцы махнули на студенческий профсоюз рукой и сосредоточились исключительно на внутрикомсомольской работе и взаимной борьбе. “Студенческая защита – Москва” оказалась фактически без руководства. Председатель профсоюза Дмитрий Петров от происходящих процессов самоустранился. Рядовые члены профсоюза, сильно сократившись в числе (на 2/3 первоначального состава), вновь восстановили обычные вузовские структуры “большой” “Студенческой защиты”, без выделения в отдельный московский профсоюз.

Общественно-политическое объединение “Рабочий” (ОПОР) пережил кризис традиционных структур раньше других леворадикалов – еще в феврале 1992 г., когда ОПОР практически развалился. В мае 1992 г. ОПОР был восстановлен, однако традиционные структуры на местах в полном объеме и с прежним влиянием восстановить до сих пор ему не удалось. В течение 1992–1996 гг. ОПОР медленно, методом проб и ошибок пытался изменить свои организационные структуры так, чтобы они отвечали задачам, возникшим перед ОПОР в постсоветский период. Фактически в 1992–1996 гг. ОПОР находился в стадии непрерывной реорганизации, что, естественно, вызывало бесконечные противоречия между членами руководства ОПОР и между разными местными организациями и в очень серьезной степени препятствовало успеху проводимой ОПОР работы.

К началу 1997 г. стихийно сложилась такая ситуация, при которой, вопреки Уставу ОПОР, руководящий орган в лице Совета Представителей полностью исчез, а функции руководства ОПОР стал осуществлять технический орган Совета Представителей – Исполком из трех человек. Совет Представителей оказался нежизнеспособным органом ввиду нараставшей апатии членов ОПОР, их географической оторванности друг от друга, ухудшения финансового положения организации и нарастания бюрократизма в Совете Представителей. Активисты ОПОР надеются, что сосредоточение руководящих функций в руках Исполкома даст возможность если не вывести ОПОР из состояния стагнации, то хотя бы добиться того, чтобы организация могла быстро и оперативно, избегая длительных бюрократических процедур, реагировать на происходящие в стране события.

Обогащение идеологической палитры

Разные направления леворадикалов в СССР/России пребывали в разном положении относительно доступности теоретических источников, полноты и целостности своей идеологической базы, а, следовательно, и идеологической грамотности как лидеров, так и рядовых членов.

Легче всего было “пролетаристам” из ОПОР. В первую очередь они нуждались в классической марксистской литературе, недостатка в которой не было и доступ к которой не был затруднен. Естественно, будущие лидеры ОПОР (еще во времена существования “Группы продленного дня” – Союза Коммунистов) имели возможность основательно проштудировать работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Интересовавшие их теоретические установки анархо-синдикалистов и “рабочей оппозиции” легко реконструировались по изданиям 20-х – 30-х гг., находившимся в крупнейших библиотеках в открытом доступе, взгляды А.Г. Шляпникова элементарно выяснялись из партийной периодики 20-х гг.

Со временем ОПОР вступил в прямой контакт с анархо-синдикалистами и троцкистами. Таким образом был удовлетворен специфический интерес к троцкистской литературе. Троцкисты и неомарксисты публиковались в изданиях ОПОР¹⁹⁸, что дало возможность “пролетаристам” подвергнуть троцкистские доктрины серьезной и подробной критике¹⁹⁹. В 1996 г. стало очевидным, что теоретики ОПОР расширили свой идеологический багаж не только за счет предтечи “новых левых” Дьёрдя Лукача, но и за счет “отца немецкого экзистенциализма” Мартина Хайдеггера²⁰⁰.

Формально в очень близком к “пролетаристам” положении находились и анархисты. Лидеры “Общины”, а затем КАС, будучи студентами исторического факультета, имели беспрепятственный доступ к анархистской классике. Однако быстро обнаружилась скудость идеологической базы “Общины” – КАС, во всяком случае, на первом этапе существования организации. Теоретическая работа оказалась возложенной на плечи почти исключительно двух человек – А. Исаева и А. Шубина, причем А. Шубин очень рано сосредоточился на истории махновского движения и частных проблемах теории (федерализм, принцип “делегирования”), а А. Исаев в одиночку, естественно, не мог объять необъятное. Устные и письменные выступления А. Исаева конца 80-х – самого начала 90-х гг. свидетельствуют о хорошем знакомстве с работами М.А. Бакунина (в основном по публикациям 10-х – 20-х гг.)²⁰¹ и с отечественной литературой по Бакунину (включая работы советского периода). К П.А. Кропоткину лидеры и идеологи “Общины” и КАС относились с почти нескрываемой неприязнью²⁰². Дело дошло до того, что в составленной Петром Рябовым и Игорем Уткиным для агитационно-образовательных целей КАС “популярной хрестоматии” “Государственность и анархия” в разделе “Анархия” тексты П.А. Кропоткина вообще отсутствовали. Нельзя достоверно сказать, насколько хорошо был изучен П.-Ж. Прудон (впечатление такое, что взгляды Прудона А. Исаевым излагались по книге М.А. Бакунина и Д. Гильома “Анархия по Прудону”; впрочем, П. Рябов был знаком и с книгой П.-Ж. Прудона “Французская демократия”²⁰³). Макс Штирнер, похоже, также был известен в основном по книгам Д. Маккея (Маккая) и М. Курчинского²⁰⁴ (с добавлением главы “Святой Макс” из “Немецкой идеологии” К. Маркса и Ф. Энгельса).

В целом же теоретическая база “Общины” и ранней КАС поражала редкой для анархистов узостью. Лидеры КАС, безусловно, были знакомы с работами Элизе Реклю, Макса Неттлау и Джемса Гильома, но общие представления об анархизме черпали, судя по всему, из книги П. Эльцбахера²⁰⁵ и советских источников, в первую очередь, работ Ю.М. Стеклова²⁰⁶. За пределами активного изучения и использования оставался не только, например, первый анархистский классик Вильям Годвин (судя по программной статье лидеров КАС “В поисках социальной гармонии”²⁰⁷), но и богатый набор идей русских анархистов начала века (анархистов-кооператоров, анархо-индивидуалистов, анархо-синдикалистов, анархистов-федералистов, панархистов, анархистов-биокосмистов и т.д.). Единственным исключением был введенный А. Исаевым в активный оборот в пропаганде “Общины” и КАС в 1988–1989 гг. Яков Новомирский²⁰⁸.

Статья А. Исаева “Второй призыв”, посвященная анархистам начала века (с изложением которой он выступал и устно²⁰⁹), поражает в целом нехарактерными для Исаева поспешностью, неполнотой и халтурностью, написана по вторичным источникам и содержит массу ошибок. Достаточно сказать, что не только взгляды Я.-В.К. Махайского (А. Вольского) в статье излагаются по чужим работам, но и сам Махайский упорно именуется “Махаевым”²¹⁰.

Недостаточное знание собственно анархистских источников естественным образом принуждало лидеров и идеологов КАС прибегать к “чуждым”, т.е. неанархистским источникам. Помимо народников (особенно П.Л. Лаврова), которые изначально пользовались большим авторитетом в кругах “Общины”, интенсивно привлекались тексты марксистов всех направлений: начиная с Маркса и Троцкого и кончая лидерами западной социал-демократии Отто Бауэром и Карлом Каутским²¹¹, а также тексты эсеров, в первую очередь, В.М. Чернова²¹².

В “хрестоматии” “Государственность и анархия”, помимо В.М. Чернова, в качестве “теоретика анархизма” присутствует Махатма Ганди²¹³, а значительная часть анархистского теоретического наследия просто заменена статьями А. Исаева и А. Шубина, публиковавшимися ранее в “Общине”²¹⁴. Интересно, что С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев были записаны в “хрестоматии” в число безусловных врагов анархии, причем “Катехизис революционера” воспроизводился не по публикации А.А. Шилова 1924 г., а по работе К. Маркса и Ф. Энгельса “Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих”²¹⁵.

Удивительным образом Конфедерация анархо-синдикалистов игнорировала собственно анархо-синдикалистскую литературу, существовавшую на русском языке: книги Ж. Сореля, Г. Лагарделя, Э. Пуже, Х. Маурина и др.

Расширение теоретического багажа КАС происходило медленно и осторожно. Первый текст видного анархо-синдикалиста Г.П. Максимова был напечатан в “Общине” только в мае 1989 г.²¹⁶, а анархистскую “классику” – работы Бенджамина Р. Таккера лидеры КАС “привлекли” к пропаганде лишь в сентябре 1989 г.²¹⁷, несмотря на доступность источника²¹⁸.

В 1990 г. анархистский пантеон КАС был расширен за счет Алексея Борового, но, впрочем, и здесь было отдано предпочтение изложению взглядов Борового и рассказу о нем, а не самим его

текстам²¹⁹. Едва ли можно считать, что на взгляды рядовых касовцев как-то повлиял Лев Толстой, которому почти не уделялось внимания²²⁰.

Долгое время идеологический багаж КАС состоял из своеобразно препарированного бакунизма, от которого сразу следовал скачок к Н.И. Махно – причем не столько к идеям Махно, сколько к рассказам о его военно-политической практике. Вообще, историческое образование лидеров КАС сильно сказывалось на их теоретической деятельности: история анархизма была для них интереснее философии анархизма.

Обогащение идеологической палитры (2)

Интенсивное расширение идеологического багажа КАС началось с возникновения в КАС “молодежной оппозиции”, Беспартшколы и их рупора – журнала “Великий Отказ”. Под влиянием Д. Костенко журнал и Беспартшкола превратились в “идеологическую червоточину” КАС, поскольку сразу же стали демонстративно ориентироваться не на анархистскую классику XIX в., а на идеологический багаж “новых левых” середины и второй половины XX в. Само название журнала было взято у Г. Маркузе, в качестве девиза был выбран лозунг “парижских бунтарей” 1968 г. – “Будьте реалистами, требуйте невозможного!”.

В редакционной статье в № 1 журнал открыто объявил себя пропагандистом теорий и практического опыта “новых левых” и провозгласил своими целями “плюралистическую контркультуру”, “экологическо-гуманистические ценности” взамен “старой нетерпимой потребительской морали”, “свободную любовь и сексуальную революцию”, “пацифизм и нерепрессивное сознание”, “сит-ины и футуристический стёб” взамен традиционных форм политики, “создание своего сленга”, “критические университеты и идеи студенческого синдикализма”, “ренессанс коммун”²²¹.

“Великий Отказ” стал культивировать в молодежной анархистской среде “миф о 1968-м годе”²²²; ввел в анархистский оборот представление о круге идей леворадикальных теоретиков, идейных вождей “новой левой”: Г. Маркузе, В. Райха (и вообще Франкфуртской школы), Ч. Рейха и т.п.²²³ – первоначально по доступным советским источникам. “Великий Отказ” был первым изданием, начавшим сознательную пропаганду “сексуальной революции” и феминизма в среде КАС и вообще анархистской молодежи²²⁴. Пропагандируя “контркультуру” 60-х, “Великий Отказ” не останавливался перед выражением симпатий к “Роте Армее Фракцион” (РАФ) и “Сендеро Луминосо”²²⁵. Журнал стал первым анархистским органом, систематически пропагандирующим теорию и практику “оранжевого движения”²²⁶, причем со временем журнал даже нашел предшественников и основателей “оранжевого движения” – голландских “прово” и кабутеров 60-х гг.²²⁷

“Великий Отказ” первым внес в леворадикальные круги России адекватное представление о таких совершенно неизвестных ей раньше теоретических и практических феноменах левацкого мира Запада, как автономизм (теория и движение автономистов или, как принято говорить, “автономов”) и ситуационизм²²⁸. Автономизм лидерами КАС осуждался как “идейно вредное” явление (“...те, кто носит “ирокезы” и делает оранжевые акции, называются – автономисты. Они живут в домах, разрисованных непристойными картинками и ругательствами. У них нет секретариатов и секретарей – как у всякого нормального стада, у них есть только вожаки”, – объяснял осенью 1988 г. А. Исаев молодежи КАС²²⁹). Позже с подачи Д. Костенко интерес к автономам и близким к ним “хаотам” станет в левацкой среде стабильным²³⁰. В результате Федерация анархистов Кубани (ФАК) даже назвала свое издание “Автоном”.

Пропаганду идей Ситуационистского Интернационала продолжил вслед за “Великим Отказом” член КАС М. Цовма в издававшемся им журнале “Аспирин не поможет”²³¹, создав в конце концов среди части анархистов и “новых левых” “микромоду” на ситуационизм. В 1997 г. журнал “Радек”, издающийся “социалистическим художником” Анатолием Осмоловским, уже публикует подборки аутентичных текстов ситуационистов, одновременно критикуя М. Цовму за использование вторичных текстов вместо первоисточников, за “безликость и необязательность” этих текстов, за отход от обязательного для ситуационистов диалектического метода²³².

“Великий отказ” расширил круг привлекаемых теоретиков до совершенно неожиданных для анархистов авторов – протоэкзистенциалиста Льва Шестова и известного психопатолога Чезаре Ломброзо²³³.

Очень быстро “Великий Отказ” прошел стадию мифотворчества и уже в № 4 опубликовал резко критическую статью об идейной и политической эволюции Даниеля Кон-Бендита – культовой

фигуры “Красного Мая” 1968 г. в Париже²³⁴. Первым из левацких изданий “Великий Отказ” напечатал (в переводе В. Дамье) оригинальную статью леворадикального классика XX в. – Герберта Маркузе²³⁵.

“Великий Отказ” вырвал современных российских анархистов из идеологической архаики XIX века и показал анархистскому сообществу, что возможно безграничное расширение теоретической базы анархистского движения. “Великий Отказ” подорвал монополию на идеологию, которую пытались присвоить себе “исторические лидеры” КАС. “Великий Отказ” приблизил теоретические интересы российского анархо-сообщества к теоретическим интересам современных западных леворадикалов. Интересно, что сделано это было за счет освоения не анархистской мысли, а идей “новых левых”. Таким образом, “Великий Отказ” помог в создании собственной теоретической базы российским “новым левым”. Д. Костенко в 1989 г. выступал со специальными докладами о “новых левых”, на которых присутствовали многие будущие лидеры и активисты будущих “новых левых” организаций²³⁶. Для последующих этапов анархо-движения важным было также то, что “Великий Отказ” дал возможность проявить себя В. Дамье, будущему лидеру ИРЕАН, ГРАС и КРАС-МАТ, который в области теории был безусловно более образован, чем “исторические лидеры” КАС, но которого последние, рассматривая как “идейно вредный элемент”, старались изолировать от касовской молодежи.

Обогащение идеологической палитры (3)

Ленинградские (петербургские) анархисты появились независимо от КАС и действовали в условиях значительной идеологической самостоятельности (даже когда АССА и АКРС входили в КАС). В частности, поиск источников по теории и истории анархизма осуществлялся ими в основном самостоятельно. Независимо от А. Исаева ленинградские анархисты освоили наследие Я.И. Новомирского (Д.И. Кирилловского) – причем не только периода его увлечения анархо-синдикализмом, но и предшествовавшего анархо-коммунистического периода²³⁷. Д. Жвания трактовал наследие М.А. Бакунина в анархо-коммунистическом и отчасти даже в ницшеанском духе, что, конечно, совершенно не совпадало с умеренными взглядами лидеров КАС²³⁸. Один из лидеров АССА “Фред” Щербаков питал, как все хиппи, интерес к контркультуре, “новым левым”, наследию “Мая 1968-го”, философии неотрейдизма, экзистенциализма и неокommунизма, причем знания его распространялись и на предшествующий 60-м годам период – на учение З. Фрэйда и на наследие битников (Джек Керуак – один из любимых авторов Щербакова). Ленинградские анархисты изначально были готовы к восприятию более широкого круга идей, чем “Община”, и изначально пользовались более широким кругом источников, что вызвало сразу же многообразие анархистских течений в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Дело доходило до резкой критики М.А. Бакунина со стороны АССА²³⁹, что для московских анархистов было равнозначно богохульству.

Публикации ленинградских (петербургских) анархистов свидетельствуют о серьезной работе по поиску источников. Ими привлекалась такая литература, которая не была известна москвичам. В частности, они знали о существовании еще одной “хрестоматии” П. Эльцбахера, помимо известной книги 1906 г.²⁴⁰

Если лидеры КАС старались по возможности замалчивать концепции П.А. Кропоткина как “неправильного анархиста” (не анархо-синдикалиста), то анархо-коммунисты, напротив, пропагандировали его произведения, делая их доступными для анархо-массы. В результате начиная с 1990 г. в общедоступный оборот (в анархистской периодике) было введено большое количество текстов Кропоткина²⁴¹. В 1993 г. появилось даже специальное исследование, посвященное сравнительному анализу взглядов А.А. Борового и П.А. Кропоткина²⁴². В декабре 1992 г. в связи со 150-летием П.А. Кропоткина в Москве, Дмитрове и Санкт-Петербурге проходила международная конференция, посвященная П.А. Кропоткину. Некоторые из зачитанных на конференции докладов представляли существенный интерес с точки зрения развития анархистской мысли в России (доклады “Проблема личности в учении Кропоткина” П. Рябова и “Актуальность кропоткинской анархо-коммунистической модели перед лицом глобального экологического кризиса” В. Дамье).

Постепенно в активный оборот стали вводиться тексты Л.Н. Толстого²⁴³. Кроме того, именно в анархистских кругах активно циркулировал журнал “Ясная Поляна”, издававшийся рижским хиппи-толстовцем Георгием Мейтиным (“Гариком Рижским”), в котором обильно печатались тексты Л.Н. Толстого²⁴⁴, а также Мартина Лютера Кинга²⁴⁵.

В 1990 г. анархисты еще испытывали определенный теоретический голод, что побуждало их обращаться к источникам за пределами круга леворадикальной общественной мысли – начиная от

идейно близких (Вадим Белоцерковский) и кончая идейно далекими (Милован Джилас) и даже откровенно враждебными (Александр Солженицын)²⁴⁶.

С конца 1990 г. круг источников у анархистов стал постоянно расширяться – в основном за счет зарубежных авторов-анархистов: Э. Голдман, “дедушки анархизма” В. Годвина, Г. Лабриолы, М. Неттлау²⁴⁷. М. Цовма ввел в использование анархистским сообществом идеи выдающегося американского лингвиста, леворадикального мыслителя Ноама Хомского (Чомски)²⁴⁸. Продолжалось увлечение идеями круга “новых левых”. “Миф о Красном Мае 68-го” захлестнул и анархо-коммунистические, и анархо-синдикалистские и близкие к ним издания²⁴⁹. Все более активно интегрировались в систему мировоззрения анархистов идеи феминизма и “сексуальной революции”²⁵⁰.

Наконец, становилась все более доступной серьезная классическая анархистская литература. Были переизданы основные труды М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и М. Штирнера²⁵¹, русских анархистов начала века²⁵², были изданы или переизданы популярные книги анархистских авторов по теории и истории анархизма²⁵³. Московские анархисты издали книгу А.А. Борового “Бакунин”²⁵⁴.

Обогащение идеологической палитры (4)

В очень благоприятном положении оказались в момент своего возникновения троцкистские группы. Опекаемые различными троцкистскими “тенденциями” с Запада, советские (российские) троцкисты не испытывали сложностей с получением троцкистской литературы ни на основных европейских языках, ни на русском. Западные товарищи снабжали российские троцкистские группы как ксерокопиями (репринтами) книг Л.Д. Троцкого на русском языке, так и ксерокопиями (репринтами) выпусков “Бюллетеня оппозиции”, издававшегося Троцким в эмиграции.

К тому же с 1989 г. в СССР/России стали активно и массовыми тиражами (первоначально – официальными издательствами) выпускаться работы Л.Д. Троцкого²⁵⁵. После падения власти КПСС политическая конъюнктура, естественно, изменилась, но тогда уже к изданию тех работ Л.Д. Троцкого, которые не были изданы в последние годы на русском языке в России, приступили западные троцкисты²⁵⁶.

Еще во времена перестройки в СССР были изданы книги ряда последователей Троцкого, включая такого известного деятеля международного троцкизма, как Исаак Дойчер²⁵⁷. После падения власти КПСС книги троцкистских авторов стали издавать сами троцкисты – западные, или российские на западные деньги²⁵⁸. Среди изданной в России троцкистской литературы – важнейшие работы ведущих троцкистских теоретиков Тони Клиффа “Государственный капитализм в России” и Эрнеста Манделя “Власть и деньги”, причем показательно то, что книга Манделя была издана в серии “Третий путь” А. Бузгалиным, одним из лидеров Партии Труда и Ассоциации “Ученые за демократию и социализм”²⁵⁹.

В относительно благоприятной ситуации оказались “новые левые”. К моменту возникновения организаций “новых левых” в СССР уже было издано некоторое количество текстов теоретиков, считавшихся “духовными отцами” движения “новых левых” на Западе: Дьёрдя Лукача, Чарльза Райта Миллса, Жана-Поля Сартра, Альбера Камю, Эриха Фромма, Роже Гароди, Эрнесто Че Гевары, Карла Ясперса и др.²⁶⁰ – причем в СССР издавались и художественные произведения Ж.-П. Сартра и А. Камю, которые, как обычно у экзистенциалистов, были одновременно и идеологическими текстами.

Более того, были даже изданы некоторые работы непосредственно активистов “новой левой”²⁶¹.

Помимо этого, существовало огромное количество советской литературы, посвященной теории и практике “новых левых” – разумеется, с критикой их с ортодоксальных советских позиций, но, как показала практика, российские “новые левые” научились вылавливать из этой литературы необходимые для себя факты, составлять более или менее достоверные представления о теоретических концепциях “новых левых”, игнорируя советскую критику.

Огромную подготовительную работу, как уже говорилось выше, проделал журнал “молодой оппозиции” в КАС “Великий Отказ”.

Начиная с периода перестройки в России стали активно издавать работы представителей Франкфуртской школы, фрейдо-марксистов, неомарксистов, французских атеистических экзистенциалистов и других идейных вождей западных “новых левых”: Д. Лукача, Э. Фромма, Карен Хорни, Эрика Эриксона, Вильгельма Райха, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Маргарет Мид, Р. Гароди, Г. Маркузе, Вальтера Бенямина, Иммануила Валлерстайна и др.²⁶²

Работы теоретиков “новой левой” быстро включались в текущий идеологический оборот, леворадикалы рекламировали их в своих изданиях²⁶³.

Наконец, один из теоретиков “новых левых” – экосоциалист (экоанархист) Мюррей Букчин был переведен и издан в России самими леворадикалами²⁶⁴.

Обогащение идеологической палитры (5)

В 1995–1996 гг. пали многие традиционные бастионы “идеологической невинности” леворадикалов. К использованию привлекаются теоретические источники, до того табуированные для тех или иных групп леваков. Так, троцкист Д. Жвания на научно-практической конференции “Новый революционный радикализм” (24 мая 1996 г., Москва) выступил пропагандистом взглядов Жоржа Сореля – причем не как теоретика анархо-синдикализма, а как теоретика революционного насилия (Д. Жвания опирался на известную работу Ж. Сореля “Размышления о насилии”)²⁶⁵. Петроградская анархистская газета “Новый свет” выступила пропагандистом взглядов революционного марксиста, теоретика городской герильи Карлоса Маригеллы²⁶⁶. Д. Костенко в журнале “Черная звезда” и на той же конференции “Новый революционный радикализм” выступил пропагандистом взглядов С.Г. Нечаева²⁶⁷. Журналы “Черная звезда” и “Радек” выступают пропагандистами шизоанализа и взглядов Мишеля Фуко “генеалогического периода”²⁶⁸. П. Рябов в устных выступлениях пропагандирует помимо взглядов представителей французского атеистического экзистенциализма (Ж.-П. Сартра и А. Камю) также и взгляды религиозных протоекзистенциалистов Льва Шестова и Сёрена Кьеркегора. Санкт-Петербургская троцкистская группа “Рабочая борьба” выступила как пропагандист идей Г. Маркузе и постструктуралиста Жака Дерриды одновременно²⁶⁹. Среди “новых левых”, части анархистов и троцкистов появился интерес к работам Мао Цзэ-дуна и Энвера Ходжи, выпущенным на русском языке²⁷⁰, а также к недавно вышедшим книгам лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана²⁷¹.

Обогащение идеологического багажа леворадикалов может носить самые неожиданные формы. Например, петербургские анархо-толкинисты эволюционируют к своеобразному варианту “мистического анархизма” (отличного от “мистического анархизма” начала века, представленного именами Г. Чулкова, К. Эрберга, С. Городецкого и других поэтов, издававших сборники “Факелы”), построенного на соединении анархо-коммунизма, анархо-индивидуализма и идей, почерпнутых из текстов известного английского филолога и писателя Джона Роналда Руэла Толкина (Толкиена), причем как из его сказок (“волшебных фэнтези” эпопеи “Властелин колец” и книги “Сильмариллион”), так и из теоретических работ²⁷².

Ощущается идеологическое воздействие на леворадикалов со стороны сталинистов – через газету “Бумбараш-2017”, а также национал-большевиков – через газету “Лимонка” и журнал “Элементы”. Из других изданий, воздействующих на процесс расширения мировоззрения современных российских леваков, отметим журнал “Альтернативы”, выходящий под редакцией А. Бузгалина, и контркультурный журнал “Забриски Rider”. В “Альтернативах” печатались статьи зарубежных и отечественных троцкистов, “новых левых”, радикальных экологов и “пролетаристов”²⁷³, и в то же время в журнале широко представлены взгляды неомарксистов, революционных марксистов и так называемых демократических левых (Партия Труда и т.п.). В журнале “Забриски Rider”, помимо материалов о хиппи и контркультуре вообще, специальный интерес у леворадикалов вызывают статьи, посвященные феномену “левого терроризма” 60-х гг.²⁷⁴

Сотрудничество с Национал-большевистской партией

На фоне идеологического и силового противостояния леворадикалов с фашистами удивительным феноменом является сотрудничество части леваков с Национал-большевистской партией (НБП), возглавляемой известным прозаиком и поэтом Эдуардом Лимоновым. Сам факт этого сотрудничества можно рассматривать как свидетельство признания (возможно, неотрефлексированного) частью леворадикального сообщества недостаточности своей идеологии и бесперспективности обычной практики.

Первоначально советские (российские) леваки относились к Лимонову с безусловной симпатией – как к противнику советского режима и человеку, причастному к троцкистскому движению на Западе²⁷⁵.

По мере того, как Лимонов все более четко определял свою политическую позицию, превратившись в постоянного автора “Советской России”, члена ЛДПР, а затем и министра безопасности в “теневом кабинете” Жириновского, отношение к Лимонову быстро менялось к худшему. Показательной можно считать статью (очень агрессивную по содержанию и не лишённую

ошибок и перехлестов) видного деятеля КАС В. Тупикина, опубликованную летом 1992 г., в которой Тупикин обвинял Лимонова в том, что тот пытается развязать в России гражданскую войну, надеясь при этом отсидеться в Париже, в том, что тот побоялся бороться с советской властью в 70-е гг., предпочтя покинуть СССР, “не сошедшись в эстетических взглядах с системой” и т.п.²⁷⁶ Справедливости ради следует отметить, что В. Тупикин писал свою статью, не зная, что Э. Лимонов вернулся в Россию на постоянное жительство и участвовал в 1991 г. в Югославии в боях под Вуковаром, и уж тем более не мог Тупикин предполагать, что такого рода поведение станет для Лимонова в будущем обычным.

Первые шаги к сближению с левыми предпринял сам Э. Лимонов. Хотя НБП была создана по типу партии “новых правых” (в осуществление идей теоретика “консервативной революции” Александра Дугина), Лимонов неоднократно называл себя “левым”, демонстрировал симпатии к леворадикалам, вступал в контакты с “Трудовой Россией” и частью леваков. Со временем этот крен “влево” в позиции и высказываниях Э. Лимонова нарастал, что не могло не вызвать интереса и симпатии части левых²⁷⁷.

Надо иметь в виду, что стремление к соединению левого и правого радикализма и попытки практически осуществить такое соединение предпринимались и леваками тоже. Наиболее ярким примером такого рода можно считать деятельность петербургского журналиста Юрия Нерсесова, пользовавшегося определенным влиянием у части леворадикалов Петербурга в 1993–1995 гг.

Ю. Нерсесов издавал некоторое время фашистскую газету “Русское сопротивление”, на страницах которой прославлялись и фашисты, и леваки, публиковался и в левых, и в правых изданиях и пытался совместить, подобно Э. Лимонову, идею социальной революции с идеей национальной²⁷⁸. В 1995 г. Ю. Нерсесов оказывал поддержку идеологу НБП А. Дугину, баллотировавшемуся в Госдуму в Санкт-Петербурге. Впрочем, в конце 1995 г. между Ю. Нерсесовым и национал-большевиками произошел разрыв. Э. Лимонов в частной беседе объяснил это тем, что НБП и Ю. Нерсесов представляют разные и, с точки зрения Лимонова, несовместимые варианты соединения правой и левой идеи: Нерсесов – “красно-коричневый”, “вроде КПРФ”, а национал-большевики – “черно-красные”. Определенная логика в этих рассуждениях, видимо, есть, судя по программной статье Ю. Нерсесова “Коммунисты и война в Чечне”, опубликованной весной 1997 г.²⁷⁹

В конце 1994 г. тесные контакты установились в Москве между НБП и Фиолетовым Интернационалом / “Партизанским движением”. Лидер Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” Алексей Цветков стал автором, затем – постоянным автором, затем – членом редколлегии, с конца 1996 г. – выпускающим редактором (под псевдонимом “Павел Власов”), а с 1997 г. – ответственным секретарем газеты “Лимонка” (под собственным именем) и едва ли не основным автором газеты (под многочисленными псевдонимами, из которых самые известные: Павел Власов и Ян Гейл).

Постепенно в общение с НБП втягивались не только отделения Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” в Москве, но и в других городах – Санкт-Петербурге, Иванове, Владимире. После присоединения к конгломерату Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” еще одной части – группы “Коммунистический реализм” – с НБП стали сотрудничать все части конгломерата Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм”.

Через Фиолетовый Интернационал установились контакты НБП со “Студенческой защитой”, особенно после публикации в “Лимонке” статьи, посвященной студенческим беспорядкам 1995 г., в которых главную роль сыграла “Студенческая защита”²⁸⁰. Через “Студенческую защиту” были установлены контакты НБП и с ИРЕАН.

Сотрудничество с Национал-большевистской партией (2)

Постепенно связи НБП с леворадикалами разрастались. В орбиту такого сотрудничества, помимо Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” / “Коммунистического реализма”, ИРЕАН и “Студенческой защиты”, оказались в конце концов вовлечены: троцкистская группа “Рабочая борьба” в Санкт-Петербурге, авангардистская художественная группа ЭТИ (в первую очередь “социалистический художник” А. Осмоловский), редакция журнала “RWCDAX”, Самарский анархо-коммунистический союз (САКС), Практико-революционная организация Воронежа (ПРОВО) и др., хотя степень сотрудничества в каждом отдельном случае была различной.

Группа “Коммунистический реализм” постоянно публикует на страницах “Лимонки” свои “революционно-провокативные” плакаты, такие как собственный вариант флага США или плакат “Eat the Rich!”²⁸¹ и др. На страницах “Лимонки” был опубликован программный манифест группы²⁸².

На страницах “Лимонки” выступали А. Осмоловский и скандально известный художник Александр Бренер²⁸³.

“Лимонка” регулярно перепечатывает статьи из левацкой прессы – обычно без согласия самих авторов или левацких изданий, причем эта практика распространяется даже на издания самых злейших врагов НБП в леворадикальном мире, например, на издания КРАС–МАТ²⁸⁴. Впрочем, отдельные статьи воспроизводятся и с согласия авторов²⁸⁵. “Лимонка” была единственным изданием (если не считать “внутритусовочного” анархистского “Бюллетеня АН-ПРЕСС”), которое сообщило (явно с рекламными целями) о существовании в Израиле анархистского сообщества выходцев из СССР, базирующихся в Иерусалиме и Твери и издающих журналы “Хомер”, “Гавнац” и художественное приложение к “Гавнацу” – журнал “Сусон Гавнунон”²⁸⁶.

Сотрудничество леваков с НБП было совсем не безоблачным. С конца 1995 г. по осень 1996 г. длился конфликт между НБП и ИРЕАН. ИРЕАН предоставила страницы “Черной звезды” для публикации резкой по тону и оскорбительной лично для Лимонова статьи Ю. Нерсесова²⁸⁷, Д. Костенко атаковал Лимонова и на страницах официальной печати²⁸⁸. Лимоновцы ответили программной статьей “Раздавить двух змей” (под “первой змеей” имелись в виду национал-патриоты, под “второй змеей” – леваки), написанной А. Дугиным, но подписанной “НБП”, что придавало статье статус официального партийного документа²⁸⁹. Кроме того, на статью в “Черной звезде” Лимонов ответил лично, в отдельной статье (в которой, среди прочего, назвал Ю. Нерсесова “форменной жертвой аборта”)²⁹⁰. “Историческое примирение” между Э. Лимоновым и Д. Костенко состоялось только в октябре 1996 г. Побудительным мотивом такого примирения явилось избиение Лимонова неизвестными и последующий налет на штаб-квартиру НБП, что было расценено Д. Костенко как доказательство того, что Э. Лимонов действительно является врагом существующих в России режима и социального строя.

Несомненно, и НБП и леваки надеялись извлечь из сотрудничества определенную выгоду, преследовали собственные цели – расширить (за счет друг друга) членскую базу, найти новую аудиторию для пропаганды, освоить новые методы деятельности и, возможно, выйти за пределы маргинального политического мира. Некоторых успехов на этом поприще добились и те, и другие. С одной стороны, НБП использовала структуры Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” / “Коммунистического реализма” в провинции, в значительной степени поставив активистов этого конгломерата себе на службу. Группа “Рабочая борьба” просто влилась в НБП, а ее лидер Д. Жвания стал главой отделения НБП в Санкт-Петербурге²⁹¹. С другой – Алексей Цветков фактически захватил газету “Лимонка” и сильно изменил ее лицо, не только насытив левацкими текстами, но и поменяв эстетику “Лимонки” таким образом, что теперь трудно уверенно говорить, какие из текстов, опубликованных в газете, являются серьезными, а какие – “стёбом” (кроме текстов Э. Лимонова и А. Дугина, естественно). Кроме того, леваки на местах часто пользуются “раскрученным” СМИ имиджем НБП в целях саморекламы. Так, некоторые члены Группы анархистов Кустаная (ГАК) называют себя, когда это им выгодно, “Кустанайским отделением НБП”, зная, что это произведет впечатление на СМИ. Национал-большевики в Воронеже и Самаре совершенно “леворадикализировались” и представляют собой по сути недисциплинированные молодежные контркультурные группы с явным креном в левизну. Израильские анархисты, находящиеся в постоянном контакте с НБП и “Лимонкой”, публикуют на обложке журнала “Хомер” флаг НБП – серп и молот в белом круге на красном полотнище, прекрасно осознавая, что такой флаг (вызывающий ассоциации с нацистским) должен производить в Израиле даже не эпатазирующее, а шоковое впечатление²⁹².

Сотрудничество с Национал-большевистской партией (3)

Часть леворадикального сообщества (КАС, КРАС–МАТ, журнал “Наперекор”, газета “Новый свет”) реагировали и реагируют на сотрудничество другой части леваков с НБП очень болезненно, воспринимая происходящее как “коварные проiski фашиста Лимонова”, имеющие целью “разложить анархистское движение” и “поставить его себе на службу”. Сотрудничавших с Лимоновым леваков они именуют “предателями”, “ренегатами” и “фашистскими перерожденцами”. КАС активно атакует Лимонова с того самого времени, как тот стал заигрывать с леваками, причем для этой атаки использовалась не только анархистская периодика, но и официальная – например, В. Тупикин и М. Цовма пытались устроить кампанию против Лимонова на страницах “Новой ежедневной газеты”²⁹³. Петербургская анархистская газета “Новый свет” крайне болезненно

отреагировала на вступление в НБП Д. Жвания и на публикации А. Цветкова в “Лимонке” о Махно и Бакуanine, пригрозив Цветкову физической расправой²⁹⁴.

Еще раньше А. Цветков вызвал откровенную ненависть у многих анархистов напечатанной в “Лимонке” статьей “Прощай, анархия!”²⁹⁵. Отчасти это свидетельствует об элементарном непонимании происходящего, недостатке аналитических способностей и отсутствии у многих леваков чувства юмора. А. Цветков, кем бы он себя ни называл, никогда не был анархистом, потому и “ренегатом анархизма” быть не мог. Критика леворадикального сообщества в статье “Прощай, анархия!” была, безусловно, горькой правдой. Кроме того, А. Цветков сознательно превратил “Лимонку” в эпатажно-“стёбовую” газету, в объект эстетической игры. Мало того, что Цветков заполнил “Лимонку” плодами своего психоделического литературного творчества, он и политические тексты превратил в психоделическо-художественные. Те же статьи о Махно и Бакуanine, например, были экспериментом по совмещению двух внешне несовместимых задач: написать пропагандистские тексты о видных анархистах (в духе продукции КАС) – и в то же время написать пародии на эти тексты (отсюда и возникают образы Махно-скинхеда, рисующего деньги с “саблезубым Лениным”, Бакуanine-гомосексуалиста, мистически консультирующего с того света Че Гевару и Фиделя Кастро, и т.п.)²⁹⁶.

В анархистских кругах бурю возмущения вызвали напечатанные в “Лимонке” с подачи Цветкова “сексистские” статьи “К членам НБП” и “Сex-тренажер элитной женщины партии”, хотя и та, и другая статьи носили характер откровенно издевательской пародии: “Мы против половой сегрегации и в особенности сексуальной эксплуатации (сексизма) женщин. Мы против порнографии, отношения к женщине как к существу второго сорта в обществе, управляемом в основном мужчинами ... и поэтому выступаем за обобществление всех женщин ... Но при этом мы выступаем за обязательное сохранение священного института брака. Семья – основная ячейка нашего общества”²⁹⁷; “Женщина партии не может состоять в партии более 3-х лет... Женщина партии во время месячных обязана не пользоваться прокладками иностранного производства ... Женщина партии не имеет права на необычный секс, за исключением случаев, санкционированных руководством партии, либо если она в разведке ... Женщина партии, в случае нарушения УК, имеет право на замену меры пресечения службой в партийном публичном доме ... Тело мертвой женщины партии принадлежит партии ... Женщина партии имеет право на спецпак и спецобслуживание в партийных ресторанах, косметических салонах и парикмахерских ... Женщина партии обязана иметь партийную татуировку за счет партии ... Женщина партии не имеет права собирать или выдергивать оригинальный волосной покров, кроме головы”²⁹⁸. Излишне говорить, что у НБП нет ни “партийных ресторанов”, ни “косметических салонов и парикмахерских”, ни даже “партийной татуировки”.

Такой же издевательский характер носит, например, и стихотворение известного “имперского державного анархиста”, вивриста Игоря Дудинского “Кате П.”. Из стихотворения совершенно непонятно, является ли оно восхвалением фашистов или утонченным издевательством над ними²⁹⁹.

Сам А. Цветков в интервью троцкистской газете однажды проговорился, что многие тексты в “Лимонке” – игра и к ним надо относиться с юмором³⁰⁰.

Преувеличенное представление о важности своей деятельности, свойственное многим в мире маргинальной левацкой политики, побуждает леваков истерически реагировать на сотрудничество части своих товарищей с НБП, сочинять, публиковать и постоянно пересылать на Запад (в том числе и через Интернет) бесконечные сообщения (по сути – доносы) о “неправильном поведении” тех или иных анархистов или троцкистов³⁰¹.

С другой стороны, тяготение части наиболее экстремистски настроенных леваков и НБП друг к другу не случайно. Под ним лежит не только осознание себя как двух вариантов внепарламентской оппозиции, имеющих единого врага – буржуазную демократию, не только экзистенциально-апокалиптическое видение окружающего, но и внешне сходные (хотя и внутренне различные) феномены совмещения политики и эстетики, о которых говорил еще в 30-е гг. Вальтер Беньямин: фашизм эстетизирует политику, а коммунизм политизирует искусство³⁰². Михаил Цовма еще в начале 1995 г. верно обратил внимание на то, что в России и молодые левые радикалы, и молодые правые радикалы обладают сходным менталитетом как на уровне “элит”, так и на уровне “масс”, что отражается и на внешнем виде, стиле и интеллектуальном уровне их изданий (“Черная звезда”, “Бумбараш-2017”, “Лимонка”)³⁰³. Внутреннее родство “Лимонки” и “Бумбараша-2017” осознает и А. Цветков³⁰⁴. Можно было предсказать и эволюцию группы “Рабочая борьба” и лично Д. Жвания в сторону НБП – достаточно было внимательно прочесть программный текст Д. Жвания “Солдат революции”³⁰⁵, прямо предвосхищающий статью А. Дугина “Политический солдат”³⁰⁶.

И НБП, и леворадикалы действительно испытывают теоретический (философский, социологический, эстетический) интерес к одним и тем же или сходным социальным феноменам и направлениям общественной мысли. Например, идеолог НБП А. Дугин – единственный, помимо М. Цовмы и А. Осмоловского, поклонник и пропагандист творческого наследия и идей “отца Ситуационистского Интернационала” Ги Дебора³⁰⁷.

В. Камынин в анархо-экологическом журнале “Третий путь” пытался указать на причины взаимного притяжения леваков и НБП: общий – маргинальный – стиль деятельности; общий показатель радикализм без попыток перейти к практическим действиям (террору); общая теоретическая атака на истеблишмент; общий противник; общая программная нацеленность и практическая обреченность на внепарламентские методы борьбы³⁰⁸. В результате в левацкой среде недавно родился такой экзотический феномен, как малоизвестная группа в Петропавловске-Камчатском, именующая себя “Партией социалистов-революционеров” (ПСР) и выпускающая крайне радикальное по содержанию издание “Экстремист” и приложения к нему: “Ополченец”, “Радикал”, “Терапия бомбы”, “Годы свинца”. Те же самые люди именуют себя Камчатским отделением НБП. В “Экстремисте” они рекомендуют для изучения – через запятую: работы С.Г. Нечаева, Мао Цзэ-дуна, А. Гитлера, Б. Муссолини, Л.Д. Троцкого, М.А. Бакунина, Г. Маркузе, Ф. Фанона, А. де Сен-Симона, М. Робеспьера, О. де Мирабо, И. Моста, К. Гейнцена, Ф. Энгельса, К. Маркса, В.И. Ленина, И.В. Сталина, а также “Лимонку”, “Элементы”, фашистские “Земщину”, “Эру России”, коммунистические “Бумбараш-2017”, “Молнию”, анархистские “Черную звезду”, “Классовую войну”³⁰⁹. В изданиях ПСР цитаты из В.И. Ленина соседствуют с цитатами из Мао, народовольца А.Д. Михайлова, С.Г. Нечаева, леворадикального теоретика Франца Фанона и лидера итальянских неофашистов Пино Раути.

В то же время в результате общения с леворадикалами происходят изменения в НБП. Национал-большевики совместно со “Студенческой защитой” и РКСМ(б) создали Российский Оргкомитет по проведению XIV Фестиваля молодежи и студентов в Гаване³¹⁰. Совместно с той же “Студенческой защитой” НБП пыталась организовать студенческие беспорядки 27 февраля 1997 г. в Москве³¹¹. Лимоновцы совместно с комсомольцами и анархистами участвовали в забрасывании Г.А. Зюганова гнилыми помидорами на Красной площади 22 апреля 1997 г.

Дело дошло до того, что известный рижский журналист Андрей Лёвкин, проанализировав содержание “Лимонки” за последний период, пришел к выводу, что газета захвачена “изнутри” анархистами, которые под видом национал-большевизма “контрабандно протаскивают” анархистскую идеологию³¹².

Постоянное общение с леворадикалами привело к тому, что в марте 1997 г. в “Лимонке” была опубликована этапная статья идеолога НБП А. Дугина, концептуальная по содержанию, имеющая подзаголовок “Апология антифашизма”. В статье А. Дугин клеймил фашизм, национальный подход и противопоставлял им антифашизм, марксизм, классовый подход – как верную стратегию. “Национал-большевизм должен выбрать классовый подход ... Я – пролетарий. Я сторонник классовой войны... Национал-большевизм выбирает боевую тропу антифашизма.”³¹³

Разумеется, это не значит, что НБП отвернулась полностью от “национальной идеи”, от попыток ее соединения с идеей социальной революции. Но, видимо, в процессе общения с леваками произошло определенное смещение акцентов в идеологии НБП. Это подтверждается и тем, что Э. Лимонов, выступая на конференции “Новый революционный радикализм”, согласился убрать из лозунга НБП “Национальная и социальная революция!” “реакционное прилагательное” “национальная”³¹⁴.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис

Период 1993–1996 гг. был для одних леворадикалов периодом продолжения кризиса и поиска путей выхода из него (анархисты, троцкисты), для других – периодом поиска путей развития (“пролетаристы”), для третьих – периодом зарождения, быстрого расцвета и упадка (“новые левые”). К началу 1997 г. все без исключения леворадикалы оказались в состоянии нового кризиса.

Власть оказалась более способной к обучению, чем леваки. Все те методы, которые были опробованы леворадикалами в своей деятельности 1993–1996 гг. и приносили результаты, были к началу 1997 г. успешно блокированы властями.

Анархисты столкнулись с фактом бессилия собственной пропаганды перед лицом официальной пропаганды, распространяемой через СМИ. Постоянные попытки анархизировать молодежную среду – через издание журналов и листовок, крайне примитивных по набору идей, их изложению и языку (между собой анархисты называли эти издания “«Мурзилками» для панков”),

организацию концертов малоталантливых панк-групп и через организацию “лекториев для панков” – никаких заметных успехов не принесли. Анархисты по инерции продолжают такую работу. Последняя по счету “Анархошкола” начала функционировать в начале 1997 г. в Москве, однако принципы ее деятельности (необязательность посещения, хаотичность набора как слушателей, так и преподавателей, отсутствие систематизированного единого курса, тематическая случайность, отсутствие обратной связи) гарантируют провал этой затеи.

Отдельной анархистской контркультуры также создать не удалось.

Совершенно тупиковой оказалась деятельность анархо-синдикалистов на ниве профсоюзного движения. Крошечные профсоюзы, созданные КАС в Сибири, не смогли ни расширить свое влияние, ни революционизировать массы наемных работников. Так же никаких успехов не принес аналогичный эксперимент (создание микропрофсоюза “Воля”), осуществленный в Москве Конфедерацией революционных анархо-синдикалистов – Секцией Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС–МАТ). Причем относительно профсоюза “Воля” вообще возникает подозрение, что он был создан исключительно для того, чтобы выполнить соответствующее уставное требование анархистского “интернационала” – Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ), – без чего нельзя было рассчитывать на прием КРАС в состав МАТ.

Усталость и подсознательная разочарованность анархистов проявились весной 1997 г. Анархистствующие подростки (слушатели “Анархошколы”) участвовали в откровенно глупой и балаганной акции (кстати, неудачной) по забрасыванию Г.А. Зюганова помидорами 22 апреля 1997 г. Официальные СМИ успешно использовали эту акцию для пропаганды против Зюганова, самим же анархистам акция никаких выгод и дивидендов не принесла.

1 Мая 1997 г. анархисты распространяли на профсоюзной демонстрации в Москве написанные плохим языком листовки скучного содержания с явно не адекватным реальным условиям жизни в Москве призывом устроить, как в Албании, всеобщее беспартийное и безвластное стихийное вооруженное восстание³¹⁵. На той же демонстрации анархисты по сути спровоцировали ОМОН, в результате чего было задержано пять анархистов, двое из которых были сильно избиты. Несмотря на все попытки анархистов привлечь к этому инциденту общественное внимание, СМИ его тотально проигнорировали.

Формально самое “живое” анархистское движение – анархо-экологи – также оказалось в тупике. Отработанная тактика летних лагерей протеста радикальных экологов за последние годы превратилась в вариант “милитантизма”, так как никаких реальных плодов уже не приносит, если не считать того, что в лагерях “анархистский молодежь” приобретает определенный скаутский и сексуальный опыт и привыкает не бояться задержаний и избиений со стороны органов правопорядка.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (2)

В состоянии развала, в лучшем случае – застоя, пребывают троцкисты. Единственная “живая” троцкистская организация – Русская секция Комитета за рабочий Интернационал (иногда именуемая себя также “Рабочая демократия”, по названию своей газеты), курируемая постоянно живущим в Москве, женившимся на русской и сильно обрусевшим английским троцкистом Робертом Джонсом, сосредоточилась преимущественно на контркультурной и антифашистской работе в молодежной среде, такой как создание “Левого Антифашистского Сопротивления”, проведение рок-концертов и первомайских “народных гуляний” “Фашистов и буржуев на ...!”, проведение “антифашистского месячника” в октябре 1996 г., участие в выставке “Антифашизм & Анти-антифашизм” и т.д. На практике это ведет к установлению все более прочных связей с другими организациями леваков, но не к расширению рядов самой организации, не к усилению ее влияния в среде наемных работников (как того требует троцкистская доктрина).

К тому же Р. Джонс постоянно испытывает определенные сложности в проведении своей молодежной политики, поскольку конкурирующие троцкистские тенденции (при поддержке анархистов – в первую очередь из КРАС–МАТ) уже превратили в традицию сочинение и посылку на Запад – во все мыслимые левацкие “интернационалы”, организации и газеты – бесконечных доносов (именуемых в лучших сталинских традициях “сигналами”)³¹⁶, уличающих Р. Джонса в общении с “неправильными” леваками, запятнавшими себя контактами с НБП.

В кризисной ситуации находятся и “новые левые”. Конгломерат Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм”, например, сильно изменившись организационно, в значительной степени сосредоточился на артистической деятельности. Политическая же деятельность этого образования оказалась подчинена интересам НБП. Это, безусловно, тяготит активистов Фиолетового Интернационала / “Партизанского движения” /

“Коммунистического реализма”, но, с другой стороны, они уже включены в работу НБП и прекратить эту деятельность означает лишиться организационных и пропагандистских структур Национал-большевистской партии, оставить незавершенными уже начатые проекты и т.п.

С серьезнейшими проблемами столкнулась крупнейшая организация “новых левых” – “Студенческая защита”. Во-первых, как показал провал попытки “Студенческой защиты” провести очередную уличную акцию в Москве в феврале 1997 г., все противники “Студенческой защиты” изучили тактику профсоюза – и научились ее эффективно нейтрализовывать (в феврале безупречно сработала цепочка “проправительственные СМИ – власть – Ассоциация профсоюзных объединений студентов (АПОС)”: газета “Сегодня” загодя разузнала о планируемых “Студенческой защитой” беспорядках, опубликовала об этом статью, представители правительственных структур прочли ее, связались с АПОС и предложили “принять меры”, АПОС откликнулась и отменила свой студенческий марш; сама “Студенческая защита” оказалась не в состоянии провести в Москве крупную уличную акцию, не паразитируя на “официальных” студенческих профсоюзах). В ряде мест активность “Студенческой защиты” была сведена на нет или резко снижена путем изъятия из активного политического процесса наиболее авторитетных или наиболее экстремистски настроенных лидеров. Так, в Н. Новгороде самое радикальное (из четырех существующих в городе) отделение “Студенческой защиты” фактически развалилось после ареста ФСБ по обвинению в транспортировке наркотиков лидера отделения Ильи Жаркова (“тов. Панкера”). Обвинение доказать не удалось, несмотря на трехдневные непрерывные допросы, но И. Жарков за это время был отчислен из университета как не явившийся на сессию, а его соратники по “Студенческой защите”, запуганные администрацией университета, разбежались³¹⁷. Основатель “Студенческой защиты” в Самаре Игорь Берендяев, имевший репутацию блестящего организатора, погиб при загадочных обстоятельствах³¹⁸.

Во-вторых, “Студенческая защита”, в создании которой изначально играли важную роль силы, не относящиеся к лагерю собственно “новых левых”, то есть комсомольцы, стали арендой борьбы противоборствующих комсомольских организаций. В результате в ряде мест возникла ситуация, когда те или иные организации (вузовские или даже городские, областные) оказались под контролем комсомольцев – сторонников И. Малярова (например, в Воронеже или одна из четырех организаций “Студенческой защиты” в Н. Новгороде), либо под контролем комсомольцев – сторонников П. Былевского (например, в Арзамасе-16 или одна из организаций в Тюмени). Эти организации, продолжая именоваться “Студенческой защитой”, фактически выпали из лагеря “новых левых” и превратились в обычные комсомольские структуры, не подчиняющиеся Исполкому “Студенческой защиты”. Иногда этот процесс приобретал еще более изощренные формы. Так, крупнейшая организация “Студенческой защиты” в Ростове-на-Дону, контролировавшаяся И. Маляровым, после ссоры Малярова весной 1997 г. с руководством КПРФ, перешла под контроль КПРФ.

В-третьих, по мере разрастания “Студенческой защиты” до 15-тысячного профсоюза выявилось отсутствие формальной теоретической платформы организации и негативный характер крайне либерального подхода к членству (заявительный порядок вступления в “Студенческую защиту”). В профсоюз вливались на местах многие студенческие профгруппы, недовольные полным бездействием АПОС. Но сами по себе эти группы сплошь и рядом не имели к “новым левым” (и вообще к леворадикалам) никакого отношения. В Томске, например, в ряды “Студенческой защиты” влились Независимый студенческий христианский профсоюз и Студенческий евангельский профсоюз³¹⁹. Это естественным образом влекло за собой *деполитизацию* “Студенческой защиты” с перспективой ее превращения из организации “новых левых” в обычный студенческий профсоюз, не входящий в систему ФНПР (т.е. в так называемый альтернативный профсоюз).

В-четвертых, Общероссийский Исполком “Студенческой защиты” оказался не готов к такому развитию событий, не смог найти механизмы управления разросшейся организацией и практически пустил дело на самотек. Обнаружился даже явный разрыв между пониманием лидерами “Студенческой защиты” того, что их организация не может и не должна представлять интересы всех студентов, а призвана защищать интересы лишь представителей малообеспеченных слоев и тех, кто оказывается (или в перспективе окажется) в проигрышной ситуации в условиях рыночных реформ (это понимание зафиксировано некоторыми членами Исполкома в их публикациях³²⁰) или реальной практикой “Студенческой защиты”, пытающейся де-факто стать выразителем интересов всех студентов: и бедных и богатых, и гуманитариев и “технарей”, и детей рабочих и детей “новых русских”.

Никаких жизнеспособных проектов выхода из создавшегося положения лидеры “Студенческой защиты” пока разработать не смогли.

Фактически в ситуации застоя оказались и “пролетаристы” (ОПОР). ОПОР надеется выйти из застоя путем обращения к методам традиционной политики – то есть путем создания “партии рабочего класса”, однако сработают ли в России конца XX века методы, доказавшие свою результативность в начале XX века, – весьма проблематично.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (3)

Кризис методов соединился с кризисом идей, кризисом моральным и духовным. Ярким примером можно считать опереточное дело “Новиков против Гёргенрёдера”, которым анархистские сообщества России, Белоруссии, Украины и ФРГ занимались в 1996 г. вместо пропаганды и другой политической работы.

Зимой 1996 г. немецкие анархисты из Берлинской организации Международной Ассоциации Трудящихся (FAU–IAA) решили оказать помощь российским анархистам. Западные анархисты согласны были издавать для русских единомышленников газету (журнал, бюллетень). Идея принадлежала известному белорусскому анархисту Олегу Новикову (“тов. Лёлик”) и выехавшему в 1994 г. из Молдавии в Германию анархо-католику Игорю Гёргенрёдеру, защитой прав которого в 1991–1994 гг. занималось все анархистское сообщество СНГ. В качестве объекта помощи была выбрана Питерская лига анархистов (ПЛА). Издание решено было назвать “Саксаул”.

Когда в Берлине ознакомились в материалах № 1 “Саксаула”, там они были расценены как провокационные. Подписанные именами реальных анархистов (в основном из Санкт-Петербурга), но, как впоследствии выяснилось, ими не сочиненные, материалы, действительно, были “своеобразными” и превосходили все, что когда-либо печаталось в “Лимонке”. В одном материале рассказывалось, что Министерство обороны в массовом порядке посылает на плантации мака и конопли новобранцев, где те содержатся на положении рабов, получая вместо пищи наркотики. В другом рассказывалось о террористическом акте, совершенном в природе не существующей анархистской подпольной организацией “Самум” (“Самоотверженные удары по мироедам”). “Самум” якобы приговорил к смертной казни и казнил в Псковской области некоего Щетинникова, “нового русского”, по совместительству – растлителя малолетних (сцена растления описывалась). В третьем материале рассказывалось, как партия Е. Гайдара заражает сибирской язвой население Челябинской области. В четвертом – как по приказу С. Шахрая в Ингушетии было уничтожено 57 местных жителей, в основном женщин и детей (“несчастных заперли в сарае, где их потом забросали гранатами”³²¹). Самым замечательным материалом была статья “Изнасилована Галина Старовойтова”, в которой с видимым удовольствием и подробным натуралистическим описанием многих деталей рассказывалось об этом якобы достоверном факте.

В анархистской среде быстро сложилось два взаимоисключающих мнения об авторстве этих текстов. По мнению одних, они были сочинены О. Новиковым, по мнению других – И. Гёргенрёдером. В результате “все анархо-тусовки от Пиренеев до Владивостока разделились на сторонников и противников Лёлика”³²².

Оба кандидата в провокаторы были личностями примечательными.

Олег Новиков в 1990 г. успел побывать в рядах крайне правой Национально-демократической партии Украины, затем был создателем Комитета Украинских анархо-националистов (УАН), а в 1991 г. совместно с Юрием Докукиным (“тов. Эрнесто”) создал полумифическую организацию ФАРА (первоначально расшифровывалось как “Федерация анархического революционного авангарда”, затем как “Фронт анархо-революционного авангарда”). ФАРА прославилась тем, что “приговорила к смерти” лидера украинских националистов Степана Хмару и лидера КАС Андрея Исаева (причем и тот, и другой восприняли этот “приговор” всерьез). После “раскола” ФАРА на “боевую фракцию” (сам О. Новиков) и “умеренно-экстремистскую фракцию” (Ю. Докукин) каждая фракция выпускала самостоятельное издание: О. Новиков — газету “Че”, а Ю. Докукин — газету “Рупор экстремиста”. (Формальным поводом для “раскола” явились “разногласия” между О. Новиковым и Ю. Докукиным по пунктам, кто из них “тормозит” “порыв масс расправиться с угнетателями посредством революционного террора” и какой класс – люмпен-пролетариат или просто пролетариат – должен стать гегемоном революции.³²³) ФАРА заявила о вступлении в Федерацию революционных анархистов (ФРАН). В 1992 г. О. Новиков участвовал в создании Федерации анархистов Белоруссии (ФАБ), а позже возглавил Свободный студенческий профсоюз Беларуси. О. Новиков прославился организацией уличных акций в Минске, неизбежно перераставших в столкновения с милицией. Из Белорусского государственного университета его исключили. В 1992 г. О. Новиков был среди тех участников V съезда Ассоциации движений анархистов (АДА), кто провозгласил создание “Марксистско-ленинской ассоциации движений анархистов” – АДА (м.-л.)³²⁴. О. Новиков выпускал

удивительные листовки, где на фоне изображений студенток, занимавшихся в общежитии лесбийским сексом, помещались “революционные” призывы “залюбить систему насмерть” и организовать “неделю активных действий за сексуальную революцию”³²⁵.

Некоторые особенности поведения О. Новикова описаны в журнале “Черная звезда”: “Он писал всем левым группам и во все левые издания, и перед каждой группой он предстал в новом обличье: для ИРЕАН он анархо-коммунист; для эсеров – группа, состоящая из левых соцдемократов и правых анархистов; для КАСовцев – КАСовской группой; для “Рабочей демократии” он был членом “Рабочей демократии”; для “Рабочей борьбы” – членом “Рабочей борьбы”; для самарской Партии диктатуры пролетариата – кандидатом РПДП(б); для “спартаковцев” – симпатизантом их тенденции. Так проявился талант О. Новикова к конспирации, и он стал получать на халяву целый ворох левых газет. Про свои взгляды Олег писал так: “Ну конечно же, мы все анархо-коммунисты, правда, близкие к троцкистам по средствам и к эсерам по методам”. Говорят, что в Киеве тогда вошло в моду новое выражение “лепить ФАРУ”, означающее примерно то же, что «нести туфту»³²⁶.

Другим “кандидатом в провокаторы” был Игорь Гёргенрёдер, анархо-католик из Кишинева, эмигрировавший в Германию как этнический немец (с происхождением И. Гёргенрёдера не все ясно: по одним сведениям, он – сын пленного немца, по другим – сын ссыльных немцев-трудармейцев, по третьим – сын русского дворянина немецкого происхождения, по четвертым – сын белогвардейского офицера, героически сражавшегося с большевиками в Гражданскую войну³²⁷; интересно, что все версии восходят к самому И. Гёргенрёдеру!). “Черная звезда” пишет о Гёргенрёдере так: “... полупарализованный инвалид в коляске. Он всю жизнь испытывал болезненный интерес к сексу. Видимо, хотелось узнать, что же это такое. Единственная вышедшая из печати его книжка – “Сборник русских эротических сказов” – в самые разлиберальные постперестроечные годы была запрещена к ввозу в Россию (из Молдавии) как чересчур уж жесткое порно ... Особую злобу он затаил на Союз писателей Молдовы, который, видимо, провинился тем, что самого Гёргенрёдера не печатал. К письмам (адресованным анархистам СНГ. – А.Т.) прилагались публицистические статьи, которые Игорь просил всех пристроить в прессе. Но политические издания брать их не хотели – слишком уж откровенная порнография, а порнографические отказывали потому, что слишком много политики. Единственную статью под названием “Кровавый секс” удалось напечатать вездесущему Ю.А. Нерсесову в фашистской газете “Русское сопротивление” под русским псевдонимом (там все печатались под русскими фамилиями, и Максим Израилевич Гантварг, и Борис Иосифович Ирзак, и Антоша Розенвайн, и наш добрый друг Александрос Колпакиди)”³²⁸. Несмотря на явную неприязнь “Черной звезды” к И. Гёргенрёдеру, это описание довольно реалистично. В откровенно патологической статье “Кровавый секс” И. Гёргенрёдер рассказывал леденящие душу истории о том, как женщины – “боевики Народного Фронта Молдовы” во главе с известной поэтессой Леонидой Лари зверски расправлялись в Молдавии с коммунистами, преимущественно путем их коллективного изнасилования с летальным исходом. В статье смаковались натуралистические подробности (иногда анатомически недостоверные) таких “садистских действий” молдавских демократок³²⁹. Девушки, работающие в Отделе нетрадиционной печати (“самиздата”) в Государственной публичной исторической библиотеке, “рыдали над этой статьей и спрашивали: “Неужели такое бывает?” ...”³³⁰

Книга И. Гёргенрёдера “Русский эротический сказ” не была, конечно, “уж слишком жестким порно”, а была обычной порнографией, талантливо закамуфлированной под якобы народные сказы, якобы записанные И. Гёргенрёдером в 1974–1975 гг. в деревнях Уральской, Оренбургской, Курганской и Челябинской областей. То, что это не “народное творчество”, а продукт явно большой фантазии самого И. Гёргенрёдера, – несомненно³³¹. “Сказам” было предпослано предисловие И. Гёргенрёдера, в котором он описывал феерические празднества типа сатурналий, будто бы справлявшиеся в деревнях вышеуказанных областей по каждому удобному поводу (постройка сарая и т.п.). С большим чувством и вниманием к анатомическим подробностям И. Гёргенрёдер описывает обряды, якобы сопровождавшие эти празднества, например, обряд выпивания обнаженными девушками ведра парного молока, каковое ведро должен удерживать на эрегированном пенисе молодой деревенский парень до тех пор, пока все молоко не будет выпито³³².

Несомненно, и О. Новиков, и И. Гёргенрёдер были людьми, явно склонными к мистификациям и испытывавшими несколько преувеличенный интерес к проблемам пола. Оба могли оказаться авторами “Саксаула”. Балаганная история с “Саксаулом” была воспринята анархистским миром России (и СНГ вообще) всерьез. И О. Новиков, и И. Гёргенрёдер обвинялись в провокаторстве и в сотрудничестве со спецслужбами. В кампанию взаимных обвинений и оскорблений оказались вовлечены ведущие анархистские организации России (исключая КАС), Украины, Белоруссии и ФРГ,

а отчасти и Нидерландов, Испании и Польши. Неясно, куда делись 6000 марок ФРГ, выделенные FAU-IAA на издание “Саксаула”. Было создано два третейских суда (с участием аргентинских троцкистов и польских анархистов) для урегулирования этого дела (впрочем, обе стороны оба суда проигнорировали). Совет Питерской лиги анархистов (ПЛА) принял 29 февраля 1996 г. “Закрытое заявление”, в котором заклеил О. Новикова как провокатора, но 3 марта 1996 г. дезавуировал это заявление³³³.

По накалу страстей, кипевших в анархистском сообществе, скандал, связанный с делом “Новиков против Гёргенрёдера”, сравним, наверное, только с накалом страстей, кипевших в связи с расколом I Интернационала на сторонников К. Маркса и М.А. Бакунина. Но теперь история повторилась в виде фарса и показала всю глубину деградации анархистского мира.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (4)

Именно сочетание кризиса методов с теоретическим, моральным и духовным кризисом привело к тому, что леворадикальное движение по сути лишилось многих наиболее талантливых своих представителей, как минимум, пытавшихся развивать теорию. Дмитрий Жвания ушел в НБП, Михаил Цовма ушел в личную жизнь, Алексей Цветков вынужден почти все время уделять газете “Лимонка”, Петр Рябов официально порвал с КАС и выступает на страницах журнала “Наперекор” с проповедью примирения с религией. И т.д.

Для значительной части леворадикального движения (анархистов, в первую очередь) кризис 1996 – начала 1997 гг., несомненно, является лишь следствием и развитием предыдущего кризиса, ставшего для многих очевидным уже в 1993 г. Но констатация кризиса тогда не сопровождалась его *внутренним осознанием*. Единственным из леваков, претендующим на роль теоретика и пытавшимся тогда же, в 1993 г., осмыслить кризис движения, был П. Рябов. Он справедливо констатировал: “... участие в неформальном движении почти ни для кого не проходит даром – ведет к опустошению, моральной и интеллектуальной деградации, потере себя, самообману и депрессиям” и дал такой портрет леворадикалов: “Мелкие “коммунальные” склоки за крохи власти и огромные амбиции; чисто вещное, объектное отношение ... друг к другу при полном отсутствии цивилизованной дискуссии и представления о правах человека; такое же полное отсутствие какой-либо теоретической работы, осмысления окружающих реалий, помноженное на чудовищное невежество подавляющего большинства активистов, вне зависимости от партий; нулевая связь с реальной жизнью “простых” людей и шизофреническая замкнутость движения на самого себя, на свои кухонные разборки, магические заклинания и мифологемы, почерпнутые из прошлых веков; пошлость и безликость движения, творческая импотенция и почти абсолютный вакуум личностей и идей...”³³⁴ Но эти ламентации и горькие рассуждения П. Рябова были восприняты леваками как “брюзжание кабинетного анархиста” или инвективы – и проигнорированы.

Спустя два года то же самое – только еще резче – написал В. Дамье: “Клубок змей, гордо именующий себя “ан.-движением” экс-СССР... спившихся внесистемщиков... обломанных циников... самовольных вождишек... адептов последнего писка ан.-моды – “веселого анархизма”, этаких homo ludens, анархистов играющих ... Довольно гальванизировать труп”³³⁵. Анархисты постарались проигнорировать и эти рассуждения.

Летом 1995 г. на страницах газеты “Новый свет” была предпринята попытка проанализировать причины кризиса анархистского движения (на примере Украины): “Отсутствие твердой программной основы, т.е. разработанной, обусловленной тенденциями общественного развития системы целей и средств к их достижению, неумение и просто нежелание большинства анархистов “призыва” 89-90 гг. вести целеустремленную систематическую работу по пропаганде анархических идей, по предложению анархических, т.е. основанных на солидарности и самоорганизации граждан, альтернатив политическому решению общественных проблем, значительная засоренность случайными людьми – все это, безусловно сыграло свою негативную роль. Но самое главное – анархизму так и не удалось пока нащупать ... свою социальную базу. Ни одна из социальных групп и прослоек ... общества не восприняла идеи солидарности, самоорганизации и самоуправления как свои, как отражающие непосредственные жизненные интересы. Этим, собственно, и обусловлены все вышеперечисленные негативные факторы”³³⁶. Однако нежелание анархо-массы читать о себе правду, думать о причинах кризиса (и думать вообще) и искать пути выхода из него оказалось исключительно велико. Статья была проигнорирована, как посвященная “чисто украинским проблемам”.

Зато бурю возмущения тогда же вызвала в анархистском мире статья А. Цветкова “Прощай, анархия!”, хотя ничего принципиально нового Цветков не написал, и статья отличалась от

вышеизложенных только ярким литературным языком: “Потолкавшись по рок-подвалам, среди таких же нетрезвых борцов и общедоступных девиц, устав от бесконечных собраний и разговоров о классовой войне, ты ... понимаешь, что изменить такими методами ничего нельзя и, что самое пугающее, начинаешь подозревать, что никто из них и не хочет ничего изменить, променяв свою непримиримость на маргинальное существование на обочине автострады. Они так и будут годами читать собственные журналы и мечтать о победе мировой революции, неизбежной после того, как хамский примитивный народ дозреет до их универсальных истин”³³⁷. Складывается впечатление, что основная вина Цветкова заключалась в том, что он “вынес сор из избы”.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (5)

Последним, кто пытался обратить внимание анархистов на тотальный кризис движения и подтолкнуть их к поиску путей обновления, был лидер “Хранителей Радуги” Сергей Фомичев. С. Фомичев также фиксировал, что анархо-движение пребывает в кризисе, как минимум, с 1993 г.: “К 1990 году в бывшем СССР сформировалось мощное анархистское движение, насчитывающее в своих рядах несколько тысяч человек. Уже к 1993 году этого движения практически не существовало. Где-то в период между двумя московскими “белыми домами” движение распалось... Движение распалось потому, что *не смогло* приступить к реализации своих задач. Задач ... у движения *попросту не было*. Ему нечего было предложить вышедшим на улицу людям. Оно не имело ни малейшего представления о том, каким образом и что именно нужно делать для воплощения своих идеалов”³³⁸.

Нарисованная С. Фомичевым картина глубоко пессимистична: “Современные российские (и все остальные бывшие советские) анархисты в основном ничего не делают. Они практически не занимаются теорией и лучшее, что могут выдать, это манифест или памфлет, а также не особенно глубокие статьи по истории анархизма.

*Разрыв между утопией и существующей реальностью настолько велик, что о какой-либо продуманной стратегии анархистского движения не может быть и речи”*³³⁹.

С. Фомичев признает организационную и теоретическую несостоятельность как анархо-синдикалистов, так и анархо-коммунистов (которых он называет “революционными” анархистами): “Анархо-синдикалистам в нашей стране не удалось сделать ничего абсолютно синдикалистского, однако они продолжают упорно держаться за догматические концепции, разработанные главным образом в конце прошлого века ...

Странная вещь: лидер ГРАС Вадим Дамье, говоря о “зеленых” как о политическом трупе только потому, что их общественная активность к началу 90-х упала, свято верит в анархо-синдикализм, звезда которого закатилась еще в 30-е годы...

“Революционеры” мало думают об изменении условий революционной борьбы. Это им, как правило, ни к чему. Современный уровень технологии, который имеется в распоряжении спецслужб, не позволяет существовать подпольным террористическим организациям анархического толка”³⁴⁰.

С. Фомичев справедливо указывает на абсурдность восприятия анархистами панков как “нового революционного класса”: “Ориентация на панков как на революционный класс – красивая телега и ничего больше. Трудно найти панка, который был дочитал до конца “Одномерного человека” (вряд ли хоть один вообще начинал читать Маркузе, да и издали его у нас совсем недавно). А ведь это в некотором роде библия “новых левых” ...” Он отмечает также тенденцию к эстетизации политики у анархистов (т.е. фашистскую по психологии тенденцию): “На первый план выходит эстетика революционной поэзии. Крутость фразы становится решающим аргументом в дискуссии, путь даже она сколь угодно абсурдна... Тот же механизм, что и у общества потребления... – красота и изящество обертки, а не качество содержания становятся решающим фактором. Этакий революционный тампак с кровью синего цвета, подобный тому, что можно увидеть на известном рекламном продукте”³⁴¹.

С. Фомичев надеялся вызвать в анархистских кругах дискуссию, которая, возможно, могла бы помочь анархистам в поисках путей выхода из кризиса, но его надеждам не суждено было сбыться. Если до того анархисты предпочитали не замечать критику или отвергать ее как “выпады ренегатов” (в случае с Цветковым), то на статью С. Фомичева последовали отклики, показавшие, что анархистское сообщество просто не поняло, о чем писал С. Фомичев и ради чего. Отвечавшие С. Фомичеву Игорь Мангазеев и Александр Шубин каждый в своих статьях и отказались признать существование кризиса в анархистском движении – и в то же время согласились с наличием такого кризиса. Собственно, и ответ И. Мангазеева, и ответ А. Шубина на статью С. Фомичева не были ответами, что само по себе – показатель тяжести ситуации, сложившейся в анархистском сообществе в области теоретической мысли. И. Мангазеев заявил (вслед за Эдуардом Бернштейном): “конечная

цель – ничто”, а А. Шубин посвятил большую часть своей статьи апологии “Общины”, КАС, А. Исаева и себя лично, предложив в качестве лекарства от всех болезней опыт “исторических лидеров” КАС, т.е. уход из анархистского движения ради решения конкретных “оперативно-тактических” задач в рамках других, не анархистских, движений и структур. Последнее, возможно – разумное предложение, но все же его нельзя считать путем вывода анархистского движения из кризиса, это, безусловно – капитуляция перед лицом кризиса: вплоть до упразднения анархистского движения вообще³⁴².

Отдельные видные леваки фиксировали печатно и кризис анархизированного “зеленого” движения. Так, один из лидеров Питерской лиги анархистов Петр Рауш на примере акций радикальных экологов в Череповце показал утопичность (если не сказать: абсурдность) требований радикальных экологов, порочность их установки на согласие с патронирующей-распределительной ролью бюрократии (государства), указал на подмену радикальными экологами активной самодеятельности общества “героизмом одиночек” и на “умышленное мифотворчество” вокруг летних лагерей радикальных экологов³⁴³.

Известный деятель “зеленого” движения Юрий Шевчук (не путать с известным рок-певцом!) в 1997 г. вынужден был констатировать: “Зеленое движение стремительно маргинализируется ... Нас перестают воспринимать всерьез в политическом плане – и скоро перестанут в социальном”³⁴⁴.

А. Цветков, не являясь “зеленым”, смог подняться над многими мифами экологистского движения и потому о кризисе экологизма высказался еще жестче: “... дело не в перенаселении, нации с самой низкой рождаемостью наносят биосфере максимальный ущерб... Гринпис – подставная контора, проплаченная корпорациями и пускающая в нужное русло экологическое недовольство широких масс”³⁴⁵. Цветков же оказался в состоянии перейти от обличений к анализу сути экологизма и первым в России совершенно верно определил экологистское движение как “реформизм”³⁴⁶.

Это было важным шагом в осознании в России изначальной тупиковости радикального экологизма, тем более что не только отечественные леваки, но и в целом общественная мысль в России пока не понимает, что экологистское движение – это по сути своей движение реформистское, а не революционное, направленное на локальные улучшения и совершенствования при сохранении (и даже укреплении) основ существующей экономической и социальной системы. Более того, поскольку зачастую радикальные экологи занимаются *сохранением* тех или иных природных объектов от изменений, они объективно выступают в роли *консервативной*, патриархальной силы (а иногда и прямо ретроградной, реакционной – как в случае *принципиального* неприятия атомной энергетики *вообще*; поэтому совсем не случаен столь смущающий радикальных экологов феномен сращивания на местах “зеленых” с фашистами – например, в рядах Российской Партии Зеленых³⁴⁷). Это значит, что экологистская работа в принципе не является органичной сферой деятельности леваков (как революционеров) – и вытеснение леваков из неорганичной им природоохранной деятельности силами, лояльными к рыночной экономике и буржуазной демократии, – всего лишь вопрос времени. Подобное явление уже имело место в профсоюзном движении. Профсоюзная работа по сути своей (т.е. борьба за улучшение экономического положения наемных работников при сохранении самой системы наемного труда) – работа именно реформистская. Анархо-синдикалисты, занимавшиеся профсоюзной работой, точно так же оказались в неорганичной для них, как для социальных революционеров, сфере деятельности – и потому неизбежно были со временем вытеснены из этой сферы реформистскими, социал-демократическими, либеральными и христианскими профсоюзами – без всяких шансов на восстановление утраченных позиций.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (6)

Показательно, что практически никто из леворадикалов не осознает кризис и леворадикального движения, и леворадикальной идеологии как всеобщий и системный. Отдельные представители мира леваков говорят и пишут либо о кризисе отдельных организаций, либо о кризисе отдельных методов, в лучшем случае – отдельных секторов левацкого мира. П. Рябов, В. Дамье, С. Фомичев и др. фиксировали несомненный кризис исключительно анархистского движения, В. Тупикин – троцкистского, П. Рауш, Ю. Шевчук и А. Цветков – экологистского. Это не только свидетельство низкого уровня способностей к обобщению у лидеров нынешних российских леворадикалов, но и гарантия продолжительности и неразрешимости кризиса.

Между тем, системность кризиса леворадикального движения видна уже из его полиморфности и из того факта, что абсолютно все леваки столкнулись с одними и теми же причинами и факторами кризиса.

Все леворадикалы считают себя представителями *социальных* движений, но при этом они так и не нашли того социального слоя (класса), чьи интересы они выражают и который согласен с этим и поддерживает их как выразителя своих интересов. То есть все леворадикалы в современной России лишены *социальной базы*. Даже “Студенческая защита”, формально являющаяся выразителем интересов студенчества как социального слоя, реально таковым, конечно, не является – во-первых, потому, что в современной России студенчество не выступает в качестве однородного социального слоя с едиными интересами, а во-вторых, потому, что политическая ориентация “Студенческой защиты” явно левее политической ориентации большинства студентов. В наиболее благоприятном по сравнению с другими леваками положении находятся “пролетаристы”, которые определили себя как выразителя интересов рабочего класса, действительно пытаются осознать реальные интересы этого класса и вербуют себе сторонников именно в рабочей среде. Однако наличные экономические процессы (деиндустриализация) быстро размывают потенциальную социальную базу “пролетаристов” (важнейшей причиной сокращения численности ОПОР в последние 1,5–2 года было именно прекращение деятельности ячеек ОПОР из-за закрытия отдельных цехов и целых предприятий).

Все леворадикалы столкнулись с фактом несоответствия своей идеологии непосредственным задачам, стоящим перед леворадикальным движением. Во-первых, идеологические схемы, используемые леваками, оказались в основном устаревшими, с помощью этих схем оказалось невозможно анализировать процессы, происходящие сегодня в стране и в мире. Во-вторых, несомненен высокий уровень *мифологизированности* идеологии леваков, что не позволяет носителям этой идеологии принимать действительность такой, какая она есть, и заставляет их зачастую существовать в частично вымышленной реальности. В-третьих, несомненен *эклектизм* левацкой идеологии (у анархистов и “новых левых” – больший, у троцкистов и “пролетаристов” – меньший), доходящий нередко до сосуществования противоречащих друг другу идеологем. Такой эклектизм, безусловно, препятствует выработке систематизированного и научного мировоззрения. Парадоксальным образом те леваки, кто в наименьшей степени страдает от эклектизма – троцкисты, – в наибольшей степени страдают от догматизма. Таким образом, одна крайность занимает место другой, что свидетельствует о недиалектичности левацкой идеологии в целом. В-четвертых, все леворадикалы так и не смогли адаптировать свои теоретические построения к современным условиям, уровню и особенностям мышления масс и вообще сделать их привлекательными для масс (не говоря уже о том, что зачастую леваки пользуются непонятным рядовым гражданам эзотерическим или начетническим языком, “партийным жаргоном”). В несколько лучшем, по сравнению с другими леваками, положении здесь находятся “новые левые”, поскольку они оперируют все же многими достижениями зарубежной общественной мысли второй половины XX в. и открыты к дальнейшему усвоению таких достижений. Но это преимущество практически сводится на нет чудовищно низкой теоретической грамотностью большинства “новых левых”, малой доступностью зарубежных теоретических источников (из-за незнания большинством “новых левых” иностранных языков) и традиционно присущим “новым левым” увлечением явно деструктивными для создания цельной идеологии факторами: психоделикой, мистицизмом, акцентированием на проблеме поиска “альтернативного” стиля жизни и т.п.

Исчерпанность прежних методов деятельности. Новый кризис (7)

Все леворадикалы столкнулись с несоответствием форм своей организации задачам, которые поставила перед леваками реальная общественно-политическая практика сегодняшней России. Организационные формы российские леваки в практически неизменном виде унаследовали из советского периода (времен перестройки) и, жизнеспособные тогда, эти формы оказались недейственными сегодня. Собственно, левацкий мир знает всего две формы организации: *секта* и *тусовка* (как ни странно, они могут при случае переходить друг в друга). Секта заранее обречена на самоизоляцию, тусовка запрограммирована на развал. Единственным примером другой организационной формы в леворадикальном мире является ОПОР. ОПОР создал сколько-то упорядоченную структуру по смешанному производственно-территориальному принципу, взяв за основу частью принципы построения профсоюзных организаций, частью – принципы построения дореволюционной РСДРП. Избранная ОПОР оргструктура воспрепятствовала превращению организации как в секту, так и в тусовку, но не дала никаких ощутимых преимуществ в деле развития организации, расширения рядов и т.п.

Все леворадикалы столкнулись с фактом финансовой несостоятельности своих структур. Подавляющее большинство левацких организаций и групп в СССР/России создавалось без учета и даже без простого понимания того факта, что любая общественная деятельность требует

финансирования. Леворадикальные организации во всем мире черпают финансовые средства из следующих источников:

- а) первичный финансовый капитал (собственность) членов;
- б) коммерческая деятельность, доходы от продажи партийной прессы (литературы);
- в) членские взносы (иногда достигающие 10–15% доходов), пожертвования, зарубежная помощь (например, помощь ИРА со стороны ирландской общины США);
- г) экспроприации, обложение “революционным налогом” коммерческих структур (как, например, ЭТА в Стране Басков).

Первичным капиталом (собственностью), достаточным для финансирования активной политической деятельности, леваки в России не располагают. Для экспроприаций и введения “революционного налога” у них нет ни технических средств, ни практических навыков, ни элементарной личной смелости. Членские взносы существуют лишь в ОПОР, но объем их в связи с падением уровня доходов рабочих явно недостаточен не только для расширения деятельности организации, но даже для поддержания ее на прежнем уровне. Попытки некоторых групп троцкистов и анархистов ввести членские взносы успехом не увенчались: члены организаций всячески уклонялись от уплаты взносов. Продажа партийных изданий перестала приносить доходы с 1991 г. – с момента “инфляционного обвала” в России. Коммерческие структуры с целью самофинансирования смог создать ОПОР, но в настоящее время они находятся в состоянии упадка (что связано с общим экономическим кризисом). В конце 1996 – начале 1997 г. попытку создать коммерческую структуру, призванную финансировать деятельность организации, предприняли анархо-экологи из “Хранителей Радуги”. Говорить об успехе или провале этого проекта пока рано. Наконец, финансовую помощь с Запада традиционно получали троцкисты и анархисты (КАС, КРАС–МАТ), но практика показала, что во-первых, эта помощь недостаточна, а во-вторых – российские леваки неспособны ею правильно распорядиться.

Все леворадикалы столкнулись с исчерпанностью традиционных методов деятельности. Почти все применяемые ими методы (начиная от листовочных кампаний и кончая “оранжевыми акциями”) унаследованы от советского периода. В постсоветской России они перестали действовать. В постсоветский период леваки смогли обновить свой арсенал лишь одним новым методом – “пропагандой действием” (т.е. устройством уличных беспорядков с последующей рекламой их в левацком мире). К 1997 г., как уже отмечалось выше, этот метод себя исчерпал. Новые методы пока не выработаны или, как минимум, не предложены.

Все леворадикалы страдают от *отсутствия стратегии*. Не имея четкой и разработанной теории, крайне туманно представляя себе желаемый общественный идеал, леваки оказались вынуждены заменить стратегию тактикой. Но даже и тактика у них сводится к двум основным формам: “методу тыка” (т.е. слепого поиска путем проб и ошибок) и “методу простой реакции” (т.е. инстинктивного ответа на воздействие внешней среды: приглашают выступить на конференции – выступаем, нападают фашисты – разбегаемся или, как вариант, отбиваемся). При таком уровне “стратегического мышления”, конечно, наивно рассчитывать на какие-либо успехи.

Все леворадикалы страдают от отсутствия ярких (“харизматических”) личностей, природных вождей, ораторов, блестящих публицистов и т.п. Это влечет за собой средний (и даже низкий) уровень леворадикальной печатной продукции, ее идейную и художественную вторичность, провинциальность, безликость, засилье мелкотемья и т.п. Естественно, такое положение не стимулирует приток к левакам талантливой молодежи. На рынке идей, теорий и образов конкуренты леваков оказались способны вызвать к себе куда больший интерес – и тем привлечь талантливую молодежь.

Все леворадикальные организации страдают от крайне низкой дисциплины и низких моральных качеств своих членов. Лень, тщеславие, необоснованные амбиции, эгоизм, жадность и трусость – обычный набор качеств среднего человека – является таким же обычным набором и у леваков. Между тем, историческая практика показывает, что оппозиционные движения, находящиеся в радикальной оппозиции к существующей системе и ориентированные на тотальное разрушение ее (в том числе леваки), способны добиться каких-то успехов, только если они смогут привлечь к себе достаточно большое число лиц с нестандартными психологическими характеристиками (фанатиков, альтруистов, героев). Политическая деятельность не в рамках общепринятых правил, а вопреки им требует в массовом порядке высокого уровня самоотвержения, аскетизма, отсутствия страха перед репрессиями (тюрьмой, гибелью), тяжелыми бытовыми условиями (безденежьем, голодом) и вообще трудностями. Российские леваки – “дети общества потребления”, воспитанные в условиях

относительного комфорта, обеспечивавшегося государственной системой социальных гарантий в СССР, почти поголовно не готовы к таким жертвам.

Наконец, идеология, организационные принципы, непосредственная политическая практика, метод мышления и личные особенности российских леваков не находятся в органичной связи друг с другом. В результате обычно российские леворадикалы создают некие межеумочные, промежуточные, химероподобные образования: и не партии парламентского типа, и не массовые движения протеста, и не гражданские инициативы (типа движения в защиту прав потребителей), и не подпольные заговорщические группы (типа вент карбонариев), и не вооруженные партизанские организации (городские или сельские) – а нечто неопределенное, мечтающее стать и первым, и вторым, и третьим, и четвертым, и пятым. Те организации леваков, которые пытаются уйти от этой “традиции” (“Студенческая защита”, ОПОР), фактически движутся в сторону выхода из мира собственно леворадикалов и перехода в мир “большой политики” – и конституирования там в качестве какой-либо из форм, традиционных для системы гражданского общества буржуазной парламентской демократии.

ИДЕОЛОГИЯ

Описание идеологии леворадикалов сталкивается с определенными трудностями. С одной стороны, теоретики и их основные положения, под знаменем которых действуют те или иные леворадикальные группы, известны. С другой стороны, сами леваки – даже на уровне лидеров – зачастую этих теоретиков не читали (даже в пересказе) и эти положения представляют себе в самом искаженном виде, что, разумеется, сказывается на непосредственной практике движения. Особенно это относится к анархистам и “новым левым”.

Своих собственных оригинальных идеологических систем российские леваки создать не смогли. В некоторых случаях (у троцкистов) это и невозможно, так как чревато потерей западной помощи – в практическом плане, и выходом за пределы собственно троцкизма – в теоретическом.

Идеологически российские леворадикалы распадаются на две родственные группы: первая группа – троцкисты и “пролетаристы”, вторая – анархисты и “новые левые”.

Троцкисты

Легче всего с *троцкистами*. Хотя международное троцкистское движение расколото почти на 40 тенденций, лишь некоторые из них представлены в России. При этом расколы в троцкистском мире происходят как правило по тактическим или мелким стратегическим вопросам. В целом же все троцкисты являются приверженцами марксизма в его троцкистском варианте. основополагающими текстами для них являются, таким образом, тексты К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого (а затем уже тексты лидеров и/или теоретиков своей тенденции, при привлечении в ряде случаев текстов других марксистских теоретиков, в первую очередь Р. Люксембург).

Все троцкисты видят в качестве цели построение коммунистического общества, что можно осуществить лишь путем победоносной социалистической (пролетарской) революции. Все троцкисты согласны с тем, что рабочий класс (пролетариат) будет играть роль ведущей силы и гегемона такой революции. Все троцкисты согласны с тем, что в авангарде борьбы рабочего класса должна стоять революционная марксистская партия ленинского типа (каждая тенденция мыслит себя ядром такой партии). Все троцкисты согласны с известным марксистским положением о том, что социалистическая революция должна носить международный (мировой) характер – и приводят СССР в качестве примера того, что бывает при отступлении от этого принципа. Все троцкисты согласны с теорией “перманентной революции” (вопреки распространенному мнению советского периода, зафиксированному даже в энциклопедиях³⁴⁸, и сохранившемуся без изменений и в постсоветский период, “перманентная революция” вовсе не означала “экспорт революции”, а была теорией перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической – без разрыва между ними в виде конституирования буржуазно-демократического режима – и затем непрерывного развития социалистической революции “в течение неопределенно долгого времени” вплоть до установления социализма – с учетом обязательности интернационального характера такого процесса)³⁴⁹.

Кардинальным расхождением в международном троцкизме является вопрос о характере советского строя. Сам Троцкий рассматривал существовавший в СССР общественно-политический строй как “промежуточный” между капитализмом и социализмом – с возможным исходом в будущем как в капитализм, так и в социализм³⁵⁰. Этой позиции придерживается большинство троцкистских тенденций. Видный троцкистский теоретик Эрнест Мандель уже после краха СССР повторил именно

такую трактовку советского строя: “Советский Союз являлся посткапиталистическим обществом, замороженным на переходной стадии между капитализмом и социализмом в результате, с одной стороны, его международной изоляции от наиболее развитых индустриальных стран и, с другой стороны, негативных последствий бюрократической диктатуры во всех областях социальной жизни”³⁵¹.

Меньшинство международного троцкизма – вслед за Тони Клиффом, лидером тенденции “International Socialism”, считает существовавший в СССР строй “государственным капитализмом”, хотя сам Троцкий решительно возражал против такого понимания сущности советского строя³⁵². В России “клиффисты” были представлены группой “Социалистическая солидарность” во главе с Дэйвом Краучем, концепцию Т. Клиффа некоторое время поддерживала петербургская группа “Рабочая борьба”, к настоящему времени слившаяся с НБП.

В связи со сменой общественно-политического строя в России и других странах бывшего СССР этот вопрос приобрел чисто академический характер, что не мешает “клиффистам” и “антиклиффистам” клеймить друг друга самым ожесточенным образом.

Поскольку, наряду с недостаточным развитием производительных сил и международной изоляцией (отсутствием мировой коммунистической революции), троцкистская традиция считает важнейшей причиной “перерождения” “рабочего государства” в России *бюрократию*, троцкистская теория сосредоточилась на изучении и критике феномена бюрократии вообще, государственной бюрократии в частности и бюрократического перерождения революционных режимов в особенности. Э. Мандель (теоретик парижского Объединенного Секретариата IV Интернационала) посвятил феномену бюрократии целую книгу – “Власть и деньги”.

Отсюда – обязательные для троцкистов антибюрократическая нацеленность и антибюрократический пафос (интенсивность которых, впрочем, различна у разных тенденций). Из международных тенденций, наиболее далеко заходящих в критике бюрократии, в России представлен “Рабочий Интернационал за восстановление IV Интернационала” (на который до последнего времени ориентировался Социалистический рабочий союз, СРС). “Рабочий Интернационал” еще в 70-е гг. выкинул вполне анархистский по звучанию лозунг “Управление без полиции и бюрократии!”³⁵³. Логично, что СРС в практической деятельности блокируется с анархистами из КРАС–МАТ и обе группы активно идейно влияют друг на друга, тем более что лидер КРАС–МАТ В. Дамье одно время был близок к троцкизму и едва не был завербован Объединенным Секретариатом IV Интернационала. Определенные варианты сближения троцкизма и анархизма, видимо, существуют – при взаимном движении обеих сторон друг к другу, как это показал видный французский анархист Даниэль Герэн в книге “За либертарный марксизм”³⁵⁴.

В связи с этим троцкисты уделяют большое внимание вопросам “самоорганизации трудящихся масс (рабочего класса)”, “демократического контроля низов над процессами управления”, “рабочего контроля” и “рабочего самоуправления”. Э. Мандель, например, составил целую антологию, посвященную этим темам³⁵⁵. Тенденция Тони Клиффа, впрочем, менее других зациклена на антибюрократизме и более других склонна к изучению и пропаганде креативных возможностей революционного авангарда³⁵⁶, приближаясь до определенной степени к концепциям Э. Че Гевары и Р. Дебре о “малом моторе, заводящем большой мотор”.

Троцкисты (2)

Теоретическая антибюрократическая нацеленность троцкистов, что интересно, не отменяет высокой степени авторитаризма, жесточайшей дисциплины и откровенного бюрократизма в самих троцкистских группах, что является одним из препятствий к укреплению троцкизма в России. Другим препятствием является догматическое представление о характере рабочего класса в России, с одной стороны, и нерабочее происхождение большинства троцкистов – с другой. Отсутствие ясных представлений о интересах, нуждах, образе жизни и способе мышления рабочих не дает троцкистам возможности укрепиться в рабочей среде. Сами рабочие, естественно, настороженно и даже неприязненно относятся к “радателям со стороны” за их интересы. В результате лидеру Комитета за рабочую демократию и международный социализм (КРДМС) Сергею Бицу даже пришлось рассказывать известной американской троцкистке Мэрилин Вогт-Дауни, что в Москве нет групп рабочих-троцкистов потому, что в столице отсутствуют... крупные промышленные предприятия!

Необходимо учитывать, что после распада СССР и исчезновения таким образом основного противника троцкизма – “сталинистского режима КПСС”, с одной стороны, и провала надежд западных троцкистов на возникновение массового троцкистского движения в бывшем СССР – с

другой, международный троцкизм переживает жестокий кризис. Это выражается и в области идеологии. Дело дошло до того, что виднейший деятель международного троцкистского движения, бывший секретарь IV Интернационала (до 1962 г.), лидер меньшинства Объединенного Секретариата IV Интернационала, лидер “Международной марксистской революционной тенденции IV Интернационала” Пабло (Михаил Раптис) в интервью журналу “Альтернативы” публично заявил: “Я не троцкист, а критически мыслящий марксист”³⁵⁷. Пабло призвал к радикальному обновлению и развитию марксизма (не троцкизма, а марксизма в целом), дополнению марксизма фрейдизмом и вообще высказал мысль, что для успешной революционной работы “нужен новый “Капитал”, старый “Капитал” относился к Европе и низкому развитию производительных сил”³⁵⁸.

Нынешний идеологический кризис троцкизма, впрочем, оказался благоприятным для теоретической работы троцкистов “на границах” и за рамками классического троцкизма – в первую очередь, тех теоретиков и тенденций, которые и раньше (с конца 60-х гг.) демонстрировали стремление к обновлению теории и практики. В частности, многие троцкисты расширили сферу деятельности далеко за пределы рабочего класса, восприняв идеи “новых левых” о революционной роли национальных, расовых, сексуальных меньшинств, женщин и студенчества (молодежи). В США троцкисты с 60-х – 70-х гг. активно работают с этими группами населения, признав за ними специфические интересы – и наличествует тенденция к нарастанию практической работы именно с этими группами, а не с рабочим классом. Эта тенденция сопровождается разработкой соответствующего теоретического фундамента³⁵⁹.

Часть французских троцкистов уже в 80-е гг. демонстрировала нетрадиционные подходы в области теории классов и приближалась к позициям “самоуправленческого социализма”³⁶⁰. Э. Мандель – неожиданно для троцкиста – расширительно трактует понятие “пролетариат”: “Согласно Марксу и программе Российской Социал-демократической рабочей партии, которая была написана Лениным и Плехановым, пролетариат это все те, кто в силу экономического принуждения должен продавать свою рабочую силу. Это определение остается верным и сегодня, и оно касается гораздо более широкого слоя тружеников, чем только промышленный пролетариат. Если мы применим это определение к сегодняшнему миру, то пролетариат с полупролетариатом и беднейшим крестьянством составят два миллиарда человек”³⁶¹. Пабло активно пропагандирует опыт партизанской борьбы и создания структур самоуправления, который он получил в Алжире, где был в 60-е гг. советником президента Алжира Ахмеда Бен Беллы по самоуправлению в сельской местности и совместно с Че Геварой занимался техническим обеспечением партизанской войны в бывшем Бельгийском Конго (Заире; ныне – Демократическая Республика Конго)³⁶². Лидер французской “Lutte Ouvriere” Арлетт Лагийе совершенно в духе теоретиков “новых левых” (например, И. Валлерстайна) излагает процесс накопления капитала в развитых странах за счет “третьего мира”, выводя таким образом противоречия из сферы чистой “борьбы классов” в сферу конфликта “капиталистическая метрополия – капиталистическая периферия” (“первый мир” – “третий мир”, “Север – Юг”)³⁶³. Европейские троцкисты с 1968 г. стали пересматривать свое отношение к молодежи и студенчеству и, признав за ними специфические интересы и права, занялись работой в молодежной среде как среде “потенциального революционного авангарда”³⁶⁴.

В России большой интерес к развитию молодежной субкультуры и контркультуры проявила группа “Российская секция Комитета за Рабочий Интернационал” (тенденция “Милитант”). Газета группы – “Рабочая демократия” – имеет характерный подзаголовок: “Газета для трудящихся и молодежи, борющихся за свои права” (молодежь, таким образом, поставлена в положение “второго революционного класса”). В газете введена постоянная страница “Молодежь и сопротивление”. Тематика и идеологическая направленность материалов, публикуемых на этой странице, выходит далеко за рамки троцкистской традиции, что свидетельствует о дрейфе группы в сторону идеологии “новых левых” и контркультуры 60-х гг.

Троцкисты – единственные леваки в России, у которых рядовые члены групп отличаются достаточно высоким уровнем теоретической подготовки (пусть даже догматической). У остальных леваков существует значительный разрыв теоретической подготовки лидеров и рядовых членов организаций, причем у анархистов и “новых левых” зачастую с идеологической грамотностью дело обстоит плохо и у лидеров, и у рядовых леваков.

«Пролетаристы»

“Пролетаристы” так же, как и троцкисты, считают своей целью построение коммунистического общества, не отходя в понимании сути этого общества от классической

марксистской традиции. В отличие от троцкистов “пролетаристы”, однако, не высказываются твердо и однозначно относительно невозможности перехода от капитализма к социализму мирным путем – но лишь потому, что исходят из фундаментального марксистского тезиса о необходимости полного развития капитализма и появления социалистического способа производства внутри капиталистического. При такой постановке вопроса спор о мирном или насильственном характере социалистической революции действительно становится несколько схоластическим, относящимся к конкретике не известного еще в деталях будущего.

Кардинальным отличием “пролетаристов” от других представителей марксистской мысли в России (или тех, кто себя таковыми считает) является принципиальная установка на *самоорганизацию* рабочих, на неприятие классической советской схемы, по которой авангардная революционная партия приносит извне в рабочие массы революционные идеи и ведет затем за собой распропагандированных рабочих.

Лидер Общественно-политического объединения “Рабочий” Борис Ихлов – теоретик антисталинистского “пролетаризма” – рассматривает перестройку как процесс “превентивной революции”, предпринятой элитой советского общества в условиях приближающегося экономического тупика, с одной стороны, и постоянно растущего образовательного уровня рабочих – с другой. По этой логике, самым разумным способом предотвратить неизбежное требование рабочих допустить их к участию в управлении производством и государством (в условиях, когда экономический тупик вылился бы в экономический кризис) было решение перераспределить государственную собственность таким образом, чтобы она перешла в частное владение политической элиты (тогда закон охранял бы собственность – уже частную – от “посягательств” (претензий на управление) со стороны массы наемных работников). При таком взгляде на вещи вполне логично представление Б. Ихлова об оппозиционных партиях (включая коммунистическую оппозицию) в России как об одной из частей истеблишмента, которая так же, как и все остальные части, заинтересована не допустить к собственности и управлению наемных работников³⁶⁵.

В отличие от части троцкистов (и тем более анархистов и “новых левых”), испытывающих симпатии к коллективной собственности на средства производства (“собственности трудовых самоуправляющихся коллективов”), “пролетаристы” ориентируются *на смену способа производства*, на понимание социализма как *нерыночного* строя. Б. Ихлов отрицает коллективную собственность при сохранении товарно-денежных отношений, видя в ней вариант буржуазной по характеру собственности: “...не хватало еще вместо капиталистов заставить конкурировать, противостоять друг другу трудовые коллективы (еще круче – в разных национальных республиках). Ведь и зарплата зависит не только от распределения дохода внутри предприятия или технологической политики, но и от самого дохода, т.е. от качества товара, который оценивается потребителем. То есть, невозможно овладеть отношениями собственности лишь внутри предприятия, задача рабочего коллектива выходит за рамки предприятия”³⁶⁶.

Б. Ихлов полагает главным “освобождение труда”, т.е. ликвидацию обезличивающего абстрактного труда. Без этого невозможен никакой “контроль снизу” над механизмом управления³⁶⁷. В марксистской традиции это предполагает такую смену способа производства, при которой осуществилась бы ликвидация разделения труда на умственный и физический. При этих условиях, полагает Б. Ихлов, только и возможно создание социалистического общества как общества, обладающего более высокой производительностью труда (Ихлов здесь повторяет В.И. Ленина, указывавшего, что каждый следующий способ производства обладает более высокой производительностью труда, чем предшествующий.) Оставаясь в рамках марксистской логики, Б. Ихлов утверждает: “...производительность труда определяется не его условиями – экстенсивными параметрами типа концентрации труда и централизации капитала (стайностью), а характером самого труда – насколько он свободен”³⁶⁸.

Таким образом, теоретическая сердцевина “пролетаризма” ОПОР – тезис об имманентной потребности рабочего класса в ликвидации своего статуса наемного работника, а для этого необходима ликвидация наемного труда (обезличивающего абстрактного труда). Ликвидация же эта возможна, во-первых, при достижении существующей экономической системой достаточно высокого уровня развития производительных сил, а во-вторых, при самоорганизации рабочего класса (и шире – наемных работников вообще).

Б. Ихлов и “пролетаристы” в целом не фиксируют специально внимание на вопросе экономической природы советского строя, поскольку, с точки зрения “чистого” “пролетаризма”, безразлично, как называется строй, достаточно факта наличия при этом строе наемного труда (т.е.

знания, что это *не социализм*). Обычно Б. Ихлов именует советский строй (видимо, вслед за Т. Клиффом) “государственным капитализмом”,³⁶⁹

В целом идеология “пролетаризма” еще не выработана и “пролетаристы” сами это сознают. Практическая работа по созданию такой идеологии в рядах “пролетаристов” активно ведется в первую очередь Б. Ихловым, но также и Еленой Куклиной (Челябинск), Александром Сатолиным (Свердловск), Радиком Янахметовым (Белозерск). Впрочем, члены ОПОР, насколько можно судить, не стремятся к выработке отдельной “пролетаристской” теории, а считают необходимым создание марксистской (постмарксистской) теории, адекватной сегодняшнему дню.

Трудно сказать, до какой степени идеологические разработки теоретиков ОПОР воспринимаются и принимаются рядовыми членами. Однако несомненно, что основные положения марксизма (ввиду доступности литературы) многими рядовыми членами ОПОР усвоены. Усвоены также, как минимум, и положения теоретиков ОПОР о необходимости преодоления отчужденного абстрактного труда и необходимости самоорганизации рабочих – как единственного пути, дающего возможность избежать повторения сталинизма после победы социалистической революции. Однако складывается впечатление, что последнее положение основной массой “пролетаристов” воспринимается в анархо-синдикалистском духе, судя по тексту резолюции XV конференции ОПОР, в котором профсоюз рассматривается как более ценная и более высокая форма самоорганизации рабочих, чем партия³⁷⁰.

Если идеологически троцкисты и “пролетаристы” существуют и развиваются в основном в русле марксизма, то два других направления леворадикалов – анархисты и “новые левые” – идеологически находятся вне марксистской традиции. При этом “новые левые” являются чем-то вроде моста, соединяющего марксистское и немарксистское крылья леворадикального мира.

«Новые левые»

“*Новые левые*”, в отличие от троцкистов или “пролетаристов”, никакой разработанной или хоть сколько-то цельной идеологии не имеют. Для понимания особенностей взглядов отечественных “новых левых” надо иметь в виду, что российские “новые левые” не породили абсолютно никаких собственных идей, а лишь восприняли (иногда в искаженном виде или неосознанно – на уровне “духа эпохи”) идеологические конструкции западных “новых левых”.

Отсутствие разработанной и цельной идеологии у российских “новых левых” связано с самим характером такого явления, как “новые левые” и не является специфическим российским феноменом. Предшественники и пример для подражания российских “новых левых” – западные “новые левые” 60-х – 70-х гг. – отличались точно таким же характером. Лидер крупнейшей американской организации “новых левых” – Студенты за демократическое общество (СДО) – Том Хейден так описывал “новых левых”: “Это – сообщество бунтарей, у которых общие радикальные ценности, похожий внешний вид и которые ищут самостоятельную опору власти. Их цель – преобразование общества под руководством самых маргинальных и самых “неграмотных”...”³⁷¹ Очевидно, при таком характере движения “новые левые” должны отличаться инстинктивной неприязнью – и даже ненавистью – ко всякой теории и идеологии. На неизбежность “антиидеологизма” “новых левых” обращал внимание еще Г. Маркузе³⁷². Лидер западногерманских “новых левых” Руди Дучке обосновывал “отказ” “новых левых” от идеологии как воплощение маркузианского “Великого Отказа”: “...нас объединяет не ... теория, а экзистенциальное отвращение к обществу, которое вещает о “свободе”, но само с изощренной жестокостью подавляет элементарные нужды и потребности и личности, и народов, борющихся за свое социально-экономическое освобождение. Эта ... диалектика восприятия и чувства (Маркузе) ... делает возможным радикальное единство действий борцов против Авторитета, причем без партийных программ...”³⁷³. Такое понимание “ненужности идеологии” (поскольку теория вырабатывается “сама”, в ходе “неизбежной практики”) присуще и западным, и российским “новым левым” и восходит к Теодору Адорно³⁷⁴. Этот “отказ от идеологии” иногда принимает просто карнавальные формы. Так, например, петербургская организация “новых левых” Революционный молодежный союз “Смерть буржуйам!” в 1996 г. в жарких дебатах полгода разрабатывала программные документы, а когда наконец документы были выработаны, лидеры группы добросовестно записали (от руки) согласованный со всеми членами Союза текст в общую тетрадь – и отвезли тетрадь на хранение (как “важный документ эпохи”) в Москву Дмитрию Костенко, лидеру ИРЕАН и “Студенческой защиты”. Таким образом, с одной стороны, РМС “Смерть буржуйам!” вроде бы выработал собственную идеологию и зафиксировал ее в “партийных документах”, с другой – доступа к ним не имеет, а сами члены Союза формулировок своих

“программных положений”, разумеется, не помнят даже приблизительно (ввиду обычных для наркоманов нарушений памяти).

Разумеется, все это не значит, что “новые левые” вообще не обладают никакой идеологией, но то, чем они руководствуются, можно назвать, вслед за американскими исследователями “новых левых” П. Джэкобсом и С. Ландау, “негативной идеологией”³⁷⁵. Это эклектичный набор идей, положений, лозунгов и комплексов идей, положений и лозунгов. Поэтому представляется разумным перечислить и раскрыть основные из них – с указанием, где это возможно, источников таких идей, представлений и их комплексов.

Неприязнь к идеологии и преклонение перед стихийностью приводят “новых левых” к *недоверию к организации*. Это недоверие восходит, несомненно, к анархистской классике и в ряды “новых левых” было транслировано лидером “парижских бунтарей” Даниелем Кон-Бендитом: “Любое революционное движение должно исходить из того, что любая организация, форму которой оно принимает, противоречит самим целям революции”³⁷⁶. Неудивительно, что “новые левые” крайне пренебрежительно относятся к организационной деятельности, а некоторые (например, Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм”) вовсе отрицают необходимость наличия оргструктур.

Важнейшим комплексом идей и понятий “новых левых” является *контркультура*. Все “новые левые” считают себя в первую очередь не членами какой-либо организации, даже не революционерами, а *частью мира контркультуры*. Поэтому эстетические, художественные, творческие составляющие деятельности “новых левых” для них не менее важны, чем политическая составляющая, а тексты Егора Летова, Янки Дягилевой, Ника Рок-н-Ролла или Александра Непомнящего воспринимаются как тексты концептуально не менее важные, чем любые политические или философские тексты. “Новые левые” считают, что “культурная революция” предшествует политической и контркультура есть продукт такой “культурной революции”, “революционный очаг”, “партизанская база” будущей социальной революции, расположенная *внутри* контркультуры уже сейчас. Такая точка зрения восходит к теоретику контркультуры Чарльзу А. Рейху³⁷⁷.

«Новые левые» (2)

Однако российские “новые левые”, учтя опыт своих западных коллег, считают контркультуру “подлинной”, только если она заведомо политически оппозиционна внешнему миру, революционна. Такое понимание контркультуры является наследием идей американских “новых левых” – членов Международной Молодежной Партии (йиппи), которые выступали за агрессивно-революционно-разрушительный вариант контркультуры: “Разрушайте Семью, Науку, Церковь, Город, Экономику; превращайте жизнь в искусство, в театр духа, в театр будущего. Только революционер может быть истинным художником ... пересматривайте понятие о норме, порывайте с играми в социальные статусы, роли, должности и потребление ... Сжигайте дотла родительский дом – это сделает вас свободными!”³⁷⁸. Йиппи всего лишь транслировали специфическим языком контркультуры “указания” Г. Маркузе: “Если контркультура не будет связана с революционной политической практикой – она выродится в еще одну форму эгоизма..., в бегство от действительности... Такая форма Отказа не помешает системе существовать и исправно функционировать...”³⁷⁹ Российские “новые левые” воспринимают контркультуру как мир “своих”, на который распространяются моральные нормы, в то время как вовне действуют другие моральные нормы (или никакие вообще). Такое радикальное противопоставление (напоминающее уголовное) тоже наследуется от йиппи³⁸⁰. Это связано с тем, что контркультура понимается как прямая противоположность внешнему, официальному миру, цивилизации. Такой “канон” унаследован от видного теоретика контркультуры Филипа Слейтера: “Старая культура в ситуации выбора предпочитает право собственности правам личности, потребности НТР – потребностям конкретного человека, конкуренцию – солидарности, средства – целям, закрытость и засекреченность – открытости и обнаженности, ритуальное “общение” – самоутверждению личности, погоню за обладанием – спокойной удовлетворенности, эдипову любовь-ревность – любви ко многим и т.д. Контркультура предпочитает в каждом случае обратное”³⁸¹.

“Новые левые” рассматривают контркультуру как более “естественную” и более “близкую к природе” (Природе вообще и природе человека в частности), чем официальную – а потому более “человечную” и более “устойчивую”. Такое восприятие контркультуры восходит к воззрениям хиппи 60-х гг., воплощенным в качестве “философских текстов” теоретиком контркультуры Норманом Брауном³⁸². Отсюда ориентация на “внутреннее чувство” (в революционном варианте – “классовый

инстинкт”), спонтанное понимание, инсайт, внеинтеллектуальное и внерациональное познание. Это тоже – контркультурный “канон”, закрепленный другим теоретиком контркультуры – Теодором Розаком³⁸³. Из такой установки вытекает и понимание “новыми левыми” контркультуры как “царства спонтанности”, хэппенинга (неважно, художественного или политического) – что тоже является наследием хиппи 60-х гг.³⁸⁴

“Новые левые” рассматривают контркультуру как культуру *более коллективистскую*, чем официальная, доводящую коллективизм до полного слияния личностей, до анонимности (творческого принципа левацки ориентированной художественной группы ЗАиБИ – “За Анонимное и Бесплатное Искусство”), до сплочения в едином чувстве – и потому “более коммунистическую”. При этом способы не важны, в соответствии с заповедью “пророка революции ЛСД” Тимоти Лири³⁸⁵.

Поскольку “новые левые” считают контркультуру не только официально не признаваемой молодежной субкультурой, а “оазисом будущего в настоящем”, “очагом революции”, то они, естественно, нацелены на создание особого *языка контркультуры* – отчасти чтобы нейтрализовать “лазутчиков из официального мира”, отчасти чтобы сохранить себя от воздействия внешнего мира, язык которого ими рассматривается, вслед за Маркузе и Роланом Бартом, как репрессивный, “ритуально-авторитарный”³⁸⁶. При этом собственный язык должен соответствовать базовому требованию “новых левых” к контркультуре – требованию “стереть различия” между жизнью (бытом) и искусством (творчеством), реальностью (действительностью) и фантазией (воображением). Подобное требование – основополагающее и канонизировано тем же Т. Розаком³⁸⁷.

Непосредственно с контркультурой связано и такое важное для идеологии “новых левых” понятие, как *коммуна*. Коммуна понимается как *ячейка* контркультуры, “опрокинутая в быт”. При этом безразлично, сельская это коммуна или городская, производственная или жилищная (сквот), основанная на совместном творчестве, или на совместном проживании, или на совместном владении имуществом, или на коллективной сексуальной практике (допустим также любой набор этих вариантов). В любом случае целью коммуны считается создание “очага революции” – вслед за “заповедями” одного из предтеч и идеологов контркультуры 60-х гг. Пола Гудмена³⁸⁸.

«Новые левые» (3)

В непосредственной связи с контркультурой находится и такой важный компонент идеологии “новых левых”, как идея *сексуальной революции*. Термин “сексуальная революция” заимствован, конечно, у Вильгельма Райха. При этом надо иметь в виду, что вопреки распространенному в обществе мнению (и вопреки даже представлениям части российских “новых левых”, отраженным в их периодике) ничего “криминального” теория “сексуальной революции” В. Райха собой не представляла. “Сексуальная революция” и “сексуальная политика” (“секс-пол”) В. Райха сводились к следующим основным принципам: свободное предоставление контрацептивов всем женщинам; контроль над рождаемостью; отказ от юридически и имущественно неравноправного положения семей, живущих в браке и вне брака (и детей, рожденных в официальном браке и вне официального брака); свобода развода; государственная программа борьбы с венерическими заболеваниями и сексуальными нарушениями – в том числе путем всеобщего сексуального просвещения, образования и воспитания; обучение медицинских и педагогических работников основам сексологии; лечение (коррекция), а не наказание сексуальных девиаций³⁸⁹. Впрочем, легенды о теории “сексуальной революции” В. Райха сложились, видимо, еще в 30-е гг., когда В. Райх высказал свои идеи – а в то время Маргарет Зингер посадили в тюрьму только за пропаганду планирования деторождения в семейных парах³⁹⁰.

Российские “новые левые”, однако, воспринимают “сексуальную революцию” в первую очередь как *политическое явление*, ставя ударение не на слове “сексуальная”, а на слове “революция” (что логично, так как в современной России – “враждебном мире”, с точки зрения “новых левых”, уже происходит одна “сексуальная революция”, но в ней явно акцент сделан на слове “сексуальная”, а такой вариант “сексуальной революции” был в 60-е – 70-е гг. “разоблачен” западными “новыми левыми” – в том числе “самим” Маркузе – как “контрреволюционный” и “охранительный”, поскольку не побуждал людей к политической революции, а напротив, отвлекал от нее). Эта традиция присуща и западным “новым левым”. Известный теоретик американских “новых левых”, бывший Национальный секретарь СДО Г. Калверт дал “общее обоснование” политического характера “сексуальной революции” (или сексуального – политической): “Революция есть акт любви и процесс любви, так как в ходе нее люди испытывают слияние, становятся единым целым”³⁹¹. В среду российских “новых левых” политическая концепция “сексуальной революции” попала,

насколько можно судить, не прямо от Калверта, а через Кэт Миллет, “феминизировавшую” концепции В. Райха и Г. Калверта в известной книге “Сексуальная политика”³⁹², ставшей доступной российским “новым левым” в немецком переводе (где она называлась еще более “радикально” – “Секс и господствующая власть”)³⁹³.

С контркультурной ориентацией “новых левых” связано и их представление о *наркотиках как о “революционном оружии”*. Хотя сам Т. Лири был разоблачен в 1976 г. как агент ФБР и ЦРУ, теория “психоделической революции”, заложенная им в свод идей американской контркультуры 60-х гг., в нем прочно закрепилась. Т. Лири трактовал наркотики (психоделики, психомиметики) как форму сопротивления давлению внешнего буржуазного мира; в его классической триаде “turn on, tune in and drop out” последняя часть носила политический характер: “выпади” (“drop out”) означало “откажись от сотрудничества с капиталистическим обществом”³⁹⁴. В современной идеологии российских “новых левых” “революционизирующая” функция наркотиков связана с апокалиптическим мироощущением, в частности, с ожиданием экологической катастрофы. Эту окраску “революционным наркотикам” придал “Тимоти Лири 90-х” Теренс Маккена, очередной проповедник “психоделической революции”³⁹⁵.

Другая важная идея в идеологии “новых левых” – уверенность в *равновеликости, одинаковой важности и определенной взаимозаменяемости эстетического и политического*. Эта идея также связана с контркультурой и также унаследована от западных “новых левых”. Она восходит к традиции Франкфуртской школы и адаптирована для “массового сознания” Г. Маркузе³⁹⁶.

С традицией западной контркультуры связана и другая идея – идея *освобождения воображения*, “освященная” к тому же леворадикальным “мифом о Мае 68-го” (“Власть – воображению!” – ведущий лозунг “парижских бунтарей”). Эта идея предполагает стирание граней между воображением и реальностью (что мыслится как революционная практика) и восходит также к Г. Маркузе: “Освободить воображение и вернуть ему все его средства выражения можно лишь через подавление того, что служит увековечению репрессивного общества и сегодня пользуется свободой. И такой поворот – дело не психологии или этики, а политики...”³⁹⁷

С контркультурной ориентацией “новых левых” связан и их определенный *антиинтеллектуализм и антиинтеллектуализм*, окрашенный в “зеленые” тона. Это тоже традиция, восходящая к Г. Маркузе, указавшему, что наука и техника создали оазисы довольства в развитых западных странах за счет разрушения, жертв, войн, хищнической эксплуатации населения и природных ресурсов в странах “третьего мира”, причем те же наука и техника разработали механизмы замалчивания того, что происходит в странах “третьего мира”³⁹⁸.

Близким к кругу идей, связанных с контркультурой, является и присущий “новым левым” корпус *оппозиций “игра – работа”, “управление – обладание”, “потребление – производство”, “творчество – рутинный труд”, “удовольствие как право – удовольствие как вознаграждение”* и т.п. Контркультурная ориентация “новых левых”, делающая в их глазах главной фигурой Художника, отталкивает их от проблем материального производства как от мира, который надо *преодолеть* и который – в коммунистическом (социалистическом) идеале “новых левых” – *будет преодолен*. Эти оппозиции восходят к Г. Маркузе, который определил их как “формирование репрессивной цивилизации”, трансформацию (по З. Фрэйду) “принципа удовольствия в принцип реальности”: “от немедленного удовлетворения – к задержанному удовлетворению; от удовольствия – к сдерживанию удовольствия; от радости (игры) – к тяжелому труд (работе); от рецептивности – к производительности; от отсутствия репрессий – к безопасности”³⁹⁹. При том, что логика контркультуры предполагает, как говорилось выше, уничтожение различий между этими оппозициями, в обыденной жизни и в политической и художественной практике (поскольку уничтожение противоречий должно наступить уже “после революции” или, как минимум, “в ходе революции”) “новые левые” отдают предпочтение “игре”, а не “работе”, “удовольствию”, а не “отсроченному удовольствию” и т.д. На “политический” язык оппозиции Г. Маркузе перевел Жан-Поль Сартр: по его мнению, революция, которую призваны совершить “новые левые”, должна решить проблему “власти”, а не проблему “собственности”, проблему “свободы”, а не проблему “материальной нужды”, проблему “демократии участия”, а не проблему “обладания”⁴⁰⁰. Непосредственно в “канон” “новых левых” эти понятия внесли лидер йиппи Джерри Рубин и лидер “Красного Мая” Даниель Кон-Бендит. Д. Рубин в культовой книге американских “новых левых” “Сделай это” заявил, что революция “новых левых” не будет ставить вопрос об овладении средствами производства – поскольку важнее тотальное свержение авторитетов, тотальное восстание, тотальная анархия и полное разрушение всех институтов капиталистической цивилизации⁴⁰¹. А Кон-

Бендит прямо заявил, что “революция – это игра, в которой каждый человек должен хотеть участвовать”⁴⁰².

Связанным с контркультурой является и комплекс представлений, присущий “новым левым”, в соответствии с которым *СМИ не являются средством информации, а являются средством манипуляции*, и поэтому общаться с ними надо “шутя” и пытаться заставить их “играть” по правилам “новых левых”, то есть “*перекоммутировать в свою пользу*”, сделать их самих объектом манипуляции. Этот комплекс переключался в сознание российских “новых левых” от их западных коллег (в первую очередь йиппи), а те усвоили такое понимание характера СМИ от Г. Маркузе, Э. Фромма, но в основном от социолога Вэнса Паккарда⁴⁰³. Задачу же “перекоммутировать СМИ” поставил перед “новыми левыми” известный западногерманский леворадикальный поэт Ганс-Магнус Энциенбергер⁴⁰⁴.

«Новые левые» (4)

Не менее важным, чем контркультура, для идеологии “новых левых” является представление о *Революции Сознания*. В самом классическом виде это представление разработал теоретик контркультуры Чарльз Рейх, по которому переделывать мир будут носители “Сознания III”, то есть “новые левые” – носители контркультурного сознания, следующей психоэволюционной стадии развития личности (после представителей “дикого капитализма” XIX в. – носителей “Сознания I” и представителей “корпоративного капитализма” – носителей “Сознания II”)⁴⁰⁵. Ч. Рейх опирался на положение Г. Маркузе о необходимости появления обладающего качественно иным сознанием “исторического Субъекта” (при этом Г. Маркузе имел в виду не класс или социальную группу, а именно *личность*)⁴⁰⁶. Насколько такое понимание необходимости Революции Сознания стало для “новых левых” трюизмом, видно из того, что К. Миллет считает “сексуальную революцию” оправданной именно потому, что посредством ее можно совершить Революцию Сознания⁴⁰⁷, а “Битлз” спародировали тезис о Революции Сознания в песне “Революция 1” в “Белом альбоме” 1968 г.⁴⁰⁸

Еще одной важнейшей категорией идеологии “новых левых” является категория “*Великого Отказа*”, почерпнутая от Г. Маркузе. “Великий Отказ” понимался Г. Маркузе как тотальный разрыв со всеми способами не только принятой политической и общественной практики, но “со всеми рутинными способами видеть, слышать, ощущать и познавать вещи”⁴⁰⁹. “Великий Отказ”, таким образом, есть понимание себя тотальным оппозиционером и отказ от любых форм “коллорабационизма” с существующими институтами, вариант экзистенциалистского “героического пессимизма”, “оптимизма отчаяния”. Особенность “Великого Отказа” в том, что он считает бессмысленным создание *теории*, так как разрушение капиталистического общества возможно лишь в процессе самого этого разрушения, тогда же выявятся и закономерности разрушения, его “исторический агент” и т.п., а попытки оценивать или обсуждать перспективы такого разрушения не имеют смысла, ибо носят характер “абстрактный, академический, ирреальный”⁴¹⁰. В обоснование концепции “Великого Отказа” Г. Маркузе написал книгу “Одномерный человек”, своего рода “священный текст” всех “новых левых”.

К Франкфуртской школе (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм, Г. Маркузе) восходит и присущее российским “новым левым” *понимание современного буржуазного общества как общества репрессивного, тоталитарного и/или фашистского*. Особый вклад в создание концепции внес Г. Маркузе. Суть ее в следующем: современное буржуазное общество, основанное на принципе включения всех в производственный процесс с целью получения буржуазией прибыли, подавило природные желания и потребности личности, искалечило эту личность психологически с детства – системой религии, образования и воспитания, – так как только такая искалеченная личность может согласиться участвовать в производственном процессе в обмен на навязанные ей унифицированные всеобщие стандарты потребительства, комфорта и лояльности к власти и собственникам. Буржуазная цивилизация репрессивна и тоталитарна не потому, что практикует репрессии против недовольных, а потому, что подвергла (с детства) репрессии *всех*, изменив их этой репрессией так, что они утратили свою человеческую идентичность (“самость”), превратились в одномерное отчужденное обывательское стадо⁴¹¹. Маркузе констатирует: “Современность стремится к тоталитарности даже там, где она не породила прямо тоталитарное государство”⁴¹². Позже в “Одномерном человеке” Маркузе развил концепцию, показав, как современное общество использует механизмы науки и техники, воспитания и пропаганды, поощрения и вторичного подкрепления для создания личности,

полностью зависимой от навязанных ей “ложных потребностей” и неспособной к самостоятельному мышлению и творчеству. Современное буржуазное общество, по Маркузе, “ориентировано на войну и благосостояние” и навязывает своим членам (несогласные испытывают санкции и вынуждены маскироваться) жестокость, клановость, подчинение тирании большинства, отказ от протеста и отречения⁴¹³. “Комфорт, бизнес и обеспеченная работа в обществе, готовящемся к ядерному уничтожению, могут служить универсальным примером поработящего довольства”⁴¹⁴. По мнению Маркузе, такой тоталитарный характер современного общества опасней грубого тоталитаризма фашистских государств, так как более всеобъемлющ и более мягок – а потому более эффективно блокирует любые попытки социального прогресса в обществе, любой протест: “... “народ”, бывший ранее катализатором общественных сдвигов, “поднялся” до роли катализатора общественного сплывания”⁴¹⁵.

Непосредственно в среду “новых левых” это представление внесли бунтующие немецкие студенты 60-х гг., радикально заострив его и отождествив буржуазное государство эпохи корпоративизма уже не просто с тоталитарным, а с “фашистским”: “Неофашизм – это не возрождение нацизма, не новый Гитлер... а то демократическое общество, которое уже создает структуры, подрывающие демократию”, – подчеркивали лидеры крупнейшей западногерманской организации “новых левых” – Социалистического союза немецких студентов (ССНС, SDS)⁴¹⁶. Лидер ССНС Руди Дучке уточнял: “Сегодняшний фашизм уже более не проявляется в одной партии или одной личности. Он заключается в каждодневном превращении людей в авторитарные личности, он заключается в воспитании. Короче говоря, он проявляется в существующей системе институтов”⁴¹⁷. Р. Дучке перебрал мостик от философских построений Г. Маркузе к непосредственной политической практике “новых левых”: капитализм репрессивен по своей сути, так как обезличивает, ведет к “интеллектуальному распаду... тоталитарный характер которого проявляется в производстве орудий разрушения – и это происходит параллельно с деградацией личности и утратой ею автономности...”, следовательно, “общество авторитарно, этатизировано, ... подавляет основные запросы и потребности личности” и заслуживает уничтожения путем “радикальной революционной практики”⁴¹⁸.

«Новые левые» (5)

С этим пониманием непосредственно связано и присущее “новым левым” *отождествление парламентаризма с авторитаризмом* – поскольку парламентаризм предполагает выработку законов (решений) узким кругом людей (пусть избранных через процедуру голосования), моральное, интеллектуальное и т.п. превосходство которых над другими не доказано и которые потому чисто “авторитарно”, то есть ссылкой на авторитет самой парламентской системы навязывают обществу свои решения. Это отождествление восходит к Ж.-П. Сартру⁴¹⁹.

К тому же комплексу базовых представлений “новых левых” примыкает и принятое ими понятие *репрессивной толерантности (репрессивной терпимости)*. Понятие репрессивной толерантности введено Г. Маркузе. Суть понятия в следующем: современное буржуазное общество терпит и даже поощряет любую оппозицию, которая не угрожает основам (экономическим и политическим) капиталистической системы – так как существование такой оппозиции, во-первых, служит пропагандистским доказательством демократического характера общества, во-вторых, играет роль “выхлопного клапана” для недовольства социальных низов и, в-третьих, стимулирует социальные институты к поиску более совершенных методов нейтрализации оппозиции в рамках законности, то есть ведет к стабилизации системы. Однако любая оппозиция, реально или потенциально угрожающая основам современного буржуазного общества, будет тут же жестоко подавляться “недемократическими методами”. Таким образом, по реакции современного общества на действия оппозиции можно точно установить, представляет эта оппозиция реальную опасность для системы или нет – и, следовательно, способна победить эту систему или нет⁴²⁰. Отсюда – логичное стремление “новых левых” выйти за рамки “правил игры”, “испытать систему” своими действиями – если система отвечает репрессиями, следовательно, оппозиция на правильном пути, если нет – используемые методы протеста ошибочны, так как лишены шансов на победу. Принцип признания репрессивной толерантности можно рассматривать как надежный маркер принадлежности к “новым левым”⁴²¹.

К тому же кругу идей принадлежит обязательная для “новых левых” установка на *прямую демократию (демократию участия)*, которая должна прийти на смену представительной демократии. Предпочтение прямой демократии, при которой в процессах управления, решения вопросов и

контроля участвует все население, идет, как известно, от К. Маркса, критиковавшего представительную демократию как основанную на “ложном принципе компетенции избирателя”, однако в среду “новых левых” понятие прямой демократии пришло от Г. Маркузе⁴²². В “канон” идеологии “новых левых” понятие прямой демократии вошло после того, как это требование – введение демократии участия (*participatory democracy*) – было записано в основополагающем программном документе американских “новых левых” – Порт-Гуронской декларации СДО (1962 г.)⁴²³, откуда оно уже перекочевало во все программные документы “новых левых” в США и других странах.

С тем же кругом идей связано присущее “новым левым” требование создания “*нерепрессивной цивилизации*”. Под “нерепрессивной цивилизацией” понимается такая цивилизация, которая ориентирована на полное удовлетворение всех естественных потребностей и запросов личности – и дает личности возможность развить все заложенные в ней потенции, не вмешиваясь в существование личности и не осуществляя контроля над поведением личности. Сами “новые левые” видят определенную аналогию между понятием “нерепрессивной цивилизации” и известной формулировкой К. Маркса, относящейся к коммунизму (“свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех”). Понятие “нерепрессивной цивилизации”, как и многие другие, восходит в идеологии “новых левых” к Г. Маркузе⁴²⁴. Сами “новые левые” “очагами” “нерепрессивной цивилизации” считают коммуны и вообще контркультуру.

Ориентация на субъективность (раз объективные источники протеста “репрессивной цивилизацией” подавлены) лежит в основе еще одной важной идеи “новых левых” – идеи *ненависти как революционного агента*. “Новые левые”, таким образом, психологизируют политические процессы – в ответ на традиционный, по их мнению, “излишне экономический” подход. В канонической форме эта идея сформулирована Ж.-П. Сартром: “Ненависть, выступающая в качестве (революционной. – *A.T.*) практики угнетенного класса, превращает его в единый индивид”, то есть в агента революционного действия⁴²⁵.

Связанным с этой идеей является и представление “новых левых” о *революционере как о выпавшем из реальности в процессе революционного акта субъекте*. Фигура революционера таким образом романтизируется (в духе контркультуры, “Революционер”=“Художник”), ведущая революционера ненависть придает ему в глазах “новых левых” сверхчеловеческую силу, причем проявиться это может только в момент “непосредственного революционного действия”, что, естественно, делает бессмысленным рассуждения о “соотношении сил” до начала “революционного действия”. Обоснование этого представления “новые левые” также нашли у Ж.-П. Сартра: “Революционеру нельзя заморочить голову ссылками на установленные права и обязанности; в ходе акта протеста он вышел из этого круга в сферу абсолютной метафизической свободы: революционер ... реализует желание человека самому определять свою участь свободно и до конца”⁴²⁶.

Из такого понимания революционера возникает идея *участия в революции как личного проекта*. В представлении “новых левых” участие в революции – не классовый, моральный, политический долг, а личный творческий проект каждого революционера, основанный на *желании*, не зависящем в конечном счете ни от политических и идеологических пристрастий революционера, ни от партийной дисциплины, ни даже от репрессивного воздействия внешнего мира. Идея “личного проекта” связана с концепциями контркультуры и “освобождения воображения”. “Революция должна быть *желанна* для революционера, как возлюбленная ... Никто же не скажет о возлюбленной: «я хочу ее потому, что у нее рост 1 м 62 см» или «потому, что мне так велит моя классовая совесть», – объясняли концепцию “личного проекта” голландские “новые левые” (“прово”)⁴²⁷. Кон-Бендит, как указано выше, писал, что революция должна быть такой привлекательной игрой, чтобы в нее хотели играть все, и презрительно называл традиционные революционные добродетели, такие как самопожертвование, самоотречение, самоотверженность, “иудео-христианскими соблазнами”⁴²⁸. Йиппи провозглашали: “Каждый человек – это революция! Каждая группа – революционный центр!”⁴²⁹. В чисто философском плане понятие “личного проекта” восходит к Сартру⁴³⁰, хотя нельзя не сказать, что “новые левые” крайне сузили сартровское понимание “личного проекта”.

Тесно связано с вышеописанным положением идеологии “новых левых” и понятие *группы как революционного субъекта, “группы в сплочении”*. “Группа” в представлении “новых левых” – это не просто некое соединение индивидов с единой программой и одним названием, а *живой организм*, возникший в связи с *опасностью*, исходящей извне для каждой части этого организма (для каждого члена группы), и потому действующий на пределе сплочения – как один человек, по сути инстинктивно. “Группа в сплочении”, с точки зрения “новых левых”, предпочтительнее партий,

движений, организаций, поэтому главное не создание этих партий и т.д. (это – внешнее условие), а создание внутри них “групп”, способных противостоять в силу “особых качеств” “группы” любой неожиданности и любой опасности. Такое понимание “группы” восходит также к Сартру⁴³¹.

«Новые левые» (6)

Излюбленной идеей “новых левых” является идея *молодежи как нового революционного класса*. Идея восходит к Г. Маркузе, к “Политическому предисловию 1966 года к «Эросу и цивилизации»»⁴³². Достаточно расплывчатые высказывания Маркузе переложили в концепцию “нового революционного класса” профессора Джон и Маргарет Раунтри. Они указали на то, что молодежь используется на самой черной и низкооплачиваемой работе, составляет большинство безработных, “пушечное мясо” в армиях и основной контингент на “фабриках знаний”, то есть в университетах. Отторгающая чуждую им культуру взрослых, молодежь испытывает тотальное отчуждение. Молодежь, по мнению Д. и М. Раунтри, заняла место пролетариата и потому, как когда-то пролетариат, образует собственную культуру – культуру протеста, субкультуру, контркультуру⁴³³. И хотя концепция молодежи как класса была официально отвергнута СДО в декабре 1968 г.⁴³⁴, в практически неискаженном виде она перекочевала в пантеон идей “новых левых” и закрепилась там.

Такой же излюбленной идеей “новых левых” является представление о *студенчестве как авангарде* (или, как минимум, *детонаторе*) *революции*. Первым заронил эту идею в сознание “новых левых” Режи Дебре в 1967 г. в своей знаменитой книге “Революция в революции?”⁴³⁵. Он не подвел под идею никакого теоретического фундамента, а вывел ее чисто эмпирически – из опыта революционной вооруженной борьбы в Латинской Америке. Идея была подхвачена и широко озвучена лидерами бунтующих студентов в 1968 г., в частности, Д. Кон-Бендитом⁴³⁶, а немецкие студенты-бунтари придали ей теоретический статус, исходя из общих установок Г. Маркузе о революционном агенте, сосредоточивающемся в современном капитализме среди самых отверженных (гетто, страны “третьего мира”) и в привилегированных группах, которые еще не включены в процесс производства (это могут быть только молодые интеллигенты, студенчество). Именно такой логикой руководствовались лидеры Социалистического союза немецких студентов (ССНС), в том числе и Руди Дучке, провозгласившие студенчество революционным авангардом⁴³⁷. Чуть позже абсолютно такое же обоснование роли студенчества как авангарда дал и Д. Кон-Бендит⁴³⁸. В конце концов с маркузианскими построениями лидеров студентов вынужден был согласиться и сам Г. Маркузе⁴³⁹, после чего идея была “канонизирована” и вошла в обязательный пантеон идей “новых левых”.

Также к Р. Дебре восходит и еще одна излюбленная концепция “новых левых” – концепция *“революционного очага”* (т.н. *фокизм*, от исп. *foco de guerrilla* – очаг партизанской войны). Концепция “революционного очага” – именно как “партизанской базы” (а затем – укрепленного района), в которой революционеры могли закрепиться и которую они использовали бы для экспоненциального расширения своего влияния, была предложена Р. Дебре на основе изучения опыта вооруженной борьбы в Латинской Америке (в первую очередь кубинского опыта) и мыслилась им как концепция, пригодная исключительно в условиях Латинской Америки⁴⁴⁰. В виде абриса концепция обнаруживается уже у Э. Че Гевары⁴⁴¹, а имплицитно – еще у Мао Цзэ-дуна⁴⁴². Однако к специфике собственной практики “новых левых” концепция “очага” была приспособлена в виде доктрины “создания красных (революционных) баз в университетах и колледжах”. Огромный вклад в развитие этой концепции внес лондонский журнал “Нью лефт ревью”, опубликовавший по теме “красных баз в вузах” подборку статей, в которых отдельные компоненты доктрины были разработаны Джеймсом Уилкоксом, Дэвидом Фернбахом, Дэвидом Трисменом и Энтони Барнетом⁴⁴³. В Франции аналогичную роль сыграли паблоисты (троцкисты из тенденции Пабло)⁴⁴⁴, после чего концепция была “канонизирована” в сознании “новых левых”.

Еще одним устойчивым представлением в идеологии “новых левых” является представление о *люмпен-пролетариате как о революционной силе в современном большом городе*. Понятно, что такое представление восходит еще к М.А. Бакунину, но в идеологию “новых левых” оно было привнесено в первую очередь Францем Фаноном, теоретиком революционной борьбы в странах “третьего мира”, одним из идеологов ФНО Алжира. Фанон высказал мнение о революционной роли люмпен-пролетариата в книге “Проклятем заклеянные” (собственно, “Проклятые земли”, “*Les damnés de la terre*”, строка из “Интернационала” Э. Потье) в 1961 г., но касалось это мнение лишь Африки или, как максимум, колониальных стран вообще⁴⁴⁵. К условиям развитых стран идея была

приспособлена Г. Маркузе, который подвел под нее определенную социологическую и философскую базу: "... путь в свободное общество открыт только для тех, кто свободен от благ капитализма"⁴⁴⁶. Маркузе, впрочем, стремился избегать термина "люмпен-пролетариат", предпочитая ему термины "отверженные и аутсайдеры, эксплуатируемые и преследуемые представители других рас и цветов кожи, безработные и нетрудоспособные", "оставшиеся за бортом демократического процесса", "обездоленные", "население гетто"⁴⁴⁷, но сути дела это, конечно, не меняет. К Фанону и Маркузе присоединился и глубоко уважаемый "новыми левыми" социолог Андрес Гундер Франк⁴⁴⁸, после чего идея стала считаться бесспорной.

Таким образом, сложилось представление "новых левых" о революционных силах современности: это студенчество (и шире – молодежь вообще как "эксплуатируемый класс"), люмпен-пролетариат (в крупных городах) и примыкающие к нему представители "угнетенных меньшинств" (т.е. национальных, расовых, сексуальных, культурных – в их числе, разумеется, и представители контркультуры). В качестве авангарда должны выступать "революционные группы" ("группы в сплочении") и сами революционеры ("художники революции"). С развитием революционного процесса их поддержат эксплуатируемые классы (рабочий класс, в странах "третьего мира" – крестьянство) и эксплуатируемые нации (колониальные и полуколониальные).

«Новые левые» (7)

Важнейшим компонентом идеологии "новых левых" является *теория революционного насилия*. Теоретический интерес "новых левых" к Марксу, Фрэйду и Конраду Лоренцу объясняется в значительной степени тем, что они разработали собственные теории насилия, причем Маркс – теорию революционного насилия. "Новые левые" рассматривают революционное насилие как *неизбежное* и порожденное самим буржуазным обществом, которое подавляет естественные потребности личности, невротизирует и психотизирует ее, проявляет по отношению к ней "институированное насилие" в виде всех основных институтов цивилизации – что не может не провоцировать личность на ответное насилие. Эти представления восходят к неопрейдистам, в частности, к Карен Хорни⁴⁴⁹ и особенно к популярному у "новых левых" Эриху Фромму⁴⁵⁰. В духе фрейд-марксизма к таким же выводам пришел и Г. Маркузе⁴⁵¹. Непосредственно в русло *революционного* насилия эти взгляды перевел Ф. Фанон, создавший цельную концепцию революционного насилия как "великого ответного механизма" угнетенных (в книге "Проклятьем заклейменные" теории революционного насилия посвящена целая глава – "О насилии")⁴⁵². Воспевание Ф. Фаноном революционного насилия было воспринято "новыми левыми" как непосредственно, так и через Ж.-П. Сартра, написавшего к книге Фанона предисловие, в котором Сартр дал революционному насилию историческое и философское обоснование (историческое – в духе марксизма, философское – в духе экзистенциализма)⁴⁵³. Это обоснование революционного насилия Фаноном и Сартром оказало заметное впечатление даже на Маркузе (тот ссылается на них в "Репрессивной толерантности"). Другим источником теории революционного насилия у "новых левых" явились концепции революционного насилия, основанные на опыте партизанской войны в Латинской Америке (латиноамериканскую герилью "новые левые" традиционно поэтизируют и едва ли не обожествляют), в частности, концепции Р. Дебре и колумбийского священника-партизана, одного из теоретиков "теологии освобождения" Камило Торреса. К. Торрес разработал совершенно оригинальную концепцию "Изменение через насилие", в которой революционное насилие рассматривалось как *цивилизующий и обучающий* механизм, посредством которого вовлеченные в революционную борьбу массы переходят от отсталого культурно-экономического существования к более прогрессивному (своего рода "теория модернизации")⁴⁵⁴. Р. Дебре, в развитие своей теории "революционного очага", разработал концепцию революционного насилия, которая предполагала, что в современных условиях насилие будет играть роль образования и пропаганды, а вооруженные революционеры (партизаны) – роль авангардной революционной партии (типа партии большевиков в начале XX в.). Таким образом, и у Р. Дебре насилие выводилось из сферы чисто оперативнотехнической в сферу экзистенциально-культурную и ему предписывалась *созидательная* функция⁴⁵⁵. Идея революционного насилия как обучающего компонента закрепилась в идеологии "новых левых".

Близко к ней и представление "новых левых" о *свободе как обратной стороне рабства (несвободы)*. Это положение понимается "новыми левыми" двояко. С одной стороны, они вслед за Маркузе⁴⁵⁶ считают, что свободы буржуазно-демократического государства утратили свой изначальный смысл (изначально они выступали как *негативные*, то есть критические по своему существу, направленные против феодализма) и превратились в современном обществе в инструменты

принуждения, репрессии. С другой стороны, вслед за Сартром⁴⁵⁷ “новые левые” считают свободу предикатом именно угнетенного, того, кто в ней *искусственно ограничен*, – и потому только угнетенный является подлинным обладателем свободы, реализовать которую он может в момент революционного акта. Следовательно (как и у Маркузе), официальные свободы (свободы “сверху”) есть лишь механизм принуждения (инструмент насилия свободы одних – эксплуататоров – над свободой других – эксплуатируемых). Это положение идеологии “новых левых” связано с их восприятием революционного насилия как позитивной моральной силы и пониманием терпимости как “репрессивной”.

Наконец, последним важным компонентом идеологии “новых левых” является представление о *паразитическом характере современной буржуазной цивилизации*, развивающейся за счет формирования “капиталистической периферии”, то есть зон так называемого зависимого капитализма. Эта концепция воспринята “новыми левыми” – частью через посредство видного американского социолога и политолога (в 60-е гг. одного из лидеров бунтующих студентов) Иммануила Валлерстайна – у леворадикальных латиноамериканских экономистов и социологов: А. Гундера Франка, Ф. Кардозо, М. Каплана, Р. Ставенхагена, О. Фальс Борда и др., но наибольшее воздействие на “новых левых” оказал бразильский социолог Теотонио Дос Сантос. Т. Дос Сантос на большом фактическом материале латиноамериканских стран доказывал, что развитые западные страны сознательно консервируют экономически отсталые механизмы и институты в странах “третьего мира” (а иногда даже искусственно насаждают их) и используют “третий мир” как поле для эксплуатации устаревших технологий. Т. Дос Сантос, так же как, например, Р. Дучке, отождествил буржуазную демократию с “фашизмом”, но по другому принципу: с его точки зрения, современный капитализм – это “колониальный фашизм”, при котором “первый мир” выступает в качестве “коллективного фашиста” по отношению к “третьему”⁴⁵⁸.

Отдельные группы “новых левых” могут быть также носителями и других идей или комплексов идей, набор и разброс которых чрезвычайно велик (“сексуальная демократия”, “самоуправление трудовых коллективов”, “зеленая революция”, “мистический революционаризм”, “мировая пульсация”, отдельные положения структурализма, постструктурализма, ситуационизма, шизоанализа и т.п.), что естественно в условиях идейного эклектизма “новых левых”, однако такие варианты являются уже проявлением *couleur locale* у “новых левых”.

Анархисты

Еще сложнее ситуация с описанием идеологии *анархистов*. Анархизм никогда не был цельной и единой идеологической системой. Даже в области философских основ разные классики анархизма опирались на разные философские школы: на кантианство, на гегельянство, на позитивизм. Сегодня же российские анархисты оказались де-факто в ситуации *отсутствия* собственно анархистской идеологии.

Еще в период 1987–1993 гг. анархистские организации в СССР/России более или менее обоснованно считали себя последователями тех или иных анархистских классиков и течений анархистской мысли: анархо-синдикалисты (“Община”/КАС) считали себя последователями М.А. Бакунина (хотя тот, конечно, не был анархо-синдикалистом), анархо-коммунисты – П.А. Кропоткина, анархо-индивидуалисты – М. Штирнера и т.д. Но к 1997 г. сложилась удивительная ситуация, когда анархистские идеологические построения оказались в России до такой степени “размыты” воздействием других течений социалистической мысли, что почти все анархистские организации в России уже не являются в идеологическом отношении подлинно анархистскими, хотя многие их члены, видимо, этого не осознают. Наибольшему идейному воздействию отдельные анархисты подверглись со стороны отдельных идеологов “новых левых”. В результате Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), Федерация анархистов Кубани (ФАК), Самарский анархо-коммунистический союз (САКС), “Хранители Радуги” и др. группы превратились по сути в организации “новых левых”, по недоразумению называющих себя “анархистами”. Эти организации, да и практически все анархистское сообщество России, восприняли основные идеологемы “новых левых”: контркультуру, “Великий Отказ”, “сексуальную революцию”, освобождение воображения, Революцию Сознания, прямую демократию, репрессивную толерантность, отождествление парламентаризма с авторитаризмом и т.д. Даже взгляды анархистских классиков воспринимаются современными российскими анархистами в последние годы через призму “нового левого” сознания⁴⁵⁹, что, впрочем, является интернациональной тенденцией⁴⁶⁰.

У анархо-синдикалистов прослеживается несколько бóльшая, по сравнению с другими анархистами, приверженность к анархистской классике. В частности, Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – Секция Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС–МАТ) из номера в номер в своем издании “Прямое действие” воспроизводит “Принципы анархо-синдикализма” МАТ, где зафиксированы все основные положения анархо-синдикализма: отказ от партийной и парламентской деятельности, упразднение государства, ориентация на “рабочие ассоциации” (профсоюзы) как высшую форму объединения трудящихся, ориентация на “прямое действие” (забастовка, бойкот, саботаж, высшая форма – всеобщая захватная стачка, как синоним социальной революции), упразднение монополии и централизма⁴⁶¹. Однако все остальные тексты, публикуемые членами КРАС–МАТ, вынуждают характеризовать их авторов скорее как “новых левых” с сильным влиянием анархо-коммунистических, анархо-синдикалистских и экологистских идей, чем как классических анархо-синдикалистов. Взгляды лидера КРАС–МАТ В. Дамье сформировались под преимущественным влиянием представителей старшего поколения Франкфуртской школы, неомарксистов, Р. Дучке, М. Букчина и Андре Горца. Тексты, опубликованные В. Дамье в журнале “Наперекор”, чрезвычайно далеки от анархо-синдикалистской ортодоксии и представляют собой продукт сложного соединения концепций анархизма, марксизма, неомарксизма, “коммунизма рабочих советов” (рэтекоммунизма), экосоциализма и неофрейдизма⁴⁶².

Анархисты (2)

Возможно, единственный оазис более или менее последовательного анархо-синдикализма в России – это Томская и Северская организации КАС, члены которых, похоже, действительно верят в возможность анархистской революции, осуществимой путем всеобщей захватной стачки, организованной профсоюзами⁴⁶³. Остальные члены КАС от такой простой точки зрения ушли уже очень далеко.

Порвав с подробно разработанными классическими анархистскими системами, современные российские анархисты оказались неспособны создать взамен собственные теоретические концепции. Единственная попытка такого рода была предпринята А. Исаевым и А. Шубиным. Предложенная ими доктрина известна в анархистских кругах под названием “общинного социализма” и построена была в основном путем механического соединения отдельных положений М.А. Бакунина, П.-Ж. Прудона с идеями “рабочего самоуправления” и, как ни странно, с идеями неолиберализма в духе Фридриха фон Хайека и Людвиг фон Мизеса. В окончательном виде доктрина “общинного социализма” была зафиксирована в Программных принципах КАС. Доктрина рассматривала в качестве общественного идеала “безгосударственный социализм”, в котором основной формой собственности должна являться собственность трудовых коллективов на средства производства; место централизованного государства занимает федерация автономных самоуправляющихся общин; место государственной законодательной и исполнительной власти занимают “органы народного самоуправления, основанные на сочетании принципа делегирования с прямым народным законодательством в виде референдумов”; отсутствуют партии, общество беспартийно при широкой свободе философских, идеологических, политических, религиозных и других ассоциаций; армия, “органы слежки и юстиции”, смертная казнь, “система лагерей принудительного труда” упразднены, “общество максимально демилитаризовано”; тайная дипломатия отменена, “производится императивный контроль над дипломатией и утверждение результатов переговоров на референдуме”. Концепция “Программного документа” утверждала также: федерализм, который предполагал полную автономию местных общин в своих делах; создание вышестоящих органов и определение круга их прав только путем консенсуса всех общин; образование таких органов путем делегирования; право общин выходить из федерации, входить в другую, создавать новую; ликвидацию представительной демократии и “бюрократического аппарата” и замену их некими “делегированными органами общественного самоуправления” (“делегированными советами”) как по месту жительства, так и на производстве; замену постоянной армии и милиции (полиции) “всеобщим вооружением народа”⁴⁶⁴.

Концепцию “общинного социализма” нельзя признать удачной, так как она помимо многочисленных недоработок изначально содержала откровенные противоречия: “максимальная демилитаризация” сочеталась в ней со “всеобщим вооружением народа”; “ликвидация представительной демократии” сочеталась с “делегированием”, которое является частным случаем представительной демократии; “ликвидация государства” сочеталась с существованием фактически государственных (квазигосударственных) образований (“федераций”), поддерживающих между собой *дипломатические* отношения; общественная собственность на средства производства (которая

странным образом отождествлялась с коллективной) сочеталась с товарно-денежными отношениями и рыночной экономикой; в концепции давалось описание трех разнородных форм и систем “делегированного самоуправления” одновременно и т.д.

Доктрина “общинного социализма” с самого начала подверглась резкой критике (в том числе в рядах КАС) и послужила одной из причин постоянных расколов КАС. В последнее время даже среди немногочисленных членов КАС сторонников “общинного социализма”, насколько можно судить, не осталось.

Несмотря на это, попытку создания концепции “общинного социализма” надо признать выдающимся фактом духовной жизни анархистского сообщества в СССР/России – уже хотя бы потому, что, во-первых, другой такой попытки развития и модернизации анархистских идей в 80-е – 90-е гг. российскими анархистами предпринято не было, а во-вторых, эта концепция фигурировала некоторое время в качестве развернутого теоретического программного документа крупнейшей анархистской организации в СССР/России.

Единственным у анархистов примером разработки самостоятельной подробной теоретической модели, помимо концепции “общинного социализма”, можно считать “Экосоциалистический манифест” В. Дамье, но этот документ разрабатывался как чисто экологистский программный документ для чисто экологистской организации – Лиги Зеленых Партий.

В настоящее время в анархистском сообществе России осталось только два человека, пытающихся вести теоретическую работу: Вадим Дамье и Петр Рябов. Однако в своих теоретических поисках они ушли очень далеко от собственно анархизма.

Единственное, что идеологически объединяет сегодня всех, кто именуется в России “анархистами”, – это приверженность анархистской традиции демонизации государства как социального института и приверженность анархистскому принципу “свободы личности”. Однако и здесь чистота анархистских позиций сильно нарушена: подавляющее большинство современных российских анархистов воспринимает в качестве источника социального зла, равного государству, частную собственность, капитал и классовое неравенство (что надо признать влиянием марксистской традиции), а часть анархистов очень далеко ушла от обожествления “свободной личности” в сторону принятия такого идеала коллективизма, который предполагает безусловный приоритет интересов общества (человечества, коллектива) над интересами личности. Все это свидетельствует об очень сильной степени разложения чисто анархистской идеологии в среде российских анархистов и о стремлении анархистского сообщества выйти за рамки привычных анархистских идеологем.

ТЕНДЕНЦИИ НА БУДУЩЕЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ

В обозримом будущем, безусловно, нужно ожидать развития части наличных тенденций в леворадикальном сообществе.

Первой из таких тенденций можно считать уже сейчас заметное нарастание внутреннего радикализма леваков и степени неприятия ими внешнего мира вообще, социального строя и политического режима России в частности. Похоже, это связано, среди прочего, с вымыванием из леворадикальных кругов наиболее умеренных представителей движения и наиболее “нормальных”. Например, группы наиболее умеренных и наиболее социально адаптированных студентов – членов “Студенческой защиты” в провинции явно демонстрируют стремление порвать с леворадикальной традицией и избавиться, сохраняя название, от имиджа “бунтарей”. Одновременно с таким групповым выходом из левацких рядов широко практикуется и индивидуальный.

Если не считать “пролетаристов” и “Студенческую защиту”, леваки уже сейчас медленно превращаются, теряя массовость, в своеобразное гетто – замкнутый мир десоциализированных фанатиков, экстремистов (по образу жизни и по образу действия), неудачников, маргиналов. Уже сейчас заметно, что по мере развития этого процесса в рядах леваков нарастает удельный вес лиц психически неуравновешенных (и даже откровенно нездоровых), зависимых от алкоголя и наркотиков, а также предпочитающих нигде не работать и живущих за чужой счет (родителей, любовников или любовниц, у троцкистов – за счет иностранной помощи). Надо иметь в виду, что “попутчики”, маргинализация которых сопровождалась их деполитизацией, из леворадикального сообщества в основном уже выпали – и сейчас маргинализируются уже “неисправимые”, “идейные” леваки, которые, как известно, склонны всякое ухудшение своего имущественного или социального статуса увязывать с несовершенством социального или политического строя (и обладают достаточным теоретическим багажом для такой увязки). Таким образом, к идейному неприятию

внешнего мира, социального строя и политического режима в России у этой части леваков прибавляются и основания для *личной* неприязни.

Таким образом, усиление экстремистских настроений леворадикалов подпитывается их дальнейшей маргинализацией, а также и чувством нарастающего бессилия, связанного с упадком и кризисом движения. Естественно, это должно толкать часть леваков к *демонстративно экстремистскому* поведению – в надежде привлечь к себе внимание как СМИ, так и “угнетенных масс”, во-первых, и компенсировать чувство собственного бессилия – во-вторых. Такой демонстративный экстремизм уже проявлялся неоднократно в последние годы – и в значительной степени был спровоцирован примером “Студенческой защиты”, создавшей себе имидж “самой крутой” левацкой организации за счет студенческих беспорядков. Но если студенческие беспорядки 1994–1995 гг. приводили к определенным результатам (удовлетворение властями требований студентов, создание организаций “Студенческой защиты” на местах), то аналогичное экстремистское поведение в будущем чем дальше, тем больше обречено носить самоцельный и самодостаточный характер.

Психологическая готовность для такого поведения в левацком мире (в первую очередь среди анархистов) уже заложена. Окружающий мир однозначно воспринимается леваками не просто как недружественная, а как откровенно враждебная среда, и потому переход к агрессивному поведению представляется им естественным – по известной формуле “всякое революционное насилие есть *ответное* насилие”: “Самозащита – это реакция на окружающую среду, если этот мир угрожает тебе – ты должен его убить”⁴⁶⁵.

Лидер Инициативы революционных анархистов (ИРЕАН) и “Студенческой защиты” Дмитрий Костенко в знаменитом тексте “Назад к Нечаеву”, сам того не осознавая, зафиксировал именно такое психологическое состояние – состояние готовности к конфликту с внешним миром (и даже стремление к такому конфликту – пусть и самоубийственному): “Вместо свободных территорий мы предлагаем свободные сообщества, когда люди, продолжая жить в отвратительных условиях капиталистической действительности, заключают между собой договор, ... становятся в отношениях между собой свободны и живут по своим законам. Своего нельзя обмануть, а во внешнем мире допустимы любые средства, можно лгать, красть, мошенничать, печатать фальшивые деньги, клятвопреступничать, присягать и отречься по двадцать раз на дню, заключать любые альянсы, лишь бы во вред Системе”⁴⁶⁶. Безусловно, сам Костенко понимает, что создание “автономных сообществ”, находящихся в открытом конфликте с внешним миром, – это вариант гражданской войны (без “освобожденных территорий”, т.е. вариант “диффузированной гражданской войны”, какую вели с властями “Красные бригады” в Италии, РАФ в ФРГ, “Тупамарос” в Уругвае и ведут ЭТА в Испании, ИРА в Великобритании и т.п.). Однако гражданская война уже перестала быть пугалом для леваков. Ищущий пути примирения с религией “последний теоретик” КАС Петр Рябов, которого его оппоненты в анархистском движении называют “кабинетным анархистом”, с неожиданной резкостью пишет: “Расхожий штамп советского неформалитета – святая убежденность в том, что “гражданская война – это наихудшее зло”! Но неужели это так? Нет – гражданский мир, мир рабов с деспотами, мир палачей с жертвами – хуже всего!”⁴⁶⁷ Интересно, что эта апология гражданской войны датирована еще июлем 1992 г. (хотя и опубликована позднее) – то есть тогда же, когда другой видный деятель КАС – Влад Тупикин самым сильным обвинением против Лимонова считал обвинение в “желании гражданской войны”⁴⁶⁸.

П. Рябов – один из наиболее теоретически грамотных и серьезных анархистов в России – безусловно, лишь отражает общую картину *психологической маргинализации* значительной части анархистского сообщества и тенденцию к добровольному замыканию части этого сообщества в духовно-моральном гетто: “Борьба с Системой – это борьба не только и не столько против конкретной Власти, сколько, как это ни парадоксально, – против общества, против народа, против самого себя... Тут мало разума, тут нужно отчаяние и ненависть...”⁴⁶⁹; “У сегодняшнего революционера нет ни почвы под ногами, ни веры в светлое будущее, ни культурной “среды обитания”, ни теоретиков и мучеников движения, ни живых традиций, – ничего, кроме одинокой и субъективной жажды – до конца противостоять Дракону Системы”⁴⁷⁰.

Тенденции на будущее. Перспективы (2)

В принципе, подобное идейно-психологическое состояние у представителей внесистемной оппозиции возникает на стадиях, предшествующих переходу к более радикальным формам деятельности, например, к индивидуальному террору. Это прослежено исследователями и на примере

западных леваков 60-х гг., и на примере русских революционеров XIX в.⁴⁷¹ И хотя в самое последнее время интерес к различным методам вооруженной борьбы в левацком мире, как уже говорилось выше, чрезвычайно обострился, а в “Черной звезде”, например, уже всерьез пишется то, что в 1991 г. из соображений подросткового “стёба” писал О. Новиков в газете “Че”⁴⁷², едва ли можно ожидать перехода известных лиц и структур леворадикального мира к практике индивидуального политического террора или иным формам систематического политического насилия. Другое дело, что опубликованные в леворадикальной прессе апологетические статьи о революционном терроризме, инструкции по изготовлению и применению взрывчатых веществ и тому подобные материалы могут “вдохновить на подвиги” некоторых читателей из числа самых молодых или наиболее отчаявшихся. Однако еще вероятнее, что такую роль могут сыграть примеры Чеченской войны или широкомасштабного уголовного террора последних лет.

И, хотя с октября 1996 г. в России произведено четыре известных террористических акта, ответственность за которые взяли на себя некие левые революционные организации (взрыв в военкомате Северо-Восточного административного округа в Москве, взрыв у военного представительства Перу в Москве, поджог автомобиля и попытка поджога магазина и склада в Духовском переулке в Москве и, наконец, подрыв памятника Николаю II работы В. Клыкова), опираясь на данные, циркулирующие в леворадикальном сообществе, можно утверждать, что существующие левацкие организации России к этим актам непричастны. Собственно, вопреки широко распространенному мнению, попавшему в газеты⁴⁷³, все эти акты, видимо, даже не были произведены одними и теми же лицами. Во всяком случае, даже если первые три акта и были совершены одними и теми же людьми, эти люди оказались не в состоянии хотя бы выучить название собственной организации: то это “Новая революционная альтернатива”, то “Новая революционная армия”, то “Новая революционная инициатива”⁴⁷⁴. Другое дело, что эти террористические акты оказали, конечно, стимулирующее воздействие на леваков в России – и при повторении таких актов это воздействие будет все усиливаться.

Обратной стороной нарастающего радикализма является тенденция к самоизоляции (сектанству), проявляющаяся у отдельных организаций (троцкистов, КРАС–МАТ и т.д.). Это также – проявление психологического экстремизма леваков, только в другой форме: “авангард” выступает не как “боевой отряд” “уличной борьбы”, а как “сплоченное ядро”, “руководящий центр” будущей “социальной революции”. Очевидно развитие этой тенденции в обозримом будущем как “классической” и хорошо прослеженной на примере разных стран и разных эпох и как получившей уже сейчас определенное теоретическое обоснование: “Я не желаю подталкивать падающего (анархистское движение в России. – А.Т.). Пусть падает сам, если заслужил. И пусть даст дорогу тому, кто придет на смену – нормальному настоящему анархическому движению, небольшому, но стойкому, без дурацких ультра“недогматических” новшеств и заимствований из капитализма, национализма, рынка, марксизма и т.д., и т.п. ... Анархо-синдикализм – это не внесение ан.-сознания в рабочие массы, а мировой опыт *самоорганизации* людей (неважно, какой профессии, “рабочей” или “интеллектуальной”) для защиты *своих* собственных прав и интересов своими силами и на неиерархической основе... Сколько бы людей ни принимали на сегодня участие в “реальном” движении”⁴⁷⁵.

Другой тенденцией, которая сейчас едва просматривается, но которая будет набирать силу, безусловно является перенесение центра тяжести леворадикального движения из столиц (Москва, Санкт-Петербург) в провинцию.

Москва и Санкт-Петербург все еще имеют традиционный для России статус центров общественного движения. Это относится и к леворадикальному миру. Но даже сейчас такой статус носит чисто формальный характер. Москва и Санкт-Петербург скорее играют роль информационно-передаточных центров и пунктов, через которые осуществляется контакт с заграницей. Ни одной жизнеспособной чисто московской или петербургской левацкой организации в последнее время не возникло. Напротив, все новые леворадикальные организации, появившиеся в последнее время, возникли и действуют в провинции: САКС – в Самаре, ФАК – на Кубани, ЕЛДА – в Липецке, ПРОВО – в Воронеже, ПСР – в Петропавловске-Камчатском и т.д.

Более того, активность уже существующих московских леворадикальных организаций упала до минимума, а среди общероссийских леворадикальных организаций (или организаций, имеющих центр в Москве и филиалы в нескольких регионах) какие-то признаки активности проявляют именно провинциальные отделы, при ступоре московских “центров”. Это хорошо видно на примере КАС, Московская организация которой формально не распущена, но реально отсутствует (после гибели Николая Муравина, ухода в личную жизнь Михаила Цовмы, включения в мир “большой политики”

Александра Шубина и переключения на работу в структурах “Хранителей Радуги” секретаря МО КАС В. Тупикина). В то же время КАС сохраняет активность в Сибири (Омске, Томске, Северске и отчасти в Хабаровске). Точно так же и Ассоциация движений анархистов (АДА) проявляет некоторую активность в провинции, но не в Москве.

У троцкистов – аналогичная картина. Деятельность Социалистического рабочего союза (СРС) в Москве заморожена, в то время как отделение СРС в Днепропетровске действует достаточно активно. Точно так же наблюдается полный развал “центральной секции” Комитета за рабочую демократию и международный социализм (КРДМС) в Москве, но фиксируется некоторая – пусть минимальная – активность КРДМС в провинции.

Подобную картину можно наблюдать и у “новых левых”. Профсоюз “Студенческая защита – Москва” развалился, Общероссийский Исполком “Студенческой защиты” свернул деятельность до минимально координирующей – а в провинции отделения “Студенческой защиты” активно функционируют, растут численно. Фиолетовый Интернационал / “Партизанское движение” / “Коммунистический реализм” в Иванове, Владимире, Самаре как самостоятельное образование (не замкнутое на сотрудничестве с НБП) гораздо активнее, чем в Москве и Санкт-Петербурге.

“Пролетаристы” (ОПОР) вообще не представлены в Москве, но достаточно активны в провинции.

Тенденции на будущее. Перспективы (3)

Под этим явлением лежит объективная основа. Москва, как столица, превращается в город, на который замыкаются международные финансовые потоки, в “витрину капитализма”, оазис Запада в России. Имущественный статус жителей здесь выше, чем в провинции – и нет оснований считать, что в обозримом будущем ситуация радикально изменится. Занятость в Москве выше, чем в провинции, возможность самореализации леворадикалов вне сферы левацкой политической деятельности (профессиональной неполитической – как статусных интеллигентов, либо даже общественной, но в рамках “официальных” политических структур) несравнимо выше, чем в провинции. В Москве наблюдается очень незначительный по сравнению с провинцией приток молодежи в левацкий мир. Таким образом, леворадикальное сообщество в Москве быстро стареет. Московские леваки оказываются – и далее этот процесс будет все более заметным – обременены связанными со старением болезнями, семьей, детьми, необходимостью выполнять формальные служебные обязанности и т.п. Естественно ожидать, при такой ситуации, в будущем отход многих москвичей от активной политической деятельности (и даже общественной вообще) и переключение на реализацию частных интересов: обеспечение научной, служебной и т.п. карьеры, обеспечение благосостояния своего и своей семьи и т.д. Кроме того, те из леваков, для кого “левизна” – случайный эпизод, “ошибка молодости”, либо те, кто обладает большими амбициями, имеют в Москве больше, чем в провинции, возможностей для вертикальной мобильности на общественной арене, так как в Москве уже сложилась разветвленная политическая и околополитическая инфраструктура: информационные, аналитические, социологические, политологические, прогностические, консалтинговые и т.п. центры, аппараты Госдумы, Совета Федерации, правительства, Администрации президента, правительства Москвы, центральные органы партий, движений, профсоюзов и т.п. Работа в этих структурах дает в перспективе возможность занять определенное место в истеблишменте. По этому пути уже пошли лидеры КАС и КАС-КОР.

В то же время в провинции, особенно по мере продолжения процесса деиндустриализации и особенно нарастания социального и имущественного расслоения, можно ожидать определенного оживления левацкой деятельности, так как некоторые варианты леворадикальной идеологии должны будут привлекать к себе часть маргинализованного населения. При этом пропасть между Москвой и провинцией будет углубляться: как по имущественному и финансовому положению леваков (и населения вообще), так и по образу мышления. Уже сейчас наблюдается активизация интернационалистических (и даже прямо антипатриотических) настроений среди леваков и значительной части левых вообще в Москве – и, напротив, нарастание националистических (и даже откровенно шовинистических) настроений в провинции. Логично ожидать закрепления (а, возможно, и усиления) этой тенденции в будущем. Собственно, уже сегодня заметна явная неприязнь части провинциальных леваков к москвичам именно как к “зажравшимся, избалованным вниманием СМИ и склонным к продажности” столичным жителям⁴⁷⁶. В принципе, указанная тенденция характерна для стран т. н. капиталистической периферии, где радикальные революционные движения имеют материальную и человеческую базу не в столицах (“анклавах капиталистической метрополии”), а

именно в провинции – и в случае развития революционных событий столицы последними в стране оказываются под контролем революционеров (Гавана, Манагуа, Сайгон, Пномпень и т.д.).

Можно смело прогнозировать в будущем и развитие обеих формально взаимоисключающих тенденций – усиления борьбы с фашизмом и усиления сотрудничества с НБП.

При этом и одно явление, и другое обречены носить несколько ущербный характер. Активизация борьбы с фашизмом будет зависеть, во-первых, от степени агрессивности русских националистов по отношению к левакам – то есть антифашистская активность части леваков будет вынужденной. Во-вторых, антифашизм части леваков будет носить характер психологической компенсации. Не представляя какой-либо угрозы своему “титальному” врагу – рыночной системе (капитализму), леваки сосредоточатся на борьбе с фашистами как с более слабым противником, к тому же не одобряемым и институтами буржуазной демократии. Подобное поведение леваков хорошо известно по ряду западноевропейских стран (“антифа”).

Впрочем, часть леваков понимает компенсаторный характер такого антифашизма: “Самый большой подлог произошел с понятием фашизма ... 20 лет назад фашизм отождествлялся прежде всего с системой, и наступления фашизма ожидали из недр системы просто путем перехода власти к наиболее реакционным силам или через ужесточение аппарата подавления (Чили, Греция) ... теперь само понятие фашизма связывают именно с маргинальными или чуть более респектабельными группами вне системы. Тогда тоже происходили столкновения с ультраправыми, но все же борьбу с фашизмом связывали в первую очередь с борьбой против системы и уничтожением системы, а сегодня под антифашизмом понимают мордобой со скинхедами или собрание о том, почему в этом году Ле Пен получил на пять процентов больше голосов, чем в прошлом. И в этой борьбе готовы прибегать даже к помощи ненавистного государства. Впрочем, ультраправые поступают точно так же. Ведь и те, и другие являются объектом манипуляций”⁴⁷⁷. Именно эта часть леворадикалов уже сегодня контактирует с НБП и будет контактировать и дальше, причем, вероятно, теснее и теснее. Поскольку ни леваки, ни НБП в обозримом будущем не выйдут за пределы мира маргинальной политики, то наиболее вероятным исходом такого сотрудничества станет постепенное (и, возможно, долго не оформляемое официально) распадение этого блока по регионам на два варианта: “пролевацкий” вариант, когда в том или ином регионе и НБП, и сотрудничающие с ней леворадикалы, независимо от названия, фактически будут являться представителями левацкого мира, и “пронационал-большевистский” вариант, когда те же силы, независимо от названия, фактически будут представителями НБП. В дальнейшем при развитии этих тенденций должно будет произойти просто инкорпорирование леваков в НБП – в одних местах (как это уже имело место в Санкт-Петербурге с группой “Рабочая борьба”) либо, напротив, инкорпорирование (превращение) местных отделений НБП в “левацкую тусовку”.

Сколько-нибудь серьезную угрозу блок НБП – леворадикалы сможет представлять только в случае выработки им оригинальной “национально-освободительной антиимпериалистической” идеологии (по типу идеологии ФНО Алжира), однако пока нет никаких признаков того, что это в принципе возможно.

Более вероятным представляется не создание “национально-освободительной антиимпериалистической” идеологии (жизнеспособной в странах “третьего мира”), а развитие процесса по типу стран “первого мира” (т.е. Запада): соединение отдельных идеологических элементов, традиционных для правой внесистемной оппозиции, с отдельными идеологическими элементами, присущими левой внесистемной оппозиции (в 1997 г. этот процесс был назван политологами США “fusion conspiracy”). Собственно, по этому пути уже сегодня идет НБП.

Тенденции на будущее. Перспективы (4)

Можно смело прогнозировать увлечение экологизмом в ближайшее время среди леворадикалов. В первую очередь это будет касаться, конечно, анархистов. Относительно стабильная деятельность анархо-экологистской группы “Хранители Радуги” на фоне откровенного упадка остального анархо-сообщества, умело поставленная анархо-экологистами самореклама, финансовая подпитка экологистских проектов с Запада (как напрямую, так и через менее радикальные “зеленые” структуры) неизбежно должны привлечь к экологистскому движению новых адептов – как из числа “анархистского молодняка”, так и из числа “старых” леваков, стремящихся к “живой работе”, активной деятельности. То, что относительная стабильность деятельности анархо-экологистов не равнозначна прогрессу, т.е. не имеет шансов на развитие, большинством леворадикалов пока не осознается.

Очевидно, однако, что эта стабильность в самое непродолжительное время сменится спадом. Собственно, уже сейчас ясно, что деятельность радикальных экологов не приносит ожидавшихся результатов. По мере осознания леворадикальным сообществом реформистского характера экологической деятельности от экологизма отпадут наиболее последовательные и теоретически подготовленные леваки. С другой стороны, уже сейчас начинается процесс вытеснения радикальных экологов (анархо-экологов, в том числе) из природоохранной сферы более умеренными экологистами, без проблем вписывающимися в стандарты буржуазно-демократического общества⁴⁷⁸.

Поскольку экологистское движение в России “сидит на игле западных грантов”⁴⁷⁹, а число и объем западных грантов на Россию постоянно сокращается, то по мере развития этого процесса неизбежно будет обостряться борьба за западную помощь. В конце концов радикальные экологи будут оттеснены от западной помощи умеренными группами и организациями, идеологически более “надежными”. Уже сейчас ведущие экологистские организации склонны отрешиваться от “Хранителей Радуги” как от “экстремистов”.

Можно смело прогнозировать закат “оранжевого” движения. Являясь специфической формой сатирической пропаганды (“пропаганды смехом”) в стабильных и сытых обществах, “оранжевое” движение не сможет существовать в быстро меняющемся российском обществе, в условиях калейдоскопически быстрой смены духовных и эстетических ориентиров, перманентного экономического кризиса и нарастающего социального расслоения. На это обратил внимание Вадим Дамье: “В Нидерландах 70-х и в Польше 80-х оранжевые игры были наступательными. У нас они вымучены. Людям не хочется смеяться. Разве что сквозь слезы”⁴⁸⁰. И хотя анархисты по привычке еще пытаются проводить “оранжевые” акции и печатать (вплоть до начала 1997 г.) “оранжевые” тексты (например, в журнале “Анархия”⁴⁸¹), но даже в анархистском мире они вызывают в основном непонимание и раздражение.

Также можно смело прогнозировать усиление идеологического разброда и идейного разложения анархистской части леворадикального сообщества. Анархисты в СССР/России в 80-е – 90-е гг. отличались поразительным теоретическим невежеством и исключительной неспособностью к плодотворному теоретизированию. Вполне благожелательный к анархистам автор, тесно сотрудничавший с ними в рамках Череповецкого радикально-экологистского проекта, Кирилл Привезенцев еще в 1993 г. констатировал теоретическое убожество анархистов (даже по сравнению с другими направлениями современной российской общественной мысли, продемонстрировавшими способность лишь к “весьма слабому популярному изложению теоретических достижений прошлого”) и полную неспособность анархистов разработать какую-либо теоретическую концепцию, адекватную сегодняшним российским условиям (“а только это, – справедливо указал К. Привезенцев, – и можно было бы признать собственно теоретической работой”)⁴⁸².

Тенденции на будущее. Перспективы (5)

Современные российские анархисты, неспособные к теоретической работе, подрывают таким образом сами основы существования анархистского движения. Попытки выйти из теоретического кризиса предпринимаются анархистами обычно на пути выхода за пределы собственно анархистской идеологии (в первую очередь, за счет привлечения идей “новых левых”), что гарантирует исчезновение в перспективе собственно анархистского движения – по мере осознания членами анархистских организаций, воспринявших неанархистские идеи, того факта, что они, собственно, уже не являются анархистами. Реакцией на такое (стихийное, судя по всему) развитие событий является попытка незначительной части анархистов “вернуться к истокам” – к чистому повторению теорий анархизма второй половины XIX – начала XX в. Это, конечно, тупиковое направление. В области организационной подобное развитие событий может гарантировать только замыкание таких “ревнителю идеологической чистоты анархизма” в рамках микроскопических сект, которых и “группами”-то назвать будет нельзя. В области теоретической возврат к “первоначальной чистоте” какой-либо идеологической системы (феномен, известный в истории идей как “ривайвализм”) считается верным признаком исчерпанности данной идеологии на парадигмальном уровне. Это осознается и некоторыми бывшими анархистами, например, бывшим идеологом КАС А. Шубиным: “Возвращение части анархистов к идеологическим постулатам начала века – признак деградации части движения в 1991–1995 гг.”⁴⁸³.

Можно назвать лишь одного анархиста, который, осознав абсолютное несоответствие анархистских доктрин реалиям сегодняшней России, пытается провести теоретическое обновление анархизма. Это Петр Рябов. Но П. Рябов не является официально теоретиком какой-либо организации

(КАС он добровольно покинул), а его теоретические новации сами по себе прекрасно укладываются в указанную тенденцию распада “чистого анархизма”. Теоретические построения П. Рябова выходят за рамки собственно анархистской идеологии и являются достаточно эклектичным соединением анархистских, экзистенциалистских, персоналистских, ницшеанских и многих других идей. Идеологические построения П. Рябова можно смело рассматривать как “первую ласточку” будущего идейного развала российского анархизма – во всяком случае, отхода от анархизма его наименее догматической и наиболее думающей части. П. Рябов всего лишь “озвучивает” на уровне “первичной рефлексии” то, что многие анархисты смутно чувствуют, но не могут выразить. Во-первых, это растерянность перед изменившимися внешними условиями существования, подавленность и потерянности перед “молохом цивилизации”, отсутствие веры в собственные силы и собственные идеи: “Мы сегодня не можем не знать, что все бывает и все возможно, раз существуют АЭС и атомные бомбы, Кашпировский и фашисты, СПИД и теория относительности и 101-я комната Оруэлла, где умельцы в пять минут делают из святых – злодеев и предателей. Что значит сегодня быть “передовым человеком”, “идти в авангарде”, сокрушая обломки вчерашних устоев? Идти в авангарде падения в пропасть? Быть передовым бараном, радостно и бездумно увлекающим за собой на дно все человеческое стадо?”⁴⁸⁴

Во-вторых, нарастают субъективизм, волонтаризм и иррационализм, близкие по породившим их причинам к аналогичным тенденциям в раннем экзистенциализме и раннем фашизме: “Необходим отказ от ориентации на традиции просвещения и позитивизма, предполагающие объективность, однолинейность и механицизм в подходе к постижению явлений человеческого мира. Напротив – диалогичность, понимание множественности человеческих смыслов и раскрытие экзистенциального и необъективированного в личности, отказ от абсолютистских претензий рационализма, мужественная решимость без страха смотреть в бездну, таящуюся в человеке – только это сегодня может избавить анархизм от хронической слепоты и слабоумного самообольщения”⁴⁸⁵. Отсюда естественно рождается апология экзистенциального бунта, объективно не мотивируемого и не способного к организационному оформлению: “У сегодняшнего революционера нет ни почвы под ногами, ни веры в светлое будущее ... – ничего, кроме ... субъективной жажды – до конца противостоять Дракону Системы”⁴⁸⁶. По сути это отступление к паниндивидуализму М. Штирнера – варианту анархистской теории, максимально сопротивляющемуся всяким упорядоченным организованным формам общественной и политической деятельности. Не случайно в самое последнее время среди анархистов (в первую очередь, московских) обострился интерес к Штирнеру⁴⁸⁷. Штирнерианское восприятие себя в мире, уже сейчас все более свойственное “анархистскому молодняку”, выражено у П. Рябова так: “Пусть мир рушится, пусть надежде нет места, пусть земля покрыта концлагерями и публика рукоплещет тирану – довольно того, что я – я, осознающий себя свободным и ответственным в мире холопства и безответственности, – не принимаю всего этого”⁴⁸⁸.

Тенденции на будущее. Перспективы (б)

Нарастание подобных тенденций было характерно в 70-е гг. для западных “новых левых” – и явилось одной из несомненных причин заката движения “новых левых” на Западе. Видимо, не случайно то, что один из первых пропагандистов идей “новых левых” среди российских анархистов П. Рябов повторяет сегодня путь западных “новых левых”.

Отказавшись от объективных критериев (экономических, социальных или социологических, политических или политологических и т.п.), П. Рябов выводит обоснование анархистской позиции в область морали: “Анархисты прошлого пытались доказать, что современное общество неизбежно движется к анархии... А что, если анархия не неизбежна? А что, если зло, насилие, существующее от века и отлившееся в государство и эксплуатацию, не искоренить никогда? ... А что, если, наконец, человечество доживает считанные дни, и встающий рассвет увидит не цветущие сады анархии, а выжженную и безлюдную пустыню? Что из этого? Понятно, что в плане общетеоретических, социологических и прочих построений это что-то меняет, и существенно, – но что это меняет для человека, стремящегося в любых условиях сохранить в себе человечность, не оскотиниться, не стать рабом или тираном, овцой и овчаркой?”⁴⁸⁹ Однако, поскольку отдельная анархистская мораль до сих пор не разработана, П. Рябов естественным образом обращается к религиозной морали: “... ныне необходимо переосмыслить былую ... антиклерикальную и богоборческую традицию освободительного движения и преодолеть сложившийся тогда стереотип о том, что “критика религии есть начало всякой критики” (Маркс). Ругать сегодня религию – отчасти стрелять из пушек по

воробьям, отчасти же – служить новым языческим идолам и кумирам в одевании новых пут на человека... Свободу нельзя ни “доказать”, ни “опровергнуть” – в нее можно только верить...”⁴⁹⁰ Собственно, здесь П. Рябов намечает план создания новой религиозной системы, где на место Бога подставляется Свобода, а в качестве внутренней силы предписывается *фанатизм*. В принципе, это возможный вариант, особенно если такая новая религия приобретет своих фанатиков и мучеников, которые затем будут провозглашены “святыми”. Однако в условиях избыточного многообразия религиозных культов в современной России такая “новая религия” вряд ли приобретет хоть сколько-то заметное число последователей. Кроме того, нельзя не сказать, что по предложенному П. Рябовым пути уже пошли в 70-е гг. “новые левые” на Западе – и зашли в тупик.

Неспособность создания или реновации теоретической системы тем или иным общественным течением является признаком его обреченности. “Исторические лидеры” КАС – А. Исаев и А. Шубин – пытались создать (пусть неудачно) собственную теоретическую систему (“общинный социализм”). Спустя менее чем 10 лет “последний теоретик” КАС П. Рябов принципиально отказывается от создания целостной теоретической системы, вводя в основание своих построений *произвол*, абсолютизируя субъективизм, отказываясь дефинировать базовые термины своих построений (“должное”, “человеческое”, “свобода” и т.п.): “Альфа и омега анархического мировоззрения – личность, субъективность, свобода, творчество, бунт против существующего и бесчеловечного во имя должного и человеческого... Как можно все это доказать, уловить в общие, безличные и объективные сети науки?! ... Мы можем сказать – что есть зло, отчуждение, несвобода, но никогда не можем сказать – что есть свобода и что есть личность... *теоретически* нельзя ни доказать, ни опровергнуть того, что человек достоин быть свободным и свободен освободиться от насильственной опеки (прежде всего – со стороны государства) ... *Анархия невозможна, анархизм вечен!*”⁴⁹¹

Если теоретическая мысль российского анархизма и дальше будет развиваться в том направлении, которое продемонстрировал П. Рябов, нетрудно предвидеть, что наиболее активные анархисты в обозримом будущем будут поглощены родственным течением леворадикалов – “новыми левыми” (даже если персонально эти анархисты будут сами себя продолжать называть “анархистами”). Собственно, это происходит местами в провинции уже сегодня.

С другой стороны, в анархистских кругах усиливается понимание необходимости создания структурированных и дисциплинированных организаций. С призывом к созданию таких структур выступил С. Фомичев⁴⁹². С аналогичным призывом (“создание революционной организации... насущное требование жизни...”) выступил и П. Рябов⁴⁹³.

Однако создание такой организации не представляется возможным. Между сторонниками анархии в России отсутствует необходимый для этого уровень взаимного доверия, отсутствует необходимая степень самопожертвования (в отличие, например, от народовольцев), отсутствуют организаторские таланты и привычка к дисциплине, отсутствует, наконец, единая, приемлемая для всех (хотя бы в общих чертах) жизнеспособная теория. Присущий анархистам индивидуализм (к тому же, нарастающий, как видно из теоретических построений П. Рябова, в касовский период очень дисциплинированного и исполнительного члена Конфедерации) также препятствует организации. Это осознает и часть самих анархистов: “... анархисты никак не могут прийти к необходимости элементарной самоорганизации, самодисциплины и самоограничения. То есть такие слова они употребляют, но только как атрибут будущего... они тут же раскалываются на мелкие фракции и начинают между собой собачиться”⁴⁹⁴.

Тенденции на будущее. Перспективы (8)

П. Рябов в качестве стратегической задачи поставил (еще весной 1996 г.) перед анархистским сообществом создание “мозгового центра, координирующего теоретико-просветительно-пропагандистскую работу, не дающего догматических рецептов и не суживающего себя каким-то одним “партийным” направлением и занятого широким поиском, создающего некое идейно-культурное “поле”, в котором найдется место и философии, и истории, и современности, и экологии, и феминизму, и пацифизму, и синдикализму, и анархизму, и народникам, и “зеленым”...” – и наметил следующие направления практической деятельности: “а) библиотека... б) лекторий для широких кругов населения... и кружок для особо интересующихся... в) регулярное периодическое издание и систематическая издательская деятельность... г) организация уличных акций”⁴⁹⁵. Никакого “мозгового центра” анархистам, разумеется, создать не удалось, тем более, что на предложенных П. Рябовым принципах никакой “мозговой центр” функционировать и не может. Но вот все практические направления осуществляются. 1 Мая 1997 г. состоялось открытие левацкой библиотеки

“им. Виктора Сержа”. Что это даст анархистам – говорить еще рано, тем более что библиотека – общелевацкая, с преобладанием, насколько можно судить, неанархистской литературы. “Лекторий” функционирует в Москве в виде “Анархошколы”, но успех его деятельности сомнителен. “Кружок” давно действует в Москве (“Муравинские четверги”) и за несколько лет своего существования уже доказал полную свою бесперспективность. “Издательская деятельность” не помогла анархистам в решении каких-либо задач, стоящих перед движением. “Уличные акции” все более превращаются в ритуальные действия или в “акции отчаянья”.

Видимо, прав лидер “Хранителей Радуги” Сергей Фомичев, утверждающий, что в сегодняшних российских условиях созданию “Движения” должна предшествовать выработка стратегии⁴⁹⁶. Но выработка стратегии возможна лишь на основе уже имеющейся теории. А то, что “теории нет”, признает и П. Рябов⁴⁹⁷.

Подобно уходу анархистов с политической арены России легко прогнозируется и уход с политической арены троцкистов – течения куда менее массового и куда более слабого. Неясно, способны ли вообще существовать в России троцкистские организации без финансовой, теоретической и организационной помощи с Запада. Укорениться в рабочей среде им не удалось, найти ярких лидеров – тоже. Кроме того, идеи троцкизма могли быть привлекательны в России в советский период – как “правильный вариант” советской идеологии, противостоящей “неправильному” – сталинистскому и постсталинистскому. В связи со сменой общественного строя в России этот козырь троцкисты утратили. Рядовому противнику капитализма, приверженцу коммунистических взглядов невозможно вразумительно объяснить, чем критика Троцким капитализма “лучше” и “правильнее” аналогичной критики со стороны Маркса или Ленина.

Что касается “пролетаристов”, то судьба этого направления леворадикального движения практически полностью зависит от экономической ситуации в России. Если деиндустриализация в провинции (в первую очередь, в Уральском регионе) будет нарастать, ОПОР неизбежно будет терять перспективы, вырождаться в микроскопическую секту и – если не хочет исчезнуть – искать союзников среди ортодоксальных коммунистических организаций (с угрозой поглощения ими) либо среди западных троцкистских организаций (с угрозой потери своего лица и превращения в троцкистскую группу). При сохранении определенной экономической стабильности (и тем более при экономическом росте, который, однако, маловероятен) “пролетаристы” имеют шанс сохранить и даже укрепить себя как организацию. Однако их недавняя переориентация на “создание партии рабочего класса” будет их толкать из мира леворадикалов в мир “нормальной”, “большой” политики, то есть к социал-демократизации, лейборизму, тред-юнионизму.

Тенденции на будущее. Перспективы (9)

Перспективы такого же выхода за пределы мира леваков стоят и перед частью анархистского сообщества (особенно в Москве, что хорошо видно на примере “исторических лидеров” КАС или лидеров и активистов агентства КАС-КОР), перед частью “новых левых” (многие отделения “Студенческой защиты” на местах уже сейчас дрейфуют в сторону обычной профсоюзной деятельности, никак не окрашенной в левацкие тона) и радикальных экологов (переход в ряды нерадикальных экологов, а затем и в официальные государственные природоохранные структуры – как в более богатые, надежные, обладающие готовой инфраструктурой и открывающие перспективы карьерного роста и роста личного благосостояния). Можно ожидать (особенно в Москве), что часть леворадикалов (тем более достаточно умеренных – по левацким, конечно, понятиям – например, из круга журнала “Наперекор”) будет вынуждена служебными и бытовыми обстоятельствами умерить свой радикализм и стать своего рода “левым крылом либерализма” (чем-то вроде “легальных анархистов”, “легальных троцкистов”, “легальных экологов” – подобно “легальным марксистам” в начале века в России), т.е., строго говоря, покинуть леворадикальный лагерь.

Такое развитие событий тем более вероятно, что многие традиционные интересы современных леваков – охрана окружающей среды, борьба за равноправие женщин и сексуальных меньшинств, пропаганда вегетарианства и т.п. – лежат, строго говоря, в сфере либеральной, а не революционной традиции (как это справедливо заметил Д. Костенко)⁴⁹⁸, и могут быть успешно решаемы (хотя бы локально) в рамках системы буржуазной демократии и рыночного хозяйства.

Неясны и перспективы “новых левых”. С одной стороны, “новые левые” в сегодняшней России вроде бы неуместны. Движения “новых левых” возникли и расцвели в развитых западных странах в условиях экономического процветания, социальной стабильности, “общества потребления”.

Идеология “новых левых” является идеологией революционной борьбы именно в таких условиях, разработанной в основном представителями “среднего класса” для “среднего класса” – с учетом его особенностей. Россия сегодня переживает глубочайший за последние полвека экономический кризис, страдает от социальной и политической нестабильности, население страны страдает от хронического недопотребления основных продуктов питания. В СССР действительно существовал своеобразный эрзац “среднего класса” – широкий слой интеллигенции массовых профессий, служащих и управленцев нижнего и среднего звена, высококвалифицированных рабочих с высшим образованием и т.п., – но этот советский “средний класс” был именно *эрзацем* – ни по своему экономическому положению (в системе общества и в процессе материального производства), ни по социальным, ни по психологическим характеристикам он со “средним классом” развитых стран не совпадал. Российские “новые левые”, поголовно дети представителей этого эрзаца “среднего класса”, судя по всему, не осознают кардинальной разницы между западным “средним классом” и его советским заменителем. Но дело не только в этом. Даже и существовавший в СССР эрзац “среднего класса” в результате экономических реформ последних лет стремительно исчезает, если уже не исчез как массовое явление.

Конечно, “новые левые” традиционно рассматривали люмпен-пролетариат как революционную силу в больших городах, но эти теоретические изыски западных “новых левых” не сопровождались целенаправленной революционно-пропагандистской работой в люмпенских кругах или попытками создать люмпенские левацкие организации и движения. Однако в России, где процессы маргинализации (люмпенизации) населения нарастают, а в силу существовавшей в СССР определенной социальной однородности еще не закрепились жесткие классовые барьеры, “новые левые” имеют прямой контакт с люмпенскими слоями (зачастую, кстати, с прошедшими имущественную, но еще не психологическую люмпенизацию). Возможно, это даст “новым левым” шанс закрепиться в виде оазиса в каких-то локальных кругах люмпенизированных слоев.

Тенденции на будущее. Перспективы (10)

Существует определенный вариант движения и идеологии “новых левых” в странах “третьего мира” (иногда вполне успешный) – геваризм. Но геваризм предполагает наличие вооруженной (партизанской) борьбы или, как минимум, ее целенаправленную и сознательную подготовку. Нет никаких признаков того, что сегодняшние “новые левые” в России готовы к такой форме деятельности.

С другой стороны, “новые левые” более других леваков открыты в области идеологии, что дает им возможность теоретического маневра. Они не определяют узко (в отличие от “пролетаристов” или троцкистов) свою социальную базу, что тоже дает им возможность для маневра. Но при этом ни с какой средой, кроме студенческой и контркультурной, “новые левые” в России всерьез не связаны – во всяком случае, сейчас.

Укорененность “новых левых” в мире контркультуры (молодежной субкультуры) в России дает им некоторые шансы на существование в будущем, но не исключено, что сам факт наличия контркультуры в России является следствием “эффекта запаздывания” России по сравнению с Западом. В таком случае сегодняшний успех “новых левых” на ниве контркультуры завтра обернется ловушкой: контркультура станет гетто, препятствующим выходу “новых левых” на более широкий оперативный простор, как это предсказал западным “новым левым” Г. Маркузе⁴⁹⁹ и как это и случилось в действительности.

Часть “новых левых”, возможно, готова и способна осознать радикальное несовпадение своей идеологии и тактики с реалиями сегодняшней России, превращающейся в “капиталистическую периферию”. Об этом говорит специфический интерес российских “новых левых” к теориям круга “зависимого капитализма” (Р. Ставенхагена, Т. Дос Сантоса и др.), которые, видимо, можно соединить с определенным образом окрашенными национальными идеями (идеями национально-освободительной борьбы) – с перспективой успешного использования затем в политической деятельности. Однако на пути эффективного развития такого сценария лежит низкий уровень теоретической подготовки “новых левых”, отсутствие у них цельной идеологии и большая вследствие этого вероятность их инкорпорирования националистами (фашистами) в случае установления прямых постоянных контактов.

Однако вряд ли можно ожидать тотального исчезновения “новых левых” с политического горизонта России. Есть пример, демонстрирующий возможность длительного существования “новых левых” за пределами развитых западных стран – это пример Латинской Америки. “Новые левые” в

Латинской Америке, хотя и сильно изменившись, закрепились в среде студенчества, интеллигенции, средних городских слоев и даже отчасти маргинализованного крестьянства. Разумеется, их численность и влияние упали по сравнению с 60-ми гг., но “новые левые” Латинской Америки продолжают удерживать достаточно стабильные позиции, особенно в студенческой среде.

Более того, пример Латинской Америки показателен тем, что “средний класс” в латиноамериканских городах серьезно отличается от классического “среднего класса” развитых западных стран. А. Уайтфордом еще в 60-е гг. зафиксировано наличие в городах Латинской Америки трех разных “средних классов”, которые он назвал “потребительским средним классом”, “бедным средним классом” и “некультурным средним классом”⁵⁰⁰. Подобную картину можно обнаружить сегодня и в России. В столице и крупных портовых городах достаточно широко представлен ориентированный на западные стандарты жизни и частично связанный и иностранным капиталом “потребительский средний класс”; в крупных провинциальных городах, университетских центрах – “бедный средний класс”: утратившая имущественный статус, но не утратившая формальный социальный статус и соответствующие ему претензии научно-техническая интеллигенция и интеллигенты массовых профессий (учителя, врачи и т.п.); наконец, во всех крупных городах широко представлен “некультурный средний класс”: нижний слой быстро разбогатевших коммерсантов, чиновников, уголовных элементов – недостаточно богатых, чтобы полностью соответствовать имиджу “новых русских”, но уже заметно отличающихся от основной массы населения. Опыт Латинской Америки показывает, что “новые левые” успешно закрепляются в среде “бедного среднего класса” и способны с большим или меньшим успехом рекрутировать в его рядах сторонников.

Есть, однако, одно существенное различие между “бедным средним классом” в Латинской Америке и “бедным средним классом” в России: в Латинской Америке “бедный средний класс” существует в условиях относительной социальной стабильности, постоянно, из поколения в поколение, себя воспроизводя. В России “бедный средний класс” в условиях быстрых экономических изменений в значительной степени оказывается неспособен воспроизводить себя, частью маргинализируясь, частью пролетариализуясь, частью коммерциализуясь. Молодежь “бедного среднего класса” не наследует, таким образом, поголовно статус своих родителей, в значительной степени стремится приобрести иные социальные статусы, в том числе и неожиданные (уход в уголовный мир, эмиграция и т.п.). Говоря иначе, неясны перспективы существования самого “бедного среднего класса” в России – естественной, если судить по опыту Латинской Америки, социальной базы “новых левых”. Более того, существующая в эпоху социальных, экономических и политических потрясений (как сейчас в России) возможность для молодежи “бедного среднего класса” менять свой социальный статус путем радикальных, “экстремистских” действий вне сферы политики (криминализация, эмиграция, использование каналов вертикальной социальной мобильности через экзотические структуры, например, через так называемые тоталитарные секты или через финансовые “пирамиды”) создает неблагоприятный конкурентный фон для “новых левых” (и политических радикалов вообще), серьезно препятствует притоку к ним новых сторонников. Все это делает сомнительным возможность успешного заимствования российскими “новыми левыми” опыта своих латиноамериканских единомышленников.

Помимо прочего, надо учитывать нарастающую тенденцию к наркотизации левацкой среды (в основном анархистов и “новых левых”), переходящую просто в поэтизацию и восхваление наркотиков⁵⁰¹. На “социальных низах” эта часть левацкого движения люмпенизируется (особенно анархисты), прямо смыкаясь с миром бомжей⁵⁰².

Показательно, что с подачи бывшего видного члена КАС М. Цовмы в анархистских кругах и кругах “новых левых” все более распространяется представление о труде, как о “слабом звене капитализма” – и, следовательно, отказ от всякой работы (труда) начинает рассматриваться как “революционная деятельность” (это – постситуационистское модное веяние в кругах западных анархистов-маргиналов). Хотя подобные увлечения и вызывают иронические отклики в самом леворадикальном сообществе⁵⁰³, сами по себе они, разумеется, способствуют деградации, дезорганизации и десоциализации леваков.

Суммируя все вышеизложенное, можно смело утверждать, что никаких перспектив у нынешнего леворадикального движения в России нет. Разумеется, это утверждение справедливо только в том случае, если леворадикалы в России не смогут обновиться организационно, теоретически и в области персонального состава движения. Однако нет пока никаких признаков того, что нынешние леваки способны разработать какую-то новую, адекватную сегодняшним российским реалиям и привлекательную для какого-либо социального слоя революционную теорию. Нет никаких признаков того, что они могут не только создать иные, более жизнеспособные организационные

структуры, но и разработать сами принципы создания таких структур. Нет, наконец, никаких признаков притока к левакам каких-то новых людских ресурсов, отличающихся в лучшую сторону от наличных.

Если леворадикальное движение в России возродится (что проблематично) и сможет стать реальной угрозой для существующей социальной системы – это будет уже совершенно другое леворадикальное движение, состоящее практически поголовно из других людей, опирающееся на другую теорию, создавшее радикально отличные от сегодняшних организационные структуры и действующее совершенно иными методами.

РАДИКАЛЬНЫЕ КОММУНИСТЫ: ГЕНЕАЛОГИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, БЛОКИ

До недавнего времени большинство демократических средств массовой информации представляли КПрФ главным пугалом, олицетворяющим “коммунистический реваншизм”. Действительно, эта партия – наиболее крупная из всех новых коммунистических партий, образованных бывшими членами КПСС. Предвыборные рейтинги социологов 1995 г. предсказывали КПрФ значительный процент голосов избирателей. Еще в ходе предвыборной кампании в Государственную Думу обсуждался вопрос, как демократический президент будет взаимодействовать с коммунистической Думой. Под термином “коммунистическая” подразумевалась Дума, в которой доминировали бы члены КПрФ. Более радикальные коммунисты – блок “Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!” если вообще упоминался в рейтингах, то занимал последние места с десятными долями процента возможных голосов. И “неожиданностью” стал тот факт, что этот блок едва не преодолел 5-процентный барьер.

Вопрос о степени неожиданности такого результата радикальных коммунистов на выборах остается дискуссионным. Еще до выборов активисты блока обвиняли социологов в недобросовестности, намеренном замалчивании существования блока. Однако нельзя игнорировать и точку зрения видного специалиста ВЦИОМ. По его мнению, ошибки в оценке перспектив блока вызваны теми же причинами, что и ошибки в оценке перспектив ЛДПР на выборах 1993 года, реальный рейтинг которой удалось оценить буквально в последние дни перед выборами, когда (по условиям той предвыборной кампании) публикация рейтингов в России была уже запрещена. Эти причины связаны с особенностями психологии “протестного” электората, представители которого часто избегают общения с социологами.

Судя по поведению самих активистов блока “Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!”, относительный успех был неожиданностью прежде всего для них самих. Так, в ходе предвыборной кампании лидеры блока, и прежде всего В.И. Анпилов, неоднократно заявляли, что блок не имеет шансов пройти в парламент по общефедеральному списку. Поэтому делался упор на продвижение кандидатов от блока по одномандатным округам. Итоги выборов показали ошибочность этой тактики: по одномандатному округу прошел всего один кандидат блока, и далеко не из числа лидеров. Между тем, если исключить версию о намеренной фальсификации результатов выборов в отношении блока, можно предположить, что более активное ведение кампании на общефедеральном уровне позволило бы ему преодолеть 5-процентный барьер.

Оправившись от неожиданности, многие коммунисты принялись комментировать итоги выборов в том духе, что небольшой недобор до 5% был вызван исключительно фальсификациями. Так, в начале марта в газете “Москва - Садовое кольцо” № 1 за 1996 год (главный редактор – Александр Соловьев, Российская партия коммунистов, РПК) в статье “Бал правит компьютерный монстр”⁵⁰⁴ был проведен анализ выборов с точки зрения фальсификаций. Автор статьи считал, что основной целью внедрения компьютерной системы на выборах было определение властями, в каких округах и какая “корректировка” результатов требуется, и высказывал предположение, что до президентских выборов система будет отлажена. В газете были приведены диаграммы, согласно которым в тех округах, где был выше процент голосовавших за блок “Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!”, был выше и процент испорченных бюллетеней, а испортить бюллетени, по мнению автора, в избирательной комиссии было очень просто. Другие активисты блока высказывали мнение, что блок мог преодолеть 5-процентный барьер при условии более активной работы, и недобор – результат недоработки.

Однако вне зависимости от того, были ли фальсификации на выборах, ясно, что радикальные коммунисты, объединившиеся на парламентских выборах в блок “Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!”, были близки к преодолению 5-процентного барьера и, таким образом, к вхождению в законодательную элиту страны. Между тем, сформированный СМИ образ “радикального коммуниста” в массовом сознании ассоциируется чаще всего исключительно с телефигурой Виктора Анпилова – второй по известности, после Геннадия Зюганова, фигурой коммунистического лагеря.

Поэтому сейчас представляется особенно важным рассмотрение реального положения в радикально-коммунистическом лагере. Даже многим специалистам практически неизвестно, какие партии и лидеры, кроме В.И. Анпилова, входили в упомянутый выше блок, какие еще коммунистические партии, кроме КПрФ и РКРП (которая в массовом сознании часто

отождествляется с движением “Трудовая Россия”) существуют ныне в стране, каковы их происхождение и взаимоотношения.

Процесс формирования новых коммунистических партий из числа бывших членов КПСС и деятельность этих партий в период формирования новой многопартийности в России изучены сравнительно мало. Перегруппировка сил бывших членов КПСС после утраты партией положения правящей оказались вне поле зрения исследователей. Это связано, во-первых, с тем, что исследователи, еще в период правления КПСС начавшие изучение “неформальных” общественных движений, а затем – процесс формирования российской многопартийности, в большей степени уделяли внимание организациям демократической ориентации, а во-вторых, с тем, что складывание “коммунистической многопартийности” началось позднее, после приостановки деятельности КПСС.

Среди литературы по формированию современной многопартийности можно выделить несколько групп изданий. Во-первых, это чисто журналистские работы, посвященные новой для журналистов и первоначально сенсационной теме “неформальных” организаций, во-вторых – справочная литература⁵⁰⁵, в-третьих – первые обобщающие работы⁵⁰⁶, в том числе и первые диссертации по теме современной многопартийности⁵⁰⁷. В аналитических работах рассматривался опыт неформального движения и партийного строительства, но преимущественное внимание уделялся сперва “неформальным” организациям, а затем и партиям демократической ориентации. Сведения о партиях и движениях левой ориентации содержались в них фрагментарно. Это можно объяснить и тем, что “неформальные” движения – предшественники современных организаций левой ориентации были немногочисленными, хотя значительная часть “неформалов”, составивших позднее костяк демократических партий и организаций, на начальном этапе своей деятельности использовали социалистическую фразеологию⁵⁰⁸. Из числа же “неформальных” организаций, являвшихся непосредственными предшественниками современных левых организаций, подробные сведения имеются лишь об одной из старейших политических организаций новой России – Конфедерации анархо-синдикалистов. Отдельные сведения о партиях и движениях левой ориентации приводятся также в связи с темой взаимодействия партий с рабочим движением⁵⁰⁹.

Можно выделить несколько центров, занимающихся изучением партийного строительства. Из бывших партийно-комсомольских организаций это, прежде всего, Институт молодежи (бывшая Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ) и Российская академия управления (бывшая Академия общественных наук при ЦК КПСС); из центров, созданных бывшими “неформалами” – Международный институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) (создан на базе бывшего Московского бюро информационного обмена) и Информационно-экспертная группа “Панорама”; из коммерческих исследовательских структур – Российско-американский университет. Обзоры о деятельности социалистических и коммунистических организаций публикуются в ежемесячном “Политическом мониторинге” ИГПИ. Однако специфика жанра политического мониторинга требует преимущественного внимания ежемесячному ситуационному анализу, и эти материалы нуждаются в дальнейшем анализе и обобщении.

Попытки самоанализа предпринимаются и самим левым движением. Так, определенные тенденции анализируются в ежемесячных докладах Аналитической группы Левого информцентра. Однако, как и “Политический мониторинг” ИГПИ, они представляют собой скорее ситуационный анализ. Попытки авторов выйти за рамки своей компетенции и анализировать общее положение в стране снижают качество работы. Написание истории современного коммунистического движения было включено в план работы на 1995 год общества “Российские ученые социалистической ориентации” (научное общество, образованное преимущественно бывшими обществоведами, членами и сторонниками КПРФ, в меньшей степени – других коммунистических партий), однако начатая работа была вскоре прервана.

ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Большинство современных коммунистических организаций восходят к различным идеологическим группировкам в КПСС, сформировавшимся в 1988–1990 гг. Еще Михаил Горбачев признавал, что в КПСС существует три или четыре партии. К моменту прекращения деятельности КПСС в ней было четыре более или менее четко оформленные фракции, которые, впрочем, избегали такого “крамольного” названия: Демократическая платформа, Марксистская платформа, Движение коммунистической инициативы (название возникло в 1991 г., в 1990 г. – Инициативные съезды РКП) и образовавшаяся в 1991 г. на основе Всесоюзного общества “Единство – за ленинизм и

коммунистические идеалы" Большеви́стская платформа в КПСС. После приостановки деятельности КПСС эти фракции послужили основой для образования новых коммунистических партий, состоявших в основном из бывших членов КПСС. Поэтому полезно вспомнить, какие группировки существовали в КПСС к моменту прекращения ее деятельности, какова была их идеология и в каких отношениях они находились между собой и с официальным партийным руководством.

Платформы внутри КПСС и движения членов КПСС

Справа (по традиционной классификации) находились остатки *Демократической платформы*, объединившиеся в "Демократическое движение коммунистов" (ДДК). Программные документы ДДК декларировали его социал-демократическую направленность. Большая часть ДДК во главе с членом ЦК КПСС Василием Липицким влилась в созданную еще в рамках КПСС Демократическую партию Коммунистов России (ДПКР), которая возникла на основе созданного Александром Ружким на внеочередном съезде народных депутатов РСФСР парламентского блока "Коммунисты за демократию" (весна 1991 г.). Идеино блок занял более правые позиции, чем ДДК, вследствие чего сближение происходило постепенно и завершилось лишь летом 1991 г., незадолго до августовского путча, на Учредительной конференции, провозгласившей создание ДПКР. Было решено, что поскольку КП РСФСР не зарегистрирована, можно зарегистрировать ДПКР, которая и будет представлять российских коммунистов в КПСС. Однако КПСС на это не пошла: перед самым началом событий августа 1991 г. лидеры ДПКР А. Ружкой и В. Липицкий были исключены из КПСС. Осенью 1991 г. ДПКР реорганизовалась в Народную партию Свободная Россия (название, по словам лидеров, родилось у стен "Белого дома" во время его обороны) и практически вышла из левого спектра политических партий и движений.

Еще раньше, в 1990 г., отошла от коммунистического движения часть Демократической платформы, которая покинула КПСС и образовала Республиканскую партию Российской Федерации.

В центре фракционного спектра находилась *Марксистская платформа в КПСС*. Марксистская платформа изначально объединяла в себе различные тенденции. С одной стороны, в разработке текста самой Платформы и формировании движения приняли активное участие Александр Бугалин и Андрей Колганов, которых трудно отнести к "большевикам" или "меньшевикам". Признавая коммунизм как будущее человечества, представители этого идейного течения, в отличие от многих "ортодоксальных" коммунистов, безусловно стоят на позициях политической демократии. С другой стороны, в Марксистской платформе было представлено течение, олицетворяемое Алексеем Пригариным, еще одного автора "Марксистской платформы", близкое по взглядам к умеренному крылу Движения коммунистической инициативы. К III конференции Марксистской платформы осенью 1990 г. среди участников Движения стали преобладать сторонники линии А.А. Пригарина (члена ЦК КПСС), что особенно ярко проявилось на самой конференции, где они составили подавляющее большинство. На III конференции была образована группа "Марксизм-XXI", в которую вошли А.В. Бугалин и А.И. Колганов, к тому времени члены ЦК КП РСФСР. Эта группа провозгласила себя фракцией в Марксистской платформе и одновременно вошла в Демократическое движение коммунистов. Письмо об образовании фракции подписало около десятка делегатов конференции.

Платформы внутри КПСС и движения членов КПСС (2)

Левее центра находилось *Движение коммунистической инициативы* (ДКИ), возникшее на базе Инициативных съездов Российской коммунистической партии (РКП) и весной 1991 г. провозгласившее себя Всесоюзным. Сама идея проведения инициативных съездов РКП была выдвинута активистами Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) в противовес выдвинутой активистами Демократической платформы идее образования российской республиканской организации в составе КПСС. ОФТ перехватил эту инициативу с тем, чтобы образовать РКП на основе своих позиций и, таким образом, противопоставить ее официальному руководству КПСС слева. К лету 1991 г. наметились разногласия по программным документам между сторонниками радикальной линии ОФТ, поддерживавшими проект Программы Михаила Попова, и более умеренными московскими теоретиками Ричардом Косолаповым и Игорем Хлебниковым. На II (московском) этапе II съезда Движения был принят проект Р.И. Косолапова. ДКИ одним из первых заявило о готовности стать правопреемником КПСС в случае ее развала или отхода от коммунистических идеалов. Летом 1991 г. член ЦК КПСС Алексей Сергеев образовал инициативный

комитет по созыву внеочередного съезда КПСС с целью изгнания из нее "оппортунистической фракции Горбачева".

На крайне левом фланге находились члены КПСС, ориентировавшиеся на *"Единство"* Нины Андреевой. На III конференции "Единства" осенью 1990 г. по инициативе Н. Андреевой была отвергнута выдвигаемая в промежутке между II и III конференциями идея о проведении XX съезда ВКП(б), к которой временами склонялась и сама Андреева. "Единство" взяло курс на большевизацию КПСС и также заявило о готовности заменить ее в случае развала или отказа от коммунистических идеалов. Конференция приняла резолюцию "О политическом недоверии Генеральному Секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву", которая вскоре была передана московскими активистами "Единства" в ЦК КПСС. Летом 1991 г. лидерами "Единства" была создана Большевистская платформа в КПСС.

Взаимоотношения между ОФТ и "Единством" в разных регионах страны складывались по-разному. Так, если на уровне центрального руководства Н. Андреева конфронтировала с лидерами ОФТ, а затем и Движения коммунистической инициативы, то, например, в Москве наиболее крупная группировка "Единства" во главе с Борисом Гунько (всего в Москве, где в "Единстве" произошел раскол, насчитывалось до четырех его группировок) входила коллективным членом в Московский ОФТ. В качестве совместной молодежной организации ОФТ и "Единства" в Москве был образован Союз молодых коммунистов (СМК), насчитывавший около десятка человек, который возглавляли Игорь Маляров и Павел Былевский. В октябре-ноябре 1990 г. при активном участии СМК было создано Молодежное движение "Коммунистическая инициатива". Созывая съезд, организаторы рассчитывали создать движение в качестве функциональной организации внутри ВЛКСМ. Всесоюзный съезд движения в декабре 1990 г. принял название Движение молодежи "Коммунистическая инициатива" и статус движения, однако сторонники функциональной организации таковую также создали.

Все вышеперечисленные группировки так или иначе декларировали свою оппозиционность партийному руководству. После создания КП РСФСР (этот шаг был предпринят официальным руководством КПСС под влиянием уже начавшихся инициативных съездов РКП) более левые группировки считали ее руководство хотя и оппортунистическим, но все же более прогрессивным, чем горбачевское руководство КПСС. ДПКР, напротив, считала ЦК КП РСФСР еще более консервативным, чем ЦК КПСС, и боролась с КП РСФСР за право представлять в КПСС российских коммунистов.

Однако наиболее влиятельной в КПСС оставалась достаточно размытая и фракционно не оформленная масса, "колебавшаяся вместе с генеральной линией".

Конец КПСС

Августовские дни 1991 г. стали для КПСС переломными. Не только большинство "рядовых" коммунистов, но даже партийные руководители никак не успели отреагировать на происходящее в стране. Из активистов коммунистических движений успели публично высказаться в поддержку ГКЧП лишь участник Движения молодежи "Коммунистическая инициатива", а ныне – лидер одного из двух российских комсомолов Игорь Маляров и активист общества "Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы", ныне – один из идеологов Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ) Н. Андреевой Виктор Прищепенко, который в выступлении по радио охарактеризовал собравшихся у "Белого дома" как "воров, проституток и гомосексуалистов".

Сейчас, когда прошло время, и поддержка ГКЧП стала одним из доказательств оппозиционности, коммунистические лидеры говорят о том, что "путч" был организован Ельциным, а членов ГКЧП "подставили", и вообще они действовали правильно, как должны были действовать советские патриоты. В 1995 г. лидер Санкт-Петербургской организации Российской партии коммунистов (РПК) Евгений Козлов уже говорил, что "главным пороком гэкачепистов и главной причиной их поражения стало неумение и нежелание обратиться к народу и стремление поладить с Горбачевым", и вспоминал, как они с Виктором Тюлькиным в те дни хотели поднимать коммунистов и столкнулись с полной пассивностью партийных органов⁵¹⁰. В сентябре же 1991 г., менее, чем через месяц после августовских событий, коммунистические лидеры и активисты на вопросы о том, как они реагировали в августовские дни на происходящие события, в большинстве своем отвечали, что ничего не делали, не успели сориентироваться и т.п., а на вопросы о своем нынешнем отношении к ГКЧП отвечали довольно обтекаемо, хотя уже тогда начало формироваться отношение к этим событиям, как к провокации.

Приостановление деятельности КПСС привело к тому, что огромная масса рядовых членов КПСС “отсеялась”, а наиболее активные коммунисты объединились в различные партии и организации. В новых компартиях процент членов, не состоявших ранее в КПСС, колебался приблизительно от 10 (Социалистическая партия трудящихся, СПТ) до 40 процентов (РПК), а в Большевицкой платформе в КПСС (БП) и ВКПБ, по некоторым данным, их количество превышало половину. Сами лидеры коммунистического движения неоднократно с беспокойством замечали, что во всех этих партиях преобладали люди старшего поколения, предпенсионного, а то и (особенно в ВКПБ) пенсионного возраста. Так, например, на конференции Московской организации РПК 1 февраля 1992 г. лидеры партии отмечали, что значительную часть ее членов и сторонников составляют пенсионеры. По данным социологического исследования, проведенного весной-летом 1991 г. Институтом гуманитарно-политических исследований, среди сторонников Марксистской платформы (МП) в КПСС значительную долю составляли пенсионеры, промышленные руководители, обществоведческая и техническая интеллигенция и партийные руководители среднего (городского и районного) звена.

Формирование “коммунистической многопартийности”

Официальное оформление “коммунистической многопартийности” началось осенью 1991 г., после вступления в силу указов о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР.

В сентябре 1991 г. было выпущено обращение группы коммунистов-депутатов с призывом к созданию левой партии, которая смогла бы заменить КПСС в условиях ее запрета. Инициаторами создания такой партии стали члены парламентской фракции “Коммунисты России”. Из известных фигур среди ее лидеров были народные депутаты СССР Рой Медведев, Анатолий Денисов, космонавт Виталий Севастьянов. По замыслу инициаторов Учредительной конференции новой партии, она должна была объединить всех бывших членов КПСС, за исключением крайне левых “истинных коммунистов”, как это произошло в других бывших социалистических странах. Однако вследствие того, что еще до приостановки деятельности КПСС в ней существовала разветвленная фракционная структура, этого не произошло – образованная *Социалистическая партия трудящихся* стала лишь одной из многих. Слово “социалистическая” в названии партии должно было, по словам инициаторов создания партии, облегчить регистрацию. Они считали, что после указов о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР партию со словом “коммунистическая” в названии могут не зарегистрировать. Некоторые лидеры, впрочем, признавали, что формируемая партия и по идеологии будет не коммунистической, а социалистической. На съезде присутствовали представители Движения Коммунистической инициативы, которые настаивали на сохранении слова “коммунистическая” в названии партии и покинули съезд, уведя за собой небольшое количество делегатов (подобно тому, как это произошло в некоторых других бывших социалистических странах).

Прошедший в декабре I съезд партии, посвященный в основном теоретическим вопросам, показал, что партия приобрела лево-социал-демократический характер. Эта идеология, впрочем, была характерна скорее для лидеров, делегаты с мест занимали более выраженные коммунистические позиции. Среди членов СПТ на местах было довольно много аппаратчиков районного и городского масштаба, партия располагала сильной парламентской фракцией “Коммунисты России”, сохранившей свое название. Внимание партии было сосредоточено преимущественно на парламентской деятельности, защите КПСС в Конституционном Суде и чисто аппаратной работе на местах, где многие члены СПТ - бывшие первые секретари райкомов и горкомов - и после приостановки деятельности КПСС сохранили позиции в органах власти. После образования КПРФ значительная часть ее членов и практически вся парламентская фракция вошли в КПРФ, а часть лидеров и меньшая часть членов, для которых слово “социалистическая” в названии не было просто тактическим ходом, сохранили самостоятельную партию.

Формирование “коммунистической многопартийности” (2)

На основе Марксистской платформы осенью 1991 г. образовалось наибольшее количество партий и группировок, различавшихся по степени признания частной собственности и по взглядам на необходимость и методы восстановления КПСС.

Группа “*Марксизм-XXI*” уже к весне 1991 г. фактически не принимала участия в деятельности движения Марксистской платформы, а в конце лета – начале осени на ее основе было образовано движение “*Коммунисты в поддержку Партии Труда*”, официально провозглашенное на собрании 26 октября 1991 г. Фактически движение сложилось еще к концу лета – началу осени, когда лидеры

группы А. Бузгалин и А. Колганов заявили о поддержке идеи создания *Партии Труда*, выдвинутой социалистом Борисом Кагарлицким и анархо-синдикалистом Андреем Исаевым. Как и группа, движение осталось немногочисленным (около 40 человек в лучшие его времена) и неструктурированным.

Большинство Марксистской платформы оставалось до августа 1991 г. единым. На конференции в Киеве весной 1991 г. был принят за основу проект Программы КПСС, разработанный Алексеем Пригариним и Владимиром Бурдюговым. Руководству платформы было поручено доработать его к августовской конференции в Москве, на которую был вынесен уже проект Программы-минимум, подготовленный одним А.А. Пригариним. Большая часть Координационного Совета Марксистской платформы оценила этот документ как неотличимый от документов Движения коммунистической инициативы, но большинство конференции его одобрило. Возник раскол, приведший к образованию на базе платформы двух партий.

В начале сентября 1991 г. прозвучала сенсационная новость: создана подпольная компартия под названием "*Союз коммунистов*". Правда, впоследствии оказалась, что, хотя партия и создана, в подполье она не уходила. Однако, по некоторым данным, утечка именно такой информации была допущена сознательно, вероятно, в целях рекламы. Союз коммунистов был создан частью членов Марксистской платформы - сторонниками А. Пригарина. Он стоял на позициях плановой экономики, допуская лишь трудовую частную собственность.

На следующий день после объявления о создании "подпольной" партии от имени того течения в Марксистской платформы, которое не поддержало на конференции Программу-минимум А.А. Пригарина, выступил Анатолий Крючков. Он сообщил, что представляемое им течение будет создавать легальную *Партию коммунистов*. Второй автор проекта Программы КПСС В.В. Бурдюгов также вошел в эту партию. Российская партия коммунистов, допуская в определенных пределах частную собственность, выступила за сочетание плановых и рыночных начал в управлении экономикой, за демонополизацию, за разгосударствление собственности, но против ее приватизации.

Учредительные конференции обеих партий проходили в подмосковном городе Железнодорожном: Союза коммунистов – в конце октября, а Партии коммунистов – 14-15 декабря 1991 г. Марксистская платформа до раскола насчитывала около 1000 человек. После распада КПСС Союз коммунистов (СК) имел контакты (что не свидетельствует о реальном членстве) примерно с 3 тысячами человек, Российская партия коммунистов (РПК) на момент Учредительной конференции насчитывала более тысячи человек: на Учредительной конференции Партии коммунистов было зарегистрировано 115 делегатов, каждый из которых представлял 10 членов партии. Позднее, по данным руководства партии, ее численность достигала 5 тысяч. Однако численность РПК сильно сократилась после создания КПрФ. Руководящим органом РПК стал Центральный Исполнительный комитет. Председателя партии было решено до I съезда не избирать, а заместителем председателя стал А. Крючков (до приостановки деятельности КПСС – член ЦК КП РСФСР). Идейно РПК заняла промежуточное положение между Союзом коммунистов и СПТ. При этом, в отличие от СПТ, партийное руководство занимало более радикальные позиции, чем значительная часть членов партии из регионов.

На Учредительной конференции Союза коммунистов также присутствовало около 100 делегатов. Был избран только Оргкомитет, состоявший примерно из 20 человек, члены которого до I съезда должны были по очереди вести заседания. Идейным знаменем Союза коммунистов стала Программа-минимум А. Пригарина.

Представители Движения коммунистической инициативы, участвовавшие в Учредительной конференции СПТ, признавали, что пришли туда не для того, чтобы войти в эту партию, а для того, чтобы увести за собой часть делегатов конференции на свой съезд в Екатеринбурге, дата которого уже была назначена. На конференции делегаты из ДКИ неоднократно выступали с предложениями, направленными на придание создаваемой партии коммунистического характера, настаивали на сохранении слова "коммунистическая" в ее названии. В ответ они получили реплику из президиума в том духе, что эта конференция - учредительная, партия создается на идеологической базе опубликованного ранее Обращения и "кто с ним не согласен, может в партию не входить". Повидимому, именно этого радикалы и ждали. Причиной их участия в конференции было, вероятно, то, что ее Оргкомитет благодаря участию парламентской фракции обладал в тот момент большими организационными и финансовыми возможностями и мог пригласить многих делегатов из регионов, до которых своими силами руководство ДКИ не смогло бы довести информацию о своем съезде. Конференция была использована в целях рекламы этого съезда. Однако стиль выступлений радикалов, их очевидная установка на раскол съезда, а также респектабельный имидж организаторов

привели к тому, что лидеры ДКИ выглядели на конференции маргиналами. Несмотря на то, что значительная часть делегатов от регионов голосовала за предложение оставить слово “коммунистическая” в названии партии, за коммунистами ушли немногие.

Формирование “коммунистической многопартийности” (3)

В ноябре 1991 г. на съезде в Екатеринбурге было провозглашено создание *Российской коммунистической рабочей партии*. Рабочий характер партии был закреплен в Уставе, по которому большинство в выборных органах должны составлять рабочие. Принятое за основу на Учредительном съезде Программное заявление базировалось на проекте Программы КПСС Р. Косолапова - самом умеренном из предлагавшихся на последней конференции ДКИ проектов, однако на последовавших Пленумах ЦК РКРП предпочтение было отдано проекту Михаила Попова, который и был принят на II этапе Учредительного съезда в Челябинске 5 декабря 1992 г. Разногласия по программным вопросам уже на этапе создания породили внутренние противоречия и нестабильную обстановку в партии. Самостоятельную роль в этих конфликтах играл Виктор Анпилов, поддержавший более радикальный проект. Анпилов стал известен в коммунистическом движении после того, как летом 1991 г. при активном участии Движения Коммунистической инициативы и при содействии Московского горкома КПСС (а по некоторым сведениям, и ЦК) был создан Союз рабочих Москвы. Его председателем сначала был избран Константин Николаев, член ЦК КПСС, фактическим же лидером стал Виктор Анпилов. После августа 1991 г. Николаев был отстранен от руководства Союзом, в июне 1992 г. он стал председателем Оргкомитета по воссозданию КПСС.

После событий сентября-октября 1993 г. РКРП попала в список запрещенных партий и движений и не смогла бы принять участия в декабрьских выборах, даже если бы захотела этого. РКРП, как и другие радикальные коммунистические партии, взяла курс на бойкот выборов. В связи с этим уже в конце октября среди сторонников РКРП родилась идея создания новой, легальной партии с той же аббревиатурой. Часть из сторонников этой идеи считала нужным участвовать в выборах. У музея В.И. Ленина в октябре распространялась листовка, в которой говорилось о необходимости “активно включаться в борьбу предвыборную за представительство в Государственной Думе депутатов от рабочего класса с коммунистической направленностью”, а для этого “в связи с запретом партий, причисленных Б. Ельциным к трагическим событиям 3-4 октября с.г., включая и РКРП... создать оппозиционную партию (общество, движение) с ориентацией на защиту справедливых прав рабочего класса”, в основу формирования которой “положить идеологию РКРП” и членами которой “могут (должны) быть и члены РКРП”⁵¹¹.

В ноябре 1993 г. до региональных организаций дошло постановление Оргбюро ЦК РКРП об учреждении *Рабоче-крестьянской российской партии*, ставящей своей задачей на основе Программы, Устава и организационного строения РКРП объединять трудящихся в Советы рабочих, крестьян, специалистов и служащих. Одним из инициаторов его принятия был М. Попов, один из авторов проекта, положенного в основу Программы РКРП, исключенный незадолго до этого из партии “за фракционную деятельность”. Проект программы Р-КрРП был напечатан в нижегородской газете РКРП “Наш выбор”, после чего I секретарь Оргбюро ЦК РКРП В. Тюлькин дал негласное указание препятствовать распространению этой газеты в Санкт-Петербурге. В связи с возникшим конфликтом обострилась борьба вокруг газеты “Вечерний Ленинград”, в состав редакции которой входили сторонники как РКРП, так и Р-КрРП. Сторонники образования Р-КрРП наметили на декабрь съезд в Нижнем Новгороде. В. Тюлькин расценил эту инициативу как “путч группы Попова”.

3-4 декабря 1993 г. в Челябинске прошел V съезд РКРП. На съезде был поставлен вопрос о необходимости первого лица в партии. Были выдвинуты кандидатуры В. Тюлькина и В. Анпилова, однако вторая кандидатура была отклонена, поскольку арестованный Анпилов не мог исполнять эти обязанности. Тюлькин заявил, что берет самоотвод, но когда без его официального согласия его кандидатура была поставлена на голосование и он был избран Первым Секретарем ЦК, он не отказался. На съезде обсуждался вопрос “о попытке превратить РКРП в другую некоммунистическую партию”, как сформулировал его Тюлькин, который назвал М. Попова “отщепенцем”, поскольку тот “не сумел увести сколько-нибудь существенную часть членов и не заслужил названия раскольника”⁵¹².

Тем временем 4-5 декабря 1993 г. на съезде в Нижнем Новгороде была учреждена Рабоче-крестьянская российская партия, в Программе которой было записано, что она является правопреемницей РКРП. В работе съезда участвовали всего 19 делегатов, однако в состав Оргбюро

партии вошли председатели Советов рабочих Санкт-Петербурга и Москвы, а также председатель Российского исполкома Советов рабочих Дмитрий Игошин. Таким образом, достоянием Р-КрРП стали результаты, пусть не очень успешной, работы, проделанной в рамках РКРП по организации Советов рабочих. В дальнейшем, хотя официально партия продолжала свое существование, но после восстановления легальности РКРП ее деятельность сошла на нет так же, как и связанные с ее возникновением конфликты. Часть активистов Р-КрРП вернулась в РКРП, часть примкнула к КПрФ. Одним из отдаленных результатов декабрьского раскола можно считать то, что деятельность Советов рабочих в 1994-1996 гг. была в известной мере свернута. Это признал в 1996 г. очередной съезд Советов рабочих, поставивший своему руководству “неуд” под бурные аплодисменты самого этого руководства.

Следующий раскол в РКРП произошел уже в 1996 г. и был связан с тянувшимся с 1993 г. конфликтом между двумя претендентами на лидерство в партии - В. Тюлькиным и В. Анпиловым. Хотя осенью 1993 г. Тюлькин официально поддержал все действия Анпилова, решение декабрьского съезда о “первом лице” не могло не отразиться на их взаимоотношениях. После парламентской амнистии вышедший из заключения Анпилов предъявил Тюлькину претензии по поводу того, что Тюлькина выбрали первым секретарем, пока Анпилов находился в тюрьме. Постепенно межличностные разногласия стали обрастать идеологическими, причем на первый план выдвинулись вовсе не те разногласия, которые реально существовали с самого начала. Так, при исключении Анпилова из РКРП летом 1996 г. он был обвинен в авторитарном стиле руководства, безоговорочной поддержке Зюганова во время президентских выборов и сокрытии финансовой отчетности московской организации от ЦК РКРП. Исключение было предварено бурной дискуссией в изданиях РКРП на тему: “что выше – Советы или партия” (Анпилов утверждал, что Советы выше, тогда как сторонники Тюлькина считали, что оставить Советы без партийного руководства - это хвостизм). Реальные же разногласия заключались в вопросе о предпочтительных формах работы - митингах или организации рабочего движения, а также в вопросе о союзе с национал-патриотами, к которому Анпилов всегда был склонен.

После исключения из РКРП Анпилов в союзе с одним из лидеров Союза коммунистических партий – КПСС (СКП-КПСС) Егором Лигачевым объявил об инициативе создания *Коммунистической партии родины Советов* (КПРС) – название было задумано как нечто среднее между КПрФ и КПСС. Поскольку к осени наметились разногласия между Анпиловым, претендовавшим на самостоятельную роль, и руководством СКП-КПСС, стремившимся объединить радикальных коммунистов под руководством КПрФ, название КПРС перестало использоваться, а та часть московской организации РКРП, которая не прошла перерегистрацию в партии после роспуска горкома и исключения Анпилова и сплотилась вокруг него, стала использовать название “Коммунисты Трудовой России”. 20 апреля 1997 г. закрытый съезд “Коммунистов Трудовой России” учредил Российскую организацию Партии советских коммунистов.

Формирование “коммунистической многопартийности” (4)

Созданную на базе Большевистской платформы в КПСС *Всесоюзную коммунистическую партию большевиков* (ВКПБ) еще с большим основанием, чем “Единство”, можно считать организацией Н. Андреевой. О ее создании было объявлено в сентябре 1991 г. Александром Лапиным, но сам съезд, состоявшийся 8 ноября, был подготовлен втайне от общественности. Накануне съезда состоялось расширенное заседание Политсовета “Единства”, где некоторые его члены были исключены из организации. Позднее это было оформлено решением, согласно которому в “Единстве” могут состоять только члены ВКПБ и сочувствующие беспартийные, но не члены других партий. От ВКПБ откололись существовавшие ранее в “Единстве” крылья: более умеренная часть сделала ставку на РКРП, а многие из про-“памятного” крыла “Единства”, оставаясь сталинистами, не пожелали становиться коммунистами и большевиками. ВКПБ остается одной из немногих организаций, выступающих против любой частной собственности и любого рынка. В нее не вошла автор экономической программы “Единства” Татьяна Хабарова. Съезд ВКПБ оказался менее многочисленным, чем конференция Большевистской платформы в Минске летом 1991 г. Численность партии составила, по приблизительным оценкам, несколько тысяч. Небольшие, но активные организации (преимущественно из людей старшего возраста) имелись практически во всех крупных городах.

Если вначале ВКПБ отличалась высокой активностью своих членов, даже престарелых, при сравнительно небольшой численности, то после восстановления КПСС, с чем был связан первый

внутренний кризис в партии (особенно ярко проявившийся в Калининградской организации, значительная часть которой поддержала этот процесс), численность партии стала падать, ее деятельность стала менее заметной. Особенно сильно численность партии сократилась в 1994 г., когда начался процесс исключения целых организаций (например, Челябинской). В 1994–1996 гг. ВКПБ пережила несколько расколов. Одним из первых “раскольников” стал А. Лапин, исключенный на пленуме ЦК в конце декабря 1994 г. из партии “за раскольническую деятельность”. В ответ на это А. Лапин “по просьбе товарищей” возглавил Оргкомитет Чрезвычайного съезда, который состоялся в 1995 г. Съезд избрал “ЦК второго созыва”. Следующий съезд “лапинской” партии в апреле 1996 г. был конституирован как XX съезд *ВКП(б)* – сбылась давняя мечта сталинистов. В 1996 г. в Санкт-Петербурге от ВКПБ Н. Андреевой отошла еще одна группа. Разногласия с этой группой касались тактики партии в предвыборной кампании: Н. Андреева выступала за бойкот президентских выборов, а группа Георгия Каспиева – за поддержку Г. Зюганова.

В июне 1992 г. при ВКПБ была образована *Всесоюзная молодая гвардия большевиков* (ВМГБ). Однако для молодежной организации, как и для всей партии, 1994 год стал кризисным. Несколько организаций откололись, основав самостоятельные организации. Наиболее известные из них – киевская Революционная коммунистическая молодежь и московская организация, которая в октябре 1994 года выступила с “Политическим заявлением Всесоюзной коммунистической молодой гвардии большевиков”, где отмечала, что ВКПБ становится партией неревOLUTIONной, не рабочего класса, что она поражена правым оппортунизмом. Исходя из этого, Московская организация ВМГБ заявила о своем выходе из подчинения ВМГБ и выделении в самостоятельную революционную пролетарскую организацию молодых большевиков – *Всесоюзную коммунистическую молодую гвардию большевиков* (ВКМГБ), которая намеревалась проводить политику, близкую к политике Российской коммунистической рабочей партии (РКРП)⁵¹³. В Уставе ВКМГБ организация трактовалась как “надежный помощник и резерв” *Всесоюзной коммунистической рабочей гвардии большевиков* (ВКРГБ) – “революционной организации рабочего класса, объединяющей в единую большевистскую революционную партию рабочего класса партии большевистской ориентации (ВКПБ и РКРП-1)”⁵¹⁴ (под РКРП-1 понималась в тот период собственно РКРП, в отличие от Рабоче-крестьянской российской партии, аббревиатура которой вскоре стала писаться как РКРП). Однако в дальнейшем ВКРГБ стала пониматься как “самостоятельная партия”, и в опубликованном в 1996 г. Уставе была закреплена усложненная процедура вступления для “выходцев из других партий”. В 1995 г. к названию ВКМГБ добавилось слово “рабочая” (ВКРМГБ), а в 1996 г. – слова “имени героев Краснодона”. К названию ВКРГБ в 1996 г. добавилось слово “революционная” (ВКРРГБ). Организации ведут агитационную работу на заводах и активно, часто в качестве организующей силы, участвуют в антифашистских инициативах.

Оставшиеся в ВМГБ местные организации в 1995 г. распределились между Андреевой и Лапиным. Так, организация в Северной Осетии в своей газете “Красная молодежь”, оценивая раскол в ВКПБ, однозначно поддержала А. Лапина⁵¹⁵. Кировская организация, также организационно тяготеющая к партии Лапина, в своей газете “Молодая гвардия” заимствовала ряд материалов и идей из газет “Пролетарий” (ВКРРГБ) и “Рабочий антифашист” (Единый антифашистский коммунистический фронт СССР)⁵¹⁶. Санкт-петербургская организация, остававшаяся в 1994–1995 гг. верной Андреевой, в 1996 г. вошла в конфликт с лидером партии на стороне Г. Каспиева, и одновременно с исключением из ВКПБ Каспиева было принято решение о роспуске ВМГБ в целом. В настоящее время петербургские взрослые и молодые оппозиционеры продолжили деятельность в качестве самостоятельной группы. В издаваемом ими “Информационном листке старой и молодой гвардии большевиков” Н. Андреева подвергается резкой критике.

Всего в ходе партийных расколов прошло три “вторых съезда” ВМГБ: одновременно с XX съездом ВКП(б) – апреле 1996 г. в Кимрах (организации ВМГБ, ориентирующиеся на Лапина); 21–22 сентября 1996 г. – в Санкт-Петербурге (организации, тяготеющие к петербургской группе), и 28 августа 1996 г. под Тулой – съезд сторонников Н. Андреевой, который в соответствии с партийным решением принял решение о самороспуске ВМГБ.

Формирование “коммунистической многопартийности” (5)

После запрета КПСС возникли проблемы и у комсомольцев. Хотя комсомол не был запрещен, состоявшийся в сентябре 1991 г. XXII съезд *ВЛКСМ* принял решение о переименовании организации. В работе съезда участвовали и представители *Движения молодежи “Коммунистическая инициатива”* (ДМКИ). Его статус функциональной организации позволил

направить на съезд двух делегатов, одним из которых был избран Игорь Маляров. После принятия съездом решения о переименовании ВЛКСМ делегаты от ДМКИ собрали группу участников съезда, не согласных с этим решением, и создали Оргкомитет по восстановлению ВЛКСМ.

В апреле-мае 1992 г. состоялся восстановительный XXIII съезд ВЛКСМ. Первым секретарем ЦК ВЛКСМ был избран Андрей Езерский, И. Маляров стал членом ЦК ВЛКСМ. Съезд принял унитарный принцип строения комсомола. За федеративное строение выступали делегации Белоруссии, Самары и некоторые другие; наиболее активными сторонниками унитарного принципа выступили москвичи, состоявшие ранее в Союзе молодых коммунистов, делегации Северной Осетии и республик Прибалтики.

Комсомольцы принимали участие в XX конференции КПСС, на которой выступили с особым мнением против любых допущений частной собственности в программе партии.

К началу 1993 г. москвичи стали выступать за создание в рамках ВЛКСМ российской комсомольской организации. 23 января 1993 г. на Учредительной конференции РКСМ в Санкт-Петербурге был создан *Российский коммунистический союз молодежи* (РКСМ) как составная часть ВЛКСМ. Первым секретарем РКСМ стал Игорь Маляров. Однако официальное руководство ВЛКСМ во главе с Езерским не признало образования РКСМ и на IV пленуме ЦК ВЛКСМ 13-14 февраля 1993 г. вывело Малярова, Сергея Возняка (Белоруссия) и Михаила Грачева из ЦК, а также расформировало руководство Московской городской организации (МГО) ВЛКСМ. 4 апреля 1993 г. на Московской городской конференции ВЛКСМ московские сторонники Езерского избрали своим первым секретарем Вячеслава Скворцова (в тот же день первым секретарем Коммунистического союза молодежи Москвы (РКСМ) был избран Игорь Маляров).

Между расколовшимися частями комсомола существовало два комплекса разногласий: в методах работы (ВЛКСМ выступал за культурно-просветительную, спортивную и т.п. работу в традициях старого ВЛКСМ, а РКСМ - за активное участие в митингах) и в политической ориентации. Последнее не афишировалось, однако после раскола в ВЛКСМ преобладали сторонники КПСС, а в РКСМ - сторонники КПрФ и РКРП. Это впоследствии послужило причиной раскола внутри самого РКСМ.

В октябре 1993 г. И. Маляров, принимавший активное участие в событиях у Белого Дома, спасаясь от розыска, временно эмигрировал в Белоруссию, откуда вернулся после объявления амнистии. В связи с невозможностью организации работы Московского горкома в тот период был сформирован другой руководящий орган - Чрезвычайный комитет (ЧК) во главе с П. Былевским. К весне 1994 г. в известной мере нормализовались взаимоотношения между РКСМ и ВЛКСМ в Москве и, хотя Маляров уже вернулся из эмиграции, руководителем московских комсомольцев остался Былевский. Летом 1994 г. И. Маляров, остававшийся членом РКРП, устроился работать помощником депутата Государственной Думы Леонида Петровского - председателя контрольно-ревизионной комиссии КПрФ. С этого времени начался отход Малярова от РКРП, завершившийся его переходом в КПрФ. Этот переход, по оценкам московских комсомольцев, нарушил в руководстве РКСМ равновесие между членами РКРП и КПрФ. Начались попытки поставить РКСМ под контроль КПрФ, с одной стороны, и создать самостоятельную молодежную организацию РКРП - с другой. В декабре 1995 г. газета Былевского "Бумбараш-2017" была решением пленума лишена права выходить как орган ЦК РКСМ. Былевский не подчинился этому решению. В начале 1996 г. завершилось размежевание РКСМ на сторонников РКРП во главе с Былевским (РКСМ(Б)) и сторонников КПрФ во главе с Маляровым (РКСМ(М)).

Формирование "коммунистической многопартийности" (6)

Отдельный по происхождению блок представляют партии "пролетаристской" ориентации. В отличие от партий и организаций, возникших на базе бывшей КПрФ, партий, платформ и движений внутри нее, эти организации возникли на базе старых "неформальных" инициатив, связанных с рабочим движением. Так, в 1990 г. на основе Союза марксистов, образованного на совещании представителей марксистских и рабочих групп в августе 1989 г. в Москве, была создана *Марксистская рабочая партия - партия диктатуры пролетариата* (МРП-ПДП). Учредительный съезд прошел в марте 1990 г., и на нем противники диктатуры пролетариата откололись и образовали Демократическую рабочую партию (марксистскую). При этом КПСС была осуждена участниками съезда за "поворот на буржуазный путь". На более представительном II съезде МРП-ПДП, который состоялся на ВДНХ 14-16 сентября 1990 г., произошел еще один раскол. Самарская делегация во главе с Григорием Исаевым, которая настаивала на принятии своего проекта

программы партии, базирующегося на “Втором коммунистическом манифесте” покойного коммуниста-диссидента Алексея Разлацкого, ушла со съезда и увела за собой большинство делегатов-рабочих. Самарцы образовали Рабочую партию диктатуры пролетариата (большевиков). В дальнейшем эта партия активно действовала в Самаре, но имела весьма незначительное представительство в других регионах. В 1992 г. РПДП(б) была переименована в Партию диктатуры пролетариата (ПДП), тем более что МРП–ПДП к тому времени отказалась от столь дискуссионной прежде второй части своего названия. Переименование было мотивировано тем, что слово “рабочая” используют в своем названии еще ряд партий (РКРП, Рабочая партия России, учредительный съезд которой произошел в начале 1992 г., но которая так и не сумела развернуть сколько-нибудь заметной деятельности), а большевиками называются сторонники Н. Андреевой, с которыми самарские “пролетаристы” не хотели иметь ничего общего.

Однако было бы неверным говорить о полном отсутствии связей “пролетаристских” партий с бывшей КПСС. Так, II съезд МРП–ПДП был организован при участии активистов Марксистской платформы в КПСС. В работе съезда принимал участие один из лидеров МП А.А. Пригарин. Один из лидеров МРП–ПДП Низами Абдулгамидов (известный в политических кругах под псевдонимом Низами Лезгин) являлся членом КПСС и Объединенного фронта трудящихся (ОФТ). Когда на III съезде МРП встал вопрос о возможности двойного членства, одним из аргументов в пользу сохранения такой возможности стало членство Низами в КПСС, от которого он не желал отказываться. К III съезду лидерство в МРП захватила “тройка”: Низами, Владимир Зеркин и Юрий Леонов. Однако после съезда между ними начались трения: Ю. Леонов вышел из партии вместе с образованным им профсоюзом “Защита”, который активисты РКРП ныне считают “своим”; МРП к настоящему времени как единая партия практически не функционирует, велись даже разговоры о возможном объединении с троцкистами из Комитета за рабочую демократию и международный социализм, однако такому объединению помешали идеологические разногласия.

К настоящему времени к “пролетаристским” партиям, несмотря на различия в происхождении, идеологически примыкает *Объединенный фронт трудящихся*. ОФТ был образован в 1989 г. при активном участии организаций и активистов КПСС, не принимавших политики “перестройки”. В 1989–1990 гг. ОФТ проводил немало мероприятий совместно с умеренно-патриотическими организациями и стал одним из инициаторов проведения Инициативных съездов коммунистов России. Коллективными членами ОФТ были Интерфронты республик Прибалтики и Молдавии. Однако после образования РКРП постепенно, на протяжении ряда лет происходило размежевание, в результате которого активисты, более склонные к митинговой деятельности, в том числе вместе с национал-патриотами, чем к организации рабочего движения, ушли (либо были выдвинуты) и продолжили политическую деятельность в рамках РКРП. На этапе, когда размежевание еще не было завершено, с участием ряда членов ОФТ “пролетаристской” ориентации было образовано еще несколько организаций. В июне 1991 г. начала выходить газета “Контраргументы и факты” (главный редактор Галина Макеева), которая, наряду с астраханским “Рабочим путем”, стала трибуной интернационалистского крыла ОФТ. Разрыв редакции газеты с руководством ОФТ произошел во время августовских событий 1991 г., когда Новгородская и Рязанская организации ОФТ участвовали в сопротивлении ГКЧП. Это нашло отражение в статьях Владимира Сидорова “Халаявный путч” (№ 7 за 1991 г.) и в редакционной статье “Хрен Янаева и редька Ельцина” (№ 10 за 1991 г.). Редакцией газеты была предпринята попытка создания *Партии социального прогресса* (ПСП).

На конференции левых сил, организованной ОФТ и Движением коммунистической инициативы 25 августа 1991 г. в Астрахани, несмотря на тщательный отбор участников, оказалась оппозиция их “генеральной линии”, которая сплотилась вокруг Ярославской делегации и провозгласила создание Межгородской инициативной группы по созданию рабочей партии (МИГ). Активисты МИГ считали, что организовывать рабочую партию сверху, по типу РКРП, бессмысленно, ее необходимо создавать снизу, через стачкомы и независимые профсоюзы. Активисты группы идеологически были близки или к РПДП(б), или к Партии социального прогресса (ПСП). МИГ так и не удалось продвинуться дальше Ярославской и Костромской областей.

Тем временем, после ухода вступившего в КПРФ Владимира Якушева, олицетворявшего собой “патриотическую” линию в ОФТ, из редакции газеты “Что делать?”, газета приобрела более интернационалистскую и “пролетаристскую” направленность. В организации возросла роль Астраханской организации ОФТ. Хотя в связи с идеологическим размежеванием и личными конфликтами фактического лидера ОФТ Владимира Страдымова с рядом руководителей РКРП численность организации резко упала и несравнима ныне с численностью РКРП, организация

приобрела более четкое “лицо” и в настоящее время по некоторым параметрам близка к “пролетаристским” организациям, а по некоторым - к интернационалистскому крылу РКРП.

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КПСС И ЕДИНСТВА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Теперь отдельные активисты коммунистического движения вспоминают, что еще в августе 1991 г. ставился вопрос о его единстве. Так, Виктор Исачиков на II съезде Роскомсоюза напоминал о том, что борьба за единство коммунистического движения началась сразу после 21 августа 1991 г.: “когда в конце августа 1991 г. в скверике напротив ЦК КПСС мы с Пригариним готовили проект первого обращения к коммунистам, там были слова о единстве комдвижения, против них не выступил никто, но через несколько дней произошел раскол на “Союз коммунистов” и РПК, еще через пару месяцев в Свердловске - между “Союзом коммунистов” и РКРП. Было бы глупо считать это просто прихотью лидеров – они не обладают властью над членами партии и не могут принудить их к действиям, которые те не одобряют, следовательно, для расколов были объективные причины”⁵¹⁷. Другие идеологи объясняют сохранение “коммунистической многопартийности” “живучестью мелкобуржуазной групповщины” и тем, что она “провоцируется... со стороны буржуазных политиков и пропаганды, своих и зарубежных для ослабления коммунистического движения”⁵¹⁸.

В целом в коммунистическом движении России с августа до ноября 1991 г. доминировала тенденция к дроблению, образованию новых партий на базе КПСС.

Первые объединительные инициативы

Ноябрь 1991 г. отмечен первым проявлением центростремительных тенденций в коммунистическом движении. Толчком послужили временные блоки, созданные во многих городах для совместного проведения демонстрации 7 ноября. В Москве этот блок, получивший название “Трудовая Москва”, первоначально включал в себя следующие организации: “Единство”, Объединенный фронт трудящихся (ОФТ), Движение коммунистической инициативы (ДКИ), Движение молодежи “Коммунистическая инициатива”, Союз рабочих Москвы, “Ленин и отечество”, Совет Марксистской рабочей партии, Марксистская платформа, Общественный центр “Россия”. Позднее на основе объединения “Трудовой Москвы” и подобных ей движений в других городах было создано массовое движение “Трудовая Россия”, ведущую роль в котором играла РКРП. Однако уже к 1993 г. “Трудовая Москва” и “Трудовая Россия” стали конкурирующими организациями: “Трудовая Россия” находилась под преимущественным контролем группировки В. Анпилова в Российской коммунистической рабочей партии (РКРП), которая тогда была в союзе с группировкой В. Тюлькина (одержавшей победу над группировкой Р. Косолапова на съезде в декабре 1992 г. по вопросу о Программе), а в “Трудовой Москве” влияние различных партий и организаций, от пропатриотического (во главе с Р. Косолаповым) крыла РКРП, поддерживающего Фронт национального спасения, до Марксистской рабочей партии и троцкистов (Комитет за рабочую демократию и международный социализм принимал участие в Учредительной конференции “Трудовой Москвы”), в тот период в какой-то мере уравнивалось. Причиной конфликта послужили попытки РКРП поставить объединение в Москве под свой контроль путем введения способа комплектования руководства организации делегированием от районов. Поскольку районную структуру в Москве имела только РКРП, это привело бы к неизбежному доминированию ее в руководстве. Конференция “Трудовой Москвы” не приняла этого предложения. В результате сторонники В. Анпилова покинули ее и образовали “Трудовую столицу” в качестве московского отделения “Трудовой России”.

Хотя “Трудовая Москва” и “Трудовая Россия” просуществовали дольше других объединений, больше всех “нашумели” и прошли “боевое крещение” в 1992–1993 гг., в дальнейшем их роль и влияние стали падать. “Трудовая Москва” после учредительной конференции “Трудовой России”, закрепившей в ней влияние анпиловской группировки, сосредоточилась преимущественно на местных проблемах. В 1993–1994 г. она пережила еще несколько расколов, в результате которых превратилась в конгломерат соперничающих между собой мелких группировок. Над одной из них захватила власть КИРФ, сумевшая более квалифицированно, чем Анпилов, провести тот же маневр с районным делением. КИРФ удалось добиться проведения районных конференций и сформировать соответствующий состав городской конференции. “Трудовая Москва”, контролируемая КИРФ, –

единственная из одноименных организаций, которая еще как-то заметна. Часть делегатов “Трудовой Москвы” покинула конференцию, принявшую районное деление по КПРФ (преимущественно члены партий Роскомсоюза). Еще одна “Трудовая Москва” существовала одно время под руководством бывшего депутата Моссовета Сергея Белашова. Ныне обе эти организации практически исчезли.

“Трудовая Россия”, игравшая ведущую роль в столкновениях с властями в 1992–1993 гг., в более спокойный период после парламентских выборов декабря 1993 г. начала терять влияние. Обострившееся летом-осенью 1996 г. соперничество между группировками В. Тюлькина и В. Анпилова в РКРП (начало которому было положено еще в 1994 г. после выхода В. Анпилова из заключения) привело к расколу не только в РКРП, но и в “Трудовой России”. Кроме того, обе организации, прекрасно владея митингово-пикетной формой борьбы, были практически беспомощны в других ее формах (парламентская деятельность, ведение переговоров и т.д.). Именно поэтому генерал Александр Стерлигов смог воспользоваться результатами пикетирования Останкино в июне 1992 г., которое осуществляли в основном коммунисты⁵¹⁹.

Объединительные тенденции в регионах нередко проявлялись в форме воссоздания районных и городских организаций КПСС. Известны случаи практически непрерывной деятельности территориальных структур КПСС. Широкое распространение получила также практика создания объединенных организаций из представителей партий, чье руководство в Москве непримиримо враждует между собой. Объединение принимало различные формы: формальное создание объединенных организаций (например, в Самаре была создана объединенная парторганизация РКРП и Социалистической партии трудящихся), двойное и тройное членство (одни и те же люди и в РКРП, и в РПК, и в СПТ), наличие в составе организации одной партии организованной группы, связанной с центральными структурами другой.

Таким образом, объединительные усилия с самого начала развивались в двух направлениях: создание блоков и объединений новых коммунистических партий и организаций и попытки восстановления КПСС. К осени 1992 г. в объединительном процессе обострилась борьба за лидерство.

Хотя резолюции “О единстве коммунистического движения” приняли на своих съездах и конференциях практически все новообразованные партии, исторически сложилось так, что реальную работу по его объединению вели в наибольшей степени партии и организации, образовавшиеся на базе бывшей Марксистской платформы: за воссоздание КПСС выступали Комитет за единство коммунистов страны, или Всесоюзный комитет коммунистов (ВКК), под руководством Сергея Скворцова, и Союз коммунистов, а РПК выступала за постепенное сближение и объединение реально возникших новых коммунистических партий.

Начало процесса восстановления КПСС

ВКК взял курс на восстановление КПСС “снизу”, без участия бывшего руководства партии, которое, по мнению участников комитета, предало ее. В январе 1992 г. по его инициативе состоялась объединенная конференция коммунистов Московского региона. На ней выявились разногласия между ВКК, выступавшим за воссоздание КПСС в инициативном порядке, без “аппаратчиков”, немедленно, и Союзом коммунистов, который выступал за воссоздание КПСС путем созыва пленума ЦК КПСС после решения Конституционного Суда по “делу КПСС”, вне зависимости от его результатов.

Одновременно по инициативе руководства РПК прошло первое совещание руководителей новых компартий, в котором принимали участие все новые компартии, кроме Союза коммунистов. Впоследствии такие совещания стали регулярными. Они ставили своей задачей не воссоздание КПСС, а создание блока всех коммунистов, который в перспективе может перерасти в новую коммунистическую партию, свободную от “грехов” КПСС.

Летом 1992 г. ВКК провел никем, кроме самого ВКК, не признанный восстановительный съезд КПСС. Уже осенью 1992 г. стало ясно, что КПСС Скворцова не играет заметной политической роли и не воспринимается общественным мнением. На некоторое время название КПСС по отношению к созданному ВКК объединению перестало использоваться, ее лидеры создали ряд других организаций (типа “Комитета защиты Курил”). Затем вновь стали изредка появляться документы этой группы с грифом “КПСС”, но практической роли эта “КПСС” не играла.

Заседания Конституционного Суда по “делу КПСС” начались позднее, чем ожидали инициаторы дела, и продолжение процесса было сразу же отложено. 13 июня 1992 г. в редакции газеты “Правда” состоялось совещание части членов старого ЦК КПСС, конституировавшееся как

Пленум ЦК КПСС. Проведение Пленума было связано в том числе и с необходимостью решения вопроса о представительстве КПСС на Конституционном Суде. В Пленуме приняло участие 46 из около 400 членов старого ЦК, в том числе Алексей Пригарин и Виталий Перов. Поскольку инициаторы собрания оповестили значительно большее количество членов бывшего ЦК КПСС, участники совещания признали не явившихся сложившимися с себя полномочия членов ЦК КПСС. Пленум принял решение о восстановлении деятельности КПСС и о проведении XX конференции КПСС. На Пленуме была создана Инициативная группа по проведению XX конференции КПСС. В работе этой группы принимали активное участие члены Союза коммунистов (СК) и Большевикской платформы (БП) в КПСС (единственная из всех платформ в КПСС, которая после ее запрета не отказалась от использования в своем названии аббревиатуры "КПСС"). СК и БП уступали по численности не только РКРП и СПТ, но и РПК. Однако их деятельность с самого начала была ориентирована не на создание собственной организации, а на установление связей со всеми сторонниками возрождения КПСС. После того, как в конце лета выявился рост объединительных тенденций в коммунистическом движении, влияние Оргкомитета, несмотря на относительную слабость организационной, технической и финансовой базы, возросло. БП интересна еще и тем, что многие из ее сторонников, включая лидера – Татьяну Хабарову – до августа 1991 г. не состояли в КПСС.

10 октября 1992 г. состоялась XX конференция КПСС, объявившая о восстановлении деятельности партии. С основными докладами выступили председатель Оргкомитета Константин Николаев и заместитель председателя А.А. Пригарин (оба – члены ЦК КПСС). В выступлении К.А. Николаева аргументировалась необходимость воссоздания КПСС. Докладчик делал основной упор на то, что КПСС – единственная организация, способная воссоздать СССР. Доклад А.А. Пригарина был в основном посвящен Программному заявлению, одним из авторов которого он являлся. В соответствии с принятыми документами, КПСС приобрела федеративный характер. Были приняты резолюции о комсомоле, об Уставе, о программном заявлении и о разработке новой Программы, а также обращение к Конституционному Суду. Оргкомитету было поручено в течение трех месяцев провести перерегистрацию коммунистов, и в этот же срок – разработать Программу и Устав для вынесения на XXIX съезд КПСС.

В период непосредственно после конференции новая КПСС не обладала существенной численностью и влиянием. Ее возможности ослаблялись острым соперничеством с другими претендентами на лидерство в коммунистическом движении.

Роскомсоюз и КПРФ

Восстановление КПСС заставило другие партии определить свое отношение к этому процессу. Резко отрицательную позицию заняла РКРП. Лидеры партии считали ее единственной идейной наследницей КПСС. Эта позиция подкреплялась и тем, что РКРП была самой крупной из действующих коммунистических партий – по численности с ней была сравнима только Социалистическая партия трудящихся, которую РКРП не считала коммунистической. Поэтому руководство РКРП заявляло о том, что объединение коммунистов возможно только на основе РКРП, и не желало признавать ни равноправного партнерства с новыми партиями, ни восстановления старой КПСС. Однако когда началось реальное восстановление КПСС, значительное число местных организаций РКРП, несмотря на указания лидеров, приняло участие в этом процессе. Они прислали делегатов на конференцию, многие вошли в объединенные коммунистические организации на местах.

Непримиримую позицию в вопросе восстановления КПСС заняла также Всесоюзная коммунистическая партия большевиков. По поводу XX конференции КПСС руководство ВКПБ приняло заявление, категорически запрещавшее членам партии принимать какое-либо участие в воссоздании "оппортунистической горбачевской КПСС". Поддержка КПСС частью членов одной из крупнейших организаций ВКПБ – Калининградской – привела к расколу в организации и выходу из нее самостоятельной партии городского масштаба, принимавшей участие в конференции.

Российская партия коммунистов (РПК) считала необходимым не восстановление КПСС, а создание новой объединенной коммунистической партии на основе тех партий, которые образовались после запрета КПСС и вели реальную работу. С этой целью с января 1992 г. проводились регулярные консультации лидеров таких партий и движений. Если Оргкомитет КПСС считал, что все должны вернуться в КПСС, а новые компартии – это следствие амбиций лидеров, требующее преодоления, то организаторы этих консультаций во главе с лидером РПК А. Крючковым исходили из того, что новые

партии объединили наиболее активных коммунистов, искавших возможности работать в условиях запрета КПСС, отражают реальные идеологические расхождения между коммунистами, и достижение единства коммунистов страны возможно лишь на базе сближения этих новых партий с последующим образованием ими блока или объединенной партии. Летом 1993 г. участниками этих совещаний был образован Роскомсоюз (руководящий орган – Роскомсовет), в который вошли РПК, РКРП, ВКПБ и "Союз коммунистов".

С деятельностью Роскомсоюза в значительной мере связан и процесс образования КПРФ. В октябре 1992 г. Роскомсовет принял решение об образовании Оргкомитета объединительного съезда коммунистов, составленного как из представителей новых партий, так и из влиятельных политических лидеров – членов бывшего ЦК КП РСФСР Валентина Купцова, Геннадия Зюганова, Амана Тулеева. При поддержке членов СПТ, присоединившихся к объединительному процессу на этапе создания Оргкомитета, последняя группа приобрела в нем решающее влияние. Формально Оргкомитет возглавил В. Купцов, олицетворявший социал-демократическую ("горбачевскую") тенденцию в российском коммунистическом движении и опиравшийся в своей работе на аппарат СПТ, с одной стороны, и на некоторые номенклатурные структуры, сложившиеся еще в рамках КПСС – с другой. По мере того, как все более вероятным становилось положительное решение Конституционного Суда по иску о признании неконституционными президентских указов, запрещавших деятельность КПСС и КП РСФСР, Оргкомитет быстро эволюционировал от Оргкомитета объединительного съезда коммунистов к Оргкомитету восстановительного съезда КП РСФСР. После этого его перестали поддерживать сначала РКРП, а затем и РПК.

В начале 1993 г. разгорелась борьба за кадры между сторонниками воссоздания КПСС и Оргкомитетом восстановительного съезда КП РСФСР (КПРФ). Конфликт был обусловлен тем, что в Оргкомитете КПРФ доминировали люди, игравшие главную роль в процессе в Конституционном Суде по "делу КПСС". Они стремились к строгой легальности партии (в свете решений суда) и поэтому выступали категорически против названия "КПСС" и против восстановления единой партии в масштабах бывшего СССР, откладывая эту задачу на неопределенный срок, хотя в дальнейшем также ставили себе такую цель. Тогдашние же лидеры Оргкомитета КПСС отражали настроения низового коммунистического актива, не мыслящего себя вне рамок КПСС, восстановление которой, по их мнению, является единственным реальным путем быстрого восстановления Советского Союза.

В Москве, например, действовали два Оргкомитета по проведению Московской городской конференции коммунистов, которые назначили конференции с промежутком в неделю: Информбюро Московского горкома КПСС – на 30 января, а образованный КПРФ Оргкомитет во главе с Валерием Шанцевым – на 6 февраля 1993 г. На заседании Оргкомитета по проведению II съезда КП РСФСР 26 января 1993 г. говорилось, что ряд организаций в регионах заявляли о поддержке только Оргкомитета по проведению XXIX съезда КПСС, ряд – о поддержке только II съезда КП РСФСР, часть – о поддержке и того и другого с требованиями к Оргкомитетам прийти к соглашению. Представители областей признавали, что они не смогут предотвратить избрание делегатов на XXIX съезд КПСС, если такой вопрос будет поставлен на конференциях.

Оргкомитет КПРФ был вынужден снять возражения против выбора на областных партконференциях делегатов на XXIX съезд КПСС, и на прошедших в январе-феврале партконференциях эти выборы прошли.

В Москве между двумя Оргкомитетами был достигнут компромисс, согласно которому конференция 30 января 1993 г. была конституирована как собрание делегатов городской конференции КПСС — КП РСФСР. Поскольку на совещании преобладали сторонники КПСС, компромисс подвергся резкой критике со стороны радикалов, особенно представителей БП. 6 февраля 1993 г. на Московской конференции КПСС — КП РСФСР уже преобладали сторонники КПРФ. Было решено провести конференцию в два этапа – второй этап после съезда КП РСФСР. В повестку дня были включены содоклады Мосинформбюро (КПСС) и Оргкомитета (КПРФ). Была принята компромиссная резолюция о конституировании Московской городской организации КП РСФСР на основании учредительных документов КП РСФСР, действующей на базе Устава КПСС. Радикальные сторонники КПСС дважды ставили на голосование предложения о замене аббревиатуры КП РСФСР или слова "коммунисты" на КПСС. Были избраны делегаты на съезд КП РСФСР и частично на XXIX съезд КПСС (остальных предложили избрать на 2-м этапе конференции после съезда КП РСФСР). После того, как делегаты отказались предоставить возможность Анпилову выступить с содокладом, он призвал своих сторонников покинуть зал и провел свою конференцию МО КП РСФСР, в которой участвовали преимущественно члены РКРП.

II Чрезвычайный восстановительный съезд Коммунистической партии Российской Федерации 13–14 февраля 1993 г. отверг любые попытки связать название партии и съезда с КПСС. Предложение предоставить содоклады руководителям новых коммунистических партий было отклонено. Делегаты – руководители партий выступили в прениях. Была принята поправка к представленным проектам документов, согласно которой запрещены платформы и фракции в партии, а также двойное членство в коммунистических организациях. Резолюция о том, что II съезд КП РСФСР выступает за проведение XXIX съезда КПСС, была заменена расплывчатой резолюцией о перспективах объединения в союз партий. Из старого руководства КПСС в состав ЦИК вошли только А.И. Лукьянов и О.С. Шенин. Из СПТ в ЦИК попали в основном старые аппаратчики и парламентарии, а из других коммунистических партий – деятели, активно участвовавшие в деятельности “лево-правых” оппозиций (ФНС, РОС, Союз офицеров, "Отчизна").

На параллельный съезд КП РСФСР, проводимый РКРП, была послана делегация с целью договориться об объединении. Но миссия этой делегации оказалась неудачной, поскольку к моменту, когда она прибыла в помещение, где проходил съезд, тот уже закончился. Съезд в первую очередь юридически оформил претензии РКРП на правопреемственность в имущественном отношении к КП РСФСР и исключил из КП РСФСР В. Купцова, Г. Зюганова и ряд других лиц "за антикоммунистическую деятельность". Заметное сопротивление встретило решение об исключении Г. Зюганова. После этого съезда РКРП никогда больше не вспоминала, что является еще и второй КП РСФСР.

Союз коммунистических партий – КПСС

26–28 марта в Москве прошел XXIX съезд КПСС. В нем участвовало 400 делегатов из всех республик, кроме Кыргызстана и Армении. С докладами выступали Константин Николаев, Алексей Пригарин, Сажи Умалатова. Были приняты резолюции по делу ГКЧП, об имуществе КПСС, декларация об образовании Союза коммунистических партий – КПСС (СКП–КПСС), согласно которой был принят статус союза партий, программа и устав партии. На первом пленуме председателем совета партии избран Олег Шенин, первым заместителем – К.А. Николаев, заместителями – Александр Мельников, Евгений Копышев, Анатолий Чехоев, Алексей Пригарин, Игорь Простяков.

Г.А. Зюганов результаты съезда не признал. Единственной российской компартией, с самого начала вошедшей в СКП–КПСС на правах полноправного члена, стал Союз коммунистов (СК). РКРП и КПрФ первоначально приняли статус ассоциированных членов.

В СКП–КПСС и после съезда не прекращались дискуссии о партийной структуре – какой должна быть партия: унитарной либо союзом партий. Статус союза партий был принят по настоянию КПрФ и ряда партий республик бывшего СССР, законодательство которых запрещает существование партий, руководящие органы которых находятся за границами республик. С наиболее резкой критикой этого компромисса выступала Большевицкая платформа (БП), которая протестовала против принципа вхождения членов КПСС в партию не напрямую, а через те или иные республиканские партии. БП настаивала на унитарном характере партии, как предпосылке возрождения СССР. С связи с тем, что эти предложения не находили поддержки партийного руководства, Т.М. Хабарова в начале 1994 г. уведомила О. Шенина о своем выходе из Политисполкома СКП–КПСС.

После II съезда КПрФ по инициативе группы сторонников А. Пригарина ряд членов МГИК и секретарей РК КПрФ – сторонников КПСС принял Заявление, в котором говорилось, что отказ ЦИК КПрФ от полноправного членства в СКП–КПСС вызван неприятием им коммунистических положений Программы партии, принятой XXIX съездом КПСС. Авторы заявления заявили о создании инициативного оргкомитета членов горкома КПрФ по восстановлению Московской городской партийной организации компартии, стоящей на марксистско-ленинских принципах, в составе СКП–КПСС.

17 февраля на пресс-конференции по итогам состоявшегося 12–13 февраля 1994 г. Пленума Совета СКП–КПСС К. Николаев сообщил, что в принципе достигнута договоренность о вступлении КПрФ в СКП–КПСС.

2 апреля состоялась организованная группой Пригарина XXX московская городская конференция КПСС. А. Пригарин предложил конституировать МГО как объединенную городскую организацию СКП–КПСС, а также провести в первой половине мая второй этап XXX партконференции по итогам всероссийской конференции КПрФ и, "если коммунистические силы в

КПРФ не победят", призвать к созыву всероссийской конференции КПСС. На II этапе конференции 2 июня А.А. Пригарин призвал поддержать инициативу пленума горкома КПСС по проведению всероссийской конференции партийных организаций, признающих решения XXIX съезда КПСС.

КПРФ была принята в СКП–КПСС в качестве полноправного члена лишь 9–10 июля 1994 г. на Пленуме Совета СКП–КПСС. В связи с тем, что А.А. Пригарин активизировал деятельность по созданию МГО КПСС и российской организации КПСС, председатель Совета СКП–КПСС Шенин обвинил его в попытке расколоть КПРФ и в нарушении партийной дисциплины.

25 марта 1995 г. в СКП–КПСС вошли РКРП (полноправным членом) и РПК (ассоциированным членом). Пленум утвердил норму представительства на XXX съезд – 1 делегат от каждых 4000 коммунистов, а от партий, численностью менее 40 000 членов – по 10 делегатов от каждой партии. Такие решения были приняты под сильным давлением Политисполкома СКП–КПСС, где большинство составляли представители КПРФ. Представители ряда партий настаивали на равном представительстве от каждой партии, поскольку в соответствии с Уставом все партии самостоятельны и равноправны.

22 апреля 1995 г. состоялась Всероссийская конференция Российской коммунистической партии – КПСС (РКП–КПСС). По предложению А. Пригарина она была конституирована как Всероссийская объединительно-восстановительная конференция партийных организаций КПСС и Союза коммунистов, действующих на территории России. При обсуждении повестки дня О. Шенин пытался убедить делегатов конференции, что они ставят под удар проведение XXX съезда СКП–КПСС, поскольку при существующей норме представительства создание новой партии может дать КПРФ повод либо превратить XXX съезд СКП–КПСС в конференцию, либо вовсе его сорвать. Константин Николаев и Евгений Кафырин предложили не создавать новую компартию и сформулировать решения конференции таким образом, чтобы открыть путь к объединению с другими партиями Роскомсоюза на I съезде РКП–КПСС.

Поскольку после конференции РКП–КПСС Совет СКП–КПСС принял решение не принимать новых членов до съезда, представители РКП–КПСС были делегированы на XXX съезд СКП–КПСС от имени Союза коммунистов, являвшегося полноправным членом объединения.

1 июля в Москве открылся XXX съезд СКП–КПСС. В докладе об изменениях в Уставе заместитель председателя СКП–КПСС Е.И. Копышев обосновал необходимость сохранения за руководством только координационных функций, чтобы не вступать в противоречия с национальным законодательством стран СНГ, запрещающим на своей территории деятельность партий, которые имеют центры за границей. В прениях по новой редакции Программы секретарь ЦК СК А.А. Пригарин заявил о необходимости, в связи с полевением масс, сдвига в программе влево; фактически же, по его мнению, в проекте новой редакции Программы произошел сдвиг вправо, поэтому ее лучше не принимать.

Представители КПРФ выступили на съезде с предложением снять из названия партии вторую часть – КПСС. По предложению Шенина было организовано поименное голосование по этому вопросу. Большинство делегатов от КПРФ проголосовали за упразднение КПСС, в других делегациях это предложение поддержали всего по несколько человек.

Однако, несмотря на это поражение, съезд укрепил позиции КПРФ в СКП–КПСС. Так, после съезда весь Секретариат, за исключением К. Николаева, оказался состоящим из членов КПРФ. В политической линии СКП–КПСС все сильнее стало проследиваться влияние КПРФ. Например, весной 1996 г. на организованном СКП–КПСС совещании коммунистической печати О. Шенин оказывал нажим на представителей РКРП, выступавших с критикой политических позиций Г.А. Зюганова, используя партийную дисциплину: раз руководство СКП–КПСС решило поддержать Зюганова, значит, все партии – члены СКП–КПСС должны это решение выполнять.

По сути, идея восстановления КПСС, на которой базировалась деятельность Оргкомитета в 1992 г., не была реализована. СКП–КПСС без КПРФ представляла собой весьма слабую структуру, а после вхождения в нее КПРФ подпала под ее влияние. Соединив в себе идеологически весьма различные партии, СКП–КПСС превратилась в формально многочисленное, но весьма аморфное образование. Характерным примером стало ее поведение на парламентских выборах декабря 1995 г. Партии – члены СКП–КПСС шли на выборах в составе разных избирательных объединений (КПРФ и "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!"). Осознание шаткости своего объединения, а также наметившиеся успехи в объединительных усилиях Роскомсоюза вынудили руководство СКП–КПСС предпринять более решительные шаги в деле реального объединения российских коммунистов. Предлагавшиеся формы такого объединения оценивались руководством других коммунистических партий как попытки поставить их под контроль КПРФ.

Народно-патриотический союз России и объединения радикальных коммунистов

На пленуме СКП–КПСС 3–4 августа 1996 г., перед самой учредительной конференцией Народно-патриотического союза России, была принята резолюция, в которой всем российским компартиям рекомендовалось участвовать в работе НПСР, но не забывать и о собственных задачах. На пленуме было принято обращение ко всем компартиям России с декларативным предложением провести объединительный съезд.

Более определенное решение о создании единой партии коммунистов России было принято секретариатом СКП–КПСС. После этого началось проведение региональных совещаний секретарей различных партийных организаций. В Москве в таких региональных совещаниях участвовали в основном представители КПрФ. К примеру, на одном из них от РПК, РКП–КПСС и РКРП (не считая сторонников Анпилова) зарегистрировалось всего по несколько человек. Задачу "образования Объединенной коммунистической партии России прежде всего на организационной базе КПрФ" поставила также конференция общества "Российские ученые социалистической ориентации" (РУСО), основную роль в котором играют члены КПрФ (преимущественно левого ее крыла).

Радикальными коммунистами инициативы КПрФ и СКП–КПСС были встречены в штыки. К тому времени, когда были выдвинуты эти инициативы, процесс сближения партий Роскомсоюза зашел уже достаточно далеко, и казалось, что до объединения осталось совсем недолго.

Реальное объединение радикальных коммунистов началось с долгого и трудного, но успешного процесса создания избирательного блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!". Участники этого блока, включавшего партии Роскомсоюза (за исключением бойкотирующих выборы), на президентских выборах поддержали Г. Зюганова, и одно время казалось, что они войдут в НПСР. Однако обе стороны не проявили готовности к сближению, и летом 1996 г. началось формирование партийного блока на базе избирательного.

Уже в ходе предвыборной кампании выявился различный подход КПрФ к партиям – возможным союзникам. В качестве союзников рассматривались преимущественно патриотические объединения, а коммунисты, чьи позиции находятся левее КПрФ, рассматривались как подчиненные, которые должны поддержать лидера без всяких оговорок. Именно патриотические организации стали союзниками КПрФ и в образовании на базе избирательного объединения Народно-патриотического союза России. На закрытом заседании Совета народно-патриотических сил 6 июля 1996 г. руководитель штаба блока В.А. Купцов положительно отозвался о работе в ходе избирательной кампании общества "Российские ученые социалистической ориентации", аграриев, депутатской группы "Народовластие", движений "Духовное наследие" и "Держава", Русской партии⁵²⁰. Это перечисление показывает, что лидеры КПрФ в большей степени ориентировались на правых участников блока, при том, что принесшая наибольший успех коммунистам агитация по методу "от двери к двери" осуществлялась в основном собственно активистами КПрФ и левыми коммунистами. В ходе формирования НПСР его основой стала народно-патриотическая идеология. Устами Сергея Бабурина (который сам, кстати, впоследствии в НПСР не вошел) была высказана мысль, что выборы проиграла именно коммунистическая идеология, а заместитель председателя ЦК КПрФ В. Купцов одной из задач КПрФ назвал "создание широкой коалиции, но без радикалов".

Правые участники объединения выступали против ведущей роли КПрФ. Левые, со своей стороны, критиковали Зюганова за недостаточную "коммунистичность" его программы, за пассивность в ходе избирательной кампании⁵²¹ и выдвигали условия своего вхождения в НПСР. Так, после завершения заседания Совета народно-патриотических сил 6 июля 1996 г. В.А. Тюлькин заявил, что если создаваемый блок коммунистический или хотя бы антиимпериалистический (антиамериканский), РКРП будет в нем участвовать, "а если блок под какую-то конкретную фигуру, то мы еще подумаем, стоит ли в него вступать". В постановлении Пленума ЦК РКРП 20 июля 1996 г. Оргбюро ЦК РКРП было поручено подготовить к съезду формируемого движения предложения по принципу участия в нем РКРП, согласовав их по возможности с партиями Роскомсоюза. "В случае ухода формирующегося движения с позиций социализма и Советской власти, поручить Оргбюро принять конкретные меры по укреплению и расширению блока "Коммунисты – Трудовая Россия" – за Советский Союз!", как реальной оппозиции, борющейся за возрождение власти трудящихся⁵²². В заявлении Роскомсоюза о создании движения оппозиционных сил подчеркивалась разница между президентскими выборами, сводящимися к противостоянию "один на один", где можно поддержать даже буржуазно-демократического кандидата, и каждодневной работой, когда "нелепо коммунистам выполнять некоммунистические программы". "Если же в программе трансформированного в

движение избирательного блока Зюганова будут закреплены некоммунистические, некие неклассовые государственно-патриотические, а по сути буржуазно-демократические, ориентиры, – говорится в заявлении, – Роскомсоюз считает своим долгом провести необходимые мероприятия для организационного и идейного сплочения левого движения на базе партий Роскомсоюза и избирательного блока "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!"⁵²³.

Тем временем организаторы НПСР уже решили, что левые им не нужны. 24 июля 1996 г. на пресс-конференции в Государственной Думе по итогам очередного заседания Оргкомитета Народно-патриотического союза России на вопрос о возможности сотрудничества НПСР с левокоммунистическими партиями Зюганов заявил: "Мы и так стоим на краю пропасти", и сказал, что КПрФ "сделала серьезную эволюцию и сдвинулась к центру. Об этом свидетельствует признание многоукладной экономики и частной собственности".

До последнего момента продолжал заигрывания с НПСР В. Анпилов. 3 августа 1996г. он и руководитель Союза офицеров С. Терехов выступили с заявлением "Непримиримая оппозиция – за единство под красным знаменем"⁵²⁴, в котором выступили "за объединение всех прогрессивных сил, противостоящих режиму", изложили предлагаемые ими принципы создания НПСР и предложили съезду НПСР, "всем народно-патриотическим и левым силам решительно отмежеваться от соглашательства с режимом" и объединиться "под Красным Знаменем". В противном случае они пригрозили воздержаться от вхождения в НПСР. Лидеры НПСР, хотя и позволили Анпилову выступить на конференции, мягко отстранили его от дальнейшего участия как фигуру, способную скомпрометировать объединение.

Народно-патриотический союз России и объединения радикальных коммунистов (2)

Более сдержанную позицию по отношению к НПСР заняло официальное руководство РКРП во главе с В. Тюлькиным. Поэтому с ним решили не церемониться, просто не допустив Тюлькина на заседание.

Получившееся в итоге объединение оказалось слишком правым для радикальных коммунистов и слишком беззубым для Российского общенародного союза (РОС), который, хотя занимает более правые, чем КПрФ, позиции в вопросах национально-государственного устройства, в социальных вопросах часто оказывается левее. В результате РОС не вошел в движение, мотивируя это позицией НПСР по отношению к правительству. Таким образом, союзниками КПрФ в составе НПСР оказались практически те же организации, которые ранее участвовали в Российском народном собрании и ФНС, и Аграрная партия России. Такое объединение было критически воспринято даже в рядах самой КПрФ.

Указав на дверь радикальным коммунистам, НПСР вынудила их осуществить свое решение о создании объединения на базе предвыборного блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!".

10 августа 1996 г. на чрезвычайной конференции Московской организации РКРП В.А. Тюлькин сказал, что каждая партия должна иметь свое движение: у РКРП это "Трудовая Россия", движением при КПрФ является Народно-патриотический союз России; в борьбе за социализм союзником РКРП может быть КПрФ, может быть движение, созданное на базе блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!". НПСР союзником в борьбе за социализм быть не может, однако с ним надо сотрудничать в борьбе с "компрадорами".

В тот же день объединенный пленум ЦК и ЦКК РКРП–КПСС признал невозможным участие партии в НПСР, "в программе которого отсутствуют социалистические и советские ориентиры и закреплены неклассовые, государственно-патриотические, а по сути, буржуазные принципы". Пленум одобрил решение Роскомсовета о создании левого движения на базе партий Роскомсоюза и блока "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!", и предложил назвать это движение Союзом социалистических сил России (СССР).

10 октября 1996 г. на пресс-конференции оргкомитета учредительного съезда этого объединения Крючков сообщил, что его учредителями будут РКРП, РПК, РКРП–КПСС, Союз офицеров, движение "В защиту детства", участниками – "Трудовая Россия", профсоюз "Защита", Исполнительный комитет Съезда Советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих, профсоюз "Студенческая защита", "Марксистская платформа", Объединенный фронт трудящихся (ОФТ). В качестве наблюдателей будут представители организаций, которые пока не определили свой статус: Марксистская рабочая партия (МРП), Российский союз трудовых коллективов (РСТК), Объединение

покупателей "Собственность для всех" и Союз советских офицеров. На подготовительном этапе коммунисты пытались наладить сотрудничество с рядом партий и организаций социалистической и "пролетаристской" ориентации. Предпринимались попытки разработать компромиссный документ, включающий принципы и тех, и других потенциальных участников объединения. Однако прошедший съезд показал, что единства коммунистических и социалистических сил достичь не удалось. По-видимому, камнем преткновения стали вопросы об отношении к политической демократии и о возможности союзов с патриотическими организациями.

Состоявшийся 12 октября съезд Роскомсоюза был почти целиком посвящен вопросам объединения коммунистов. Была выражена озабоченность тем, что КПрФ и СКП-КПСС пытались перехватить руководство процессом объединения, когда тот стал выходить на заключительный этап. Масла в огонь подлил член Совета СКП-КПСС Е. Копышев, зачитавший заявление руководства СКП-КПСС. Проведение учредительного съезда Движения коммунистических и социалистических сил России в этом заявлении расценивалось как "пособничество режиму", "создание двоецентриа в комдвижении". Он говорил об инициативе СКП-КПСС по объединению компартий и призывал партии – члены Роскомсоюза объединиться с КПрФ и вступить в НПСР. А. Пригарин заявил, что говорить о единой коммунистической партии в России можно будет только после того, как произойдет разделение КПрФ на собственно коммунистическую и государственно-патриотическую партии, а компартии – члены Роскомсоюза представляют собой "три течения единого комдвижения". Против участия в данном объединении из партий – членов Роскомсоюза высказалась лишь ВКПБ.

13 октября в Москве состоялся учредительный съезд движения коммунистических и социалистических сил России (ДКССР). Его учредителями стали РКП-КПСС, РКРП, РПК, Союз офицеров и Движение в защиту детства. Участвовавшие в работе оргкомитета на подготовительном этапе представители РСТК, партии "Новые Левые", "Движения в защиту потребителей" не определились. В состав ДКССР, кроме учредителей, официально вошли также движение "Трудовая Россия", профсоюзы "Защита" и "Студенческая защита", "Марксистская платформа" и Исполнительный комитет Съезда Советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих.

В начале 1997 г. в блоке наметились серьезные разногласия. На прошедшей 7 января 1997 г. в штаб-квартире РКП-КПСС учредительной конференция Московского отделения Движения коммунистических и социалистических сил России "Советская Родина" (таково теперь полное название объединения, употребляется также сокращенное название Движение "Советская Родина") учредителями городского отделения движения выступили Движение в защиту детства, Марксистская платформа, РКП-КПСС, РПК и Союз Офицеров. Представители РКРП отсутствовали.

На заседании ЦКС ДКССР "Советская Родина" 11 января 1997 г. сопредседатель движения С. Терехов (Союз офицеров) доложил о положении с образованием региональных организаций. Поскольку истек срок подачи заявки на регистрацию, а необходимые для регистрации движения как всероссийской организации протоколы из 45 регионов не поступили (к моменту заседания были получены протоколы лишь из 9 регионов), президиум принял решение о регистрации движения как межрегионального. Из-за разногласий, касающихся названия движения, РКРП не представила протоколы из регионов, в которых существуют ее отделения. Суть этих разногласий сводилась к тому, что РКРП настаивала на сохранении для объединения названия предвыборного блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!". В результате обсуждение вопроса о регистрации свелось к очередному обсуждению названия движения. Многие выступавшие (Анатолий Крючков (от РПК), Александр Соловьев (от Движения в защиту детства), В. Усов (от Союза офицеров)) подчеркивали, что "спор не столько о названии, сколько о характере организации": "если РКРП видит его более близким идеологически, но более рыхлым организационно, то большинство остальных участников видят движение более организованным, но более широким идеологически". Большинство членов ЦКС поддержало решение президиума о названии блока.

Через несколько дней после заседания ЦКС ДКССР в газете "Рабочая правда" (газета РКРП) была опубликована статья Г. Сенатовой⁵²⁵, в которой было изложено отношение руководства РКРП к учредительной конференции Московского отделения движения и заседанию ЦКС. В статье утверждалось, что представители РКРП и ряда других движений не были поставлены в известность о проведении учредительной конференции Московского отделения, а заседание ЦКС 11 января представители РКРП покинули, выразив свое категорическое несогласие с предлагаемым названием движения. В статье говорится, что РКРП "будет продолжать создавать региональные отделения движения под названием "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!".

28 января 1997 г. прошло собрание по учреждению Московской организации блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – за Советский Союз!", в котором принимали участие

представители РКРП, "Трудовой столицы", ОФТ, РКСМ(Былевского), общества "Единство за марксизм-ленинизм и коммунистические идеалы", Конгресса деятелей культуры и искусства за Советскую Родину, Московского советского антифашистского общества (последние три организации фактически представляют собой единую группировку, возглавляемую Б.М. Гунько, РКСМ(Б) ориентируется на нее же). Было решено, что новое объединение будет руководствоваться в своей деятельности уставом, разработанным для Движения коммунистических и социалистических сил России "Советская Родина".

На собрании причиной создания нового объединения были названы разногласия между РКРП и остальными участниками ДКССР по вопросу о названии объединения. Отмечалось, что за сохранение наименования "Коммунисты – "Трудовая Россия" – за Советский Союз!" высказались 30 региональных организаций формируемого движения, а название ДКССР поддержали 20 организаций, но, благодаря численному перевесу в центральном координационном совете движения, сторонникам Пригарина и Крючкова "удалось заблокировать мнение большинства регионов". По мнению выступавших, если на этапе избирательной кампании удавалось обходить идеологические разногласия между участниками блока, то теперь такое объединение выглядит слишком искусственным.

Таким образом, дальнейшее оформление блока радикальных коммунистов находится под вопросом до разрешения разногласий между РКРП и другими партиями по названию и принципам формирования блока.

РАДИКАЛЬНЫЕ КОММУНИСТЫ НА ВЫБОРАХ

В выборах декабря 1993 г. радикальные коммунисты не участвовали. С одной стороны, наиболее серьезные их организации (например, РКРП) подпали под запрет после событий 3–4 октября 1993 г. С другой стороны, партийное руководство приняло решение бойкотировать "выборы на крови". В листовке, подписанной РПК, РКРП, ВКПБ, Ленинской платформой в КПРФ, движениями "Трудовая Россия" и "Трудовая Москва", говорилось: "Неспособность управлять страной иначе, как с помощью силы, означает крах режима. Вот почему Ельцин торопится узаконить совершенный им переворот проведением выборов и референдума по предложенному им же проекту Конституции. Все это ни что иное, как ширма диктатуры". Участие в выборах оценивалось как "признание законности режима Ельцина, законности государственного переворота... глубокое нравственное оскорбление памяти павших защитников конституционного строя". По итогам выборов радикальные коммунисты приняли совместное заявление, в котором объявляли результаты выборов сфальсифицированными, а принятую Конституцию, соответственно, – нелегитимной. Авторы заявления писали, что "если бы руководство КПРФ не раскололо коммунистическое движение и присоединилось к остальным компартиям, призвав своих сторонников к активному бойкоту, то неявка на избирательные участки нужного количества избирателей стала бы настолько значительной, что режиму вряд ли удалось бы сфальсифицировать результаты референдума"⁵²⁶.

Выборы 1995 года. Формирование избирательных блоков

В 1995 г. позиция радикальных коммунистов изменилась. Лидер Союза коммунистов (СК) А. Пригарин на заседании Политклуба МГК КПСС 11 сентября 1995 г., где обсуждались вопросы подготовки к выборам, говорил, выражая общую позицию радикальных коммунистов, участвующих в выборах, что ситуация радикально отличается от 1993 г. Тогда главной причиной бойкота выборов был бойкот проводившегося параллельно референдума по Конституции (Пригарин выразил уверенность, что если бы не предательство КПРФ, бойкот оказался бы успешным). Кроме того, есть "моральная разница" – идти на выборы через два месяца или через два года после расстрела⁵²⁷.

С лета 1995 г. радикальные коммунисты вели переговоры о создании предвыборного блока с КПРФ. Эта идея вызывала неоднозначное отношение среди активистов РКРП. Так, 28 июня 1995 г. на пленуме Челябинского обкома РКРП был поставлен вопрос о недоверии второму секретарю обкома РКРП Юрию Холщигину, которому ставились в вину его требование к В. Тюлькину на III съезде "Трудовой России" и предшествовавшем ему пленуме ЦК РКРП о создании предвыборного блока с КПРФ. Примерно 40% участников пленума высказались за недоверие⁵²⁸. Некоторые радикальные коммунисты высказывались за продолжение бойкота выборов.

В то же время на переговорах возникли разногласия по распределению мест в избирательном списке. Например, 15 июля 1995 г. на митинге РКРП у Казанского собора в Санкт-Петербурге Геннадий Турецкий сообщил, что РКРП настаивала на соотношении количества представителей

КПРФ к количеству представителей РКРП в "головке" списка 3:1, а КПРФ предлагала – 10:1⁵²⁹. Тем не менее, Санкт-Петербургское руководство РКРП до последнего момента затягивало окончательное решение о предвыборном блоке, пытаясь добиться блока с КПРФ. Был момент, когда соглашение о блоке с другими радикальными коммунистами В. Тюлькиным было уже подписано, но РКРП не ставила печать, поскольку продолжались переговоры с КПРФ⁵³⁰.

Не сумев договориться об объединении с КПРФ, партии Роскомсоюза, кроме продолжавшей бойкотировать выборы ВКПБ, образовали блок "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" (блок № 36). Первоначально планировалось создание блока из партий Роскомсоюза и Союза народного сопротивления. О создании избирательного блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – СНС" было официально сообщено 16 августа на пресс-конференции В.И. Анпилова, В.И. Гусева, А.В. Крючкова, А.А. Пригарина и Ю.Г. Терентьева.

Терентьев рассказал, что официальными учредителями блока стали РКРП и РПК. РКРП представляет в блоке также "Трудовую Россию", "Конгресс советских женщин", поддерживающие "Трудовую Россию" структуры Совета рабочих, Союза офицеров. Возможно участие ОФТ.

Крючков рассказал о союзниках РПК: РКП–КПСС и Движении "В защиту детства" (ДЗД). Вопрос о присоединении к блоку СНС планировалось окончательно решить на заседании ЦС СНС 27 августа 1995 г.

На вопрос о взаимоотношениях участников блока с КПРФ Терентьев сообщил, что с ней планируется сотрудничать в одномандатных округах. Крючков заявил, что условия, выдвигавшиеся КПРФ на переговорах, неприемлемы и свидетельствуют о нежелании объединяться. Пригарин отметил, что руководство КПРФ ищет союзников правее себя, поэтому сложился левый коммунистический блок, в который входят все, кто левее КПРФ⁵³¹.

Однако блок "Коммунисты – "Трудовая Россия" – СНС" не состоялся вследствие разногласий между А. Крючковым и С. Умалатовой, игравшими ведущую роль в СНС. Умалатова совместно с членом КПРФ Омаром Беговым создала отдельный блок "Наше будущее".

27 августа 1995 г. в Москве параллельно прошли совместная конференция РПК и РКП–КПСС, имевшая, согласно требованиям Центризбиркома, статус партийной конференции РПК (где товарищи из РКП–КПСС присутствовали в качестве гостей), и партийная конференция РКРП. В ходе проведения конференций РПК и РКРП проводились телефонные консультации между ними.

Вечером того же дня прошла совместная конференция РКРП и РПК, на которой были утверждены кандидаты в депутаты от блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – за Советский Союз!". После завершения конференции между представителями РКРП, РПК и РКП–КПСС начались переговоры по распределению мест в территориальных округах и в региональных списках⁵³².

Еще раньше, первым оформил документы для сбора подписей блок "Союз коммунистов", в который входил Союз коммунистов Сергея Степанова – Владимира Маркова (результат раскола с СК А. Пригарина) и ВКПБ (тогда еще не переименованная) А. Лапина.

Ряд коммунистов также участвовал в избирательной кампании в составе блока "Власть – народу!" во главе с Сергеем Бабуриным и Николаем Рыжковым, причем по ряду вопросов этот блок, полупатриотический по составу и идеологии, занимал более левые позиции, чем КПРФ.

Выборы 1995 года. Формирование избирательных блоков (2)

Практически ни в одном из опубликованных в период предвыборной кампании рейтингов блок № 36 либо вообще не упоминался, либо упоминался в числе блоков, имеющих шансы набрать не более 0,5% голосов. Активисты блока связывали это с тем, что основная задача социологов – не отражать, а формировать общественное мнение. Так, Алексей Сергеев назвал заведомо фальшивыми результаты опросов общественного мнения, особенно службы Грушина, отметив, что замалчивание блока связано с указанием Ельцина не пускать коммунистов в Думу.

Избирательные ожидания блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" были достаточно низкими. Не рассчитывая преодолеть 5-процентный барьер (в этом руководство блока, по-видимому, убедили социологи и лидеры КПРФ), руководство блока сосредоточило усилия на проведении кандидатов по одномандатным округам и на использовании избирательной кампании в чисто пропагандистских целях. 21 октября 1995 г. на митинге в Петербурге Алексей Протасов сказал: "Не страшно, если мы не попадем в Думу... У нас впереди – выборы на районном уровне". Правда, А. Пригарин выражал убеждение, что блок не только преодолет 5-процентный барьер, но и существенно его превысит. 22 октября 1995 г. на традиционном митинге-"цепочке" в Москве В. Анпилов заявил: "У нас уже сегодня более, чем в 20 округах зарегистрированы кандидаты, и мы

фракцию свою "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" в парламенте обеспечим" (неделю спустя было зарегистрировано уже 53 кандидата блока). В. Тюлькин говорил, что в отличие от абсолютного большинства других избирательных объединений и блоков, "мы говорим, что ничего в этой Думе, которая избирается по классическим правилам буржуазного парламентаризма, не изменишь, и мы свою работу рассматриваем только как ступень развития борьбы против сегодняшнего режима, который мы характеризуем как антинародный", и пообещал использовать возможности предвыборной кампании и деятельности в Думе "на то... чтобы, выражаясь словами Бориса Николаевича, когда созреет момент, разогнать эту Думу к чертовой матери и заменить ее властью Советов"⁵³³. 10 декабря 1995 г. на митинге-"цепочке" в Москве Юрий Худяков заявил, что по одномандатным округам реально могут победить 6 представителей блока – в Свердловске, Тюмени, Астрахани, Ленинграде, Московской и Саратовской областях. Газета "Советская Россия" предсказала блоку 1,5% голосов.

В ходе избирательной кампании произошел ряд скандалов, более или менее известных. Один из таких скандалов был связан с блоком "Наше будущее", который пытался сдать подписи в последний день, однако прием документов был прекращен. 1 ноября 1995 г. Верховный Суд РФ удовлетворил жалобу избирательного блока "Наше будущее" на действия Центризбиркома, отказавшего ему в ночь с 22 на 23 октября 1995 г. в приеме подписных листов. 6 ноября 1995 г. документы блока были рассмотрены ЦИК, и после проверки подписей ЦИК отказала блоку в регистрации его списка, поскольку число зачтенных подписей оказалось менее 200 тысяч (179 тысяч подписей). Верховный Суд подтвердил правильность отказа в регистрации блока "Наше будущее".

Два других скандала были связаны с опубликованным 10 октября 1995 г. в "Российской газете" разъяснением Центризбиркома, которое означало фактический отказ принимать подписи граждан РФ в поддержку кандидата в депутаты и избирательного объединения, если сбор осуществлялся за пределами РФ. В связи с этим не были приняты подписи у кандидата от блока "Власть – народу!" (который в регионах включал многих коммунистических активистов и рассматривался "блоком № 36" в качестве ближайшего союзника) по Орехово-Зуевскому избирательному округу № 111 (к которому приписаны граждане РФ, проживающие на территории Молдовы), председателя Общественного комитета граждан России, проживающих в Молдове, Еленой Варфаломеевой. Варфаломеева подала иск в Верховный Суд России, который 18 октября 1995 г. постановил в иске отказать, поскольку согласно устным разъяснениям полномочных представителей Центризбиркома запрет не распространяется на граждан РФ, постоянно проживающих за рубежом. Подписи после проволочек были приняты.

Постановлением суда не захотел либо не сумел воспользоваться блок "Союз коммунистов", собравший за свой список, по словам участников блока, 30 тысяч подписей на территории стран Прибалтики. Руководство блока не стало сдавать подписи, а подало в Конституционный Суд иск, который до конца выборов не был рассмотрен (Верховный Суд, в отличие от Конституционного, был ограничен в сроках рассмотрения исков по избирательной кампании). Думается, такое решение связано с тем, что блок не рассчитывал на сколько-нибудь заметные результаты и сделал чисто рекламный ход. Кандидаты блока продолжили борьбу по одномандатным округам⁵³⁴, но также не достигли успеха.

Бурную реакцию коммунистов вызвало выступление Президента Ельцина на пресс-конференции 19 октября 1995 г., на которой, отвечая на вопрос о возможности победы коммунистов на выборах, Ельцин заявил: "Мы не должны этого допустить". 20 октября 1995 г. Центральный комитет Коммунистической партии РФ выступил с заявлением, в котором назвал это недопустимым вмешательством высшего должностного лица государства в предвыборную борьбу. Однако левые оппоненты КПРФ из блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" считали, что это заявление направлено не против КПРФ: "Только последний дурачок может подумать, что он имел в виду Зюганова", – заявил по этому поводу А.А. Сергеев.

Взаимоотношения между коммунистическими блоками

Основная борьба развернулась между организациями, пытающимися занять одну и ту же политическую нишу. Например, основными конкурентами КПРФ являлись: "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!", Аграрная партия (АПР), "Власть – народу!", Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), Объединение "Держава", Конгресс русских общин (КРО) и Партия самоуправления трудящихся (ПСТ). Однако большинство этих организаций объявлялись руководством КПРФ "союзниками". Так, 21 октября 1995 г. на встрече депутатов Госдумы от КПРФ

с членами Московского городского и областного отделений общества "Российские ученые социалистической ориентации" (РУСО) сопредседатель РУСО Иван Осадчий выразил сожаление, что рекомендации РУСО по объединению всех коммунистов в один блок не были услышаны (в выступлениях депутатов звучали и намеки на неуступчивость РКРП). 1 ноября 1995 г. на заседании Федерации коммунистов – работников учебных, научных и творческих организаций работник аппарата ЦК КПРФ Александр Уваров назвал среди потенциальных стратегических союзников, в которыми никоим образом не следует ссориться, "Власть – народу!", "Державу", КРО, АПР, а также часть ЛДПР. Главными противниками он считал КРО (а не объединение "Наш дом – Россия"), но с КРО рассчитывал договориться. Блок "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" не был назван среди способных преодолеть 5-процентный барьер. В тот же день Г.А. Зюганов на встрече с избирателями в числе одного из возможных союзников назвал КРО. О возможных отношениях с радикальными коммунистическими организациями как в период выборов, так и после, он при этом умолчал.

Фактически КПРФ в отдельных регионах блокировалась с КРО, АПР, "Женщинами России" и "Блоком Станислава Говорухина", с которыми активно практиковалось согласование кандидатур по отдельным избирательным округам. Наиболее жесткое противостояние с ее стороны было с блоками "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" и "Власть – народу!".

Блок "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" в наиболее консолидированном виде представлял непримиримую коммунистическую оппозицию, выступавшую под лозунгами: отмена всех результатов реформ, прежде всего итогов приватизации, восстановление общенародной собственности, бесплатной медицины, образования и т.п.; восстановление СССР и Советской власти; ликвидация президентской власти; прекращение войны в Чечне. В этом смысле блок противостоял не только правительственным блокам, но и КПРФ, выступавшей против введения частной собственности на землю, за прекращение нынешнего курса реформ, но против пересмотра их социально-экономических результатов.

Между лидерами блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" до конца выборов так и не было достигнуто согласие в вопросе о поддержке КПРФ: считать ли ее потенциальным союзником или разоблачать как оппортунистов. Лидеры проводили различную политику. Например, 6 сентября 1995 г. на пресс-конференции руководителей блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" в редакции газеты "Правда" А.А. Сергеев заявил, что блок "не пойдет навстречу пожеланиям руководства КПРФ – воздерживаться от взаимной критики, и будет критиковать руководство КПРФ, ее программные документы и ее курс, выгодный и национальной, и компрадорской буржуазии", а 10 сентября 1995 г. на традиционном митинге-"цепочке" у памятника К. Марксу в Москве Б. Гунько высказал мнение, что никакого соглашения с КПРФ на этих выборах быть не должно. 11 сентября 1995 г. на заседании Политклуба МГК КПСС, посвященном обсуждению вопросов подготовки к выборам, А.А. Пригарин предложил участникам заседания ответить на вопрос: какой тактики из двух возможных следует придерживаться по отношению к КПРФ: "миролюбивой" (говоря, что КПРФ – наш ближайший сосед) или "агрессивной", отметив, что этот вопрос не касается возможной блокировки на местном уровне. Виктор Исайчиков ("Марксистская платформа") предложил вести жесткую критику программы КПРФ при мягкой персональной критике кандидатов. Сергей Черняховский призвал воздерживаться от жесткой критики КПРФ. Большинство выступавших высказывались за жесткую критику КПРФ. Говорилось, что приход к власти КПРФ дискредитирует саму коммунистическую идею, но в то же время звучали высказывания против "грубой критики" КПРФ, призывы не выпячивать разногласия, чтобы не создавать впечатления склок среди коммунистов. Использовать критику рекомендовалось только тогда, когда задают вопрос, чем отличаются левые коммунисты от КПРФ⁵³⁵.

Многие лидеры блока № 36 высказывали мысль, что из 43 избирательных объединений 42 выступают за продолжение реформ, и только один блок выступает за возвращение на социалистический путь развития⁵³⁶. "Козырной картой" блока было также наличие в нем некоторого числа рабочих (по словам лидеров, "больше, чем в остальных 42-х вместе взятых").

Блок "Власть – народу!" встречал менее враждебное, чем КПРФ, отношение со стороны левых коммунистов, хотя 3 сентября 1995 г. на традиционном митинге-"цепочке" у памятника К. Марксу в Москве Б. Гунько и заявил, что название блока Рыжкова "Власть – народу" означает "демократия", "а это – почти что "Демроссия"⁵³⁷. На пресс-конференции руководителей блока "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" 6 сентября 1995 г. А. Крючков, говоря об

отношении к другим оппозиционным силам, назвал Рыжкова "некоммунистом", но заявил, что вражды с блоком "Власть – народу!" не будет, хотя не будет и тесного сотрудничества.

Сам С. Бабурин высказывался за проведение консультаций со следующими организациями: КПРФ, "Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!", Национально-республиканская партия России (НРПР), "ХДС – Христиане России", "Профсоюзы и промышленники России – Союз Труда", "Мое Отечество", АПР и призвал те структуры блока, где от него не выдвинуты кандидаты по одномандатным округам, содействовать тому, чтобы в каждом округе остался один кандидат от народно-патриотических сил.

Взаимоотношения между коммунистическими блоками (2)

Что касается тактики предвыборной борьбы, то блок "Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!", являвшийся одним из самых бедных блоков, вел избирательную кампанию в основном в ходе уличных акций и активно использовал официальные возможности встреч с избирателями в округах. 12 ноября 1995 г. на традиционном митинге-“цепочке” в Москве Юрий Картушин призвал вести агитационную работу в очередях, используя тот факт, что в Москве вновь повысились цены на хлеб. 10 декабря 1995 г. на митинге-“цепочке” Ю.Г. Худяков призвал писать от руки листовки с призывами голосовать за блок №36, и, отметив, что при проведении выборов и так масса нарушений, посоветовал вешать эти листовки, либо писать мелом надписи на стенах домов накануне выборов вблизи избирательных участков.

ВКПБ Н. Андреевой еще летом 1995 г. приняла решение о бойкоте выборов. В начале октября 1995 г. на заседании Роскомсовета в Петербурге Н. Андреева разъяснила, что партия в выборах не участвует, но члены ВКПБ могут по своему желанию участвовать в предвыборной деятельности. Многие активисты партии на местах активно агитировали за блок "Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!". О бойкоте выборов заявила также Большевицкая платформа в КПСС. Ни та, ни другая организация серьезных акций активного бойкота выборов не предпринимали, скорее, это было игнорирование выборов. Лишь 7 ноября 1995 г. в ходе демонстрации на Невском проспекте в Санкт-Петербурге и митинге на Дворцовой площади ВКПБ вела агитацию за бойкот выборов в Думу с собственной звукоусилительной установки.

В ходе предвыборной кампании в ряде регионов, например, в Ульяновске, наблюдалось жесткое противостояние КПРФ с партиями Роскомсоюза. Члены КПРФ отказывались распространять газеты других компартий и даже подписывать подписные листы за блок "Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!".

30 октября на математико-механическом факультете СП(б)ГУ состоялась встреча с кандидатом в Думу от блока "Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!", представителем РПК А.В. Протасовым. В ответ на упреки представителей КПРФ в противостоянии коммунистических кандидатов, в частности, по 208-му одномандатному округу – Протасова и кандидата от КПРФ, депутата Думы первого созыва Евгения Красницкого, Протасов обвинил Красницкого в отказе в августе 1991 г. привести группу коммунистов защитить Смольный, и заявил: "Когда я услышал, что он на встречах поливает нас грязью, вплоть до заявлений, что РПК получает деньги от английских троцкистов, я понял, что снимать кандидатуру не должен".

18 ноября 1995 г. на митинге РКРП в Санкт-Петербурге Г. Турецкий сообщил: в 209-м округе, несмотря на официальное решение городского руководства КПРФ поддержать Юрия Терентьева (РКРП), члены КПРФ предпочитают помогать председателю профкома АО "Ленинградский металлический завод" члену КПРФ Б. Васильеву, которого поддерживает также блок "Профсоюзы и промышленники России – Союз труда". Причем иногда представители КПРФ срывают терентьевские плакаты и листовки более активно, чем "демократы".

Примеры противостояния кандидатов двух коммунистических блоков наблюдались также в Ленинградской области, где Андрей Маркушев (РПК) был соперником Юрия Белова (КПРФ), и в ряде других областей. В Рязанской области КПРФ и АПР не конкурировали между собой, однако в одном округе КПРФ конкурировала с "Коммунистами – “Трудовой Россией” – За Советский Союз!" и "Власть – народу!". В Саратовской области кандидат КПРФ в одном из округов конкурировал с В. Анпиловым и кандидатом АПР.

В Самаре в одном округе конкурировали независимый кандидат, член КПРФ и кандидат блока "Союз коммунистов", в результате чего победил представитель "партии власти". Случаи, когда конкуренция коммунистических кандидатов приводила к победе представителей "партии власти", имели место и в других регионах.

* * *

Как и ожидалось, наибольших успехов на выборах добилась КПРФ. Блок "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!" вплотную подошел к 5-процентному рубежу, что было для него несомненным успехом, однако по одномандатным округам провел в Думу лишь одного кандидата. Такой результат, видимо, связан как с неверием самих лидеров блока в возможность привлечь более пяти процентов голосов, так и с тем, что многие кандидаты, выдвинутые от блока по одномандатным округам, не могли быть названы значительными политическими фигурами даже на местном уровне.

Коммунисты полностью проиграли в Москве, Петербурге (в Московской и Ленинградской областях прошли и коммунистические, и демократические кандидаты), Свердловской области, Челябинской области (последнему, вероятно, способствовала поддержка местным руководством РКРП Конгресса русских общин).

21 декабря 1995 г. на заседании оргбюро Московского комитета РКРП В.И. Анпилов, комментируя итоги выборов, оценил РКРП как вторую силу в оппозиции после КПРФ. К тому же многие избиратели – сторонники РКРП из тактических соображений голосовали за КПРФ, опасаясь, что РКРП не наберет 5 процентов и их голоса пропадут. Работу РКРП Анпилов оценил как более эффективную, чем КПРФ, поскольку на каждого активиста РКРП приходится в несколько раз больше голосов избирателей, чем на члена КПРФ.

Президентская кампания

Практически сразу после подведения итогов парламентских выборов началась новая кампания – по выборам Президента. Уже 28 января 1996 г. на съезде движения "Трудовая Россия" и делегаты, и гости, и корреспонденты в первую очередь интересовались позицией "Трудовой России" и РКРП на предстоящих президентских выборах. В выступлениях наблюдалась почти всеобщая готовность поддержать единого кандидата левых и патриотических сил, но только при условии официальной и безоговорочной поддержки им пяти сформулированных РКРП принципов, а также глубокое недоверие к КПРФ при очень редких прямых нападках в адрес ее руководства (в кулуарах высказывались гораздо более жесткие мнения о руководстве КПРФ). А.В. Крючков сообщил, что РПК не намерена выдвигать своего кандидата в президенты, а поддержит общего кандидата левых сил, предложил не поддерживать безоговорочно "общего кандидата", которого им предложит КПРФ, а создать координационный совет левых сил по его выдвижению, который примет совместное решение. А.А. Пригарин сказал, что РКП–КПСС первоначально приняла решение поддержать кандидатуру, предложенную РКРП, но теперь поддерживает инициативу Крюčkова. На заключительном этапе работы съезда В.И. Анпилов сообщил, что представители участвовавших в его работе партий и движений подписали решение о проведении 4 февраля 1996 г. консультаций о выдвижении совместного кандидата. Его подписали Виктор Зоркальцев (КПРФ), Алексей Пригарин (РКП–КПСС), Анатолий Крючков (РПК), Виктор Тюлькин (РКРП), Виктор Анпилов ("Трудовая Россия"), Станислав Терехов (Союз офицеров), Владимир Страдымов (ОФТ), В.Н. Дьяченко (Ленинская платформа в коммунистическом движении). Выступивший позже Владимир Милосердов (Русская партия) заявил о желании присоединиться к координационному совету по выдвижению единого кандидата в президенты⁵³⁸.

Одновременно Анпилов также выдвинулся кандидатом в президенты (формально был выдвинут группой избирателей в г. Балаково Саратовской обл.), заранее заявляя при этом, что снимет свою кандидатуру в пользу единого кандидата. Этот поступок был мотивирован, во-первых, шансом использовать пропагандистские возможности, которые дает избирательная кампания, и, во-вторых, необходимостью давить на единого кандидата (в качестве которого он предполагал Г. Зюганова) слева, чтобы он не сдвигался вправо: "Одно дело на Зюганова давить, имея за собой миллион подписей, а другое дело – условных три миллиона проголосовавших на выборах"⁵³⁹.

В течение февраля проходили консультации о выдвижении единого кандидата. Тем временем Политисполком СКП–КПСС принял решение о выдвижении в качестве единого кандидата Г. Зюганова. В. Тюлькин голосовал против этого решения, считая его преждевременным. Пленум ЦК РКРП принял решение о необходимости выдвижения единого общекommунистического кандидата (с согласованием, по возможности, также и с частью патриотической оппозиции). При этом РКРП, проводя сбор подписей в его поддержку, планировала одновременно собирать подписи в поддержку своих "пяти принципов", чтобы предъявить их единому кандидату в качестве требований.

11 февраля 1996 г. на очередном совещании руководителей партий и общественно-политических организаций было принято решение, что “кандидатом на пост президента РФ от коммунистических, левых и народно-патриотических сил России должен быть один лидер, который будет опираться на эти силы и сформулированные ими принципы предвыборной платформы:

1. Восстановление народовластия в форме Советов и последующей ликвидации поста президента;
2. Возвращение народу незаконно приватизированной собственности, переход страны на социалистический путь развития;
3. Обеспечение социальных прав и гарантий трудящимся и малоимущим;
4. Гарантированное обеспечение национальной безопасности страны и личной безопасности граждан; прекращение всех военных конфликтов на территории страны; ликвидация коррупции и организованной преступности;
5. Воссоздание братского Союза советских народов”⁵⁴⁰.

13 февраля 1996 г. в Москве прошло совещание лидеров оппозиции, посвященное вопросу о выдвижении Г.А. Зюганова единым кандидатом в президенты от левых и патриотических сил. Присутствовали: Г.А. Зюганов, Ю.П. Белов, В.А. Купцов, В.И. Анпилов, В.А. Тюлькин, А.А. Проханов, М.И. Лапшин, Н.И. Рыжков, А.М. Тулеев, С.Н. Бабурин, В.И. Зоркальцев, О.С. Шенин и др. Представители РПК и РКП–КПСС не были приглашены на совещание.

Когда В. Тюлькин поставил перед Зюгановым вопрос: включит ли он в свою программу известные пять принципов РКП, Александр Проханов, Михаил Лапшин и другие резко выступили против, заявив, что “народ нас не поймет”, “это опять парткомы”, “мы не наберем голосов” и т.п.

Итоговое заявление, в котором Зюганов признается единым кандидатом от оппозиции, подписали все участники совещания, кроме Тюлькина, заявившего, что готов подписать от имени РКП программу единого кандидата, но не подпишет за кандидата без программы. Анпилов подписал заявление от имени “Трудовой России”.

РКП решила поддержать при сборе подписей А.М. Тулеева, который принял пять принципов РКП, с тем, чтобы в случае регистрации Тулеева использовать предоставленные ему СМИ для своей пропаганды. При этом сразу предполагалось, что на заключительном этапе Тулеев снимет свою кандидатуру.

2 марта 1996 г. пленум ЦК РКП–КПСС поддержал линию на выдвижение единого кандидата и создание единого блока левых сил, но счел нецелесообразным поддержать Зюганова без предварительных договоренностей. Вопрос о конкретной кандидатуре постановили решить после 15 апреля 1996 г., когда определится спектр кандидатов, с учетом решений партий и движений – союзников РКП–КПСС, прежде всего РКП. Главной задачей партии поставлена работа по обеспечению единства партий Роскомсоюза и других организаций, входивших в блок “Коммунисты – “Трудовая Россия” – За Советский Союз!”.

Президентская кампания (2)

Лидеры радикальных коммунистов продолжали проводить совещания (от КПРФ в них участвовал В.И. Зоркальцев) с целью добиться от Зюганова подписания совместного обращения. На совещании 1 марта 1996 г. Зоркальцев заявил, что руководство КПРФ не видит смысла в подписании этого документа, и ушел с совещания. Дата следующего совещания назначена не была, а 4 марта на совещании представителей оппозиционных лидеров, организованном КПРФ, состоялось подписание декларации в поддержку Зюганова. Из левокоммунистических лидеров были приглашены лишь В.И. Анпилов и В.А. Тюлькин (пришел только Анпилов). Декларацию в индивидуальном порядке подписали около 20 человек, в основном члены КПРФ, а также представители АПР, “Народного альянса” и Московской организации Союза советских офицеров. Участвовавшие в совещании Анпилов и Бабурин отказались подписать декларацию.

Радикальные коммунисты приступили к созданию блока из партий, входящих в Роскомсоюз, двух Союзов офицеров и нескольких женских организаций. Участники блока собирали подписи за всех коммунистических кандидатов – Виктора Анпилова, Геннадия Зюганова, Петра Романова и Амана Тулеева. Объясняя такую позицию, А. Пригарин подчеркнул, что левый блок создается не против КПРФ, а “чтобы не плестись в хвосте”, и высказал предположение, что если Зюганов будет заявлять, что ищет союзников в центре или справа, левый блок может поддержать и другую кандидатуру, например Святослава Федорова или Александра Лебеда или вообще, по примеру ВКПБ, призвать голосовать против всех. Последнее решение может быть принято также в случае, если по

расчетам окажется, что можно добиться того, что против всех проголосует больше избирателей, чем за каждого кандидата - в этом случае они не будут иметь права выставлять свои кандидатуры в ходе повторных выборов⁵⁴¹.

16 марта 1996 г. в Ленинских Горках под Москвой состоялась встреча секретариата СКП–КПСС с представителями коммунистической, левой и патриотической прессы, на которой руководство СКП–КПСС давало указания представителям прессы, как поддерживать Г. Зюганова (то, что вся коммунистическая, левая и патриотическая пресса обязана его поддержать, воспринималось организаторами априори). Выступившие на встрече представители РКРП критиковали такую позицию. Так, В.А. Тюлькин призвал не употреблять доводы типа "если ты не за Зюганова, значит, за Ельцина", и заявил, что режим Ельцина может сохраниться и с другим лидером. От поддержки единого кандидата РКРП отходить не собиралась, речь шла о степени поддержки. Тюлькин считал, что надо поддерживать не личность, а программу. По его мнению, слишком умеренная позиция, занятая Зюгановым, работает против коммунистов и может способствовать тому, что их электорат поддержит Жириновского или Лебеда. Б.М. Гунько, представлявший газету "Трудовая Россия", также заявил, что необходимо не опускаться до уровня масс, а поднимать массы на более высокий уровень.

В заключительном слове О. Шенин, комментируя слова Ельцина, что он единственный, кто может предотвратить раскол на "красных" и "белых", заявил, что при Советской власти синтез "красной" и "белой" идеи уже произошел и оказался прочным. Он также указал "строптивым" коммунистам, что существует документ, которым должны руководствоваться все партии – члены СКП–КПСС, принятый абсолютным большинством. Если же они не подпишут соглашение о поддержке Зюганова сейчас, может настать момент, когда им скажут, что уже не надо подписывать⁵⁴².

Таким образом, руководство СКП–КПСС перешло к прямому давлению на лидеров РКРП с целью заставить их поддержать Г. Зюганова в качестве единого кандидата оппозиции без всяких условий. Однако радикальные коммунисты держались. 17 марта 1996 г. А. Пригарин, объясняя на митинге позицию РКП–КПСС, подчеркнул, что главное – не прогнать Ельцина, а сменить буржуазный строй на социализм. Его партия поддержит того кандидата, чья программа будет отвечать этому принципу, но поддержит Зюганова в любом случае, если во втором туре он останется против Ельцина. В. Тюлькин отметил: "Вопрос не в поддержке или не поддержке, а в ее форме и степени. Если программы совпадают, надо не только поддерживать, но и брать на себя ответственность за ее реализацию. Может быть, не совсем социалистическая программа. Мы говорим, это шаг вперед по отношению к сегодняшнему дню, но мы на этом не остановимся".

Между тем в руководстве РКРП нарастал конфликт между ЦК и В. Анпиловым. ЦК принял решение о поддержке Тулеева и неодобрительно отнесся как к выдвижению Анпилова ("выдвижение дополнительных левых кандидатов, в частности, Анпилова, сейчас неуместно"), так и к тому, что он подписал документ о поддержке Зюганова без всяких условий. Петербургское руководство РКРП приняло решение не распространять выпущенный в конце февраля номер газеты "Молния", где был напечатан образец подписного листа в поддержку В. Анпилова.

Пленум ЦИК РПК, состоявшийся 30–31 марта 1996 г., также решил не подписывать соглашение о поддержке Зюганова, поскольку радикальные коммунисты не получили возможности участвовать в разработке зюгановской программы.

Тогда же Оргбюро ЦК РКРП приняло Заявление "Против общего врага" (о тактике партии в кампании по выборам президента России), в котором говорилось: "В создавшихся условиях Оргбюро ЦК РКРП считает целесообразным оказать помощь блоку народно-патриотических сил и кандидату Г. Зюганову в президентской кампании... При этом РКРП руководствуется ленинским принципом, что это поддержка союзника против данного врага, что коммунисты оказывают эту поддержку, чтобы ускорить падение общего врага, но они ничего не ждут для себя от этих временных союзников, ничего не уступают им".

Президентская кампания (3)

Такое смягчение позиции руководства РКРП было, по-видимому, связано с тем, что на переговорах с руководством КПрФ удалось добиться некоторого продвижения. Во всяком случае, на митинге 9 мая 1996 г. член ЦК РКРП Владимир Гусев заявил, что у коммунистов нет другого выхода, кроме как "противопоставить режиму наше единство в президентской кампании", поэтому РКРП, понимая, что предвыборная программа Зюганова, являющегося лидером широкого блока,

некоммунистическая, “надеется подписать в ближайшие дни двустороннее соглашение с братской компартией – КПРФ, в котором будет сказано трудящимся, что 16 июня борьба не закончится”⁵⁴³.

В действительности, единственное, что удалось включить РКРП в текст соглашения, подписанного “вторыми лицами” двух партий, – это утверждение о том, что обе партии “будут использовать выборную кампанию для пропаганды идей социализма, Советской власти, для организации борьбы трудящихся за свои права”. Ни пяти принципов РКРП, ни слов о том, что после выборов борьба не закончится, в соглашении не было. Таким образом, РКРП не удалось добиться декларированных целей, но формальное заключение хоть какого-то договора позволило ей “сохранить лицо” при ставшей неизбежной поддержке Г. Зюганова в качестве единственного кандидата.

В последние недели перед выборами в московском пассажирском общественном транспорте можно было наблюдать группы женщин – активисток “Трудовой России”, которые хором исполняли песни, разоблачающие “преступления ельцинского режима” (репертуар их был постоянен) и призывали голосовать за Г.А. Зюганова. После завершения пения женщины также хором произносили “А кто не согласен – чемодан – вокзал – Израиль!”, и выходили из автобуса (троллейбуса, вагона метро) для пересадки в следующий, где все повторялось сначала⁵⁴⁴.

Президентские выборы продолжали бойкотировать Большевицкая платформа в КПСС и ВКПБ. ВКП(б) (А. Лапина) поддерживала Зюганова “без вступления в блок”.

В последние дни перед выборами в СМИ появились сообщения о том, что сталинисты поддерживают Б.Н. Ельцина. На самом деле 28 июня 1996 г. на пресс-конференции председателя Союза советских сталинистов Людмилы Марковой и заместителя председателя, управделами ССС Виктора Федосова было высказано пожелание к представителям левых компартий – выразить свое официальное отношение к оппортунизму руководства КПРФ. Комментируя информацию о поддержке сталинистами Ельцина и принятые Союзом советских сталинистов документы, руководители этого Союза говорили: “Программа и действия руководства КПРФ входят в глубокие противоречия с теорией и практикой коммунистического движения, которая говорит, что голосовать коммунисту за Зюганова нельзя – это значит голосовать против Ленина, против Сталина, против самих себя. Президент Ельцин и так называемая демократия не принесли столько ущерба для дела Ленина – Сталина, сколько его принесли различные формы оппортунизма – от Хрущева до Зюганова”⁵⁴⁵.

После первого тура выборов разразился скандал в связи с сообщением по телевидению о выходе номера газеты “Трудовая Россия” с призывом бойкотировать президентские выборы. Активисты РКРП и “Трудовой России” активно разоблачали эту акцию как “провокацию ельцинского режима”. Например, Ю.Г. Худяков на еженедельном митинге РКРП и “Трудовой России” посвятил свое выступление “фальшивкам в средствах массовой дезинформации: сообщениям о том, что РКРП и “Трудовая Россия” отошли от поддержки Зюганова и призывают к бойкоту второго тура выборов”. Худяков предупредил, что “каждый, кто повторяет в СМИ эту клевету, является уголовной личностью, которая должна будет за свою клевету отвечать перед законом”, сообщил, что Оргбюро ЦК РКРП на заседании 20–21 июня 1996 г. приняло Постановление об усилении агитации против антинародного преступного режима Ельцина, в поддержку единственного кандидата народно-патриотических сил Г.А. Зюганова, и подчеркнул, что поддержка Зюганова, выраженная 16 марта 1996 г. в подписании документа о безоговорочной поддержке Зюганова (подпись В. Анпилова), неизменна. Член ЦК РКРП В.В. Макаров, комментируя фальшивки в СМИ, заявил, что “Трудовая Россия” не могла предать в последний момент и “скорее ляжет на рельсы, чем предаст Зюганова”.

1 июля 1996 г. на предвыборном митинге в поддержку Зюганова, организованном РКРП у музея Ленина, В.И. Гусев рассказал о публикации в “Комсомольской правде” от 28 июня о том, что 25 июня было проведено заседание Оргбюро РКРП и на нем было принято решение о бойкоте выборов, рассказал о программе “Вести”, где также показывали газету “Трудовая Россия” от 26 июня с аналогичным призывом, и официально, как член ЦК РКРП, сообщил, что никаких заседаний ЦК или его Оргбюро после первого тура выборов не проходило, а газета “Трудовая Россия” в июне не выходила вообще⁵⁴⁶. В распространенном руководством РКРП и редакцией газеты “Трудовая Россия” заявлении говорилось: “Очередная фальшивка, растиражированная СМИ на всю страну, призвана с одной стороны, внести раскол в блок народно-патриотических сил, уменьшить шансы кандидата блока Г. Зюганова на победу во втором туре, с другой – настроить миллионы избирателей, поддерживающих Зюганова, против РКРП и движения “Трудовая Россия”.

Редакция газеты “Трудовая Россия” ответственно заявляет, что ни призывов с ее стороны бойкотировать выборы 3 июля, ни даже самой газеты от 26 июня в природе не существует и решительно протестует против подобной фальсификации”.

После РКРП решения о поддержке Зюганова приняли также РПК и РКП–КПСС. В РПК на пленуме ЦИК 6–7 июля 1996 г. был даже поставлен вопрос: носило ли решение предыдущего Пленума ЦИК РПК, рекомендовавшего членам партии голосовать на президентских выборах за Г. Зюганова, обязательный характер. Участники Пленума согласились, что прежнее решение, конечно, носило обязательный характер, но, те, кто это решение не выполнил, не могут преследоваться в уставном порядке, поскольку формулировка "рекомендовать" является нечеткой. По-видимому, постановка этого вопроса связана с тем, что отдельные члены РПК накануне второго тура открыто заявляли, что будут голосовать против обоих кандидатов.

Президентская кампания (4)

Победа Ельцина с большим отрывом оказалась для коммунистов неожиданностью. В.И. Анпилов после выборов заявил, что "победа Ельцина – чисто номинальная, потому что в ходе борьбы он ослабил свои позиции". Союзники Г. Зюганова по блоку говорили о фальсификациях и бесконтрольном использовании государственных средств на предвыборную кампанию Ельцина, о массовой атаке СМИ. Чаще всего о фальсификациях заявляли левые коммунисты, верхушка КПРФ, даже имея такие данные, упоминала о них вскользь. Однако на мероприятиях, в которых участвовали только "свои" или преимущественно "свои", рассматривались и внутренние причины поражения. Критику недостатков осуществляли в основном левое и правое крылья сгруппировавшегося вокруг КПРФ блока. Правые критиковали Зюганова за союз с левыми, которые по их мнению, дискредитировали блок. Левые критиковали Зюганова за недостаточную коммунистичность его программы. Так, В.А. Тюлькин высказал мнение, что союз КПРФ с правыми ничего не дал, и высказал сомнение в том, что такой союз нужен для борьбы за социализм. В более позднем постановлении Оргбюро РКП–КПСС говорится, что "ограниченные результаты народно-патриотического блока – следствие слабости предвыборной платформы Г. Зюганова, отсутствия четкой социалистической ориентации, "размытости" и неопределенности лозунгов, ухода от прямых ответов в ходе дискуссий, вялого противодействия антикоммунистической пропаганде. Фракция КПРФ в Думе, напуганная собственной смелостью и нервной реакцией властей на отмену беловежских соглашений, все оставшееся до выборов время вела себя крайне пассивно". Промежуточную между левыми и правыми позицию занял В.И. Анпилов, который отметил, что антикоммунизму не был дан должный отпор, а национально-патриотическая линия оказалась отданной Ельцину.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ И ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВКАХ

Прежде всего, общей чертой радикальных коммунистических партий можно считать сохранение в названии в том или ином виде слова "коммунистическая". Однако этот принцип нельзя считать абсолютным для выделения из всего спектра левого движения именно радикальных коммунистов. Это слово сохранила в названии и КПРФ, однако радикально-коммунистические партии оценивают ее политические позиции как социал-демократические или даже буржуазные (ВКПБ). Основная критика обрушилась на КПРФ в связи с заявлением Г. Зюганова о том, что "Россия исчерпала лимит на революции". Радикальные коммунисты не считают возможным этот "лимит" "исчерпать", и в этом вопросе их подход более марксистский. Тем не менее, на президентских выборах, в ситуации противостояния "один на один", все они (кроме бойкотировавших выборы) сочли необходимым, безоговорочно или с оговорками, поддержать Г. Зюганова как "меньшее зло".

Практически все организации, возникшие на базе бывшей КПСС, считают события августа 1991 года буржуазной контрреволюцией. По этому пункту с ними расходятся "пролетаристские" группировки – например, Партия диктатуры пролетариата (ПДП) и Партия социального прогресса (ПСП).

Все радикально-коммунистические организации выступают против поста Президента, а также признают внепарламентские методы борьбы основными. Для РКРП, ВКПБ, ВКП(б), равно как и для многих идеологов КПРФ, характерно преувеличение субъективного фактора – "предательства" партийной верхушки – при объяснении причин "реставрации капитализма" и развала СССР.

Основные различия между радикально-коммунистическими партиями и группировками заключаются в оценке степени допустимости частной собственности, в отношении к национальному вопросу, к личности Сталина и к вопросу о возможных союзниках.

Рассмотрим некоторые специфические особенности идеологии отдельных партий и движений радикально-коммунистического спектра. Основным интерес представляют Российская партия коммунистов (РПК) как основной организатор Роскомсоюза и Движения коммунистических и социалистических сил России “Советская Родина”, Союз коммунистов (СК) как основной инициатор процесса воссоздания КПСС, Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) как наиболее многочисленная и влиятельная из радикально-коммунистических партий, и отдельные мелкие радикальные группировки - в качестве экзотики, поскольку читатель вряд ли где-то еще сможет о них узнать.

Из всех радикально-коммунистических партий *Российскую партию коммунистов (РПК)* можно считать наиболее близкой к леводемократическим организациям по программным установкам. Еще в Программном заявлении партии говорилось, что партия “решительно отмежевывается как от буржуазно-либерального и правого социал-демократического, так и от сталинистского, догматического подходов при решении задач общественного развития”, не ставит “перед собой задачу назвать сроки наступления социализма и, тем более – коммунизма”, а борется “за социалистическую направленность развития страны”. РПК выступила “за реальную многопартийность, плюрализм, гласность и свободу слова”. В экономической области она допускала частную собственность и “разгосударствление собственности в интересах трудящихся” и выступала “за законодательное закрепление приоритета отечественных товаропроизводителей”. Говоря, как и другие компартии, о необходимости укрепления обороноспособности страны, РПК явилась, пожалуй, единственной из них, выступившей в данном документе “за сочетание всеобщей воинской обязанности и добровольной контрактной системы с альтернативной службой”⁵⁴⁷.

Документ отразил две тенденции, которые и далее проявлялись в деятельности партии: в вопросах собственности и политических свобод партия примыкает к леводемократическим организациям, а, с другой стороны - к патриотическим. Это проявилось и с коалиционной политике партии. Часть руководства РПК, включая ее лидера Анатолия Крючкова, тяготела к союзу с патриотами-государственниками и умеренными национал-патриотами. РПК участвовала в учредительной конференции Российского общенародного союза и вошла в РОС, первоначально созданный как движение, затем участвовала (весной 1992 г.) в “Объединенной оппозиции”, а осенью 1992 г. вошла во Фронт национального спасения. Практически одновременно по инициативе другой части руководства РПК участвовала в Конгрессе левых демократических сил и настаивала на участии в нем и более левых коммунистических партий, которых организаторы Конгресса не желали там видеть как “экстремистов”. В 1994 г. РПК вошла в Союз народного сопротивления, образованный на базе оргкомитета массовых акций поминовения “Черный октябрь”, также с участием коммунистов (в основном партии Роскомсоюза) и националистов (ЛППВ Скурлатова). Наличие двух тенденций в партийной идеологии привело к постепенному формированию более или менее устойчивых внутрипартийных группировок, одна из которых организовывала все объединительные инициативы, в том числе с патриотами, другая считает невозможным, например, объединение с РКРП и в последнее время развивает контакты с троцкистскими организациями. Среди представителей этого направления есть люди, считающие, что общественный строй бывшего СССР представлял собой не социализм, а государственный капитализм (из других российских партий подобной позиции придерживается МРП).

По отношению к частной собственности *“Союз коммунистов” (СК)* выступал с несколько более левых позиций, чем РПК, в меньшей степени признавая возможность ее существования при социализме. В “Антикризисной экономической программе” СК заявлял о необходимости “восстановить активную роль государства в управлении народным хозяйством” в сочетании с “рыночным саморегулированием”, обеспечивающим “гибкое реагирование на колебания спроса и предложения в пределах основных экономических пропорций”⁵⁴⁸. СК выступал за контроль Советов над органами экономического управления и развитие производственного самоуправления и за строгую обязательность госзаказа для предприятий⁵⁴⁹. Вместе с тем, СК выступал за замораживание цен и проведение “социально-ориентированной” денежной реформы, за введение “потолка” доходов, в частности методом введения прогрессивного налога, за национализацию некоторых видов экономической деятельности, в том числе банковской и страховой, при полной компенсации вкладов мелким вкладчикам⁵⁵⁰, а также за восстановление государственной монополии внешней торговли⁵⁵¹. Допускалось существование коллективной собственности на предприятиях “мелкотоварного

производства, а также “трудовая личная собственность” с допущением наемного труда “лишь в ограниченных размерах, например, на сезонных работах”⁵⁵². Таким образом, Союз коммунистов продемонстрировал “обновленный” подход к социализму. Важнейшей чертой идеологии СК стали неоднократные высказывания лидера Союза Алексея Пригарина о том, что пролетариат по-прежнему является ведущей классовой силой современности, но в нынешних условиях он включает в себя и трудовую интеллигенцию.

СК проявил себя одним из наиболее последовательных сторонников воссоздания СССР “в обновленном виде” – в качестве “добровольного федеративного объединения суверенных республик”, признавая, что “после смерти Ленина СССР приобрел черты унитарного государства”. С идеей восстановления СССР во многом была связана и лидирующая роль СК в процессе воссоздания КПСС: возрожденная партия оценивалась как средство для восстановления СССР.

Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (2)

СК и созданная при его активном участии *Российская коммунистическая партия - КПСС (РКП-КПСС)* и сейчас представляют собой более интернационалистскую линию в коммунистическом движении по сравнению с другими партиями “после КПСС”. Состав РКП-КПСС, как и других радикально-коммунистических партий, довольно пестр. РКП-КПСС вошла в Движение коммунистических и социалистических сил России “Советская Родина” вместе с весьма тяготеющим к “патриотизму” Союзом офицеров, но в то же время продолжает поддерживать контакты с некоторыми активными антифашистскими организациями (в частности, газета “Рабочий антифашист” выходила в качестве приложения к изданию СК “Голос коммуниста”). Как и многие другие коммунистические организации, СК стоит на позициях “советского государственного патриотизма”, но в отличие, например, от значительной части членов КПрФ и РКРП, также считающих себя “советскими патриотами”, весьма настороженно относится к национал-патриотам.

Программу *Российской коммунистической рабочей партии (РКРП)* нельзя назвать свободной от уступок национал-патриотам: в ней содержится ритуальное для “патриотических” организаций упоминание о “жандармской” политике “мирового империализма и сионизма”⁵⁵³ (как показала практика, упоминания о “сионизме”, как правило, являются замаскированной формой проявления антисемитизма). Однако в настоящее время ведется работа по внесению изменений в Программу. Это, по-видимому, связано с тем, что авторы проекта, на основе которого построена принятая в свое время РКРП Программа, исключены из партии несколько лет назад. Статья В. Тюлькина в “Трудовой России” среди 10 важнейших принципов РКРП напоминает о принципе “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и о единстве “трудящихся всех национальностей”⁵⁵⁴. Возможно, раскол с группировкой В. Анпилова послужит в какой-то мере очищению РКРП от излишне “патриотических” элементов. Лозунг “национально-пропорционального представительства”, похоже, остался в монопольном владении национал-патриотов и Анпилова.

Отличительной чертой РКРП является упоминание о лидирующей роли рабочего класса в борьбе трудящихся. В статье Тюлькина упоминается также, что борьба рабочего класса должна вестись под руководством его авангарда – коммунистической партии, “соединяющей марксистско-ленинскую науку об обществе с рабочим движением”⁵⁵⁵. Активисты РКРП, как правило, активно участвуют в мероприятиях памяти Сталина и превозносят его как одного из величайших исторических деятелей XX века, однако одним из основных отличий РКРП от ВКПБ является тезис о том, что в 30-е годы была ликвидирована Советская власть, заключающаяся в избрании Советов через трудовые коллективы. РКРП выступает за то, чтобы “утвердить собственность трудящихся на средства производства, преодолеть наемный характер труда”⁵⁵⁶.

С отношением к Сталину связано исходно негативное отношение активистов РКРП, как и некоторых других просталинистских партий, к самому понятию “троцкизм”: даже озвучивая (не подозревая об их происхождении) некоторые исходно троцкистские лозунги, активисты таких партий неизменно говорят об “антинародной” и “мелкобуржуазной” сущности троцкизма (РКРП и “Трудовая Россия” добавляют определение троцкизма как “сионистской” идеологии).

Программа РКРП констатирует, что после принятия Конституции 1936 года Советская власть “...могла действовать в интересах рабочего класса лишь постольку, поскольку эти интересы выражала коммунистическая партия”⁵⁵⁷. Тезис об отмене Советской власти в 30-е годы подвергся критике как со стороны ВКПБ (и ВКП(б)), так и со стороны авторов отвергнутого проекта Программы (Ричарда Косолапова и Игоря Хлебникова), издававших в 1992 г. газету “Воля”, в которой утверждали:

“Сомнительную заслугу “протаскивания парламентской системы” не надо отнимать у Горбачева. Он имел возможность исправить ошибки предшественников и вернуть трудовым коллективам их советобразующую функцию, но поступил совсем наоборот”⁵⁵⁸. Сторонники Косолапова и Хлебникова образовали внутри РКРП “Ленинскую платформу”, которая затем вошла в состав КПРФ и существует ныне как “Ленинская позиция в коммунистическом движении”.

Критике слева подвергается также тезис Программы о социализме как незрелом коммунизме, при котором “каждый объективно заинтересован как в росте общественного богатства, так и в увеличении своей доли в нем, хотя бы и в ущерб интересам всех остальных членов общества”⁵⁵⁹. Критики из “Воли” оценивали этот тезис как “троцкистский”, а один из идеологов нынешней ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б) Валентин Сахаров усматривает в нем “воинствующий индивидуализм”, “наговор на социализм и на людей социалистического общества”, за которым “проглядывает ехидно улыбающийся анархо-синдикалист, ставший в боевую позицию против конкурентов – своих братьев по классу”⁵⁶⁰.

“Патриотизм” в Программе РКРП проявляется, например, в тезисе о том, что проблемы, возникшие в ходе “перестройки”, представляют собой “осуществление давнего замысла империалистических держав: расчленив СССР, Россию на ряд карликовых государств, столкнуть их в разряд стран “третьего мира” и беспрепятственно грабить наши народы”⁵⁶¹. В Программе РКРП утверждается, что для нашего народа “коммунизм... является воистину патриотической идеей”⁵⁶².

Программа РКРП констатирует, что “коммунисты признают право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения”⁵⁶³, но “партия обязана в то же время разъяснять трудящимся всех национальностей нашей страны, что свободными они могут быть только объединившись в единый Союз”. На практике на митингах РКРП, особенно после начала войны в Чечне, наряду с призывами (преимущественно В. Анпилова, в то время еще члена РКРП) превратить “войну империалистическую в гражданскую”, звучали и высказывания о том, что “право наций на самоопределение” – тезис устаревший, если не вовсе ошибочный.

Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (3)

Одно из положений партийной программы, впоследствии оказавшееся в основе споров с Анпиловым, – оценка “попыток уйти от обязанности служить своему классу, поставить партию над ним и заставить класс служить партии”⁵⁶⁴ как проявлений мелкобуржуазности в партии. В 1996 г. в центре внутрипартийных дискуссий оказался вопрос: что выше – класс или партия? Утверждение Анпилова, что класс выше партии (прямо вытекающее из указанного тезиса партийной программы) было оценено как “хвостизм” и попытка поставить партию под контроль неразвитых и несознательных рабочих. Впрочем, на деле исключен Анпилов был не за это. Его взаимодействие с национал-патриотами стало настолько активным, что начало сильно дискредитировать партию (достаточно, например, вспомнить, что альтернативную РКРП организацию “Трудовой России” в Санкт-Петербурге возглавил не кто иной, как бывший член ЛДПР Вячеслав Марычев), не последнюю роль сыграли и личные трения с Тюлькиным. Однако то, что Анпилов во внутрипартийной борьбе использовал программные положения РКРП, стало еще одним поводом для пересмотра самой Программы. Ныне часть активистов РКРП, в том числе лидер РКСМ П. Былевский, утверждают, что Программа была верна для своего времени, но с тех пор ситуация в России изменилась.

В Программе содержится ряд положений, которые позднее в гипертрофированном виде мы встретим в программах еще более радикальных группировок. Так, в абзаце о нравственности утверждается, что “человек не может считаться нравственным, если он... отстраняется от борьбы рабочего класса и его союзников за справедливость и счастье для всех”. Говоря об участии трудящихся в государственном управлении, авторы программы планируют “переход на базе роста производительности труда к 6-часовому рабочему дню при обязательстве трудящихся сверх того уделять два часа ежедневно, без особого вознаграждения, изучению теории, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству”⁵⁶⁵.

Одним из удивительных моментов является отсутствие в Программе тезиса о диктатуре пролетариата, тогда как в “Манифесте советских коммунистов” В. Анпилова, написанном, как признают многие члены РКРП, во многом на базе партийной программы, этот тезис присутствует (на прошедшей в конце марта 1997 г. Московской городской конференции РКРП по настоянию Бориса Гунько было принято предложение к съезду о внесении этого тезиса в Программу). Анпилов, как и

многие сталинисты, считает началом перерождения советской власти XX съезд КПСС. В “Манифесте” присутствуют и характерные для “патриотического” движения термины “компрадорский капитал”, “золотой миллиард” и т.п. (надо отметить, что само понятие “золотой миллиард” напоминает тезис национал-социалистов о “нациях-буржуях” и “нациях-пролетариях”). Как и в программе РКРП, здесь содержатся упоминания о “партмаксимуме” и отсутствии привилегий⁵⁶⁶.

В последние годы часть активистов РКРП (из числа бывших членов “Единства – Б. Гунько, лидер РКСМ П. Былевский и некоторые другие), а также лидер Большевицской платформы (БП) Т.М. Хабарова проявляют определенный интерес к маоизму, идеям чучхе и прочим постсталинистским идейным течениям. Для РКСМ Былевского характерна активная пропаганда радикализма, не всегда “идейно выдержанного”. Так, в издаваемой им газете “Бумбараш-2017” постоянно публикуются материалы о зарубежных повстанческих и террористических организациях. Программа РКСМ пока находится в стадии разработки, поскольку, пока РКСМ был общей молодежной организацией КППФ и РКРП, в ней не было необходимости, и вопрос встал лишь после раскола на РКСМ Былевского, ориентированный на РКРП, и РКСМ И. Малярова, ориентированный на КППФ.

Для *ВКПБ Н. Андреевой* и *ВКП(б) А. Лапина* Сталин является идейным кумиром. В Программе ВКПБ после перечисления достижений СССР при Сталине говорится: “Идеологической увертюрой реставраторских процессов стала антисталинская кампания, развернувшаяся после XX съезда КПСС”. В вопросе о собственности Программа непримирима: “Так как вопрос о собственности есть вопрос о власти, то никакого “разгосударствления”, никакой частной собственности на орудия и средства производства, никакой приватизации, т.е. никакой передачи или продажи общественной собственности частным предпринимателям или иностранному капиталу быть не может”. Делается лишь небольшая уступка фермерам: “Возникновение единоличных (фермерских) хозяйств можно считать целесообразным там, где это вызвано национальными традициями и экономической целесообразностью”, но без купли-продажи земли и без наемного труда. ВКПБ озабочена также вопросом “преодоления иностранной кабалы”⁵⁶⁷.

Идеолог ВКП(б) Сахаров опубликовал в анпиловской газете “Молния” статью, в которой пытался доказать, что все последние работы В.И. Ленина, в которых содержалась критика Сталина, являются фальшивкой⁵⁶⁸.

В. Сахаров критикует идеологов РКРП и “Трудовой России” (в частности, Анпилова) также за “лозунги типа “Вся власть – рабочим” (Анпилов не раз водил под этим лозунгом демонстрации в Москве)”, которые “объективно разъединяют и противопоставляют (в полном соответствии с программой РКРП) рабочих и ИТР” и будут “способствовать развитию “спецедействия”... В условиях такого противостояния... трудно рассчитывать на то, что ИТР будут трудиться... с полной отдачей сил... Их враждебность к такому государству и рабочему классу будет гарантирована уже тем, что... их положение в социалистическом обществе в социальном плане будет совершенно бесперспективным... Что имеет рабочий? Он собственник своего предприятия. Что имеет ИТР? Он остается наемным работником на своем предприятии... В этих новых социальных отношениях... очень ярко проявляется мелкобуржуазная сущность анархо-синдикалистской трактовки социализма. Суть ее – в превращении рабочих из класса эксплуатируемых в новый эксплуататорский класс”⁵⁶⁹.

Любопытная особенность проявилась в последнее время в идеологии как ВКПБ, так и ВКП(б): это идеологическое оправдание дефицита. Так, в первом номере журнала “Просвещение” (издание Роскомсоюза) в материале, представленном ВКПБ, проводится мысль, что дефицит при социализме – это двигатель развития производства: “Ножницы между потребностями населения и возможностями производства проявляются в разнообразных формах дефицита материальных благ и ресурсов. Этот дефицит является основным двигателем производительных сил в бесклассовом обществе.”⁵⁷⁰ В принятой на XX съезде ВКП(б) (Лапина) Программе утверждается: “Принцип коммунистического общества “от каждого по способностям, каждому по потребностям” коммунисты понимают... в смысле широкого и равного доступа всех членов общества к материальным и духовным благам, которыми в каждый данный момент располагает общество... планирование производства и распределения не может преследовать цель полного устранения дефицита потребительских продуктов и услуг... Чтобы исключить социальную несправедливость в распределении и в то же время использовать остаточный дефицит как стимул развития общественного производства, планирование должно быть направлено на минимализацию социального ущерба от неизбежного дефицита”.

Программа ВКП(б) возрождает народнический тезис о том, что в России начала века "представилась редчайшая возможность соединить новый коллективизм пролетариата с архаическим коллективизмом крестьянской общины, не убитым до конца капиталистическим развитием деревни". XX съезд КПСС называется оппортунистическим за критику теории "обострения классово-борьбы" по мере движения к социализму.

В Программе делаются определенные уступки "патриотической" идеологии. Право наций на самоопределение признается в Программе "приоритетным перед правом наций на образование самостоятельного государства". Реализация права на самоопределение предлагается в такой форме: "нации, войдя в состав унитарного государства и реализовав таким образом свое право на самоопределение, официально отказываются от его использования в будущем ради интересов победы социализма и коммунизма". Рассматривая возможные варианты социалистической революции, "большевики" в качестве одного из них называют начало революции как "национально-освободительной". Уставной обязанностью члена ВКП(б) является борьба с "сионизмом".

В программе ВКП(б) присутствует как лозунг диктатуры пролетариата, так и трактовка пролетариата как класса, включающего работников умственного труда, лишенных средств производства. Отличие ВКП(б) от других радикальных коммунистов, в том числе и их исторических предшественников, состоит в том, что, по их Программе, Советы как органы диктатуры пролетариата "в первое время смогут в полной мере выполнять только функции органа политической власти и лишь частично функции оперативного управления", поэтому придется использовать старый государственный аппарат, а для этого уже сейчас надо "проникать" в него.

ВКП(б) признает "необходимость существования в переходный от капитализма к социализму период многоукладной экономики, а значит, и сочетания рыночных и плановых методов регулирования и управления". Однако приватизацию предлагается признать "в законодательном порядке... недействительной" и ликвидировать ее последствия. Предусматривается также "национализация всех земель, перешедших в частную или групповую собственность после 1991 года"⁵⁷¹.

Черты сходства и различия коммунистических партий в идеологических вопросах и программных установках (4)

Идеология *Всесоюзной коммунистической революционной рабочей гвардии большевиков (ВКРРГБ)* за время ее существования эволюционировала от "марксизма-ленинизма-сталинизма" к выборочно-критическому отношению к сталинизму, однако сохранила характерное для сталинистских организаций негативное отношение к троцкизму. Одним из наиболее выдающихся идеологов большевизма они считают Энвера Ходжу, обвиняя другие коммунистические организации в замалчивании его выдающейся роли в построении "государства диктатуры пролетариата". По отдельным вопросам ВКРРГБ примыкает к "пролетаристским" группировкам.

"Марксизм-ленинизм-сталинизм" присутствовал в Программном заявлении ВКРГБ (тогда в названии отсутствовало слово "революционная"), опубликованном еще в первом номере ее газеты "Пролетарий". В "программе-максимум" предусматривался "переход от товарно-денежных отношений к бестоварным, что значит: а) вместо продажи товаров – распределение продуктов; б) вместо денег – электронные (или магнитные) индивидуальные трудовые карточки; в) вместо капиталистической меры труда, денег – социалистическая мера труда, рабочее время"⁵⁷².

Опубликованная годом позже Программа представляет собой несколько переработанное Программное заявление, в котором вместо "марксизма-ленинизма-сталинизма" фигурирует уже "марксизм-ленинизм-большевизм". Несколько более подробно излагается "программа-максимум", например, подробно объясняющая, что "большинство, три четверти (3/4) в партии и руководстве партии, ... во всем управленческом аппарате должны составлять революционные рабочие". И они, и управленцы из нерабочих должны полдня работать на заводе, а полдня управлять. К числу причин "буржуазной контрреволюции" относится "постепенное отстранение от власти рабочего класса... постепенное создание класса "теневого" буржуазии, ее легализация и приход к власти" и "развитие товарно-денежных отношений в сторону капитализма, усиление личной и частной собственности", а также "внешние" причины - "классовая борьба мирового империализма (капитализма) против мирового социализма"⁵⁷³.

ВКРРГБ, в отличие от большинства сталинистских организаций, не поражена национализмом и шовинизмом, она заявляет о необходимости участвовать в антимоноархическом и антифеодальном движении. Ставятся также цели антифашистской борьбы. Однако марксистский тезис "пролетариат

не имеет отечества" организация считает устаревшим в связи с созданием СССР, трактуемого как "отечество всех рабочих". ВКРРГБ "признает право выхода народов из буржуазных государств, в том числе на территории СССР, на которой временно реставрирован капитализм", но борется "за нерушимое единство нового революционного рабочего Союза Советских Социалистических Республик"⁵⁷⁴.

После взятия власти ВКРРГБ планирует "установление диктатуры пролетариата", экспроприацию частной собственности, восстановление колхозов и совхозов, с тем чтобы и колхозную собственность постепенно перевести в государственную, "смертную казнь (расстрел) за насилие над женщиной (это преступление опаснее для общества, чем убийство)". Для "всех пролетарских управленцев" будет введен "партмаксимум", даже при коммунизме: "уровень потребления чуть ниже среднего рабочего".

Уже после выхода в свет Программы ВКРРГБ в марксистскую теорию был внесен новый вклад: высшей ступенью развития общества станет не коммунизм, а "революционный рабочий большевизм", который будет не только одноклассовым, но и однопартийным. Освещению проекта "классовой переделки" всех людей в рабочих была посвящена статья "Все станут рабочими" в газете "Рабочий-большевик", сменившей в начале 1996 года "Пролетарий". ВКРРГБ отвергает как "оппортунистический" тезис о бесклассовом коммунизме: "ВКРРГБ будет решительно бороться против устаревшего термина "бесклассовый" коммунизм", который направлен "на деклассирование рабочего класса". Каждому придется работать: "6 часов – фрезеровщиком на заводе, 2 часа – конструктором в КБ". Далее этот тезис конкретизируется и уточняется: "Управлять рабочие должны обязательно, а вторыми профессиями заниматься по выбору. Правительство... должно быть перенесено внутрь крупнейших заводов страны"⁵⁷⁵.

Особый интерес представляют моральные критерии "партийных борцов" ВКРРГБ. "Моральный кодекс рабочих революционеров (большевиков)", в котором от каждого "партийного борца" требуется быть готовым "отдать жизнь за рабочий класс", является составной частью Устава партии. Моральные критерии членов ВКРРГБ были отражены в виде таблицы (опубликованной в газете "Пролетарий"):

Хорошо, нравственно, надо	Плохо, безнравственно, нельзя	
	Плохо	Очень плохо
1. Бороться с буржуями в рядах ВКРГБ.	1. Сидеть и ждать, когда другие победят буржуя.	1. Самому быть буржуем или прихлебателем буржуя
2. Иметь одну жену (мужа) и не иметь никаких других "связей" всю жизнь (физически и умственно).	2. Не иметь жены (мужа) вообще.	2. Иметь 2 и более жен, мужей и вести половую жизнь вне семьи.
3. Вести абсолютно трезвый образ жизни, абсолютно не пить спиртного, никогда никакого, бороться за трезвый образ жизни товарищей.	3. Не пить, но не вести борьбу за трезвый образ жизни товарищей.	3. Пить спиртное.
4. Не курить и бороться против курения товарищей.	4. Не курить, но не бороться против курения товарищей.	4. Курить.
5. Говорить культурно, не ругаться матом.	5. Говорить культурно, но не бороться с руганью матом товарищей.	5. Ругаться матом.

Таблице предпослан "важнейший вопрос большевистской нравственности: "Как вести в бою и на допросах?" (Так в тексте. – Т. III.). Ответ: "Ни шагу назад, ни слова классовым врагам... Лучше честная большевистская смерть, чем предательская антибольшевистская жизнь"⁵⁷⁶.

ФЕНОМЕН “КРАСНО-КОРИЧНЕВЫХ”

Сам термин “красно-коричневые” появился еще в период поздней “перестройки” для обозначения совместных мероприятий коммунистических и национал-патриотических организаций. Примерами таких мероприятий могут служить проходившие в 1990 г. совместные митинги ОФТ и “Отечества” и конференция “Единства” и “Памяти” на ВДНХ в феврале того же года. С точки зрения ортодоксальной коммунистической доктрины, такие союзы противоестественны. Беспрецедентны ли они в мировой истории? Ответ на этот вопрос зависит от ряда филологических и политических моментов, которые должны быть четко определены.

Как объяснил автору сторонник СКП–КПСС, кандидат исторических наук, сам термин “красно-коричневые” даже лингвистически неправомерен, поскольку он подразумевает не союзнические отношения, а неразрывную слитность той и другой – т.е. коммунистической и фашистской – идеологий. В чистом виде примеры такого синтеза даже в современной российской политической истории достаточно немногочисленны. Примером такого единства может служить Национал-большевистская партия Эдуарда Лимонова, которая не является предметом рассмотрения данной книги, поскольку относится, по представлению авторов, все же к числу правых политических партий и движений.

Однако в реальной российской политической истории новейшего времени термин “фашизм”, в силу ряда политических причин, нередко применялся и применяется до сих пор для обозначения более широкого круга крайне правых политических группировок: национал-патриотических, черносотенных, тоталитарных и т.п., частным случаем которых является собственно фашизм. Иногда этот термин распространяют и на более умеренные патриотические группировки. Понимая “фашизм” как наименование для всего ряда политических группировок и идеологических течений такого рода, мы можем обнаружить более многочисленные примеры лево-правого синтеза (включая достаточно умеренные национал-патриотические течения) в идеологии “Отечества”, Российского общенародного союза (РОС), “Трудовой России”, клуба “Постперестройка” и даже КПрФ, а также ряда других политических партий и движений.

Термином “красно-коричневые” в условиях острой идеологической борьбы реально обозначались не проявления синтетической идеологии, а, скорее, союзнические отношения, которые, по мнению нашего коммуниста, вернее было бы обозначать “красные и коричневые”. Примеры такого рода достаточно известны в мировой истории: часто монархисты в борьбе со своим политическим соперником использовали социальное недовольство народных масс. Так, еще в середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс описывали “феодальный социализм” так: “Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса”⁵⁷⁷. Подобные явления мы видим и в современной России. Отдельные активисты коммунистических организаций порой идут на поводу у крайне правых группировок, например, когда те выступают против “плутократии” (один из любимых терминов Гитлера по отношению к западным демократиям) и “сионократии”, “в благодарность” за то, что национал-патриоты поддерживают коммунистов, выступающих против частной собственности. Уступки национализму делают не только российские коммунисты, примеры этого явления мы можем встретить, например, в современной Германии, где профсоюзы и правое крыло Партии демократического социализма (бывшая компартия ГДР) иногда смыкаются с националистами, защищающими “немецкие рабочие места для немцев” от турецких рабочих. Однако в XIX в., когда “аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата, чтобы повести за собой народ”, этот самый народ, “всякий раз, когда он следовал за ней”, “замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбежался с громким и непочтительным хохотом”⁵⁷⁸. Нынешние российские правые тоже с трудом находят общий язык с народными массами: массовые митинги им удавалось собирать лишь до тех пор, пока их поддерживали коммунисты; как только коммунисты отходили от объединенных организаций, очередная “лево-правая” инициатива вырождалась в немногочисленный кружок идеологов.

В России начала XX в. также предпринимались попытки использовать недовольство рабочих капиталистами для ослабления политического влияния буржуазии и укрепления самодержавия. Характерным примером такой политики могут служить зубатовские рабочие организации. “Многочисленные стачки, вызванные Зубатовым, прошли при полном, почти благосклонном невмешательстве властей”⁵⁷⁹.

Последним историческим примером взаимопонимания “красных” (хотя отнесение сталинской политической линии к понятию “красные” является дискуссионным даже в коммунистическом движении) и коричневых (в прямом смысле слова) можно считать раздел “сфер влияния”, закрепленный в секретных дополнительных протоколах к пакту “Молотов–Риббентроп” в 1939 г.

Не случайно заявление Олега Шенина на совещании представителей коммунистической печати весной 1996 г., в преддверии президентских выборов, о том, что в реальной истории СССР “красная” и “белая” идеи были синтезированы. И обвинения в адрес КПРФ со стороны демократов и со стороны ряда коммунистов, что она “похожа на редиску: сверху красная, внутри белая”, тоже не случайны.

В идеологии современных коммунистических организаций и сейчас проявляются признаки влияния национал-патриотической идеологии. Даже самые крайне левые группы из числа тех, кто стоит на позициях “советского государственного патриотизма”, отказались от традиционного марксистского тезиса “пролетариат не имеет отечества”, считая его устаревшим с момента создания СССР. Для радикального идеологически неопределенного актива не редкость употребление слова “сионизм” просто в качестве ругательства. Необходимость борьбы с “сионизмом” записана в Программе РКРП и в Уставе ВКП(б). На практике эту борьбу наглядно демонстрируют плакаты, часто присутствующие на коммунистических митингах: “Чемодан - вокзал - Израиль!”.

Но наиболее серьезное идеологическое явление такого рода представляет собой выдвинутый сначала КПРФ, а затем поддержанный активистами других коммунистических партий тезис о “золотом миллиарде” - миллиарде населения планеты, который потребляет большую часть ее ресурсов за счет эксплуатации стран “третьего мира”. Представляя собой, на первый взгляд, развитие большевистской концепции империализма, этот тезис, перенося классовые различия на международную арену, с одной стороны, при логическом своем развитии, ведет к признанию “классового мира” в рамках данной страны (что логично для КПРФ, но противоречит декларируемым целям и принципам радикально-коммунистических организаций), т.к. по отношению к “золотому миллиарду” даже “своя” буржуазия оказывается в положении “эксплуатируемого пролетария”. С другой стороны, он смыкается с гитлеровским тезисом о “нациях-буржуях” и “нациях-пролетариях” и, таким образом, способствует привлечению массовой базы коммунистических организаций в организации фашистские.

Представляется, что податливость современного комдвижения к проникновению в его идеологию крайне правых элементов стала логичным продолжением того самого синтеза “красной” и “белой” идеи в советской истории, о котором говорил Шенин.

Формирование и деятельность крайне правых (“патриотических”) организаций еще в период правления КПСС не обходились без ее собственной поддержки, либо поддержки контролируемых партией общественных организаций. Например, совместная конференция “Памяти” и “Единства” в начале 1990 г. проходила на ВДНХ в павильоне “Профсоюзы” при участии ряда профсоюзных и комсомольских лидеров. 27 февраля 1991 г. в Доме Союзов прошло совещание патриотических движений под эгидой ЦК КПСС. В Президиуме собрания вместе с Прохановым, Жириновским и представителем “Антисионистского комитета” были представители Движения коммунистической инициативы (ДКИ) и Движения молодежи “Коммунистическая инициатива” (ДМКИ), общества “Ленин и Отечество”, члены ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР. Среди выступавших был Иван Полозков, который говорил об “опасности национально-государственной катастрофы”, а следом за ним выступил представитель Союза потомков российского дворянства. Наряду с многочисленными упоминаниями о “сионократии” в выступлениях патриотов, коммунистические участники мероприятия уже тогда говорили о необходимости соединения “белой” и “красной” идеи. На совещании был избран Координационный совет народно-патриотических сил, в состав которого вошел Г.А. Зюганов. Совет просуществовал весь период запрета КПСС и являлся единственной организацией, в которой Зюганов в тот период проявлял свою политическую активность.

Как для ДКИ, так и для “Единства” было характерно то, что на их мероприятиях обычно продавалась пресса национал-патриотической ориентации. Проводились общие мероприятия с Отечеством и другими подобными организациями. Эту традицию затем переняли РКРП и ВКПБ.

Феномен “красно-коричневых” (2)

Апогеем “лево-правой” активности можно считать 1992–1993 гг. Стали создаваться весенние “лево-правые” блоки, на основе которых был создан парламентский блок “Российское единство”, а затем – Фронт национального спасения. 1 марта 1992 г. состоялось совещание лидеров партий и движений, депутатов и редакторов патриотической печати, на котором было принято решение о

создании объединенной оппозиции на принципах декларации “Справедливость. Народность. Государственность. Патриотизм”, которая была подписана на этом совещании и опубликована 10 марта в газете “Советская Россия”. Из коммунистических организаций в объединение вошли: РКРП, РПК, Общественное объединение “В защиту прав коммунистов”, Союз коммунистов, СПТ, ОФТ, Координационный совет объединения левых патриотических сил МГУ. Политическую декларацию левой и правой оппозиции, опубликованную 22 сентября 1992 г., подписали следующие деятели коммунистического движения: Р.И. Косолапов (представлявший часть РКРП), Г.В. Саенко (член СПТ, который, как разъясняли потом партийные лидеры, представлял лично себя), М.Г. Титов (“Трудовая Россия”), Координационный совет Объединения левых патриотических сил МГУ, Г. Зюганов. Обращение ФНС (опубликовано 1 октября 1992 г.) подписали: Геннадий Зюганов, Ричард Косолапов, Геннадий Саенко, Станислав Терехов, Валентин Чикин. Позднее к ФНС присоединилась РПК.

С марта до октября 1992 г. наблюдалось сокращение коммунистических участников “лево-правых” объединений и, соответственно, возрастание роли правых. К концу 1993 г. коммунисты и радикальные правые покинули ФНС, после чего он выродился в мелкую группировку “респектабельных” патриотов без массовой базы. На парламентских выборах 1995 г. остатки ФНС не сумели даже собрать необходимого количества подписей для регистрации избирательного объединения. На этом его существование можно считать законченным.

Однако ФНС позволил Г.А. Зюганову, являвшемуся к осени 1992 г. одним из лидеров Фронта, поддержать “политическое лицо” и сохранить “народно-патриотические” кадры. Организационные связи, наработанные между различными коммунистическими группами в рамках “патриотического” движения, были использованы в организационном строительстве КПрФ. Умеренно-патриотические и умеренно-коммунистические кадры ФНС плавно перешли в КПрФ и создали “зюгановский” аппарат, который до настоящего времени, несмотря на определенное недовольство “низов”, вплоть до секретарей обкомов и даже членов ЦК, контролирует ситуацию в партии. Последняя, пока еще достаточно заметная на политической арене инициатива этой группы - Народно-патриотический союз России.

Описанные выше события касаются все же в основном верхушки “лево-правого” айсберга. Он ничего собой не представлял бы с самого начала без “рядовых” активистов, тех самых, которые участвовали в столкновениях с ОМОНОм 23 февраля и в июне 1992 г., 1 мая 1993 г., штурмовали “Останкино” в октябре 1993 г. Все “лево-правые” организации создавались, в сущности, по одной и той же схеме – респектабельные сторонники “державности” пытались объединить под своим руководством небольшие, но агрессивные религиозно-националистические организации с массовыми партиями и движениями коммунистической ориентации. В массе низовой актив ФНС совпадал с низовым активом РКРП и “Трудовой России”. Несмотря на то, что эти организации в ФНС не вошли, – одни и те же политически активные люди ходили и на те, и на другие мероприятия, вне зависимости от того, кто их организовывал. Это были, с одной стороны, люди “советской” ментальности, т.е. сторонники не столько коммунизма, как идеологии, которую они часто не знали, сколько реально существовавшего Советского Союза и декларированных в нем принципов социальной защищенности; с другой стороны, “советские патриоты”, считающие Советский Союз великой державой, а “перестройку” и рыночные реформы – происками “сионистов”. К числу таких “происков” они относили и традиционное коммунистическое “право наций на самоопределение”, которое в Советском Союзе лишь декларировалось, а ныне многими из них рассматривается как либо устаревший, либо изначально вредный лозунг.

Союз “красные и коричневые” прошел “боевое крещение” в сентябре-октябре 1993 г. В обороне “Белого дома” участвовали наряду с “анпиловскими бабушками” вооруженные активисты РНЕ. Последнее способствовало, с одной стороны, временному росту популярности РНЕ в низовом “коммуно-патриотическом” активе, а с другой – дискредитации защитников “Белого дома” в глазах общественного мнения.

Начавшийся, но еще не завершившийся до конца процесс размежевания между коммунистами и национал-патриотами был связан с началом войны в Чечне. Большинство национал-патриотов, если и критиковали Ельцина, то лишь за то, что он “принял меры” слишком поздно. Большинство же коммунистов выступало с осуждением ввода войск в Чечню. Оценки колебались от чисто пацифистских (например, у КПрФ на начальном этапе войны; позднее и в ней стали доминировать требования сохранения территориальной целостности Российской Федерации) до призывов к чеченцам и солдатам превратить войну империалистическую в гражданскую, повернув штыки против Ельцина (Анпилов) и даже до признания права наций на самоопределение. Последний лозунг,

впрочем, характерен лишь для весьма немногочисленных радикальных коммунистических групп (например, Всесоюзная коммунистическая революционная рабочая гвардия большевиков (ВКРРГБ), несколько радикальных коммунистических группировок антифашистской направленности) и более распространен в леворадикальной среде, особенно среди троцкистов и, с некоторыми оговорками, анархистов (анархисты признают право на самоопределение не наций, а населения любой территории). Исключение составляют отдельные активисты РПК в Санкт-Петербурге, которые до сих пор критикуют Ельцина за договоры с “бандитами”. Движение “НАШИ”, воспринимавшееся ранее коммунистами как свое, резко потеряло симпатии коммунистов в связи с тем, что Александр Невзоров поддержал действия Ельцина. По этой же причине произошло и размежевание с РНЕ. Расхождение позиций с РНЕ дополнилось противостоянием на президентских выборах, когда, по сообщениям прессы, РНЕ во втором туре поддержало Ельцина, в то время как многие другие национал-патриоты (например, Русская партия) весной 1996 г. еще входили вместе с коммунистами в блок, поддерживавший Зюганова.

Размежевание между полупатриотическим активом и идейными коммунистами усугубилось с завершением конфликта в РКРП между В. Тюлькиным, вокруг которого сплотилась более идейно коммунистическая и в основном более интернационалистская часть партии, и В. Анпиловым, вокруг которого традиционно спланивался наиболее активный, наиболее агрессивный и наиболее идеологически неопределенный актив. Анпилов еще в прошлом не раз высказывался против “сионизма” и даже поддерживал лозунги “Памяти” и близких к ней национал-патриотических группировок о национально-пропорциональном представительстве.

Потеряв идейную опору в виде партийной программы (хотя “Манифест советских коммунистов” и разработан на ее основе), Анпилов в реальной политике начал блокироваться с кем угодно, начиная от совместных митингов с Жириновским и назначения Марычева на пост руководителя Санкт-Петербургского отделения “Трудовой России” (созданного заново, параллельно с имеющимся, находящимся под руководством РКРП), и кончая совсем анекдотическими политическими заявлениями и шагами, типа заявления о поддержке Александра Лебеда на следующий день после его отставки с поста секретаря совета безопасности и заявления о поддержке его главного оппонента генерала Анатолия Куликова через два дня после этого⁵⁸⁰. В ходе формирования нового облика анпиловской “Трудовой России” даже в коммунистических кругах стали появляться оценки формируемого Анпиловым движения, как “движения муссолиниевского типа”. Такая оценка содержалась, например, в докладе Аналитической группы Левого информцентра в начале августа 1996 г. В том же номере Бюллетеня Левого информцентра была помещена историческая справка В. Дамье о Муссолини⁵⁸¹.

В целом радикально-коммунистическое движение и сейчас имеет некоторый оттенок так называемого “советского государственного патриотизма”, который, в наиболее “коммунистическом” своем воплощении, понимает бывший Советский Союз как реальную форму осуществления интернационализма. Другое, интернационалистски-космополитическое крыло левого движения представлено немногочисленными организациями леводемократической и леворадикальной направленности.

РАДИКАЛЫ И ЭКСТРЕМИСТЫ

Все описываемые в данной части организации автор квалифицирует как “радикальных коммунистов”, в отличие от “умеренных коммунистов” из КПРФ. Основным показателем, позволяющим относить их к радикалам, можно назвать непризнание тезиса КПРФ о “лимите на революции”, который в принципе противоречит марксистской доктрине. Вопрос же о том, какие из этих организаций относить к экстремистам, более сложен. Первичное практическое решение он нашел при подготовке книги “Политический экстремизм в России”. В ней описывались далеко не все организации, упоминаемые в настоящем издании, однако это не значит, что в деятельности организаций, не включенных в число “экстремистов”, не проявляются экстремистские тенденции. Вопрос в том, в какой степени и в каких вопросах они проявляются.

Рассмотрим, например, наиболее умеренную по идеологии из радикальных коммунистических партий – *Российскую партию коммунистов (РПК)*. Ее умеренность проявляется как в большей, по сравнению с другими коммунистами, степени допущения частной собственности и рыночных отношений при социализме, так и в попытках взаимодействовать не только с “патриотами” (что характерно почти для всех компартий), но и с организациями лево-демократического спектра. Однако руководство РПК проявило большую активность во время событий сентября-октября 1993 г.

в Москве. А. Крючков был начальником штаба обороны “Белого Дома”, а после событий выступал одним из главных организаторов мероприятий, посвященных их годовщинам, и высказывал радикальные требования о наказании “преступников”. “Нет прощения палачам” – лозунг, который в течение всего времени после октябрьских событий РПК проводила наиболее последовательно. Так, 21 сентября 1995 г. на митинге у стадиона “Красная Пресня”, организованном “Трудовой Россией”, А.В. Крючков заявил: “Мы считаем, что в стране произошел государственный переворот, что у власти с 20–21 сентября стоит незаконный президент, что в стране незаконная власть, что выборы и референдум, которые организовал незаконный режим в декабре 1993 г. незаконны”⁵⁸².

Как и представители других коммунистических партий, образованных на базе бывшей КПСС, активисты РПК в последние годы неоднократно высказывали поддержку ГКЧП. Так, например, на митинге в Санкт-Петербурге 20 августа 1995 г. активист РПК А. Протасов прочитал заявление ГКЧП от 19 августа 1991 г. и сказал, что народ поддержит тех, кто сможет действительно добиться целей, заявленных ГКЧП. Лидер Санкт-Петербургской организации РПК Е. Козлов говорил, что главным пороком гзачепистов и главной причиной их поражения стало неумение и нежелание обратиться к народу и стремление поладить с Горбачевым. Юрий Тесленко сетовал на “неумелость” действий ГКЧП⁵⁸³.

Пожалуй, даже *Российская коммунистическая партия – КПСС (РКП–КПСС)*, занимающая более левые позиции в отношении вопросов собственности, меньше “засветилась” экстремистскими высказываниями. Основной “экстремистской” темой в высказываниях лидеров РКП–КПСС и ее предшественника, Союза коммунистов (во главе с А. Пригариним) можно назвать пропаганду “второго издания социалистической революции”. Сам по себе этот тезис еще нельзя характеризовать как экстремистский, поскольку для идеологической традиции КПСС характерно утверждение, что революция, являясь объективной исторической вехой, может проходить и в мирных формах. Но иногда указанный тезис расшифровывается лидерами организации и более радикально. Так, например, 3 февраля 1994 г. на заседании дискуссионного клуба Перовского района Москвы А. Пригарин, выдвигая указанный тезис, заявил, что “в случае сопротивления эксплуататоров, их надо давить силой!”⁵⁸⁴. А 21 сентября 1995 г. на митинге, посвященном памяти событий сентября–октября 1993 г., организованном “Трудовой Россией”, секретарь ЦК РКП–КПСС С.Ф. Черняховский заявил: “Когда люди придут защищать новый парламент и превращать его в Верховный Совет с оружием, ситуация будет иной... Мы наведем в стране порядок. Мы против насилия, но мы подавим всех тех, кто навязал стране язык насилия”⁵⁸⁵. Тот же Черняховский на митинге 3 октября 1995 г. отметил, что восстание 3 октября 1993 г. потерпело поражение, потому что было безоружным, и пообещал после прихода к власти принять закон о праве всех граждан носить оружие, напомнив, что “все решают те, кто имеет оружие, а без оружия не получится ничего, несмотря ни на какую Конституцию”⁵⁸⁶. Однако, даже в рядах своей партии Черняховский считается радикалом, которого следует “приостанавливать”.

РКП–КПСС еще в большей степени, чем другие компартии, уделяет внимание вопросу восстановления СССР, однако меньше “грешит” национализмом и антисемитизмом. Более того, ряд активистов и даже лидеров партии принимали участие в антифашистских акциях, правда, не очень активное. Однако, когда в начале 1997 г. А. Пригарин разрешил выйти приложением к партийному изданию “Голос коммуниста” газете “За социалистическую Родину!”, в которой содержались нападки на президента Белоруссии Александра Лукашенко и обвинения его в фашизме, товарищи по партии оказали на него серьезное давление, и в результате второй номер газеты вышел уже приложением к газете “Москва – Садовое кольцо” (редактор – А. Соловьев, РПК).

Радикалы и экстремисты (2)

Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) и движение “Трудовая Россия” наиболее известны как организаторы акций в 1992 и 1993 гг., заканчивавшихся столкновениями с ОМОНом. Уже на первых организованных ими митингах и демонстрациях присутствовала дружина “Трудовой России”, которая, если это соответствовало планам организаторов, пресекала экстремистские выходы отдельных демонстрантов, однако та же дружина принимала активное участие во всех имевших место крупных столкновениях. После октября 1993 г. столкновений больше не происходило, а в 1995 г. РКРП даже приняла участие в выборах в Государственную Думу. Более того, лидеры партии послушно подчинились запрету на проведение шествия в годовщину Беловежских соглашений, мотивируя свое согласие тем, что участие в выборах исключает участие в несанкционированных акциях. На протяжении 1994–1997 гг. руководство стремилось решать

конфликты с властями и ОМОНОм мирными путями. Так, после традиционных еженедельных митингов-“цепочек” обычно происходит шествие к Мавзолею Ленина для возложения цветов. В тех случаях, когда на шествие нет разрешения, руководители достигали компромисса с милицией, уговаривая участников мероприятия свернуть флаги, чтобы шествие не квалифицировалось как несанкционированная демонстрация. Со своей стороны, в этот период и власти, и милиция также проявляли готовность к компромиссам с коммунистами.

Тем не менее, радикальные и даже экстремистские высказывания из лексикона активистов и даже отдельных лидеров РКРП и “Трудовой России” не исчезли. Дежурными темами на митингах являются “геноцид” западных стран против российского народа и получившая в последнее время активное развитие тема “золотого миллиарда”. Как и все коммунистические партии, РКРП и “Трудовая Россия” выступают за восстановление СССР и “возвращение власти трудящимся”, а также за пересмотр итогов приватизации (“возвращение народу награбленного”). Вопрос о методах осуществления последней цели стал, по-видимому, одной из причин (не единственной) раскола в РКРП. Одной из базовых установок РКРП изначально было отстранение “режима” от власти путем всеобщей политической стачки, которая неоднократно назначалась на какой-либо срок, но так и не была организована – сказала слабость позиций РКРП в трудовых коллективах, вызванная выдвижением политических лозунгов прежде экономических. (Лишь в последний год позиции РКРП в ряде коллективов упрочились.) По мнению же В.И. Анпилова и его сторонников, отстранить “режим” от власти можно с помощью мощного митинга, которого власти испугаются и “убегут” сами. Отсюда – всяческие “походы”: “поход на “Белый дом” в феврале 1992 г., “поход на Москву”, который наиболее активно пропагандировался весной 1997 г. Пока позиции Анпилова в РКРП были сильны, митинговая активность была одним из доминирующих направлений ее работы. Хотя В. Тюлькин на словах и поддержал все действия Анпилова у “Белого дома”, после октября 1993 г. в партии началась критика “митинговщины”, а после раскола – прямые обвинения в адрес Анпилова в провокаторстве в связи с объявленным им “походом на Москву”.

Кроме того, за Анпиловым, настойчиво подчеркивающим необходимость борьбы с “сионизмом” и даже поддерживающим лозунг национал-патриотов о “национально-пропорциональном представительстве”, пошла часть актива РКРП – “Трудовой России”, наиболее склонная к компромиссам с национал-патриотами. Сторонниками ЦК РКРП стала несколько более интернационалистская часть партии, хотя и ее нельзя назвать полностью свободной от национализма. Так, например, в Москве на стороне ЦК осталась группа бывших членов “Единства”, наиболее известный лидер которой – Б.М. Гунько. Еще в 1992 г. под его руководством было организовано “Московское советское антифашистское общество”, на пресс-конференции которого можно было услышать, например, что “русские должны сплотиться в единый кулак”. И ныне от некоторых активистов этой группы можно слышать высказывания типа “деньги – жидовская идеология”. Характерной чертой для РКРП является также возвеличивание Сталина, подчеркивание его заслуг в “строительстве социализма” и утверждение, что сталинские репрессии были направлены действительно против “врагов народа”, “козни” которых мы можем наблюдать теперь. Так, на мероприятиях РКРП неоднократно утверждалось, что если бы Сталин не перестрелял “врагов народа”, то, что мы имеем сейчас, произошло бы значительно раньше.

Можно отметить также отдельные характерные высказывания активистов РКРП и “Трудовой России”. Так, 17 сентября 1995 г. на традиционном митинге-“цепочке” у памятника К. Марксу в Москве Ю.Г. Худяков, оценив сегодняшнюю политическую ситуацию как революционную, заявил, что, “видимо, придется заставлять нынешнее общество жить по Конституции советского социалистического государства” (это заявление было встречено одобрительными криками и аплодисментами). Напомнив сообщение СМИ о том, что смертность в Нижегородской области превышает рождаемость в 2 раза, Худяков заявил, что Борис Немцов будет приговорен к смерти первым именно за это, а не за то, что призывал расстреливать защитников Дома Советов, и пообещал, что первым требованием фракции РКРП в Госдуме будет требование предать суду “преступников”, которые привели к “геноциду” в стране⁵⁸⁷. На аналогичном мероприятии 24 сентября 1995 г. Б.М. Гунько, рекламируя газеты, говорил, что торгует газетами с целью скопить деньги на покупку танка⁵⁸⁸. 7 октября 1995 г. на митинге РКРП у Казанского собора в Санкт-Петербурге активист РКРП Л. Соболев заявил: “Мы хорошо понимаем, что Дума реально изменить ничего не сможет... Мы можем победить только через всеобщую политическую стачку – желательно мирным путем, но если потребуется, то путем восстания вооруженного”. Эти слова были встречены аплодисментами⁵⁸⁹. На митинге 7 ноября 1995 г. в Москве В.И. Анпилов заявил: “Те, кто расхищают

собственность, должны помнить – рано или поздно они ответят за содеянное на лесоповалах в Сибири”⁵⁹⁰.

В последнее время на мероприятиях, проводимых “Трудовой Россией” В. Анпилова, все чаще раздаются призывы к оружию. Эта тема стала особенно заметной с декабря 1996 г. В связи с распространенными на митингах листовками с такими призывами В. Анпилову даже пришлось объясняться с ФСБ. Примечательно и упоминание об отказе съезда от вооруженного восстания, прозвучавшее в телевизионном репортаже о съезде рабочих России, в котором участвовали представители ориентированного на Анпилова Совета рабочих Москвы, – строго говоря, отказаться можно от того, что уже подготовлено и организовано. Неясно: либо Анпилов и его сторонники действительно планировали соединить готовившийся ими “поход на Москву” с более радикальными действиями, и отговорки представляли собой попытку нейтрализовать происшедшую утечку информации; либо, наоборот (что пока представляется более вероятным ввиду организационной слабости анпиловского движения) все разговоры об оружии имели своей целью лишь создание “радикального” имиджа. Поскольку за последние несколько месяцев тема оружия с митингов сторонников Анпилова не исчезла, но к ней привыкли и перестали обращать на нее внимание, активность была увеличена. Так, наблюдателей удивило, что митинг 20 апреля 1997 г. и начался, и закончился призывами к оружию. До дела никто из членов партии не доходит (и вряд ли дойдет), но эти призывы еще раз дают основание оппонентам из РКРП обвинять Анпилова в провокаторстве.

Радикалы и экстремисты (3)

Вопрос о степени радикализма организации и допустимости экстремистских высказываний стал, по-видимому, одним из главных в произошедшем в конце 1995 – начале 1996 г. расколе в *Российском коммунистическом союзе молодежи (РКСМ)*. Издающаяся членом РКРП П. Былевским газета “Бумбараш-2017” в своих экстремистских публикациях зашла так далеко, что не только ориентированное на КПрФ крыло РКСМ, но и отдельные члены РКРП подвергали за это газету критике.

Так, 24 декабря 1995 г. на традиционном митинге-“цепочке” у памятника Марксу в Москве один из лидеров Московской организации РКРП В.И. Гусев, комментируя передовицу в газете “Бумбараш-2017” “Как мы будем пытаться, когда придем к власти” за подписью “Комитет им. Л.П. Берия”, назвал ее идеологической провокацией и призвал “бороться любыми доступными способами, но не кричать об этом на каждом перекрестке”⁵⁹¹. В газете регулярно публикуются весьма сочувственные материалы о вооруженных формированиях коммунистической и национально-освободительной ориентации в различных странах, в первую очередь “третьего мира”. Кроме того, вопреки официальной доктрине брежневской КПСС, газета постоянно проводит мысль о том, что революция не может быть мирной, а может быть только вооруженной.

22 декабря 1995 г. на заседании бюро ЦК РКСМ было решено снять с газеты “Бумбараш-2017” гриф о ее принадлежности РКСМ. Былевский этому решению не подчинился, как ранее не подчинялся неоднократным предупреждениям в адрес газеты со стороны властей, утверждая, что если газета будет запрещена, власти сами пожалеют, что загнали ее в подполье. Конфликт с бюро ЦК по вопросу о газете положил начало расколу на РКСМ Былевского и РКСМ Малярова, прошедшему фактически по линии РКРП–КПрФ (до той поры в РКСМ состояли представители обеих партий).

РКСМ П. Былевского сумел нормализовать отношения с ВЛКСМ, и его представители принимают участие в работе летних военно-спортивных лагерей ВЛКСМ. В свое время откол РКСМ от ВЛКСМ произошел не только из-за непризнания ВЛКСМ организаций республиканского уровня (конфликт унитаризма и федерализма), но и в связи с разногласиями о том, какие формы работы необходимы комсомолу. Позиция ВЛКСМ выглядела тогда более умеренной: если РКСМ настаивал на необходимости участия во всех акциях уличного протеста, ВЛКСМ говорил о необходимости культурной и спортивной работы (казалось бы, вполне в духе комсомола брежневских времен). С той поры И. Маляров неоднократно стоял на массовых митингах 1992–1993 гг. рядом с Анпиловым, выдвигал радикальные и даже экстремистские лозунги (например, свержения власти – на митинге в Останкино), пока не ушел в КПрФ. ВЛКСМ не был так заметен на митингах, но вел тихую незаметную работу, пока не стало ясно, что он контролирует ряд военно-спортивных клубов, проводит летние военно-спортивные лагеря и, таким образом, находится в сравнительно большей боевой готовности на случай обострения ситуации в стране.

Новый всплеск экстремистских тенденций в РКСМ Былевского наметился весной 1997 года и связан с установлением тесных контактов комсомольцев с организацией МЖК РФ, перешедшей в

конце февраля 1997 г. из КПРФ в РКРП. Если закидывание Г. Зюганова помидорами, в котором участвовали и комсомольцы еще нельзя считать экстремистской акцией, а причастность Оргкомитета фестиваля молодежи и студентов во главе с Павлом Былевским и Игорем Губкиным к “фестивальному рэкету” (продажа бизнесменам плакатов с Че-бурашкой) лишь предполагается, но достоверно не подтверждена, то об участии комсомольцев во взрыве памятника Николаю II открыто писалось в совместном выпуске газет “Бумбараш-2017” и “Молодой коммунист”⁵⁹².

Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ) Н. Андреевой в последнее время находится в состоянии перманентных кризисов и расколов и вряд ли представляет собой серьезную силу. Андреева по-прежнему не считает нужным регистрировать свою партию на республиканском уровне, так как не признает распад СССР и выступает за его воссоздание. Еще в период существования “Единства” для Андреевой была характерна некоторая тяга к “патриотам”, выступления против “мирового сионизма” и пропаганда Вооруженных Сил, а также КГБ как “наиболее последовательно стоящих на классовых позициях” органов. Основными тезисами ВКПБ остаются защита Сталина и его политики репрессий и утверждение, что все беды СССР начались с критики “культы личности” на XX съезде и экономических реформ 60-х гг. Естественно, члены ВКПБ, несмотря на то что многие из них находятся в преклонном возрасте, принимали активное участие в столкновениях с ОМОНОм в 1992–1993 гг.

Впрочем, значительная часть активных членов ВКПБ в ходе раскола в 1994–1995 гг. перешла в партию А. Лапина, переименовавшую себя в 1996 г. во **Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков) (ВКП(б))**. Одним из основных обвинений “раскольников” в адрес партийного руководства было обвинение в неадекватности и “шарахании из стороны в сторону”⁵⁹³. Если в первом номере выпущенной А. Лапиным газеты “Большевистская правда” даже сквозь лупу нельзя было обнаружить ничего экстремистского (к тому же лапинский “ЦК ВКПБ второго созыва” сразу заявил о намерении зарегистрировать партию), то уже за третий номер газеты, вышедший под девизом “Превратим всенародно избранного во всенародно изгнанного”, главный редактор получил первое предупреждение, которое, однако, ему удалось отвергнуть в суде. В начале в газете ВКП(б) воздерживалась от откровенно националистических и антисемитских высказываний, более того, публиковались статьи, в которых национализм подвергался резкой критике⁵⁹⁴. Между тем, личные позиции и политическое прошлое А. Лапина позволяют считать его человеком, скорее тяготеющим к патриотам, чем к интернационалистам. Это нашло свое отражение в официальных партийных документах.

Так, в Уставе содержится обязанность члена ВКП(б) бороться с “сионизмом”. Рассматривая в Программе возможные варианты социалистической революции, большевики в качестве одного из них называют начало революции как “национально-освободительной”. Этот тезис не расшифрован, так что неясно, кто подразумевается в качестве “захватчика”: “империалисты” стран “золотого миллиарда” или “мировой сионизм”. Восстановление СССР предполагается вроде бы добровольное, но – как унитарного государства. Программа также предусматривает “Судебное преследование и придание суду Народного Трибунала лиц, виновных в разрушении СССР... в государственном перевороте октября 1993 г.”

Радикалы и экстремисты (4)

Другая организация, созданная на базе отколовшейся от Н. Андреевой части молодежи, **Всесоюзная коммунистическая революционная рабочая гвардия большевиков** (ВКРРГБ, ниже будут встречаться аббревиатуры и других названий, в разное время использовавшихся “гвардейцами”), на словах является одной из наиболее экстремистских группировок. В документах ВКРРГБ принципиально отдает предпочтение нелегальным методам борьбы, рассматривая даже Советы как нелегальные органы классовой борьбы. “Буржуазная законность” не признается. В “Программном заявлении” ВКРРГБ говорится: “Немирная пролетарская социалистическая революция – задача ближайшего будущего”⁵⁹⁵.

В обращении “К рабочему классу СССР” рабочим предлагается “запасаться тем, чем власть берет”, так как “побеждает тот, у кого больше танков, пушек, авиации, солдат”⁵⁹⁶.

5 февраля 1995 г. на антивоенном митинге, организованном Союзом народного сопротивления, активист ВКРМГБ С. Зорин призвал молодежь не идти в буржуазную армию, нацеленную против своего народа и превратить империалистическую войну в Чечне в социалистическую революцию⁵⁹⁷.

В статье "Даешь всеобщую политическую стачку!" говорится, что "для борьбы с контрреволюцией, планируемой на осень-зиму 1995 года, надо быть готовым рабочему классу встать на защиту остатков буржуазной демократии, дающей возможность ему иметь легально свои боевые организации. В то же время надо быть готовыми под лозунгом всеобщей политической стачки подняться на нее, чтобы взять власть в руки антифашистов, подкрепив это вооруженной силой"⁵⁹⁸.

Однако фактически ВКРРГБ ограничивается чисто декларативными призывами к революционным действиям. Единственным случаем реальных действий можно считать драку на анпиловской "цепочке" с двумя комсомольцами, по поводу которой в выпущенной вскоре листовке ВКРМГБ говорилось: "Молодая Гвардия била и будет бить фашиствующих ельцинистов, провокаторов ФСБ и предателей Родины"⁵⁹⁹.

Организации "пролетаристского" толка пока в особом экстремизме не замечены, хотя довольно радикальные высказывания характерны и для *Объединенного фронта трудящихся (ОФТ)*, и для *Партии диктатуры пролетариата (ПДП)*. "Очищение" ОФТ в 1992 году от группы В.Якушева привело к размежеванию с национал-патриотами; в последнее время проявляет большую активность ОФТ Астрахани, сделавший несколько заявлений интернационалистского характера. ПДП традиционно принимала активное и организующее участие в забастовках, в том числе - в прошедших в Самаре в 1996 и 1997 гг. Естественно, тезисы типа "диктатуры пролетариата" в идеологии этих организаций присутствуют, однако их еще нельзя считать показателями экстремизма. К тому же "пролетаристские" организации в настоящий момент достаточно слабы и малочисленны. Можно отметить лишь заметное влияние на местном уровне ПДП в Самаре.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) была создана сравнительно недавно, в феврале 1993 г. В то же время КПРФ может считаться старейшей политической организацией на территории России и бывшего СССР.

Формально КПРФ ведет свою историю с основания РСДРП, то есть с конца XIX в. Между социал-демократами того времени и нынешними коммунистами существуют существенные различия, однако нынешняя компартия считает себя правопреемником политической организации, определявшей судьбу России в XX в. Именно это обстоятельство сделало возможным возрождение КПРФ после того, как она была запрещена после августовских событий 1991 г. Признание правопреемственности позволило КПРФ стать ведущей коммунистической организацией, отодвинувшей на задний план все остальные коммунистические и социалистические партии, позволило КПРФ стать серьезнейшей политической силой, с которой вынуждена считаться исполнительная власть.

Значительная часть населения не поддержала реформы Бориса Ельцина еще в 1991 г. Последовавшее нарастание экономических трудностей и политические нелепицы увеличили число недовольных. Вскоре советская эпоха, в особенности последние годы брежневского правления, стала восприниматься многими жителями России как время процветания. Соответственно росла социальная база КПРФ. Попытки различных политических сил выступить в роли некоммунистической оппозиции и продекларировать приверженность "правильным реформам" не были успешными: трудно вспомнить, сколько было "третьих сил".

Нельзя утверждать, что КПРФ стала идентичным воспроизведением КП РСФСР. Компартия Геннадия Зюганова значительно обновила свой идеологический багаж: трудно представить, чтобы кто-нибудь из представителей ползковской компартии мог говорить о союзе с патриотически ориентированными предпринимателями, признавать равенство всех форм собственности, отдавая, впрочем, предпочтение коллективной, и т.д.

КП РСФСР находилась в блестящей политической изоляции, КПРФ – активный участник всех политических переговорных процессов. Зюгановцам удалось сформировать для своего кандидата в президенты серьезную предвыборную коалицию, которая потом была преобразована в широкую коалицию, действующую на постоянной основе.

КПРФ доказала, что может успешно выступать в предвыборных кампаниях, не имея и сотой доли тех возможностей, которыми располагали их предшественники конца 80-х – начала 90-х гг.

В декабре 1993 г. КПРФ начала мирный поход "во власть". Перед партией была поставлена задача выиграть сначала парламентские, а затем и президентские выборы. Менее чем за три года КПРФ удалось добиться блестящих результатов: в декабре 1993 г. за партию проголосовало 6,7 млн избирателей, а во втором туре президентских выборов лидера КПРФ Геннадия Зюганова поддержали 30,1 млн избирателей.

Именно в результате электорального натиска на власть компартии не только удалось заставить считаться с собой Кремль, но и оттеснить на политические задворки всю остальную оппозицию. Если до октябрьских событий 1993 г. КПРФ была одной из составляющих антиельцинской оппозиции, а до 1995 – всего лишь одной из главных сил этой оппозиции, то уже в начале 1996 г. КПРФ была единственной реальной политической силой, противостоявшей Кремлю.

Тем не менее, КПРФ так и не удалось осуществить главную цель, ради которой, собственно, и воссоздавалась партия, – вернуть себе власть. Геннадий Зюганов проиграл президентские выборы, фракция КПРФ, хотя и контролирует Думу, не может оказывать должного влияния на ход государственных дел.

Это печальное для коммунистов положение дел сложилось из-за того, что КПРФ так и не смогла изжить всех "родимых пятен" КПСС – КП РСФСР. "Партия Зюганова" не смогла обновиться настолько, чтобы ее оппоненты не могли связать ее с Сталиным, гражданской войной и прочими потрясениями первой половины XX века. КПРФ не смогла обновиться и изнутри. Большинство в партии, в том числе и в ее руководящем звене, составляют люди, до сих пор живущие в середине 80-х. Именно поэтому Россия не повторила путь всех восточноевропейских стран, где на смену радикал-либералам пришли левые, которые, впрочем, максимально далеко эволюционировали в сторону

социал-демократии и полностью открестились от своего коммунистического прошлого. КПРФ же прошла только половину пути.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. 1990–1993 гг.

Хроника

20-21 июня 1990 г. Конференция российских коммунистов была преобразована в I (Учредительный) съезд КП РСФСР. В июне-сентябре 1990 г. был сформирован состав Центрального Комитета Коммунистической партии РСФСР во главе с первым секретарем ЦК народным депутатом РСФСР Иваном Полозковым.

6 августа 1991 г. Первым секретарем ЦК КП РСФСР стал Валентин Купцов.

22 августа. Деятельность КП РСФСР была приостановлена.

6 ноября. Деятельность организационных структур КП РСФСР была запрещена.

8-9 августа 1992 г. На совещании коммунистических и рабочих партий СССР 8–9 августа 1992 г. был создан "Роскомсовет" – Политический консультативно-координационный совет коммунистов России, поставивший своей целью восстановление единой коммунистической партии России.

30 октября. На заседании Роскомсовета 30 октября 1992 г. было утверждено "Положение о Политическом консультативно-координационном совете коммунистов России" и принято решение о созыве в ближайшее время съезда коммунистов России.

14 ноября. По инициативе Роскомсовета прошло совещание высших руководящих органов новых компартий, образовавшихся в 1991–1992 гг. (в частности, Союза коммунистов (СК), Социалистической партии трудящихся (СПТ), Российской партии коммунистов (РПК), с участием представителей региональных объединений коммунистов, а также членов ЦК и ЦКК КПСС, ЦК КП РСФСР). Было принято решение образовать на базе Роскомсовета Инициативный оргкомитет по созыву и проведению съезда коммунистов России. Его председателем был избран первый секретарь ЦК КП РСФСР В. Купцов, заместителями председателя – председатель Политисполкома РПК Анатолий Крючков, сопредседатель СПТ Геннадий Скляр, руководитель Калининградского объединения коммунистов Сергей Петров. Всего в Инициативный Оргкомитет II съезда коммунистов России вошло около 65 человек, был образован Президиум Инициативного Оргкомитета из 9 человек (В. Купцов, А. Крючков, Г. Скляр, С. Петров, Иван Осадчий, Виктор Зоркальцев, Борис Славин, Иван Рыбкин, Виталий Перов). 10-е резервное место было оставлено для представителя Российской коммунистической рабочей партии (РКРП), но она им не воспользовалась.

30 ноября. Конституционный Суд отменил запрет на деятельность Компартии РСФСР. После этого в Инициативный оргкомитет вошел сопредседатель Фронта Национального спасения (ФНС) Геннадий Зюганов и стал одним из его лидеров.

27 декабря. Оргкомитет принял решение провести не всероссийский съезд коммунистов, а II чрезвычайный съезд коммунистов России.

13-14 февраля 1993 г. в Клязьминском пансионате в Подмосковье состоялся II чрезвычайный съезд коммунистов России, на котором под названием Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) была восстановлена КП РСФСР.

Съезд избрал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) из 148 человек (89 – представители территориальных организаций, 44 – избраны персонально по центральному списку, 10 – по закрытому списку, то есть без оглашения фамилий; еще 5 мест было оставлено для других компартий). Первоначально организаторы съезда планировали ввести институт сопредседателей: ведущим сопредседателем должен был стать В. Купцов. Однако генерал Альберт Макашов обвинил В. Купцова в "горбачевизме" и потребовал, чтобы руководителем партии был избран Г. Зюганов, причем не на пленуме, а непосредственно съездом. Макашов не покидал трибуну до тех пор, пока В. Купцов не обещал не выдвигать свою кандидатуру и поддержать кандидатуру Зюганова. По предложению Г. Зюганова были избраны 6 заместителей председателя: В. Купцов, Иван Рыбкин, Михаил Лапшин, Виктор Зоркальцев, Юрий Белов.

20 марта. Состоялся II пленум ЦИК КПРФ, на котором было принято решение голосовать на апрельском референдуме 1993 г. против доверия Ельцину, против социально-экономической политики правительства, за досрочные выборы Президента, против досрочных выборов парламента

(формула "нет, нет, да, нет"). Имели место и организационные решения. Первым заместителем председателя ЦИК был избран В. Купцов. Состав Президиума ЦИК был расширен до 12 человек: в Президиум были дополнительно избраны академик Валентин Коптюг (Новосибирск), Александр Шабанов (Москва), Георгий Костин (Воронеж), Анатолий Ионов (Рязань), Михаил Сурков. Были образованы комиссии ЦИК по различным направлениям работы.

Пленум высказался за отсрочку XXIX съезда КПСС, намеченного Оргкомитетом на 26–28 марта. В соответствии с решением II пленума КПрФ как организация не приняла участия в съезде и вначале не вошла в образованный на нем Союз коммунистических партий – КПСС (СКП–КПСС). Тем не менее несколько членов ЦИК КПрФ вошло в состав Совета СКП–КПСС, а член ЦИК КПрФ Олег Шенин был избран членом Политисполкома Совета и председателем Совета СКП–КПСС.

29 мая. Прошел III Пленум ЦИК КПрФ, на котором было принято решение направить на Конституционное совещание наблюдателя (без права решающего голоса) "для контроля над событиями и оглашения своей точки зрения". Пленум посчитал возможным вступление КПрФ ассоциированным членом в состав СКП–КПСС и сформулировал условия такого вступления.

18 сентября. Состоялся Пленум ЦИК КПрФ с повесткой дня "О задачах партии по укреплению российской государственности". Пленум утвердил В. Зоркальцева, Ивана Мельникова и Анатолия Лукьянова представителями КПрФ в Совете СКП–КПСС.

В сентябре 1993 г. КПрФ осудила Указ Президента Ельцина о роспуске парламента, но в отличие от других компартий активного участия в событиях 21 сентября – 4 октября не принимала.

4 октября. Деятельность КПрФ на несколько дней была приостановлена.

26 октября. I Конференция КПрФ выдвинула общенациональный предвыборный список кандидатов в депутаты Государственной Думы.

ФРАКЦИЯ КПрФ В I (V) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Хроника

12 декабря 1993 г. По итогам выборов в Государственную Думу в декабре 1993 г. избирательное объединение "Коммунистическая Партия Российской Федерации" набрало 6 666 402 голоса (12,40%), что позволило ему провести в Думу по списку 32 депутата. Еще 12 депутатов, выдвинутых КПрФ, были избраны в одномандатных округах. Три депутата-коммуниста, избранных в одномандатных округах, вошли в другие депутатские группы.

13 января 1994 г. Была зарегистрирована думская фракция КПрФ в составе 45 депутатов. 14 января 1994 г. при активной поддержке КПрФ председателем Госдумы был избран член президиума ЦИК КПрФ Иван Рыбкин. 17 января 1994 г. одним из вице-спикеров стал выдвиженец фракции КПрФ Валентин Ковалев. При пакетном распределении должностей председателей комитетов фракция КПрФ получила Комитет по безопасности – председателем Комитета стал Виктор Илюхин, Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций – председатель Виктор Зоркальцев, мандатную комиссию – председатель Виталий Севастьянов. Часть депутатов-коммунистов выступила против коалиционного списка.

23 февраля. Фракция КПрФ проголосовала за амнистию, выступив в то же время против прекращения работы комиссии по расследованию причин и обстоятельств событий сентября-октября 1993 г.

23 марта 14 депутатов-коммунистов проголосовало за вынесение на пленарное заседание вопроса о недоверии правительству.

15 апреля – 24 июня депутаты-коммунисты поддержали федеральный бюджет на 1994 год.

21 апреля фракция КПрФ приняла решение не подписывать договор об общественном согласии. Лидер фракции Геннадий Зюганов присутствовал на церемонии подписания.

27 октября практически вся фракция проголосовала за недоверие правительству Виктора Черномырдина.

Июнь-июль 1995 г. Фракция собрала 150 голосов, необходимых для начала процедуры импичмента президента. Однако за создание специальной комиссии по выдвижению обвинения Борису Ельцину необходимое количество депутатов не проголосовало.

Комментарии

Ряд политиков оппозиционной ориентации, в том числе и Александр Руцкой, говоря о деятельности коммунистов в нижней палате Федерального Собрания первого созыва, неизменно

употребляют термин "предательство". Действительно в V Госдуме фракция КПРФ вела себя крайне осторожно. Коммунисты раз за разом подтверждали репутацию политической силы, находящейся в ярко выраженной оппозиции к Борису Ельцину, однако не шли ни на какие действия, способные всерьез рассердить президентскую сторону. Вряд ли можно считать серьезным ударом голосование за политическую амнистию, объявление которой позволило президенту закрыть тему событий октября 1993 г., или голосование против проекта бюджета на 1995 и 1996 гг. – правительство имело свои ресурсы для того, чтобы утвердить федеральную смету доходов или расходов.

В то же время не стоит думать, что коммунисты действительно предали интересы рядового оппозиционного избирателя и пошли на соглашение с режимом Бориса Ельцина. Расстановка политических сил в Госдуме объективно не позволяла фракции КПРФ добиваться принятия серьезных оппозиционных решений. Напомним, что политическая амнистия была принята во многом потому, что за пакет документов проголосовала фракция ПРЕС. Недоверие правительству в июле 1995 г. было выражено благодаря голосам "Яблока". В первые месяцы работы I (V) Государственной Думы фракция КПРФ действовала совместно с фракцией Аграрной партии России (АПР, 54 депутата), могла рассчитывать на поддержку группы "Женщины России" (23 депутата), Демократической партии России (ДПР, 15 депутатов) и незарегистрированной группы "Российский Путь" (13 депутатов). По многим вопросам КПРФ находила общий язык с Либерально-демократической партией России (ЛДПР, 65 депутатов). Кроме того, коммунистам удавалось привлечь на свою сторону некоторых депутатов из группы "Новая Региональная Политика" (НРП).

В дальнейшем расстановка сил в Думе изменилась. Более половины депутатов из НРП стали поддерживать власти и в дальнейшем перешли в проправительственные группы "Стабильность" и "Россия". "Женщины России" также в большей степени стали прислушиваться к мнению властей. Фракция ДПР развалилась, около половины бывших членов фракции вошло в "Россию" и "Стабильность". Владимир Жириновский и фракция ЛДПР всегда проводили самостоятельную линию, поэтому КПРФ не могла твердо рассчитывать на их поддержку. Таким образом, к концу работы V Госдумы оппозиционный блок состоял примерно из 150 депутатов.

Уже с начала 1995 г. КПРФ ориентировалась на парламентские выборы и действительно стала избегать острых моментов, которые могли бы привести к противостоянию властей, роспуску Думы и, соответственно, ограничить организационные возможности предвыборной кампании КПРФ. Именно тогда председатель парламентского комитета по экономической политике, лидер фракции ДПР Сергей Глазьев несколько раз жаловался журналистам, что депутаты-коммунисты очень неохотно ставят свои подписи под заявлением о вынесении вопроса о вотуме недоверия правительству.

Тем не менее, по крайней мере в 1994 г. фракция КПРФ еще предпринимала действия, которые позволяли ассоциировать ее с непримиримой оппозицией. Так, фракция неоднократно ставила вопрос об отставке представителей радикал-демократического крыла из правительства, неоднократно требовала отставки руководителей силовых ведомств, причастных к событиям 3–4 октября 1993 г. в Москве. Однако эти требования, как правило, не получали должной поддержки со стороны других фракций, за вычетом АПР и иногда ЛДПР.

КПРФ жестоко ошиблась при выдвижении своих представителей в руководство нижней палаты. Председатель Госдумы Иван Рыбкин довольно быстро нашел общий язык с исполнительной властью, вице-спикер Валентин Ковалев в конце 1994 г. согласился войти в правительство на должность министра юстиции. Четвертая по численности фракция Государственной Думы фактически была не представлена в руководстве палаты.

Коммунисты не слишком проявили себя и на законодательном поприще. Комитет по делам общественным объединениям и религиозных организаций во главе с Виктором Зоркальцевым ничего особенного не совершил. В то же время думский комитет по безопасности во главе с Виктором Илюхиным стал реальной силой в российской политике, а сам В. Илюхин, несмотря на то, что кроме него в комитете не было ни одного коммуниста, поставил эту структуру под свой контроль. Председателю комитета удалось наладить тесное сотрудничество со всеми силовыми структурами, причем трудно сказать, где он выступал в роли руководителя профильного думского комитета, а где – в качестве представителя КПРФ. Кроме того, В. Илюхин значительно расширил компетенцию своего комитета, взяв под свое крыло проблемы информационной безопасности, техногенной безопасности и т.д.

ОТНОШЕНИЯ С ФРАКЦИЯМИ И ДЕПУТАТСКИМИ ГРУППАМИ В I (V) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Как отмечалось выше, наиболее близкими союзниками КПРФ были аграрии, поддерживавшие КПРФ практически по всем вопросам. Однако при принятии федеральных бюджетов на 1995 и 1996 гг. между некоторыми аграриями и коммунистами возникли разногласия – в результате за бюджет голосовали около 20 членов фракции АПР.

Фракция "Женщины России" с течением думской жизни также стала в большей степени дистанцироваться от КПРФ и ориентироваться на правительство. Многие депутаты из фракции "Новая Региональная Политика", поддерживавшие в начале 1994 г. КПРФ, также со временем перешли на более умеренные позиции. Изменения в политическом поведении фракций союзников вызвали немедленную негативную реакцию коммунистов, выразившуюся в ходе предвыборной кампании 1995 г.

С фракциями и депутатскими группами демократической и пропрезидентской ориентации ("Выбор России", ПРЕС, позднее "Стабильность", "Россия") коммунисты, как правило, боролись, но когда возникал какой-либо нужный для фракции закон, депутаты-коммунисты шли на сотрудничество и с депутатами-демократами (впрочем, в V Госдуме это было нормальной ситуацией).

Особый интерес представляют взаимоотношения КПРФ и "Яблока". Несмотря на то что за два года работы Государственной Думы коммунисты и "яблочники" не предприняли ни одной совместной инициативы и объединяли их только совместные голосования против проекта федерального бюджета и за вынесение вотума недоверия правительству, все два года тема "сговора" КПРФ и "Яблока" незримо присутствовала в стенах Думы.

Еще более примечательны взаимоотношения КПРФ и ЛДПР. Перед началом работы V Госдумы, вероятно, на волне истерики, вызванной поражением демократов на парламентских выборах, было достаточно апокалиптических прогнозов относительно того, что в стенах нижней палаты Федерального Собрания КПРФ и ЛДПР создадут блок, который будет определять линию Думы. На первых порах действительность частично соответствовала прогнозам. КПРФ и ЛДПР обеспечили победу Ивана Рыбкина на выборах председателя Госдумы. Коммунисты и жириновцы вместе "пробили" амнистию участникам обеих путчей. Более того, ЛДПР поддержала и предложенный КПРФ и АПР т.н. малый пакет амнистии, то есть амнистию без отмены расследования событий октября 1993 г.

Первая трещина в неоформленном союзе появилась уже в апреле 1994 г., когда КПРФ отказалась подписывать Договор об общественном согласии, в то время как Владимир Жириновский свою подпись поставил. В дальнейшем фракции КПРФ и ЛДПР все реже объединяли усилия для лоббирования тех или иных решений палаты, хотя совместно голосовали за отставку министра иностранных дел Андрея Козырева, вице-премьеров Александра Шохина и Анатолия Чубайса.

Невозможность прочного и долговременного союза КПРФ и ЛДПР объяснялась разницей подходов этих партий к собственно политическому процессу. КПРФ имела долгосрочные политические планы. Уже с 1994 г. партия начала подготовку к следующим парламентским и президентским выборам, в то время как ЛДПР в том же 1994 г. отказалась от глобальных политических замыслов и стала постепенно превращаться в политико-коммерческую структуру, старающуюся в то же время поддерживать свой оппозиционный имидж. КПРФ была заинтересована в дискредитации жириновцев, точнее, в завоевании их избирателей, в то время как Владимир Жириновский вовсе не был готов к тому, чтобы сдавать свои позиции без боя.

Кроме того, ЛДПР уже тогда была готова идти на компромисс с властями по конкретным поводам: так, жириновцы поддержали начало военных действий в Чечне, в то время как КПРФ выступила за мирное разрешение конфликта.

Открытого конфликта так и не произошло, однако к концу 1995 г. отношения между лидерами ЛДПР и КПРФ были достаточно напряженными. Нередко КПРФ пыталась склонить на свою сторону по тем или иным голосованиям рядовых жириновцев – почти все они в ходе избирательной кампании были вычищены лидером ЛДПР из партийных списков.

КПРФ НА ВЫБОРАХ В II (VI) ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Хроника

26 августа 1995 г. состоялась партийная конференция, на которой был сформирован избирательный список КПРФ (270 человек) и утверждены списки депутатов-одномандатников – 163

кандидата. Общефедеральный список возглавили Геннадий Зюганов, Аман Тулеев и Светлана Горячева. Всего было создано 20 региональных групп.

1 сентября ЦИК утвердил общефедеральный список и список депутатов-одномандатников. КПРФ первой собрала подписи, и 29 сентября ЦИК зарегистрировал избирательный список.

По итогам голосования 17 декабря 1995 г. КПРФ получила 15 432 963 голоса, или 22,3% от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Наибольшее число голосов коммунисты получили в Северной Осетии (51,67%), Кемеровской области (48,05%), Орловской области (44,85%), Дагестане (43%). Наименьшее число голосов было отдано за коммунистов в Ингушетии (5,01%), Ямало-Ненецком округе (5,63%), Таймырском округе (6,12%), Ханты-Мансийском округе (7,96%) и Свердловской области (8,25%). В 37 регионах коммунисты набрали большее число голосов, чем в целом по России. В 60 регионах КПРФ заняла первое место.

Из 163 депутатов-одномандатников, выдвинутых предвыборной конференцией КПРФ, подписи собрали 132. Из них были избраны 58. Это самый высокий результат на выборах в VI Государственную Думу.

Комментарии

Причины, которые привели КПРФ к успеху на парламентских выборах, можно разделить на две группы: объективные и субъективные.

К числу объективных, несомненно, необходимо отнести все более осложнявшуюся социально-экономическую ситуацию в стране. Если в конце 1993 г. значительная часть избирателей еще верила в то, что экономические реформы президента Бориса Ельцина могут завершиться удачно, то к концу 1995 г. подобного мнения придерживалось меньшинство населения. Среди избирателей значительно возросли симпатии к общественно-политическим объединениям и политикам, выступавшим с критикой властей и "демократов", с которыми в массовом сознании связывались все беды. Успех КПРФ вовсе не единичный пример того, что большая часть избирателей отвернулась от "реформаторских" объединений. Из четырех избирательных объединений, преодолевших 5-процентный барьер, три подвергали критике правительство и президента, из 11 избирательных блоков и объединений, набравших более миллиона голосов, практически все выступали против правительства и президента, при этом только три из них могут быть названы "демократическими" и два – "центристскими".

Успех коммунистов был во многом обусловлен и тем, что проправительственные и демократические объединения не смогли выйти на уровень "Выбора России" образца 1993 г. Движение "Наш дом – Россия" (НДР) во главе с премьер-министром РФ Виктором Черномырдиным, созданное в апреле 1995 г. во многом ради того, чтобы противостоять КПРФ, в начале избирательной кампании в сентябре столкнулось с рядом проблем, обусловленных прежде всего ухудшением положения В. Черномырдина в российской верхушке. Осенью 1995 г. считалось, что отставка Черномырдина с поста председателя правительства фактически предрешена. Региональные лидеры отказали НДР в поддержке на деле. Не случайно, даже по оценкам НДР, в сентябре-октябре движение потеряло 40% своих депутатов-одномандатников, которые предпочли выступать в ранге "независимых" кандидатов. Кроме того, изначальная ориентация движения на применение "командно-административных" методов в партийном строительстве привела к тому, что в ходе избирательной кампании руководство НДР было фактически расколото, а профессионалы либо оказались вне движения, либо работали вопреки указаниям предвыборного штаба во главе с Сергеем Беляевым.

17 декабря 1995 г. в 11 регионах проходили выборы глав администраций (губернаторов). По многочисленным свидетельствам, все претенденты на этот пост, в том числе и действовавшие главы администраций, которые были назначены Борисом Ельциным, строили свою предвыборную агитацию на основе резкой критики московских властей, тем самым фактически агитируя за коммунистов; исключение составляли Анатолий Тяжлов (Московская область) и Борис Немцов (Нижний Новгород).

В то же время успех КПРФ во многом был предрешен стратегией и тактикой, избранной руководством избирательного штаба компартии.

Еще в начале кампании КПРФ производила впечатление партии-победительницы. Скорее всего, это было плодом сознательных усилий коммунистов и делалось для того, чтобы оказывать давление на соперников, региональные элиты и СМИ, а также на избирателей.

КПРФ считает себя правопреемницей КПСС и не стесняется об этом напоминать. В начале 90-х гг. это было не самым лучшим приемом, однако в 1995 г. КПРФ стала напоминанием обо всех

достижениях советской власти. Предвыборный имидж КПРФ можно охарактеризовать как умеренно оппозиционный, умеренно-патриотический и умеренно-коммуно-социалистический. КПРФ не делала ставку на радикальных оппозиционеров и не совершала действий, которые могли бы отпугнуть потенциального левоцентристского избирателя.

КПРФ чрезвычайно грамотно выстроила свой избирательный список. В центральной части, за исключением первой тройки, не было ни одного по-настоящему популярного политика. Все по-настоящему влиятельные и авторитетные коммунисты оказались в верхних строчках в региональных списках и, как правило, были выдвинуты еще и в одномандатных округах. Таким образом, основная агитационная работа происходила не в столице и не в крупных городах, где коммунисты изначально не могли рассчитывать на победу, а в регионах. Сам Геннадий Зюганов постоянно находился в агитационных поездках (за время предвыборной кампании он объехал более половины российских регионов).

Несомненной находкой был отказ КПРФ от массовой телеагитации и телерекламы. Практически все избирательные объединения сделали ставку на общенациональное телевидение, помня о том, что именно оно обеспечило успех Жириновского в 1993 г. Однако на этот раз массовое присутствие на телеэкране приводило скорее к обратному результату: видеоролики не только не убеждали избирателей, но наоборот – отталкивали их от блока или объединения.

Изменение роли телевидения в предвыборной кампании – тема отдельного исследования. Впрочем, как представляется, дело в том, что после того, как в 1994 г. многочисленные пирамиды ограбили население именно с помощью телерекламы, избиратели в принципе перестали ей доверять. Кроме того, размещение политической рекламы вперемежку с рекламой дорогих товаров избирателей также отпугивало и раздражало.

Скорее всего, КПРФ почувствовала эту тенденцию и работала только с региональными СМИ, тем более, что их воздействие на избирателей было во много раз выше, чем у центральных.

Большим плюсом КПРФ было наличие мощной разветвленной сети региональных организаций, охватывающих почти всю Россию. Тем самым компартия смогла обеспечить и устную агитацию и пропаганду среди населения, используя метод "от двери к двери". Отметим, что региональные организации КПРФ существуют и там, где нет других партийных организаций: в поселках городского типа, районных центрах и т.д. Кроме того, коммунисты смогли позволить себе направить наблюдателей на большинство избирательных участков.

Не стоит забывать и о том, что КПРФ была не единственным избирательным объединением левой ориентации. "На этом же поле" играли избирательный блок "Власть – Народу", аграрии и блок "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз". Вопрос, могли ли левые выступить единым блоком, остается открытым. По крайней мере, известно, что переговоры между радикальными коммунистами Виктора Анпилова и Виктора Тюлькина и КПРФ велись, но ничем не закончились. "Зюгановцы" предлагали "анпиловцам" занять десятую часть списка, в то время как радикалы требовали пятую часть мест, в том числе в центральной части. Формально жизнь подтвердила правоту радикалов – анпиловцы получили 4,53% голосов. Однако если бы КПРФ образовала предвыборный блок с РКРП, то потеря голосов была бы значительно большей, так как от партии Зюганова могли отвернуться умеренные избиратели, поддерживающие "цивилизованных коммунистов" и не переносящие Виктора Анпилова.

Выборы в Госдуму рассматривались коммунистами как некая прелюдия к выборам президента. Руководство избирательного штаба КПРФ во главе с Валентином Купцовым делало все для того, чтобы не испортить возможное "электоральное поле". Во многом поэтому в ходе предвыборной кампании чисто коммунистическая терминология практически не использовалась.

ФРАКЦИЯ КПРФ В II (VI) ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ. 1996 г.

Хроника

17 декабря 1995 г. По итогам выборов в VI Государственную Думу избирательное объединение КПРФ набрало 22,3% голосов, получив в результате 99 мандатов. Кроме того, 58 кандидатов, выдвинутых КПРФ, победили в одномандатных округах.

8 января 1996 г. заместитель председателя ЦК КПРФ Валентин Купцов объявил о том, что КПРФ намерена помочь формированию двух депутатских групп: аграрной и "патриотической".

16 января была зарегистрирована фракция КПРФ в количестве 149 депутатов. Зарегистрированы были также Аграрная депутатская группа, АГД (39 депутатов) и группа "Народовластие" (37 депутатов)

16–19 января было сформировано руководство Государственной Думы. Фракция КПрФ получила пост председателя Госдумы (Геннадий Селезнев), вице-спикера (Светлана Горячева), а также 9 комитетов. Дружественные АДГ и "Народовластие" получили по два и три комитета соответственно.

Январь-февраль. Фракция "Яблоко" попыталась собрать подписи за внесение в повестку дня вопроса об отставке правительства. КПрФ отказала сторонникам Григория Явлинского в поддержке, мотивировав это тем, что вопрос об отставке правительства решится сам собой по результатам президентских выборов. В свою очередь, Геннадий Селезнев сказал о том, что правительство сделало ряд позитивных шагов навстречу оппозиции.

15 марта. Фракция КПрФ совместно с аграриями и "Народовластием" вынесла на обсуждение Думы постановление "Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления ВС РСФСР от 12 декабря 1991 г.". Постановление получило поддержку 250 депутатов.

9 августа. Государственная Дума 314 голосами "за" утвердила кандидатуру Виктора Черномырдина на должность премьер-министра. Значительная часть депутатов-коммунистов проголосовала за Виктора Черномырдина.

Ноябрь-декабрь. Фракция КПрФ содействовала принятию федерального бюджета на 1997 год.

Комментарии

Успех на парламентских выборах 17 декабря 1995 г. привел к тому, что фракция КПрФ стала самым большим депутатским объединением в Государственной Думе. В то же время коммунисты могли остаться в VI Думе в политическом одиночестве, так как их возможные союзники – Аграрная партия России и "Власть – Народу" не преодолели 5-процентный барьер, а рассчитывать на поддержку остальных парламентских партий – "Яблока", ЛДПР и НДР – коммунисты не могли хотя бы потому, что предвыборная президентская кампания уже началась и лидеры "Яблока" Григорий Явлинский и ЛДПР Владимир Жириновский заявили о своих претензиях на высший пост в государстве. Фракция НДР изначально занимала антикоммунистические позиции. Сразу после выборов многие лидеры НДР, в частности Александр Шохин, говорили о том, что заключение внутридумского блока с "Яблоком" – дело необходимое и "партия власти" готова ради этого пойти на серьезные уступки. В случае, если бы этот блок состоялся, некоммунистические силы в Думе (с учетом демократически и центристски настроенных депутатов-одномандатников) могли бы стать противовесом фракции КПрФ и фактически свести на нет победу коммунистов на парламентских выборах. Однако Григорий Явлинский отказался даже обсуждать возможность заключения союза между НДР и "Яблоком" (так как, с "яблочной" точки зрения, разница между НДР и "Яблоком" более значима, чем между НДР и КПрФ - ред.).

Чтобы избежать возможной политической изоляции, КПрФ пошла на формирование депутатских групп – сателлитов. Первый заместитель ЦК КПрФ Валентин Купцов сообщил в начале января агентству "Интерфакс", что коммунисты предполагают принять участие в формировании двух групп: аграрной и "патриотической". По словам В. Купцова, фракция КПрФ была готова отрядить своих депутатов для того, чтобы группы могли быть зарегистрированы. Ситуация облегчалась тем, что по одномандатным округам были избраны 20 аграриев и 10 представителей блока "Власть – Народу" во главе с Николаем Рыжковым и Сергеем Бабуриным. Вокруг них и стали формироваться Аграрная депутатская группа (АДГ) и группа "Народовластие".

16 января была зарегистрирована фракция КПрФ. В ее состав вошло 149 депутатов. Из входивших во фракцию вначале 158 человек 16 были направлены на усиление АДГ и группы "Народовластие" во главе с Николаем Рыжковым и Сергеем Бабуриным. Впрочем, к фракции КПрФ присоединились еще 7 независимых депутатов. В дальнейшем еще три депутата перешли в АДГ и "Народовластие", однако другие три вернулись из депутатских групп в "родную" фракцию.

Создание сателлитных депутатских образований позволило КПрФ уйти от ряда проблем, которые могли встать перед фракцией, если бы она осталась в одиночестве.

Во-первых, фракция КПрФ сумела избежать политической изоляции в Думе. Создание групп началось задолго до того, как стало очевидно, что НДР не сможет договориться с "Яблоком" о создании политической коалиции. И группа "Народовластие", и АДГ практически по всем вопросам голосуют вместе с коммунистами. Общая численность коалиции составляет около 220 депутатов. С учетом того, что ряд независимых депутатов голосует вместе с ней по всем ключевым вопросам, КПрФ фактически располагает простым парламентским большинством.

Во-вторых, коалиция во главе с фракцией КПРФ сумела захватить в VI Госдуме подавляющее большинство должностей. Председателем Государственной Думы стал секретарь ЦК КПРФ Геннадий Селезнев, заместителями председателя стали Светлана Горячева (КПРФ) и Сергей Бабурин ("Народовластие"). Коммунисты возглавили 9 комитетов. Помимо этого, во главе Комитета по регламенту и организации работы Думы, доставшемся согласно пакетному распределению должностей аграриям, встал коммунист-одномандатник Дмитрий Красников, Комитет по конверсии возглавил Георгий Костин, прошедший в Думу по спискам КПРФ. На подобные хитрости коммунисты шли и при распределении более мелких постов: так, известный адвокат-коммунист Юрий Иванов стал заместителем председателя комитета по законодательству от АДГ.

Коммунисты проявили политическую смекалку и при подборе комитетов. В их руках оказались такие ключевые думские подразделения, как Комитет по законодательству, Комитет по экономической политике, Комитет по безопасности, Комитет по делам Федерации и региональной политике.

История избрания Геннадия Селезнева председателем Государственной Думы может рассматриваться в качестве наиболее яркого примера того, как КПРФ реализует свой потенциал в Думе. Коммунисты не могли обеспечить достаточное количество депутатов, готовых поддержать кандидатуру Г. Селезнева, даже с учетом голосов "аграриев" и "Народовластия". Для того чтобы изменить ситуацию, фракция КПРФ предложила ввести дополнительный пост вице-спикера по национальным проблемам, который был обещан Рамазану Абдулатипову ("Российские Регионы"). Но так как вице-спикером был уже избран один представитель этой группы – Артур Чилингаров, было принято решение о том, что имя вице-спикера по национальным вопросам будет названо позднее. Маневр достиг своей цели, и несколько депутатов из группы "Российские Регионы" поддержали Г. Селезнева.

В конце марта депутат Владимир Семаго (КПРФ) поставил вопрос о сокращении числа вице-спикеров. После дискуссии, продолжавшейся в течение двух пленарных заседаний, было принято решение сократить количество вице-спикеров за счет обещанного Р. Абдулатипову места. Дебаты носили крайне острый, а подчас и оскорбительный для Р. Абдулатипова характер. Один из депутатов-коммунистов даже задал вопрос: "А почему это заместителем председателя по национальным вопросам должно быть лицо кавказской национальности?". В ответ взбешенный Р. Абдулатипов отказался от всяких претензий на должность вице-председателя и попросил сохранить сам пост, мотивируя это важностью проблемы. Тем не менее, должность была сокращена. К чести Владимира Семаго, он впоследствии выразил сожаление в связи с тем, что дискуссия приобрела такой, оскорбительный для Р. Абдулатипова, оборот.

Комментарии (2)

На деятельность фракции КПРФ и левой коалиции оказывало бесспорное влияние приближение президентских выборов.

Любимой темой у депутатов-коммунистов в первые месяцы работы Госдумы была тема нарушений в ходе предвыборной кампании Бориса Ельцина. Несколько раз в Думу вызывался первый вице-премьер Олег Сосковец, возглавлявший в начале года предвыборный штаб президента (О. Сосковец так и не откликнулся на приглашения). В Думу также вызывались и руководители федеральных ведомств, в которых, по сведениям депутатов-коммунистов, проводили сбор подписей за выдвижение Ельцина кандидатом на пост президента.

Приближение выборов сказывалось на законотворческой деятельности Думы. Депутаты нижней палаты приняли ряд законов, ранее отвергнутых их предшественниками. Так, был принят закон "Об общественном контроле за проведением выборов и контроле за подсчетом голосов", который представлялся еще до парламентских выборов и не получил поддержки фракции КПРФ. В этот раз фракция КПРФ оказалась менее пристрастна к законопроекту и поддержала его во всех трех чтениях (закон был отвергнут Советом Федерации). Изменение позиции вряд ли можно объяснить чем-то иным, кроме приближения выборов. Коммунисты еще в начале избирательной кампании говорили о возможности массовых фальсификаций со стороны Ельцина. Утвержденный закон позволял им направлять на избирательные участки дополнительное количество своих сторонников. Кроме того, выдвижение общественных наблюдателей могло стать дополнительным поводом для излюбленной активистами КПРФ личной агитации. Просьба ЦИК не принимать закон ввиду того, что он может осложнить проведение выборов, только подстегнула активность депутатов.

Нижняя палата приняла также закон "Об уполномоченном по правам человека" (также был отвергнут Советом Федерации). Ранее КПРФ не поддерживала этот закон, оставшийся с лета 1994 г. на уровне первого чтения. Неожиданно, сразу же после начала работы Думы нового созыва, закон был снова вынесен на пленарное заседание и был бы беспрепятственно принят, если бы фракция НДР не выступила "против". Основанием было утверждение, что закон, являясь конституционным, принимается конституционным большинством в 300 голосов, в то время как сам уполномоченный утверждается простым большинством в 226 голосов. Яростное сопротивление фракции НДР можно объяснить тем, что фракция КПРФ предполагала назначить на пост уполномоченного по правам человека Владимира Исакова, одного из самых давних противников президента, который подписал соглашение о поддержке кандидата от народно-патриотических сил Геннадия Зюганова. Если бы в конце февраля – начале марта 1996 г. Исаков стал омбудсменом, компартия получила бы лишний рычаг для воздействия на предвыборную ситуацию.

Очевидно, предвыборными мотивами было вызвано принятие закона о "Передаче полномочий президента", который описывал процедуру передачи власти в случае избрания нового президента. Закон по сути дела расшифровывает и дополняет статьи Конституции, посвященные передаче полномочий от президента к президенту, а также описывает социальные и правовые гарантии, которые получает президент, проигравший выборы и передавший свои полномочия победителю. КПРФ поддержала этот закон, согласившись даже со статьей 5, которая предписывает президенту приостановить свое членство в партии и общественных организациях. Отметим, что эта статья вызвала в фракции КПРФ раскол. Часть депутатов выступала против того, чтобы Геннадий Зюганов приостановил свое членство в партии в случае победы. Однако ради того, чтобы закон был принят, радикалы из фракции КПРФ сняли свои возражения. Победу одержали сторонники сохранения статьи. Мотивация подобного решения носит совершенно предвыборный характер: если бы коммунисты настояли на отмене этой статьи и добились принятия закона, их оппоненты из ельцинского штаба могли использовать это как аргумент в антикоммунистической агитации. Комитет по законодательству во главе с Анатолием Лукьяновым постарался учесть все замечания, поступившие от президента, которые, впрочем, носили редакционный и уточняющий характер.

Дума приняла также подготовленный Комитетом по общественным объединениям и религиозным организациям закон "О правовых гарантиях деятельности оппозиции". Закон был разработан и внесен одним из видных функционеров КПРФ Виктором Зоркальцевым. Содержание закона само по себе не представляет особого интереса: в нем расшифровываются и дополняются статьи Конституции ("Каждый гражданин имеет право на выражение своего мнения" и т.д.). Более любопытны причины, которые заставили коммунистов внести этот закон на обсуждение за несколько недель до выборов. Не исключено, что это объясняется опасениями руководства КПРФ относительно того, что в случае победы Бориса Ельцина против компартии начнутся репрессии.

Однако кульминацией предвыборных страстей в Госдуме стало инициированное фракцией КПРФ и депутатскими группами аграриев и "Народовластие" постановление о "Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене постановления ВС РСФСР от 12 декабря 1991 г.". По форме постановление денонсировало Беловежские соглашения о роспуске СССР и создании СНГ (впрочем, это полностью противоречило Конституции 1993 г., согласно которой ратификация и денонсация международных договоров совершается исключительно с помощью федеральных законов). Несмотря на очевидную юридическую нелепость подобного постановления, его поддержали 250 депутатов. В тот же день, буквально через несколько минут после того, как было принято первое постановление, Дума приняла еще одно постановление "О подтверждении юридической силы итогов референдума 17 марта для Российской Федерации", подготовленное вице-спикером Сергеем Бабуриным, менее радикальное, нежели постановление "Об углублении...". Самое любопытное заключается в том, что после того, как был принят первый документ, второй был просто не нужен.

Существует две версии, объясняющие события 15 марта в целом и принятие одновременно двух "беловежских" постановлений в частности.

Согласно первой, фракция КПРФ вместе со своими союзниками выполнила один из наказов избирателей, начав восстановление единого государства. Одновременное принятие двух постановлений было вызвано желанием заложить как можно более прочный правовой фундамент под здание обновленного Союза.

Вторая версия выглядит более правдоподобно. Фракция КПРФ была намерена поднять вопрос о денонсации Беловежских соглашений, провести небольшой предвыборный митинг в Госдуме, но не принимать постановления "Об углублении...", которое ставило коммунистов в

крайне сложную ситуацию (испорченные отношения с руководителями стран СНГ, возможные обвинения в пренебрежении правовыми нормами и Конституцией, неизбежные обвинения в радикализме). Результаты поименного голосования показали, что левая оппозиция отдала за постановление 213 голосов, в то время как для принятия документа было необходимо как минимум 226. Пример избрания председателя Госдумы иллюстрирует то, как КПрФ умеет мобилизовывать и привлекать необходимые ей голоса, работая прежде всего с депутатами из "Российских Регионов", однако в этот раз ничего подобного не было.

Постановление было принято благодаря голосам депутатов ЛДПР. Отметим, что в своем выступлении на пленарном заседании Владимир Жириновский не давал понять того, что он и его сторонники поддержат постановление.

Косвенным подтверждением, что КПрФ вовсе не настаивала на принятии постановления "Об углублении...", служит то, что принятое постановление не было встречено, как этого можно было ожидать, овациями и ликованиями. Напротив, реакция депутатов-коммунистов и их союзников была очень сдержанной. Геннадий Селезнев был откровенно потрясен. Еще одним косвенным подтверждением того, что КПрФ не рассчитывала на принятие постановления, можно считать отсутствие частых упоминаний того, что Дума "денонсировала" Беловежские соглашения, в ходе предвыборной кампании Геннадия Зюганова.

Комментарии (3)

После поражения Зюганова на президентских выборах КПрФ некоторое время находилась в своеобразном транс. Однако было бы нелепо объяснять этим факт безропотного утверждения Госдумой в целом и КПрФ в частности кандидатуры Виктора Черномырдина на должность премьер-министра. Настроение фракции КПрФ лучше всего выразил председатель думского Комитета по делам религиозных объединений и религиозных организаций Виктор Зоркальцев, который заявил: "Глупо, признав жену, не признавать тещу". В то же время руководство фракции стремилось избежать обвинений в том, что коммунисты своими руками помогли утверждению В. Черномырдина премьер-министром. Так как голосование должно было быть закрытым, предполагалось, что только часть фракции проголосует за В. Черномырдина, а остальные либо отдадут голоса против, либо не примут участия в голосовании. Однако вопреки ожиданием наблюдателей и лидеров КПрФ большая часть депутатов-коммунистов проголосовала за В. Черномырдина. Впоследствии Геннадий Зюганов заявил о том, что депутатам-коммунистам, избранным в тех регионах, где на выборах победил Борис Ельцин, было разрешено голосовать за Черномырдина.

В действительности 10 августа 1996 г. КПрФ потерпела серьезнейшее политическое поражение. Враг компартии Виктор Черномырдин, выдвинутый заклятым врагом коммунистов Борисом Ельциным на пост премьер-министра, был утвержден Госдумой, большинство в которой составляют члены КПрФ и их сторонники. Результаты тайного голосования и сведения о том, сколько депутатов находилось в зале, не оставляют никаких сомнений, что Россия получила премьер-министра при самой активной помощи компартии. Один из лидеров оппозиции, вице-спикер Государственной Думы Сергей Бабурин назвал итоги голосования "позором КПрФ".

Уже 12 августа 1996 г. секретарь ЦК Российской коммунистической рабочей партии Виктор Тюлькин направил Зюганову открытое письмо. "Зная программу КПрФ, учитывая последние действия вашей партии, в том числе сдачу позиций фракции КПрФ при утверждении Черномырдина, признавая право вашей организации на свое особое место в сегодняшней политической системе, вместе с тем прошу Вас рассмотреть вопрос о снятии слова "коммунистический" из названия вашей партии, дабы не дискредитировать саму теорию и не вводить в заблуждение людей труда", – писал Тюлькин. Один из лидеров оппозиции времен Верховного Совета Николай Павлов сказал журналистам, что последние три года КПрФ боролась не столько за власть, сколько за лидерство в оппозиции. В целом партии Геннадия Зюганова это удалось: в общественном сознании термин "оппозиция" все прочней увязывался с КПрФ. Сила компартии была не столько в разветвленной сети региональных отделений и большом количестве сторонников, сколько в том, что "партия Зюганова" имела репутацию непримиримо оппозиционной, но была в то же время вполне уважаемой политической организацией. Всего за пять минут КПрФ уничтожила свой имидж, а идеологически близкие партии и движения прилагали все усилия, для того чтобы закрепить такое положение.

Парадокс состоял в том, что коммунисты совершили роковой промах в благоприятнейшей для себя ситуации. Представители компартии не без оснований говорили о том, что КПрФ вышла из

предвыборной президентской кампании усилившейся. Геннадий Зюганов, находившийся в явно неравноправных условиях по сравнению со своим соперником, боролся до конца и сумел набрать 30 млн голосов. В ходе избирательной кампании структуры партии прошли проверку. Коммунистам удалось создать широкое оппозиционное движение, которое имело все возможности стать дееспособной политической структурой. КПРФ вместе со своими союзниками контролировала Думу, а попытка смещения Геннадия Селезнева с поста спикера захлебнулась.

Помимо всего прочего, итоги голосования разрушили миф о том, что в КПРФ существует жесточайшая дисциплина. Лидер фракции Геннадий Зюганов говорит с думской трибуны о том, что коммунисты не будут голосовать за премьера, а большинство его сторонников говорят премьеру “да”. Таким образом, по репутации Зюганова был нанесен серьезнейший удар. Впрочем, сразу же после объявления результатов, в думских кулуарах стали говорить о том, что лидер КПРФ элементарно “подставил” свою партию: сам выступил против Черномырдина, а своим депутатам отдал указание голосовать за премьера. В итоге Геннадий Зюганов сохранил имидж непримиримого оппозиционера, получив одновременно простор для политического маневра.

Имеют хождение еще несколько версий относительно того, почему фракция компартии проголосовала за Черномырдина. Наиболее распространено мнение, что коммунисты испугались возможного роспуска Думы. Однако, по оценкам аналитиков КПРФ, досрочные выборы в Думу, которые могли быть возможны в случае, если бы нижняя палата забаллотировала Виктора Черномырдина, могли принести коммунистам больший успех, чем в декабре 1995 г. Не исключено, что депутаты не прислушались к экспертам.

Вторая версия несколько расширяет первую. После предвыборной президентской кампании коммунисты психологически “сломались”. Слишком велико было ликование после победы на выборах в Думу, слишком оптимистическими были январские ожидания, слишком плохо выглядел в феврале президент. Многие члены КПРФ так и не смогли понять, как и почему Геннадий Зюганов не стал президентом, и восприняли переизбрание Бориса Ельцина как свое историческое поражение. Вследствие этого перспектива досрочных выборов виделась многим коммунистам не слишком радостной.

В дальнейшем фракция КПРФ еще больше подорвала свою репутацию непримиримого противника нынешних властей. Инициированное парламентским большинством внеочередное пленарное заседание Госдумы, посвященное подписанию соглашения “Черномырдин – Масхадов” закончилось самым настоящим политическим конфузом: итогом дискуссии стало 37-е постановление Думы, посвященное чеченской проблеме. 6 декабря 1996 г. коммунисты, согласившись на перенос обсуждения проекта бюджета, еще раз дали повод говорить о том, что оппозиционность Зюганова и его соратников заканчивается на уровне слов.

Комментарии (4)

14 декабря 1996 г. при ограниченном числе участников состоялся пленум ЦК КПРФ. Предполагалось, что руководство компартии обсудит “социально-политическую ситуацию в стране и очередные задачи партии”, а также ход подготовки к очередному съезду партии, который был намечен на середину апреля. Именно на пленуме должно было быть принято решение о том, как голосовать фракции компартии в Госдуме 15 декабря 1996 г. по проекту бюджета страны на 1997 год. Вокруг этого и велись споры.

Самым простым выходом для Геннадия Зюганова и его соратников было голосование против бюджета. Лидеру КПРФ даже не пришлось бы трудиться над текстом выступления: достаточно было поднять материалы собственных пресс-конференций. Собственно говоря, коммунистам нечего было терять. Даже если бы в результате распустили Думу, по итогам следующих парламентских выборов у компартии имелись прекрасные шансы, как минимум, сохранить свое представительство в нижней палате Федерального Собрания. Коммунисты получили бы возможность подбодрить своих сторонников очередной избирательной кампании, выяснив заодно, насколько губернаторы, победившие на выборах при поддержке КПРФ, к ней лояльны. Выступая против бюджета, КПРФ, возможно, рисковала вызвать на себя все обвинения в плачевном состоянии дел в российской экономике. Впрочем, Геннадий Зюганов и его сторонники привыкли вести предвыборную кампанию в условиях пропагандистского прессинга, более того, они научились получать на этом дополнительные голоса.

За несколько дней до пленума Геннадий Зюганов заявил, что “позиция коммунистов будет зависеть от того, насколько Кабинет Министров учтет их требования”. Лидер коммунистов отметил

также, что правительство уже пошло на определенные уступки. Кроме того, Зюганова обрадовал сам факт того, что премьер-министр и его коллеги просидели целый день на заседании Госдумы, внимательно слушая, что говорят депутаты.

В реальности провал проекта бюджета, возможный роспуск Думы и досрочные выборы, возможно, и принесли бы КПРФ некие краткосрочные политические выгоды, но одновременно перечеркнули бы все планы по формированию нового политического имиджа КПРФ.

Руководство компартии было намерено расширять круг своих сторонников за счет некоммунистически и антиельцински настроенных избирателей. Ради этого и был создан “Народно-Патриотический Союз России” (НПСР), который, находясь под полным контролем лидеров КПРФ, должен привлекать к ним тех, кто не готов голосовать за председателя ЦК КПРФ Геннадия Зюганова, но может поддержать Геннадия Зюганова – лидера народно-патриотических сил. Для того чтобы превратить НПСР из аморфной коалиции партии-гиганта и карликовых партий в реальную организацию, необходимо некоторое время. Еще больше времени нужно для того, чтобы все избиратели КПРФ твердо запомнили, что НПСР – это “свой”.

Если бы парламентские выборы проводились в первой половине 1997 г., то руководство компартии было бы вынуждено отложить и сам слоган НПСР, и все связанные с ним планы. Лидерам компартии пришлось бы пойти на радикализацию своих политических лозунгов, возможно, на союз с радикал-коммунистами. Чтобы избежать этого, руководству КПРФ было выгодно максимально оттянуть дату новых выборов, и, как следствие, помочь принятию бюджета.

В то же время Геннадий Зюганов не мог себе позволить просто так согласиться с проектом бюджета и призвать своих сторонников проголосовать “за”. Постепенная дерадикализация КПРФ вызывала ожесточенное сопротивление со стороны ортодоксов внутри компартии, исповедующих лозунг “чем хуже, тем лучше”.

Поддержав 15 декабря 1996 г. проект федерального бюджета на 1997 год, коммунисты сделали, пожалуй, самый большой шаг на пути трансформации из непримиримо оппозиционной партии в ответственно оппозиционную.

За день до обсуждения проекта бюджета в Думе лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил, что “оппозиция (имеется в виду компартия) уже получила от народа известные властные полномочия, и хотя они невелики, мы обязаны принять на себя свою долю ответственности за судьбу страны”. “Мы будем продолжать свою линию на предотвращение стихийного взрыва, который может похоронить страну”, – подчеркнул Зюганов, который, по его словам, прекрасно понимает, что “эта работа не дает возможности в корне изменить характер нынешней власти”, однако уверен, что эта “линия является продолжением классовой борьбы в современных условиях”.

Несомненно, Геннадий Зюганов полностью убежден в правильности выбранного им курса, однако ему еще предстоит убедить в этом свою партию. Разногласия относительно будущего КПРФ проявились уже в ходе голосования: 74 депутата проголосовали за бюджет, 44 – против. Первый заместитель Зюганова Валентин Купцов объяснил журналистам, что голосовавшие “против” сделали это “с разрешения руководства фракции”. Внешне ситуация выглядит несколько странно: фракция КПРФ договорилась с правительством, что поддержит бюджет в обмен на выполнение неких условий, после чего лидеры фракции разрешают трети депутатов голосовать “против”. Повидимому, итоги голосования фракции КПРФ можно расценивать как некое проявление если не раскола, то, по крайней мере, острейшего идеологического конфликта внутри партии, который сдерживается из-за страха перед расколом как таковым, но может проявиться в ходе любого обострения политической ситуации.

После утверждения государственного бюджета на 1997 год фракция КПРФ ничем себя не проявила. Геннадий Зюганов дал еще несколько пресс-конференций, от имени фракции было сделано еще несколько заявлений, о чудовищных и коварных коммунистических планах несколько раз написала пропрезидентская пресса. Депутаты от КПРФ привыкали к московской жизни. Все шло своим чередом.

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ ГЕННАДИЯ ЗЮГАНОВА

Хроника

9 января 1996 г. Инициативная группа во главе с депутатами Государственной Думы от КПРФ Светланой Савицкой и Алексеем Подберезкиным выдвинула Геннадия Зюганова кандидатом на пост президента.

11-12 января. V пленум ЦК КПРФ принял решение о выдвижении собственного кандидата на пост президента.

15 февраля Конференция КПРФ поддержала выдвижение кандидатуры председателя ЦК КПРФ Геннадия Зюганова на должность президента ЦК КПРФ.

Конец февраля – начало процедуры подписания соглашения о поддержке Геннадия Зюганова как единого кандидата от народно-патриотических сил на пост президента.

2 марта – ЦИК зарегистрировал Г.А. Зюганова кандидатом на пост президента (Зюганов стал первым официально зарегистрированным претендентом).

19 марта "Советская Россия" опубликовала предвыборную платформу Г.А. Зюганова "Россия, Родина, Народ".

16 июня Г.Зюганов в первом туре получил 24 211 790 (32,04%) голосов, а

3 июля во втором туре – 30 113 306 (40,31%) голосов.

Комментарии

Еще осенью 1995 г. коммунисты уходили от вопроса, кто будет кандидатом от КПРФ на президентских выборах. Вероятность выдвижения Геннадия Зюганова была достаточно велика, однако этого никто не утверждал. Сам лидер КПРФ неоднократно подчеркивал, что кандидатом может стать только политик, выдвинутый широкой коалицией "государственно-патриотических сил".

Выдвижение собственного кандидата на президентских выборах вызывало опасение у КПРФ хотя бы потому, что "прививка антикоммунизма", сделанная российскому избирателю в начале 90-х гг., продолжала действовать и кандидатура коммуниста на президентских выборах имела значительно меньше шансов на успех, нежели кандидатура беспартийного оппозиционера-государственника. В октябре 1995 г. широкое распространение получили слухи о том, что таким кандидатом может стать Александр Лебедь, а основой коалиции – альянс между Конгрессом русских общин (КРО) и КПРФ, к которой присоединятся остальные оппозиционные объединения. Не случайно Г. Зюганов неоднократно заявлял о том, что президента выдвинет союз коммунистов, аграриев и ассоциаций товаропроизводителей. Фактическим концом этого проекта стала пресс-конференция Юрия Скокова 4 ноября 1995 г., на которой тот заявил, что никаких контактов между КРО и КПРФ не было и нет. Тогда же предвыборный штаб КРО инициировал появление в СМИ слухов об альянсе КПРФ и НДР. Формальным закрытием темы альянса коммунистов и КРО стал провал Конгресса на парламентских выборах.

После победы КПРФ на выборах в Государственную Думу вероятность того, что компартия поддержит кого-то "со стороны", свелась к нулю. В то же время прямое выдвижение кандидата от компартии привело бы к нежелательному эффекту, так как все оппоненты могли сделать ставку на антикоммунизм. Поэтому КПРФ приняла решение о формировании широкой всеопозиционной коалиции, которая поддерживала бы Геннадия Зюганова. В постановлении V пленума ЦК КПРФ была отмечена необходимость "создания широкого блока народно-патриотических сил, консолидации коммунистических партий и организаций России".

Ставка была сделана на формирование имиджа Геннадия Зюганова как "народного президента". Именно поэтому Зюганов был выдвинут кандидатом не КПРФ, а некой инициативной группой избирателей, во главе которой стояли Алексей Подберезкин и Светлана Савицкая. Для этого же началось формирование коалиции, в которую должны были войти все оппозиционные Борису Ельцину политические силы.

За три месяца напряженной работы КПРФ удалось добиться того, что Соглашение о поддержке единого кандидата от народно-патриотических сил Г.А. Зюганова подписало около 120 партий и общественных организаций и 100 политиков, общественных деятелей, артистов и писателей. К числу наивысших достижений можно отнести то, что к соглашению присоединились социал-патриотическое движение "Держава" Александра Руцкого, "Трудовая Россия" Виктора Анпилова, Аграрная партия России (АПР) Михаила Лапшина, Союз коммунистических партий – КПСС (СКП–КПСС) Олега Шенина, Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) Виктора Тюлькина, Всероссийское офицерское собрание во главе с Владиславом Ачаловым. Российский общенародный союз (РОС) и Сергей Бабурин поддержали кандидатуру Геннадия Зюганова, однако соглашение подписывать не стали.

В то же время ряд организаций из числа подписавших соглашение либо малоизвестны и не обладают влиянием, либо зарегистрированы на региональном уровне. Создается впечатление, что

создатели коалиции привлекали в коалицию всех, кого можно было привлечь. Именно из-за этого возник скандал с 10 молодежными организациями, демонстративно покинувших блок. Почти все организации из этой десятки до того момента были неизвестны даже журналистам, изучающим общественные объединения.

Работу по привлечению новых организаций курировали Александр Шабанов и Виктор Зоркальцев – по некоторым сведениям, их деятельность была признана вполне успешной.

Структура коалиции в поддержку Г. Зюганова имела два принципиальных отличия от всех всеоппозиционных объединений, существовавших с 1992 г. Во-первых, соглашение носило исключительно предвыборный характер. Во-вторых, в этом альянсе, в отличие от всех остальных попыток создания всеоппозиционного “ковчега”, совершенно очевидна доминирующая роль КПРФ. Председателем предвыборного штаба коалиции стал руководитель избирательного штаба КПРФ, заместитель председателя ЦК партии Валентин Купцов.

Влияние привлеченных организаций на ход предвыборной кампании было незначительным и не гарантировало их лидерам мест в администрации и правительстве президента Геннадия Зюганова. Дабы не разрушить коалицию, Зюганов не спешил с оглашением списка своего кабинета.

Предвыборная кампания Геннадия Зюганова начиналась в исключительно выгодной для него политической ситуации. Избиратели и оппоненты находились в шоке от победы КПРФ на парламентских выборах, Госдума была взята под контроль фракцией компартии и, что главное, не было видно достойного противника выдвигенцу коммунистов. Шансы Бориса Ельцина оценивались как близкие к нулю, в то же время было очевидно, что президентская команда не позволит принять участие в предвыборной кампании Виктору Черномырдину. Все остальные кандидаты – Григорий Явлинский, Александр Лебедь – также не могли считаться серьезными противниками.

С января по май ситуация принципиально изменилась. Сначала Ельцин в первые два месяца 1996 г. доказал, что он реальный кандидат, а ближе к дню голосования сумел создать себе имидж фаворита избирательной гонки. Президент предпринял несколько эффектных политических шагов (союз с Белоруссией, начало мирного процесса в Чечне, начало погашения задолженностей “бюджетникам”). Еще важнее то, что Борису Ельцину удалось восстановить единство исполнительной власти, заставив и федеральных министров и региональных лидеров работать на избирательную кампанию, объединить вокруг себя подавляющее большинство демократических, реформаторских и центристских партий и движений, а также взять под контроль СМИ, в особенности электронные. Геннадий Зюганов и его сторонники оказались явно не подготовлены к подобному развитию событий.

В ходе избирательной кампании выяснилось, что КПРФ по сути дела не готова к президентским выборам, так как они требуют решения принципиально иных задач, чем парламентские.

Так, например, еще на партконференции, состоявшейся в феврале 1996 г., было признано, что итоги выборов, в особенности результат второго тура, будут зависеть от голосования жителей мегаполисов. Однако вся предвыборная стратегия коммунистов была рассчитана исключительно на работу с их традиционным электоратом, в основном в сельской местности, в малых и средних городах. Выяснилось, что предвыборные структуры КПРФ просто не умеют работать с жителями крупных городов, которые не являлись изначально сторонниками Г. Зюганова, но не были настроены голосовать за Б. Ельцина.

Комментарии (2)

В принципе, в предвыборной кампании Г. Зюганова совершенно отсутствовало стратегическое планирование и четкая тактика. Сами активисты и сторонники лидера КПРФ были недовольны содержанием предвыборной кампании своего кандидата.

Так, например, Г. Зюганов не высказал четкой и разумной позиции по чеченскому конфликту. В принципе, лидер коммунистов мог выступить как за прекращение войны, что привлекло бы внимание противников военного решения проблемы, так и “за войну до победного конца” – это принесло бы голоса “ястребов” (и тех, и других среди возможных сторонников лидера КПРФ было достаточно). Противоречивой была позиция кандидата и практически по всем другим вопросам.

Г. Зюганов так и не смог обеспечить информационную поддержку своей кампании. Объяснять это “враждебностью и ангажированностью СМИ” было бы не совсем правильно. Конечно, подавляющая часть периодических изданий и все без исключения электронные СМИ

встали на сторону президента. Подобное развитие событий можно было предугадать, но ничего не было сделано, чтобы создать этому противовес.

К числу успехов можно отнести инициированную сторонниками Г. Зюганова кампанию относительно вероятной фальсификации результатов выборов представителями властных структур.

Одновременно лидеры КПРФ лихорадочно пытались найти общий язык с властными элитами. 30 апреля Г. Зюганов принял в Госдуме делегацию, представлявшую интересы “подписантов” “Обращения 13-ти”, В. Купцов согласовал с мэром Москвы и с МВД вопросы обеспечения безопасности при проведении праздничных мероприятий 1 и 9 мая. КПРФ отказалась от выдвижения своей кандидатуры на пост главы столичной администрации, в то же время кандидатом на пост вице-мэра Юрий Лужков избрал префекта Южного округа Валерия Шанцева, который пользуется в руководящих кругах КПРФ репутацией “своего человека”. Кроме того, были пущены слухи о том, что коммунисты намерены сохранить на своих местах от четверти до трети тогдашних министров и замминистров.

После первого тура Зюганов принципиально изменил свою тактику. Несмотря на первоначальные намерения, кандидат отказался от любых поездок по регионам (планировалось, что лидер КПРФ объедет регионы, в которых значительное количество голосов набрали А. Лебедь и В. Жириновский) и попытался воздействовать на решение еще не определивших свои предпочтения избирателей из Москвы.

Г. Зюганов давал пресс-конференции каждый день, вплоть до 2 июля 1996 г. Иногда это было уместно, как например, в момент назначения А. Лебеда секретарем Совета Безопасности и “коржаковско-коробочного кризиса”, иногда абсолютно беспредметно. Однако вне зависимости от содержания пресс-конференции кандидата их освещение в СМИ, прежде всего электронных, было весьма и весьма скудным. Фактически Г. Зюганов выступал не столько для избирателей, сколько для представителей аппарата, заполнявших места встречи кандидата с журналистами, и поддерживавших Г. Зюганова восторженными криками и аплодисментами.

Последний скандал, связанный с предвыборной кампанией лидера КПРФ, состоялся 2 июля 1996 г. Руководство ОРТ не разрешило во время, отведенное ЦИК Зюганову, пустить в эфир предоставленный штабом кандидата видеоролик, и вместо него пустило другой, сильно уступавший первому по эффективности. Г. Зюганов и его сторонники заявили генеральному продюсеру ОРТ Константину Эрнсту протест, который, однако, не принес результата.

Скорее всего, и Зюганов, и его окружение с определенного момента хорошо понимали, что выборы выиграть практически невозможно, поэтому старались подготовить своих сторонников к поражению, дабы те не перешли к неконституционным действиям. Именно поэтому уже за два-три месяца до выборов в среде партийных активистов стали распространяться разговоры о том, что поражение лидера КПРФ на выборах в реальности станет поражением Бориса Ельцина, который уже к концу года столкнется с усугублением экономического кризиса, сопровождаемого социальным взрывом. Говорилось о том, что нынешние власти будут не в состоянии контролировать ситуацию в стране и тогда КПРФ просто “подберет” власть.

4 июля 1996 г. Г. Зюганов признал победу Б. Ельцина и официально поздравил его, подчеркнув при этом, что “успех нынешней власти достигнут не только дорогой, но разорительной для страны ценой, в результате грубых нарушений избирательного законодательства, невиданной мобилизации государственных средств и возможностей на личную предвыборную кампанию Бориса Ельцина”.

УЧАСТИЕ КПРФ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 1996 г.

Выборы губернаторов осенью 1996 г. могли и не состояться. В администрации президента был составлен план, согласно которому в сентябре должны были состояться выборы лишь нескольких губернаторов, после чего планировалось объявить о необходимости отложить избирательную кампанию. Авторы проекта заручились согласием со стороны лидеров КПРФ. Оппозиция не очень хотела включаться в третью по счету избирательную кампанию. Поражение на президентских выборах деморализовало и верхушку КПРФ, и рядовых активистов – оппозиции требовалось время на реорганизацию. Однако поскольку осуществление плана было нарушено болезнью Бориса Ельцина, КПРФ решила не отказываться от тренировки перед весьма вероятными досрочными президентскими выборами.

Все кандидаты от КПРФ и НПСР были разделены на три категории: полностью приемлемые (свои выдвиженцы), относительно приемлемые (политически нейтральные фигуры) и полностью неприемлемые (явные сторонники “партии власти”). Кандидаты первого и второго разрядов включались в списки поддержки НПСР вне зависимости от их желания.

Выборы начались с Саратовской области. Традиционно поддерживающая оппозицию область стала “испытательным полигоном” возможностей власти. Выборы Дмитрия Аяцкова в саратовские губернаторы было решено сделать образцово-показательными – “зеркалом русской эволюции”. Кремль полностью рассчитался с областью по долгам, что позволило московскому кандидату погасить задолженности по пенсиям и зарплатам, оплатить все федеральные программы. В помощь ему были направлены имиджмейкеры из фирмы “Никколо-М”, работавшие в период президентской кампании с Борисом Ельциным. Результат – блестящая победа Аяцкова, получившего 86% голосов. Ставленник КПРФ Анатолий Гордеев получил 15% голосов. Нет никаких сомнений, что если бы Кремль был также финансово активен в других регионах, у оппозиции просто не оставалось шансов. Однако выборы в Саратовской области были первыми и последними, где поддержка властью своих сторонников была настолько сильной. В дальнейшем Москва предпочитала не вкладывать деньги в надежные кадры, а ставить на победителя. В свою очередь, КПРФ также выбирала кандидата, который был политически нейтрален и имел реальные шансы на победу.

Уже на следующем этапе КПРФ взяла реванш. Председатель Амурского областного совета народных депутатов Анатолий Белоногов победил назначенного главу администрации Юрия Ляшко. Однако перевес составил всего 189 голосов, и незначительность разрыва позволила проигравшему протребовать пересмотра итогов голосования. Отмена итогов выборов и проведение повторного голосования ничего в принципе не изменила: 23 марта 1997 г. победу, теперь уже с большим перевесом, одержал все тот же Белоногов. Этих хлопот легко можно было избежать, если бы в сентябре 1996 г. оппозиция была представлена единым кандидатом. Однако помимо Анатолия Белоногова на должность губернатора претендовал и бывший член Совета Федерации Павел Штейн, придерживавшийся скорее анпиловских позиций, который получил 6% голосов.

Результаты выборов губернатора Ростовской области, проходивших 29 сентября 1996 г., оппозицией были опротестованы. По мнению представителей КПРФ, руководство области допустило серьезные нарушения и подтасовки. Фракция КПРФ добилась создания специальной парламентской комиссии, которая обратилась в Генеральную прокуратуру с требованием расследовать обстоятельства предвыборной кампании в Ростовской области.

Выборы в Ленинградской области принесли победу Вадиму Густову, который пользовался поддержкой как НПСР, так и ряда демократических объединений. Вадим Густов открыл серию представителей так называемой партии крепких хозяйственников – кандидатов, поддерживавшихся как “партией власти”, так и оппозицией.

С точки зрения оппозиции, Кремль региональные выборы проиграл. К 14 новым губернаторам, выдвинутым непосредственно НПСР, здесь прибавляют всех “независимых”, в той или иной мере поддержанных оппозицией в ходе избирательной кампании, оставляя в активе власти лишь 20 переизбранных “московских назначенцев”. Путем таких несложных подсчетов коммунисты записывают себе “победу по очкам” со счетом 25:20.

Если же исходить из того, что региональные выборы были борьбой “партии власти” и народно-патриотической оппозиции, то Кремль кампанию безусловно выиграл. Кандидатам от НПСР удалось занять губернаторские кресла в ряде регионов, традиционно голосующих за левых, однако в большинстве субъектов федерации, которые на президентских выборах поддержали Б. Ельцина, представители оппозиции не прошли. Более того, ставленникам Кремля удалось победить в нескольких регионах, которые традиционно относились к так называемому “красному поясу”, например, в Читинской области, Еврейской АО. Местные выборы показали, что у КПРФ нет достаточного количества популярных лидеров регионального масштаба. На выборах не победил ни один из секретарей обкомов КПРФ. Только трое новых “оппозиционных губернаторов” были депутатами Госдумы. Большинство победителей – кандидатов НПСР до выборов занимали должности председателей областных и краевых законодательных собраний, то есть были людьми, так или иначе имевшими отношение к власти.

Кадровая недостаточность оппозиции проявилась и в ходе выборов мэров столиц субъектов федерации. Более чем в 20 городах победили либо действующие градоначальники, либо их заместители – оппозиция выиграла только в двух региональных столицах.

В то же время то, что КПРФ смогла вести борьбу практически наравне со всей структурой исполнительной власти, свидетельствовало в ее пользу. КПРФ по итогам региональных выборов утвердила за собой место второй политической силы в стране.

ГРУППИРОВКИ В КПРФ

В настоящее время компартия располагает одной из наиболее разветвленных сетей региональных организаций. При этом КПРФ имеет первичные организации не только практически в каждом субъекте РФ, но и на более низком уровне, чего нет ни у одной из ныне существующих партий.

Местные организации КПРФ по своему составу во многом пересекаются с организациями радикально коммунистических и националистических партий и объединений. Особенностью КПРФ является то, что партия объединяет не только приверженцев коммунистической идеологии, но и большинство непримиримых оппозиционеров, в том числе и националистической направленности. Подобное положение является результатом целенаправленной политики Г. Зюганова, который начиная с 1990 г. выступал за союз коммунистов и державников. Во значительной степени из-за этого у него и возник конфликт с В. Купцовым, выступавшим тогда против засорения коммунистического движения "националистами" (на восстановительном съезде КПРФ в 1993 г.). В настоящее время В. Купцов вполне, по крайней мере на словах, разделяет позиции Г. Зюганова: он участвовал в оттеснении своих бывших коллег-"интернационалистов" (Е. Красницкий, В. Семаго) на непроходные места в списке.

Возрастной состав активистов КПРФ – это преимущественно пенсионеры и молодежь (ее приток в КПРФ за последний год заметно усилился).

Важную роль в формировании идеологического имиджа КПРФ играет объединение "Духовное наследие", возглавляемое президентом РАУ-Корпорации А. Подберезкиным. "Духовное наследие" формально объединяет так называемую творческую и техническую интеллигенцию, поддерживающую КПРФ. Структуры РАУ-Корпорации принимали самое активное участие как в разработке программы КПРФ, так и в формировании цивилизованно-державнического и отчасти социал-демократического имиджа Г. Зюганова и его партии. Впрочем, в последнее время под давлением радикально настроенных региональных активистов Г. Зюганов вынужден иногда возвращаться к квазикоммунистической фразеологии.

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) считается наиболее сплоченной политической структурой в стране, особенно на фоне всех остальных партий и движений, вне зависимости от идеологической ориентации. За четыре года, прошедшие после воссоздания КПРФ (весна 1993 г.), в партии не произошло ни одного раскола или какого-либо значимого конфликта, попавшего бы на страницы периодических изданий, подтвержденного документально или ставшего предметом обсуждения. Снаружи КПРФ выглядит несокрушимым монолитом, сведения же изнутри только укрепляют подобный имидж.

На самом деле КПРФ по части внутренней сплоченности и единства не слишком выделяется из общего ряда российских политических структур. По-настоящему значимым отличием является то, что коммунисты не "вытаскивают грязное белье" на всеобщее обозрение. Тому есть несколько причин и традиционная скрытность коммунистов вовсе не самая главная.

КПРФ воссоздавалась и на первых порах существовала под жесточайшим прессингом властей. Период с августа 1991 по март 1993 г. сами коммунисты вспоминают с нескрываемым ужасом. Вплоть до выборов в V Государственную Думу компартия находилась на полулегальном положении, а однажды, после октябрьских событий 1993 г., партия была снова запрещена. Уже тогда основные надежды связывались с выборами. Руководство компартии понимало, что любой позитивный результат придаст КПРФ некую легитимность. Часть региональных структур и лидеров второго плана старались либо дистанцироваться от партии, либо, что было чаще, искали себе "запасной аэродром" (к подобным "запасным аэродромам" можно было отнести АПР, СПТ, в какой-то степени "Женщин России"). Обострение ситуации вызвало бы еще большее бегство из партии. В подобных условиях внутренняя сплоченность была залогом того, что КПРФ сохранится как политическая структура и сможет достойно выступить на выборах. Впрочем, уже тогда в партии имели место серьезные конфликты. Часть членов партии, ориентировавшиеся на Геннадия Зюганова и Валентина Купцова, делали ставку на бескровное взятие власти, в том числе и путем выборов, радикалы под руководством Валентина Варенникова и Альберта Макашова (и в значительно меньшей степени Амана Тулеева) рассчитывали на более решительные методы. После октябрьских событий 1993 г. верхушка радикалов была либо изолирована, либо деморализована и сторонники "мягкого" пути получили возможность повести партию по пути выборов.

После того, как КПРФ смогла создать партийную фракцию в V Думе, партия сразу же начала подготовку к следующим парламентским выборам и избранию главы государства. Несмотря на

облегчение условий существования, КПРФ по-прежнему ощущала внешнее давление. Кроме того, партия по сути дела не выходила из режима избирательной кампании, что само по себе обуславливает сохранение хотя бы внешнего единства. После успеха КПРФ на парламентских выборах в 1995 г. и победы коммунистов при избрании спикера Государственной Думы и распределении парламентских должностей Г. Зюганов получил реальные шансы на победу на президентских выборах. В этих условиях разрушение имиджа монолитной партии могла бы только повредить шансам кандидата и оттолкнуть как избирателей, так и структуры, которые были способны оказать ему поддержку. Не следует забывать и то, что значительная часть коммунистических избирателей органически не приемлет раскол в своей партии и никогда не сможет адекватно его воспринять.

Выдвижение Г. Зюганова кандидатом в президенты от коалиции народно-патриотических сил, во главе которой стоит КПРФ, не пользовалось единодушной поддержкой внутри партии, так как он, как партийный лидер, до определенного времени не имел однозначной и безусловной поддержки партийной массы. Часть радикалов до сих пор не может простить ему "отступничества" 3 октября 1993 г., и фактически мирного сосуществования с режимом. В то же время более умеренные члены КПРФ помнят о том, что после запрета КПРФ в 1991 г. Г. Зюганов искал возможности для сохранения себя как политика вне зависимости от того, что будет с партией. Именно этим объясняется то, что за 1992 г. он перебивал в президиумах и координационных советах всех оппозиционных структур (Фронт национального спасения (ФНС), Российский собор и т.д.). Партию сохранил Валентин Купцов. На восстановительном съезде выбор производился между ним и Г. Зюгановым, причем победа последнего во многом была обусловлена именно поддержкой радикалов. Впрочем, на пользу Г. Зюганову пошло и то, что он уже имел репутацию публичного политика и был известен за пределами партии, в то время как его соперник пользовался авторитетом только среди коммунистов.

Группировки в КПРФ (2)

В КПРФ ранее существовало одновременно несколько течений: от фундаменталистов до социал-демократов (включая националистов, еврокоммунистов, социалистов, "прагматиков" и т.д.). Г. Зюганову до сих пор удается поддерживать равновесие между течениями в партии, что не означает, что представители всех течений не имеют к нему претензий. Напротив, они настороженно следят за каждым его шагом, постоянно подозревая в симпатиях к соперничающей группировке. Тем не менее, партийная дисциплина по-прежнему остается важнейшей ценностью для членов КПРФ и большинство из них поддерживало избирательную кампанию Г. Зюганова.

В настоящее время в руководстве КПРФ существует несколько группировок, которые различаются как по идеологическим, так и по социально-экономическим признакам.

Первая – так называемый внутренний кабинет лидера КПРФ, в который входят секретарь ЦК по избирательным кампаниям Виктор Пешков, советник по экономическим вопросам Николай Савельев, а также адвокат Юрий Иванов – едва ли не единственный человек, который пользуется полным доверием Г. Зюганова. Кроме того, в эту же группу входит Алексей Подберезкин, которого с Г. Зюгановым связывают давние отношения (с сентября 1991 по январь 1993 г. Г. Зюганов числился в РАУ-Корпорации, там же и получал зарплату). Участники и сторонники этой группы являются самыми ревностными адептами создания и укрепления "Народно-Патриотического Союза России".

Вторая – "прагматики", во главе которых стоит Валентин Купцов. В эту группу входят секретарь ЦК по вопросам идеологии Александр Шабанов, председатели думских комитетов Юрий Маслюков, секретарь ЦК КПРФ по оргработе Сергей Потапов, Юрий Воронин, ряд секретарей обкомов, ориентирующихся на В. Купцова, в какой-то степени Геннадий Селезнев. Группа Купцова не слишком активно действует в направлении радикализации политического курса партии, ее вполне устраивает статус-кво: КПРФ – крупнейшая оппозиционная организация, представленная в Думе, со всеми вытекающими отсюда перспективами и преимуществами. За членами этой группы стоят определенные финансовые круги, имеющие выход на Ю. Маслюкова, который как бывший председатель союзного Госплана имеет весьма тесные отношения и с государственным аппаратом, и с коммерческими структурами, возглавляющимися выходцами из Госплана (экс-председатель исполкома НДР Леонард Вид, нынешний председатель совета директоров "Альфа-Банка", пришел на прием к Ю. Маслюкову через два дня после нового назначения). Кроме того, значительная часть партийного аппарата и региональных организаций также склонна ориентироваться на "прагматиков".

Третью группу, в которую входят председатель думского комитета по законодательству Анатолий Лукьянов, Владимир Шевелуха, Виктор Илюхин, Олег Миронов и Виктор Зоркальцев,

можно назвать "умеренными радикалами". Они поддерживают Г. Зюганова, однако настаивают на более жесткой линии по отношению к исполнительной власти. Именно представители этой группы являются инициаторами самых жестких или "экстремистских" акций фракции и партии. Кроме того, на их стороне – около половины депутатов от КПРФ, попавших в Думу по итогам последних выборов.

Четвертую группу составляют "неумеренные радикалы" во главе с Альбертом Макашовым и секретарем ленинградской организации Юрием Беловым. Представители этой группы в целом настроены гораздо более непримиримо по отношению к "партии власти", нежели первые три. Как правило, именно они выступают с ультрарадикальными инициативами, а в случаях, когда думская фракция КПРФ идет на какие-то соглашения с властями, голосуют против этих соглашений, например, по бюджету на 1997 год. В то же время эта группа сохраняет видимость лояльности руководству партии и практически не выступает против него.

В последние месяцы выделилась еще одна группировка, которая прямо заявляет о своей оппозиционности курсу руководства КПРФ. Среди членов ЦК КПРФ группировка представлена Теймуразом Авалиани, Татьяной Астраханкиной и Ричардом Косолаповым (ныне уже не член ЦК). Представители этой, относительно ортодоксальной, группы считают, что Г. Зюганов и его окружение окончательно переродились и завели партию в тупик, а Алексей Подберезкин является "злым гением" КПРФ.

Несмотря на существование различных идейных тенденций в высшем партийном эшелоне, руководство КПРФ в целом политически консолидировано. Лидеры всех группировок прекрасно осознают пагубность конфликтов в своей среде и всячески их избегают. Возникающие противоречия преодолеваются через компромиссы. Сплоченности руководства КПРФ значительно способствует и то, что Г. Зюганов является единственным политиком общенационального масштаба в составе КПРФ.

На посту руководителя КПРФ Г. Зюганов проявил качества опытного тактика, мастера закулисного маневра и компромисса, умело нейтрализующего действия своих возможных оппонентов. У него сложились хорошие личные отношения с главным партийным аппаратчиком и организатором В. Купцовым. Хотя власть Зюганова в партии не является монопольной, он, в целом, уверенно контролирует внутривнутрипартийную ситуацию.

Наиболее серьезной, но пока еще гипотетической линией конфликта в руководстве КПРФ является периодически возникающее напряжение между умеренным московским руководством и рядом региональных лидеров, испытывающих давление более радикальных партийных низов. Однако эти противоречия ни разу не доходили до стадии организационного раскола.

Хотя подавляющее большинство рядовых членов партии настроено в целом более радикально, чем ее руководство, и не одобряет проявляющиеся социал-демократические и националистические тенденции, это, скорее всего, не приведет к серьезному разладу между партийными низами и верхами. Ситуация в КПРФ контролируется и управляется ее руководством. В какой-то степени это можно объяснить боязнью расколов как таковых и отсутствием альтернативы Зюганову-лидеру, отчасти — возрастным составом и менталитетом рядовых партийцев, отчасти — хорошо отлаженной в партии системой обмена мнениями между руководством и низами.

Большинство членов КПРФ составляют люди старшего и пенсионного возраста, для которых характерен традиционный советский тип политической культуры с ее дисциплинированностью и упованием на авторитет вышестоящих инстанций. Эти же качества в полной мере разделяет подавляющее большинство партийных руководителей низшего и среднего звена — бывших коммунистических аппаратчиков советской эпохи — которым, вместе с тем, импонирует умеренность политического курса КПРФ.

Благодаря постоянной практике проведения общепартийных кампаний (обсуждение партийных документов, сбор подписей под различными инициативами и т.д.) руководству КПРФ удалось наладить действенные каналы обратной связи с партийными низами. Руководство партии информировано о массовых настроениях рядовых партийцев, что позволяет ему чутко реагировать на изменения и, в случае необходимости, корректировать свою линию.

КПРФ В БЛОКАХ И КОАЛИЦИЯХ, ЕЕ СОЮЗНИКИ И ПАРТНЕРЫ

КПРФ и АПР

Аграрная партия России (АПР) под руководством Михаила Лапшина считалась и считается одним из самых ближайших и верных союзников КПРФ. Когда Г. Зюганов перечисляет своих

союзников, он неизменно называет аграриев, именуя их "крестьянством". В V Государственной Думе фракции АПР и КПрФ практически по всем вопросам выступали вместе, за исключением одного, но принципиального вопроса. Часть депутатов-аграриев в решающий момент принятия федеральных бюджетов на 1995 и 1996 годы голосовала за него, при этом правительственные чиновники прямо намекали, что они "договорились" с аграриями. Это обстоятельство кажется крайне важным при рассмотрении одной из "загадок" парламентских выборов 1995 г.

Как известно, на выборах в VI Госдуму АПР набрала 2 613 127 голосов (3,78%) и не попала в Думу. По сравнению с выборами 1993 г. аграрии потеряли почти 2 миллиона голосов (на выборах в V Думу за них проголосовали 4 292 318 человек (7,99%). В 78 регионах АПР в 1995 г. выступила хуже, чем 2 года назад. Кроме того, произошло уменьшение количества депутатов-одномандатников: в 1993 г. в Думу избралась 34 агрария-одномандатника, в 1995 г. – 20.

Провал избирательного списка АПР удивителен хотя бы потому, что структуры аграриев (помимо партии, есть еще Аграрный Союз Василия Стародубцева и профсоюз работников АПК во главе с Александром Давыдовым), полностью контролируют сельскую глубинку России и, по мнению многих наблюдателей, 5% им были обеспечены хотя бы за счет этого. Отметим, что попытки расколоть аграриев, предпринятые Иваном Рыбкиным, ни к чему не привели.

Анализ выборов в одномандатных округах показывает, что в 50 одномандатных округах были одновременно представлены кандидаты и от АПР, и от КПрФ. В большинстве из них победили коммунисты, в том числе и в 10 округах, где выставлялись депутаты-аграрии. Список провалившихся депутатов-аграриев по странному стечению обстоятельств совпадает со списком депутатов от АПР, поддерживавших федеральный бюджет. Кроме того, в тех округах, где аграрии соперничали с коммунистами, наблюдалось снижение, по сравнению с 1993 г., количества поданных за АПР голосов.

Не стоит думать, что КПрФ решила расправиться с АПР. Вероятно, было принято решение "наказать" только депутатов, поддержавших бюджет, а на местах это решение не совсем правильно поняли. Кроме того, часть региональных организаций АПР была настроена гораздо радикальней своего руководства – не случайно на всех съездах АПР в зале с завидной регулярностью раздавались крики: "Где двойное членство с КПрФ?".

Руководство КПрФ не ожидало, что АПР не преодолет 5-процентный барьер. Геннадий Зюганов в ночь с 17 по 18 декабря в ответ на вопрос: "Как вы могли бы оценить провал АПР?" заметно помрачнел и сказал: "Еще пока ничего не определено, подождем, пока подсчитают голоса в черноземных регионах". Сразу же после того, как началось формирование политической структуры VI Государственной Думы, коммунисты заявили о готовности поддержать создание Аграрной Депутатской Группы.

Когда началось формирование народно-патриотической коалиции в поддержку кандидата в президенты Г. Зюганова, среди первых подписавших соглашение были АПР во главе с М. Лапшиным, Аграрный Союз В. Стародубцева и профсоюз работников АПК А. Давыдова.

КПрФ и Александр Руцкой

На первых порах существования российской компартии взаимоотношения Александра Руцкого и коммунистов были просто превосходными. В 1990 г. А. Руцкой был избран членом ЦК КП РСФСР.

2 апреля 1991 г. Руцкой, выступая на III съезде народных депутатов РСФСР, подверг жесткой критике позицию руководства российской компартии и объявил о создании депутатской группы "Коммунисты за демократию", которая собиралась поддерживать Б. Ельцина. Чуть позднее вокруг Руцкого и его депутатской группы стали формироваться низовые структуры из числа еще не вышедших из партии сторонников демократических групп в КПСС. Рабочее название создаваемой партии было "Демократическая Партия Коммунистов России". После появления "Слова к народу", которое в числе прочих подписал и третий секретарь ЦК КП РСФСР Г. Зюганов, Руцкой сказал, что его авторов можно было бы посадить лет на 10. 6 августа А. Руцкого, к тому времени уже избранного вице-президентом в связке с Борисом Ельциным, и нескольких его сторонников исключили из КП РСФСР.

Вплоть до сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. А. Руцкой не имел никаких дел с Г. Зюгановым и воссозданной КПрФ. Трудно сказать, были ли контакты между ними во время осады "Белого Дома".

Фракция КПрФ в V Госдуме была одним из инициаторов объявления политической амнистии, которая, естественно, касалась и А. Руцкого.

После выхода из Лефортово Руцкой практически сразу включился в политическую жизнь. Вместе с Г. Зюгановым он принимал участие в проекте "Согласие во имя России". 29 мая 1994 г. состоялась конференция коалиции, на которой А. Руцкой заявил о том, что левое крыло оппозиции (имелась в виду КПРФ) уже сформировано, а он теперь намерен заняться формированием правого крыла. По-видимому, А. Руцкой рассчитывал на то, что он будет выдвинут в качестве единого всеоппозиционного кандидата на пост президента, однако его ожидания не оправдались. На совещании лидеров оппозиции в Калининграде в качестве единого кандидата был намечен Петр Романов (впрочем, это не имело никакого значения).

3 апреля 1995 г. состоялся учредительный съезд социал-патриотического движения "Держава". А. Руцкой был избран его председателем. В своей программной речи он обрушился на руководство КПРФ с резкими нападениями, обвинив его в соглашательстве с режимом и в отказе от реальной оппозиционной деятельности. Те же слова были повторены и на предвыборном съезде "Державы" 26 августа 1995 г.

После провала на парламентских выборах А. Руцкой пытался претендовать на пост президента, однако его предвыборная кампания продлилась недолго. 18 марта 1996 г. Руцкой подписал соглашение о поддержке единого кандидата от народно-патриотической оппозиции Г. Зюганова. Бывший вице-президент принимал участие в поездках Зюганова по регионам,

После президентских выборов А. Руцкой сначала принял активное участие в формировании "Народно-Патриотического Союза России". На учредительном съезде движения, состоявшемся 6 августа 1996 г., А. Руцкой был избран сопредседателем НПСР. Однако с сентября того же года и сам Руцкой, и представители "Державы" фактически прекратили работу в органах НПСР. Возможно, это объяснялось коллизией, которая сложилась в ходе выборов главы администрации Курской области.

Александр Руцкой не скрывал своего желания стать губернатором родной области. И КПРФ, и НПСР на словах не имели ничего против. Выдвинутый кандидатом в губернаторы секретарь курского обкома КПРФ Александр Михайлов рассматривался как "дублер" А. Руцкого. Однако курская избирательная комиссия отказалась зарегистрировать А. Руцкого кандидатом в губернаторы, мотивируя свой отказ тем, что он в последние годы не проживал на территории области. (Сторонники Руцкого объяснили это противодействием со стороны КПРФ – местная дума, которая сформировала избирательную комиссию, находится под контролем коммунистов.) В ответ А. Руцкой и его сторонники зарегистрировали межрегиональную организацию "Народно-Патриотический Союз регионов юга", поставив под угрозу регистрацию "большого" НПСР. В итоге стороны пошли на компромисс: после того, как после решения Верховного Суда А. Руцкой был зарегистрирован кандидатом в губернаторы, Александр Михайлов снял свою кандидатуру.

После того, как А. Руцкой с блеском выиграл губернаторские выборы, его отношения с КПРФ не улучшились. На съезде "Державы", состоявшемся в конце ноября 1996 г., он снова подверг КПРФ резкой критике, не исключив того, что на ближайших парламентских выборах "Держава" выступит отдельным списком.

КПРФ и СПТ

Социалистическая партия трудящихся (СПТ) была создавана осенью 1991 г. в качестве своеобразной "крыши" для региональных организаций запрещенной КП РСФСР. После того, как компартия была разрешена и восстановлена, из СПТ ушло 3/4 организаций (оценка председателя СПТ Людмилы Вартазаровой).

На выборах и 1993, и 1995 г. СПТ выступала отдельно от КПРФ. Л. Вартазарова в большей степени ориентировалась на Юрия Скокова, чем на Г. Зюганова.

В преддверии выборов президента перед социалистами вновь встал вопрос о поддержке лидера КПРФ. VIII съезд СПТ, состоявшийся 16 марта 1996 г., принял решение о поддержке единого кандидата от оппозиционных сил, однако отказал в поддержке Г. Зюганову. Социалисты мотивировали свое решение тем, что Г. Зюганов так и не стал общенациональным лидером, его предвыборная программа представляет собой "набор лозунгов, реализуемость которых вызывает большие сомнения", а также сохраняющейся в стиле КПРФ нетерпимостью к инакомыслию, "неумением партии работать как партнер".

Геннадий Зюганов и другие лидеры оппозиции – кандидаты на пост президента

Особую тему составляют взаимоотношения Г. Зюганова с другими кандидатами в президенты от коммунистов. Дело в том, что в начале 1996 г. было принято решение о выдвижении

так называемых дублеров Зюганова, которые заменили бы его в случае неожиданностей. Хотя «общедоступная» версия выдвижения дублеров гласила, что против единого кандидата от оппозиции могут быть совершены провокации, которые помешают ему участвовать в предвыборной кампании, реальным объяснением можно считать то, что Г. Зюганов в то время, даже после победы на выборах в Думу, не являлся общепризнанной кандидатурой внутри КПРФ. Он должен был предоставить доказательства, что не оставит своих коллег по оппозиции в случае победы. Выдвижение в президенты Петра Романова, Амана Тулеева и Виктора Анпилова было инспирировано для того, чтобы показать Г. Зюганову, что его претензии на пост президента от оппозиции могут быть поставлены под сомнение в любой момент.

По-видимому, Г. Зюганов сумел заручиться поддержкой партийного аппарата во главе с В. Купцовым и «расчистить электоральное поле». Уже в середине февраля 1996 г. во время партконференции КПРФ стало ясно, что Г. Зюганов являлся единственным кандидатом в президенты, в итоговой резолюции упоминался только один "дублер", которому было решено оказать помощь в сборе подписей – А. Тулеев. П. Романов и В. Анпилов выступили с заявлениями, в которых отмечалось, что они снимают или снимут свои кандидатуры в пользу Г. Зюганова.

Особое положение А. Тулеева можно объяснить тем, что он являлся несомненным лидером всех крайних течений в КПРФ, имел абсолютно незапятнанную репутацию, обусловленную его позицией и во время событий августа 1991 г., и в октябре 1993 г., и в последующий период. А. Тулеев никогда не шел ни на какие компромиссы с властями (до того, как довольно неожиданно вошел в правительство - ред.) и на всех пленумах и конференциях КПРФ отстаивал точку зрения "радикалов". В то же время А. Тулеев не мог считаться полноценным кандидатом в президенты исключительно из-за своего "нерусского" происхождения. Дело в том, что значительная часть КПРФ в период между запрещением и восстановлением партии побывала в различных национал-патриотических организациях и вполне прониклась националистическим духом. По свидетельствам многих источников, именно это использовал Г. Зюганов в борьбе за лидерство в партии. Впрочем, Г. Зюганов вынужден считаться с влиянием А. Тулеева как на шахтерские регионы, так и на национальные республики. Во многом из-за этого А. Тулеев постоянно фигурировал в качестве премьер-министра или даже вице-президента в гипотетической администрации Г. Зюганова.

Появление на политической сцене П. Романова во многом объяснялось влиянием А. Тулеева. П. Романов оказывал ему значительную поддержку во время предвыборной президентской кампании 1991 г. В свою очередь, А. Тулеев всячески способствовал раздуванию политической значимости фигуры П. Романова в 1994 – начале 1995 гг. Во многом из-за этого П. Романов был признан официальным претендентом от оппозиции на пост президента в ходе общероссийской встречи оппозиции в Калининграде осенью 1994 г. Впрочем, это соглашение было очень скоро забыто. Инерция политической значимости П. Романова сохранялась вплоть до предвыборной кампании 1995 г., после которой в Красноярске начался скандал, связанный с обвинением П. Романова в коррупции.

До сих пор П. Романов, наряду с Георгием Костиным и Алексеем Видьмановым, является неформальным лидером так называемого красного директорского корпуса. Влияние П. Романова распространяется на директоров Восточной Сибири.

Определенная зависимость П. Романова и А. Тулеева от Г. Зюганова во многом объясняется тем, что они не располагают собственными организационными структурами и опираются на отделения КПРФ, подчиняющиеся В. Купцову, который в данном случае полностью поддерживает Г. Зюганова.

Геннадий Зюганов и другие лидеры оппозиции – кандидаты на пост президента (2)

Гораздо сложнее выглядят взаимоотношения Г. Зюганова и Виктора Анпилова. Дело в том, что организации Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) и "Трудовой России" изначально были независимы от КПРФ. Несомненно, В. Анпилов является харизматической личностью для радикально-коммунистической части оппозиционных активистов. Очевидным козырем для В. Анпилова стала последняя избирательная кампания. Когда в июле 1995 г. шли переговоры между РКРП и КПРФ, В. Анпилов предлагал, чтобы представители его организации заняли одну четверть мест в списке, в то время как Г. Зюганов настаивал на том, что радикал-коммунисты могут получить только каждое десятое место. Выборы показали, что прав был скорее В. Анпилов.

То, что В. Анпилов все-таки не стал выдвигать свою кандидатуру на пост президента и поддержал Г. Зюганова, объясняется тем, что Анпилов не имеет собственных источников финансирования: деньги, которые он расходовал во время предвыборной кампании, были получены

от КПРФ. На президентскую кампанию В. Анпилов не получил ни копейки (и не мог бы получить). Именно этим объясняется небольшое количество собранных в его поддержку подписей – всего 700 тысяч. В. Анпилов поддерживает Г. Зюганова во многом условно.

Отношения КПРФ и радикальных коммунистов всегда были далеко не безоблачными. Радикалы от В. Тюлькина и В. Анпилова до Нины Андреевой считали, что КПРФ в целом и Г. Зюганов в частности чрезмерно увлекаются "парламентскими" формами борьбы, слишком далеко отходят от идеологии марксизма-ленинизма. В свою очередь, Зюганову, реально являющемуся не столько марксистом, сколько умеренным националистом или "державником", ортодоксы не нравятся не только тем, что они говорят и декларируют, но и предлагаемыми формами ведения политической борьбы – лидер КПРФ давно вжился в роль лидера парламентской, "статусной" оппозиции.

После президентских выборов раскол между "умеренными" и "ортодоксальными" коммунистами углубился. Радикалы, вынужденно поддержавшие Г. Зюганова, обвиняли его в отступлении от "коммунистической идеологии", что, по их мнению, и привело к поражению. В свою очередь, Зюганов, двигавшийся в сторону "политического центра", все больше старался дистанцироваться от РКРП и других левых организаций. Однако лидеру КПРФ все время приходилось брать в расчет, что значительная часть активистов его партии в значительной степени сочувствует В. Анпилову, поэтому он так и не решился на публичный разрыв.

Что касается отношений КПРФ с другими коммунистическими партиями, то необходимо отметить, что "партия Зюганова", несмотря на все заявления о готовности теснейшего союза с ними, практически старалась избежать альянса. Это проявилось и в ходе подготовки к парламентским выборам, когда КПРФ фактически отказалась от альянса с СКП–КПСС, так и в ходе президентской кампании – ни одна из мелких коммунистических групп так и не вошла в предвыборную коалицию Г. Зюганова.

Кроме того, Г. Зюганов подвергается критике со стороны С. Бабурина, считающего, что КПРФ встала на путь фактического соглашения с режимом Б. Ельцина. Конфликт проявился уже в том, что Российский общенародный союз, поддержавший кандидатуру Г. Зюганова с большими оговорками и достаточно поздно, формально так и не вошел в коалицию. В дальнейшем РОС не вступил в НПСР. С. Бабуриным мотивировал это тем, что движение будет находиться под полным контролем КПРФ. Бабурин настаивал на том, что одним из наиболее важных просчетов коммунистов явилось "доминирование узкопартийных интересов над общенациональными", а также "игнорирование изменений, произошедших в последние годы в обществе, государстве, сознании и психологии людей". Лидер РОС считал, что "поражение Геннадия Зюганова на президентских выборах не обидная случайность, а вполне закономерный итог просчетов стратегического характера, допущенных в последние годы как КПРФ, так и ее союзниками из патриотической оппозиции". При этом Бабуриным отмечено, что РОС "остается стратегическим союзником и честным партнером КПРФ, АПР и готов к сотрудничеству с НПСР", однако это сотрудничество должно быть скреплено соглашениями по конкретным вопросам, например, по сотрудничеству во время проведения региональной избирательной кампании. Более того, политсовет Российского Общенародного Союза предложил своим региональным организациям по согласованию с правлением партии, самостоятельно, в зависимости от местных условий, решать вопрос о формах сотрудничества с организациями, входящими в НПСР.

Действительно, слова С. Бабурина имели под собой серьезные основания. После победы на думских выборах в 1995 г. КПРФ стала ощущать себя "старшим братом" по отношению к другим оппозиционным объединениям. В предвыборной коалиции КПРФ была "первой среди равных": практически все решения принимались штабом партии и лишь потом утверждались штабом коалиции. Во многом это было оправданно, однако еще в ходе избирательной кампании подобное положение дел вызывало недовольство у внепартийных соратников Г. Зюганова. После того, как лидер оппозиции не выиграл президентские выборы, ряд представителей союзных КПРФ объединений чуть ли не в открытую говорили о том, что "авторское право" многих предвыборных огрехов принадлежит именно коммунистам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Куда будет эволюционировать КПРФ, похоже, не знают даже лидеры партии.

С одной стороны, КПРФ контролирует Государственную Думу, значительно представлена в Совете Федерации и, соответственно, в структурах власти на уровне регионов. КПРФ удалось стать уважаемой политической силой, с которой вынуждена считаться "партия власти". КПРФ признана на международном уровне. "Партии Зюганова" удалось заявить о себе как о "статусной",

"ответственной" оппозиции. Партия становится все более привлекательной для некоммунистически настроенных избирателей, которые уже не поддерживают ни Б. Ельцина, ни кого-либо еще из реформаторского лагеря.

С другой стороны, низы КПРФ с каждым месяцем все больше радикализуются, все больше требуют от своих лидеров решительных действий по отношению к исполнительной власти. Радикализуются и традиционные избиратели КПРФ, которые по инерции еще поддерживают Г. Зюганова и его сторонников, однако все больше симпатизируют В. Анпилову.

КПРФ оказалась перед выбором. Ближайшие несколько месяцев будут во многом определяющими.

По мнению представителей КПРФ, партия стоит перед трудно разрешимой задачей. С одной стороны, нынешний курс губителен для страны, более того, его авторы и исполнители не способны ни на что другое. В то же время понятно, что нынешние правители власть по доброй воле никогда не отдадут. КПРФ способна и готова возглавить массовые народные выступления, однако это столкновение народа и власти может закончиться развалом страны, а с этим коммунисты категорически не согласны. Таким образом, КПРФ вынуждена лавировать между различными кланами "партии власти", делать выбор между "плохим" и "очень плохим", стараться "исправить положение на отдельных участках". Об этом же однажды сказал и сам Г. Зюганов: "Мы говорим нашим людям, занимающим руководящие посты: терпите! Понимаем, что противно, понимаем, что тяжело, но оставайтесь на своих местах, делайте, что в ваших силах, иначе на ваши места придут другие, которых не будут терзать угрызения совести".

В КПРФ существует и другая точка зрения. Согласно ей, нынешний курс партии оценивается как фактический отказ от борьбы за власть, который, соответственно, ведет к постепенному уходу с политической арены. КПРФ не располагает должными ресурсами для того, чтобы на равных участвовать в борьбе различных финансово-политических кланов. Поэтому участие в "подковерной" борьбе не имеет никакого смысла: "Нас не то, что не пустят в комнату, где лежит этот ковер, но даже и к коридору, который ведет в эту комнату, не подпустят", – сказал автору этих строк один из противников нынешнего курса КПРФ. По его мнению, нынешние формы участия компартии в политическом процессе не дают никакого эффекта. "Можно сколько угодно участвовать в "законоговорильне", принимать нормативные акты, которые никем не исполняются, и потом жаловаться на то, что никто не прислушивается к мнению депутатов", – констатировал представитель КПРФ, полагающий, что коммунисты должны в большей степени апеллировать к рядовым избирателям. "Да, создание партаксов на предприятиях запрещено, однако никто не вправе воспрепятствовать депутату Госдумы проводить встречи со своими избирателями и рассказывать им о ходе законотворческой работы, призывать поддержать тот или иной закон". По мнению противников "врастания" компартии во власть, КПРФ в первую очередь должна бороться за демократизацию нынешней политической системы, что невозможно без создания широкого общедемократического движения, в которое вошли бы не только и не столько приверженцы социалистических ценностей.

Трудно сказать, способна ли компартия стать во главе этого "общедемократического" движения. С одной стороны, компартии удалось создать Народно-патриотический союз России (НПСР) – самую широкую и самую прочную всеопозиционную политическую структуру из числа когда-либо основывавшихся антипрезидентских объединений. НПСР прошел испытания ходе региональных выборов и, несмотря на некоторые шероховатости, в ряде случаев именно участие объединенной оппозиции принесло свои плоды. В НПСР вошли партии, движения и отдельные политики некоммунистической ориентации. Более того, в ряде регионов с филиалами НПСР сотрудничают и местные отделения демократических и центристских партий. Как правило, платформой для единства является борьба против местной администрации, то есть эти региональные союзы вполне можно назвать прообразом "широкого общедемократического движения".

С другой стороны, НПСР сумел выжить именно потому, что его костяком стала компартия. Соответственно, новая организация уже при рождении получила все недостатки КПРФ: неумение оперативно реагировать на изменение политической обстановки и эклектическую политическую позицию по отношению к властям. Дальнейшее развитие НПСР напрямую связано с дальнейшим развитием компартии.

В ближайшее время станет ясно: превратится ли народно-патриотическая оппозиция в политическую силу, способную на равных соперничать с "партией власти", или же она останется в своем нынешнем статусе – удобного и безвредного для Кремля спарринг-партнера.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ

Демократические левые – самый незначительный сегмент левого движения в России. В спектре левых сил они занимают крайне правое место – параллельно с КПРФ.

Такое положение объясняется тем, что демократические левые являются чем-то вроде переходного варианта от мира социалистической мысли к миру мысли либеральной, принимая многие постулаты либерализма (в первую очередь, рыночную экономику и ценности буржуазной парламентской демократии). В либеральном мире также существуют партии, представляющие подобный “переходный вариант”, – в первую очередь это социал-демократы (в России это – Социал-демократическая партия России, Партия социальной демократии, Партия самоуправления трудящихся и другие более мелкие группировки).

Основное политическое отличие демократических левых от КПРФ – решительное неприятие национализма (шовинизма). Можно сказать, что российские демократические левые ориентируются на западные социал-демократические (социалистические) партии, в то время как КПРФ – на определенные примеры социал-демократических партий стран “третьего мира”, сочетающих социал-демократизм с популизмом и национализмом (Американский народно-революционный альянс (АПРА) и Перуанская апристская партия (ПАП) в Перу, Демократическая трабальстская партия (ДТП) в Бразилии, Хустисиалистский фронт освобождения (ХФО) и Хустисиалистская (перонистская) партия в Аргентине и т.п.).

Сам термин “демократические левые” заимствован из политического лексикона Франции, где традиционно существовало разделение на “радикальных левых” (коммунисты, троцкисты, маоисты, анархисты и т.п.) и “демократических левых” (социалисты), причем последние отличались от “радикалов” именно установкой на совмещение традиционных социалистических ценностей с либеральными – со все возрастающим со временем уклоном в либерализм⁶⁰⁰.

Единственные реальные представители демократических левых в России – Партия Труда и Социалистическая партия трудящихся (СПТ).

ПАРТИЯ ТРУДА

Создание Партии Труда инициировал после запрета КПСС в августе 1991 г. председатель Моссовета Николай Гончар (бывший до того секретарем Бауманского райкома КПСС в Москве). Сам Н. Гончар, видимо, рассматривал проект Партии Труда лишь как “запасной аэродром” в случае роспуска Советов (каковой со временем и произошел) и уже весной отошел от Партии Труда и вошел в Оргкомитет Всероссийского союза “Обновление”, из которого спустя несколько месяцев выросла центристская партия “Гражданский союз” (“партия директоров”, “партия Вольского”).

Проект поддержал председатель Московской Федерации Профсоюзов (МФП) Михаил Шмаков, надеявшийся использовать Партию Труда как инструмент в борьбе за кресло председателя Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР). М. Шмаков санкционировал присоединение своих подчиненных – секретарей МФП Михаила Нагайцева и Татьяны Фроловой – к проекту Партии Труда.

В конце 1991 г. Н. Гончар и подчиненные М. Шмакова смогли привлечь в Партию Труда лидеров Социалистической партии Бориса Кагарлицкого, Александра Попова и Владимира Кондратова (депутатов Моссовета), двух лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) Андрея Исаева и Александра Шершукова и лидеров меньшинства “Марксистской платформы” в КПСС Александра Бузгалина (член ЦК КПСС) и Андрея Колганова (подавляющее большинство “Марксистской платформы” ушло вслед за Алексеем Пригариним в Союз Коммунистов (СК) и затем в Союз Коммунистических партий – КПСС, СКП–КПСС).

Участие МФП в создании Партии Труда позволило М. Шмакову решить некоторые внутренние проблемы. Дело в том, что в августе 1991 г., пользуясь всеобщей неразберихой после “путча”, подавляющее большинство сотрудников газеты МФП “Солидарность” во главе с главным редактором ушли из газеты, унеся с собой значительную часть денег и редакционного оборудования (компьютеров и т.д.) и открыли частное рекламное агентство “Солидарность Паблицерс”. Газета МФП оказалась на грани гибели. Попытки М. Шмакова найти нового главного редактора, который бы согласился наладить работу на условиях нищенских окладов сотрудникам и идеологического контроля со стороны МФП, оканчивались неизменным крахом. В связи с проектом создания Партии Труда главным редактором “Солидарности” согласился стать лидер КАС Андрей Исаев. Он привел в газету сотрудников анархо-синдикалистского журнала “Община”, лучшего левого неформального издания в 1987–1991 гг. (это, кстати, погубило журнал, который перестал регулярно выходить). С

другой стороны, к сотрудничеству в "Солидарности" были привлечены члены Социалистической партии – Борис Кагарлицкий, Владимир Кондратов, Александр Сегал, Анатолий Баранов и др. Александр Сегал, редактор газеты Социалистической партии "Обозреватель", стал со временем заместителем главного редактора "Солидарности" (это, в свою очередь, погубило газету "Обозреватель"). В помещение "Солидарности" переехало также основанное КАС независимое рабочее информационное агентство КАС-КОР.

Несомненно, каждая из участвовавших в Партии Труда и в "Солидарности" сторон преследовала собственные цели. Социалистическая партия надеялась получить материальную помощь от МФП и облегчить себе пропагандистскую работу через "Солидарность" и другие профсоюзные информационные структуры для создания левой партии в духе "западного марксизма". Позже лидер Социалистической партии Б. Кагарлицкий честно признавал, что Партия Труда была повторной попыткой реализовать проект Социалистической партии, каковая была замыслена как массовая организация, но не смогла в массовую организацию развернуться⁶⁰¹.

Подобные же планы вынашивали руководители меньшинства "Марксистской платформы" А. Бузгалин и А. Колганов. Лидер КАС А. Исаев, видимо, надеялся "оседлать рабочее движение" и превратить традиционные профсоюзы в анархо-синдикалистские, памятуя об опыте анархо-синдикалистов в Испании, Франции и Италии.

МФП имела официальный статус, разветвленный аппарат, значительные материальные ресурсы, Социалистическая партия и КАС – организации по всей стране и хорошо подготовленные кадры молодых интеллектуалов. Будущее показало, что из проекта Партии Труда реальную выгоду извлекло лишь руководство МФП. Оно на какой-то период превратилось в центр притяжения всех демократических левых сил, обеспечило себя молодыми кадрами пропагандистов, распространило через Партию Труда свое влияние далеко за пределы Москвы и в то же время не дало другим группам в Партии Труда перехватить у себя руководство профсоюзами или идеологический контроль над ними. В марте 1992 г. Социалистическая партия самораспустилась, и было решено, что ее структуры будут использованы для создания Партии Труда, что в дальнейшем повлекло за собой идейное размежевание в Партии Труда и все большее попадание ее структур в зависимость от профсоюзных лидеров. Попытка А. Исаева заставить КАС в полном составе войти в Партию Труда окончилась провалом и повлекла за собой демонстративный выход А. Исаева и А. Шершукова из КАС, что вызвало резко негативную реакцию со стороны их бывших товарищей.

Учредительная конференция Партии Труда состоялась 9–10 октября 1992 г. в Москве. Были приняты Устав и Программное заявление Партии Труда ("Изменить общество, изменить жизнь"), избраны руководящие органы – Совет и Исполком. Председателем Совета был избран Олег Смолин (депутат Верховного Совета РСФСР, ныне – депутат Государственной Думы), секретарем Исполкома – Александр Сегал. В Исполком вошли также: Александр Бузгалин и Андрей Сорокин – от меньшинства "Марксистской платформы" (группы "Марксизм-XXI"); Андрей Исаев – от КАС и МФП; Михаил Нагайцев и Валерий Трапезников – от профсоюзов; Борис Кагарлицкий, Олег Воронин, Виктор Комаров и Владимир Кондратов – от Социалистической партии.

Партия Труда отмежевалась как от "советского социализма", так и от "либерального авторитаризма" и высказалась за совмещение рыночной экономики и буржуазной представительной демократии с "традиционными ценностями левого и социалистического движения". Об этих ценностях было сказано в достаточно расплывчатых фразах:

- сделать человека в максимальной степени хозяином своей судьбы, не зависящим от внешних и не подвластных ему сил, – будь то власть государства или власть капитала;
- преодолеть отчуждение работника от средств производства и отчуждение гражданина от принятия общественных или правительственных решений;
- заменить общество наемных работников и государственных подданных обществом равноправных граждан, свободно выбирающих свою судьбу⁶⁰².

Партия Труда высказалась также за широкий федерализм и самоуправление, за приоритет коллективной собственности на средства производства при сохранении всех форм собственности и поощрение их многообразия, за развитие институтов представительной демократии в интересах "широких масс трудящихся" и за переход к "качественно новому этапу развития" "по социалистическому пути". При этом "социализм" объяснялся так:

"Социализм в нашем понимании – общество экономической демократии, общество, гарантирующее людям и народам максимальную свободу на основе равноправия, в том числе на основе равного доступа к принятию демократических решений, равного доступа к участию в управлении общим достоянием. Это не предполагает попыток сделать всех одинаковыми,

подверстать всех под один образец. Напротив – именно здесь и появится возможность для каждого выявить свое собственное лицо, максимально реализовать свои возможности.

Социализм для нас – не некоторый законченный идеал, который должен быть осуществлен раз и навсегда. В разных странах социалистическая перспектива, движение к экономической и политической демократии может выглядеть по-разному в зависимости от конкретных экономических, политических и культурных условий, в зависимости от уровня развития”⁶⁰³.

Партия Труда (2)

Партия Труда вела себя достаточно активно на политической арене в 1992–1994 гг., однако реализовать проект создания сильной, разветвленной, влияющей на профсоюзы демократической левой партии не удалось. Численно Партия Труда не достигла даже показателей Социалистической партии, хотя влияние Партии Труда ощущалось и в тех регионах, где отделений Социалистической партии не было.

Партия Труда рассматривала себя как защитника интересов “всех тех, кто живет продажей своей рабочей силы”⁶⁰⁴ и пыталась связаться с этой своей “социальной базой” через профсоюзы (систему ФНПР). Однако именно между руководством ФНПР (во главе с М. Шмаковым) и основными лидерами Партии Труда стал нарастать и углубляться после событий октября 1993 г. идеологический конфликт. Руководство МФП/ФНПР идеологически сильно сдвинулось вправо (сначала до позиций тред-юнионизма, затем – правой социал-демократии, наконец – до центристских позиций, ориентируясь на Юрия Лужкова и Владимира Шумейко). В мае 1994 г. между руководством ФНПР и руководством Партии Труда фактически произошел разрыв – после того, как в Омске на съезде профсоюзов Сибири и Дальнего Востока О. Смолин высказался против курса руководства ФНПР на сотрудничество с режимом и выступил за обновление руководства, а М. Шмаков в ответ позволил себе беспардонные высказывания в адрес О. Смолина, высмеивающие его инвалидность (О. Смолин – слепой)⁶⁰⁵.

Поскольку в финансовом отношении Партия Труда полностью зависела от ФНПР, разрыв ФНПР с Партией Труда сказался на последней фатально. В 1994–1995 гг. деятельность партии сошла на нет, и с тех пор Партия Труда никакой активности не проявляет. В частных беседах видные руководители партии (А. Бузгалин, А. Колганов, Б. Кагарлицкий, А. Сегал) дружно подтверждают, что “никакой партии уже нет”. Предпринимались даже попытки создать руководящие органы Партии Труда, чтобы инициировать процедуру ее самороспуска (ввиду того, что А. Исаев довольно регулярно заявляет о вступлении Партии Труда в разные блоки и союзы, и каждое такое заявление приходится затем дезавуировать), но собрать руководство не удалось.

Впрочем, то, что Партия Труда не заявила формально о самороспуске, выступает в качестве благоприятного для российских демократических левых фактора в международном плане. Поскольку среди западных левых существует преувеличенное представление о роли и влиянии Партии Труда в России, лидеры Партии Труда, наиболее часто бывающие за рубежом (А. Бузгалин, Б. Кагарлицкий), успешно пользуются имиджем Партии Труда в деятельности международного левого сообщества.

После провала проекта Партии Труда наиболее активные члены руководства – А. Бузгалин и А. Колганов сосредоточились на осуществлении ряда викарных (т.е. замещающих) проектов в сфере деятельности демократических левых сил.

Крупнейшим из таких проектов можно считать учреждение Международной ассоциации “Ученые за демократию и социализм” (МАУДС). МАУДС была основана в июне 1993 г. и представляет собой общественное объединение, основной формой деятельности которого является проведение конференций, семинаров, научных дискуссий, “круглых столов” и т.п. Как правило, МАУДС проводит две международные конференции в год, на которые приглашаются ученые левых взглядов из России, ближнего и дальнего зарубежья. Всего в деятельности МАУДС принимало или принимает участие свыше 200 ученых.

Руководящий орган МАУДС – Совет. Председателем Совета является Александр Бузгалин. В основу деятельности МАУДС положен принцип “добровольно работающей ассоциации”. Фиксированного членства в МАУДС нет. Членские взносы платятся на добровольных началах. МАУДС сотрудничает с московским представительством социал-демократического Фонда им. Фр. Эберта (ФРГ).

Сама по себе МАУДС, разумеется, не является политической организацией и деятельность ее не лежит прямо в сфере политики, однако научная деятельность МАУДС зачастую может

рассматриваться как консультативная или теоретическая деятельность в интересах левых партий и движений, в первую очередь – в интересах демократических левых.

Другим таким проектом является Союз интернационалистов. Союз интернационалистов был создан 27 марта 1994 г. в Москве и объединил на индивидуальной основе представителей различных левых организаций, обеспокоенных “национал-патриотическим уклоном” в российском коммунистическом и социалистическом движении”. Планировалось развернуть Союз интернационалистов в общероссийскую организацию, однако сделать это не удалось.

Основной своей задачей Союз Интернационалистов провозгласил пропаганду идей интернационализма и демократии в левом движении.

Наивысшая активность Союза интернационалистов наблюдалась в период Чеченской войны, когда Союз интернационалистов в Москве и Санкт-Петербурге проводил (совместно с другими организациями – начиная с Российской партии коммунистов (РПК) и кончая “Мемориалом”) акции протеста: пикеты, митинги, а также пресс-конференции, на которых зачитывались различные заявления протеста, связанные с Чеченской войной.

В рамках Союза интернационалистов работает два-три десятка человек. В большинстве своем они же – члены МАУДС. Активен Союз интернационалистов, насколько можно судить, в Москве и Санкт-Петербурге. Руководящий орган – Совет. Председатель Совета – А. Бузгалин.

Еще одним таким же проектом является дискуссионный общественно-политический клуб “Диалог”. Клуб был основан зимой 1992/1993 г. Руководящий орган – Совет. Председатель Совета – А. Бузгалин. Практически поголовно актив клуба “Диалог” совпадает с активистами МАУДС и Союза интернационалистов в Москве.

Основная работа клуба – проведение дискуссий по наиболее актуальным проблемам теории и практики социалистического, коммунистического и рабочего движения. Основатели клуба заявили, что они ориентированы на “творческое, критическое отношение к марксистской теории, преодоление замкнутости, догматизма, ностальгических тенденций и наследия сталинизма в теории и практике левого движения”⁶⁰⁶.

Заседания клуба проходят 1–2 раза в месяц. Всего в работе клуба более или менее регулярно участвует до 200 человек, а число тех, кто хотя бы раз посетил заседания клуба, в 3–4 больше.

Так же, как МАУДС и Союз интернационалистов, клуб “Диалог” не зарегистрирован и не имеет постоянного помещения. До 1994 г. клуб носил название “Открытый марксизм”, но в 1994 г. было принято “дипломатичное” решение сменить название на более нейтральное.

Еще один викарным проектом является Молодежный университет современного социализма (МУСС). МУСС был создан по сути как дочерняя организация МАУДС, Союза интернационалистов и клуба “Диалог” в 1996 г. Работа клуба сводится к лекционной и ориентирована формально на молодежную аудиторию (однако на практике состав слушателей формируется “самотеком” и зачастую далек от молодежного). Поскольку выбор тем, лекторов и слушателей достаточно произволен, достоверных механизмов проверки того, как воспринимаются и закрепляются знания у слушателей, нет, практические результаты деятельности МУСС представляются довольно сомнительными.

Наконец, еще одним таким проектом является журнал “Альтернативы”. Журнал был основан в 1991 г. как международный (выходивший в СССР и в Канаде) видным канадским троцкистом, специалистом по рабочему и революционному движению в России, профессором Квебекского университета (Монреаль) Давидом Манделем. Главным редактором русского издания в 1991–1993 гг. был профессор Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) Юрий Сухотин. В 1994 г. главным редактором журнала стал Александр Бузгалин.

Выдерживая в основном линию демократических левых, близкую к теоретическим ориентирам Партии Труда, “Альтернативы” представляют трибуну для выступления довольно широкому кругу авторов – от троцкистов и ортодоксальных коммунистов до правых социал-демократов.

Журнал систематически освещает и пропагандирует на своих страницах деятельность МАУДС, Союза интернационалистов и клуба “Диалог”, публикует тексты докладов, прозвучавших в ходе заседаний этих структур, изложения “круглых столов” и иных мероприятий МАУДС, Союза интернационалистов и клуба “Диалог”.

С 1994 г. журнал “Альтернативы” выходит ежеквартально. До 1996 г. журнал печатался в Финляндии на средства финских коммунистов тиражом 5000 экземпляров. В 1996 г. финские коммунисты оказались не в состоянии печатать далее журнал, и “Альтернативы” стали печататься в

России. Тираж при этом сократился до 1200–1400 экземпляров, но № 1 за 1997 г. вышел уже тиражом в 2000 экземпляров.

Поскольку МАУДС, Союз интернационалистов и клуб “Диалог” не имеют своих изданий, “Альтернативы” де-факто выступают в качестве печатного органа этих структур, и таким образом, замыкают в единую систему блок викарных проектов, которыми занимаются после краха проекта Партии Труда Александр Бузгалин, Андрей Колганов и близкий к ним круг демократических левых (среди московских левых эта группа неофициально именуется “бузгалинской тусовкой”).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Несколько лучше положение у другой партии демократических левых – Социалистической партии трудящихся (СПТ).

СПТ была создана после запрета КПСС в октябре 1991 г. по инициативе нескольких бывших членов ЦК КПСС, народных депутатов СССР Роя Медведева и Анатолия Денисова, народных депутатов РСФСР Ивана Рыбкина и Виталия Севастьянова, депутата Ленсовета Евгения Красницкого и других как “партия левых сил социалистической ориентации” на платформе последнего проекта Программы КПСС “Социализм, демократия, прогресс”. Заявление инициативной группы по объединению российских левых сил социалистической ориентации было опубликовано в “Советской России” 2 октября 1991 г. В нем констатировалось, что КПСС как политическая структура в ее прежнем виде себя исчерпала, потеряла доверие народа и фактически прекратила свое существование. Авторы заявления предложили “объединиться всем, кто сохраняет политическую активность и способность к действиям во имя гражданского согласия, мирного, конституционного вывода страны из хаоса и развала”, и создать “новую неаппаратную партию единомышленников, разделяющих идеалы свободы, правды, нравственности и справедливости”. Таким образом, СПТ создавалась на членской базе КПСС, как бы объединив две тенденции: с одной стороны, в нее вошла та часть коммунистов, которая пришла к выводу о необходимости преобразования КПСС в социалистическую партию по восточноевропейскому образцу, с другой – те, кто остался верен коммунистической идее, но не возражал и против работы в одной организации с социалистами.

26 октября 1991 г. в Москве, в клубе завода “Компрессор”, состоялась учредительная конференция СПТ. В ней приняли участие 324 делегата из 68 регионов России. Она началась как учредительная конференция партии левых сил. Ее открыл известный историк-диссидент Р. Медведев, с политическим докладом выступил А. Денисов. После того, как в название партии не было введено слово “коммунистическая”, конференцию покинула группа делегатов от Движения коммунистической инициативы во главе с Виктором Тюлькиным и Виктором Анпиловым, заявившими о создании Российской коммунистической рабочей партии (РКРП). Затем конференция была преобразована в учредительную конференцию СПТ, после чего заседание покинули группы, образовавшие позднее Российскую партию коммунистов (РПК, лидер – Анатолий Крючков) и “Союз коммунистов” (лидер – Алексей Пригарин). Конференция приняла Устав и Программное заявление СПТ, образовала Оргкомитет для подготовки регистрации партии и проведения ее I съезда в количестве 63 человек (руководитель – И. Рыбкин). На заседании Оргкомитета было заявлено, что “духовным лидером” партии является Р. Медведев, а ее официальные руководители будут избраны на I съезде.

21–22 декабря 1991 г. в Москве, в помещении Института молодежи (бывшая Высшая комсомольская школа), прошел I съезд СПТ. В нем приняли участие 298 делегатов из 65 регионов России. На съезде были определены основные стратегические и политические задачи партии, приняты Программные тезисы, постановление “О ближайших задачах СПТ”, резолюции “О единстве левых сил”, “О политической поддержке российского крестьянства”, обращение “К народам Российской Федерации и других суверенных республик” и др. Стратегическими целями партии были признаны: 1) сохранение Российской Федерации как “исторически сложившегося государственного объединения проживающих на ее территории народов”; “возрождение экономического и политического союза, сбережение и развитие культурно-исторической общности народов СССР”; 2) вывод страны из кризиса на пути социалистического развития; 3) “движение к социализму в общем развитии человечества”. СПТ выступила с осуждением “шоковой терапии” и “насильственной приватизации”, поддержала идеи создания “многоукладной экономики на основе добровольного выбора трудовыми коллективами форм собственности и хозяйствования”, “реальной федерализации России” и заключения Федеративного договора. На съезде был избран Федеральный совет СПТ в количестве 105 человек (в него вошли 31 народный депутат России, представители региональных организаций СПТ, созданных практически во всех республиках, краях и областях Федерации). Было

принято решение о коллегиальном руководстве партией и на первом заседании Федерального совета 22 декабря были избраны 7 сопредседателей – Иван Рыбкин, Людмила Вартазарова, Анатолий Денисов, Михаил Лапшин, Александр Мальцев, Рой Медведев, Геннадий Скляр.

Тенденции, выявившиеся при создании СПТ, не были специфически советскими (российскими), они совпадали с аналогичными на Западе и в странах Восточной Европы и были на зарубежном примере охарактеризованы исследователями как “кризис адаптации коммунистических партий”⁶⁰⁷.

Летом 1992 г. СПТ пыталась объединить вокруг себя широкий круг демократических левых (с выходом за пределы собственно мира демократических левых – налево, вплоть до части ортодоксальных коммунистов, и направо – до части социал-демократов). Результатом длительных переговоров с участием СПТ, Партии Труда, РПК, фракции СДПР “Левые социал-демократы” (ЛСД), левых кругов Народной партии Свободная Россия (НПСР), Российского союза трудовых коллективов (РСТК), женских организаций и ряда микроскопических групп явился Конгресс левых демократических сил, который был создан в Москве 28–29 ноября 1992 г. Конгресс сформировал Консультативный совет, координаторами Консультативного совета стали Л. Вартазарова от СПТ и А. Бузгалин от Партии Труда. Предполагалось сформировать общероссийское Содружество демократических левых (СДЛ) на базе Конгресса. Однако осуществить на практике этот проект не удалось, между входящими в Конгресс организациями возникли неразрешимые противоречия, и к декабрю 1993 г. Конгресс прекратил свое существование.

Социалистическая партия трудящихся (2)

В 1992–1993 гг. СПТ пользовалась определенным влиянием в Верховном Совете Российской Федерации. Ее представители входили во фракции “Коммунисты России”, “Аграрный союз”, “Отчизна”, “Суверенитет и равенство”. Представители СПТ приняли участие в слушаниях по “делу КПСС” в Конституционном Суде, добиваясь признания указов президента о запрете КПСС и КП РСФСР неконституционными. Осенью 1992 – весной 1993 гг. руководители СПТ много сделали для воссоздания КПрФ, работая в рамках Оргкомитета по проведению II Чрезвычайного съезда КП РСФСР (КПрФ), однако после его проведения и победы на нем линии Геннадия Зюганова фактически прекратили сотрудничество с КПрФ, взяв курс на строительство самостоятельной некоммунистической партии социалистической ориентации.

5–6 июня 1993 г. в Москве, в Институте молодежи, прошел II съезд партии, в котором приняли участие 101 делегат (из 120 избранных) от 47 региональных организаций. На съезде были приняты решения о сохранении СПТ как самостоятельной партии социалистической ориентации и о подготовке Программы партии на основе проекта “К новому обществу”. Был избран новый состав Федерального совета и введен пост председателя партии. Им стала Людмила Вартазарова (при этом был сохранен институт сопредседателей, ставших чем-то вроде “заместителей председателя партии”).

8 сентября 1993 г. председатель СПТ Л. Вартазарова подписала совместное заявление о создании Общественного комитета “Согласие ради Отечества” (вместе с председателем Федерации товаропроизводителей (ФТП) Юрием Скоковым, лидером Демократической партии России (ДПР) Николаем Травкиным, бывшим министром юстиции Николаем Федоровым, председателем Верховного Совета Карелии Виктором Степановым, председателем исполкома Конгресса русских общин (КРО) Дмитрием Рогозиным, руководителем Российской телерадиокомпании Олегом Попцовым и др.). Комитет провозгласил своей целью “эволюционным путем... идти к федеративному демократическому правовому государству, предполагающему власть, ответственную перед гражданами за их достойную и безопасную жизнь, и граждан, сознающих свою ответственность за деятельность власти, за судьбу Отечества”. Комитету не удалось развернуть свою деятельность в связи с последовавшим 21 сентября указом президента Б. Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации. Общественный комитет “Согласие ради Отечества” фактически сразу же прекратил свое существование из-за кардинальных разногласий в оценке президентского указа.

В событиях сентября – октября 1993 г. СПТ активных практических действий в поддержку Верховного Совета РФ не предпринимала, хотя и расценила действия президента Б. Ельцина по роспуску высших представительных органов как “попытку совершения государственного переворота” и призвала к восстановлению законности в стране и проведению свободных и демократических одновременных выборов президента и парламента. Председатель партии была

официально предупреждена Министерством юстиции РФ о возможных негативных последствиях для СПТ в случае ее открытого выступления на стороне парламента.

19 октября 1993 г. состоялся III внеочередной съезд СПТ, в котором приняли участие 69 делегатов из 42 региональных организаций партии. На съезде был рассмотрен вопрос об участии СПТ в выборах в Госдуму. Указав на "недемократический характер" предстоящих выборов, отсутствие равных возможностей в избирательной кампании, необычайно сжатые сроки ее проведения, съезд тем не менее постановил принять участие в выборах Федерального собрания РФ, использовать предвыборную кампанию для широкой пропаганды позиций СПТ, повышения ее авторитета, укрепления организаций, противодействия намерениям пропрезидентских сил "не допустить к выборам левую оппозицию и сформировать "карманный" парламент". Съезд утвердил федеральный список кандидатов от СПТ в Государственную Думу, одобрил тезисы предвыборной платформы и поддержал позицию руководства партии по созданию совместного избирательного блока с "Союзом Возрождения", Российским союзом трудовых коллективов, Женской Лигой, Союзом казаков, Союзом нефтепромышленников и Независимым профсоюзом военнослужащих (блок "Отечество"). В избирательный список блока "Отечество" были включены 179 кандидатов. Второй в списке была Л. Вартазарова.

Избирательному блоку "Отечество" не удалось собрать необходимые 100 тыс. подписей (Центризбирком не зачел подписи, собранные в ближнем зарубежье) и продолжить участие в кампании. После этого было принято решение о выдвижении лидеров блока кандидатами в депутаты Госдумы по мажоритарным округам.

20 ноября 1993 г. пленум Федерального совета СПТ призвал членов и сторонников партии проголосовать против вынесенного Б. Ельциным на всенародный опрос проекта новой Конституции Российской Федерации. Несмотря на неудачу при сборе подписей, пленум дал положительную оценку приобретенному партией опыту ведения избирательной кампании и постановил продолжить сотрудничество с партнерами по блоку. Важнейшей задачей было признано участие региональных организаций СПТ в выборах в местные органы власти весной 1994 г. Союзниками в предвыборной борьбе на местах были признаны Аграрная партия России (АПР), КПРФ, блоки "Достоинство и милосердие", "Будущее России – новые имена". Были поставлены задачи по формированию широкого внепарламентского движения за восстановление и развитие демократии в России. При этом в качестве возможных союзников рассматривались организации от партий "левого центра" до партий "правого центра" (от КПРФ до ДПР).

По итогам парламентских выборов 12 декабря 1993 г., в Думу по списку АПР был избран бывший сопредседатель СПТ И. Рыбкин, который летом 1994 г. восстановил свое членство в партии (однако уже летом 1995 г. он вступил в конфликт с лидерами обеих партий, в которых на тот момент состоял – СПТ и АПР). В 1994 г. в СПТ вступил депутат Госдумы Андриан Пузановский (депутатская группа "Новая региональная политика"). Представителями СПТ в Совете Федерации стали член СПТ Геннадий Антонов (депутат от Биробиджанского округа № 79) и Рамазан Абдулатипов, подтвердивший свое членство в партии.

Социалистическая партия трудящихся (3)

В январе 1994 г. руководство СПТ участвовало в серии консультаций с представителями руководящих органов Женской Лиги, Народной партии Свободная Россия (НПСР), блока "Будущее России – новые имена", Российской Партии Зеленых, Российского социал-демократического центра (РСДЦ), "Союза Возрождение" и др., в ходе которых было достигнуто соглашение о координации действий в кампании по выборам региональных органов власти и местного самоуправления. В январе-феврале были проведены консультации с рядом левых организаций по согласованию позиций на предмет создания объединенной социалистической партии, однако успехом они не увенчались. К идее "лейбористского проекта" (создания лейбористской партии или союза с участием Партии Труда, НПСР, фракции СДПР "Объединенные социал-демократы", РСДЦ и профсоюзов) руководство СПТ отнеслось скептически, указав на отсутствие стремления профсоюзов к формированию собственной политической организации, нежелательность создания партии на базе аппаратных структур, а также обратив внимание на практически полное совпадение программных и уставных установок предполагаемого объединения с аналогичными документами самой СПТ. В созданный 30 октября 1994 г. Социал-демократический союз СПТ не вступила.

25–26 февраля 1994 г. в Обнинске состоялся IV съезде СПТ, в котором участвовал 81 делегат из 49 региональных организаций. На съезде с докладом "О Программе СПТ" выступил сопредседатель партии Владимир Калашников, с докладом "О ближайших политических задачах

партии" – сопредседатель СПТ Геннадий Склад. Съезд принял Программу партии, постановление "О ближайших политических задачах партии" и пакет документов: "Оценка ситуации в стране и первоочередные задачи СПТ", "Неотложные меры по остановке развития кризиса". Приоритетными целями и задачами партии были признаны предотвращение общенациональной катастрофы и заключение Пакта национального согласия (соглашения о политической стабильности, о приоритетных направлениях и методах осуществления экономических реформ, об обеспечении национальной безопасности).

31 августа 1995 г. В Москве, в помещении Института мировой литературы им. М. Горького (ИМЛ), состоялся V внеочередной съезд СПТ. В нем приняли участие 65 делегатов (из 85 избранных), представлявших 63 региональных отделения партии. С докладом "О политической ситуации и участии СПТ в выборах Государственной Думы" выступила Л. Вартазарова. Были рассмотрены три варианта возможного участия СПТ в выборах: 1) самостоятельно; 2) в составе объединения левоцентристских сил; 3) в составе объединения с "порядочными (и с возможностями) партнерами, независимо от их политической окраски". По итогам обсуждения был избран третий вариант. Съезд принял решение об участии в выборах в Госдуму второго созыва в составе избирательного объединения "Конгресс русских общин", поручив Л. Вартазаровой подписать соответствующее соглашение.

В избирательное объединение "Конгресс русских общин" вошли собственно Конгресс русских общин (КРО), СПТ, Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора "Альфа", Ассоциация женщин-предпринимателей России, Российская ассоциация профсоюзных объединений студентов (РАПОС), Независимый профсоюз военнослужащих России, Союз народов России, часть ДПР и др. В первую "тройку" избирательного списка блока были включены Юрий Скоков, Александр Лебедь и Сергей Глазьев, Л. Вартазарова получила четвертое место (она же возглавила предвыборный штаб объединения "Конгресс русских общин"). На выборах 17 декабря 1995 г. блоку не удалось преодолеть 5-процентный барьер (за общефедеральный список КРО проголосовали 4,31% избирателей). По одномандатным округам СПТ провела в Госдуму трех депутатов – А. Мальцева (Нижний Новгород), А. Пузановского (Самара) и Р. Абдулатипова (Дагестан). Впоследствии Р. Абдулатипов вошел в депутатскую группу "Российские регионы", А. Пузановский и А. Мальцев – в Аграрную депутатскую группу. К весне 1997 г., кроме того, СПТ имела 7 депутатов в законодательных органах субъектов федерации и 11 – в городских думах (собраниях).

16 марта 1996 г. в Москве, в помещении ИМЛ прошел VI съезд СПТ, в работе которого принял участие 71 делегат. С докладом на съезде выступила председатель СПТ Л. Вартазарова. Съезд внес изменения в Устав партии и принял постановления "О политической ситуации в стране и задачах партии", "О позиции партии в связи с президентскими выборами" и др. В первом постановлении съезд одобрил деятельность Правления СПТ по подготовке объединения партий и движений левоцентристской ориентации и созданию в перспективе объединенной соцпартии. Правлению было поручено продолжить взаимодействие с ФНПР и Федерации товаропроизводителей (ФТП) "в сфере формирования новой системы общественно-трудовых отношений". Региональным организациям партии было рекомендовано принять активное участие в президентских и местных выборах, "максимально используя их для пропаганды социалистических идей". Во втором постановлении важнейшей задачей партии было признано "содействие скорейшему созданию широкой политической коалиции оппозиционных сил, способной добиться победы на президентских выборах, сформировать дееспособное правительство, проводить социально-экономическую политику в интересах большинства населения страны"; в этих целях было решено провести на равноправной основе переговоры представителей "левых, левоцентристских и патриотических сил" о выдвижении и поддержке единого кандидата в президенты России (конкретная фамилия названа не была). Региональным организациям СПТ было предоставлено право на подготовительном этапе президентской кампании самим определять позицию по поддержке оппозиционных кандидатов на пост президента России (часть региональных организаций партии, в частности, Санкт-Петербургская организация, поддержали на выборах Г. Зюганова). Кроме того, съезд принял решение о переименовании партии в Социалистическую партию России (СПР). 8 апреля документы на изменение устава и названия партии были представлены в Министерство юстиции РФ, однако уже 9 апреля под таким же названием была зарегистрирована партия, созданная сторонниками спикера Госдумы I созыва, бывшего члена руководства СПТ И. Рыбкина. Как заявила позднее Л. Вартазарова, попытка смены названия партии была предпринята в связи с тем, что "круг людей, который исповедовал заявленные ценности, оказался шире, чем традиционное понимание трудящихся" ("трудящиеся у нас в основном пролетариат, социализм же – это то, что привлекательно для любого

человека, который обеспечивает себя своим трудом, будь то предприниматель или работник государственного предприятия"). Партия продолжила свою деятельность под прежним названием.

26–27 октября 1996 г. СПТ совместно с движением "Союз реалистов" провела в Москве международную научно-практическую конференцию "Социализм и демократия для XXI века". На ней с докладом выступила Л. Вартазарова, назвавшая целью конференции "поиск новых идей, мыслей, соображений, которые вдохнули бы жизнь в движение левых сил и смогли бы объединить их организационно". Участники конференции выступили с инициативой создания Интеллектуального форума левых сил, как "аналитико-прогностического центра движения к социализму и демократии XXI века". Главной задачей нового объединения была названа "разработка концепции демократического социализма". По решению конференции, печатным органом Форума должен стать международный журнал "Социализм XXI века".

9 декабря 1996 г. СПТ вместе с Союзом социалистической молодежи России, движением "Союз реалистов" и Конструктивным экологическим движением России "Кедр" вошла в Союз общественных объединений "Российское движение за новый социализм" (РДНС).

Еще раньше, 25 октября 1996 г., на пленуме Федерального совета СПТ Л. Вартазарова высказалась за превращение СПТ в "интеллектуальный центр".

Социалистическая партия трудящихся (4)

Интересно, что СПТ так же, как и Партия Труда, не смогла четко и ясно определить в программных текстах понятие социалистического идеала. Соответствующий раздел не был утвержден IV съездом партии и не вошел в Программу. Поэтому социализм в идеологии СПТ оказался представлен не в виде идеала общественного устройства, а в виде системы ценностей, сведенных к следующим опорным понятиям: "*справедливость, демократия, свобода, солидарность, равенство, патриотизм, интернационализм*". При этом в Программе утверждалось, что эти понятия не только "*суть социалистического идеала*", но и "*ядро гуманистических общечеловеческих ценностей*",⁶⁰⁸.

Сами опорные понятия, "составляющие суть социалистического идеала", раскрывались в Программе так:

Справедливость. Справедливыми, в нашем понимании, являются такие общественные отношения, которые обеспечивают: распределение общественного продукта по количеству и качеству труда; равные возможности для каждого человека развить и реализовать свои способности к общественно-полезной деятельности; равную социальную защиту от превратностей судьбы.

Не могут быть справедливыми те общественные отношения, в рамках которых господствует принцип распределения по капиталу. Он всегда позволял и позволяет крупным собственникам присваивать долю общественного богатства, значительно превышающую их личный трудовой вклад.

Равенство для нас есть прежде всего равноправие, то есть равенство в правах. В отличие от тех, кто ограничивается требованием формального юридического равноправия, мы боремся за равные реальные возможности осуществления равных прав. Отстаивая принцип равной оплаты за равный труд, особое значение мы придаем равенству стартовых возможностей для каждого человека развить и реализовывать свои способности. Этот подход отделяет нас от тех, кто выступает за уравнивательность в распределении произведенного общественного продукта. Тем более для нас неприемлемы любые стремления под предлогом защиты равенства подогнать под общий стандарт жизнь людей, препятствовать развитию их индивидуальных склонностей и потребностей.

Демократия. Мы являемся убежденными сторонниками демократии – политической системы, обеспечивающей полновластие народа как единственного источника власти, и гарантирующей каждому гражданину реальную возможность прямо или через избранных им представителей участвовать в решении всех вопросов общественной жизни.

Мы считаем, что в обществе, где одни граждане экономически господствуют над другими, не может быть реальной демократии. Только тот человек способен реализовать свою политическую волю, которому гарантировано право на труд и соответствующую долю произведенного общественного продукта, на образование, охрану здоровья, социальное страхование. Иными словами, реальная политическая демократия невозможна без экономической демократии, вне общества социальной справедливости.

Недемократическое общество не может быть социально справедливым. Монополия на политическую власть порождает не меньший произвол, чем монополия на средства производства.

В наиболее полной мере демократия реализуется через формы экономического и политического *самоуправления* трудящихся. Самоуправление – производственное, территориальное, функциональное – обеспечивает непосредственное участие каждого гражданина в принятии решения по общественно значимым и качающимся его лично экономическим социальным и политическим проблемам на том или ином уровне децентрализованной системы управления обществом.

Свобода. Представление людей о счастье всегда связано со свободой личности – правом каждого на выбор и самоопределение в любой сфере общественной жизни. Подтверждая свою приверженность принципу свободы личности, мы в то же время признаем ограниченность и относительность этой свободы: права и свободы одних граждан не должны ущемлять права и свободы других, а также противоречить интересам общества в целом. Реализация принципа свободы личности должна быть увязана с реализацией принципов демократии и социальной справедливости. Только такая связь создает условия для реального раскрепощения каждой личности, а не немногих избранных, от различных видов экономического, социального, национального и политического гнета.

Солидарность. Мы выступаем за то, чтобы постепенно придавать идее солидарности общечеловеческое содержание и прийти к сотрудничеству между различными людьми и социальными группами ради общего блага. Считая необходимым укрепление единства трудящихся в отстаивании своих законных интересов, мы, вместе с тем, отвергаем узкоклассовый подход, заведомо ограничивающий принцип солидарности рамками какого-то одного класса. Мы не принимаем тезис, согласно которому “тот, кто сегодня не с нами, тот против нас”. Мы видим в солидарности вполне реальное средство разрешения социальных противоречий в условиях гражданского мира, а не гражданской войны. Вместе с тем мы отвергаем попытки со стороны любой социальной группы использовать проповедь всеобщего сотрудничества как прикрытие своих эгоистических интересов в ущерб интересам других социальных групп.

Патриотизм. Мы открыто заявляем о желании сделать Россию сильной, независимой процветающей страной. Мы не идеализируем свою историю, но мы любим Россию как нашу Родину и будем решительно бороться против тех, кто разрушает чувство патриотизма, действует вопреки интересам россиян в экономической, политической и духовной сферах. Мы рассматриваем патриотизм как базу для утверждения чувства солидарности между различными слоями населения и политическими движениями.

Интернационализм. Признавая целостный и взаимосвязанный характер современного мира, мы являемся сторонниками принципа интернационализма. Приверженность этому принципу означает готовность:

- развивать отношения со всеми народами на основе равноправия и взаимной выгоды;
- активно сотрудничать в решении глобальных, общечеловеческих проблем;
- действовать совместно с теми социально-политическими силами на мировой арене, которые разделяют принципы свободы, демократии, справедливости;
- активно способствовать утверждению реального политического и экономического равноправия всех народов планеты;
- бороться против расизма, национализма, шовинизма, этнической дискриминации⁶⁰⁹.

Таким образом, “социалистические ценности” в идеологии СПТ оказываются соединением ценностей либерального и социалистического характера: *справедливость*, например, трактуется сугубо экономически, в прудоновском духе (шаг назад даже по сравнению с Марксом); *равенство* трактуется в формально-юридическом духе – в русле чистой традиции буржуазной юридической науки; *демократия* осознается как соединение буржуазной представительной демократии с прямой демократией; *солидарность* выступает как вариант “социального партнерства”, из чего естественным образом вытекает патриотизм; *интернационализм* носит не классовый, а формально-юридический характер, фактически повторяя официально декларируемые ООН принципы современных отношений между государствами.

Социалистическая партия трудящихся (5)

На практическом уровне СПТ программно высказалась за рыночную социально ориентированную многоукладную экономику с многообразием форм собственности, за правовое государство и гражданское общество. При этом в качестве стратегического был избран реформаторский путь, революция отвергалась: “Мы предлагаем ...

- создавать новое путем разумного преобразования, а не тотального разрушения прежних общественных институтов и отношений;

- проводить реформы строго в рамках действующих законов, исключить “революционную целесообразность” как метод политической борьбы, который провоцирует беззаконие, произвол и гражданскую войну в период кардинальных общественных преобразований;

- осуществлять каждый шаг по пути реформ только при опоре на реальную, а не мнимую, искусственно созданную поддержку большинства населения, на базе широкого общественного согласия;

- достигать общественного согласия путем построения баланса интересов всех социальных групп”⁶¹⁰.

В 1992 г. численность СПТ превышала 70 тысяч человек, причем около 60% из них были представителями научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Однако после создания КПРФ подавляющее большинство членов СПТ перешло в ряды Компартии Российской Федерации, после чего численность СПТ упала до 7 тысяч человек. В начале 1997 г. численность СПТ составляла, по оценкам руководства СПТ, 10 тысяч человек, а по мнению независимых экспертов – от 3 до 5 тысяч человек. Из заметного субъекта политической жизни России СПТ превратилась в “периферийную” политическую организацию, младшего партнера более мощных организационно и финансово сил в рядах блоков и коалиций. В октябре 1996 г. перестала выходить газета СПТ – “Левая газета” (основана в октябре 1992 г., главный редактор – Борис Елистратов), что также является показателем упадка СПТ.

К 1997 г. стало очевидно, что поддержание деятельности СПТ даже на уровне последнего времени практически невозможно без финансовой помощи “Союза реалистов” и ФТП.

Неудачи Партии Труда, СПТ и других более мелких проектов демократических левых (проект партии “Новые левые и т.п.) – со стороны социалистических сил, а равно и аналогичных проектов соединения либеральной и социалистической идеи в русле концепции “демократического социализма” и близких доктрин – со стороны либеральных сил (социал-демократы, Партия самоуправления трудящихся, Партия социальной демократии и т.п.) заставляют предположить, что в России присутствуют какие-то устойчивые факторы, препятствующие расцвету, закреплению на политической арене и превращению во влиятельную политическую силу партий именно этого типа (условно говоря, типа западной социал-демократии).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПРАВКИ

ОРГАНИЗАЦИИ

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

В 1994 г. один из секретарей ЦК Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ) Александр Лапин был исключен Ниной Андреевой из партии "за вождизм и финансовые злоупотребления". Конфликт между вождем и ее главным помощником развивался не один месяц. А. Лапин критически отнесся к ряду действий Генерального секретаря, в том числе к роспуску парторганизаций и деятельности в Роскомсоюзе по "большевизации коммунистического движения". К тому же в 1994 г. наблюдалось значительное снижение активности деятельности партии, и Лапин выступил с критикой недостаточно революционной, по его мнению, политической линии ЦК.

Александр Лапин не признал своего исключения из ВКПБ и образовал оргкомитет по проведению чрезвычайного съезда ВКПБ, уставные сроки проведения которого были давно нарушены. 12 мая 1994 г. Лапин провел пресс-конференцию, на которой сообщил о лишении Андреевой и членов возглавляемого ею ЦК всех полномочий и передаче полномочий ЦК на период до созыва чрезвычайного съезда возглавляемому им оргкомитету. Лапин обвинил руководство партии в оппортунизме. В ответ ЦК распустил еще несколько партийных организаций. Во избежание роспуска других организаций, поддержавших деятельность оргкомитета Лапина, их список не оглашался.

1–2 июля 1995 г. А. Лапин провел второй чрезвычайный съезд ВКПБ. В работе съезда участвовало 22 делегата⁶¹¹, которые, по словам А. Лапина, представляли "21 парторганизацию из России, Украины и Прибалтики – это составляет больше одной трети организаций и, согласно Уставу, этого количества достаточно для проведения съезда"⁶¹². Съезд, по сообщению партийной газеты, "начал работу с принятия резолюции о полной юридической легитимности"⁶¹³, которая, однако, не была опубликована.

В политическом докладе А. Лапина на съезде говорилось, что в современном мире основными противоречиями являются противоречия между транснациональной формой капитала и государствами, хотя главным по-прежнему остается противоречие между трудом и капиталом. Было подчеркнуто, что Россия является классическим образцом зависимого развития капитализма. Утверждалась необходимость борьбы партии с "псевдокоммунистическими идеологиями".

Были отменены все решения ЦК ВКПБ Н. Андреевой об исключении из партии и роспуске парторганизаций, принятые после июня 1992 г. Центральному Комитету было предписано, чтобы эти организации и люди заняли свое место в рядах партии. В резолюции "Об отколовшейся части партии" продлен срок перерегистрации членов ВКПБ до 1 января 1996 г. Была упразднена должность Генерального секретаря, отменен институт партторгов ЦК и Секретариата, Первого секретаря решено избирать не на съезде, а на Пленуме ЦК. Было также принято решение о регистрации партии (Н. Андреева отказывалась регистрироваться в Российской Федерации). Съезд принял решение о необходимости активного участия в выборах (в составе блока "Союз коммунистов", в избирательный список которого были включены представители партии) и назвал бойкот выборов "детской болезнью левизны в коммунизме"⁶¹⁴. Был избран ЦК ВКПБ второго созыва. Сторонники Н. Андреевой были названы "отколовшейся частью партии". В резолюции "О партийной печати" в качестве органа партии утверждена газета "Большевицкая правда", партийными газетами также признаны газеты "За СССР" (Украина), "Красная молодежь" (Северная Осетия) и "Молодая гвардия" (Киров). Исходя из важности средств массовой информации, съезд создал Центр общественных связей (ЦОС) ЦК ВКПБ.

После съезда в "Большевицкой правде" активно проводилась борьба с "псевдокоммунистическими идеологиями". Так, в 1996 г. в двух номерах газеты печаталась большая статья с критикой программы КПРФ⁶¹⁵, а в последнем, вышедшем уже в 1997 г., – статья, в которой программа РКРП трактуется как анархо-синдикалистская⁶¹⁶.

После съезда ВКПБ А. Лапина стремилась доказать, что является более активной организацией, чем партия Н. Андреевой. 11 октября 1995 г. московская организация ВКПБ (подчиняющаяся ЦК второго созыва) провела два пикета: у станции метро "Студенческая" и у проходной фабрики "Парижская коммуна". Около метро проводился сбор подписей в поддержку избирательного объединения "Союз коммунистов", а возле фабрики – раздача листовок о

деятельности ВКПБ и беседы с работниками фабрики⁶¹⁷. В Краснодаре представитель ВКПБ А. Лапина вошел в состав стачкома учителей.

Сбор подписей в поддержку блока "Союз коммунистов" проводился и в других регионах. Сообщалось, что только партийная организация Северной Осетии (7 человек) собрала в своем регионе 5 тыс. подписей. ВКПБ А. Лапина едва ли рассчитывала пройти в новый парламент вместе с "Союзом коммунистов" Сергея Степанова, скорее партия воспользовалась избирательной кампанией для приобретения известности и укрепления собственного статуса.

В ходе перерегистрации членов ВКПБ было принято решение, что бывшие члены ЦК перерегистрации не подлежат, а секретари обкомов перерегистрируются в особом порядке⁶¹⁸.

После публикации листовки "Осторожно, провокация" за подписью "Информбюро ЦК ВКПБ" 11 октября 1995 г. А. Лапин выступил с собственным заявлением, в котором указывалось: "У бывшего ЦК ВКПБ не было, по их же словам, ни денег, ни типографского оборудования, чтобы распечатать массовым тиражом листовки в поддержку забастовщиков, по поводу событий "Черной осени" 1993 года, в связи с предстоящими выборами и относительно других политических вопросов. А сегодня, когда необходимо вести борьбу с мнимыми раскольниками, и деньги, и возможности для листовочного творчества нашлись. Думается, что это более других доказательств свидетельствует о том, что бывший ЦК ВКПБ во главе с Н. Андреевой не только стоит в стороне от политики, но даже и не пытается действовать в ней, сводя всю свою деятельность к склокам и изгнанию недовольных бездействием бывшего ЦК"⁶¹⁹.

Состоявшийся 28 октября 1995 г. в Подмоскowie очередной Пленум ЦК ВКПБ второго созыва подвел итоги подписной кампании, а также другой работы партии за 4 месяца. С отчетом о разработке проекта Программы ВКПБ выступил председатель Программной комиссии, член ЦК ВКПБ Валентин Сахаров. В Резолюции "О дальнейшем участии ВКПБ в избирательной кампании по выборам в Государственную Думу" было постановлено одобрить проделанную ЦК и местными партийными организациями работу по сбору подписей для регистрации избирательного блока "Союз коммунистов", считать, что подачей избирательным объединением "Союз коммунистов" исковых заявлений в Конституционный Суд и Верховный суд РФ завершается участие ВКПБ в избирательной кампании по общефедеральному списку, а также продолжить избирательную кампанию блока "Союз коммунистов" по одномандатным округам⁶²⁰.

В Резолюции по докладу Первого секретаря ЦК всем партийным организациям ВКПБ рекомендовалось "организовывать классовые выступления трудящихся на почве их повседневных нужд. В тех случаях, когда организация и проведение подобных мероприятий силами одних большевиков невозможна, принимать активное участие в подобных акциях. В ситуации выхода движения за рамки только экономических требований, активно использовать политические лозунги... В случае классовых выступлений трудящихся в том или ином регионе или участия большевиков в подобных выступлениях, информировать ЦОС ЦК ВКПБ в течение суток"⁶²¹.

В "Большевистской правде" была опубликована статья по итогам выборов в Государственную Думу, в которой сам факт выборов оценивался как "победа прогрессивных сил", а высокая активность избирателей, по мнению автора, "выбивает почву из-под ног тех, кто призывал бойкотировать выборы". Выражалось удовлетворение тем фактом, что значительная часть избирателей проголосовала за КПРФ, и тем, что пять миллионов человек отдали свои голоса блоку "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!". Было высказано и такое опасение: "Если коммунисты КПРФ будут продолжать проводить политику соглашательства с буржуазией и в новом составе Думы, а не займут принципиальную позицию, то они вынуждены будут разделить участь многих социал-демократических партий мира, которые открывали дорогу фашистам"⁶²².

Следующий номер газеты (№ 2 за 1996 г.) почти целиком был посвящен предвыборной президентской кампании и вышел под девизом: "Превратим всенародно избранного во всенародно изгнанного!".

27–28 апреля 1996 г. прошел III съезд ВКПБ (А. Лапина), который декларировал себя как XX съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Таким образом сбылась мечта многих членов "Единства" о восстановлении сталинской ВКП(б). Съезд принял резолюцию "О тактике ВКП(б)", которая допускала создание формальных и неформальных блоков с другими партиями, если это служит интересам партии или предотвращению "правого переворота". В резолюции "Об участии ВКП(б) в кампании выборов Президента РФ" решено было поддержать Геннадия Зюганова, одновременно критикуя "его программу как недостаточно радикальную, а самого Г.А. Зюганова – за беспринципные попытки упрочить свои связи с более правыми силами"⁶²³. После выборов Секретариат ЦК ВКП(б) выступил с заявлением, в котором оценивал их итоги как доказательство

того, "что парламентский путь себя исчерпал и что без социалистической революции, слома буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата невозможно решение ни одной из проблем, порожденных нынешним кризисом"⁶²⁴.

"Большевицкая правда" постепенно становилась более разнообразной по содержанию. В газете публиковались интересные статьи, написанные с ярко выраженных классовых интернационалистских позиций⁶²⁵, но в то же время появлялись материалы, оправдывающие Сталина и сталинские репрессии⁶²⁶. Существует постоянная рубрика: "Хроника классовой борьбы", публикуется информация о некоторых социальных конфликтах. "Большевицкая правда" выходит нерегулярно. За 1996 год вышло 4 номера (в № 4 за 1996 г. были опубликованы Программа и Устав партии), в первом полугодии 1997 г. – лишь один.

9 ноября 1996 г. в Москве ВКП(б) организовала и провела в ДК "Дружба" торжественный вечер, посвященный 79-й годовщине Великого Октября, 5-й годовщине создания ВКП(б) и годовщине начала издания газеты "Большевицкая правда". Выступившие с докладами А. Лапин и В. Сахаров изложили взгляд ВКП(б) на значение для нашего времени опыта революции и опыта последующих десятилетий. В частности, Октябрьская революция была определена как ранняя социалистическая революция, а национальный вопрос и право наций на самоопределение – как подчиненные непринципиальные вопросы. Выступившие подчеркнули роль Сталина и отказ ВКП(б) от курса XX съезда на разбольшевичивание. Было также отмечено, что ВКП(б) имеет небольшую численность, но в ней практически нет людей старше 50 лет⁶²⁷. Как и у многих малочисленных партий, у ВКП(б) информация о численности партии квалифицируется как "стратегическая" и не подлежащая разглашению.

Лидер партии А. Лапин неоднократно принимал участие в общекommунистических мероприятиях и акциях других коммунистических партий. Так, 20 августа 1996 г. на "митинге рабочих Москвы", посвященном годовщине событий августа 1991 г., он заявил, что ему нравится то, что рабочим месяцами не выплачивают зарплату, отметил, что Ельцин и Лужков "хорошо на фонарях висят" (имея в виду предвыборные плакаты), и призвал их "отправить не на фонари, а туда, куда мы знаем, и знаем поименно"⁶²⁸.

22 сентября 1996 г. на традиционном митинге-"цепочке" у памятника К. Марксу в Москве А. Лапин прокомментировал первый номер газеты РКРП "Рабочая правда", отметив, что из шести страниц только часть одной страницы была посвящена событиям октября 1993 г., а все остальное представляло собой ругань в адрес Анпилова, и заявил: "Наша позиция на стороне борющихся, кто и сегодня поднимает людей на борьбу, мы с народом, мы с "Трудовой Россией", возглавляемой Виктором Ивановичем. Это наша официальная позиция"⁶²⁹.

30 декабря 1996 г., выступая на митинге, посвященном 74-летию создания СССР, А. Лапин сказал: "... если три политика собрались в Беловежской пуще и там на троих сообразили, понимаете ли, то наше дело – сделать так, чтобы эти политики ушли в Пущу или еще куда-нибудь подальше, по очень популярному русскому адресу ... нам не нужна такая РФия, где есть сверхбогатые и сверхбедные, и дети умирают от голода"⁶³⁰.

На фоне снижения активности и продолжающихся расколов в ВКП(б) Н. Андреевой ВКП(б) А. Лапина пока представляет собой хоть и небольшую, но пытающуюся действовать организацию. ВКП(б) сохраняет сталинистские традиции, особенно в вопросах государственного устройства и национальном вопросе, и пытается совместить энтризм в органы власти с непарламентскими формами борьбы. Развитие организации во многом зависит от будущих финансовых вливаний. В настоящее время финансовое положение партии, по-видимому, не безнадежно, но оставляет желать лучшего, о чем свидетельствуют, например, проблемы с выпуском газеты. Кроме того, рост или сокращение членской базы партии зависит от того, что станет более привлекательным для сравнительно небольшого слоя сталинистов-ортодоксов, – харизматический имидж Н. Андреевой или организаторские способности А. Лапина. Похоже, размежевание большевиков между двумя организациями завершилось еще не до конца.

Елецко-Липецкое Движение Анархистов

Решение о создании Елецко-Липецкого Движения Анархистов (ЕЛДА) было принято 12 апреля 1995 г. группой липецких студентов – участников массовых студенческих беспорядков в Москве, организованных профсоюзом "Студенческая защита". Завязав контакты с московскими анархистами, эта группа студентов с конца сентября 1995 г. стала выпускать и расклеивать в

Липецком государственном педагогическом институте листовки анархистского содержания под трафаретным заголовком “Черная бомба”.

С декабря 1996 г. ЕЛДА начало выпускать выходящее раз в 2 месяца издание “Черный передел”. Концептуальных материалов “Черный передел” не содержит, в основном в нем опубликованы информационные и пропагандистские материалы, зачастую – перепечатки из других радикальных изданий. Издание можно считать ориентированным на революционный крестьянский синдикализм (махновщину). Основная аудитория – студенчество.

Программный документ ЕЛДА “Let Be Anarchy” (именно так: с грамматической ошибкой! – А.Т.) провозглашает главным врагом ЕЛДА “власть” (т.е. власть вообще), а главной целью – анархию. Анархия расшифровывается так: “антиавторитаризм, антикапитализм, антимилитаризм, антифашизм, феминизм, экологизм, альтернативность... справедливость... свобода, полная свобода каждого среди полного равенства всех. Достижение этой свободы возможно только через уничтожение власти”. В качестве механизмов достижения анархии предлагаются: прямые действия, акции гражданского неповиновения, “но самое лучшее средство борьбы – это революция”.

Документ завершается словами:

“ЗЕМЛЮ – КРЕСТЬЯНАМ!

ФАБРИКИ – РАБОЧИМ!

ВУЗЫ – СТУДЕНТАМ!

СВОБОДУ – ЛИЧНОСТИ!

НИКАКОЙ ВЛАСТИ – НИКОМУ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!

АНАРХИЯ – МАТЬ ПОРЯДКА!”⁶³¹

В ночь с 10 на 11 декабря 1995 г. ЕЛДА обклеило листовками антивоенного содержания здание Липецкого горвоенкомата.

1 Мая 1996 г. ЕЛДА провело отдельную от коммунистов демонстрацию под анархистским флагом с черной кошкой (черная кошка – wild cat – один из символов анархизма – от американской идиомы “Wild cat strike” – “стихийная забастовка”). В демонстрации участвовало несколько десятков человек, в основном студентов.

15 ноября 1996 г. ЕЛДА приняло участие в митинге студентов Липецкой области, проводившимся под лозунгами своевременной выплаты стипендий и их повышения, а также введения конституционных гарантий финансирования науки и высшей школы. ЕЛДА присутствовало на митинге под флагами с черной кошкой и портретом Э. Че Гевары и пыталось (безуспешно) радикализовать студенческую массу. Участие ЕЛДА в митинге вызвало негативную и отчасти паническую реакцию в местной прессе⁶³².

7 апреля 1997 г. ЕЛДА при поддержке молодежного движения “Новый курс” и Антимилитаристской радикальной ассоциации провело самую радикальную акцию в Липецке за последние годы – пикетирование Правобережного военкомата в поддержку требования о скорейшем введении закона об альтернативной службе. Пикет перерос в атаку на военкомат, куда удалось прорваться двум членам ЕЛДА. Ворвавшиеся вручили офицерам брошюру с текстом Конституции, в которой закреплено право на альтернативную службу, брошюру “Твое право не идти в армию” и почетную грамоту “за особые заслуги работников военкомата в борьбе с молодым поколением”⁶³³.

ЕЛДА поддерживает контакты с Инициативой революционных анархистов (ИРЕАН), Питерской Лигой Анархистов (ПЛА), Конфедерацией революционных анархо-синдикалистов – Секцией Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ (КРАС – МАТ) и “Хранителями Радуги”, сотрудничает с троцкистами из Русской секции Комитета за Рабочий Интернационал (т.н. Интернационал “Militant”) и налаживает связи с липецким отделением Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) с целью создания в Липецке филиала профсоюза “Студенческая защита”.

ЕЛДА входит в движение “Левое Антифашистское Сопротивление” (ЛАС) – отделение движения “Молодежь Европы против расизма” (YRE).

Представители ЕЛДА участвовали в VIII и IX съездах Ассоциации движений анархистов (АДА), в конференции “Хранителей Радуги” (в мае 1996 г.), во II Международном конгрессе ИРЕАН, в лагере экологического протеста в Волгодонске (лето 1996 г.) и т.д.

Численность ЕЛДА – 19 человек. Часть членов ЕЛДА параллельно представляет собой Липецкую группу АДА (ЛГ АДА).

Руководящих органов и официальных лидеров нет. Неофициальными лидерами являются: Олег Ралдугин – студент (входит также в ЛГ АДА); Владимир Сарапулкин (“Колыма”) – сельский

учитель (также входит в ЛГ АДА); Сергей Соболев – студент (также член ЛГ АДА); Владимир Сергеев – студент.

Деятельность ЕЛДА привлекает к себе внимание местной прессы. Большая часть публикаций о ЕЛДА в местной прессе – негативного и даже откровенно “разгромного” содержания⁶³⁴.

Конфедерация революционных анархо-синдикалистов – Секция Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ

Филиал одного из “интернационалов” – Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ) со штаб-квартирой в Мадриде.

Указанное название (и аббревиатуру КРАС-МАТ) носит с декабря 1996 г. после того, как Конфедерация революционных анархо-синдикалистов (КРАС) была принята в МАТ в качестве секции на территории СНГ на XX Конгрессе МАТ, проводившемся в Мадриде.

Собственно КРАС была образована 5 августа 1995 г. на Учредительном съезде в Москве, проведенном по инициативе Группы революционных анархо-синдикалистов – сторонников Международной Ассоциации Трудящихся (ГРАС).

ГРАС была образована в мае 1994 г. в результате объединения Группы радикальных анархо-синдикалистов (ГРАС) и анархо-синдикалистского крыла Инициативы революционных анархистов (ИРЕАН).

Группа радикальных анархо-синдикалистов была создана как платформа в Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) Юлией Шепельковой (ныне Юлией Гусевой) и из нее и состояла. Летом 1993 г. в группу вошел не состоящий в КАС Дмитрий Лозован и группа таким образом превратилась в самостоятельную организацию.

Анархо-синдикалистское крыло ИРЕАН состояло из 3 человек во главе с одним из лидеров ИРЕАН Вадимом Дамье. Он же и стал лидером ГРАС.

ГРАС изначально ориентировалась на один из анархистских “интернационалов” – МАТ. Целью ГРАС был провозглашен либертарный коммунизм. Средства – синдикалистская деятельность, “всеобщая оккупационная стачка”.

Группа состояла из пяти, затем – четырех человек.

ГРАС была инициатором создания анархо-синдикалистского профсоюза работников сферы информации, науки и культуры “Воля”. Численность профсоюза “Воля” к весне 1997 г. – 12 человек.

Основные требования профсоюза “Воля”:

“1) 100%-ная компенсация всем людям труда за повышение стоимости жизни и рост цен с 1 апреля 1991 г. (зарплата, пенсии и социальные льготы каждого должны быть увеличены не менее чем в 3-4 тыс. раз по сравнению 1.04.1991, т.е. пропорционально среднему росту цен);

2) введение подвижной шкалы зарплаты, пенсий и социальных выплат, т.е. их автоматический рост пропорционально росту цен;

3) регулярная и своевременная выдача зарплаты;

4) сохранение каждого рабочего места (ликвидация только с согласия трудового коллектива и при предоставлении равноценной замены): нет закрытию “нерентабельных” предприятий;

5) отмена налога на добавленную стоимость и подоходного налога с людей, чьи заработки меньше средней зарплаты пусть расплачиваются виновники кризиса – управленцы, политики, богачи;

6) восстановление в полном объеме всех прав трудовых коллективов и профсоюзов 1987-1990 гг.;

7) неограниченное право на забастовку;

8) защита 40-часовой рабочей недели и 8-часового рабочего дня и их постепенное сокращение⁶³⁵.

ГРАС издавала бюллетень “Прямое действие” (редактор В. Дамье). Объем – 8 полос формата А4. Основные темы: “партийная жизнь”; рассказ об опыте профсоюзной борьбы за рубежом; анализ экономических и социальных процессов в России; пропаганда идей анархо-синдикализма (в традиции МАТ). Иногда номера бюллетеня бывали посвящены преимущественно какой-либо одной теме: например, борьбе с национализмом, шовинизмом и расизмом (№ 3), критике войны в Чечне и организации антивоенного движения (№ 4). Печатались переводы из зарубежных анархо-синдикалистских изданий, в № 4 было опубликовано совместное заявление полутроцкистского Социалистического рабочего союза и ГРАС “Остановить войну! Нет – новому Афганистану!”. Тираж “Прямого действия” – 1 тыс. экземпляров.

В состав КРАС на Учредительном съезде в августе 1995 г. вошли, помимо ГРАС и созданного ею анархо-синдикалистского профсоюза "Воля", в основном группы, входившие в Федерацию революционных анархистов (ФРАН) – Гомельская организация Федерации анархистов Белоруссии (ФАБ), анархо-синдикалистская группа Конфедерации Труда Белоруссии (КТБ) из Минска, Киевская группа анархо-синдикалистов и Свободный профсоюз музыкантов (Киев). Не признавая границ и государственности созданных на территории б. СССР республик, КРАС открыта для всех организаций анархо-коммунистов – сторонников "революционного анархо-синдикализма" как минимум в бывших советских республиках.

КРАС является конфедерацией коллективных и индивидуальных (там, где нет групп) членов, именующихся "субъектами КРАС", причем все субъекты обладают максимальной внутренней автономией. Официальных руководящих органов КРАС не имеет, но фактически руководящим органом КРАС является съезд, собираемый не реже одного раза в два года. Съезд может быть заменен опросом членов КРАС. Результаты опроса равнозначны результатам голосования на съезде⁶³⁶.

Своей целью КРАС провозгласила "построение вольного коммунизма (анархо-коммунизма). В качестве средства для достижения этой цели КРАС использует революционный синдикализм"⁶³⁷.

КРАС "отвергает любую государственническую, партийную и капиталистическую идеологию и практику" (включая модели переходного периода к коммунизму, такие как "диктатура пролетариата" и "рыночный социализм") и "придерживается исключительно методов прямого действия"⁶³⁸.

В КРАС, в отличие от подавляющего большинства российских анархистских организаций, введены членские взносы. Финансами КРАС распоряжается Информационная комиссия (ИК) – орган, координирующий работу субъектов КРАС между съездами и проводящий опросы членов КРАС, заменяющие съезды, а также распространяющий информацию и исполняющий функции секретариата. Учредительный съезд возложил функции ИК на Гомельскую организацию КРАС (ГО КРАС), за исключением международных связей, которые были возложены на Московскую организацию КРАС (МО КРАС). Организационные принципы КРАС предполагают ротацию функций ИК между субъектами КРАС⁶³⁹.

Организационные принципы КРАС накладывают на членов КРАС жесткие ограничения. Им запрещаются:

- "эксплуатация чужого труда;
- членство в политических партиях и иных организациях, ведущих борьбу за власть;
- участие в органах власти и выборах;
- пропаганда государственнических и капиталистических идей;
- нарушение этических принципов взаимопомощи, солидарности и свободы;
- систематическое бездействие (в течение более трех месяцев);
- невыполнение взятых на себя обязательств без уважительной причины"⁶⁴⁰.

На съезде был принят также ряд резолюций, в том числе резолюция о присоединении КРАС к МАТ.

Съезд провозгласил "первоочередной задачей" КРАС "создание на пространстве Восточной Европы и Северной Азии анархо-синдикалистских профсоюзов, которые могли бы совмещать повседневную экономическую борьбу с борьбой за подготовку и осуществление всеобъемлющей социальной революции"⁶⁴¹. В качестве первоочередных и минимальных социально-экономических требований, которые должны отстаивать группы КРАС, названы:

"полная индексация заработков и социальных выплат для всех людей труда из расчета 1 апреля 1994 г., своевременная выплата зарплаты, сокращение косвенных налогов, сохранение каждого рабочего места, недопущение любого ухудшения условий труда, восстановление в неограниченном объеме всех прав трудовых коллективов периода 1977–1990 гг., неограниченное право на забастовку и иные формы социального протеста"⁶⁴². Съезд постановил, что члены КРАС обязаны "активно вмешиваться в любые трудовые и производственные конфликты, вынося на обсуждение и отстаивая" перечисленные выше требования, "содействуя радикализации борьбы исключительно в формах прямого действия. Мы поддержим любые выступления трудящихся, соответствующие нашим требованиям и принципам самоорганизации и прямого действия. Те же самые принципы анархо-синдикалисты призваны отстаивать и во всех иных конфликтах – по месту жительства, в защиту окружающей среды и т.д."⁶⁴³.

КРАС выступила за бойкот всех выборов.

КРАС осудила войну в Чечне и выступила против регулярных армий – как основанных на всеобщей воинской повинности, так и профессиональных. "Наша альтернатива – всеобщее вооружение трудового народа, который сам будет защищать свои права и завоевания. Сопротивление против милитаризма – долг каждой свободолюбивой личности, каждого трудящегося, стремящегося к своему классовому освобождению"⁶⁴⁴. КРАС провозгласила своим долгом помощь в организации коллективного и индивидуального отказа от службы в армии, поддержку стихийных и организованных антиармейских акций и призвала солдат и офицеров "вернуть свое оружие против тех, кто шлет их в бой, и тех, кто извлекает прибыль из войн.

**ПОЗОР ВОЕННЫМ И ГРАЖДАНСКИМ ПАЛАЧАМ!
ПОЗОР ПОКОРНЫМ РАБАМ МИЛИТАРИЗМА!
НИКАКОЙ ВОЙНЫ КРОМЕ КЛАССОВОЙ ВОЙНЫ!"⁶⁴⁵.**

КРАС приняла решение о необходимости борьбы с фашизмом во всех его вариантах и проявлениях и заявила, что возрождение фашизма в республиках бывшего СССР является следствием сознательной политики правящих "буржуазно-бюрократических клик" по разъединению трудящихся при помощи национализма. КРАС призвала к борьбе с фашизмом и национализмом в любых формах, включая "насильственное сопротивление". В то же время КРАС заявила, что "единственный способ раз и навсегда покончить с фашизмом это устранить его социальные основы и предпосылки, то есть совершить социальную революцию и создать справедливое общество свободных и равных"⁶⁴⁶.

КРАС заявила о своей готовности к сотрудничеству со всеми анархистскими организациями, кроме "анархо-капиталистов" (то есть "анархо-демократов"), которых КРАС охарактеризовала как "классовых противников", а также кроме анархистов, взаимодействующих с националистическими, фашистскими, антисемитскими и сталинистскими группами⁶⁴⁷.

Поскольку учреждение КРАС повлекло за собой раскол в Инициативе революционных анархистов (ИРЕАН), куда входили члены ГРАС, и раскол в Федерации революционных анархистов (ФРАН), куда входило большинство субъектов КРАС, КРАС сочла необходимым выступить за реорганизацию ФРАН "на базе более четких идейных и организационных принципов"⁶⁴⁸. Таким образом, КРАС отказалась признать решение чрезвычайного съезда ИРЕАН о фактическом развале ФРАН и отказалась поддержать призыв ИРЕАН к группам ФРАН об их перерегистрации в качестве местных групп ИРЕАН⁶⁴⁹.

Установка КРАС на реорганизацию ФРАН на практике оказалась неосуществимой. В период 1995–1996 гг. бывшие группы ФРАН пережили период организационного хаоса, частью переходя из ИРЕАН в КРАС и обратно, частью развалившись, частью перерегистрировавшись как группы ИРЕАН.

Ко II съезду КРАС, проходившему в Гомеле (Белоруссия) в августе 1996 г., стало очевидно, что КРАС состоит из 3 групп: Московская организация КРАС (МО КРАС, бывшая ГРАС), Гомельская организация КРАС (ГО КРАС, часть Гомельской организации ФАБ), Байкальская организация КРАС (в г. Байкальске Иркутской обл.) и нескольких индивидуальных членов в других городах.

II съезд КРАС принял решение о переводе КРАС на обязательное фиксированное членство и подтвердил решение I съезда КРАС об обязательной выплате взносов, которое до того на практике игнорировалось. Несогласные с этим требованием будут вынуждены покинуть ряды КРАС – МАТ.

Численность КРАС – МАТ – 12–15 человек. Точнее можно будет сказать после завершения кампании по введению обязательного фиксированного членства и выплаты взносов КРАС – МАТ.

Формальных лидеров нет. Фактически лидером и теоретиком КРАС является Вадим Дамье, лидер ГРАС. Им разработаны все документы Учредительного съезда КРАС.

Бюллетень "Прямое действие", сохранив объем и тираж, стал официальным органом КРАС – МАТ. Кроме того, КРАС – МАТ совместно с Чешской секцией МАТ издает ежеквартальный информационный бюллетень "A-S Info" (КРАС – МАТ издает русский вариант бюллетеня, Чешская секция – английский). Тираж "A-S Info" – несколько десятков экземпляров.

С № 8 (весна-лето 1997 г.) бюллетень "Прямое действие" преобразован в газету, объем увеличен до 10 полос.

Основной вид деятельности КРАС – МАТ в 1996–1997 гг. – издание и распространение листовок.

Общественно-политическое объединение "Рабочий"

Создан 23 – 24 марта 1990 г. на съезде в Челябинске на базе межгородского (с центром в Перми) Пермского Рабочего союза (ПРС) – с присоединением к нему марксистских рабочих групп из Магнитогорска, Челябинска, Тюмени, Соликамска, Верещагино.

Основой общественно-политического объединения "Рабочий" (ОПОР, ОПОРа) стал ПРС, возникший в конце 1989 г. на базе Союза Коммунистов – левой коммунистической организации, ориентированной на "революционный марксизм".

Союз Коммунистов возник в 1983 г. как подпольная группа, именовавшая себя "Группа продленного дня" (ГПД). ГПД занималась преимущественно теоретическими разработками. В 1986 г. преобразовалась в Союз Коммунистов, в 1988 г. вышла из подполья. Выходу из подполья способствовал тот факт, что в конце 1988 г. Союз Коммунистов попал в поле зрения КГБ, члены Союза вызывались на допросы, у них проводили обыски, был конфискован сам- и тамиздат. Ввиду безусловно марксистского характера группы и наступившей "перестройки" явных репрессий не последовало (теоретик Союза Коммунистов Б. Ихлов, например, "всего лишь" не был допущен до защиты диссертации, других членов группы не приняли в аспирантуру, уволили с работы и т.п.), но дальнейшее конспирирование потеряло смысл.

В 1987 г. Союз Коммунистов стал межгородским, в 1988 г. в него входили представители около 10 городов, в том числе в Перми – 7 человек.

Программные документы были приняты в 1986 г., предполагали "свержение власти бюрократии" и "восстановление подлинного народоуправления в форме действительной власти Советов".

С 1988 г. по февраль 1991 г. Союз Коммунистов выпускал теоретический журнал "Взгляд" (всего вышло 36 номеров, первые 5 номеров – совместно со Свердловским клубом "Рабочий", магнитогорской Группой изучения марксистского наследия (ГИМН) и казанским клубом "Марксист"). Редактор журнала – Б. Ихлов. В № 15 "Взгляда" были опубликованы программные документы Союза Коммунистов, которые предполагали:

- а) отстранение от власти буржуазии (бюрократии),
- б) установление господства пролетариата (трудящихся),
- в) реальное обобществление средств производства,
- г) восстановление подлинной власти Советов.

О Союзе Коммунистов появились крайне негативные публикации в местной прессе (в "Перми вечерней", пермской молодежной газете "Молодая гвардия" и др.), а также и в центральной (в журнале "Молодая Гвардия").

В 1988 г. только в Перми в Союзе Коммунистов состояло около 30 человек.

Лидерами Союза Коммунистов были: Борис Ихлов, Анатолий Скотников, Юрий Банников, Александр Буканов, Игорь Щелев.

При учреждении ОПОР охарактеризовал себя как "самоуправляющуюся общественно-политическую организацию, направляющую свои усилия на достижение демократическим путем классовых интересов пролетариата"⁶⁵⁰.

В качестве прямых целей и задач принимались: содействие "самоорганизации граждан" на предприятиях и по месту жительства; защита интересов и прав рабочих "и других граждан" от незаконных посягательств должностных и юридических лиц; изменение (конституционным путем) тех действовавших законов СССР, которые противоречили интересам рабочих. В качестве основных методов были избраны "осуществление законодательной инициативы"; участие в выборах в Советы народных депутатов всех уровней; организация лекций, дискуссий и т.п.; издательская деятельность; обращения в государственные, профсоюзные, общественные органы и организации в случаях нарушения законных прав и интересов рабочих и т.п.; митинги, пикеты и забастовки "при отсутствии решительных акций по существу на обращения к властям"; оказание материальной помощи своим членам через специально созданные фонды⁶⁵¹.

Теоретической целью ОПОР был назван социализм, который понимался как "реальное обобществление средств производства и продуктов общественного труда в единстве с самоуправлением рабочих и крестьян на всех уровнях в форме Советов"⁶⁵².

ОПОР охарактеризовал СССР как "недоразвитое буржуазное государство без традиционной буржуазии", функции которой выполняет слой партийно-государственно-хозяйственной бюрократии при сохранении основ капиталистических отношений в виде наемного труда. "За социализм у нас выдавали прикрытое пролетарской фразеологией развитие частной собственности до своей крайней

всеобщей формы. Всеобщая частная собственность существует как государственная, объединяющая множество ведомственных монополий в одну”⁶⁵³.

ОПОР решил, что рабочие должны делать основной упор не на классовую борьбу, а на союз с крестьянством против государственной бюрократии. “Достигнутый уровень развития промышленности дает реальную возможность через создание коллективных форм деятельности провести преобразования в интересах трудящихся классов, а не в интересах ограниченных социальных групп, стремящихся удержаться у власти или добраться до нее. Дошедшая в своем развитии до крайности частная собственность стоит перед переходом в свою противоположность – в действительно общественную собственность”⁶⁵⁴.

“Рабочим и крестьянам необходимо привести экономические и политические отношения между собой и государством в соответствие с правами, завоеванными в 1917 году”. Для этого предлагалось следующее:

– демонополизация экономики, т.е. перевод экономики на производственно-территориальные принципы построения на основе эквивалентного обмена продуктами труда;

– в предлагаемом разнообразии форм собственности ведущая роль должна принадлежать коллективной собственности как наиболее полно соответствующей интересам рабочих и крестьян. Коллективные собственники, чьи интересы на уровне государства выражены в Советах, способны контролировать производство и рынок, направляя его развитие на повышение уровня и качества жизни всей массы трудящихся, а не отдельных социальных групп;

– приложить усилия для организации самостоятельного политэкономического союза между рабочими и крестьянами. Этот союз будет организован взамен “шефской помощи” города деревне, организованной министерской бюрократией”⁶⁵⁵.

Очевидно, эта программа не предполагала возможности развала СССР и рекапитализации страны. Поэтому после августа 1991 г. ОПОР впал в состояние жестокого кризиса и в феврале 1992 г. фактически развалился.

Восстановлен в мае 1992 г. на специальном съезде.

ОПОР активно участвовал в кампании бойкота выборов и опроса населения по Конституции в декабре 1993 г.

Имеет отделения (или членов) в Перми, Челябинске, Свердловске (Екатеринбурге), Рязани, Ростове-на-Дону, Самаре, Байкальске (Иркутская обл.), Березниках (Пермская обл.), Верещагине (Пермская обл.), Соликамске (Пермская обл.), Нытве (Пермская обл.), Березовском (Свердловская обл.), Верхней Салде (Свердловская обл.), Белорецке (Челябинская обл.).

Максимальной численности ОПОР достиг в 1990 г., когда в него входило до 2500 человек. В настоящее время списочный состав всех членов ОПОР – около 560 человек, однако реально в ОПОР состоит около 300 человек, из них активистов – 30 человек, в том числе в Перми – 10 человек (из списочного состава свыше 80 человек), Свердловске – 5 человек (из списочного состава свыше 80 человек) и т.д. Надо, впрочем, иметь в виду, что численность и активность членов ОПОР существенно колеблется в зависимости от того факта, есть ли в настоящий момент у формально состоящих в ОПОР граждан работа или они являются безработными. Крупнейшей группой ОПОР был Межотраслевой рабочий союз (МРС) из г. Байкальска численностью в 370 человек (присоединился к ОПОР в августе 1991 г.), возглавлявшийся членом Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) и Анархо-коммунистического революционного союза (АКРС) Игорем Анкудиновым⁶⁵⁶. Однако к лету 1994 г. усилиями местной администрации и официальных профсоюзов (Федерации Независимых Профсоюзов России, ФНПР) деятельность этого профсоюза была практически парализована, численность МРС упала, активисты и руководители профсоюза (включая самого И. Анкудинова) были уволены⁶⁵⁷, причем И. Анкудинов был доведен до попытки самоубийства.

Высший орган ОПОР – съезд (конференция) ОПОР, в промежутках между съездами (конференциями) – совещания ОПОР. Решения съездов (конференций) и совещаний фиксируются в резолюциях.

Формально руководящим и координирующим органом ОПОР является Совет Представителей, который “формируется из членов организации и секций согласно квоте, утвержденной на конференции”⁶⁵⁸. Однако на практике Совет Представителей давно не функционирует. Реально координирующим органом является Исполком ОПОР, замышлявшийся первоначально как технический орган. В настоящее время Исполком состоит из трех человек: Бориса Ихлова (Пермь), Анатолия Осауленко (Самара) и Василия Мальцева (Пермь). Обязанности секретаря Исполкома исполняет Борис Ихлов.

Деятельность ОПОР сводится в основном к агитации и пропаганде, к воздействию на трудовые коллективы, участию в заключении коллективных договоров, созданию профорганизаций (наиболее удачная акция: создание профсоюза ИТР в Перми), защите трудящихся в индивидуальных трудовых конфликтах (до 20 восстановленных после увольнения, в основном – рабочих активистов, уволенных после организованных ими забастовок), созданию "советов микрорайонов", организации помощи пенсионерам, инвалидам, бомжам, жителям трущоб (в Свердловске по руководством ОПОР создан и функционирует Совет трущобников; в Свердловске, Магнитогорске, Перми ОПОР участвовал в кампании за введение бесплатного проезда на городском транспорте для пенсионеров – кампания завершилась успехом). ОПОР ведет также природоохранную работу, имеет экологическую секцию.

Под влиянием ОПОР находится Независимый профессиональный союз рабочих АО "Пермская приборостроительная корпорация" (АО ППК) (70 членов). ОПОР оказывает влияние и на официальный (входящий в ФНПР) профсоюз, действующий на АО ППК.

Крупнейшие из известных акций, проведенных ОПОР – участие или соучастие в организации забастовок на предприятии и организация листовочных кампаний с призывом к забастовкам. Всего ОПОР организовал или участвовал в организации не менее 23 забастовок.

Наиболее успешными акциями ОПОР считаются следующие. Организованная ОПОР забастовка в Белорецке в 1992 г., в результате которой рабочим втрое повысили зарплату. Листовочная кампания в феврале 1996 г. в Перми и Екатеринбурге с призывом организовать всеобщую забастовку в знак протеста против двухмесячной невыплаты зарплаты и попытки произвести массовые сокращения (в частности, в Екатеринбурге на заводе "Уралтрансмаш" из 7 тысяч рабочих планировали сократить 3,5 тысяч); в результате распространения листовок еще до объявленной даты всеобщей забастовки начались стачки в отдельных цехах предприятий Перми и Екатеринбурга и администрации заводов пошли на выплату задержанных зарплат и отказались от сокращения. Показательно, что в апреле 1996 г. попытка повторить эту акцию ОПОР не удалась – задержанные зарплаты были выплачены только на заводе "Велта", трудящиеся других предприятий забастовку не поддержали. На химическом заводе "Камтекс" (бывший завод им. С. Орджоникидзе, производящий фталевый ангидрид) в Перми ОПОР смог в декабре 1996 г. поднять трудовой коллектив на "бунт", в результате которого местная администрация (губернатор области Геннадий Игумнов) пошла на смещение директора – "нового русского" – Е. Пантелеева⁶⁵⁹.

Кардинальной целью ОПОР считает создание самостоятельного рабочего движения, которое должно само выработать собственную идеологию. Предполагается, что теоретической основой для этого станут работы К. Маркса, а организационной – опыт А.Г. Шляпникова.

Особая активность ОПОРа заметна в Перми на заводе им. Ленина, Пермском моторостроительном заводе, заводе "Велта" и в Челябинске на ЧТЗ и ЧМК.

ОПОР издает "Рабочий вестник" и "Информационный листок политобъединения «Рабочий»" в Перми, "Рабочий клуб" (совместно с Партией новых левых) в Челябинске. Весной 1995 г. возобновлено издание газеты "Новая эра" (основана в 1992 г., тогда вышло в свет 2 номера). "Рабочий клуб" (редактор – Виктор Авдевич) преимущественно обсуждает теоретические вопросы, резко критикуя как социал-демократические идеи (в том числе исходящие от Коммунистической партии Российской Федерации), так и догматические положения, исходящие от коммунистических групп и партий, которые рассматриваются "Рабочим клубом" как "сталинистские" и "неосталинистские". В частности, "Рабочий клуб" так своеобразно трактует термин "диктатура пролетариата", что само это понятие исчезает: "Диктатура пролетариата означает постепенное и все расширяющееся замещение государственного аппарата самодеятельностью масс, означает развитие непосредственно демократии... Государство, как отдельная от народа машина, начинает исчезать... Поддержание общественного порядка становится делом не отдельной от народа вооруженной полиции, а делом большинства людей..., делом вооруженного (если понадобится) народа... чиновничество заменяется поочередным выполнением их функций всеми людьми... Заявления... что для установления диктатуры пролетариата, для установления Советов, как одной из форм такой диктатуры, достаточно лишь прихода к власти партии, называющей себя коммунистической, являются обманом и самообманом"⁶⁶⁰. Таким образом, "диктатура пролетариата", с точки зрения "Рабочего клуба" – это на самом деле прямая демократия.

Показательно также отношение "Рабочего клуба" к проблеме захвата политической власти. "Задача... рабочей партии состоит не в том, чтобы ... взять политическую власть. Партия, представляющая из себя авангард рабочего класса, может и должна помочь рабочим решить стоящие перед ними задачи..."⁶⁶¹.

Чеченскую войну ОПОР осудил и высказался за право чеченского народа (как и любого другого) на самоопределение.

На президентских выборах 1996 г. ОПОР призывал проголосовать против всех кандидатов и мотивировал свою позицию следующим образом: “Идет война за собственность между армиями чиновников, которые используют разные идеологии, но одну и ту же антирабочую политику: рабочий – пешка, которому должны указывать, что делать, капиталист или компартия.

Достаточно того факта, что КППРФ является партией директоров и патриотичных предпринимателей, которые хорошо известны рабочим. Так называемое “ограждение страны от иностранного ига” лишь позволит патриотичным хозяевам жизни воровать побольше”⁶⁶².

При этом ОПОР подчеркивал: “Задачей “Рабочего” является разъяснение необходимости самостоятельной активности рабочих, опоры на собственные силы, невозможности перемен путем замены царя. Война трудящихся в той или иной форме против армии собственников неизбежна и не зависит от правильности политики президента или марионеточных партий”⁶⁶³.

XV конференция ОПОР, прошедшая 16–17 ноября 1996 г. в Перми, подтвердила линию на теоретическую борьбу как с буржуазно-либеральными партиями, так и с оппозиционными партиями “типа КППРФ и РКРП” и “ортодоксально-сталинистскими организациями (ВКПб и др.)”, осудила линию профсоюзов (как ФНПР, так и “альтернативных”) как “соглашательскую и не отражающую интересов рабочих”, но в то же время констатировала, что “существует противоречие между уровнем способности рабочих к самостоятельному протесту, не выходящему за рамки предприятия, и уровнем причин кризиса”⁶⁶⁴. Конференция нацелила ОПОР на работу по выводу “протеста за рамки предприятия, отрасли” и на создание “координирующих органов рабочего движения на уровне города”. Впервые ОПОР твердо высказался за создание новой рабочей партии: “Ни одна из существующих партий не представляет интересы трудящихся, ни один профсоюз не способен помочь их защищать. Необходимо создание собственной самостоятельной рабочей партии, которая даст возможность существования рабочих профсоюзов”⁶⁶⁵.

С сентября 1995 г. ОПОР возобновил выпуск теоретического журнала “Взгляд”, издававшегося ранее Союзом Коммунистов. Чтобы подчеркнуть преемственность, журнал вышел сразу с номера 37. “Взгляд” выходит “тематическими выпусками” (например, № 37: “Национальный вопрос”; № 38: “Вопрос об интеллигенции” и т.д.). Тираж журнала: от 200 до 1000 экземпляров. По теоретическому уровню среди материалов “Взгляда” выделяются статьи Бориса Ихлова и Елены Куклиной (Челябинск). Помимо отечественных авторов, во “Взгляде” печатаются и переводы (опубликована, например, классическая (1957 г.) работа видного троцкистского теоретика Тони Клиффа “Экономические корни реформизма”)⁶⁶⁶.

Начиная с 1992 г. митинговой активности ОПОР не проявляет. Пикеты проводятся преимущественно в связи с местными трудовыми конфликтами.

Объединенный фронт трудящихся

15–16 июня 1989 г. в Ленинграде состоялся Учредительный съезд Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) СССР. В работе съезда принимали участие представители Интерфронтов и Интердвижений республик Прибалтики и Молдавии. Инициаторами создания ОФТ выступили 13 ленинградских рабочих, подписавших в июне 1989 г. обращение “Медлить больше нельзя”. Базой для создания организации стали действовавшие в 1988–1989 гг. Общество научного коммунизма и Рабочий политклуб “За коммунистические ориентиры в перестройке” в Ленинграде и Ассоциация научного коммунизма в Москве. Определенное содействие ОФТ оказывали некоторые профсоюзные и партийные функционеры, связи с которыми были более тесными и успешными в Ленинграде и ряде регионов, чем в Москве. Собравшихся на съезд беспокоило то, что перестройка “пока не принесла желаемых результатов”, напротив, “обнаружились рост социального неравенства, политической и социальной напряженности, углубление экономического кризиса, осложнение экологической обстановки”. Участники съезда выступали против тенденции к “развалу СССР и воссозданию буржуазных республик”. Источник всех бед страны они видели в том, что “Коррупцированная бюрократия, сомкнувшись с мафией, встала во главе антисоциалистических и националистических сил”⁶⁶⁷.

Коллективными членами ОФТ СССР стали Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР, Социалистическое движение за перестройку в Литве “Венибе–Единство–Еднoсть”, Интердвижение трудящихся Эстонии и Интернациональное движение в защиту перестройки “Унитата–Единство” Молдавской ССР, которым ОФТ планировал оказывать поддержку “в их борьбе за единство Советского Союза, против реставрации буржуазного строя” и т.д.⁶⁶⁸. Однако реально ОФТ (СССР ???) так и не стал всесоюзной организацией, и реальное значение имел созданный на съезде 8–9 сентября (год?) в Свердловске ОФТ РСФСР.

Учредительный съезд ОФТ СССР рассмотрел также вопрос об отношении к КПСС. Съезд выразил “глубокую озабоченность положением в партии как руководящей силе советского общества”, которая была

названа "первейшим защитником" интересов трудящихся. Съезд заявил, что ОФТ поддерживает "здоровые марксистско-ленинские силы партии"⁶⁶⁹.

II съезд ОФТ РСФСР в январе 1990 г. в Ленинграде выдвинул идею Инициативного съезда коммунистов России – за создание Российской коммунистической партии на платформе ОФТ. Эта установка была выдвинута в противовес идее создания Коммунистической партии России, которую выдвинула Демократическая платформа. Хотя некоторые лидеры ОФТ одновременно были лидерами "инициативников", но и в инициативное комдвижение входили не только члены ОФТ, и ОФТ включал далеко не только членов КПСС. Более того, не все активисты ОФТ считали первоочередной задачей борьбу за лидерство в КПСС, часть их в основном ориентировалась на работу в рабочем движении.

Состоявшееся 8–9 сентября 1990 г. расширенное заседание Координационного совета ОФТ РСФСР рекомендовало III съезду ОФТ РСФСР вывести из Координационного совета и исключить из ОФТ одного из лидеров организации, сопредседателя Координационного совета Вениамина Ярина, которого М.С. Горбачев назначил членом Президентского совета, за то, что Ярин «фактически предал интересы рабочего движения, стал символом "рабочей аристократии"»⁶⁷⁰. III съезд ОФТ, прошедший 2–3 марта 1991 г., последовал этой рекомендации. Кроме того, съезд поставил вопрос о создании на базе Инициативных съездов коммунистов России платформы внутри КП РСФСР. На базе инициативных съездов возникло Движение коммунистической инициативы (ДКИ), которое, в свою очередь, в 1991 г. стало базой создания Российской коммунистической рабочей партии (РКРП).

24–25 августа 1991 г. по инициативе Астраханского ОФТ в Астрахани состоялось всероссийское совещание левых и рабочих организаций, на котором было принято решение о создании Союза левых сил. В ходе реализации этого проекта родилась идея создания движения "Трудовая Россия", а в качестве первого шага – движения "Трудовая Москва". 7 ноября 1991 г. под флагом этого движения была проведена массовая акция на Красной площади в Москве, в подготовке которой, помимо ОФТ, участвовал ряд других организаций коммунистической оппозиции. В начале января 1992 г. пленум ЦК РКРП взял курс на установление "руководящей и направляющей" роли РКРП в "Трудовой России"⁶⁷¹.

В ходе создания ДКИ и РКРП в 1991–1992 гг. в ОФТ наблюдался определенный кризис. Значительная часть организаций и активистов ОФТ сочла необходимым активизировать свою работу прежде всего в качестве членов "Трудовой России" и фактически растворилась в ней. ОФТ как самостоятельная организация в течение некоторого времени не был заметен, поэтому ряд групп и отдельных активистов ОФТ, не сумевших различить политическую линию ОФТ и ДКИ, а затем "Трудовой России", вышли из ОФТ и образовали самостоятельные организации.

Так, на конференции левых сил 25 августа 1991 г. в Астрахани делегация из Ярославля представила Межгородскую инициативную группу по созданию рабочей партии (МИГ). Эта группа считала, что организовывать рабочую партию сверху по типу РКРП, бесполезно и бессмысленно, партию необходимо создавать снизу, через стачкомы и независимые профсоюзы. МИГ не удалось продвинуться дальше Ярославля с областью и Костромской области.

Другая группа, отколовшаяся от ОФТ, сложилась из актива Рязанского и Новгородского ОФТ. Владимир Сидоров и Галина Макеева со своей группой в разное время фактически редактировали газеты "Голос рабочего" (ранее "Голос Вильмы"), в начале 1991 г. группа перешла в редакцию газеты "Что делать?", а в июне того же года Г. Макеева стала выпускать газету "Контраргументы и факты" ("КиФ"). Разрыв с руководством ОФТ произошел во время августовских событий 1991 г., которые Рязанская и Новгородская организации игнорировали. Это нашло отражение в статьях Сидорова "Халявный путч" (№ 7 за 1991 г.) и в редакционной статье "КиФ" "Хрен Янаева и редька Ельцина" (№ 10 за 1991 г.). В № 4 "КиФ" (март 1992 г.) в подзаголовке вместо "Объединенный фронт трудящихся" осталось просто "Фронт трудящихся". В мае 1992 г. образован Оргкомитет партии прогресса, и № 6 "КиФ" выходит уже как его орган. Последнее крупное публичное мероприятие – собрание сторонников Партии Социального прогресса (ПСП) – прошло в Москве 7 июня 1992 г. После этого деятельность ПСП была весьма мало заметна.

Между тем в 1992 г. начинается консолидация тех активистов, которые в наибольшей степени идентифицировали себя именно с ОФТ и рабочим движением. Осенью 1992 г. в ОФТ остро встал вопрос о взаимоотношениях сначала с Фронтом национального спасения (ФНС), а затем – об отношении к инициативам по воссозданию КПСС и КП РСФСР. К подготовке состоявшегося в октябре 1992 г. IV съезда ОФТ не привлекался один из сопредседателей ОФТ Владимир Якушев. Это было связано со стремлением более интернационалистской части ОФТ размежеваться с Якушевым, тяготевшим к ФНС. Съезд принял резолюцию в защиту Якушева от обвинений в разжигании межнациональной розни в связи с публикацией "антисионистской" статьи "Сатанинский заговор"⁶⁷², но вскоре после этого Якушев был выведен и из редакции газеты "Что делать?", и из состава Исполкома ОФТ. Газета после этого стала значительно больше уделять внимания вопросам рабочего движения, чем "проискам сионистов".

С 1992 г. в ОФТ главную роль стали играть лидер Московского ОФТ Владимир Страдымов и лидер Астраханского ОФТ Олег Шеин. Страдымов в течение двух лет был членом ЦК РКРП и являлся сторонником той группы членов РКРП, которая выступала против каких-либо организационных связей с СКП–КПСС. ОФТ принимал активное участие в деятельности созданного РКРП Российского исполнительного комитета (РИК) Советов рабочих. ОФТ принимал также участие в деятельности организованного Юрием Леоновым (бывший лидер Марксистской рабочей партии (МРП)) профсоюза "Защита", который после ухода Леонова из МРП все в

большей степени сближался с РКРП. Однако деятельность РИК Советов рабочих была почти парализована противоречиями внутри РКРП, до 1995 г. уделявшей развитию рабочего движения мало внимания.

17 июня 1995 г. в Москве прошел V съезд Объединенного Фронта Трудящихся России. На съезде были рассмотрены перспективы развития рабочего движения России, принята программа конкретных действий ОФТ России по содействию самоорганизации и самозащите трудовых коллективов на 1995–1997 гг. Одной из ближайших задач ОФТ было названо проведение единых акций протеста трудовых коллективов против принятия президентского проекта Трудового Кодекса, в поддержку альтернативного проекта, разработанного специалистами Российского комитета рабочих и независимого рабочего профсоюза "Защита".

Видимо, под влиянием Астраханского ОФТ в деятельности организации в последние годы активизировались интернационалистские и антифашистские тенденции. В принятом Исполкомом ОФТ России 21 января 1996 г. документе "Тактика ОФТ на современном этапе" сказано: "На смену демократической демагогии приходит демагогия патриотическая, на смену беспорядочного грабежа явственно приходит грабительский порядок, на смену либералам гайдаровского типа – такие волки, как Лебедь, Черномырдин и Жириновский. Если трудящиеся и, в первую очередь, их наиболее организованная часть – коммунисты не станут на их пути, страна вплотную подойдет к откровенной капиталистической диктатуре". Первоочередной задачей коммунистов названо "слияние с рабочим движением": "В процессе профсоюзной "экономической" борьбы нужно подводить трудящихся к борьбе политической с четко осознанными классовыми целями и задачами". Среди "основных социалистических требований" названо "искоренение фашизма и национализма"

673

В ходе формирования радикально-коммунистических блоков осенью 1996 – весной 1997 г. ОФТ поддержал РКРП, настаивавшую на сохранении названия предвыборного блока № 36: "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз".

Российская партия коммунистов

Российская партия коммунистов (РПК) – одна из двух (наряду с Союзом Коммунистов) коммунистических партий, возникших на основе Марксистской платформы в КПСС после роспуска КПСС в 1991 г.

Раскол в Марксистской платформе в КПСС наметился уже на августовской конференции 1991 г. где большинство поддержало Программу-минимум, которая была переработана Алексеем Пригариным на основе проекта Программы КПСС, разработанного Пригариным совместно с Владимиром Бурдюговым. Против проекта программы-минимум выступила группа во главе с Анатолием Крючковым и В. Бурдюговым.

На заседании Координационного Совета Марксистской платформы 8 сентября 1991 г. при обсуждении вопроса о создании собственной партии в условиях запрета деятельности КПСС были образованы два оргкомитета – оргкомитет Партии Коммунистов и оргкомитет Союза Коммунистов, причем о Союзе Коммунистов распространялась недостоверная информация о его подпольном характере. На следующий день после объявления о создании "подпольной" партии выступил А. Крючков и сообщил, что представляемое им течение будет создавать легальную Партию Коммунистов. В. Бурдюгов также вошел в ее Оргкомитет.

Группа во главе с А. Крючковым приняла участие в учредительной конференции Социалистической партии трудящихся (СПТ) 26 октября 1991 г., причем один из ее членов сделал заявление о вступлении в СПТ в качестве "платформы коммунистов-трудящихся", но уже через несколько дней это заявление было опровергнуто руководством.

В ноябре 1991 г., после объединения с Инициативной группой "Возрождение" (Юрий Егоров, Борис Славин, Олег Шабров) и петербургской коммунистической группой во главе с Юрием Беловым (бывший секретарь Ленинградского обкома КПСС по идеологии) было принято название "Оргкомитет по созданию Объединенной партии коммунистов".

Представители Оргкомитета присутствовали в качестве гостей на конференции Союза Коммунистов 16–17 ноября 1991 г., но отказались войти в его состав.

Учредительная конференция Российской партии коммунистов (РПК) прошла в подмосковном городе Железнодорожном 14–15 декабря 1991 г. На конференции присутствовало 115 делегатов, каждый из которых представлял в среднем 10 членов партии. Были приняты резолюция об учреждении РПК, Программное заявление и Устав. В отдельной резолюции РПК поддержала создание Российского общенародного союза (РОС) и поручила ЦИК "рассмотреть вопрос о возможности и формах участия партии в этом Движении". Руководящим органом партии стал Центральный Исполнительный комитет, в который было избрано 37 человек. ЦИК получил право кооптировать в свой состав новых членов – до 50 человек. На заседании ЦИК 15 декабря 1991 г. был сформирован Политсовет ЦИК, в который вошло 10 человек, в том числе А. Крючков, В. Бурдюгов,

Галина Сачко (бывший член ЦК КПСС), Б. Славин, О. Шабров (одно место осталось вакантным). Председателя партии было решено до I съезда не избирать, а заместителем председателя стал А. Крючков (в мае 1992 г. на совместном Пленуме ЦИК и ЦКК он был избран председателем Политсовета ЦИК). Петербургская группа Ю. Белова в РПК не вошла.

В декабре 1991 г. представители РПК принимали участие в съезде Российского общенародного союза. В феврале 1992 г. Московская региональная конференция РПК рекомендовала ЦИК принять решение о коллективном членстве в РОС.

18 марта 1992 г. Министерство юстиции Российской Федерации зарегистрировал РПК.

В мае 1992 г. по инициативе РПК был создан Всесоюзный координационный центр коммунистов (ВКЦК), в который, наряду с РПК, вошли представители ряда российских региональных коммунистических объединений (Московская обл., Санкт-Петербург, Приморье, Калининград, Рязань), а также Партии коммунистов Белоруссии и Социалистической партии Украины.

Учредительная конференция РПК приняла Программное заявление, в котором отмежевывалась как от сталинистского, так и от буржуазно-либерального и правого социал-демократического направлений. Выдвигался лозунг народного самоуправления. Партия выступала за разгосударствление, но против приватизации собственности, за сочетание плана и рынка, демонополизацию. РПК утверждала, что социализм в СССР строился, но не был построен.

В марте 1992 г. РПК подписала платформу Объединенной оппозиции, вошла во Фронт национального спасения (ФНС), хотя последующих деклараций не подписывала. После выхода из ФНС на II конгрессе в июле 1993 г. и непосредственно после конгресса РОС и РНПР представитель РПК А. Крючков был кооптирован в состав Политсовета ФНС⁶⁷⁴.

5–6 декабря 1992 г. в Москве прошел I съезд РПК, основным вопросом повестки дня которого было принятие Программы партии. На обсуждение было вынесено два проекта Программы, так как согласительная комиссия до съезда не смогла принять решение, которое бы устроило обе группы авторов. Проект, выносившийся как основной, был разработан программной комиссией во главе с Б. Славиным. Другой проект разработала группа газеты "Российская правда" во главе с В. Бурдюговым. Защищая свой проект, Бурдюгов высказал мнение, что проект Славина, давая советскому периоду нашей истории оценки, близкие к демократическим, уводит партию сильно правее СПТ. Большинство выступавших делегатов либо поддержали проект Славина, либо предлагали использовать оба варианта как основу для доработки.

Бурдюгов оставил за собой право решить вопрос о членстве в РПК по результатам внесения поправок в проект Славина.

Довести Программу до готовности съезд не успел. Проект остался принятым за основу.

Дискуссию на съезде вызвал вопрос об отношении к Оргкомитету всероссийского съезда коммунистов в связи с нарушением паритетного представительства партий в Оргкомитете и с наметившейся тенденцией превращения готовившегося съезда из объединительного в восстановительный съезд КП РСФСР. Было принято решение продолжить работу в Оргкомитете, но выйти из него, если вместо объединительного съезда всех коммунистов процесс будет служить восстановлению старых структур КП РСФСР.

Лидеры РПК выступали на II съезде российских коммунистов в феврале 1993 г., но в учрежденную на нем КПрФ не вступили. После образования КПрФ многие члены РПК перешли в КПрФ. Из числа наиболее известных лидеров РПК в КПрФ вошел Б. Славин (избран в ЦК), однако впоследствии он стал одним из лидеров Партии самоуправления трудящихся (ПСТ). Пленум ЦИК РПК 5–6 июня 1993 г. констатировал значительный отток членов партии (в первую очередь людей старшего возраста и бывших функционеров КПСС) в ряды КПрФ, поэтому пленум решил провести перерегистрацию членов РПК, а затем провести конференцию.

Основным вопросом пленума был вопрос о тактике и возможных союзниках партии, связанный с тем, что у РПК ухудшились отношения с блоками, в которые она входила, – с "Трудовой Россией", ФНС и Демократическими левыми. В резолюции пленума по этому вопросу сказано, что партия намерена действовать самостоятельно или попытается создать собственный блок из идейно близких организаций с РПК в качестве ядра. В мероприятиях "Трудовой России" и ФНС было решено принимать участие лишь тогда, когда это не противоречит программным установкам партии и сложившимся в ней традициям.

18–19 декабря 1993 г. в Ленинграде прошла II конференция РПК. На конференции был рассмотрен вопрос о тактических задачах партии после октябрьских событий и выборов 12 декабря 1993 г.. С докладом выступил Председатель Политсовета ЦИК РПК А. Крючков, с содокладом – член

Политсовета Сергей Новиков. Конференция приняла за основу проект резолюции "Государственный переворот 21 сентября – 12 декабря 93 г. и тактика РПК на новом этапе", а также решение о начале общепартийной дискуссии по вопросу о стратегии и тактике партии на современном этапе. По собственному желанию из состава ЦИК выведен Сергей Трохин. В состав Политсовета ЦИК довыбраны Наталья Глаголева и Александр Соловьев. Глаголева избрана председателем организационной комиссии ЦИК, вместо освобожденного от этой должности Николая Чикова.

8–9 октября 1994 г. пленум ЦИК РПК рассмотрел вопрос о текущем моменте и задачах партии. Из двух вариантов резолюции был принят проект, подготовленный А. Крючковым. Среди основных задач партии названы: установление связи с трудовыми коллективами и рабочим движением; агитационно-пропагандистская работа; распространение партийной печати; укрепление материально-финансовой базы партии; продолжение работы по консолидации коммунистического движения с сохранением основных идейно-политических позиций партии; продолжение переговорного процесса с Союзом Коммунистов (Алексея Пригарина) и Ленинской позицией в КПРФ (Ричарда Косолапова). Курс на всеобщую политическую стачку признан был признан перспективной задачей (но не ближайшей перспективы). В резолюции содержится отказ от участия РПК в инициированных Союзом акционеров АО МММ и КПРФ кампаниях по сбору подписей за досрочные выборы президента Российской Федерации.

Пленум утвердил состав программной комиссии из примерно 30 человек во главе с С. Новиковым для подготовки изменений и дополнений в Программе партии.

28–29 января 1995 г. на II съезде РПК в отчете ЦИК А. Крючков назвал главным успехом РПК за отчетный период активное участие в обороне Дома Советов, а основным направлением работы на данном этапе – работу в Союзе народного сопротивления (СНС), который был создан в октябре 1994 г. на базе оргкомитета "Черный октябрь". Крючков высказал мнение, что работа в СНС и вступление в СКП–КПСС послужат улучшению организационной базы РПК. В резолюции по докладу был подтвержден курс на подготовку к всеобщей политической стачке.

С отчетом о работе программной комиссии выступил С. Новиков. Он доложил, что разработка программы партии к началу съезда не завершена.

В прениях Рабочая Платформа в РПК (Сергей Трохин, Владимир Хазанов, Юрий Назаренко, Виктор Подойма) отстаивала сохранение в чистоте идеологических принципов РПК и расценила деятельность А. Крюčkова по взаимодействию с другими партиями и участию в объединительных инициативах как нарушающую идеологическую чистоту РПК. Наибольшие протесты вызывали взаимодействие с Ленинской позицией в комдвижении (ЛПКД) (названной сталинистской организацией) и предложение о вступлении в СКП–КПСС. Владимир Соловейчик выразил опасения, что в результате объединительной политики, проводимой Крючковым, произойдет организационное размывание членской массы РПК. В. Хазанов предложил резолюцию, в которой в обтекаемой форме ставились идейные барьеры для объединительных процессов со сталинистами.

В итоговых решениях съезд рекомендовал вести переговоры о создании коалиционной коммунистической партии, где каждая часть коалиции будет временно сохранять собственные Программу и Устав. Переговоры рекомендовалось вести только с СК и МГО КПСС, но не с ЛПКД. Под давлением Рабочей Платформы в резолюцию был включен пункт о проработке вопроса о налаживании рабочих контактов с МРП и другими организациями, стоящими на почве творческого марксизма. Съезд принял решение об ассоциированном членстве в СКП–КПСС.

Был избран Политсовет из 10 членов, его председателем снова был избран А. Крючков, заместителем председателя – Олег Широков.

Пленум ЦИК РПК 30–31 марта 1996 г. рассмотрел проект доработки Программы РПК, подготовленный рабочей группой Программной комиссии, и направил его в региональные организации для обсуждения. Председатель ЦИК РПК А. Крючков напомнил о обращениях первичных организаций коммунистов и инициативных групп к руководителям партий Роскомсоюза по вопросу об объединении коммунистов. Однако на пленуме преобладала точка зрения, что создание единой партии преждевременно, поскольку не исчерпаны возможности единства действий в рамках Роскомсоюза, а попытка создания единой партии в существующих условиях будет способствовать углублению раскола в комдвижении.

По предложению Евгения Козлова (Санкт-Петербург) на голосование был поставлен вопрос о признании работы А. Соловьева по объединению коммунистов в рамках инициативной группы политически вредной. Предложение было поддержано 8 членами ЦИК из 18 участвовавших в голосовании и не было принято.

На пленуме 28–29 сентября 1996 г. при обсуждении вопроса о работе программной комиссии возникли принципиальные разногласия в связи с тем, что программная комиссия предложила внести изменения, существенно ужесточившие отрицательное отношение к идее рыночной экономики. Благодаря дружному выступлению группы членов ЦИК из Санкт-Петербурга, поддержанному частью москвичей (В. Хазанов, В. Горбунов), одна из формулировок рыночного свойства была возвращена в текст проекта программы (против наиболее активно выступили А. Крючков, А. Соловьев и С. Новиков), но все антирыночные формулировки, предложенные программной комиссией, были сохранены.

12–13 декабря 1996 г. в Москве прошел III съезд РПК. В связи с тем, что А. Крючков отсутствовал по болезни, заседание съезда вел О. Широков.

Е. Козлов высказал мнение о том, что стабилизация капитализма в России произошла. Оценивая положение в российском комдвижении, Козлов отметил, что КПРФ смирилась с происшедшей капитализацией страны, "точка невозврата" ее коммунистичности уже пройдена, а про РКРП сказал, что эта партия не мирится с стабилизацией режима, но она ждет революции и не приспособлена к работе в другой ситуации. В докладе Е. Козлова было также отмечено, что РПК раньше не поднимала лозунг самоорганизации стихийного рабочего движения, но если партия хочет приблизить революцию, она должна вести за собой рабочее движение.

В Программу РПК среди задач партии было решено записать вместо "восстановление многонационального государства" – "восстановление СССР".

Ряд выступавших не согласился с тезисом о стабилизации капитализма. Так, С. Новиков заявил, что "доклад Козлова страдает национальной ограниченностью", и что у режима остались только две возможности: вторая "шоковая терапия" либо гиперинфляция.

На съезде обсуждался вопрос об участии РПК в организации V Коммунистического интернационала с участием английской группы "Социалистическое будущее", Коммунистической лиги Австрии и еще ряда мелких организаций ряда стран.

Председателем Политсовета вновь был избран Крючков.

На пленарном заседании Международной научной конференции "Классический марксизм: что устарело, что выдержало проверку временем", состоявшейся 28–29 июня 1997 г. в Москве, Борис Славин, сообщив о своем участии в разработке первого варианта программы РПК, заявил, что сейчас в партии возобладала "сталинистская линия" А. Крючкова.

С апреля 1992 г. РПК издавала газету "Российская правда" (учредитель и главный редактор В. Бурдюгов). После выхода Бурдюгова из партии в конце 1993 г. газета стала органом созданной им партии "Левая Россия". Органом РПК осталась газета "Мысль", ранее являвшаяся органом Марксистской платформы. Кроме того, член ЦИК РПК Александр Соловьев издает газету "Москва – Садовое кольцо" (зарегистрирована 15 апреля 1994 г.).

Самарский анархо-коммунистический союз

Создан 15 марта 1996 г. непосредственно после проведения – по инициативе будущих членов САКС – несанкционированного митинга-пикета перед облвоенкоматом в знак протеста против всеобщей воинской повинности и войны в Чечне. Помимо анархо-коммунистов, объединившихся в тот же вечер в САКС, в организации акции участвовало местное отделение профсоюза "Студенческая защита". Акция приняла довольно бурный характер, быстро перешла от пикета к "осаде военкомата". Здание военкомата было расписано антивоенными лозунгами и забросано подобранными поблизости предметами. 2 участника акции были арестованы. Акция получила солидное освещение в газетах (16 публикаций) и на телевидении (6 сюжетов, в том числе на каналах ОРТ и РТР)⁶⁷⁵.

Фактически САКС сложился из остатков активно себя не проявлявшего Самарского общества анархистов (СОА), действовавшего с 1993 по 1996 г., анархистской части "Студенческой защиты" и части бывших членов организации Коммунистический союз молодежи – Коммунистическая инициатива (КСМ – КИ), эволюционировавших в течение 1994–1995 гг. к анархо-коммунизму (отчасти под воздействием контактов с СОА и московской группой Инициативы революционных анархистов – ИРЕАН).

Через структуры "Студенческой защиты" САКС занимается активной агитацией в студенческой среде. Активисты САКС как правило участвуют во всех мероприятиях левой оппозиции в Самаре, вербуя себе сторонников. Представители САКС – с целью установления контактов и ведения пропаганды – в обязательном порядке присутствуют на крупнейших общероссийских мероприятиях ортодоксальной коммунистической оппозиции (вплоть до съездов

Коммунистической партии Российской Федерации и Российского коммунистического союза молодежи).

Летом 1996 г. САКС активно участвовал в массовых волнениях в Самаре на заводах “Авиакор”, ЗИМ и 4-м ГПЗ, вызванных длительными невыплатами зарплаты. В ходе этих волнений рабочие перекрыли важнейшие транспортные магистрали – проспект Кирова и Московское шоссе – и вступили в столкновения с милицией. Во время летних волнений САКС установил контакт с Партией диктатуры пролетариата (ПДП), лидер которой Григорий Исаев предоставил подвал ПДП для проведения семинаров и заседаний САКС.

Спецификой деятельности САКС является отсутствие фиксированного членства и почти поголовная анонимность членов. Это вызвано особой позицией местных правоохранительных органов по отношению к САКС. “Первое поколение” активистов САКС поголовно вызывалось на “беседы” в местные органы ФСБ и МВД, после чего большинство активистов было отчислено из вузов в ходе ближайшей сессии. Практически все активисты “первого поколения” испытали также давление через семьи (родителей вызывали в ФСБ и запугивали, что оказалось очень действенной мерой). Следствием такой тактики стал отход от САКС одной части активистов и переход к полуполюгальной деятельности – другой.

Численность САКС в Самаре – 35–40 человек, в том числе 14 активистов. В основном это студенты и молодые безработные. Средний возраст – 21–23 года.

САКС имеет отделение в Тольятти, которое охватывает до 30 человек, в основном молодых рабочих и панков. Тольяттинское отделение занимается преимущественно пропагандой в молодежной среде и осуществлением контркультурных акций (проведение панк-рок-фестивалей и т.п.).

Под идеологическим воздействием САКС находится также популярный в Самаре контркультурный театр “Красная крыша”.

Руководящий орган – Секретариат САКС. Большинство членов Секретариата – анонимны, известны только под “революционными псевдонимами”. Председатель Секретариата – Дмитрий Кашеев. Первый заместитель председателя – Дмитрий Верник (председатель Исполкома Самарского отделения профсоюза “Студенческая защита”; студент филологического факультета Самарского педагогического института)⁶⁷⁶.

С декабря 1996 г. САКС совместно с ПДП издает ежедневный информбюллетень “Революционный листок”. Выпускающий редактор “Революционного листка” – Д. Кашеев (за что, по некоторым сведениям, он получил должность “секретаря по внешним связям ПДП”). С 1997 г. САКС начал выпускать антифашистский бюллетень “¡No pasaran!”.

САКС выпустил большое количество листовок и плакатов антивоенного, антифашистского и антикапиталистического содержания.

САКС – коллективный член движения “Левое Антифашистское Сопротивление” (ЛАС) – отделения движения “Молодежь Европы против расизма” (YRE).

Федерация анархистов Кубани

Федерация анархистов Кубани была образована 11 февраля 1995 г. первоначально как Федерация анархистов Краснодара (ФАК).

Предшественником ФАК был Союз радикальной анархистской молодежи (СРАМ), возникший летом 1990 г. в Краснодаре как радикальная реакция на деятельность местной группы Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС). Объединившейся в СРАМ анархистской молодежи линия КАС представлялась недостаточно революционной и излишне бюрократизированной. Группа КАС действовала на Кубани с конца 1989 г. до середины 1991 г. и возглавлялась Александром Серебряковым и Владимиром Луценко, после августа 1991 г. деятельность кубанской группы КАС сошла на нет.

Зато быстро рос и набирал активность СРАМ, признанным лидером которого стал Дмитрий Рябинин. Осенью 1991 г. возникло отделение СРАМ в г. Шахты Ростовской области. Позже СРАМ распространил свою деятельность на другие города Ростовской области, включая собственно Ростов-на-Дону. СРАМ провел на Кубани и в Ростовской области несколько крупных листовочных кампаний, участвовал в демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября – обычно как альтернатива коммунистам (7 ноября 1990 г. СРАМ участвовал в Краснодаре в антикоммунистической демонстрации совместно с местными буржуазно-демократическими организациями). СРАМ регулярно проводил

антимилитаристские демонстрации и пикеты и несколько раз расписывал антивоенными лозунгами здания военкоматов.

СРАМ умело организовал кампанию саморекламы в местной прессе, участвовал в кампании за освобождение членов Анархо-радикального объединения молодежи (АРОМ) А. Родионова и А. Кузнецова, под эгидой СРАМ действовала молодежная коммуна. В период своего расцвета (конец 1991 г. – лето 1992 г.) СРАМ на Кубани насчитывал до 35–40 человек.

СРАМ как отдельная организация принимал участие в IV съезде Ассоциации движений анархистов (АДА) (20–30 марта 1992 г. в Саратове), 1-м Конгрессе анархистов Восточной Европы (Калининградская обл., 1992 г.), в лагере протеста радикальных экологов против Сосновоборской АЭС в Ленинградской области (лето 1992 г.).

В идеологическом отношении СРАМ ориентировался на теоретические построения М.А. Бакунина, идеи неанархизма “68-го года” (в духе раннего Д. Кон-Бендита), самоуправленческий социализм, отказ от урбанистической индустриальной цивилизации и ненасилие (хиппизм).

Однако в течение второй половины 1992 – первой половины 1993 г. деятельность СРАМ в результате правильно поставленной кампании давления на активистов была полностью парализована (активистов СРАМ исключали из учебных заведений, выгоняли с работы, забирали в армию, вели “разъяснительную работу” с родителями и т.п., лидера СРАМ Д. Рябинина и лидера Шахтинской группы СРАМ Александра Любомищенко зимой 1991/1992 отчислили из Шахтинского технологического института бытового обслуживания (ШТИБО) – формально “за неуспеваемость”). Шахтинское отделение СРАМ прекратило свое существование летом 1993 г., активность Краснодарского отделения СРАМ упала до минимума в течение 1993–1994 гг., единственной серьезной акцией была театрализованная манифестация “Спокойно, товарищ. Это – революция!”, проведенная СРАМ совместно с контркультурной артистической молодежью 1 Мая 1994 г.

С начала 1995 г. Д. Рябинин от лица СРАМ вел переговоры с представителями краснодарских панков и местной рок-богемой о воссоздании анархистского движения на Кубани. Эти переговоры завершились учреждением ФАК 11 февраля 1995 г. Основателями ФАК считаются Дмитрий Рябинин, Татьяна Жарская и Юлия Бочарова (к началу 1997 г. Ю. Бочарова от активной анархистской деятельности отошла).

К началу 1997 г. краснодарская секция ФАК объединяла до 55 человек, в том числе около 25 активно и постоянно работающих. В социальном отношении это (по мере убывания удельного веса) студенты, безработные, молодые рабочие, панки, хиппи, школьники. Центральная секция ФАК проводила 1 мая и 7 ноября в 1995 г. и в 1996 г. самостоятельные демонстрации под черным флагом (с участием от 20 до 40 человек). В течение 1995–1996 гг. ФАК неоднократно проводила в Краснодаре уличные акции против войны в Чечне, против экономической политики правительства, против фашизма. Неоднократно акции перерастали в стычки с фашиствующей молодежью (скинхедами) и местными шовинистически настроенными казаками.

В 1995 г. ФАК участвовала в кампании протестов против создания газового терминала на Тамани, одна из акций в ходе этой кампании была связана с устройством палаточного городка перед зданием краевой администрации.

В начале 1996 г. была создана автономная секция ФАК “Жнецы”, объединяющая членов ФАК в городах Армавире и Новокубанске. Лидером “Жнецов” считается Александр Чуцков, известный в прошлом как издатель рок-самиздатского журнала “На абордаж!”. Секция “Жнецы” насчитывает до 10 постоянно действующих активистов и обладает определенным влиянием в местных молодежных (в первую очередь в музыкальных и художественных) кругах. В секцию входят в основном рок-музыканты, панки и хиппи. Помимо участия в общих акциях ФАК секция “Жнецы” проводит самостоятельно регулярные листовочные кампании и является традиционным организатором рок-концертов и других музыкальных акций (в основном тяжелого, “экстремального” рока).

Майкопская секция ФАК (действует в городе Майкоп и поселке Сахрай) в основном занимается анархо-экологической деятельностью. Лидером секции считается Андрей Рудомаха. Секция работает в тесном контакте с Социально-экологическим союзом (СоЭС) Адыгеи и в эпизодическом контакте с “Хранителями Радуги”. В секции – от 5 до 8 активистов.

В мае 1996 г. в ФАК на правах автономной секции вступила группа панков из поселка Афинский (до 5 человек). Секции ФАК существует также в Сочи (секция ориентирована в основном на контркультурную деятельность, готовит к изданию журнал “Юляулюль”) и в поселке Мемзай (секция ориентирована на альтернативный образ жизни, коллективное хозяйство, природоохранную и просветительскую деятельность). Индивидуальные члены ФАК работают также в городах Геленджик и Анапа.

Внутри ФАК действует на правах самостоятельной структуры феминистская группа. Лидер группы – Алена Асеева. Группа работает в контакте с петербургским Центром гендерных исследований, пытается разработать принципы анархо-феминизма, пригодные для условий СНГ. Ближайшей своей целью группа ставит “феминизацию анархистского движения на территории СНГ”.

Формально руководящих органов у ФАК нет. Наиболее важные вопросы решаются съездом. К весне 1997 г. состоялся лишь один съезд ФАК (24–25 мая 1996 г. в Краснодаре). I съезд ФАК определил основные направления идеологии ФАК, решил вопросы координации деятельности местных секций, вопрос о поддержке местными группами газеты “Автоном”. На съезде было решено, что местные секции будут приниматься в ФАК решением съезда, индивидуальные члены присоединяются самостоятельно, в заявительном порядке. Характер членства (фиксированное, нефиксированное, правила приема и выбытия) решается местными группами самостоятельно, символика выбирается местными группами самостоятельно, взносы – добровольные.

Официальных лидеров у ФАК нет. Признанными лидерами (со стихийным разделением функций) являются Дмитрий Рябинин (“тов. Кабанос”) (Краснодар) – ответственный за организационные вопросы и идеологию, Александр Чуцков (Новокубанск) – ответственный за организационные вопросы и эстетику; Алена Асеева (“тов. Баррикада”) (Анапа) – ответственная за межрегиональные связи; Татьяна Жарская (“тов. Танчик”) (Краснодар) – ответственная за совмещение контркультурной и феминистской работы.

На I съезде ФАК был принят краткий программный документ “Идейные принципы и направления деятельности ФАК”:

- полный антиавторитаризм (за безгосударственное самоуправление народа);
- антикапитализм (против потребительской культуры и эксплуатации человека человеком);
- антимилитаризм (против постоянной государственной армии, за всеобщее вооружение народа);
- антифашизм, антинационализм (мы – интернационалисты, все люди – сестры);
- альтернативная культура (контркультура, образ жизни, рок-движение, искусство);
- феминизм (за женское освобождение, против Патриархата);
- экологизм (поддержка радикальных экологов в их борьбе, участие в акциях)⁶⁷⁷.

ФАК расширяет принцип “антиавторитаризма” до “антииерархичности”, отсутствия руководства и формального лидерства. Принцип “антикапитализма” члены ФАК истолковывают как ориентацию на “либертарный социализм (коммунизм)” и “самоуправление”. В понятие “альтернативной культуры” они включают также “коммуны” и “авангардное искусство”. “Экологизм” расширен до принятия концепции “экоциализма” и “экоанархизма”.

В плане идеологии ФАК испытывает сильное влияние анархо-панка, автономистского движения, французских “новых левых” 60-х гг. и ситуационистов. Персонально из теоретиков на идеологию ФАК максимальное влияние оказали М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Г. Маркузе, Э. Че Гевара, Джон Раунтри и Джерри Рубин.

С точки зрения ФАК, не менее важной, чем разработка собственной идеологии, является разработка собственной эстетики. Эстетические поиски ФАК нашли отражение в издаваемой печатной продукции (листовках, плакатах, газете и т.п.), проводимых уличных и культурных акциях. Эстетика ФАК испытала сильное влияние футуризма и сюрреализма и нацелена на “поэтизацию Протеста”, метафоричность, “революционаризм” и утверждение “воли к утопии”.

25–26 октября 1996 г. ФАК участвовала в Москве в создании “Левого Антифашистского Сопротивления” (ЛАС) – отделения движения “Молодежь против расизма в Европе” (YRE) – и вошла в ЛАС в качестве кубанского филиала.

Представители ФАК участвовали в VIII съезде АДА в декабре 1995 г. в Санкт-Петербурге, часть членов ФАК одновременно входит в Инициативу революционных анархистов (ИРЕАН) – включая одного из лидеров ФАК А. Асееву (“тов. Баррикада”).

С 1996 г. ФАК эпизодически сотрудничает с движением “Трудовая Кубань” и местными комсомольцами. В частности, ФАК участвовала в организованном “Трудовой Кубанью” 8 марта 1996 г. в Краснодаре “марше пустых кастрюль” и совместно с комсомольцами выпустил три номера “Вестника левой молодежи” (приложение к газете “Советская Кубань”).

В 1995 г. ФАК создала в Краснодаре Молодежный Антимилитаристский Комитет (МАК), активно сотрудничающий с местным Комитетом солдатских матерей.

В ходе предвыборной кампании 1996 г. ФАК вела активную работу по срыву президентских выборов на Кубани и бойкотистскую пропаганду. В частности, 6 июня 1996 г. в Новокубанске

активисты ФАК сорвали мероприятие в поддержку Б.Н. Ельцина, проводившееся краснодарскими диск-жокеями⁶⁷⁸.

8 июня ФАК дезорганизовала развлекательное мероприятие “Твой голос – твоя сила!”, проводившееся в Краснодаре избирательным штабом Ельцина, а в день выборов ФАК провела “акцию прямого действия” против Клуба молодых избирателей и краснодарского молодежного клуба “Южная волна”, созданного движением “Наш дом – Россия!”⁶⁷⁹.

С осени 1995 г. активисты ФАК оказались втянуты в систематические уличные столкновения с местными нацистами – преимущественно скинхедами и членами Русского национального единства (РНЕ). Крупнейшие инциденты имели место 14 ноября 1995 г. около Дома книги в Краснодаре (в столкновении на стороне ФАК участвовали также панки из г. Волгодонска Ростовской области)⁶⁸⁰; 24 марта 1996 г., когда скинхеды пытались сорвать организованный ФАК рок-концерт в Джем-клубе Краснодара⁶⁸¹, и 7 ноября 1996 г., когда объединенные силы баркашовцев и скинхедов, раздраженные расклеенными ФАК в Краснодаре антифашистскими листовками, напали на колонну ФАК сразу после митинга, посвященного годовщине Октябрьской революции. В отличие от других случаев численный перевес 7 ноября был на стороне ультраправых и от тяжелых травм членов ФАК спасло лишь вмешательство милиции. Фашисты порвали плакаты ФАК и черный флаг анархии⁶⁸².

Под идейным воздействием ФАК находятся местные рок-группы “Боги”, “Зверство”, “Bête noire”, “Under Water”, “Mental Depression” и “Глаз”. Ряд активистов ФАК также выступает в качестве рок-музыкантов (включая одного из лидеров Т. Жарскую (“тов. Танчик”), выпустившую в 1996 г. альбом “20 лет под кроватью”).

С апреля 1995 г. ФАК выпускает газету “Автоном” (к лету 1997 г. вышло 7 номеров); секция “Жнецы” выпускает информационный бюллетень “Борьба продолжается!”. Тиражи – от 250 до 500 экземпляров.

Не чуждый практическим советам, “Автоном” дает рекомендации читателям, например, как вести себя при аресте и что должны делать товарищи арестованных, чтобы оказать давление на власти⁶⁸³, или как изготовить “коктейль Молотова”⁶⁸⁴.

Об идеологической позиции “Автонома” можно судить из следующих теоретических текстов: “Власть рождает паразитирующий класс, который строит свое благополучие с помощью многочисленных карательных и бюрократических институтов за счет труда народа. Государство – своеобразный насос, перекачивающий средства из рук производителей в карманы привилегированного меньшинства, оно же и орудие, цементирующее такое положение вещей.

Только освобождение трудящихся от репрессивной государственной системы, от власти паразитирующей элиты даст им шанс. Шанс самоорганизации на основе свободы личности, системы общественного самоуправления и взаимопомощи... Необходимо самим, без санкции сверху, устраивать свою жизнь так, как угодно нам, не принимая во внимание интересов силовых, бюрократических и финансовых структур государства. А в случае их противодействия организовывать самооборону, акции протеста и гражданского неповиновения. Свободу не дают, а берут”⁶⁸⁵.

“Террористы – те, кто строит тюрьмы, а не те, кто их взрывает. Террористы – те, кто бомбит городские кварталы и села, отдает преступные приказы, развязывает войны и загоняет молодых парней на бойню. Экстремисты не те, кто устраивает акции протеста, а те, кто, пользуясь нашим страхом перед аппаратом подавления, избивает демонстрантов, легализует массовые убийства, и сгоняет население в фильтрационные лагеря. Государственный террор – основной источник насилия и террора”⁶⁸⁶.

“Капитализм – есть удушение любых не прагматических ценностей.

Буржуйский порядок жизни не оставляет ныне человеку свободного пространства для духовных поисков. Симуляция, подделка, неподлинность – вот чему должны поставить памятник те, кто осуществляет Господство сегодня. Все то, что нам дали “сверху”, все то, что разрешила власть, уже в силу этого факта является обыкновенной пародией, видимостью, мифом, цель которых упрочить господство тех, кто разрешает и дает, и рабство тех, кто с благодарностью принимает дары...

Буржуазный мир – это ложь на фундаменте из огромного зыбучего страха потерять комфортабельный сортир.

Поэзия есть революция, ибо она раскалывает цепи, приковывающие личность к твердыне условности.

Капитализм нищ во всех аспектах человеческого существования. Убив самое главное – искренность и свободу человеческих отношений, он исчерпал себя, выработал свой пар. Ясно, что мы

и мир, окружающий нас, должны быть изменены. Ужас буржуазности и Капитализма преодолим только еще большим “ужасом” радикальных общественных перемен”⁶⁸⁷.

ПРЕССА

"Молодой коммунист"

Газета, издающаяся молодыми сторонниками КПРФ (затем – РКРП) с августа 1996 г. Главный редактор – Игорь Губкин. Первый пробный номер вышел с обещанием (в заголовке одной из статей): "Я разорю "Московский Комсомолец"!". Издатели "Молодого коммуниста" ("МК") сделали попытку скопировать оформление заголовка "МК" (довольно неуклюжую). Две полосы газеты были посвящены Молодежному жилищному комплексу (МЖК) Российской Федерации, организации, руководимой тем же И. Губкиным, членом Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). МЖК уже в тот период подвергалась критике не только со стороны демократических СМИ, но и критике товарищей по партии.

В начале сентября 1996 г. ряд руководителей молодежной организации КПРФ выступили с критикой возглавляемой И. Губкиным "МК" и проекта молодежного жилищного комплекса в современной рыночной интерпретации. Газета была названа скандальной, а МЖК охарактеризован как очередная "пирамидальная структура" типа МММ. В "Бюллетене Левого информцентра" была опубликована версия, что "Губкин, за которым из прошлого тянутся некие загадочные силы, вероятно, связанные с криминальной сферой, в качестве одного из вариантов своей дальнейшей политической судьбы рассматривает возможность баллотироваться в депутаты Государственной Думы на место, освободившееся после ухода генерала Лебеда в исполнительную власть. Среди прочего, это дало бы ему возможность уйти от ответственности в случае провала МЖК и других подобных проектов"⁶⁸⁸.

Совет Молодежной секции КПРФ Москвы выпустил заявление с критикой политической линии газеты (охарактеризованной, как "партия, дай порулить!") и финансовой политики ее издателей. Издатели газеты обвинялись в попытках материального давления на партию и ее молодежную организацию. В тот период основные претензии к газете были связаны с персональными нападениями на ряд лидеров КПРФ и с "трудновыполнимыми обещаниями" "МК". Совет заявил "о своей непричастности к дальнейшим шагам по изданию газеты "Молодой коммунист" и возможным последствиям этой деятельности"⁶⁸⁹.

Между тем дальнейшее развитие событий показало, что структура, сгруппировавшаяся вокруг "МК" и МЖК Российской Федерации, значительнее, чем просто незначительная молодежная внутрипартийная группировка, "фрондирующая" по отношению к ее руководству. Конечно, "фрондирование" не прекращалось, но МЖК РФ показал себя и как самостоятельная политическая сила. Уже 7 ноября 1996 г. МЖК участвовал в демонстрации отдельной колонной.

В декабре в приложении к "МК" под названием "Большевик" был опубликован отчет о закрытом пленуме ЦК, состоявшемся в декабре, и выступления участников (во избежание огласки которых, собственно, пленум и был объявлен закрытым)⁶⁹⁰.

В январе в газете была опубликована статья И. Губкина "О молодежной политике коммунистов", в которой Губкин, анализируя причины, по которым молодежь не идет в партию, указывал, что для этого нужен, кроме финансирования, лидер, которому молодежь будет подражать, готовый "отбыть срок тюремного наказания от 12 до 20 лет по совокупности" целого ряда статей уголовного кодекса, среди которых – насильственный захват власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, бандитизм и т.п.⁶⁹¹

На XXI конференции Московской городской организации КПРФ 15 февраля 1997 г. представители молодежной секции КПРФ резко критиковали редакцию газеты "Правда Москвы" за публикацию положительных материалов о деятельности МЖК РФ. В конце февраля – начале марта 1997 г. группа во главе с И. Губкиным перешла из КПРФ в РКРП.

Обращает на себя внимание, что на раннем этапе деятельности этой группы она подвергалась резкой критике со стороны ряда членов РКСМ(б). П. Былевский, выступая на одной из регулярных "цепочек" РКРП, охарактеризовал И. Губкина как "представителя "новых русских"" "вроде Мавроди", "который собрал с людей деньги на строительство жилья, а теперь стремится спрятаться от ответственности в политику, помогал избирательной кампании Зюганова, а потом в своей газете "обделал" руководство КПРФ, но его не удастся разоблачить потому, что он оказал материальную помощь ряду райкомов (или их руководителей) Москвы"⁶⁹². После перехода этой группы в РКРП

были установлены тесные контакты между редакциями газет "МК" и "Бумбараш-2017", начали выходить совместные выпуски.

Эта новая тенденция вызвала резкую критику ряда комсомольцев. Так, в марте 1997 г. Михаил Рубин, член РКРП и РКСМ(б), разослал в региональные организации письмо, в котором критиковал Былевского за публикацию "в совместном мартовском выпуске газет "Бумбараш-2017" и "МК" (№ 026) ряда политически незрелых материалов", которые далее в письме названы просто "провокационными", и за сотрудничество "с откровенно скандальной организацией МЖК РФ"⁶⁹³.

Группами И. Губкина и П. Былевского с участием анархистов проводилась совместная акция по закидыванию помидорами Г. Зюганова. Вначале в "МК" было опубликовано письмо членов Всесоюзного подготовительного комитета XIV Всемирного Фестиваля молодежи и студентов в Гаване (возглавляемого П. Былевским и И. Губкиным), в котором содержалась угроза закидать Зюганова гнилыми помидорами "за предательство коммунистических идеалов"⁶⁹⁴. С деятельностью этого же оргкомитета слухи связывали некий "фестивальный рэкет" – коммерсантам "предлагалось" приобрести за кругленькую сумму плакаты с Че-бурашкой (мультипликационный Чебурашка в буденновке и с гранатой). В передовице газеты "Большевикъ" № 3 за 1997 г. (ежемесячное приложение к "МК"), раздававшейся на IV съезде КППФ, была помещена информация о том, что, по сообщению некоего сочувствующего РКРП члена леворадикальной группировки анархистов, 22 апреля 1997 г. "перед посещением Мавзолея Ленина, Геннадий Зюганов будет закидан гнилыми помидорами". Авторы статьи комментировали эту информацию в том духе, что "из тепличного хозяйства ФСБ в редакцию газеты "Молодой Коммунист" уже завезены ящики с помидорами", но, хотя помидоры и завозили, "их давно съели под "Столичную", тем самым разрушив коварные планы врага". "А молодым экстремистам, если они до сих пор не отказались от своего плана, придется покупать помидоры за собственный счет".⁶⁹⁵ После того, как осуществившие акцию комсомолец и несколько молодых анархистов были арестованы, их общественную поддержку и юридическую защиту также организовала редакция "МК"⁶⁹⁶.

Наряду с этой выходкой 1 апреля 1997 г. произошло событие, которое можно квалифицировать как реальный терроризм – взрыв памятника Николаю II в Подмосковье. По поводу этой акции организаторы, представившиеся участниками некой мифической организации под названием Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА), направили по факсу сообщение депутату Госдумы от РКРП Владимиру Григорьеву, в котором мотивировали свои действия несогласием с планами перезахоронения тела В.И. Ленина. Лидеры левых организаций, в том числе РКРП, активисты некоторой открыто заявляли о намерении "активно сопротивляться" любым попыткам выноса тела Ленина из мавзолея, от этой акции отмежевалась. Иначе повели себя Былевский и Губкин, которые в очередном совместном выпуске своих газет опубликовали статью, в которой открыто указывалось на причастность комсомола, по крайней мере, к этой акции⁶⁹⁷. В том же номере опубликован ряд материалов "Реввоенсовета РСФСР".

Демонстрация 1 мая 1997 г. особенно ярко показала возрастание роли И. Губкина и возглавляемой им группы МЖК РФ в РКРП. Около 60% участников демонстрации от РКРП (даже без поддержки Роскомсоюза и других постоянных союзников РКРП собрал митинг численностью более 2 тысяч человек) привел с собой Губкин.

На одной из "цепочек" РКРП в мае 1997 г. Артем Буслаев положительно оценил деятельность И. Губкина, собравшего для революционной деятельности с членов МЖК по 1 500 000 рублей, но не давший им квартир, заявив: "Так им и надо, этим халявщикам. Они хотели почти бесплатно квартиры получить, вместо того, чтобы бороться за Советскую власть"⁶⁹⁸.

БИОГРАФИИ

Григорьев Владимир Федорович

**Депутат Государственной Думы Российской Федерации второго созыва,
председатель Исполкома движения "Трудовая Россия" на платформе РКРП**

Родился 9 августа 1949 г. в г. Сталинске в шахтерской семье.

В 1978 г. окончил Ленинградский политехнический институт. С 15 лет работал токарем. После окончания института с 1978 г. работает на Ленинградской атомной электростанции им. В.И. Ленина (г. Сосновый Бор Ленинградской области). С 1984 по 1995 г. – начальник смены электроцеха станции.

В 1985 г. вступил в КПСС. Из партии не выходил.

В 1990–1991 гг. принимал участие в движении "Коммунистическая инициатива".

С 1992 г. – член Российской коммунистической рабочей партии (РКРП). В том же году стал секретарем Ленинградского горкома, с 1993 г. – член обкома РКРП, затем – член Центрального Комитета РКРП. Руководитель информационно-методического центра рабочего движения при РКРП.

Член Совета рабочих, крестьян, специалистов и интеллигенции Ленинграда – организации рабочих, ориентированных на РКРП.

17 декабря 1995 г. В. Григорьев был избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации от Всеволожского избирательного округа № 99. Был выдвинут блоком "Коммунисты – "Трудовая Россия" – За Советский Союз!". В феврале 1996 г. вошел в депутатскую группу "Народовластие". С февраля 1996 г. – член Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике.

5 октября 1996 г. на съезде движения "Трудовая Россия" (альтернативном "анпиловскому" съезду движения "Трудовая Россия") В. Григорьев был избран председателем Исполкома движения (заместители – Владимир Гусев и Алексей Сергеев).

24 января 1997 г. Григорьев подписал заявление о создании внефракционного депутатского объединения "АнтиНАТО".

Дамье Вадим Валерьевич

Лидер Конфедерации революционных анархо-синдикалистов – Секции Международной Ассоциации Трудящихся в СНГ

Родился 30.07.1959 г. в Москве. Отец – служащий, мать – врач.

В 1976–1981 гг. учился на факультете архивного дела Московского историко-архивного института (ныне Российский государственный гуманитарный университет). В этот период увлекался, по некоторым данным, опытом Пол Пота в Кампучии и издавал (в 1 экземпляре) прополпотовскую газету "Красная мотыга".

С 1981 г. работает в Институте всеобщей истории Академии наук СССР (ныне – Российской Академии наук) младшим научным сотрудником, научным сотрудником, исполняющим обязанности старшего научного сотрудника. В 1984 г. окончил аспирантуру Института Всеобщей истории, кандидат исторических наук (тема диссертации: "Движение зеленых в ФРГ", 1986). Специалист по социальным движениям в Европе и России.

В августе 1987 г. участвовал в первой всесоюзной конференции неформалов – "Встреча-диалог "Общественные инициативы в перестройке". В 1987 г. участвовал в создании движения "Объединенный антифашистский фронт" (ОАФ), распавшегося в 1988 г. Контактничал от лица ОАФ с Всесоюзным социально-политическим клубом (ВСПК). Когда ОАФ вошел в Федерацию социалистических общественных клубов (ФСОК), В. Дамье участвовать в работе ФСОК отказался и продолжал контакты с ВСПК.

С осени 1988 г. – один из организаторов Московской экологической федерации, в апреле 1989 г. был избран ее сопредседателем (в 1990 г. от активной деятельности в МЭФ отошел). В феврале 1989 – марте 1990 гг. входил в Оргкомитет Партии Зеленых (с мая 1989 г. – Движение за создание Партии Зеленых), в марте 1990 г. участвовал в съезде, на котором было провозглашено создание Партии Зеленых (ПЗ), с марта 1990 г. – член Совета региональных координаторов ПЗ, с мая 1990 по май 1991 г. – сопредседатель Московской организации ПЗ. Возглавлял левое крыло ПЗ, и, поскольку устав ПЗ разрешал создание фракций, пытался оформить это левое крыло в виде "фракции базисной демократии", но неудачно.

С мая 1989 г. В. Дамье – член Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС). Критиковал ее программу за признание рыночной экономики. В 1990 г. был также членом организации Союз Коммунаров. Вышел из КАС в конце 1990 г. 5 марта 1991 г. участвовал в создании группы Инициатива революционных анархистов (ИРЕАН), которая в январе 1992 г. объединилась с рядом других анархо-коммунистических групп России, Украины и Белоруссии в Федерацию революционных анархистов (ФРАН).

Один из организаторов Ассоциации движений анархистов (АДА).

В мае 1991 г. в ПЗ произошел раскол. Часть российских организаций ПЗ, вопреки принципиальной линии ПЗ на отказ от создания отдельных республиканских партий, провозгласила

создание Российской Партии Зеленых (РПЗ). Московская организация ПЗ также вошла в РПЗ, вопреки попыткам В. Дамье добиться соблюдения программных установок ПЗ. Ситуация усугубилась тем, что московская организация ПЗ занимала в целом куда более правые позиции, чем В. Дамье. Таким образом, В. Дамье оказался в Москве в определенной изоляции. В. Дамье стал в мае 1991 г. одним из инициаторов создания Лиги Зеленых Партий (ЛЗП), в которую преобразовались секции ПЗ, не согласившиеся войти в РПЗ. Теоретической основой ЛЗП стал "Экосоциалистический манифест" В. Дамье. Ввиду отсутствия в Москве секции ЛЗП В. Дамье стал московским представителем ЛЗП.

На III съезде ЛЗП в Липецке (октябрь 1991 г.) В. Дамье выступил с теоретическим докладом, был избран в Координационный совет ЛЗП.

Один из организаторов левосоциалистических и пацифистских митингов в Москве – начиная с митинга 7 ноября 1991 г. на Красной площади, организованного ИРЕАН и троцкистами, и сопровождавшегося столкновениями с милицией. Особенно активно эти митинги проводились в январе-феврале 1992 г.

Участник многих экологических акций, в частности блокады Балаковской атомной электростанции в июне 1990 года, "оранжевых акций", а также митингов с участием ИРЕАН. Неоднократно задерживался милицией за организацию и участие в несанкционированных митингах и пикетах. Был оштрафован за участие в "оранжевой акции" 1 апреля 1991 г.⁶⁹⁹

Член Координационного совета ЛЗП до конца 1992 г.

В мае 1994 г. – один из создателей Группы революционных анархо-синдикалистов (ГРАС), был лидером группы.

Один из создателей в сентябре 1994 г. анархо-синдикалистского профсоюза "Воля".

Участник международного анархистского движения. Наблюдатель от России на XIX Конгрессе МАТ в 1992 г., депутат от России на XX Конгрессе МАТ (декабрь 1996 г.).

До августа 1995 г. был также лидером ИРЕАН и ФРАН. После того, как 5 августа 1995 г. по инициативе ГРАС была создана (в основном из членов ФРАН) Конфедерация революционных анархо-синдикалистов (КРАС), в ИРЕАН и ФРАН произошел раскол. Сторонники чистого анархо-коммунизма исключили В. Дамье из ИРЕАН и ФРАН.

В. Дамье является неформальным лидером и фактически единственным теоретиком КРАС. Ему принадлежит авторство документов, принятых 5 августа 1995 г. на Учредительном съезде КРАС (Организационных принципов КРАС и 7 резолюций)⁷⁰⁰.

С середины 1980-х гг. В. Дамье придерживается концепции общественного устройства, альтернативного рыночному и индустриальному. Концепция разработана под влиянием идей Г. Маркузе, Р. Дучке, М. Букчина, А. Горца, П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина и других теоретиков анархистского и "нового левого" направлений. В 1989 г. опубликовал в журнале "Третий путь" под псевдонимом В. Грей "Экосоциалистический манифест", в котором критиковал индустриальный путь развития и рынок, предлагал модель общества, основанного на децентрализованном планировании, федерализме и коммуитаризме.

Член редколлегии анархо-экологического журнала "Третий путь" и полуанархистского журнала "Наперекор". Издатель бюллетеня КРАС – МАТ "Прямое действие" (выходит в среднем 1 раз в квартал). Редактор анархо-синдикалистского бюллетеня "A-S Info" – издание КРАС – МАТ и Чешской секции МАТ.

В конце 1989 г. издавал "Новый левый бюллетень" (вышло 2 номера), в 1991-1993 гг. был главным редактором газеты ИРЕАН "Черная звезда".

Публикации политического и публицистического характера в "Правде", "Новой ежедневной газете", "Молнии" (газета "Трудовой России"), "Утре России" (газета Демократического Союза), "Свободном слове" (газета Демократического Союза), журналах "Знание – сила", "Самоуправление", "Пролетарская трибуна", анархистском "Бюллетене АН-ПРЕСС", в журналах и газетах "Direkte Aktion", "Schwarzer Faden", "Die Aktion", "Junge Welt", "AK", "ZET", "Radio", "VL" (Германия), "Direct Action" (Великобритания), "Anarchy", "Green Left Bulletin" (США), "Lang og Folk" (Дания), "Inprecor", "Le Monde libertaire" (Франция), "L'affranchi" (Швейцария), "Umanita nova" (Италия), "CNT" (Испания), "Свободна мисъл" (Болгария).

Публикации научного характера (история Западной Европы, преимущественно Германии, XX века) в журналах "Рабочий класс и современный мир", "Коммунист", "Кентавр", сборниках трудов Института всеобщей истории РАН, главы в коллективных монографиях того же института.

Свободно владеет немецким языком.

Ихлов Борис Лазаревич

И.о. секретаря Исполкома Общественно-политического объединения «Рабочий»

Родился 30.04.1956 г. в Перми.

Закончил Пермский государственный университет в 1978 г., в 1987 г. закончил аспирантуру на кафедре теоретической физики физического факультета МГУ, до защиты диссертации не допущен по политическим мотивам. Работал в Пермском политехническом институте на кафедре общей физики, откуда дважды изгонялся в связи со своей общественной деятельностью: в середине и в конце 1988 г.

Один из основателей подпольной марксистской "Группы продленного дня" (ГПД) в 1983 г., в 1986 г. – один из лидеров Союза Коммунистов, в который преобразовалась ГПД. После легализации Союза Коммунистов и преобразования его в конце 1989 г. в Пермский Рабочий союз – Председатель Пермского Рабочего союза.

С мая 1992 г. – член Исполкома Общественно-политического объединения "Рабочий" (ОПОР, ОПОРа), один из трех по уставу. Исполняет обязанности секретаря Исполкома ОПОР.

Был членом оргкомитета по созыву в Новокузнецке съезда 30 апреля – 2 мая 1990 г., на котором была провозглашена Конфедерация Труда (независимое профобъединение шахтеров Кузбасса).

Во второй половине 1991 г. входил в Оргкомитет Партии Труда.

Активно участвовал в митингах и пикетах в 1988–1989 гг., в 1989 г. был задержан милицией за участие в несанкционированном митинге.

Зимой 1989 г. "неизвестные" совершили налет на квартиру Б. Ихлова и избili его.

Редактор "Рабочего вестника" и "Информационного листка политобъединения «Рабочий»" (пермские издания ОПОР). Был членом редколлегии журнала "Взгляд" (выходил в 1988–1991 гг., вышло 36 номеров) и марксистского журнала "...Изм" (первых 2-х номеров). После возобновления "Взгляда" (уже как теоретического журнала ОПОР) с сентября 1996 г. – главный редактор "Взгляда".

Печатался, помимо изданий Союза Коммунистов, ПРС и ОПОР, в журналах "Альтернативы", "Приватизация и рабочее движение", "Международный дневник" (троцкистское издание), "Bulletin in Defense of Marxism" (США), "Correo Internacional" (Аргентина), в бюллетене "Новый Нестор" (приложение к журналу "Черная звезда", изданию Инициативы революционных анархистов) и в уральских газетах "Забастовка", "ИРА", "Местное время". Кроме того, Союз Коммунистов издал 2 выпуска "Сборников ГПД".

Автор книг "Очерки современного рабочего движения на Урале" (Пермь, 1994) и "Восстание элит" (Б.м., б.г.).

Митина Дарья Александровна

Депутат Государственной Думы РФ второго созыва, председатель совета Союза студентов России

Родилась 14 августа 1973 г. в Москве.

Внучка афганского премьер-министра, сын которого некоторое время жил в Москве.

Училась в двух специальных школах: сначала в языковой, потом в гуманитарной гимназии. С четырех лет играла на скрипке, собиралась поступать в консерваторию.

В 1990–1995 гг. – студентка исторического факультета МГУ. Специализировалась на кафедре этнологии, диплом посвящен Средней Азии. Параллельно окончила Институт государственного управления и специальных исследований при МГУ по специальности "государственное и муниципальное управление", имеет диплом "менеджер по управлению наукой".

С 1995 г. – аспирантка МГУ.

Участвует в митингах оппозиции с 7 ноября 1991 г. В 1993 г. вступила в Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ). Вступила в Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), в марте 1995 г. избрана в ЦК РКСМ.

Член профсоюза "Студенческая защита".

Председатель прокоммунистического Совета студентов России.

На выборах в Государственную Думу Российской Федерации вошла в Нижне-Волжскую группу кандидатов в депутаты по списку КПРФ. В декабре 1995 г. становится депутатом Государственной Думы. Вошла во фракцию КПРФ. Непродолжительное время состояла в депутатской группе "Народовластие".

Член Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи.

На учредительном съезде движения "Народно-патриотический союз России" (НПСР) 7 августа 1996 г. была избрана членом Координационного Совета НПСР.

Тюлькин Виктор Аркадьевич

Первый секретарь Российской коммунистической рабочей партии

Родился 14 мая 1951 г.

Один из дедов В. Тюлькина – член РКП(б) с 1919 г., участник I Мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, полковник РККА. Другой дед – член РСДРП(б) с 1914 г., первый председатель Шлиссельбургского Совета, погиб в 1919 г. при защите Петрограда от войск Юденича. Отец также коммунист, подполковник. Мать защищала Ленинград все 900 дней блокады.

Окончил Ленинградский военно-механический институт. Старший лейтенант запаса ВМФ. Работал мастером, старшим мастером, начальником участка на Ленинградском Северном заводе, затем – начальником участка, начальником цеха, начальником технического отдела в научно-производственном объединении "Авангард".

С 1988 г. – секретарь парткома НПО "Авангард". С 1990 г. – член Ленинградского обкома КПСС.

В январе 1990 г. был делегатом II съезда Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) РСФСР. На съезде выступал за воссоздание Российской коммунистической партии в составе КПСС на "ленинской идейной основе" и за созыв с этой целью съезда "снизу" – вне зависимости от одобрения этой идеи руководством КПСС. В апреле 1990 г. Тюлькин был избран членом Оргбюро Инициативного съезда (вместе с Михаилом Поповым, Юрием Терентьевым, Вартазаром Кноделем, Михаилом Ивановым) и стал секретарем Оргбюро по организационным вопросам. В июне 1990 г. был выдвинут от Инициативного съезда в состав ЦК компартии РСФСР. Идентифицирует себя с Движением коммунистической инициативы начиная с 1988 г. (движение Инициативных съездов РКП приняло это название лишь в 1991 г.).

Председательствовал на всех Инициативных съездах сторонников создания РКП(?), проводившихся в Ленинграде по инициативе ОФТ. На Инициативном съезде 9–10 июня 1990 г. был выдвинут, а на учредительном съезде Коммунистической партии РСФСР (КП РСФСР) 19–23 июня 1990 г. избран членом ЦК КП РСФСР. В Санкт-Петербурге претендовал на пост первого секретаря Калининского райкома КП РСФСР.

На учредительном съезде КП РСФСР Тюлькин выступал с содокладом от Инициативного съезда. Объясняя, почему, по его мнению, некоторые участники съезда не хотят воссоздания российской компартии, Тюлькин, передразнивая картавое произношение содокладчика от Демократической платформы Владимира Лысенко, сказал, что первая причина – это то, что «товарищи плохо выговаривают слово "Россия"». Эти слова были встречены аплодисментами. Впоследствии журналисты обвинили Тюлькина в антисемитизме и присвоили кличку "логопед Тюлькин".

В январе 1991 г. на совместном пленуме Оргбюро и Центральной Контрольной комиссии Инициативного съезда коммунистов России вошел в состав рабочей группы Инициативного съезда по подготовке проекта IV Программы КПСС. После учреждения весной 1991 г. на II Инициативном съезде Движения Коммунистической инициативы (ДКИ) – в рамках уже не только Компартии РСФСР, но и КПСС в целом – был утвержден членом Оргбюро ДКИ и секретарем Оргбюро по организационным вопросам.

На XXVIII съезде КПСС выступил с резолюцией меньшинства против курса на рынок, резолюция набрала около трети голосов делегатов.

Вместе с Виктором Долговым и Юрием Терентьевым в июне 1991 г. на средства ЦК КП РСФСР и некоторых областных организаций организовал издание газеты "Народная правда". Вместе с В. Кноделем (в дальнейшем – управляющий делами ЦК РКРП) заключил договор аренды с Домом политпросвещения от имени ОФТ; помещение стало в дальнейшем офисом ЦК РКРП.

Во время выборов президента РСФСР в мае-июне 1991 г. входил в список доверенных лиц кандидата на пост президента Альберта Макашова.

После событий 19–21 августа 1991 г. некоторое время скрывался, хотя не подвергался преследованию.

В ноябре 1991 г. Тюлькин стал одним из инициаторов созыва Учредительного съезда Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) в Екатеринбурге. На съезде был избран в ЦК РКРП, уже тогда претендовал на пост первого секретаря партии. Добивался регистрации партии в Министерстве юстиции Российской Федерации.

В январе 1992 г. организовал пленум ЦК РКРП в Санкт-Петербурге, на котором был избран в Оргбюро ЦК секретарем по организационным вопросам. С того времени Тюлькин стал играть ведущую роль в организации коммунистических митингов в Петербурге. Весной 1992 г. вместе с Виктором Анпиловым добивался фактического превращения Оргбюро в руководящий орган партии (хотя формально таковым был только ЦК).

В апреле 1992 г. вместе с рядом других представителей РКРП посетил Пхеньян.

Принимал участие в митинге 12 января 1992 г. в Москве на Манежной площади ("Слово народу!"), организованном В. Анпиловым. Активно поддерживал осаду "Останкино" в июне 1992 г.. В течение 1992 г. совершил агитационные поездки по многим регионам России. В результате этих поездок Тюлькина наблюдался значительный рост численности партии.

Осенью 1992 г. выступил против создания Фронта национального спасения (ФНС) и стал инициатором исключения Ричарда Косолапова из ЦК РКРП, а затем из партии в связи с работой в ФНС; эта же причина лежала в основе конфликта В. Тюлькина с А. Макашовым.

С января 1992 г. вел в газете "Народная правда" кампанию против Оргкомитета II (восстановительного) съезда Компартии РСФСР во главе с Валентином Купцовым. Обвинял группу Купцова в ревизионизме и настаивал на том, что РКРП – это единственный правопреемник Компартии РСФСР. Накануне Восстановительного съезда КПРФ вместе с В. Анпиловым организовал альтернативную учредительную конференцию Ленинградской организации КПРФ, сделав это раньше созыва "официальной" конференции во главе с бывшим секретарем обкома КПСС по вопросам идеологии Юрием Беловым. Пытался заблокировать проведение "официальной" конференции, в результате Белову пришлось проводить ее почти в конспиративной обстановке в городе Павловске в 25 километрах от Санкт-Петербурга. Представители РКРП, однако, прибыли и туда, и попытались дезорганизовать работу конференции. Вместе с В. Анпиловым В. Тюлькин организовал затем "параллельный" восстановительный съезд Компартии РФ в Москве, на котором объявил РКРП единственной законной правопреемницей старой компартии РСФСР.

После октябрьских событий 1993 г. Тюлькин вновь скрывался за городом. В дальнейшем он пытался добиться отмены решения Министерства юстиции о приостановке деятельности партии. В опубликованной в демократической газете "Невское время" телеграмме в Министерство юстиции РФ Тюлькин разъяснял, что руководящий орган партии, находящийся в Петербурге, не уполномочивал Анпилова участвовать в защите Верховного Совета РФ. Однако на пресс-конференции руководства РКРП в Москве 23 октября 1993 г. Тюлькин заявил: "В ходе событий погибло 5 членов РКРП. И всех, кто защищал законность, мы считаем своими сторонниками. Никаких отмежеваний от действий I секретаря ГК РКРП Анпилова у нас не будет. Не Анпилов и не РКРП повели народ на "Останкино" – направил Руцкой властью президента. Мы оцениваем действия Анпилова как взвешенные и спокойные".

В то же время в петербургской газете "Час пик" был опубликован материал о попытках Тюлькина (правда, безрезультатных) предложить свои услуги в предстоящей предвыборной кампании ряду либералов – противников роспуска Верховного Совета, в частности Юрию Нестерову.

Эти и иные обстоятельства усилили в руководстве партии нарастающее недоверие к Тюлькину, и 23 октября 1993 г. Оргбюро ЦК 7 голосами против 5 приняло решение об освобождении Тюлькина от всех постов в партии. Большинство, свергнувшее Тюлькина, по инициативе М. Попова объявило о воссоздании РКРП под другим названием – Рабоче-Крестьянская Российская партия. Образование новой партии, не содержащей в названии слова "коммунистическая", дало Тюлькину повод для объявления об антикоммунистическом заговоре.

Тюлькин исключил создателей "РКРП-2" (в дальнейшем стала использоваться аббревиатура РКрРП) из оргбюро РКРП вопреки партийному уставу, предусматривающему согласование исключения с первичными партийными организациями. В декабре 1993 г. в Челябинске усилиями Тюлькина, Терентьева и Кноделя был созван III съезд партии, на котором по инициативе Тюлькина обсуждался вопрос "о попытке превратить РКРП в другую некоммунистическую партию". Тюлькин

назвал М. Попова "отщепенцем", "поскольку не сумел увести сколько-нибудь существенную часть членов и не заслуживал названия раскольника". На съезде были внесены изменения в устав, позволяющие руководству партии исключать ее членов из состава без согласования с первичными организациями. Тюлькин был избран первым секретарем ЦК РКРП.

В докладе на съезде, посвященном вопросу о предстоящих выборах, Тюлькин заявил о необходимости их бойкотировать, но использовать в то же время Государственную Думу как трибуну. Некоторые делегаты высказывали мнение, что подобные тактические выверты не прибавляют партии морального авторитета. Было решено "поддержать согласованную с другими компартиями линию на бойкот выборов и референдума по Конституции. Разрешить членам РКРП, не скрывающим своей партийной принадлежности и позиции партии в предвыборной агитации, бороться до конца и в случае победы бороться внутри Государственной Думы за Советскую Конституцию". Основываясь на этом решении, Тюлькин выдвинул свою кандидатуру по одномандатному округу, что было осуждено многими членами партии. Выборы он проиграл. Вновь баллотировался – в Законодательное собрание Санкт-Петербурга – и выбыл уже в первом туре. Во втором туре выборов по инициативе Тюлькина партактив поддержал бизнесмена Сайфуллаева против кандидата "Выбора России", бывшего диссидента Бориса Пустынцева.

Избрание Тюлькина первым секретарем РКРП в то время, как другой претендент на лидерство в РКРП – Виктор Анпилов, находился в тюрьме, привело к серьезному конфликту между ними. На заседании Оргбюро Тюлькин получил пощечину от освободившегося Анпилова. Летом 1994 г. конфликт между Тюлькиным и Анпиловым продолжился. Анпилов был намерен выдвинуть свою кандидатуру на пост президента РФ, с чем Тюлькин не был согласен.

В этот период позиции Тюлькина резко ухудшились, в частности, в связи с материальными затруднениями. В мае 1994 г. на конференции в Горках Ленинских Тюлькин подписал декларацию о необходимости объединения компартий на базе КПРФ, за что вновь подвергся жесткой внутрипартийной критике. Тем не менее, по инициативе Тюлькина, поддержанной Ю. Терентьевым, на втором этапе выборов в городское Законодательное собрание осенью 1994 г. РКРП вступила в альянс с КПРФ, образовав блок "Коммунисты Ленинграда" (при этом в одном из округов представители КПРФ и РКРП все же конкурировали). В Законодательное собрание было избрано 4 кандидата от блока, в том числе члены РКРП Юрий Терентьев и Борис Борнелинер.

Успех на выборах укрепил авторитет Тюлькина, и на очередном, IV съезде партии в декабре 1994 г. он вновь был избран первым секретарем.

С 1994 г. В. Тюлькин – главный редактор органа ЦК РКРП "Трудовая Россия", созданной в противовес газете "Молния" В. Анпилова.

На XXX съезде Союза коммунистических партий – Коммунистической партии Советского Союза (КП–КПСС) 1–2 июля 1995 г. избран членом Политисполкома СКП–КПСС.

В июле–сентябре 1995 г. возглавил избирательное объединение "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз". В процессе формирования блока выступал за создание единого блока с КПРФ, не увенчавшиеся успехом из-за крайней неуступчивости КПРФ. И все же Тюлькин, несмотря на неодобрение ряда других лидеров своей партии, до последнего момента вел переговоры с лидерами КПРФ о создании единого коммунистического избирательного блока.

По одномандатному округу Тюлькин не баллотировался, а список "Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!" не сумел добрать 0,5% до 5-процентного барьера.

В ходе президентской предвыборной кампании конфликт В. Тюлькина и В. Анпилова обострился. В Санкт-Петербурге руководство РКРП блокировало распространение номера газеты "Молния" с образцом подписного листа за Анпилова. Тюлькин резко критически оценил действия Анпилова, подписавшего соглашение о поддержке Зюганова без каких-либо условий, и добивался заключения с Зюгановым отдельного соглашения об условиях его поддержки РКРП. В результате было подписано соглашение, в котором говорилось о пропаганде социализма в ходе предвыборной кампании Зюганова, но остальных выдвигавшихся РКРП условий не было. В ходе президентской предвыборной кампании Тюлькин постоянно выдвигал тезис о том, что в случае победы Зюганова задачи РКРП останутся прежними.

13 апреля 1996 г. В. Тюлькин провел встречу с коммунистами Москвы, посвященную обсуждению внутрипартийной обстановки перед V съездом партии. МК РКРП был поставлен в известность о встрече в последний момент.

20–21 апреля 1996 г. на V съезде РКРП возглавляемая Тюлькиным газета "Трудовая Россия" была признана официальным органом партии, а газету "Молния" было решено считать органом КС "Трудовой России" и МК РКРП, освободив от функций органа ЦК РКРП.

20–21 июля 1996 г. В. Тюлькин организовал в Москве Пленум ЦК РКРП, на котором было принято решение о расформировании Московского комитета и Оргбюро МК РКРП, снятии В. Анпилова с поста I Секретаря МК, а Ю. Худякова – с поста II секретаря и о подчинении временно МО РКРП напрямую ЦК РКРП. Анпилов был выведен также из состава Оргбюро ЦК РКРП. Кроме того, была объявлена перерегистрация членов МО РКРП.

10 августа 1996 г. В. Тюлькин принял участие в чрезвычайной конференции Московской организации РКРП. На конференции было заявлено, что все изменения Устава партии, в том числе и то, которое позволило распустить МК РКРП, было необходимо обсудить в первичных организациях и отсутствие такого обсуждения является нарушением принципа демократического централизма. На это Тюлькин ответил, что первоначально Устав принимался в условиях, когда было еще много социализма, а в случае установления, например, фашистской диктатуры придется ввести дополнительное ужесточение внутривнутрипартийных норм. 18 сентября 1996 г. Анпилов был исключен из РКРП, а 4 октября 1996 г. это решение утвердил ЦК РКРП. Таким образом, Тюлькин избавился от основного своего соперника в партии.

Выступая на открытии V съезда движения "Трудовая Россия" 5 октября 1996 г., Тюлькин подчеркнул, что нельзя рассматривать это собрание как конференцию "Трудовой России", поскольку одинаковые мандаты получили как люди, представлявшие только самих себя, так и представлявшие региональные организации, что является грубейшим нарушением устава. Тюлькин отметил, что Исполком "Трудовой России" не собирался и не обсуждал доклад Анпилова. По поводу "Манифеста советских коммунистов" В. Анпилова он заявил, что этот документ хотя и правильный, но не нужный. В заключение Тюлькин доложил, что поскольку съезд "Трудовой России" как организации не получился, региональные организации РКРП должен отправиться в другое место для проведения съезда движения "Трудовая Россия", и пожелал оставшимся «успешно завершить форум "Трудового Садового Кольца"». На прошедшем затем съезде Движения "Трудовая Россия" на позициях ЦК РКРП Тюлькин был выдвинут кандидатом на пост председателя Исполкома "Трудовой России". От поста отказался, ссылаясь на решение ЦК рекомендовать Владимира Григорьева, который и был избран председателем с минимальным перевесом голосов.

На VI съезде РКРП в марте 1997 г. В. Тюлькин вновь избран I секретарем ЦК РКРП.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПОЛЕМИКА О ЧАСТИ “ЛЕВОРАДИКАЛЫ”

ОТ РЕДАКТОРА

После выхода года книги “Левые в России: от умеренных до экстремистов” и авторам книги, и различным сотрудникам “Панорамы” пришлось выслушать немало критических замечаний в свой адрес. Что, разумеется, совершенно не удивительно: споры о фактах и их интерпретации неизбежны.

Два давних активиста Конфедерации анархо-синдикалистов, Александр Шубин и Петр Рябов, представили свои замечания письменно. За основу предлагаемой Вашему вниманию печатной дискуссии был взят текст А. Шубина, так как он почти полностью перекрывал по содержанию текст П. Рябова. При этом из текста были удалены вступление и заключение, посвященные лично автору раздела “Леворадикалы” А. Тарасову. В остальном в текстах А. Шубина и А. Тарасова мы не изменили ничего.

Далее, по достигнутой договоренности, А. Тарасов ответил на все 72 пункта замечаний А. Шубина, тот, ознакомившись с ответом, написал свой комментарий, а краткое заключительное слово было предоставлено мне. Первые два текста из этих четырех печатаются не последовательно, а, для удобства читателя, фрагментами по пунктам по такой шрифтовой схеме:

Номер. *Цитата из текста главы.* **Комментарий А. Шубина**
 Ответ на него А. Тарасова

Предлагаемый вашему вниманию текст распространялся “Панорамой” и участниками дискуссии очень ограниченным тиражом.

Александр Верховский
 13 июля 1998 г.

ПОЛЕМИКА

1-4

1. О подпольной группе ОК ВРМП: *“Держась в русле чистого ленинизма и оценивая (опираясь на тексты В.И. Ленина) существующий в СССР строй как “государственный капитализм”, кружок ставил своей целью создание новой большевистской партии и совершение социалистической революции. В 1982 г. поступивший в Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина (МГПИ) А. Василевецкий вовлек в кружок будущего лидера КАС А. Исаева, а в 1984 г. - будущего издателя журнала КАС “Община” Владимира Губарева”.* (С.14) **Здесь две ошибки. Во-первых, кружок ОК ВРМП был не большевистским, а марксистским. Часть его идеологов придерживалась взглядов Плеханова и к большевизму относилась отрицательно. Во-вторых, Губарев стал участвовать в движении раньше - с 1982-1983 гг. Губарев был одним из издателей “Общины” - членом редколлегии. Путаница А.Тарасова вызвана узостью источниковой базы. Скорее всего, он опросил немногих относительно молодых участников движения, которые мало что знают о его раннем этапе. Это заметно и ниже, когда А.Тарасов апеллирует к мнению анонимных “ветеранов” движения, но при этом само “мнение” явно соответствует позиции П.Рябова и прямо противоречит мнению множества других “ветеранов”.**

Данные об ОК ВРМП базируются вовсе не на опросах *«немногих относительно молодых участников движения»*, а, напротив, самых старых – включая основателя и первого лидера группы А. Василевецкого. А. Василевецкий лучше знает, какая у них была идеология: он этот кружок основал и им руководил тогда, когда А. Шубин ничего об этом кружке и слыхом не слыхивал. В. Губарев в каком-то *«движении»*, может быть, и стал участвовать раньше (понятно, что он активно общался с А. Василевецким с 1982 г.), но вот формально членом кружка В. Губарев стал в 1984 г. Кстати, в своих *«Истоках перестройки»* А. Шубин так и пишет: *«В 1982–1984 гг. к кружку присоединились студенты Московского педагогического института В. Губарев и А. Исаев...»*. Поскольку в вопросе о времени вхождения в подпольный кружок А. Исаева (1982 г.) расхождений нет, очевидно, что вторая дата

(1984) относится именно к Губареву (иначе получается, что А. Исаев и В. Губарев вступали, вступали и все никак не могли вступить в кружок целых два года – видимо, «процедура вступления» была невероятно тяжела, сложна, мучительна и длительна!). В. Губарев, как и все остальные, числился членом редакции «Общины», но ни для кого не секрет, что он был издателем журнала: человеком, на котором лежала вся техническая, финансовая и организационная работа (и это благодаря его подвижнической деятельности «Община» выходила 30-тысячным тиражом и была лучшим неформальным журналом своего времени). Деятельность Шубина, как вспоминают остальные члены редколлегии, сводилась к тому, что он появлялся, сбрасывал «с барского плеча» несколько огромных неудобочитаемых текстов и исчезал, а остальные члены редколлегии вынуждены были обрабатывать сырые опусы Шубина, доводя их до удобочитаемости и сокращая до приемлемых размеров (иногда удавалось из 2–3 невразумительных текстов сделать одну приличную статью). Меня удивляет такое барское отношение Шубина к своим бывшим товарищам. Если бы не каторжная работа В. Губарева, великому теоретику Шубину негде было бы печатать свои бессмертные произведения.

Кстати, и название «ОК ВРМП» появилось только в 1985 г. В 1985 г. в ОК ВРМП действительно наличествовал уже большой разброс во взглядах.

2. *“Осенью 1986 г. ОК ВРМП легализовался как Студенческий дискуссионный клуб МГПИ, а в декабре 1986 г. Студенческий дискуссионный клуб породил “Инициативную группу за перестройку комсомола”.* (С.14) **Из инициаторов дискуссионного клуба в ОК ВРМП входил только А.Исаев, потом приняли участие еще А.Василивецкий и В.Губарев. В качестве клуба “легализовалась” микрогруппа, состоявшая из А.Исаева, А.Шубина и В.Гурболикова, стоявшая на левосоциалистических позициях.**

Здесь А. Шубин отчасти прав. ОК ВРМП вовсе не сводился к его членам, учившимся в МГПИ. Что касается того, в каком порядке поименно члены ОК ВРМП вливались в деятельность Студенческого дискуссионного клуба, такая мельчайшая детализация для целей издания была явно излишней. Достаточно того, что в конце концов в деятельности Дискуссионного клуба приняли участие все члены ОК ВРМП, учившиеся в МГПИ.

3. *“...последовал прямой запрет коммунарского движения”.* (С.16) **Такого запрета не было. Просто коммунарам отказали в официальной поддержке.**

Такой запрет был. «Указание» насчет коммунаров было спущено в ЦК ВЛКСМ «сверху». Комсомольские чиновники в Средней Азии, которые незадолго до того, не разобравшись, отрапортовали о «сто процентном охвате комсомольцев коммунарским движением», были предупреждены, что если в месячный срок они не «исправятся», то не только будут сняты, но будет поставлен вопрос об их пребывании в партии. Аналогичное предупреждение получили секретари обкома ВЛКСМ в Калуге. От принятия более жестких документов, которые предполагали подключение «правоохранительных органов», ЦК ВЛКСМ спасла его секретарь Л. Балясная. Если А. Шубин имеет в виду, что не было официального постановления ЦК КПСС «О запрете так называемого коммунарского движения», то да, его действительно не было и, по вполне понятным причинам «соблюдения приличий», и быть не могло.

4. *“...влияние идей А. Кузьмина можно обнаружить в журнале КАС “Община”...”* (С.18) **Эта сенсационная мысль “подтверждается” сноской. Там указаны две статьи Л.Наумова и одна А.Исаева. Одна статья Л.Наумова посвящена необходимости составить объективное представление о “Памяти” (если это признак влияния именно А.Кузьмина, то тогда под влиянием этого патриота находится экспертная группа “Панорама”, известная своим объективным подходом к “Памяти”), вторая - проблеме монархии. Безо всяких упоминаний как А.Кузьмина, так и его идей. Статья А.Исаева вообще посвящена критике идеи “масонского заговора”, то есть является антикузьминской. Все это показывает, что сноском А.Тарасова - грош цена.**

Шубин лжет, надеясь, что никто не полезет искать указанные номера «Общины» и проверять. Во-первых, у меня упомянуты не две, а три статьи Л. Наумова. Одну из них, «Национальные корни наших взглядов» (название говорит само за себя), Шубин сознательно замалчивает. Относительно содержания двух других – откровенно лжет. Статья «“ Память” : с кем и против кого?» вовсе не была «посвящена необходимости составить объективное представление о “ Памяти” ». Редакция «Общины» это хорошо понимала, поэтому в оглавлении сопроводила название материала редакционным пояснением: «старый боец призывает к перемирию». В статье Л. Наумов призывал наладить диалог между «здоровыми силами» в «Памяти» и КАС: «Необходим диалог. ... что это означает? С точками соприкосновения дело обстоит просто – они очевидны и в экологии, и в культуре, и в антисталинизме». Он призывал также кое-чему у «Памяти» поучиться: «...чему мы

можем поучиться у «Памяти». Есть у них некоторые идеи, над которыми стоило бы подумать. В первую очередь, это тезис о доминировании культуры над политикой». Л. Наумов полагал, что диалог со «здоровыми силами» в «Памяти» поможет этим «здоровым» (то есть «умеренному» крылу) возобладать над «экстремистами». Редакция «Общины» сопроводила статью специальным комментарием, в котором выразила сомнение, что этот план увенчается успехом, поскольку «путь, по которому пойдут наши патриоты ... выбираем не мы», то есть у КАС слишком мало сил и влияния, чтобы оказать кардинальное воздействие на расстановку сил в «Памяти» и на судьбу национал-патриотических организаций. Комментарий, однако, начинался со слов: «Редакция «Общины» с пониманием относится к стремлению Л. Наумова найти в «Памяти» здоровые силы и протянуть им руку помощи...»

Статья Л. Наумова «Рождение нового идеала или «гадкий утенок»?», о которой Шубин стыдливо говорит, что она – о «проблеме монархии» (это что же за проблема такая?), на самом деле была посвящена доказательству имманентной близости анархистов и монархистов в России. Я вполне сознательно не хотел акцентировать внимание читателя на таких темах, но Шубин меня вынудил. Привожу очень интересную аргументацию Наумова: «Во-первых, и монархисты, и анархисты убеждены, что практической реализации их программ должна предшествовать длительная духовная и культурная эволюция народа...

Во-вторых, оба течения исходят из примата духовно-нравственной общности народа над правовым единством. (Для этого и необходима длительная эволюция.) У анархистов это идея нравственной солидарности трудящихся и недоверие к попыткам государственного регулирования общественных отношений, у монархистов – так правило, идея религиозно-национальной общности людей, как единственно возможной базы для объединения и монархии. Варианты, как видно, разные, но подход один.

В-третьих, в оба течения заложена идея активного неприятия партийно-политической борьбы. Оба течения, утверждая политический идеал, по-своему, даже не аполитичны, а скорее антиполитичны – т.е. настаивают на отказе от существующей практики политической борьбы. Анархисты критикуют ее, как схватку за власть партийных бюрократических элит, которые манипулируют массами и навязывают свои идеи. Монархисты критикуют политическую борьбу, как склоку, призванную нарушить духовное единство народа. Оба течения призывают по сути к непартийным движениям.

В-четвертых, и монархисты, и анархисты исходят в целом из сходного анализа происходящих в стране процессов. В отличие от коммунистов-реформистов, социал-демократов и либералов, для которых основная пружина конфликта – это столкновение реформистов с консерваторами (сталинистами и др.), оба течения «аутсайдеров» видят главное противоречие в тех проблемах, которые возникают при попытках реформировать СССР по образцу «западного капитализма». Акцент при этом делается, как правило, на разные негативные последствия этого: на социальные издержки у анархистов; на разрушительные последствия для национальной культуры и опасность политической зависимости – у монархистов. Соответственно этому и разные предлагаются методы лечения, но сам факт сходного диагноза примечателен.

Все вышеперечисленное представляется мне исключительно характерным».

Вполне логично Наумов спрашивает в статье: «Во-первых, не являются ли анархисты со своей стороны, а монархисты, со своей, некими элементами новой общественной утопии (утопии в смысле идеала), которая рождается на наших глазах? Быть может, это первые кирпичики, которые закладываются в фундамент нового здания.

Во-вторых, не является ли эта утопия попыткой народа и интеллигенции найти идейный ответ на те новые проблемы и испытания, с которыми они столкнутся в «перестроечной» России и «обновленном» Союзе?

В-третьих, не исходят ли они из одного корня – патриархального идеала русского крестьянства о народе, как одной семье, идеала, который развивался вместе с народом на всех этапах истории и сохранился (хотя и сильно деформированным) в период сталинизма».

Статья заканчивается следующим выводом: «Анархистам и монархистам надо внимательно присмотреться друг к другу. Сейчас оба течения часто отталкивают «символы-предрассудки», родившиеся в конце XIX – начале XX в., когда анархизм отождествляли с индивидуальным террором, а монархию с деспотизмом. Мне кажется, что если начать диалог, то он может быть содержательным с обеих сторон».

Еще интереснее со статьей Исаева. Разумеется, в статье высмеивается идея «масонского заговора». Но я и не писал о том, что Исаев эту идею поддерживает. Я писал о влиянии идей А.Г.

Кузьмина. А это влияние в статье Исаева видно любому грамотному исследователю, поскольку Исаев воспроизводит в статье, сохранив аргументацию Кузьмина, две излюбленные кузьминские идеи: 1) о неразрывной связи и по сути идентичности бюрократии и масонства (по Кузьмину, бюрократию в Россию вообще занесли «немцы-масоны») и 2) о неразрывной связи и внутреннем тождестве таких общественных феноменов, как масонство и мафия.

5-9

5. *“Успешнее прочих леворадикалов мимикрировали анархисты - будущие основатели КАС. На стадии Студенческого дискуссионного клуба будущие касовцы практиковали, например, такую форму деятельности, как “политбои” (собственно в МГПИ и с выездом в другие вузы), на которых, разбившись на группы, участники излагали аудитории, например, взгляды разных направлений социалистической мысли (“советский марксизм”, “югославский самоуправленческий социализм”, еврокоммунизм, маоизм, анархо-синдикализм и т.д.), а затем, после дискуссии, вместе с залом приходили к благонамеренному выводу, что советская модель - самая лучшая”.* (С.18) **Две крупные ошибки и одна мелкая. Почти до образования КАС большинство членов движения не считали себя анархистами. Во времена описываемых политбоев из его участников анархистом себя считал А.Исаев. К “благонамеренным выводам” как раз и не приходили, за что нас критиковало партбюро института. Маоизм не проповедовался.**

Первое. О «благонамеренности». Разные люди помнят разное. Почему-то те, кто не пытается представить себя как пример непогрешимости (в отличие от Шубина), помнят, что «приходили». Партбюро института критиковало Студенческий дискуссионный клуб за то, что он вообще действует и существует. Второе. Об «анархизме». Утверждение спорное. А. Василицевский полагает, что он уже тогда был скорее анархистом (хотя, возможно, и не анархо-синдикалистом), В. Тупикин – тоже. Третье. Маоизм, может быть, не «проповедовался», возможно, это ошибки памяти (или оговорки) опрошенных. Возможно, имелся в виду сталинизм.

6. *“Община” активно занималась проектом “демократизации ВЛКСМ” в духе горбачевской перестройки (“Демократическая платформа в ВЛКСМ”)...”* (С.18) **Не платформа, а фракция. И не в духе Горбачева - отсюда резкое неприятие со стороны горбачевского персека комсомола В.Мироненко. В принципе он правильно определил нашу задачу - децентрализация и декоммунизация ВЛКСМ, передача его имущества низовым молодежным организациям.**

Первое. Шубин отчасти прав. Действительно, не «платформа», а «фракция». Первоначально в тексте так и было. В процессе редактирования кто-то из нас (я или А. Верховский) решил, что это ошибка, и написал «платформа» (по аналогии с «Демократической платформой в КПСС»).

Второе. Мироненко вовсе не был ставленником Горбачева. Напротив, он активно сопротивлялся горбачевским инициативам, относясь к тому крылу номенклатуры, которое противостояло попыткам децентрализовать и деидеологизировать структуру управления и передать имущество на местах в собственность местной номенклатуры. Агентурой другого крыла номенклатуры были как раз представители Сургутской инициативы. «Демократическая фракция в ВЛКСМ» использовалась «реформаторским» крылом номенклатуры для борьбы с «консервативным» крылом. Возможно, сама «Демократическая фракция» тогда этого не осознавала, возможно, А. Шубин этого не осознает и сейчас, но реального положения дел это не меняет.

7. *“В процессе общения со следователями КГБ организация распалась”.* (С.18) **Это об АКРС. Ошибочность такой трактовки событий подтверждается появлением АКРС в тексте А.Тарасова ниже. Как раз в момент “распада” АКРС (Д.Жвания) выпустил массовую газету “Голос анархии”. Распада не случилось - из АКРС вышло несколько человек, но организация тогда сохранилась.**

Результат невнимательного чтения. Распался не АКРС, а «Союз максималистов», переименовавшийся в начале 1989 г. в Анархо-коммунистический революционный союз (максималистов), о чем в книге ясно написано. АКРС, который имеет в виду А. Шубин, возник позднее – из «Анархо-коммунистической секции» (АКС) внутри АССА. АКС была образована в мае 1989 г.

8. *“Во всяком случае, когда ИПК “Община” в июле 1988 г. вышла из Московского Народного Фронта (МНФ) под тем формальным предлогом, что программа МНФ “излишне социалистична”, это не вызвало ни удивления у большинства других неформальных организаций, ни протестов внутри самой “Общины”.* (С.19) **Как непосредственный свидетель могу сказать: “Община”**

вышла не из МНФ, а из оргкомитета МНФ, и не из-за “социалистичности”, а из-за централизма планировавшейся структуры фронта (я сам формулировал пункт разногласия). “Общинниками” был написан первый проект программы МНФ, где он назывался “Социалистический народный фронт”.

А. Шубин, что для него характерно все последние годы, пытается облагородить собственную биографию. Формальным поводом для выхода 3 июля 1988 г. «Общины» (в блоке с рядом других групп) из МНФ было несогласие с социалистическим характером программы МНФ и наличием в программе самого слова «социализм», что могло, по мнению лидеров «Общины» А. Шубина и А. Исаева, отпугнуть от МНФ буржуазно-либеральные группы. Но это – лишь формальный повод, а формальный повод, как известно, может быть каким угодно. В действительности «Община» вышла из МНФ потому, что оказалось невозможным превратить МНФ в расширенный вариант «Общины», согласный с ее теоретическими установками, и использовать затем в качестве московского ядра для создания всесоюзной организации. Это известно всем участникам событий и всеми признается (сейчас это понимает даже В. Тупикин, который выразил сожаление в том, что тогда, в 1988 г., поверил официальным объяснениям А. Исаева и А. Шубина). Эта точка зрения зафиксирована в печати – в изданиях, посвященных неформалам конца 80-х гг. (см.: Самодельные общественные организации СССР. Ч. 1. М., 1988. С. 14-16; Неформальная Россия. О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР. М., 1990. С. 289; «Открытая зона», вып. 7. С. 109-110). Почему-то 10 лет назад А. Шубин не оспаривал эту точку зрения. Очевидно, он считает, что через 10 лет все всё забыли.

9. *“Другой причиной кризиса КАС стало недовольство значительной части анархистов ориентацией руководства на блок с общедемократической (буржуазно-либеральной) оппозицией, что фактически превращало анархистское движение в “охвостье” буржуазных демократов”.* (С.21) *“...в отличие от анархистов, Союз Коммунистов уже в 1989 г. пришел к выводу, что у рабочего движения есть собственные, отличные от общедемократического движения, интересы - и начал медленно, но верно дистанцироваться от общедемократического движения”.* (С.19) Анархисты дистанцировались от общедемократического движения, как только оно отошло от социалистической программы и стало превращаться в буржуазно-либеральное. А произошло это в 1990 г. Прежде анархисты соблюдали дистанцию от номенклатурных “прорабов перестройки”, которые по лозунгам шли в русле социалистического направления, но обладали собственными интересами. По этому поводу никаких иллюзий у “общинников” не было. “Община” демонстративно “дистанцировалась” от них в критических статьях еще 1988 года. Собственно рабочее движение (прежде всего шахтерское) было правее КАС, и анархисты убеждали рабочих лидеров в недостаточности общедемократической программы, когда она стала выходить на первый план. Единственно, в чем прав А.Тарасов - это в отрицании КАСовцами “рабочего шовинизма”, приоритета интересов именно рабочих. Этого у КАС не было ни до 1989 г., ни после.

КАС, естественно, критиковала всех, кто не разделял ее установок. А. Шубин, естественно, не хочет признавать того факта, что КАС под его (и А. Исаева) руководством фактически была объектом манипуляций «реформаторского» крыла советской государственно-партийной номенклатуры. Достаточно почитать «Общину» того времени, чтобы увидеть, что врагом «Общины» и КАС была Советская власть и КПСС, а общедемократическое движение рассматривалось как ближайший союзник, если не соратник. Претензии А. Шубина по данному пункту объясняются очень просто: я считал (и считаю) перестройку результатом длительной деградации советского строя. В ходе перестройки, по моему мнению, одна часть властвующей элиты («реформаторы»), преодолев сопротивление другой части («консерваторов»), присвоила себе (приватизировала) государственную собственность, используя в качестве «дымовой завесы» демократические лозунги (эта точка зрения впервые была мною обнародована в статье «Бюрократы и конкистадоры» в августе 1990 г. в № 44 «Общины»). Общедемократическое движение в этой борьбе двух крыльев правящей элиты было использовано в качестве массовки, и по окончании процесса перестройки было оправлено в отставку. В качестве части этой массовки выступала и «Община» (КАС). А. Шубин считает, как это следует из его печатных и устных (на 10-летию неформалов) выступлений, что неформалы (во главе с КАС и Шубиным, естественно) «свергли» Советскую власть, ликвидировали КПСС, произвели некую «гражданскую революцию» и создали в России (а может быть, во всем бывшем СССР) некий «гражданский класс» (что это такое, никто, кроме Шубина, не знает). Я понимаю, что моя точка зрения (ее, впрочем, чем дальше, тем большее число людей разделяет) Шубину лично очень неприятна, поскольку выставляет его политической марионеткой, – и поэтому Шубин до конца

жизни будет всем рассказывать, что он совершил «антиноменклатурную революцию», в результате которой номенклатура еще более усилила свои позиции. Это первое.

Второе. Дело не в «*дистанцировании от...*». Общие законы существования общественно-политических организаций требуют от них, если они хотят добиться успеха (победить), превращения в самостоятельные центры силы, а не в объекты манипулирования. КАС таким центром не стала – и в значительной степени из-за бездарного руководства А. Исаева и А. Шубина. Как анархистская организация, КАС в конфликте между «коммунистами» и «демократами» должна была занимать нейтральную позицию или, еще вернее, атаковать обе стороны, проводя политику «третьего пути» («бить красных, пока не побелеют, бить белых, пока не покраснеют»). Но КАС была совершенно однозначно на стороне «демократов» против «коммунистов». Это все хорошо помнят. Сам Шубин (см. его замечание № 10) признает, что «*демократы воспринимались как меньшее зло*».

10

10. «*под влиянием критики “слева” руководство КАС было вынуждено на III съезде КАС дистанцироваться от буржуазных либералов и заявить о “категорическом неприятии” позиции руководства “Демократической России” и “национально-авторитарных организаций”, но на окончательный разрыв с общедемократическим движением не пошло. Лишь на IV съезде КАС (май 1991 г.) А. Исаев объявил об окончательном отделении КАС от общедемократического движения и назвал “Демократическую Россию” в числе противников КАС. Но было уже поздно. Большинство недовольных покинуло КАС и вошло в АДА. Деятельность и КАС, и АДА в значительной степени сосредоточилась на взаимной полемике и противоборстве, что само по себе было явным свидетельством кризиса в анархо-движении*». (С.21) **Критика “слева” не играла особой роли в отношениях с демократами. Многие адовцы сотрудничали с “Демроссией”, а АКРС авторитета в касовских кругах не приобрел. Инициатива невступления в “Демроссию” исходила от москвичей. Причиной было категорическое несогласие с программой “500 дней”. Резкая критика демократов была заявлена мною, А.Исаевым и В.Дамье осенью 1990 г. вместе с другими представителями левой интеллигенции. В дальнейшем отношении к демократам существенно не менялось - уже после мая 1991 г. - в августе 1991 г. и КАС, и адовцы участвовали в защите “Белого дома”, поскольку демократы воспринимались как меньшее зло.**

Первое. Действительно, до III съезда КАС критика «слева» руководством КАС игнорировалась (хотя за «соглашательство» руководство КАС (персонально Исаева и Шубина) ругали все, кто вышел из КАС между II и III съездами, – то есть до осени 1990 г.) – см. об этом на с. 20 книги, а потери КАС именно с весны по осень 1990 г. были очень чувствительными: КАС покинули целые организации.

Второе. Первый приступ мании величия у А. Шубина. Шубин идентифицирует себя и Исаева с КАС в целом. От того, что А. Шубин, А. Исаев и В. Дамье в индивидуальном порядке подвергли критике «демократов», политическая линия КАС автоматически измениться не могла (А. Исаев и А. Шубин не обладали в КАС диктаторскими полномочиями). Для этого требовалось официальное решение КАС, которое (пусть и половинчатое) было принято именно осенью 1990 г. на III съезде КАС (см. «Резолюцию III съезда КАС об отношении к руководству Движения «Демократическая Россия» и национально-авторитарных организаций»). Шубин напрасно пытается всех убедить, что эта резолюция была принята без влияния критики «слева». На съезде, когда возник вопрос об отношении к «ДемРоссии» и при обсуждении резолюции, делегаты постоянно ссылались на тех, кто покинул КАС (и на возникшие вне КАС АДА и АРОМ), и напоминали А. Шубину и А. Исаеву, что касовцев обвиняют в «предательстве идеалов анархии».

Третье. Об отношениях КАС с «ДемРоссией». Яркий пример фальсификации Шубиним истории КАС. КАС входила в «Демократическую Россию» с января и до октября 1990 г. На весенних выборах 1990 г. касовцы (это относится и к Исаеву) баллотировались в местные и городские Советы именно как кандидаты блока «Демократическая Россия». Члены КАС активно пользовались инфраструктурой и деньгами «ДемРоссии» – даже «молодые» (которым перепали крохи) успели съездить на деньги «ДемРоссии» в Латвию (Костенко и Цовма) и в Литву (Кучинский, Бузикошвили и Костенко), где рассказывали о «демократическом движении» в России.

Осенью 1990 г. КАС не приняла участия в Учредительном съезде «ДемРоссии», хотя КАС на съезд пригласили и выделили мандат. Но только Шубин нагло врет, когда пишет, что «*инициатива невступления ... исходила от москвичей. Причиной было категорическое несогласие с программой “*

500 дней”». На самом деле все было проще. Исаев и Шубин – и об этом ярко свидетельствует их дальнейшая биография – стремились стать статусными политиками (сейчас оба этого добились). Но весной 1990 г. Исаев не прошел на выборах в Моссовет – с одной стороны, а с другой – наблюдая поведение анархистской вольницы на II съезде КАС, Исаев осознал, что манипулировать всей КАС так же, как покорной московской организацией, не удастся и на плечах этих людей ему не сделать политическую карьеру. Лидеры же «ДемРоссии», получив депутатские мандаты, резко повысили свой социальный статус и стали демонстрировать открыто пренебрежительное отношение к вождям неформалов без «корочек» (таким, как Исаев). Тогда Исаев и Шубин обратили свои взоры на «Движение за народное самоуправление», справедливо полагая, что «демократическая» ниша уже «забита» и там не выделиться, а ниша «самоуправленческая» еще не занята и там можно выйти в «большие люди». К тому же участие в проекте «Движение за народное самоуправление» выглядело как «синица в руках» – там были представлены лица, за которыми, как казалось, стоят солидные структуры – А. Бузгалин, член ЦК КПСС, А. Колганов, член ЦК КП РСФСР, В. Лепехин, член ЦК ВЛКСМ. В. Лепехин тут же выделил Исаеву и Шубину помещение в Б. Комсомольском переулке в здании ЦК ВЛКСМ. То есть отход от «ДемРоссии» объяснялся вовсе не принципиальными соображениями, а «шкурными». Исаев и Шубин потому рискнули дистанцироваться от «ДемРоссии», что обеспечили, как им казалось, себе «плацдарм» в виде «Движения за народное самоуправление». *«Резкая критика демократов», которая «была заявлена мной (Шубиным. – А.Т.), А. Исаевым и В. Дамье осенью 1990 г. вместе с другими представителями левой интеллигенции»* на самом деле была всего лишь заявлением «Движения за народное самоуправление». Кстати, В. Дамье подписал это заявление не как член КАС, а как член Партии Зеленых.

11-14

11. *“Союз Коммунистов отличался от анархистов изначально более высоким уровнем теоретической подготовки, развитой способностью к абстрактному мышлению у лидеров и более четко выраженным классовым подходом”.* (С.19) Почти цитата из Мао Цзедунa об отличии буржуазии от человека. В переводе на русский это значит: **“взгляды Б.Ихлова ближе взглядам А.Тарасова, чем взгляды идеологов КАС”.** Собственно, я с этим поздравить А.Тарасова не могу. Немногочисленные тексты Б.Ихлова, которые мне довелось читать, а также взгляды, высказываемые ими при личном общении в 1988-1989 гг. - это чуть демократизированный марксизм-ленинизм грамшианского толка. Довольно банальная раннеперестроечная идеология.

Первое. О «близости взглядов». Пример демагогии. Как любит выражаться сам А. Шубин (см. его замечание № 32), если бы он читал мою статью «Суперэтатизм и социализм» («Свободная мысль», 1996, № 12), он бы знал, что я отрицаю роль рабочего класса как революционного субъекта (во всяком случае, как субъекта социалистической революции). Это значит, что я расхожусь с «пролетаристами» в самом главном. А если бы Шубин читал мою статью «Этапы революционного процесса» («Россия XXI», 1995, № 11-12; сокращенный вариант: «Альтернативы», 1995, № 4), он бы знал, что я не признаю Октябрьскую революцию социалистической. Вряд ли после этого можно называть меня, как это постоянно делает Шубин, «ленинцем» и «пролетаристом». Более того, если принимать справедливой знаменитую формулу «марксист не тот, кто признает наличие классов и классовую борьбу, а тот, кто распространяет это признание до признания принципа диктатуры пролетариата», то я, очевидно, оказываюсь и не марксистом. Политически меня можно, видимо, определить как постмарксиста. Я марксист в том смысле, что применяю диалектический материализм как метод научного познания в ряде гуманитарных дисциплин.

Второе. Я бы не стал на основе пары случайных бесед и нескольких текстов делать столь скоропалительные выводы о взглядах Б. Ихлова и так легко вешать на него презрительные («банальная идеология») ярлыки. В таком стиле можно и на взгляды самого Шубина наклеить ярлык: «довольно банальный чуть анархизированный гандизм несколько либерального толка».

Третье. Я написал о «более высоком уровне теоретической подготовки» и «развитой способности к абстрактному мышлению у лидеров» Союза Коммунистов, во-первых, потому, что они были в основном студентами (аспирантами) физфака МГУ (в основном физики-теоретики), а это предполагает развитие способности к абстрактному мышлению, а во-вторых, потому, что знаю, чем теоретическая подготовка в Союзе Коммунистов отличалась от аналогичной в «Общине»/КАС. Касовцы были вынуждены в основном довольствоваться лекциями Исаева (Шубина), которые

хорошо ли, плохо ли, но пересказывали то, что прочитали, – и никто не проверял, что и как их слушатели запомнили. Кто-то из самых добросовестных (П. Рябов, например) конспектировал, кто-то – нет, уверенный, как часто бывает у гуманитариев и анархистов (а тем более – анархистов-гуманитариев), что все поймет наскоком. Члены Союза Коммунистов, физики, обученные академическому подходу, тщательно штудировали (с подробным конспектированием) работы классиков марксизма, социал-демократическую и анархистскую литературу (Каутского, Бернштейна, Бакунина, Ньюенгауза, Жореса и т.д.), а также и философскую (Гегель, Фейербах, младогегельянцы, Кант, Мах и т.д.), затем на своих семинарах прорабатывали каждый текст – главу за главой, абзац за абзацем, пока не убеждались, что все до мелочей понятно и что выработано единое для всех понимание всех вопросов. В результате Б. Ихлов, например, до сих пор по памяти способен цитировать чуть не дословно большие куски текстов, разобранных в тот период. Уровень философской грамотности текстов «Взгляда» (периода Союза Коммунистов) таков, о каком А. Исаев и А. Шубин до сих пор могут только мечтать.

12. *“В 1988 г. наступил период массового выплода анархистских организаций: в Иркутске был создан Социалистический клуб...”* (С.19) **Из текста самого А.Тарасова следует, что первоначально СК не был анархической организацией. В 1988 г. (да и то осенью) была создана единственная анархическая организация - Анархо-синдикалистская свободная ассоциация в Ленинграде.**

Первое. Социалистический клуб был создан анархистами – и не их вина, что туда быстро набегали все, кому не лень. К тому же, это замечание Шубина противоречит его же замечанию № 15.

Второе. А «Трудодень» (Хабаровск)? А украинские группы – в Харькове, в Запорожье, в Днепропетровске, в Крыму?

13. *“В начале 1988 г. “Община” предприняла первую попытку учреждения общесоюзного анархистского объединения - Всесоюзного общества любителей анархизма в неформальном движении (ВОЛАНД) и поехала с этой целью в Псков, где якобы существовала созданная известным псковским хиппи Валерием Никольским (“Юфо”) огромнейшая и мощнейшая анархистская организация. Поскольку таковая найдена не была, ВОЛАНД так и не учредили”.* (С.19) **Ничего особенно мощного во Пскове мы увидеть не ожидали. Нам было интересно посмотреть на живых анархистов, поскольку в тот период мы испытывали симпатию к этой идеологии. Когда мы узнали о том, что в стране есть группа анархистов, возникла идея создать научное общество, которое бы объединило с целью общения анархистов и тех, их изучает анархизм (то есть нас). Организацию “Коммуна-1” мы не нашли (она действительно существовала, но в этот момент лидеры были то ли в отъезде, то ли в загуле), но конструктивно пообщались с анархизированными рокерами. Продолжения эта история не получила, как и множество проектов того времени. Вероятно, историю с ВОЛАНДОМ можно рассматривать как некоторый этап нашей эволюции к анархизму, но никак не в качестве плана создания действующего анархического объединения.**

Другие участники описанных событий помнят это не так, как А. Шубин (видимо, не будучи советниками вице-премьера, они не так озабочены своим имиджем). Один из этих людей – П. Рябов – даже зафиксировал этот другой вариант воспоминаний письменно. Почему Шубин не оспаривал статью Рябова? Потому, что это был материал, предназначенный для «внутритусовочного» распространения, а книга «Левые в России» рассчитана на читателя вне анархистской тусовки? (Т.е. Шубин расстроился, что «выносят сор из избы».) И вообще: если Шубин настаивает, что «общинники» тогда еще не были анархистами, зачем они собрались создавать организацию под названием «Всесоюзное общество любителей анархизма»?

14. *“...термин “социалисты-федералисты” использовался “общинниками” тогда, когда они опасались прямо говорить о себе как об анархистах”.* (С.19) **Похоже, А.Тарасов действительно считает, что мы были анархистами с рождения, но просто боялись в этом признаться. Вероятно, ему вообще недоступно понятие о том, что с кем-то может происходить идейная эволюция. Насколько я могу об этом судить, А.Исаев считал себя анархистом года с 1986, но большинство остальных участников движения стали анархистами только в 1988-1989 гг. С 1985-1986 гг. объединяющей нас идеологией был общинный социализм и федерализм. Так что термин мы употребляли с чистой совестью.**

Первое. Насчет «большинства остальных участников движения» (какого?) сказать ничего не могу, но вот лидеры «Общины», ставшие касовцами, все достаточно хорошо помнят, когда они пришли к анархизму. У всех получается, что от 1985 до 1988 г. (это и Шубина касается, если,

конечно, признавать его отождествление анархизма с гандизмом), то есть до создания КАС, вопреки тому, что пишет А. Шубин.

Второе. Сохранилось много живых свидетелей (например, А. Папп из «Панорамы», тогда – член группы «Гражданское достоинство»), которые хорошо помнят, как «общинники» в частных беседах не скрывали, что являются анархистами, но официально это не декларировали. Десятки неформалов помнят, как «общинники» с гордостью рассказывали, что когда их на парткоме в МГПИ спросили, почему у них флаг не красный, а красно-черный (надеясь уличить в анархизме), они «героически» обманули бдительного врага, ответив: «Это знамя латиноамериканских революционеров!».

15-19

15. *...”Община” через АСФ смогла анархизировать значительную часть ФСОК и в будущем поглотить часть этих групп”.* (С.19) **Наоборот - в АСФ объединились группы, уже согласные с нашей идеологией (их “анархизация” шла через сам ФСОК либо напрямую, а не через АСФ). Часть групп и “анархизировать” не надо было (как Иркутск). Решение о том, что эта идеология является анархистской, принималось большинством групп АСФ.**

Тут Шубин, судя по всему, прав. Признаю. У меня лишь два вопроса. Если в АСФ объединились группы, которые большинством признали свою идеологию анархистской, почему организация называлась не сразу КАС, а АСФ? И если «общинники» не были тогда еще анархистами, как утверждает Шубин, как они могли через ФСОК анархизировать группы, позднее объединившиеся в АСФ, до того, как возник АСФ? Это к вопросу о том, в чьей голове «*полиморфизм*» (см. замечание Шубина № 22).

16. *“...присутствие на I съезде КАС ветерана рабочего движения, активного участника Новочеркасских событий 1962 г., небольшевика Петра Сиуды вызвало у членов КАС такой восторг и уважение к себе, что на этом факте специально акцентировалось внимание в прессе КАС”* (С.19) **П.Сиуда был членом “Общины” с 1988 г., считал себя большевиком и анархо-синдикалистом одновременно. Его присутствие на съезде было воспринято без особого ажиотажа - как норма, поскольку он не был в нашем движении новичком. К П.Сиуде (а не к себе в связи с этим) мы испытывали большое уважение, писали о нем в прессе КАС и публиковали его материалы, тесно с ним сотрудничали до самой его кончины.**

КАС – до возникновения связанных непосредственно с промышленным производством групп в Томске и Северске и присоединением нескольких рабочих из Литвы, а затем и «*батьки Хазова*» из Калинина – была организацией студенческой, молодежной, не рабочей. Именно поэтому касовцы так гордились тем, что к ним присоединился П.П. Сиуда. Сиуда была символом их «*синдикализма*», «*связи*» с рабочими. Сам П.П. Сиуда не скрывал, что считает себя государственным, небольшевиком, и что к КАС присоединился потому, что не нашел в стране «*подлинно большевистской*» организации (сталинистов он большевиками не считал). Альянс с КАС Сиуда считал временным, надеялся часть касовцев в будущем большевизировать, жестоко ругался с ними и даже называл «*соплежевателями*» (это зафиксировано в его обильной переписке со мной, с Зеркиным и Бородиным из Магнитогорска).

17. *КАСовцы отличались “повышенной ажитированностью и восприятием себя в героическом ореоле, выдающейся даже для неформалов теоретической безграмотностью и склонностью к частым переименованиям и звучным аббревиатурам”.* (С.19-20) **Еще одно подтверждение комплексов А.Тарасова. Время от времени он вставляет в свой текст подобные филиппики, чтобы как-то успокоиться. Если посмотреть на эту проблему спокойно, то легко заметить - подавляющее большинство неформалов отличалось этими чертами в разной степени. Если оставить в стороне болезненную для А.Тарасова тему нашей “безграмотности”, то в героизации своих действий мы как оппортунисты заметно уступали Демсоюзу. Наша “негероичность” в сравнении с ДС признавалось и в самом КАС. Глядя сегодня на те события, я прихожу к выводу, что наши выходы действительно были рискованными, поскольку мы не знали, как изменится политическая ситуация. Но А.Тарасову трудно понять атмосферу тех лет - он сидел в столь глубоком подполье, что ему “героизировать” было нечего. Что касается частых переименований, то любимый А.Тарасовым ОПФ тоже сменил немало названий (ЭК - ГПД - СК - ОПОР), что естественно - люди эволюционировали, обстановка в стране менялась.**

Первое. Очевидно, это не анархисты, а дээсовцы ходили в сапогах, галифе, тельняшках и гимнастерках, шинелях и кубанках (папахах) с лентами (звездами)? Это дээсовцы, а не касовцы при вопросе об их программе начинали рассказывать о «героических подвигах батьки Махно», сбиваясь постоянно на местоимение «мы» («и тут мы ударили красным в тыл...»)? Это дээсовцы, а не видные деятели МО КАС рассказывали секретаршам М-БИО О. Соловьевой и Т. Алабиной, что КАС купил (у кого, интересно?) бункер в лесах, кажется, Рязанской области и наполнил его оружием на случай контрреволюционного лигачевского переворота?

Второе. Не надо всех касовцев называть оппортунистами. Это непорядочно. Последовательных оппортунистов в КАС было немного (в первую очередь, Шубин и Исаев). Идейных и вовсе 1 (один) – сам Шубин.

Третье. Шубин опять невнимательно читал. Анархисты вовсе не героизировали свои действия, а просто воспринимали сами себя в героическом ореоле. Считать себя героем можно и безо всяких действий, это особенность психики.

Четвертое. Шубин передергивает. Я писал не о «КАСовцах», а об анархистах вообще. Это разные вещи.

Пятое. Шубин вновь передергивает. Я писал о «теоретической безграмотности» анархистов вообще, а не конкретно КАС. Напрасно Шубин пытается «оставить в стороне» тему безграмотности. На чудовищную безграмотность рядовых анархистов («анархистского молодняка») и на их нежелание изучать теорию жаловались все сколько-то грамотные анархисты – начиная с самого А. Шубина и кончая В. Тупикиным и В. Дамье (специально привожу имена людей, находящихся друг к другу в жесткой теоретической оппозиции). К чести Шубина должен сказать, что он лично много сил потратил на ликвидацию этой безграмотности (в рядах КАС). Но даже в КАС и даже в 1994–1995 гг. (то есть когда там остались «самые стойкие» и достаточно теоретически подкованные) ни один человек не указал А. Шубину на грубую подтасовку, когда он в статье «Конфедерация анархосиндикалистов – что дальше?» («КАС-контакт», № 26; «КАС-экспресс», № 3 и «Анархосиндикалист» (Донецк), 1994, № 1) написал: «*оппортунизм (от слова opportunity – возможность) – наука и искусство делать «утопии» возможностью!*»! Напротив – на это «определение» в следующем номере «КАС-контакта» даже ссылались как на бесспорное! Хотя достаточно было заглянуть в словари, чтобы обнаружить, что «оппортунизм (от фр. opportunisme < лат. opportunus – удобный, выгодный, подходящий) – приспособленчество, соглашательство, беспринципность»; а англ. opportunity, на которое ссылался А. Шубин, значит «удобный случай, благоприятная возможность» (по-русски – «лови момент!»). В английском есть даже пословица «opportunity makes the thief» (удобный случай создает вора), которая соответствует русской «плохо не клади – вора в грех не вводи». В латыни, впрочем, тоже есть слово «opportunitas», означающее «выгодность, удобство, благоприятный момент, удобный случай, выгоду». В «Свободном слове» у дээсовцев такая грубая подтасовка была бы разоблачена десятком человек в следующем же номере.

Шестое. Обо мне лично. Я к этому периоду уже вышел из подполья, стал всюду называться своим именем и подписывать своим именем статьи в неформальной прессе. Но до этого (в 1988 г.) я действительно был в подполье и у будущих «панорамистов», например, проходил под кличкой «Волосатый Друг». Но материалы о неформалах (в том числе Шубине) уже собирал (Шубин может обратиться за подтверждением к А. Верховскому, А. Паппу или, например, к Е. Струковой из Исторической библиотеки).

18. «...*Николай Озимов, анархо-мистик, язычник и колдун из Черкасс...*» (С.20) **Мистицизм Н.Озимова проявился через годы после его ухода из КАС. Он пробыл в организации недолго и ушел вслед за «анархо-урлой».**

Пример демагогии Шубина. Озимов стал мистиком (язычником) в тюрьме, то есть до вступления в КАС (и Шубин это знает, Озимов никогда ничего о себе не скрывал, на I съезде КАС он просто раздавал всем печатный текст своей биографии). То, что Озимов был мистиком в касовский период, легко установить по его публикациям в украинской анархистской прессе 1989 г. На II конференции КАС Н. Озимов выступал с докладом «О языческих корнях анархизма и анархоязычестве» и, пока выходил «КАС-КОР», Озимов постоянно слал туда информации такого, например, содержания: «Продолжаем заниматься мистическим синдикализмом. Рабочие спичечной фабрики обратились к нам с просьбой навести порчу на директора фабрики. Просьба рабочих удовлетворена».

19. О выступлении двух анархо-коммунистов в конце 1989 г.: «*Если вникнуть в суть конфликта, обнаруживается, что украинцы и москвичи принадлежали к совершенно разным течениям анархизма: москвичи были прудонистами, а украинцы - анархо-коммунистами*». (С.20)

Анархо-коммунистами в этот момент заявили себя два украинца. Остальные украинцы КАС придерживались тех же взглядов, что и москвичи (собственно, наиболее многочисленная украинская организация - харьковская, была даже более “рыночной”, чем московская). Часть анархо-коммунистов поддержала москвичей как в этом конфликте, так и в споре с антисоциалистами из АССА (на тот момент - более “правыми”, чем москвичи). Так что ситуация была совсем иной, нежели полагает А.Тарасов. Москвичи в этот период были в КАС центристами, а не правым крылом. Что касается “прудонизма” большинства КАС, то таковой можно признать чисто условно - в той же степени, в какой левыми прудонистами были делегаты Парижской коммуны или Бакунин. Прудон не относился к источникам наших взглядов, хотя во многом мы были с ним согласны.

Первое. Шубин передергивает. «Два украинца» критиковали лидеров КАС не в случайной беседе на кухне и не как частные лица, а на II конференции КАС, как полномочные представители, отражавшие линию пославших их групп (Екатеринославской группы анархо-коммунистов и запорожской группы «Мировое Братство Анархистов»). О том, что это были не все украинские анархисты, а представители только двух городов, сказано в том же абзаце (Шубин сделал вид, что он эти слова не заметил). Нигде в этом абзаце не сказано также, что МО КАС была «самой правой» (так что рассказывая, что были в КАС люди правее московских лидеров, Шубин ломится в открытую дверь). История со II конференцией приводилась в качестве одного из примеров того, что в КАС собрались не только анархо-синдикалисты, а анархисты всех направлений, что естественно должно было вызвать разногласия и расколы.

Второе. Почему Шубин так стесняется своего и Исаева прудонизма – неясно. Ну ладно, 10 лет назад они себя провозглашали самыми «правильными» наследниками Бакунина, но спустя 10 лет, когда у Шубина нет никаких последователей-анархистов, совершенно безразлично, признает он себя 10-летней давности бакунистом или прудонистом. Кстати, Бакунин прудонистом не был (он был анархо-коллективистом, если хотите, бакунистом), а вот часть делегатов Парижской Коммуны была прудонистами – и не «условно», а на самом деле. Напрасно Шубин валит их в одну кучу. Что касается замечательной фразы «Прудон не относился к источникам наших взглядов, хотя во многом мы были с ним согласны», то я ее отношу целиком на счет «полиморфизма» в голове у Шубина.

20-23

20. “лидеры КАС (МО КАС, поддержанное И. Подшиваловым) настойчиво пытались провести линию на превращение КАС в чисто анархо-синдикалистскую организацию. (С.20) Прежде чем делать столь парадоксальные заявления, А.Тарасову следовало бы внимательно перечитать если не программу, то хотя бы название КАС. КАС и так был чисто анархо-синдикалистской организацией. В том смысле, в каком о нашей идеологии можно говорить как о “чистом” анархо-синдикализме - сам А.Тарасов признает его нетрадиционность. Попытка части членов КАС - в основном новых - изменить характер КАС успехом не увенчалась. Большинство организаций (а не только Подшивалов) поддержали позицию москвичей по этому вопросу. Возглавивший “ушедших” П.Рауш называл себя “меньшевиком” именно потому, что остался в меньшинстве.

Первое. Еще пример демагогии. Двумя абзацами выше в книге у меня написано, что в Конфедерацию анархо-синдикалистов, вопреки названию, собрали всех: и анархо-коммунистов, и анархо-пацифистов, и анархо-демократов, и анархо-индивидуалистов и т.п. Это вещь общеизвестная. Так что КАС не была (кстати, аббревиатура КАС не мужского, как думает Шубин, а женского рода – таковы правила русского языка) «чисто анархо-синдикалистской организацией».

Второе. Бегство из КАС в этот период наблюдалось как индивидуальное, так и групповое. Записывать П. Рауша, например, в лидеры и АКРС тоже (вышедшего из КАС весной 1990 г.) – нелепо. Намекать на некий «бунт на корабле» или «заговор» новых членов против старых – тоже нелепо. Это не «новые» попытались «изменить характер КАС», а А. Исаев и А. Шубин «достали» вольнолюбивую анархистскую братию постоянными попытками заставить плясать под их дудку.

21. “Быстро выяснилось, что существуют резкие противоречия между “анархизмом по Исаеву” и аутентичными взглядами М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и других анархистских классиков. Особенно жесткая полемика развернулась по такому основополагающему вопросу, как рыночные отношения, поскольку выяснилось, что Бакунин был, конечно, антирыночником. А. Исаеву не удалось внятно объяснить оппонентам, почему он исказил взгляды Бакунина на рыночные

отношения, а смелости признаться в том, что он подменил Бакунина Прудонам (Прудона остальные анархисты в подавляющем большинстве не читали) у Исаева не нашлось”. (С.21) С самого начала было очевидно, что существуют некоторые разногласия между нашими взглядами и взглядами Бакунина. Это бросалось в глаза например по вопросу о насилии. Разногласия с взглядами Кропоткина мы подчеркивали. Так что это “выяснилось” еще до образования КАС. Но вот как раз по вопросу о рыночных отношениях различие между идеями КАС и Бакунина были не велики. Бакунин критиковал капиталистический рынок (как и мы), но признавал “стимулирование голодом” (что является верным признаком именно рынка), подчеркивал, что является не коммунистом, а коллективистом, и полагал, что коллективы сами решат после революции, как организовать обмен и распределение. Это вполне соответствовало нашей идее многосекторной экономики, но при этом мы, исходя из современных условий полагали, что отказ от рынка возможен только по мере преодоления индустриального общества. (См. программный документ КАС и сравнение экономических идей Бакунина и Кропоткина в: Шубин А.В. Проблема социальной революции в идеологии российской анархистской эмиграции 20-30-х гг. М., 1993 г. (кандидатская диссертация)). Качественное различие аутентичных взглядов М.Бакунина и П.Кропоткина было известно задолго до КАС. О нем писали М.Неттлау, Я.Новомирский и др.

Первое. Исаев и Шубин действительно с самого начала знали, что их взгляды отличаются от взглядов, скажем, Бакунина, но от рядовых анархистов (зачастую 15–16-летних подростков, о Бакунине знавших только то, что сказал им Исаев) они это скрывали и выдавали свои тексты и речи за «последнее слово» анархистской мысли (даже не бакунизма, а анархистской теории вообще). Молодежь именно тогда и обиделась (совершенно по-детски) на Исаева и Шубина, когда обнаружила, что ее просто обманули.

Второе. Бакунин был антирыночником. Когда Исаева его собственные последователи, прочтя Бакунина, приперли к стене, он начал лепетать что-то жалкое о том, что он-де нашел где-то у Гильома примечание, что, дескать, Бакунин хорошо отзывался о такой-то работе Прудона и из этого можно сделать вывод, что Бакунин-де на самом деле был рыночником. В. Дамье и Д. Костенко до сих пор любят рассказывать эту историю в лицах – демонстрируя, как жалко выглядел в это момент Исаев. Что касается «стимулирования голодом» – то это тоже пример шубинского передергивания. Бакунин всего-навсего полагал, что крестьянин при любом социальном строе будет вынужден обрабатывать землю и собирать урожай – иначе он умрет от голода. Если это «признак рынка», то рыночная экономика существовала уже у первобытных земледельческих племен и, следовательно, представления Шубина и Исаева о том, что такое «рыночная экономика», в корне отличаются от представлений всего остального человечества.

Третье. О «качественном различии» взглядов Бакунина и Кропоткина я в этом абзаце вообще ничего не писал (вопреки тому, что думает Шубин), поскольку это, во-первых, давно всем известно, а во-вторых – Бакунин и Кропоткин не являлись объектом моего исследования (так как не состояли, к счастью для них, в КАС).

22. Вообще смешно выглядят попытки А.Тарасова определить, какие взгляды являются “...подлинно анархистскими...” (С.81) Причем автор не утруждает себя аргументами. Забавно также, что покритиковав наши взгляды за расхождение с классическими образцами, А.Тарасов несколько ниже утверждает: “Своих собственных оригинальных идеологических систем российские леваки создать не смогли”. (С.69) А потом снова признает, что взгляды касовцев “...далеки от анархо-синдикалистской ортодоксии...”(С.81) Нашему “пролетаристу” нужно для начала справиться с “полиморфизмом” в собственной голове.

Первое. В тексте книги подробно объясняется, почему перечисленные мною организации (организации, а не «взгляды», как, передернув, пишет Шубин) не являются уже «подлинно анархистскими»: не могут быть анархистскими организации, исповедующие идеи, например, Маркузе или Че Гевары (поскольку эти люди были марксистами, чего и сам Шубин не отрицает).

Второе. Подтверждаю: собственных оригинальных идеологических систем российские леваки не создали. Я говорю не о хаотичном наборе отдельных взглядов, лозунгов, тезисов, а о системе. Каша в голове, как у Шубина или П. Рябова, – это не система. Тем более, что среди компонентов этой каши нет ничего оригинального, всё заимствованное... Печально сознавать, что Шубин неспособен понять содержание довольно простого текста.

Третье. О противоречии между второй и третьей цитатами, приведенными Шубиным. Противоречия никакого нет. Есть подтасовка со стороны Шубина. Повторю, специально для Шубина еще раз: можно быть далеким от какой угодно ортодоксии и при этом не быть оригинальным, во-

первых, и не создать системы – во-вторых. Но в тексте у меня вообще не говорится о касовцах. Цитата № 3 («далеки от ортодоксии») касается взглядов В. Дамье, лидера КРАС–МАТ, который вообще касовцев не считает анархо-синдикалистами (а считает прудонистами и «революционными синдикалистами»). В. Дамье, думаю, не нуждается в таком «защитнике», как Шубин, поскольку не скрывает, что его философские взгляды «далеки от анархо-синдикалистской ортодоксии» – тем более, что в области теоретической подготовки и способности к теоретизированию В. Дамье на голову (если не на много голов) превосходит А. Шубина.

23. *“На I съезде КАС были приняты только Организационный договор и первая часть Программного документа КАС (объемом в 1/7 общего текста документа), другие 6/7 текста приняты не были, но были включены МО КАС в текст принятого на съезде Программного документа и в таком виде воспроизводились и распространялись. Это вызвало протесты в провинции, подозрения и обвинения в адрес МО КАС и ее лидеров - и быстро отравило первоначально доверительную атмосферу в организации”.*(С.21) **2-я часть программного документа была “включена в текст” решением 1-го съезда. Дело в том, что большинство делегатов ничего не имели против этого обширного документа, но времени на его обсуждение на съезде уже не было. Поэтому было принято “соломоново решение” - региональные организации имеют право предлагать равноправные разъяснения общих принципов, зафиксированных в 1-й части. Эти тексты должны были распространяться с указанием “в редакции такой-то организации”. Желающие должны были передать свои редакции в “Общину”. Однако кроме московской организации КАС другие организации своих разработок не представили. При публикации документа москвичей было указано: “распространяется в редакции Московской организации КАС” (А.Тарасов наверняка читал эту приписку, но умолчал о ней - иначе его версия рассыпалась бы). Что касается морального климата в КАС, то его испортил приток в организацию людей, враждебных принципам, закрепленных в оргдоговоре и общей части программного документа.**

Первое. Напрасно Шубин пытается себя обелить. Не было решения I съезда КАС о включении «второй части» в блок документов, принятых съездом. Действительно, на обсуждение всего текста просто не хватило времени (поэтому абсурдно заявление Шубина, что «большинство делегатов ничего не имели против этого обширного документа» (по-русски, если «большинство», то «не имело»): раз документ не обсуждался, то и нельзя было выяснить, «имели» или нет; думаю, однако, что «имели»: иначе не стали бы настаивать на своем праве на «равноправное разъяснение»). Претензии региональных групп к МО КАС заключались не в том, что этот текст печатается с примечанием «распространяется в редакции Московской организации КАС», а в том, что он распространяется как документ съезда. Обвинения в адрес А. Исаева и А. Шубина по этому поводу я слышал затем десятки раз (от украинцев, питерцев, поволжцев), и обида, как ни странно, не забылась до сих пор, о чем говорит тот факт, что даже осенью 1997 г. у меня на глазах В. Дамье и В. Платоненко (москвичи!) яростно, захлебываясь от возмущения, рассказывали об этом «вопиющем примере» «коварства вождей КАС» приехавшим в Москву «итальянским товарищам». Чтобы избежать обвинений в непорядочности и «попытке навязать свои взгляды», А. Исаеву и А. Шубину всего-то надо было распространять эту часть Программного документа не как материал I съезда КАС, а в качестве самостоятельного документа.

Второе. О том, что «испортило» «моральный климат» в КАС. А кто вам велел принимать в организацию людей, «враждебных принципам, закрепленных в оргдоговоре (по-русски должно быть «закрепленным», иначе получается, что это людей закрепили в Оргдоговоре) и общей части программного документа»?

24-28

24. *“...рядовые анархисты не осознавали того, что, во-первых, идеи анархизма вовсе не были так популярны в “широких слоях трудящихся”, как они это себе представляли...”* (С.21) **В этот период люди, которые занимались в КАС реальной пропагандистской работой, не считали, будто идеи анархизма очень популярны среди “широких масс трудящихся”. Скорее наоборот. Упомянутые А.Тарасовым “рядовые” если и существовали, то были очень далеки от реальной работы.**

Опять барское презрение А. Шубина к рядовым анархистам, которые, если верить Шубину, даже, может быть, и не существовали в природе (или, как минимум, не занимались «реальной

работой»). Стыдно должно быть за такое презрение к товарищам. А что касается представлений о «популярности» идей анархизма, я хорошо помню, как в М-БИО какие-то молодые касовцы из Саратова и Куйбышева доказывали мне, чуть не крича, что русский человек – по природе своей анархист, что литературу у них в провинции рвут из рук, что не сегодня-завтра анархисты станут главной силой в обществе, «вместо памятников Лукичу мы везде поставим памятники Бакунину, а вместо портретов Маркса и Горбачева будут висеть портреты Махно и Исаева».

25. *“...МО КАС попыталась провести своего кандидата (А. Исаева) в “парламент” (на Съезд народных депутатов). После того, как депутат от КАС не был зарегистрирован, КАС - в строгом соответствии с анархистской доктриной - призвал население к отказу от участия в выборах как в “беспринципном государственном фарсе”.* (С.21) **А.Исаев был выдвинут в депутаты еще тогда, когда не был членом КАС - в ноябре 1988 г. Сразу после принятия анархо-синдикалистского названия организации предвыборное собрание отказало ему в регистрации (мы обсуждали такую перспективу, но принятие нового шокирующего названия было для Исаева важнее депутатства). Так что бойкот выборов был провозглашен сразу после того, как мы заявили о себе как об анархистах, что естественно. Отказ Исаеву в регистрации лишь добавил нам аргументов по поводу беспринципности затеянного государством фарса.**

Не вижу противоречия с тем, что написано мной. Следим внимательно, что написал Шубин: сначала А. Исаева выдвинули кандидатом в депутаты – в ноябре 1988 г. (тогда еще организация называлась СНС – Союз независимых социалистов) (1-я стадия); затем СНС переименовывается в КАС (2-я стадия), но кандидатуру Исаева не отзывает; затем анархисту Исаеву отказывают в регистрации (3-я стадия) и лишь затем (4-я стадия) касовцы вспоминают о принципах анархизма и называют выборы «беспринципным государственным фарсом». То есть Шубин сам себя разоблачил: вопреки тому, что он пишет, «бойкот выборов был провозглашен» не «сразу после того, как мы заявили о себе как об анархистах», а сразу после того, как кандидатуру Исаева отклонили. А если бы не отклонили? Над этой «принципиальностью» вождей КАС сами касовцы издевались (см. замечательную пародию П. Рябова «Памяти Бакунина» в журнале «Великий Отказ» № 2).

26. *“...линия КАС была подвергнута жесткой критике “снизу” и “слева” как “вхождение в государственные структуры власти”, “предательство принципов анархизма”, “вождизм”, “оппортунизм”. “беспринципность” и пр. Poleмику инициировал Д. Жвания...”* (С.21) **Д.Жвания не мог критиковать линию КАС “снизу”, так как был одним из лидеров Питерской организации, издателем газеты и делегатом съезда.**

Вновь Шубин то ли невнимательно читает, то ли передергивает. Д. Жвания только инициировал полемику и критиковал именно «слева» (кстати, можно считать, что и «снизу», поскольку А. Исаев и А. Шубин постоянно пытались выступать в роли единственных и полномочных вождей всей КАС, что, естественно, болезненно воспринималось в провинции). Другие примеры критики «слева» и «снизу» и примеры того, как КАС «отругивалась» см. с. 94, сноска 38 в книге.

27. *“...анархисты от участия в местных органах власти ничего не выиграли, большинство прошедших в депутаты членов КАС оказались вскоре для анархистского движения потерянными”.* (С.21) **А.Тарасов не случайно не может привести примеры этих “потерянных”. Они в явном меньшинстве. В Новокуйбышевске, Северодвинске, Хабаровске и Иркутске депутаты-анархисты успешно работали и принесли большую пользу жителям (“выигрыш” специально для анархистского движения не был целью участия в выборах).**

Первое. Еще один образец демагогии Шубина. Наоборот, я привел пример единственного случая, когда депутат-касовец пытался проводить линию КАС в законодательном органе и не перестал быть анархистом, не ушел в структуры власти, в бизнес, не вышел из КАС – пример В. Чернолиха (с. 33). Всех остальных касовцы лишили.

Второе. Представление, будто члены какой-то общественно-политической организации участвуют в выборах и идут в представительные органы власти не для того, чтобы увеличить влияние и авторитет своих организаций, не как представители этих организаций, а из чисто альтруистических соображений – чтобы «помочь людям», – это что-то новое в политике. «Помогать людям» можно и вне представительных органов. Если же касовцы шли в Советы не как касовцы, а как частные лица, почему же они не выходили предварительно из КАС?

28. *“Молодые” (некоторые из них, впрочем, были моложе “стариков” лишь на 2-3 года) - выходцы из “Альянса” и находившиеся под влиянием КАС Союза учащейся молодежи (СУМ) - создали т.н. Беспартийную школу, которая стала центром левой оппозиции “обюрократившимся” вождям КАС”.* (С.22) **Беспартшкола была прямым продолжением клуба “Факел”, созданного “стариками”. Долгое время после появления “Беспартшколы” никаким центром оппозиции**

она не была. Там выступали преимущественно сторонники генеральной линии (и я в том числе). Никакого «отпора» видно не было. Оппозиция в МО КАС возникла в 1991 г., гораздо позднее возникновения «Беспартшколы». Часть членов школы и СУМа после этого продолжали придерживаться «генеральной» линии. «Альянса» ко времени возникновения оппозиции давно не было.

Так это помнит Шубин. Почему-то сами «молодые» (П. Рябов, Д. Костенко, М. Кучинский, М. Ворожейкина) помнят по-другому. Некоторые (П. Рябов) оставили замечательные воспоминания, как А. Исаев пытался «молодых» разогнать, обнаружив в них сразу и правый, и левый уклон, и требовал стопроцентной «чистки». Что касается «отпора», которого иногда, возможно, Шубину «видно не было», то это объясняется просто: Шубин что-то там рассказывал в Беспартшколе об «ахимсе», а «молодые» в это время, как они сами вспоминают, его не слушали, а тихо обсуждали тексты готовящегося «Великого Отказа». Что касается «Альянса», то выходцем из «Альянса» был, например, М. Кучинский. Говорить, что «Альянса» «давно не было» – смешно. В 1989 г. «Альянс» еще был. «Молодая» оппозиция возникла в 1990 г. Ничего себе давно!

Характер открытого противостояния конфликт между Беспартшколой и МО КАС приобрел летом 1990 г. – сразу после проведения Костенко и другими «молодыми» «оранжевой» акции «за введение людоедства». Исаев был приглашен на эту акцию лишь как гость – и сильно оскорбился. Кроме того, Исаев, как человек, обладающий политическим чутьем, именно на этой акции осознал, что Беспартшкола превратилась в организационно и идеологически самостоятельное явление. Лето-осень 1990 г. прошли в постоянных конфликтах между МО КАС и Беспартшколой, активисты которой отказывались торговать «Общиной» на Гоголевском бульваре, а хотели делать что-то свое. После устроенной Беспартшколой самостоятельно (без санкции руководства МО КАС) демонстрации в день рождения Махно 8 ноября 1990 г. (когда демонстрантов арестовали) Исаев и Шубин чуть-чуть не исключили «молодых» из КАС.

«Великий Отказ» был создан П. Рябовым и Д. Костенко именно потому, что «Община» не хотела печатать «идейно невыдержанные» материалы «молодых». «Молодые» открыто конфликтовали по этому поводу с Шубиным и Исаевым, называя «Общину» «самиздатом» – в том смысле, что «вожди КАС» только сами себя и издают. Исаев называл «Великий Отказ» «« Великим» от КАС», иронически выделяя голосом слово «великий» и намекая, что журнал отходит от линии КАС. Исаев и Шубин так заморочили голову Тупикину, что тот совершенно искренне подозревал Е. Бузикошвили в том, что она – агент КГБ!

Исаев и Шубин до такой степени стали бояться Беспартшколу к осени 1990 г., что сорвали собрание МО КАС накануне III съезда, которое пытались инициировать «молодые» для выработки единой позиции всех «москвичей» перед съездом!

Так это помнит Шубин. Почему-то сами «молодые» (П. Рябов, Д. Костенко, М. Кучинский, М. Ворожейкина) помнят по-другому. Некоторые (П. Рябов) оставили замечательные воспоминания, как А. Исаев пытался «молодых» разогнать, обнаружив в них сразу и правый, и левый уклон, и требовал стопроцентной «чистки». Что касается «отпора», которого иногда, возможно, Шубину «видно не было», то это объясняется просто: Шубин что-то там рассказывал в Беспартшколе об «ахимсе», а «молодые» в это время, как они сами вспоминают, его не слушали, а тихо обсуждали тексты готовящегося «Великого Отказа». Что касается «Альянса», то выходцем из «Альянса» был, например, М. Кучинский. Говорить, что «Альянса» «давно не было» – смешно. В 1989 г. «Альянс» еще был. «Молодая» оппозиция возникла в 1990 г. Ничего себе давно!

Характер открытого противостояния конфликт между Беспартшколой и МО КАС приобрел летом 1990 г. – сразу после проведения Костенко и другими «молодыми» «оранжевой» акции «за введение людоедства». Исаев был приглашен на эту акцию лишь как гость – и сильно оскорбился. Кроме того, Исаев, как человек, обладающий политическим чутьем, именно на этой акции осознал, что Беспартшкола превратилась в организационно и идеологически самостоятельное явление. Лето-осень 1990 г. прошли в постоянных конфликтах между МО КАС и Беспартшколой, активисты которой отказывались торговать «Общиной» на Гоголевском бульваре, а хотели делать что-то свое. После устроенной Беспартшколой самостоятельно (без санкции руководства МО КАС) демонстрации в день рождения Махно 8 ноября 1990 г. (когда демонстрантов арестовали) Исаев и Шубин чуть-чуть не исключили «молодых» из КАС.

«Великий Отказ» был создан П. Рябовым и Д. Костенко именно потому, что «Община» не хотела печатать «идейно невыдержанные» материалы «молодых». «Молодые» открыто конфликтовали по этому поводу с Шубиным и Исаевым, называя «Общину» «самиздатом» – в том смысле, что «вожди КАС» только сами себя и издают. Исаев называл «Великий Отказ» «« Великим»

от КАС», иронически выделяя голосом слово «великий» и намекая, что журнал отходит от линии КАС. Исаев и Шубин так заморочили голову Тупикину, что тот совершенно искренне подозревал Е. Бузикошвили в том, что она – агент КГБ!

Исаев и Шубин до такой степени стали бояться Беспартшколу к осени 1990 г., что сорвали собрание МО КАС накануне III съезда, которое пытались инициировать «молодые» для выработки единой позиции всех «москвичей» перед съездом!

29-32

29. *“По общему мнению ветеранов КАС, история с исключением из КАС Е. Бузикошвили и М. Кучинского произвела на членов КАС тяжелое моральное впечатление”.* (С.22) **Типичная ссылка на анонимных ветеранов (видимо П.Рябов), мнение которых выдается за общее. Экстремисты были исключены по предложению В.Тупикина, человека весьма радикального. Как один из “ветеранов” могу сказать - у меня и большинства исключавших после этого было настроение облегчения - наконец удалось освободиться от людей, ради детского эпатажа или по недоумию пропагандировавших терроризм (то ли в шутку, то ли всерьез).**

То, что исключение из КАС Е. Бузикошвили и М. Кучинского произвело на членов КАС тяжелое впечатление, знают все, кроме А. Шубина. В разное время мне об этом говорили: П. Рябов, Д. Костенко, В. Тупикин, А. Василицевский, В. Губарев, М. Цовма, Б. Кравченко, М. Ворожейкина, С. Ильин, Н. Муравин, Л. Ильина и даже В. Гурболик. Д. Костенко вышел в знак протеста против этой «эxecуции» из КАС. П. Рябов и Н. Муравин утверждали, что тоже хотели выйти в связи с этим делом из КАС. В. Тупикин утверждает, что самого А. Шубина из МО КАС 2 ноября 1994 г. не исключили только потому, что никому не хотелось вновь повторять судилище над М. Кучинским и Е. Бузикошвили со всем связанным с этой процедурой комплексом негативных эмоций (см. «Судьбоносное собрание Московской организации КАС». – «КАС-Москва», № 1).

30. *“...героические попытки Влада Тупикина возродить “Общину”...* (С.22) **47-49 номера “Общины” (режим ежегодника) были выпущены гораздо более широким коллективом, чем В.Тупикин. Имена участников “героических попыток” указаны на обложке этих выпусков.**

Про «режим ежегодника» никто, кроме А. Шубина, ничего не знает. Если бы кто-то пытался всерьез помочь В. Тупикину в работе над «Общиной», «Община» выходила бы гораздо чаще. Что касается «более широкого коллектива» (включавшего, естественно, самого А. Шубина), то это опять – пример барского отношения А. Шубина к своим товарищам. В. Тупикин подвижнически тащил на себе всю организационную, техническую, финансовую работу по выпуску этих двух номеров «Общины». Шубин лишь царственно скинул на Тупикина несколько огромных по объему и неотредактированных материалов. На этом его «героические попытки» закончились. Как делались эти два номера – я видел сам. Честное слово, обидно за Тупикина и стыдно за Шубина.

31. *“Лидер МСА Александр Червяков так пугал своим радикализмом лидеров КАС, что те совершенно искренне считали его сумасшедшим. Впрочем, А. Исаев вообще всех критиков слева презрительно именовал “анархо-урлой”* (С.23) **А.Червякова считали не сумасшедшим, а дельцом и хулиганом. Урлой называли не по признаку “левизны” или “правизны”, а по критерию некультурности полемики.**

Возможно, лидеры КАС считали А. Червякова дельцом и хулиганом. Но и сумасшедшим тоже. Про то, что А. Червяков – это «помешавшийся на трезвенничестве милиционер», которого «выгнали из органов», мне объяснил в коридорах «Солидарности» «сам» А.К. Исаев. Что касается «критериев урлы», то хотел бы я знать, кто из так называемой анархо-урлы критиковал КАС «справа»? Это во-первых. Чем полемика, скажем, Подшивалова против Анисимова была культурнее полемики Анисимова против КАС? Это во-вторых. Чем червяковский «Путь к свободе», страницы которого почти целиком занимались классическими трудами П.А. Кропоткина, был «менее культурен», чем касовская «Община», где печатались маловразумительные статьи А.В. Шубина? Это в-третьих.

32. *“исторические лидеры” КАС А.Исаев и А.Шубин не просто прекратили полемику с радикалами, а перешли на позиции правого социал-демократизма (то есть покинули собственно лагерь леворадикалов)”.* (С.27) **Полемика с “радикалами” (в терминологии А.Тарасова), то есть с вульгарными анархистами, была прекращена по решению IV съезда КАС в связи с ее полной бессмысленностью. Это вовсе не означало перехода на позиции социал-демократии. Если бы А.Тарасов читал нашу брошюру “Демократический социализм - будущее России”, даже он**

понял бы, что А.Исаев и А.Шубин являются не правыми социал-демократами, а демократическими социалистами. Понятно, что маргинальными радикалами, теоретическое убожество которых очевидно как для А.Тарасова, так и для большинства левых теоретиков, спорить было не о чем. IV Съезд КАС охарактеризовал их как “элемент уличной культуры”. А.Тарасов неплохо описал, как к близким выводам по этому поводу пришли первоначально несогласные с нами радикальные авторы. Только до них “дошло” несколько лет спустя.

Интересно, а выход А. Исаева из КАС, вхождение в руководство Партии Труда и в руководство Российского социал-демократического союза (РСДС), вопреки касовскому принципу беспартийности, превращение в секретаря ФНПР, представление на пост министра труда – тоже были произведены по рекомендации IV съезда КАС? А когда А. Шубин выбивал себе эксклюзивное право на участие в партийной деятельности (в Партии Зеленых), когда он входил в Совет РСДС, когда он в июне 1993 г. участвовал в работе Конституционного совещания (то есть выработывал конституцию государства) или когда он становился советником вице-премьера Б. Немцова – это тоже по решению IV съезда КАС? Интересно также: неужели, например, В. Дамье, который теоретически грамотнее и образованнее и А. Исаева, и А. Шубина, вместе взятых, тоже – «элемент уличной культуры», «теоретическое убожество» которого «очевидно»? Это у Шубина второй приступ мании величия.

Что касается брошюры «Демократический социализм – будущее России», то я ее не просто читал, но перечитывал неоднократно и с наслаждением. Однако понять из нее, почему А. Шубин и А. Исаев – «*демократические социалисты*», не смог. Название брошюры содержанию не соответствует. Кстати, и с названием не все ясно: на обложке написано «Демократический социализм – будущее России», а на обороте обложки, в выходных данных – просто «Социализм – будущее России». Назвать это «*брошюрой*» – слишком смело. Это вовсе не оригинальная книга, а всего лишь сборник статей А. Шубина и А. Исаева, ранее публиковавшихся в «Общине» и в «Солидарности», причем впечатление такое, что сам подбор статей достаточно случаен. Самые первые статьи популяризируют Бакунина. В конце брошюры – статьи об «экологическом кризисе», проблеме рождаемости, балканском кризисе и даже «Тезисы к предвыборной платформе ФНПР». В статье «Град Китеж» Шубин вовсе не выступает как «*демократический социалист*», а пропагандирует опыт социального эскапизма (в форме коммунизма). В статье «Кладбище утопий» А. Исаев провозглашает себя сторонником «христианского народного демократического социализма». Из разъяснений (на с. 41–42), что это такое, становится ясно, что это популизм + православие + менеджизм + корпоративизм. Это не «демократический социализм» и не социал-демократия. Это скорее соединение национально окрашенного популизма с христианской демократией (что-то в духе Перона), приспособленное к нуждам профсоюзного аппарата. Из статьи «Демократический социализм» (наконец-то!) А. Шубина ясно следует, что идеал Шубина, почему-то названный «*демократическим социализмом*», никакого отношения ни к какому социализму (в традиционном его понимании представителями всех общественных течений) не имеет, поскольку ни в коем случае не предусматривает замены формы собственности (речь не идет не то что о введении общественной собственности, но даже и коллективной). Шубин выступает за а) соборность, б) корпоративность, в) солидаризм, г) синдикализм и д) «участие трудящихся в принятии управленческих решений» (тойотизм). Причем корпоративность А. Шубин понимает совершенно в духе Муссолини! Это всё – ни в коем случае не «*демократический социализм*» и не социал-демократия, это что-то вроде синдикализованного варианта христианской демократии а-ля Эдуардо Фрей! В статье «Две цели рабочего движения» А. Исаев хотя и ссылается на опыт социал-демократов на Западе, сам оказывается правее социал-демократов, заявив: «Класс наемных работников не будет стоять у власти никогда». Все это – гораздо правее концепции «демократического социализма», как она зафиксирована в Декларации принципов Социнтерна, правее других основных социал-демократических концепций (гильдийского социализма, бернштейнианства, самоуправленческого социализма, функционального социализма и т.п.). Более всего это напоминает так называемый национал-реформизм в Латинской Америке. Таким образом, я вынужден признать, что Шубин прав, говоря, что они с Исаевым не являются правыми социал-демократами. Они – куда правее.

33-36

33. “...влиятельнейшую леворадикальную организацию “новых левых” - “Студенческую защиту”... (С.28) Оказывается, союз кимирсенистов, либеральных радикалов и коммунистов зюгановского толка (сужу по лидерам) - это “новые левые”. Такого “открытия” марксистско-

ленинская “наука” давно не совершала. Насколько мне приходилось общаться с членами “Студзащиты”, лишь единицы из них считают себя “новыми левыми”, но толком не представляют себе - что это такое.

Первое. Не надо судить по лидерам, а если даже по лидерам – лучше по всем, а не по некоторым. В «Студенческой защите» объединились: коммунисты разных направлений (а не только зюгановцы), анархисты, буржуазные радикалы, социал-демократы, «демократические левые», социалисты, противники капитализма с довольно эклектичными взглядами («собственно “ новые левые” ») и, наконец, большое количество аполитичных или «политически незрелых». Для крупных организаций «новых левых» это – норма. В СДО тоже входили одновременно троцкисты (нескольких тенденций), маоисты, сталинисты, промосковские коммунисты, левые либералы, буржуазные пацифисты и пацифисты-социалисты и т.д., и т.д. В ССНС входили социал-демократы, анархисты, маоисты, геваристы, левые буржуазные радикалы, гандисты и т.д. Даже у «Черных пантер» наблюдался идеологический разброс от сторонников «черного капитализма» до геваристов.

«“ Открытия” марксистско-ленинской “ науки” » тут вообще не при чем. Термин «новые левые» для описания таких конгломератов придумала не советская пропаганда, а западная политология, и он был принят «новыми левыми» в качестве самоназвания. Возникновение термина спровоцировано существованием лондонского журнала «New Left Review» и программной работой Ч. Райта Миллса «Письмо к новым левым».

34. *“После октября 1993 г. из текстов леворадикалов практически исчезло проявление даже малейших симпатий к буржуазной демократии и к буржуазии вообще, до того регулярно встречавшихся, особенно у КАС”.* (С.29) **А.Тарасов не приводит цитат, где организации КАС или их органы “регулярно” высказывают поддержку именно буржуазной демократии и буржуазии. Мне такие цитаты тоже не известны. Сноска, следующая за текстом - строго в стиле А.Тарасова, опровергает его же мысль - приводятся мои статьи о среднем классе, который марксисты догматически и несправедливо приравнивают к буржуазии. Я критикую обозначение среднего класса в качестве “мелкой буржуазии”. Если бы А.Тарасов был бы честным автором, он мог бы, оставаясь верным своим марксистским догматам, написать о поддержке “мелкобуржуазной демократии” и “мелкой буржуазии”. Тогда читателям, владеющим марксистским новоязом, было бы ясно, о чем идет речь. В конце концов у марксистов и Махно - лидер “мелкобуржуазной контрреволюции”. Но А.Тарасов не может без мелкого шулерства.**

Это надо понимать так: когда Шубин писал свою статью «Скромное обаяние мелкой буржуазии», за его спиной стоял страшный «марксист-ленинец» Тарасов с автоматом и, как только Шубин пытался написать «средний класс», Тарасов тыкал Шубина автоматом в спину и кричал: «Не смей! Пиши «буржуазия», сука! А то застрелю!»

Вообще же, Шубин постоянно пишет не о «среднем классе», а о некоем «гражданском классе» (это такая теоретическая новация Шубина, никому кроме него непонятная, но, если следовать буквальному переводу слова «гражданин», то, очевидно, это «класс буржуа»). Когда Шубин пытается описать представителя этого «гражданского класса», он описывает его как типичного представителя буржуазии (не крупной, конечно, а средней или мелкой буржуазии): это, например, «крестьянин», который сам владеет землей (землевладелец), производит товар на рынок, построил перерабатывающий завод (без наемных рабочих? тотально автоматизированный? – это сколько же у этого «крестьянина» денег?!), процесс производства и продажи компьютеризировал. Это либо утопия, либо обман. Нигде в мире такого нет. Даже в Голландии, где наблюдается наивысшая автоматизация сельскохозяйственного производства, фермеры являются де-факто буржуазией: у них на фермах трудятся наемные работники (не потому, что голландские фермеры до сих пор ничего не слышали о «теориях» Шубина, а потому, что сложность и объемы производства и рыночный механизм реализации продукции требуют разделения труда). Это первое.

Второе. Никогда «марксисты догматически и несправедливо» не «приравнивали средний класс к буржуазии». Это Шубин пишет по неграмотности. Марксисты не могли это сделать по одной простой причине: буржуазия – классовая категория, а «средний класс» – неклассовая. Принадлежность к «среднему классу» на Западе определяется формальным уровнем доходов. При этом безразлично место, занимаемое конкретным представителем «среднего класса» в процессе производства и источник дохода: человек может быть рантье, может быть государственным чиновником (бюрократом), может быть высококвалифицированным рабочим, может быть предпринимателем, может быть торговцем наркотиками или скупщиком краденого. Главное, что его годовой доход колеблется в пределах такой-то суммы. Ни один психически здоровый марксист

никогда не согласиться отождествить «средний класс» с буржуазией – иначе он уже перестанет быть марксистом.

Третье. Шубин напрасно думает, что если он кого-то убедит, что он восхвалял не «мелкую буржуазию», а «средний класс», то это улучшит его имидж. Полагаю, наоборот. Мелкая буржуазия в разные исторические периоды и в разных странах вела себя по-разному, в том числе и героически. А вот про «средний класс» этого сказать нельзя. «Средний класс», если он сыт и доволен, порождает «культуру» «среднего класса» – «культуру» тотальной усредненности, серости, торжествующего мещанства, всеобщего конформизма. В этой «культуре» всё, что хоть чем-то отличается от обывателя, либо само задыхается, либо подавляется. А если «средний класс» голоден и недоволен – он порождает массовое движение, известное миру как «фашизм».

Четвертое. О моем «мелком шулерстве». С радостью переадресую этот упрек самому Шубину. Махно был вождем «крестьянской вольницы». Крестьянин (если он владеет землей) – это мелкий частный собственник, то есть сельский мелкий буржуа. Это – формальное определение, совершенно безоценочное (т.е. это не плохо и не хорошо, а просто так есть). Поэтому Махно по отношению к белым был лидером мелкобуржуазной революции. А по отношению к красным – лидером мелкобуржуазной контрреволюции.

35. *“Несомненно также и то, что личное участие в насильственном противостоянии властям сняло у части леваков в Москве барьер инстинктивного страха перед представителями правопорядка, что было затем продемонстрировано леворадикалами во время студенческих беспорядков 12 апреля 1994 г. и 12 апреля 1995 г.”* (С.30) **Во-первых, у ветеранов движения такого страха не было и прежде. В 1988-1991 гг. организации КАС неоднократно участвовали в столкновениях с силами охраны порядка, но по принципиальным соображениям отказывались от применения насилия. Что касается участников “беспорядков” 12 апреля, то, насколько мне известно, подавляющее большинство из них не участвовало не только в столкновениях 1988-1991 гг., но и октября 1993 г. Схема А.Тарасова опять рушится. Вообще же описание “событий” 12 апреля - самое фантастическое место в опусе А.Тарасова. Он нарисовал картину чуть ли не “Красного мая в Париже” посреди Москвы. Очевидцы “беспорядков” рассказывают о немногочисленной толпе, рассеявшейся при первых действиях милиции. Несколько участников событий действительно хулиганили (бросили несколько предметов в сторону Министерства Обороны, магазина и милиции, напали на какого-то мужика в ГУМе), но ничего массового и социального в их действиях не было.**

Первое. Перед нами – яркий пример той самогероизации (восприятия себя в героическом ореоле), наличие которой у анархистов Шубин отрицал в своем замечании № 17. Во всем мире «столкновениями с силами охраны порядка» называют такие ситуации, в которых демонстранты если не атакуют полицию, то, как минимум, оказывают ей активное сопротивление. Только у Шубина обратная ситуация, то есть когда демонстранты «по принципиальным соображениям отказываются от применения насилия», именуется «столкновениями».

Второе. Шубин опять то ли невнимательно читает, то ли передергивает. Я пишу о «части московских леваков» (то есть об ограниченной группе, которая выступала в качестве активистов, лидеров и «заводил» в апреле и 1994, и 1995 гг.), а Шубин – о «подавляющем большинстве». «Подавляющее большинство» участников беспорядков ни в какие леворадикальные организации не входило и не входит до сих пор. А вот те московские леваки, которые выступали в качестве «заводил» в описанных студенческих беспорядках, активно участвовали в событиях сентября-октября 1993 г.

Третье. Шубин противоречит сам себе. Если была «немногочисленная толпа, рассеявшаяся при первых действиях милиции», то как же (это у Шубина написано) она добралась от «Белого дома» до Министерства обороны и ГУМа (где «напала на какого-то мужика»)? «Первые действия милиции» были предприняты непосредственно на площади перед «Белым домом»!

36-39

36. *“Своеобразным вариантом энтризма можно было, видимо, первоначально считать и деятельность одного из “исторических лидеров” КАС А. Шубина в “зеленом” движении (в Российской Партии Зеленых - РПЗ и Социально-экологическом Союзе - СоЭС). Однако и здесь история повторилась. А. Шубину не удалось анархизировать то крыло “зеленого” движения, в которое он внедрился, напротив, собственные взгляды А. Шубина претерпели резкую эволюцию*

вправо и с конца 1994 г. А. Шубин уже открыто восхвалял оппортунизм (“я оппортунист и тем горжусь”), третировал радикалов как “политических бомжей” и даже занимал проимперскую позицию в чеченском конфликте, за что был печатно назван бывшими товарищами по КАС “великодержавным шовинистом”. (С.34) Во-первых, говорить об “энтризме” в этом случае мешает то обстоятельство, что я никогда не скрывал свою принадлежность к анархизму и даже заявил об этом перед тем, как моя кандидатура голосовалась в Совет СоЭС. Это только добавило мне голосов. Во-вторых, никаких проблем с анархизацией того крыла, в которое я “внедрился”, не было. Анархизм был широко распространен здесь и прежде. Лидер и идеолог Социально-экологического союза С.Забелин после разговора со мной согласился, что он - анархист. Анархистами были и остаются десятки других лидеров зеленого движения. Анархисты преобладали и преобладают в Совете МО РПЗ. Я ставил целью не анархизацию, а политизацию и идеологизацию зеленого движения. Выработывая собственную идеологию, экологическое движение само переходит или к анархизму или (реже) - к правому радикализму. Но с последним мы боролись достаточно эффективно. В-третьих, оппортунистом я считал себя всегда, упоминая А.Тарасовым поговорка употребляется мною со времен “политтеатра”, где я отстаивал взгляды Бернштейна. Какую-то эволюцию я, конечно, претерпел, но не вышел даже за рамки программного документа КАС, который и сейчас поддерживаю. В-четвертых, в чеченском конфликте я занял не проимперскую, а антифашистскую позицию, то есть критиковал не только неуклюжие действия федеральных сил (что было модно в буржуазных и примкнувших к ним левацких кругах), но и фашистское движение дудаевцев. Упрек в великодержавном шовинизме я читал только у одного касовца, прикрывшегося псевдонимом. За эту клевету он подвергся от меня публичной и весьма болезненной критике.

Первое. Шубин вновь сам себе противоречит. Если он ушел в «зеленое» движение с целью его «политизации и идеологизации», то в какую еще сторону, кроме анархизма, он мог «идеологизировать и политизировать» «зеленых»? Или все рассказы Шубина о его «анархизме» – обман? Но из самого текста Шубина следует, что он занимался именно анархизацией движения «зеленых» (вот убедил же он С. Забелина в том, что тот – анархист, как сам Шубин рассказывает).

Второе. О том, что у «зеленого» движения «десятки лидеров-анархистов», думаю, не подозревает никто, кроме Шубина. Хотелось бы узнать все имена, может быть, тогда станет понятно, сколько это «десятков» и что такое, в представлении Шубина, «лидер».

Третье. Троцкисты, внедряясь в профсоюзы и нетроцкистские партии, тоже не всегда скрывают свой троцкизм (иначе как вести троцкистскую пропаганду?). Шубин, когда он добивался для себя у товарищей по МО КАС права «в порядке исключения» участвовать в партийной деятельности (в Партии Зеленых), объяснял цель своих действий абсолютно так же, как троцкисты – цель своих действий в профсоюзах, партиях и общественных организациях (анархизировать «зеленых» и повести их за КАС). Это было за 2,5 года до того, как А. Шубина избрали в Совет СоЭС (в октябре 1992 г.). Специально А. Шубин путает этапы и даты или у него действительно в голове они путаются, – не знаю.

Четвертое. Я верю, что Шубин считал себя оппортунистом всегда. Но не всегда это афишировал и не всегда навязывал оппортунизм товарищам по партии. В статье «Конфедерация анархо-синдикалистов – что дальше?» А. Шубин именно это пытается сделать. «За рамки программного документа» КАС Шубин как человек, вошедший в президиум РСДС, как сопредседатель РПЗ, как участник Конституционного совещания летом 1993 г., как кандидат в депутаты Госдумы в 1993 г. безусловно вышел (не зря его пытались из МО КАС исключить).

Пятое. В Чеченском конфликте А. Шубин проводил (как и вся газета «Солидарность») линию МФП. А МФП проводила линию Ю. Лужкова, под которого руководство МФП «легло». «Проимперская» – это самое мягкое определение линии Лужкова (в нашей прессе писалось и гораздо жестче).

Шестое. Третий приступ мании величия у Шубина. «Публичная и весьма болезненная критика» А. Шубиным В. Тупикина заключалась в том, что А. Шубин на страницах журнала «Третий путь» (№ 48) попенял Тупикину на то, что тот сразу печатно обвинил А. Шубина в «КАС-экспрессе» в великодержавном шовинизме, хотя мог бы вместо этого позвонить А. Шубину домой и поговорить с ним лично (ср. замечание А. Шубина № 44). Это не «публичная и болезненная критика», а жалкий лепет. Не говорю уже о том, что В. Тупикин имеет полное право выбирать: звонить ли ему А. Шубину с личным разговором или выражать свое отношение к позиции А. Шубина печатно. А. Шубин свои взгляды на Чеченскую войну тоже ведь не в личном телефонном разговоре Тупикину изложил, а публично – со страниц «Солидарности». Что же касается «публичной болезненной

критики», то это именно В. Тупикин подверг А. Шубина, А. Исаева и В. Гурболикера такой критике в «КАС-экспрессе» № 3 по следующим пунктам: «анархо-синдикалисты» Исаев и Гурболикер «отродясь выступали за независимые от работодателей профсоюзы», но став работодателями, задушили такой профсоюз в «Солидарности»; А. Исаев и А. Шубин «называли себя анархистами (Шубин – тот и сейчас себя таковым иной раз да назовет)», но вошли в руководство РСДС и в редсовет «Сферы», печатного органа РСДС; А. Исаев и А. Шубин «не раз заявляли себя интернационалистами, но пришло время чеченской кампании – и они стали на позиции великодержавного шовинизма, однозначно поддержав военную акцию ельцинского режима».

37. *“Новые левые” выходят на первое место.* (С.41) **Раздача мест проводится по единственному критерию - конфронтационности. Аргумент номинации - сильно преувеличенная картина беспорядков, никак не обусловленных “новыми левыми” идеями, даже если и предположить, что заводилы прогулки студентов обладали “новой левой” идеологией.**

«Раздача мест» проводилась по принципу массовости и политической активности. «Новые левые» в тот момент были единственными растущими и активными организациями. Если бы КАС тогда не разваливалась на глазах, а напротив, росла бы численно и активно проводила бы демонстрации, как в 1989 г., я бы написал: «Анархо-синдикалисты выходят на первое место».

38. *“Официальные средства массовой информации студенческие беспорядки 12 апреля 1994 г. замолчали”.* (С.42) *“...интервью нигде не появились”.* (С.45) - это уже о “беспорядке” 1995 г. **Я лично видел интервью Костенко со товарищи (если поток сознания человека с перекошенным лицом можно назвать интервью), но уже не помню, в каком из этих двух случаев. Содержательная сторона идей юных коммунистов (в терминах А.Тарасова - “новых левых”) журналистов не интересовала. Даже из текста Тарасова видно, что интересоваться там особенно нечем. Впрочем, в большой прессе появлялись статьи, пытавшиеся как-то систематизировать идеи лидеров “Студзащиты”.**

Я знаю, о каком интервью пишет Шубин. Это статья в «Московском комсомольце» под названием «Ублюдок на ублюдке». К студенческим беспорядкам она отношения не имеет, так как появилась между первыми и вторыми беспорядками. Статья представляет собой интервью с Д. Костенко и П. Былевским как с лидерами «Студенческой защиты» («Студенческая защита» к тому времени уже порядком «засветилась», почему и стало возможно такое интервью). О беспорядках 12 апреля 1994 г. Д. Костенко и П. Былевский говорили довольно много, но в опубликованный текст не вошло ничего (цензура!), кроме невнятного объяснения, что Д. Костенко был в апреле задержан, поскольку высокий и заметный, а лидер комсомольцев И. Маляров не был задержан, поскольку умеет «буквально растворяться в воздухе». «Содержательная сторона идей» излагалась журналистке только Д. Костенко, но из публикации в газете «выпала». Что касается П. Былевского, то он городил что-то несусветное, поскольку явился на интервью пьяным (считая, что «буржуйская газета» все равно «правды не напишет»). По утверждениям Д. Костенко (печатным, в «Новом Несторе»), П. Былевский в редакции хамил, скандалил, писал нецензурные слова на стенах коридоров, сожрал без разрешения принадлежавшую обалдевшей журналистке коробку конфет, пугал сотрудников редакции, врываясь в кабинеты с криком «Хайль Гитлер!», а завершил все тем, что справил малую нужду из окна редакции на стоящие внизу автомобили. К статье прилагались фотографии П. Былевского со стаканом в руке и ногами, положенными на стол, и Д. Костенко с, как справедливо написал А. Шубин, перекошенным лицом.

39. *“...анархисты на практике постоянно стремились провести принципы “стихийности”...* (С.48) **Критикуя “авторитарных” и “обюрократившихся” лидеров КАС за защиту организованности, А.Тарасов, сам того не ведая, опроверг этот свой тезис.**

Здесь мания величия у А. Шубина переходит в бред отношения. Если бы А. Шубин не был так патологически обидчив, то он бы обратил внимание, что все выражения об «обюрократившихся вождях КАС» и т.п. у меня закавычены – то есть это не мои слова (если бы я так думал, я бы написал это без кавычек), а изложение формулировок критиков А. Исаева и А. Шубина. Лично я, напротив, считаю, что неспособность «вождей КАС» создать нормальный аппарат (бюрократию) была одной из причин развала КАС.

40-44

40. *“В результате Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС) была создана на столь широких и аморфных конфедеративных принципах, что оказалась не в состоянии противостоять самораспаду”.* (С.48) И здесь внимательный читатель легко заметит, что вывод А.Тарасова продиктован догмой и противоречит его собственному материалу. КАС фактически распался из-за идейных разногласий, а не мягкости организационной структуры. Если бы организационная структура была чуть жестче, он остался бы сектой, подобной большинству других “леворадикальных” организаций.

Не понимаю, в чем противоречие. Шубин подтвердил то же, что написано и у меня: если бы «организационная структура была жестче», КАС бы не распалась.

41. *“...в декабре 1995 г., когда в АДА вступила в полном составе Московская организация КАС...”* (С.49) Как член МО КАС, не вступивший в АДА, являюсь живым опровержением этого тезиса.

В. Тупикин обладал императивным мандатом от всех членов МО КАС на вступление МО КАС в АДА. Об этом написано в прессе и КАС («КАС-контакт»), и АДА («Бюллетень АН-ПРЕСС»). Если Шубина не спросили о вступлении в АДА, значит, его к этому периоду уже никто не считал членом МО КАС. 2 ноября 1994 г. МО КАС специально собиралась, чтобы рассмотреть вопрос об исключении Шубина из КАС за его работу в социал-демократических структурах. Несмотря на бурные атаки на Шубина, его тогда не исключили. В. Тупикин утверждает, что этого не сделали, чтобы не повторять судилище над Бузикошвили и Кучинским, поскольку та история «оставила тяжелый осадок у многих московских анархистов, в том числе и некоторых инициаторов исключения» (видимо, имеется в виду сам Тупикин – см. замечание Шубина № 29). П. Рябов утверждает, что А. Шубина не исключили потому, что он настаивал на своей приверженности анархизму и утверждал, что его работа в рядах социал-демократов проводится с целью внедрения в ряды социал-демократии революционных идей и не противоречит духу и букве Оргдоговора КАС, и убедительно доказать обратное ему В. Тупикин не смог. М. Цовма утверждает, что Шубин просто сначала всех «разжалобил» своими «мантрами», что он, Шубин, – «хороший», что он – «революционер», что он – «анархист» и т.п., а затем запутал всех изощренной демагогией. Н. Муравин утверждал, что А. Шубина не исключили потому, что он внятно указал, что за его исключением начнется самораспад МО КАС (которая и так существовала чисто номинально, ничего не делая как организация) и перевел разговор именно на судьбу МО КАС, после чего все забыли о Шубине и стали обсуждать тему самороспуска МО КАС. Наконец, политический противник касовцев Д. Костенко, опираясь на неизвестные мне источники, утверждал, что Шубина не исключили потому, что он в ответ потребовал исключить из МО КАС также и инициатора атаки на него В. Тупкина – за то, что тот работает в «буржуазной прессе» (в «Новой ежедневной газете»). Правда ли это, я не знаю. Но очевидно, что Шубина не исключили из МО КАС чудом и на момент вступления МО КАС в АДА остальные члены МО КАС его членом своей организации уже не считали. На собрании МО КАС 2 ноября 1994 г. присутствовали: В. Тупикин, А. Шубин, П. Рябов, Н. Муравин, М. Цовма. Н. Муравин погиб в 1996 г., М. Цовма в 1996 г. полностью отошел от общественной деятельности, П. Рябов в 1994 г. официально вышел из КАС, В. Тупикин сосредоточился на работе в организации «Хранители Радуги». В МО КАС на 2 ноября 1994 г. формально состояли еще 2 девушки, в общественной жизни не участвовавшие, поскольку они сидели дома с малолетними детьми. С тех пор они к общественной деятельности не вернулись. Можно смело говорить, что МО КАС на сегодня не существует. Если Шубин считает, что существует (и из него одного и состоит), – это у него четвертый приступ мании величия.

42. *“Теоретическая работа оказалась возложенной на плечи почти исключительно двух человек - А. Исаева и А. Шубина, причем А. Шубин очень рано сосредоточился на истории махновского движения и частных проблемах теории (федерализм, принцип “делегирования”), а А. Исаев в одиночку, естественно, не мог объять необъятное”.* (С.51) Я уж не говорю о наличии в КАС и других теоретиков помимо нас с Исаевым (А.Тарасов их цитирует и упоминает, но здесь - “забыл”). Представление о наших теоретических интересах у А.Тарасова до крайности убого. За неимением места даже для краткой библиографии наших работ того периода, укажу лишь основные ее направления. А.Исаев: история социалистических идей и социалистического движения (в том числе бакунизма, но не только), теория отчуждения, самоуправления, делегирования и федерализма, вопросы коллективной собственности и другие проблемы социального устройства, критика теории диктатуры пролетариата, синдикализм, история I

Интернационала, КПСС и СССР, анализ этого общества, футурология, педагогика, философия анархизма (личность, соотношение созидания и разрушения, пределы человечества), другие мировоззренческие проблемы (агностицизм). А.Шубин: история социальных и революционных движений (в том числе на Кубе, в Никарагуа, Боливии, на Украине, в Великобритании и др. странах - по этим темам я писал курсовые, дипломные, а потом и академические научные труды), самоуправление, социалистическое общественное устройство, педагогика (как и А.Исаев), формационная теория, проблемы постиндустриального общества, философская критика марксизма, социально-политические процессы в СССР, проблемы теологии. Думаю, список не полон - вспоминаю лишь основные темы наших публикаций, дискуссий и выступлений того времени.

Первое. Никаких теоретиков, кроме А. Исаева и А. Шубина, в КАС в тот период не было. Во всяком случае, теоретические работы этих теоретиков никому не известны. После того, как А. Исаев и А. Шубин покинули КАС в 1992 г. (А. Исаев – юридически, А. Шубин – фактически), помимо своей воли и неожиданно для себя в роли «теоретиков» оказались М. Цовма и П. Рябов. Но это произошло, во-первых, на 3–4 года позже описываемых событий, а во-вторых, с этой ролью и М. Цовма, и П. Рябов явно не справились и спустя 2–3 года также покинули КАС.

Второе. Пятый приступ мании величия у Шубина. Выдавать за «теоретические труды» студенческие работы по меньшей мере нелепо. К развитию анархистской теоретической мысли это все не имеет никакого отношения. Теоретическая работа – это создание цельных, внутренне непротиворечивых оригинальных систем (доктрин). Теоретическая работа лидеров общественно-политических организаций требует от этих лидеров создания таких цельных, внутренне непротиворечивых оригинальных систем (доктрин), опираясь на которые эти организации могли бы успешно решать поставленные перед собой задачи (для КАС это – «безгосударственный социализм»). Статьи А. Исаева и А. Шубина того времени – это в основном неоригинальные и несамостоятельные конспективные компиляции, цель которых – донести до «касовской массы» в облегченной доступной форме некоторый минимум знаний по ряду тем ряда общественных дисциплин (в первую очередь истории, политологии и истории политических учений). Работы эти откровенно школярские (хотя у Исаева, безусловно, более серьезные и талантливые, чем у Шубина; лично мне жаль, что Исаев превратился в профбюрократа, а не выбрал научную карьеру), вторичные и описательные (а у Шубина еще и содержащие зачастую фактические ошибки или сознательные искажения (замалчивания) фактов в угоду концепции – это, например, *«история социальных и революционных движений ... на Кубе, в Никарагуа, Боливии, на Украине...»*) Некоторые работы по своему содержанию к анархистской теоретической деятельности вообще никакого отношения не имеют (например, *«проблемы теологии»*). Некоторые из заявленных А. Шубиным тем выглядят анекдотично. Например, исследовать *«проблемы постиндустриального общества»* Шубин, оставаясь в рамках науки, а не фантастической литературы, не мог, поскольку нигде в мире такое общество пока еще не возникло.

43. *“К П.А. Кропоткину лидеры и идеологи “Общины” и КАС относились с почти нескрываемой неприязнью”*. (С.51) Мы с ним не были согласны, но относились добродушно, участвовали в кропоткинских чтениях, выявляли рациональное зерно в этом учении (например, интересную теорию взаимопомощи как эволюции, ясное осуждение терроризма, анархо-патриотизм в период Первой мировой войны, эволюционизм позднего Кропоткина).

О «добродушии» можно судить по статье А. Исаева и В. Гурболикера «Верный ученик Бакунина?» в «Общине» и по сознательному замалчиванию Кропоткина на первом этапе деятельности «Общины»/КАС (до появления собственно анархо-коммунистов). О том, что во взглядах П.А. Кропоткина *«рационально»*, а что – нет, спорить не буду: это явно не по теме, отмечу только, что включение в этот список *«анархо-патриотизма»* Кропоткина в период I Мировой войны – анахронизм, вызванный известной позицией А. Шубина в Чеченской войне.

44. *“Нельзя достоверно сказать, насколько хорошо был изучен П.-Ж. Прудон (впечатление такое, что взгляды Прудона А. Исаевым излагались по книге М.А. Бакунина и Д. Гильома “Анархия по Прудону”, впрочем, П. Рябов был знаком и с книгой П.-Ж. Прудона “Французская демократия”). Макс Штирнер, похоже, также был известен в основном по книгам Д. Маккея (Маккая) и М. Курчинского (с добавлением главы “Святой Макс” из “Немецкой идеологии” К. Маркса и Ф. Энгельса). Написано так, будто речь идет о прошлом веке. Хотя для того, чтобы хоть что то “сказать достоверно”, А.Тарасову достаточно было набрать номер телефона и спросить “объект исследования”: что читал, а что нет. Сообщаю эту страшную тайну. Из названных авторов мы с Исаевым читали Прудона “Что такое собственность” и “Французскую демократию”. Особого*

впечатления эти книги не произвели. Политическая концепция Прудона была нам известна по Эльцбахеру. Мы обрадовались, что Прудон пришел к выводам, близким к нашим. Считать Прудона источником наших взглядов нельзя - все, что мы от него унаследовали, было освоено через посредство Бакунина. До много дошли сами. Книга “Анархия по Прудону” интересовала нас как феномен бакунизма. Исаев показал, что она отчасти принадлежит перу Бакунина. Штирнер нас тогда не интересовал как явление очень далекое от наших взглядов.

Первое. Верю, что Исаев и Шубин читали «Что такое собственность» и «Французскую демократию» Прудона, а в их печатных текстах это не проявлялось именно потому, что Прудон на них *«не произвел»*. Но дело в том, что общественный интерес представляет не круг чтения А. Исаева и А. Шубина как частных лиц, а отражение прочитанных авторов и произведений в печатных текстах и устных выступлениях, то есть в той степени, в какой это становилось фактом общественной деятельности А. Исаева и А. Шубина. А в них чтение произведений Прудона никак не ощущалось. Похоже, Шубин опять путает себя и Исаева с КАС в целом (шестой приступ мании величия), полагая, что любой текст, прочитанный им или Исаевым, автоматически становится доступным сознанию любого члена КАС.

То, что *«политическая концепция Прудона»* была известна А. Исаеву и А. Шубину из Эльцбахера и Бакунина и из «Анархии по Прудону», видно из текстов Шубина и Исаева – и я об этом писал (безо всякого осуждения).

Второе. Фразу *«Мы обрадовались, что Прудон пришел к выводам, близким к нашим»* я воспринимаю как седьмой приступ мании величия у Шубина. Прудон все-таки пришел к этим выводам на 150 лет раньше Шубина!

Третье. Фразу *«Считать Прудона источником наших взглядов нельзя – все, что мы от него унаследовали, было освоено через посредство Бакунина»* понимать решительно отказываюсь, поскольку из нее следует, что Прудон все-таки был источником, а Бакунин – лишь посредником.

Четвертое. Существует более распространенная точка зрения на то, кто *«показал, что «Анархия по Прудону» отчасти принадлежит перу Бакунина»*. Согласно этой точке зрения, «показала» это профессор Н.М. Пирумова. Но если Шубин говорит, что это был Исаев, наверное, так и есть.

Пятое. Объясняю, почему я «лично» Шубину не позвонил и «лично» у него ни о чем не спросил. За время, пока я собирал материал о леворадикалах, я постоянно слышал жалобы на двух человек, что они пытаются переписать историю анархизма последних лет в выгодном для себя свете (то есть фальсифицировать). Одним из этих двух был Шубин. Говоря иначе, доверяя к Шубину как к источнику по этой теме у меня нет никакого.

45-49

45. *“В целом же теоретическая база “Общины” и ранней КАС поражала редкой для анархистов узостью. Лидеры КАС, безусловно, были знакомы с работами Элизе Реклю, Макса Неттлау и Джемса Гильома, но общие представления об анархизме черпали, судя по всему, из книги П. Эльцбахера и советских источников, в первую очередь, работ Ю.М. Стеклова. За пределами активного изучения и использования оставался не только, например, первый анархистский классик Вильям Годвин (судя по программной статье лидеров КАС “В поисках социальной гармонии”), но и богатый набор идей русских анархистов начала века (анархистов-кооператоров, анархистов-биокосмистов, анархо-синдикалистов, анархо-индивидуалистов, анархистов-федералистов, пананархистов и т.д.). Единственным исключением был введенный А.Исаевым в активный оборот в пропаганде “Общины” и КАС в 1988-1989 гг. Яков Новомирский”.*

“Недостаточное знание собственно анархистских источников естественным образом принуждало лидеров и идеологов КАС прибегать к “чуждым”, т.е. неанархистским источникам. Помимо народников (особенно П.Л. Лаврова), которые изначально пользовались большим авторитетом в кругах “Общины”, интенсивно привлекались тексты марксистов всех направлений: начиная с Маркса и Троцкого и кончая лидерами западной социал-демократии Отто Бауэром и Карлом Каутским, а также тексты эсеров, в первую очередь В.М. Чернова”. (С.52) Здесь путаница у А.Тарасова продолжается, но дело даже не в этом. Выясняется интересная концептуальная особенность этого автора. Он полагает, что взгляды общественных деятелей могут только заимствоваться, и при этом должны заимствоваться из “своего источника”. У коммуниста - из коммунистического, у либерала - из либерального, у анархиста - из анархического. Если

человек пришел к каким-то выводам самостоятельно или заимствовал мысль у “не своего” автора, это говорит о его ущербности. Бедный А.Тарасов. Похоже, он всю жизнь питался задами чужих теорий узкого коммунистического спектра от ленинистов до “новых левых” коммунистов.

Что касается “узости базы”, то А.Тарасов нам льстит. Похоже, ни у одного из героев его повествования нет такой широкой “базы”, которую он здесь описал. Кто из лидеров общественных организаций в 80-е гг. (когда литература еще не была особенно доступна) читал авторов в спектре от Чернова до Неттлау и от Гильома до Каутского? Анархо-синдикалисты 20-х гг. нами были освоены (ниже А.Тарасов признал, что ему это известно, так что здесь он просто кривит душой). Общее представление об анархизме мы черпали из Бакунина и Кропоткина. Но круг нашего чтения не определялся партийными рамками. Если кратко перечислить круг авторов, оказавших на нас наибольшее воздействие, то надо назвать К.Маркса (особенно раннего), М.Бакунина, Я.Корнея, М.Ганди, В.Чернова, Я. Новомирского, О.Тоффлера и Э.Бернштейна (двое последних - в пересказе). На неанархический характер части этих авторов нам было “начхать”. В пересказе пользовался популярностью Г.Маркузе. Когда я в 1990 г. познакомился с его оригинальными текстами, то был сильно разочарован марксистским догматизмом этого автора. В 1990 г. воздействие на наши взгляды оказал Э.Фромм. Годвина, как и Штирнера, мы первоначально относили к либералам. В любом случае его взгляды (в довольно адекватном пересказе) воспринимались как сильно устаревшие. Оценка Годвина как не анархиста присутствует и в современной литературе, но сейчас я с ней уже не согласен.

Анархисты первой трети века читались довольно активно (потом по некоторым из них я даже написал диссертацию), но уровень анархистской мысли этого периода мы не считали высоким и почти ничего не заимствовали. Фактически признав отсутствие такого заимствования, А.Тарасов по ходу разрушил свой миф о том, что идеологи КАС находились на уровне развития теории начала века (этот миф он заимствовал у С.Фомичева).

Упоминание Каутского, Троцкого и Лаврова в качестве нашей теоретической базы связано с грубой методологической ошибкой А.Тарасова - он путает привлечение высказываний и статей в целях агитации с “теоретической базой” и теоретическими источниками. Лавристами мы не были, зато процитировали красивую фразу этого автора в нашей декларации. С марксистскими авторами были согласны отчасти и публиковали то, что считали полезным с точки зрения разрушения идеологических стереотипов, сложившихся в обществе. Эта путаница встречается у А.Тарасова и ниже, когда он объясняет наше внимание к А.Солженицыну каким-то “теоретическим голодом”.

Первое. Чем я всю жизнь питался – это, безусловно, мое личное дело. Но вот концептуально Шубин, действительно, меня совершенно не понимает. Разумеется, я не считаю, что взгляды «общественных деятелей» (это Шубин о себе) «могут только заимствоваться». Проблема лишь в том, что я в текстах самого А. Шубина ничего незаимствованного не обнаружил. И, разумеется, нет никаких «запретов» на «пользование источниками». Речь о другом. Если Шубин строит свою идеологию путем механического соединения разных источников, большинство из которых носит неанархистский характер, почему он – «анархист»? Такие вещи определяются не путем самоназвания. Бойцы «Исламского джихада» могут перейти в католичество, отправиться в паломничество в Лурд и во всем слушаться папу римского, не сменив названия организации, но тогда «Исламский джихад» все-таки уже не будет мусульманской фундаменталистской организацией. Это только «Московский комсомолец» может стать либерально-бульварной газетой, но продолжать писаться «комсомольцем».

Второе. Наблюдается восьмой приступ мании величия у Шубина. Вынужден напомнить А. Шубину, что очень многие лидеры неформалов конца 80-х гг. читали авторов в гораздо более широком спектре, чем А. Шубин – это касается, например, братьев Чубайсов на одном конце политического спектра и Кагарлицкого с Кудюкиным – на другом. Я лично могу плохо относиться, например, к Чубайсам, но я не могу не признать, что из их выступлений конца 80-х видно, что они читали такую литературу и таких авторов (в том числе и на недоступных Шубину языках), какие А. Шубину и не снились. То же самое касается и Кагарлицкого с Кудюкиным. Кстати, спектр «от Чернова до Неттлау и от Гильома до Каутского» чрезвычайно узок – это всё представители социалистического лагеря, притом что Неттлау и Гильома я бы не рискнул зачислить в теоретики: это скорее популяризаторы чужих теорий.

Третье. Об *«анархо-синдикалистах 20-х гг.»*. Шубин опять то ли сознательно передергивает, то ли вновь читает не то, что написано, а то, что ему хочется. Я писал о «богатом наборе идей русских анархистов начала века (анархистов-кооператоров, анархистов-индивидуалистов, анархо-синдикалистов, анархистов-федералистов, пананархистов, анархистов-биокосмистов и т.д.)».

Четвертое. Защита Шубиным диссертации в 1993 г. к событиям 1988–1989 гг. никакого отношения не имеет, поскольку послать из 1993 г. в 1988-й свою диссертацию для ознакомления с ней «широких масс анархистов» Шубин все-таки не мог.

Пятое. Вновь (в девятый раз) приступ мании величия у Шубина. Почему-то он считает, что если он или А. Исаев что-то прочли, то это становилось теоретическим достоянием всей КАС. Ничего подобного. Теоретическим достоянием всей КАС становилось только то, что было широко опубликовано в прессе КАС, могло быть прочитано и усвоено рядовыми касовцами. По статье Исаева «Второй призыв» видно, что наследие *«анархистов первой трети века»* освоено даже А. Исаевым не было, поскольку статья эта чудовищно халтурна. Сам Шубин, отругиваясь от критики С. Фомичева, признал, что *«с теоретическими работами анархистов начала века мы ознакомились уже после того, как сформировали свою систему взглядов»* (то есть «общинный социализм», то есть после 1989 г.) (см. «Третий путь», № 48. С. 17). Что касается «уровня развития» русских анархистов начала века, с одной стороны, и А. Исаева и А. Шубина – с другой, то, думаю, все-таки русские анархисты-теоретики начала века находились на более высоком уровне теоретического развития, чем А. Исаев и А. Шубин в 1988–1989 гг. В отличие от С. Фомичева я думаю, что в 1988–1989 гг. А. Исаев и А. Шубин пребывали не на уровне начала века, а на уровне XIX в.

Шестое. Относительно моей *«грубой методологической ошибки»* с Каутским, Троцким и Лавровым. Перепечатка теоретических текстов неанархистских авторов в касовской («партийной») прессе есть введение этих текстов в сознание касовцев с тем, чтобы они могли этими текстами (и изложенными в них взглядами) самостоятельно оперировать. Именно так и создается теоретический багаж. Иначе получается какая-то шизофрения: лидеры КАС – анархисты пропагандировали взгляды неанархистов из чистой любви к этим неанархистам (например, к Солженицыну), но в то же время не печатали тексты собственно анархистов (например, начала века) – видимо, рядовые касовцы должны были знакомиться со взглядами этих теоретиков путем телепатической связи с головами А. Исаева и А. Шубина.

Кстати, о Лаврове. Лавров использовался гораздо шире одной *«красивой фразы»*. *«Лавристом»* Шубин, может быть, и не был, но даже в 1994 г. он писал: *«Я сначала народник..., а уж потом анархист»*.

46. *«Расширение теоретического багажа КАС происходило медленно и осторожно. Первый текст видного анархо-синдикалиста Г.П. Максимова был напечатан в “Общине” только в мае 1989 г., а анархистскую “классику” - работы Бенджамина Р. Таккера лидеры КАС “привлекли” к пропаганде лишь в сентябре 1989 г., несмотря на доступность источника»*. (С.52) **Яркий пример путаницы между временем знакомства с источником и временем, когда мы сочли нужным его напечатать. Г.Максимов был известен нам с 1988 г. Таккера “привлек” П.Рауш тогда же. Мы сочли его слишком правым, чтобы печатать немедленно. В порядке плюрализма все же напечатали. Напомню, однако, что “Община” не была хрестоматией по истории анархистских идей. У нее были и другие задачи.**

Вновь то же самое. Десятый приступ мании величия у Шубина. Шубин опять пугает себя и Исаева с КАС в целом. Лично Шубин и Исаев могли читать что угодно – хоть Якова Бёме, хоть Альфреда Розенберга, хоть Леопольда фон Захер-Мазоха. Феноменом общественной жизни это не становилось. Феноменом общественной жизни становились те тексты, которые публиковались в «партийной» (касовской) печати.

47. *«...в качестве “теоретика анархизма” присутствует Махатма Ганди..”*. (С.52) **И справедливо присутствует. Концепция М.Ганди вполне соответствовала анархистской модели, что он сам признавал. Кстати, я пришел к выводу, что являюсь анархистом, после того, как прочитал у Ганди, что он - анархист.**

Ганди мог себя называть как угодно. Он себя называл также и социалистом, и коммунистом (Шубин наверняка это знает). В реальности Ганди был религиозным (реформаторско-индуистским) националистом – в политике, противником индустриальной цивилизации и сторонником возвращения к доиндустриальным отношениям – в экономике. К анархистам Ганди нельзя отнести по одной простой причине: анархисты выступают против существования государства как такового, а Ганди не был противником государства, он был сторонником «ненасильственного государства» (но даже это «ненасилие» было неполным: Ганди оставлял за государством право конфискации частной

собственности «с минимальным использованием принуждения» – это в теории; а на практике в 1947 г. Ганди посоветовал тогдашнему премьеру Индии Д. Неру использовать армию для борьбы с сепаратизмом в Джамму и Кашмире). Шубин давно пытается навязать всем образ и идеи Ганди не в том виде, какими они были в реальности, а в том, какими их хочет видеть сам Шубин.

48. *“Удивительным образом Конфедерация анархо-синдикалистов игнорировала собственно анархо-синдикалистскую литературу, существовавшую на русском языке: книги Ж. Сореля, Г. Лагарделя. Э. Пуже, Х. Маурина и др.” Сореля читали - без особого восторга (к “табуированным” источникам - С.55 - он никак не относится). Из анархо-синдикалистов хорошо знали также Г.Максимова, В.Волина и А.Шапиро. Разумеется знать - не значит во всем соглашаться.*

Одиннадцатый приступ мании величия у Шубина. См. ответ на замечание № 46. Что касается «табуирования» Сореля (с. 55), то это вновь пример перехода мании величия в бред отношения. Ни Шубин, ни Исаев на с. 55 ни разу не упоминаются. «Табуированным» Сорель был не для Шубина, а для троцкистов (что легко понять, если еще раз посмотреть на с. 55). Троцкисты традиционно шельмуют Сореля как «анархиста», «извратителя марксизма» и «предтечу фашизма».

49. *“...история анархизма была для них интереснее философии анархизма”.*(С.52) **Вывод ничем не доказан. Просто философию анархизма мы осваивали в более спокойное время 1985-1987 гг. (также как наши младшие товарищи - в 90-е гг.).**

Допускаю, что Шубин прав: философию анархизма лидеры КАС осваивали в 1985–1987 гг. (хотя это и противоречит его же замечанию № 14). Но именно философию (и не только анархизма) А. Исаев и А. Шубин так и не освоили, насколько можно судить из их текстов (в сравнении, например, с текстами В. Дамье это просто бросается в глаза).

50-54

50. *“Под влиянием Д. Костенко журнал и Беспартикола превратились в “идеологическую червоточину” КАС, поскольку сразу же стали демонстративно ориентироваться не на анархистскую классику XIX в., а на идеологический багаж “новых левых” середины и второй половины XX в. само название журнала было взято у Г. Маркузе, в качестве девиза был выбран лозунг “парижских бунтарей” 1968 г. “Будьте реалистами, требуйте невозможного!”* (С.52) **Д.Костенко вел себя тише воды до 1991 г. Все его предложения с публикацией материалов о “Красном мае” и Маркузе приветствовались. Только он все никак не мог закончить статью. “Червоточить” пытался П.Рябов - с либеральных, деэсовских позиций. 1-м номером “Великого Отказа” мы были довольны, поскольку сами тоже очень любили этот лозунг.**

Я знаю, что личная неприязнь Шубина к Костенко доходит до уровня личной ненависти, а всех, кого Шубин ненавидит, он старается представить интеллектуальными и политическими пигмеями. Я думаю, мне известны, корни такой ненависти Шубина к Костенко. Между Шубиным и Костенко постоянно происходили стычки из-за того, что Костенко носил на груди значок со столь ненавистным Шубину Че Геварой. Шубин регулярно требовал снять значок, поскольку Че – «авторитарист». Костенко обычно возражал в духе, исключаящем теоретическую полемику: «А мне нравится!». Но однажды, как вспоминал Н. Муравин, Костенко сорвался и ответил Шубину по-простому: «Отъе...сь! Зубы выбью!». Шубин тихо отошел. Насколько я знаю Шубина, таких вещей он никогда не забывает и не прощает.

Костенко, который, по Шубину, «вел себя тише воды до 1991 г.», был организатором ряда «оранжевых» акций и хэппенингов, демонстрации 8 ноября 1990 г. и т.д. Из-за этого постоянно возникали конфликты между Костенко и руководством МО КАС (см. ответ на замечание Шубина № 28). На III съезде КАС осенью 1990 г. Д. Костенко более чем резко напал на Исаева и Шубина, обвинял их в навязывании КАС «личной диктатуры» и выступал (впрочем, как все «молодые») за более широкую организационную и идеологическую структуру КАС.

На предварительном собрании к III съезду КАС и на III съезде КАС Костенко просто кидался на Шубина (возможно, что и с «перекошенным лицом») в связи с процедурой отказа КАС от участия в Учредительном съезде «ДемРоссии». Дело в том, что когда Б. Кравченко принес касовцам весть, что им выделен мандат на съезд «ДемРоссии», из «вождей» КАС присутствовал только Шубин. На вопрос Кравченко «что делать?» Шубин ответил: «Выходить из “ДемРоссии”». Кравченко так и заявил на оргкомитете съезда: «КАС из «ДемРоссии» выходит». Костенко в связи с этим на III съезде возмущался и кричал: «Что же это за «анархическая организация» и «система консенсуса», если все решает один Шубин, никого не спросив?!». Костенко на съезде обвинил Шубина не только в

присвоении себе права решать за всю КАС, но и в нанесении «политического ущерба репутации» КАС: по мнению Костенко, правильнее было пойти на съезд «ДемРоссии» и уже там, с трибуны, «перед сотнями телекамер», подвергнуть «ДемРоссию» «сокрушительной критике» и уйти, громко хлопнув дверью (что привлекло бы к КАС всеобщее внимание).

Д. Костенко, который *«все никак не мог закончить статью»*, уже в октябре 1990 г. опубликовал в № 1 «Великого Отказа» целых две полновесных статьи – о «Красном Мае» и с изложением взглядов Франкфуртской школы на роль рабочего класса как революционного агента. Сомневаюсь также, что А. Шубин и А. Исаев *«были довольны»* № 1 «Великого Отказа», поскольку в этом номере был напечатан высмеивающий Исаева анекдот. О лозунге «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», который так полюбился Шубину, хочу специально сообщить, что его автором был столь ненавистный Шубину Че Гевара.

51. *“У них нет секретариатов и секретарей - как у всякого нормального стада, у них есть только вожаки”, - объяснял осенью 1988 г. А. Исаев молодежи КАС.*” (С.53) **Судя по сноске, это не цитата, а пересказ какого-то недобросовестного оппонента А.Исаева. Насколько искажена мысль, ясно из того факта, что в “Общине” тоже не было секретариата, а секретарь если и был, то для чисто формальных нужд. Будучи “вожаком”, А.Исаев не был секретарем, но не считал, что “Община” - это стадо.**

На что Шубин обиделся, я не понимаю. Нигде у меня не сказано, что Исаев был секретарем КАС и нигде я не писал, что КАС – стадо. Если Исаев таких «разъяснений» об автономах никогда не давал – почему он публично не опроверг напечатанное еще в 1993 г.?

52. *“Великий Отказ” подорвал монополию на идеологию, которую пытались присвоить себе “исторические лидеры” КАС.* (С.53) **Тезис о “идеологической монополии” автор сам легко опровергает перечислением части изданий, выпускавшихся КАС в самых разных городах. Вероятно, А.Тарасов полагает, что “исторические лидеры” КАС ездили по городам и весям, осуществляя цензуру. Единственное условие, которое большинство КАС ставило изданиям - отсутствие пропаганды насилия. Да и оно иногда нарушалось.**

Это вновь – пример демагогии. Провинциальные касовские издания – небольшие по объему газетки – не печатали никаких самостоятельных теоретических текстов (у них не было теоретиков). (В *«всех»* (т.е. в селах) вообще таких газет не было.) В этих газетках печаталось что угодно, но не теоретические работы, а если и появлялись какие-то обрывки теоретических текстов или текстов с намеком на теоретизирование, то это были, как правило, перепечатки из «Общины» текстов Исаева и Шубина. С этой практикой покончил именно «Великий Отказ».

53. *“Для последующих этапов анархо-движения важным было также то, что “Великий Отказ” дал возможность проявить себя В. Дамье, будущему лидеру ИРЕАН, ГРАС и КРАСМАТ, который в области теории был безусловно более образован, чем “исторические лидеры” КАС, но которого последние, рассматривая как “идейно вредный элемент”, старались изолировать от касовской молодежи”.* (С.53) **В.Дамье “проявил себя” уже в 1989 г., участвуя в разработке программы КАС - ему принадлежат экологические формулировки. Никакой возможности “изолировать” В.Дамье от молодежи не было физически - он ходил на те мероприятия, на какие хотел. Просто он тогда еще не афишировал свою принадлежность к анархизму. Различие взглядов с В.Дамье фиксировалось, но тезис об идейной “вредности” принадлежит исключительно А.Тарасову.**

Не понимаю, как В. Дамье мог *«не афишировать свою принадлежность к анархизму»*, если он был членом КАС с I съезда КАС. Тезис об «идейной вредности» мною почерпнут сразу из трех источников: от самого В. Дамье, от Д. Костенко и от П. Рябова. Они независимо друг от друга так это помнят. Изолировать В. Дамье от молодежи А. Исаев и А. Шубин старались вовсе не *«физически»*, а более хитроумным путем – не оповещая его о собраниях, перенося «на следующий раз» его выступления и т.п. Сам В. Дамье высказал мнение, что дело было не только в «идейной вредности», но и в том, что А. Шубин и А. Исаев боялись конкуренции, сознавая, что по целому ряду вопросов В. Дамье гораздо лучше их «подкован». Сейчас, читая замечания А. Шубина, я склоняюсь к мысли, что это предположение В. Дамье совершенно справедливо, и жалею, что не упомянул о нем в книге.

Напоминаю также Шубину, как он на пару с Исаевым поздней осенью 1990 г. при свидетелях выражал радость, что Дамье удалось изолировать от червяковцев, и потому *«он не может дать этой урле идеологию»*.

54. *Фомичев признает организационную и теоретическую несостоятельность как анархо-синдикалистов, так и анархо-коммунистов (которых он называет “революционными”*

анархистами)...” (С.65) Додумывая за С.Фомичева, А.Тарасов забыл о том, что Фомичев сам - анархо-коммунист.

А. Шубин пытается вновь реанимировать свою полемику с С. Фомичевым на страницах «Третьего пути» (см. статью Шубина «Соблазны радикализма». – «Третий путь», № 48). Напомню, что С. Фомичев – лидер вовсе не анархо-коммунистической группы (он эти группы довольно резко критиковал, см. его статью «Прелюдия к анархизму»), а радикально-экологической группы «Хранители Радуги». Себя Фомичев называет «экоанархистом». Анархо-коммунисты (в частности, ИРЕАН) в статье С. Фомичева называются «революционными анархистами» – я ничего за С. Фомичева не додумал. Сам Шубин в статье «Соблазны радикализма» тоже именуется Фомичева «экоанархистом» (а также «букчинистом»). Крайнее раздражение А. Шубина в отношении его давнего оппонента С. Фомичева объясняется тем, что на критику С. Фомичева в адрес лично А. Шубина тот ничего вразумительного возразить не смог. Возражения он заменил, как и в случае с данными замечаниями, наклеиванием ярлыков, личными оскорблениями, безудержным самовосхвалением и фальсификацией истории анархизма.

55-61

55. *“...предложив в качестве лекарства от всех болезней опыт “исторических лидеров” КАС, т.е. уход из анархистского движения ради решения конкретных “оперативно-тактических” задач в рамках других, не анархистских движений и структур. Последнее, возможно - разумное предложение, но все же его нельзя считать путем вывода анархистского движения из кризиса, это, безусловно - капитуляция перед лицом кризиса: вплоть до упразднения анархистского движения вообще”.* (С.65) **Это обо мне. Хочу напомнить, что самосохранение анархистского движения не может быть его самоцелью. Если для приближения анархии полезно, чтобы в обществе было меньше экзальтированных личностей, называющих себя анархистами, то преодоление кризиса движения - это отдаление от тусовок таких личностей. Что я и делаю в полном соответствии с решениями КАС о работе в массовых организациях. Для той части движения, которую я представляю, старый кризис был преодолен еще в 1993 г.**

Мысль, что чем меньше анархистов в природе останется – тем лучше для анархистского движения, конечно, свежая и оригинальная. Что касается *«той части движения, которую»* Шубин *«представляет»*, то эта *«часть»* из одного Шубина и состоит. Это у Шубина двенадцатый приступ мании величия.

56. *Цветков, не являясь “зеленым”, смог подняться над многими мифами экологического движения и потому о кризисе экологизма высказался еще жестче: “...дело не в перенаселении, нации с самой низкой рождаемостью наносят биосфере максимальный ущерб... Гринпис - подставная контора, оплаченная корпорациями и пускающая в нужное русла экологическое недовольство широких масс”.* Цветков же оказался в состоянии перейти от обличений к анализу сути экологизма и первым в России совершенно верно определил экологическое движение как *“реформизм”*. (С.66) **Первый тезис Цветкова - общеэкологическая банальность. Второй - типичный миф противников Гринпис. Что касается экореформизма, то о нем пишут все кому не лень с конца 80-х гг. (О.Яницкий, С.Фомичев, В.Дамье и ваш покорный слуга). Вообще пассажи, связанные с экологическим движением, у А.Тарасова самые слабые.**

Не знаю, не знаю. В Перми, например, «Гринпис» выступил как лоббист интересов американской корпорации в ее конфликте с российскими предпринимателями. Это первое.

Второе. Шубин опять невнимательно читает. Я писал не об *«экорепформизме»*, а о том, что экологизм вообще – по своему характеру – сфера деятельности не революционеров, а реформистов. Это совершенно разные вещи.

57. *“...движение реформистское, а не революционное...”* (С.66) **Это противопоставление означает, вероятно, что А.Тарасову ничего не известно о реформах, которые проводили революционеры, причем в ходе революций. И о революциях, которые были возглавлены реформистами (Германия, Испания, Чили).**

Существует классическое разделение понятий «революция» и «реформа». Реформа – это осуществление изменений в рамках существующей системы, не нарушая «правил игры»; революция – осуществление изменений, сопряженных со сломом самой системы, с нарушением «правил игры». У Шубина, я знаю, своя собственная, доморощенная, точка зрения, высказанная им еще в 1992 г. в газете «Солидарность» в статье «Парижская Коммуна. Революционная реформа». Кроме Шубина, не знаю ни одного человека, который разделял бы шубинскую точку зрения. Приведенные Шубиным

«исторические примеры» вообще не выдерживают никакой критики и говорят против самого Шубина: все три примера (Чили, Испания, Германия) ярко показывают, что когда за дело революции берутся реформисты – это кончается победой фашизма.

58. *“...не случаен столь смущающий радикальных экологов феномен сращивания на местах “зеленых” с фашистами - например, в рядах Российской Партии Зеленых”.* (С.66) Этот **“феномен” целиком заимствован из пары клеветнических статей С.Фомичева. Из РПЗ исключают даже за национализм, не то что за фашизм. Несколько фашистов пытались вступить в РПЗ, но неудачно.**

Ну конечно, если что-то написал Фомичев – так это *«клевета»*. Почему же Шубин не опроверг *«клевету»* Фомичева, почему же он на статью Фомичева ответил нападками на Фомичева лично на страницах «Третьего пути»? Разве приведенные Фомичевым факты не соответствовали действительности – не было таких людей, текстов, изданий, действий? Но Шубин ничего этого не стал опровергать! Вместо этого он написал, что: а) Фомичев – *«неудачник неформального движения»*; б) ненавидит *«наше направление движения»* (какое? кроме Шубина в этом *«направлении»* никого нет) и Шубина лично; в) страдает *«психическими комплексами»*; г) абсолютно *«не знает предмет»*, о котором пишет; д) *«симпатизирует фашизму под зеленым знаменем Аллаха»*; е) *«увлекается фальсификацией истории анархизма и чужих теорий»* (то есть, попросту говоря, не соглашается признавать Шубина гением и величайшим общественным деятелем современности). Очень убедительный метод полемики!

59. *“...системность кризиса леворадикального движения видна уже из его полиморфности...”* (С.66) **Очень характерное высказывание. Вероятно, А.Тарасов полагает, что леворадикальное движение сможет преодолеть кризис только если превратится в монолитную силу. Разумеется под эгидой единственно верных идей “пролетаризма”.**

Это тот случай, когда особенности восприятия и понимания Шубина ставят меня в тупик. Решительно все, кроме Шубина, поняли, что слово *«полиморфность»* относится к слову *«кризис»* (из контекста ясно). Только Шубин почему-то решил, что оно относится к слову *«движение»*. У меня такое впечатление, что Шубину так хочется найти побольше поводов, чтобы заклеить меня как *«марксиста-ленинца»* и *«пролетариста»*, что он даже не дает себе труда внимательно вчитаться в текст.

60. *“Впрочем, члены ОПОР, насколько можно судить, не стремятся к выработке отдельной “пролетаристской” теории, а считают необходимым создание марксистской (промарксистской) теории, адекватной сегодняшнему дню.”* (С.72) **Это естественно, потому что никакого отдельного “пролетаризма” в природе нет, а ОПОР - обычные марксисты.**

Первое. Шубин пишет о том, в чем совершенно не разбирается. *«Пролетаристы»* выдуманы не мной, это устоявшийся термин со времен перестройки. Сейчас *«пролетаристских»* организаций мало, раньше было больше (Пролетарско-коммунистическая партия Калымова и т.д.). Из того, что *«пролетаристы»* на 70% (или даже на 80%) идеологически – марксисты, еще не следует, что *«никакого отдельного «пролетаризма» в природе нет»*.

Второе. Шубин видит то, что он хочет увидеть, а не то, что у меня написано. У меня написано *«постмарксистской теории»*, а не *«промарксистской»* (как читает Шубин).

61. *“В среду российских “новых левых” политическая концепция “сексуальной революции” попала, насколько можно судить, не прямо от Калверта, а через Кэт Миллет...”* (С.75) **Хитро заверчено. Но все проще - эта идея была общим местом в анархических кругах уже в конце 80-х гг. Еще в 1986 г. Исаев написал роман-хронику “Сексуальная революция в Хавронино”, который имел широкое хождение среди “Общинников”. Хабаровцы проводили даже сексуальную демонстрацию у обкома под лозунгом сексуальной революции.**

Первое. Еще один (тринадцатый) приступ мании величия у Шубина (Шубин, как и в других случаях, идентифицирует себя с Исаевым, в соответствии с известным феноменом *«расширенного я»*). Опус Исаева *«Сексуальная революция в Хавронино»*, по воспоминаниям тех, кто его читал, был литературно беспомощным произведением в стиле модного в эпоху ранней перестройки *«молодежного стёба»*. К политической концепции *«сексуальной революции»* (о которой, собственно, я и пишу) этот опус Исаева никакого отношения не имеет. Пропагандист политической концепции *«сексуальной революции»* Костенко этого произведения не читал. К представлениям Исаева и Шубина о *«сексуальной революции»* Костенко относился с явным пренебрежением и говорил: *«В духе совкового понимания этого термина они под «сексуальной революцией» подразумевали беспорядочную половую жизнь... даже к вялым потугам трансрадикалов и либертарианцев сделать что-то реформистское в этой области они относились с глумливой улыбочкой»*.

Второе. Речь вообще идет о «новых левых», а не об анархистах. Тут вновь обнаруживаются какие-то особенности психики А. Шубина. Я пишу «новые левые», Шубин читает – «анархисты»; я пишу «анархисты», Шубин читает – «КАС»; я пишу «КАС», Шубин читает – «Шубин и Исаев». Иногда еще хлеще: я пишу «леворадикалы», а Шубин сразу уверенно читает – «Шубин и Исаев». Криптолог!

62-65

62. *“Предпочтение прямой демократии, при которой в процессах управления, решения вопросов и контроля участвует все население, идет, как известно, от К. Маркса, критиковавшего представительную демократию как основанную на “ложном принципе компетентности избирателя”, однако в среде “новых левых” понятие прямой демократии пришло от Г. Маркузе”.* (С.78) **И здесь дорога прямее. Представительную демократию критиковал Бакунин, потом с ним согласился Маркс. КАС унаследовал критику от Бакунина. От Такера через посредство АССА касовцы унаследовали сам термин “прямая демократия”.**

То же самое. Я пишу о «новых левых» (причем западных!), а Шубин опять – про КАС. Да когда положение о прямой демократии вписывалось в Порт-Гуронскую декларацию, не то что КАС не было, но и Шубин еще не родился!.. Очевидно, это четырнадцатый приступ мании величия.

63. *“...анархо-синдикалисты (“Община”/КАС) считали себя последователями М.А. Бакунина (хотя тот, конечно, не был анархо-синдикалистом)...”* (С.81) **Не только Бакунина, хотя он, конечно, был анархо-синдикалистом (в частности), поскольку признавал рабочие ассоциации важным средством самоорганизации трудящихся.**

Бакунин не был анархо-синдикалистом, он был анархо-коллективистом, это и сам Шубин раньше признавал. Что касается предлагаемого Шубиным критерия, кого считать анархо-синдикалистом, то под него попадают не только все социалисты и все деятели рабочего и профсоюзного движения (даже фашистского), но и все законодатели большинства стран мира, поскольку в законодательстве этих стран прямо зафиксировано право трудящихся на самоорганизацию в форме, например, профсоюзов (то есть «рабочих ассоциаций»). Иначе как демагогией я это возражение назвать не могу.

64. *“Наибольшему идейному воздействию анархисты подверглись, как уже говорилось, со стороны идеологии “новых левых”. (С.81) Учитывая, что идеология “новых левых”, если здесь вообще можно говорить о единой идеологии, наполовину заимствована из анархизма, то правильнее говорить о воздействии отдельных “новых левых” теоретиков на отдельных российских анархистов.*

Хорошо. Пусть будет так. Формулировка «отдельные анархисты подверглись идеологическому воздействию отдельных «новых левых» теоретиков» у меня никаких возражений не вызывает. Никакой принципиальной разницы между тем, что у меня написано, и этой формулировкой нет.

65. *“Порвав с подробно разработанными классическими анархистскими системами, современные российские анархисты оказались неспособны создать взамен собственные теоретические концепции. Единственная попытка такого рода была предпринята А. Исаевым и А. Шубиным. Предложенная ими доктрина известна в анархистских кругах под названием “общинного социализма” и построена была в основном путем механического соединения отдельных положений М.А. Бакунина, П.-Ж. Прудона с идеями “рабочего самоуправления” и, как ни странно, с идеями неолиберализма в духе Фридриха фон Хайека и Людвиг фон Мизеса. В окончательном виде доктрина “общинного социализма” была зафиксирована в Программных принципах КАС. Доктрина рассматривала в качестве общественного идеала “безгосударственный социализм”, в котором основной формой собственности должна являться собственность трудовых коллективов на средства производства...”*

Концепцию “общинного социализма” нельзя признать удачной, так как она помимо многочисленных недоработок изначально содержала откровенные противоречия: ... “ликвидация государства” сочеталась с существованием фактически государственных (квазигосударственных) образований (“федераций”), поддерживающих между собой дипломатические отношения...” (С.82)

В этом фрагменте А.Тарасов совершенно безуспешно пытается воздвигнуть целый частокол мифов. Во-первых, никакого разрыва с анархистскими системами быть не могло, потому что целиком ни одну из них мы не разделяли. Ближе всего мы стояли к Бакунину и Ганди, но отношение к ним в КАС практически не менялось.

Во-вторых, Прудон, как уже говорилось, не относится к источникам наших взглядов, равно как и упомянутые выше либералы. Их А.Тарасов приплет вероятно из-за публикаций в пропагандистских целях текста Хайека. Из либералов можно вспомнить добрым словом Я.Корнея, который помог нам в критике госсocialизма.

В-третьих, выступая за самоуправление, мы не выступали за преимущественные права рабочих.

В-четвертых, безгосударственный социализм не рассматривался в качестве общественного идеала. Это - переходная стадия к анархии, возможная уже на нынешней стадии развития общества. Идеал описан выше, до упоминания социализма. Из непонимания этого очень простого, даже для марксиста, положения вытекает дальнейшая путаница А.Тарасова, когда он “находит противоречия” в тезисах, относящихся к совершенно разным стадиям развития.

В-пятых, мы выступали против “партийных номенклатурных систем”, но не за “отсутствие” партий - не запрещать же их.

В-шестых, в описании социализма говорится не “о ликвидации государства”, а о замене федерацией “нынешнего унитарного централизованного государства”. Ради доказательства своей идеи-фикс А.Тарасов опять пошел на прямой подлог.

В-седьмых, придуманы какие-то дипломатические отношения внутри федерации.

В-восьмых, остальные противоречия, “открытые” А.Тарасовым в программе КАС, связаны с тем, что его терминология расходится с терминологией авторов программы. Это проблема не теории, а А.Тарасова. Пропаганде идей КАС терминологические разногласия с марксистами-ленинцами не мешали.

В качестве “последнего аргумента” теоретической слабости идеологии анархистов А.Тарасов приводит мнение К.Перевезенцева (С.87), который никогда не был теоретическим авторитетом в анархических кругах.

Первое. Пятнадцатый приступ мании величия у Шубина. Я пишу обо всех российских анархистах, а он опять – о себе с Исаевым. Ну надоело уже!

Второе. О Прудоне. См. замечания №№ 19 и 21 и ответы на них. Экономически Шубин и Исаев были последователями именно Прудона. Если Шубин сам этого не осознавал (и не осознает до сих пор) – это не аргумент. Пусть перечитает Прудона и сравнит со своими статьями.

Третье. Идея «свободы личности» в сочетании с идеей «свободы рыночных отношений» (с полным устранением вмешательства государства в рыночные отношения) – это чистейшей воды идея неолиберальная. Использование текстов Хайека просто подтверждает тот факт, что А. Шубин и А. Исаев осознавали близость своих установок установкам неолибералов (и идентичность в ряде вопросов). Почему Шубин этого стесняется – я не понимаю. Советник известного неолиберала Б. Немцова, наоборот, должен этим фактом козырять: вот, мол, я был неолибералом уже тогда, когда у нас никто им не был!

Четвертое. О «Корнее». Никакого Корнея в природе нет. Есть Янош Корнай. Судя по тому, что Шубин не может даже правильно его фамилию написать (см. также его замечание № 45), он самого Корнай не читал. Тем более, что книга Корнай «Дефицит» вышла по-русски лишь в 1990 г. (а концепция «общинного социализма» разработана в 1988–1989 гг.), по-венгерски же Шубин не читает. Более того, Я. Корнай не занимался «критикой госсocialизма», он исследовал особенности функционирования экономики в странах советского блока (в первую очередь, в Венгрии, экономика которой была очень «рыночной» по сравнению, например, с СССР). Книга Я. Корнай вышла в Венгрии в 1982 г. и, строго говоря, предлагала варианты объяснения существования дефицита в экономике стран восточного блока и намечала некоторые пути борьбы с дефицитом без изменения экономической системы (иначе бы ее государственное издательство массовым тиражом не выпустило – «совершенно понятно», как выражается патрон Шубина).

Пятое. Шубин и Исаев пользуются выражениями «трудящиеся» и «трудовые коллективы». Идея «самоуправления трудящихся» или «самоуправления трудовых коллективов» возникла непосредственно из идеи «рабочего самоуправления». Шубин в последнее время демонстрирует свою неприязнь к рабочим (это видно и по его замечаниям). Очевидно, он не может простить рабочим того, что те не признали КАС и лично Шубина своими вождями. Шубин придирается к словам, надеясь, что потенциальному читателю, незнакомому с левой литературой, неизвестно, что последние 2–3 десятилетия у левых всего мира понятия «рабочие», «трудящиеся» и «наемные работники» практически стали синонимами.

Шестое. Говоря, что *«безгосударственный социализм ... – лишь переходная стадия к анархии»* (идеалу) и что этот *«идеал описан выше»*, Шубин элементарно лжет. Нет в сочиненном им и Исаевым тексте такого противопоставления. В документе говорится об *«анархии»*, затем – о *«безгосударственном социализме»*, но нигде не сказано, что это – две стадии, и никак не объяснено, чем же *«анархия»* отличается от *«безгосударственного социализма»*. Там есть другое. Есть III часть – *«Первый шаг»*, где предложены совершенно безграмотные и откровенно утопические меры по проведению экономических, социальных и политических реформ в СССР в *«ближайшие годы»*. *«Первый шаг»* самими касовцами вскоре был признан *«устаревшим»* и аннулирован. Несовершенство собственной *«теоретической»* разработки Шубин пытается сегодня прикрыть измышлениями о *«двух стадиях развития»*.

Седьмое. О партиях. Опять ложь. Пункт «Г» Программного документа – *«Беспартийная система»* прямо говорит об отсутствии партий, а не *«партийных номенклатурных систем»*. С точки зрения Шубина и Исаева, *«с отказом от государственной централизации и органов «представительной демократии» перестанут существовать и политические партии – эти огромные централизованные мафиозные тресты, направленные на захват и удержание власти. Система делегирования сделает невозможным выдвижение и подбор кандидатур по номенклатурным спискам партийных бюрократий. Надобность в подобных централизованных политических уродцах отпадет и они распадутся сами собой. ... Исчезнут беспринципные политические блоки, цель которых – совместными усилиями добиться успеха на выборах, захватить власть»*. Что делать с партиями, если они вопреки утопии Исаева и Шубина возникнут (запрещать или еще что), документ не сообщал. Предполагалось, что такого вообще не может быть. Кроме того, не могу не заметить, что участвуя в предвыборной парламентской борьбе в рамках РПЗ, РСДС, «Союза труда» и т.п., Шубин, конечно, *«вышел за рамки»* Программного документа (см. его замечание № 36), поскольку принял участие в *«беспринципных политических блоках, цель которых – совместными усилиями добиться успеха на выборах, захватить власть»*.

Восьмое. Насчет *«прямого подлога»*. Описанная в пункте «Б» *«федерация самоуправляющихся и автономных общин»* не предусматривает ровно никаких признаков государства или государственных органов (институтов). Община рассматривается как мельчайшая самоуправляющаяся частица общества, которая полностью контролирует экономическую, социальную и политическую жизнь на своей территории. Если хочет – она объединяется в федерацию с другими такими же общинами и, если она согласна, участвует в создании координирующих органов с другими общинами, вошедшими в федерацию, если не хочет – не объединяется, если хочет – выходит из федерации и т.п. Соседи или созданные по принципу делегирования координирующие органы не могут ничего приказать общине. Это именно ликвидация государства (любого, а не только унитарного). Де-факто община становится самостоятельным квазигосударственным образованием.

Девятое. О *«дипломатических отношениях»*, которые я *«придумал»*. А как трактовать такие строки Программного документа: *«отменена тайная дипломатия (не тайная, следовательно, существует. – А.Т.), производится императивный контроль за дипломатией и утверждение результатов переговоров на референдумах»* (опять получаем, что дипломатия существует, иначе что же контролировать и что утверждать на референдумах?)?

Десятое. Может быть, где-то в окружении Б. Немцова можно отмахнуться от любого оппонента ссылкой на то, что он – *«марксист-ленинец»* (может быть, таким образом можно даже устранить конкурента на бюрократической лестнице). Но в данном случае это просто пример демагогии. И не марксисты-ленинцы не смогут понять, как А. Шубин собирался сочетать *«максимальную демилитаризацию»* со *«всеобщим вооружением народа»*. И не марксисты-ленинцы не смогут понять, почему коллективная собственность при рыночных отношениях у Шубина превращалась в *«общественную»* (вот АО – это тоже коллективная собственность при рынке, почему же она в *«общественную»* не превращается?). И не марксисты-ленинцы не смогут понять, почему *«делегирование»* (частный случай представительной демократии) противопоставляется представительной демократии в целом (П. Бурдые, вовсе не *«марксист-ленинец»*, 30 лет назад доказал, что это – одно и то же).

Одиннадцатое. Замечание К. Привезенцева справедливо для теоретиков любого общественно-политического движения или направления общественной мысли. Игнорировать его только потому, что К. Привезенцев *«не был теоретическим авторитетом в анархических кругах»*, – нелепость (К. Привезенцев вообще никогда не был анархистом). Впечатление такое, что если положение о том, что

Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, будет высказано не анархистом, Шубин от него презрительно отмахнется.

66-72

66. *“В последнее время даже среди немногочисленных членов КАС сторонников “общинного социализма”, насколько можно судить, не осталось”.* (С.82) **Не судите, да не судимы будете. И здесь я, да и многие сибирские касовцы являемся живым опровержением тезиса А.Тарасова.**

Очередной (шестнадцатый) приступ мании величия, доходящий, кажется, до самоотождествления с Христом (судя по первым словам). Сибирские касовцы давно уже стали представителями классического (не имеющего никакого отношения к взглядам Шубина) анархо-синдикализма (с точки зрения Дамье – классического «революционного синдикализма»), но разница между этими направлениями трудноуловима). Остается один Шубин. Политическая деятельность его в рядах социал-демократов и т.п. говорит о том, что и он не придерживается концепции «общинного социализма» (тем более, что в замечании № 32 он сам утверждает, что придерживается концепции «демократического социализма»). Членство Шубина в КАС в настоящее время сомнительно.

67. *“Единственным у анархистов примером разработки самостоятельной подробной теоретической модели, помимо концепции “общинного социализма”, можно считать “Экосоциалистический манифест” В. Дамье. но этот документ не являлся, конечно, продуктом анархистской теории, поскольку он разрабатывался как чисто экологистский программный документ для чисто экологистской организации - Лиги Зеленых Партий”.*(С.82) **Во-первых, продукт анархистской теории может быть написан для чего угодно - это не критерий его анархичности. Во-вторых, манифест был написан для Движения за создание Партии Зеленых (в конечном итоге - для Партии Зеленых). Ни о какой Лиге тогда не было известно.**

Здесь Шубин прав. Мысль была сформулирована мной крайне неудачно. Разумеется, последовательный анархист (как В. Дамье), для каких бы целей он ни сочинял теоретический документ, не может не заложить туда собственные анархистские взгляды. Я имел в виду лишь то, что «Экосоциалистический манифест» предназначался не для анархистской организации, а для организации «зеленых» и писался именно под этим углом зрения.

68. *“В настоящее время в анархистском сообществе России только два человека, пытающихся вести теоретическую работу: Вадим Дамье и Петр Рябов. Однако в своих теоретических поисках они ушли очень далеко от собственно анархизма.”*(С.82-83) **Очень смело. И главное - ново. Конечно, В.Дамье склоняется к традиционным коммунистическим моделям, а П.Рябов всегда был известен уклоном в сторону либерализма. Но за рамки анархизма (то есть антиэтатизма и отрицания частной собственности) они не вышли. Кроме этих теоретиков можно назвать также С.Забелина, С.Фомичева и П.Рауша. О своей нескромной персоне я уже и не говорю.**

О собственной персоне А. Шубин совершенно разумно не говорит, так как никакого отношения к анархизму давно не имеет. Это первое.

Второе. А. Шубин, похоже, считает, что всякий анархист, который пытается проанализировать причины провала той или иной анархистской акции, автоматически становится теоретиком. Если это так, то в любом общественном движении теоретик – каждый третий. Возможно, Шубин сам термин «теория» понимает не философски, не научно, а обывательски, на уровне обыденного сознания: просто как набор объяснений какого-то события. Теоретическая работа требует высокого уровня развития способности к абстрактному мышлению, высокого уровня развития способности к обобщению, к сепарации, сопоставлению и переосмыслению фактов, к созданию нового в сфере идеального, а не только простейших аналитических способностей. Изучая печатные тексты российских анархистов последнего времени, можно сделать вывод, что необходимыми данными наделен один В. Дамье (и тот их пока не реализовал). «Теоретиком» пытается быть и П. Рябов (но, по моему личному мнению, он возложил на себя несвойственную ему функцию).

69. *“Единственное, что идеологически объединяет сегодня всех, кто именуется в России “анархистами”, - это приверженность анархистской традиции демонизации государства как социального института и приверженность анархистскому принципу “свободы личности”. Однако и здесь чистота анархистских позиций сильно нарушена: подавляющее большинство современных российских анархистов воспринимает в качестве источника социального зла, равного государству, частную собственность, капитал и классовое неравенство (что надо признать влиянием*

марксистской традиции)... (С.83) “Демонизация” - сильное преувеличение (тем более, что среди анархистов встречаются субъекты, хорошо относящиеся к демону). Анархисты стремятся к ликвидации государства (постепенной или немедленной), но некоторые (С.Фомичев, И.Кузнецов, например) вполне допускают использование институтов государства для решения задач движения. Что до “свободы личности”, то анархисты социалистической и коммунистической тенденции всегда признавали возможность ее ограничения в интересах других личностей.

Абсурдно выглядит попытка А.Тарасова (да и не только его) поделить взгляды анархистов на “чистые” и “не чистые”, но по неграмотности она превосходит все аналоги. С каких это пор чистота анархизма страдает от осуждения частной собственности и классового неравенства. Влиянием Маркса эти классические положения анархизма может объяснить только человек, не читавший внимательно ничего, кроме марксистской литературы. Я уж не говорю о том, что отрицание частной собственности и классового неравенства - органичные положения взглядов Бакунина и Кропоткина. Но ведь Прудон пришел к отрицанию частной собственности раньше Маркса. Так что влияние здесь снова прямо обратное указанному А.Тарасовым.

Еще пример демагогии. Речь не о том. Существует классическое разделение на анархистов, коммунистов, социалистов и социал-демократов – по признаку определения ими главного врага «справедливого общества». Анархисты считают, что государство – корень всех бед (остальные враги – частная собственность, социальное неравенство, наличие классов – суть производные); коммунисты считают, что это – частная собственность; социалисты – классовое общество; социал-демократы – социальное неравенство. Вот и всё. То, что практически все представители этих течений относятся отрицательно более чем к одному «врагу справедливого общественного устройства», – это банальность.

70. “Уже сейчас ведущие экологические организации склонны отрещиваться от “Хранителей Радуги” как от “экстремистов”. (С.87) **Напротив. Лидер “ХР” С.Фомичев избран в совет СоЭС. В конце 1997 г. этот совет очередной раз зафиксировал свое уважительное отношение к “ХР”.**

Я лично наблюдал представителей «Гринпис» и СоЭС в редакциях «Общей газеты» и «Нового времени», которые отрещивались от «Хранителей Радуги» и говорили: «Нет-нет, что вы, мы к ним не имеем никакого отношения, это – экстремисты». Про всякий там «Кедр» я и не говорю. С. Фомичев после широко разрекламированной (но совершенно нелепой) акции протеста против планов возобновления строительства Ростовской АЭС (которые, похоже, никогда не осуществляются в будущем из-за отсутствия бюджетных средств) вошел в Совет СоЭС. Посмотрим, что будет дальше. «Хранители Радуги» уже раскололись. Тупикин уже шельмует С. Фомичева как человека, произведшего в «Хранителях Радуги» «тоталитаристский переворот».

71. “Идеологические построения П.Рябова можно смело рассматривать как “первую ласточку” будущего идейного развала российского анархизма - во всяком случае, отхода от анархизма его наименее догматической и наиболее думающей части”. (С.88) **Ласточка далеко не первая. Наибольший отток от анархизма (но не от антиавторитарного социализма) недогматичных и думающих теоретиков произошел в 1991-1993 гг. Окончательный переход П.Рябова в либерализм, если он все же состоится, ничего уже не изменит. Происходит и приток интересных мыслителей в анархистский спектр. В основном они осознают себя в качестве анархистов (С.Забелин, В.Гущин, В.Кириллов, В.Милитарев и др.).**

Семнадцатый приступ мании величия. В 1991–1993 гг. «*произошел отток*» от анархизма только двух «*недогматичных и думающих теоретиков*» (и теоретиков вообще) – Исаева и самого Шубина. Что значит «*приток мыслителей в спектр*» – я, честно говоря, не понимаю, так как это уже не русский язык, а канцелярит. Указанные Шубиным лица в качестве «теоретиков анархизма» себя никак не проявили. Особенно забавно наблюдать в предложенном списке Виктора Милитарева. Вообще, само возражение Шубина никак не опровергает приведенную цитату из книги. Впечатление такое, что это написано исключительно для того, чтобы лишний раз напомнить, что это он, Шубин – «*недогматичный и думающий*».

72. “Кружок” давно действует в Москве (“Муравинские Четверги”) и за несколько лет своего существования уже доказал полную свою бесперспективность”. (С.90) **Кружок успешно работает, решает те задачи, которые были перед ним изначально поставлены - самообразование участников и обмен идеями. Идеи А.Тарасова большим спросом там не пользуются. Может быть по этому случился такой суровый приговор.**

Мое мнение о «Мурчете» основано на моих впечатлениях о работе этого кружка. Поскольку А. Шубин оспаривает вывод, вынужден пояснить подробнее. Этот «*кружок самообразования*» работает так: достаточно случайные люди (не специалисты, как правило) рассказывают в свободной манере на кружке обо всем на свете: от творчества Марины Цветаевой до роли анархистов в Испанской революции. Как правило, это пересказ по памяти какой-нибудь недавно прочитанной статьи или книги. Но слушатели довольны: они знают еще меньше. Подбор слушателей случаен, состав их непостоянен. Записи не ведутся. Материал не прорабатывается. В головах у слушателей едва ли что-то остается, кроме иллюзии знания (а еще вероятнее – смутных воспоминаний, что по этой теме что-то рассказывали). Не говорю уже о «компетентности» «лекторов». Это не кружок самообразования, а фикция. Кружки самообразования у революционной молодежи XIX – начала XX в. работали по другому принципу – так, как это делал Союз Коммунистов (см. ответ на замечание Шубина № 11). Никаких «задач», конечно, при таком образе «самообразования» «решить» не удастся. Основатель «Мурчета» Н. Муравин и М. Цовма это хорошо понимали. В конце 1995 – начале 1996 г. они вели со мной переговоры о том, чтобы создать внутри «Мурчета» еще одну структуру из небольшой группы постоянных участников, которые бы занимались самообразованием академически – по принципам кружков самообразования XIX в. Речь шла также и о привлечении к работе «Мурчета» (или этой группы внутри «Мурчета») в качестве лекторов меня, Б. Кагарлицкого, М. Грецкого, В. Арсланова, В. Бабушкина, П. Кудюкина, В. Роговина, Г. Ракитской и некоторых других. Ничего из этого не вышло ввиду органической неспособности анархистской вольницы к систематической работе и соблюдению дисциплины. Меня лично выступать на «Муравинские четверги» приглашали неоднократно. Я ни разу не выступал, так как понимал полную бесперспективность этого кружка. (Примечание для Шубина: слово «*поэтому*» пишется слитно.)

ЗАМЕТКИ О МИФОЛОГИИ А. ТАРАСОВА

1

Мифу и мифотворцам нужна история героев, злодеев и ничтожеств. Реальный опыт неформального движения второй половины 80-х – начала 90-х гг. для этого плохо подходит. Это история обычных людей в необычных обстоятельствах. Их вина и заслуга состоит в одном и том же – в переломный для страны период они действовали, а не отсиживались в сторонке.

Прочитав обширный комментарий А. Тарасова на мои возражения к его статье "Леворадикалы", я было начал писать такой же ответ "по пунктам". Но скоро понял, что занятие это бессмысленное и не стоит затрачиваемого времени.

Ответ А. Тарасова теряет остатки наукообразной формы, характерной для статьи "Леворадикалы". Очень много обычной ругани, сплошное изложение своих политологических взглядов и "указаний", как нам следовало действовать (и почему Тарасов до сих пор не привел какую-нибудь леворадикальную организацию к всемирно-исторической победе?). В большинстве случаев Тарасов уклоняется от полемики на уровне фактов. Он доказывает свою правоту с помощью методов, более характерных для мифологии, чем для науки. А зачем спорить с мифом? Миф можно исследовать, сопоставлять его с реальной историей. Поэтому я решил ограничиться краткими заметками в помощь исследователю этой проблемы.

Прежде всего в мифе интересно выделить зерна исторической реальности. Они здесь есть. Во-первых, это самосознание А. Тарасова. Он, оказывается, не считает себя марксистом-ленинцем. Тексты этого автора, попадавшие мне на глаза, убеждали меня в обратном. Но Тарасов упоминает свои работы, которые позволяют ему отмежеваться как от марксизма, так и от ленинизма, и даже упрекает меня в том, что я их не читал. Упрек странный – я не являюсь специалистом по нынешней идеологии Тарасова (как он не является специалистом по идеологии анархо-синдикализма 80-х гг.), и не собираюсь пока читать все огромные тарасовские тексты. Не досуг, знаете ли. Если Тарасов хочет называться "постмарксистом" – пускай себе. Забавно, что сам Тарасов, считающий меня "прудонистом", не найдя для этого серьезных аргументов, пишет, что прудонизма не нужно "стесняться", что "совершенно безразлично", кем себя признавать по прошествии 10 лет. Словно уговаривает – признай себя прудонистом, чего тебе стоит. Все-таки Прудон сформулировал свои идеи раньше. Но если принимать такую теорию "источников" взглядов, то непонятно, почему Тарасов не пишет о Христе, Гизо, а то и иудейских пророках. Если говорить о действительных источниках, то я не заимствовал идей из книг и цитат Прудона. Не являлся я прудонистом и

"экономически", поскольку мои взгляды не совпадали с прудоновскими полностью. Ничем не могу помочь Тарасову.

Собственно, я уже в комментариях на статью писал, что не вижу в прудонизме ничего плохого, как и во многих других вещах, "инкриминируемых" мне Тарасовым, будь то оппортунизм или даже карьеризм (я действительно заинтересован в карьере, только не в государственной, а в научной). Кстати, нужно быть очень наивным человеком, чтобы думать, будто мы с Исаевым участвовали в анархистской организации, чтобы сделать государственную карьеру. Мои возражения Тарасову делаются не ради "оправдания" (перед экстремистской тусовкой нам оправдываться не в чем – слишком разные системы ценностей), а ради читателей изданий "Панорамы", которые прежде привыкли иметь дело с объективными материалами. В объективном материале бремя доказательства лежит на исследователе. Тарасов в большинстве случаев доказательств не представил и ограничился руганью. Пока Тарасов не стал сколько-нибудь заметным общественным деятелем, научного интереса она не представляет.

Во-вторых, зерна реальности сосредоточены у Тарасова в тех пунктах, где он пишет, что я "частично" прав. Некоторые факты он признает "незаметно", например – признание разброса взглядов в ОК ВРМП или того факта, что мы не вошли в "Демроссию" вовсе не из-за критики слева (здесь Тарасов придумал еще более абсурдные мотивы). В порядке ответной любезности хочу выделить моменты, где прав Тарасов. Губарев действительно вступил в будущий ОК ВРМП в 1984 г. Это не отменяет других моих претензий по этому пункту – ссылка на А. Василицецкого оказалась ложной. А. Тарасов не учел, что я иногда встречаюсь с Алексеем – в беседе 26.06.1998 г. он не согласился с тем, что кружок изначально был марксистско-ленинским.

Тарасов частично (без кавычек) прав во всех случаях, где я в пылу полемики заразился его "абсолютизаторством", настаивая на правоте именно моего видения событий. Там, где Тарасов ссылается на анонимных "ветеранов", приводит обобщения относительно всех анархистов, касовцев или людей, присутствующих при каком-то событии, я фиксирую другой взгляд части участников событий. Понятно, что видение, скажем, А. Шершукова, ближе к моему, а П. Рябова – к специфическому взгляду Костенко. У разных присутствующих – разные взгляды, объективный историк должен учитывать все. Но Тарасов, ссылаясь на мнение радикалов (тоже часто больших мифотворцев), не цитирует его, а сами "источники" уже подвергли критике его статью. Кое-где Тарасов действительно может упрекнуть меня в невнимательном чтении. Но как правило оно вызвано "невнимательным" написанием. Так, например, Тарасов пишет о распаде не "Союза максималистов", а Анархо-коммунистического революционного союза (максималистов) (к пункту 7). Несмотря на мою неточность в п.22. (действительно, сослался не на то место в тексте Тарасова), указание на "полиморфизм" сохранил – Тарасов неоднократно признает, что наши взгляды отличались от "классических". В ответе А. Тарасова на мои замечания неточностей в чтении оппонента очень много. Например, когда я упомянул интервью "студзащитников" (в частности, виденное мною перекошенное лицо – речь идет о телерепортаже), он отвечает по поводу интервью в "МК", о котором я не писал.

Для того, чтобы не упустить даже нюансов, хочу отметить еще две свои неточности. Во-первых, А. Тарасов правильно поправляет меня по поводу фамилии Корнаи. "Корней" – неверный перевод с английского в самиздатском тексте, по которому мы знакомимся с идеями этого экономиста. Во-вторых, замечание об Озимове сформулировано мной неудачно – мы не знали (справедливости ради – и не придавали значения этому), что он колдун. Мистиков в КАСе было множество, но это считалось их частным делом. Однако характерно, что характеризуя поведение Озимова в 1989 г., Тарасов ссылается на материалы, относящиеся к 1994 г.

2

Это все замеченные мной зерна исторической реальности в гипертексте Тарасова. В остальном версия этого автора остается компиляцией мифов экстремистской субкультуры, склеенных с помощью собственных фальсификаций. Остановлюсь на основных методах этого агрессивного мифотворчества:

1. Забалтывание фактического предмета спора. Характерный пример забалтывания – п.4. Я показал, что приведенные ссылки на статьи Наумова и Исаева не доказывают сами по себе влияния идей Кузьмина на этих авторов. Тарасов на страницу цитирует эту и другую статью Наумова, даже не упоминая Кузьмина. В заключение, будто проснувшись, он упоминает некоторое сходство (сильно его преувеличив и поэтому отказавшись от цитирования) взглядов Исаева и Кузьмина на подобие

бюрократии, мафии и масонства. Впрочем, с такими пояснениями мысль Тарасова уже теряет свой разоблачительный пафос. Если бы не этот пункт, кстати, я бы считал, что А. Тарасов всерьез верит, будто люди должны заимствовать взгляды у более ранних теоретиков во всей полноте, а идейное влияние приобретает значение не после трансформации идейного источника в тексты последователей, а лишь после перепечатки источников в партийных изданиях. Неудачные попытки записать в наши источники Кузьмина показывает, что Тарасов верит в тот миф, который ему нужен в данный момент. Другой пример – он то называет нас единственными теоретиками КАС, то говорит о "мании величия", когда я отождествляю наши идеи и их источники с касовскими.

2. Приписывание мне заведомо глупых идей (вроде того, что неформалы во главе с КАС и Шубиным свергли Советскую власть). А. Тарасов также не прочь подменить мои взгляды (которые, напомним, являются объектом его "исследования") своими. Так, уличая меня в противоречии, он считает, что я должен был быть согласен с тем, что сельский мелкий собственник – это "сельский мелкий буржуа". Но так думает Тарасов, а не я (приставка "пост" к марксизму Тарасова все-таки выглядит здесь натянуто, да и от ленинизма он зря отрекался). Так что налицо не мелкая буржуазия, а все-таки мелкое шулерство.

3. Указание на ложные противоречия. Например, в пункте 12 я возражаю против хронологии определения (и самоидентификации) групп как анархистских (1988 год). А в п.15 пишу о механизме процесса "анархизации" в 1988-1989 гг., то есть процесса распространения и формирования идей, которые лишь в 1989 г. будут признаны анархистскими большинством участников АСФ (и не без полемики).

4. Метод "сравливания". А. Тарасов пытается приписать мне какие-то оскорбления В.Губарева (на том основании, что я напомнил, при всем признании его больших заслуг, что изданием "Общины" занимался не только он, но десятки людей – на вскидку могу вспомнить историю перевозки тиража С. Ильиным, координацию выпуска одного из номеров Ю. Кузнецовым). Еще невероятней версия о том, что я обвиняю В. Дамье "в теоретическом убожестве". Ничего подобного – В. Дамье не относится к вульгарным анархистам, поэтому полемика с ним прекращена не была. Мы с ним периодически ведем ее на научном уровне в Институте всеобщей истории. Кстати, здесь Тарасов снова "замеряет" уровень теоретических способностей. Но поскольку выше он разъяснил свою методику оценки "IQ", становится ясно, что способность к абстрактному мышлению он отождествляет с нетворческим школярством. Так что здесь обижен не я, а Дамье. Аналогичны и обвинения меня в непорядочности на основании фразы "мы как оппортунисты". А. Тарасов "заступается" за неоппортунистичных членов КАС. Таких не было: члены КАС или поддерживали оппортунистическую тактику КАС, или приспособлялись к ней (что тоже – оппортунизм).

Кстати, здесь уместно упомянуть и о странной теории А. Тарасова, будто я "ненавижу" Костенко (Боже упаси – кроме жалости и некоторой брезгливости он других чувств не вызывает) за то, что тот носит на груди значок с изображением Че Гевары. Анекдот, право слово. Мои друзья Н. Муравин и Н. Соболев носили такой значок – ничего страшного. Почему Тарасов вдруг заговорил о моей ненависти к Костенко, только ему ведомо – в этом пункте о нем злого слова не сказано. Видимо из-за указания на оппортунизм этого "стойкого бойца".

5. Повторение своих прежних мифов без новой аргументации ("повторенье – мать ученья"). Например, будто мы "скрывали", что наши взгляды отличаются от взглядов Бакунина. Неужели мы выставляли Бакунина сторонником ненасилия?

6. Иногда А. Тарасов "не понимает" моего возражения. Например, я считаю, что если бы оргструктура КАС была жестче, она осталась бы в 1989-1990 гг. маленькой сектой. Попытки укрепления оргструктуры провоцировали раскол. А. Тарасов считает, что если бы структура была жестче, КАС бы не распалась. Но поскольку доказать эту прямо противоположную мысль не может, пишет: "Не понимаю, в чем противоречие".

7. Неадекватность источника. Приводится факт (как правило без ссылок), который никак не доказывает мысль Тарасова. Так, например, в качестве доказательства запрета на коммунаское движение приводится предупреждение среднеазиатским комсомольским вождям о недопустимости поголовного окоммунаривания школьников. Воистину, для Тарасова пословица "Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьет" – это призыв к запрету на молитвы.

8. Метод вопросов. Тарасов задает вопросы, которые сами должны служить аргументами, поскольку подразумевается, что у нас на них ответов нет. Между тем, изучив тему чуть глубже, Тарасов сам на них без труда ответил бы. Например (п.31), кто критиковал лидеров КАС "справа"? Отвечаю: например, противник социализма П. Рауш, кстати, лидер ушедших в первой половине 1990 г.

Еще Тарасов любит торжественно спрашивать, почему я не опроверг такой-то текст (обычно самиздатский с микроскопическим тиражом), где излагалась такая-то версия (о большинстве этих текстов я от Тарасова и узнал). Рискуя подвергнуться очередному обвинению в "мании величия", задам встречный вопрос: почему Горбачев (или кто-то из политиков 80-х гг. помельче) не опровергает каждую "версию" и сплетню, которая появляется о нем в прессе? Наверное, есть более интересные дела. У меня тоже.

9. Особый интерес представляет источниковая база А. Тарасова. Основной источник – ссылки на неназванных людей ("разные люди", "те" и т.п.) или утверждение, что такие-то люди подтверждают мнение Тарасова – без цитирования и даже указания даты беседы. Если бы Тарасов обладал квалификацией историка, он бы знал, что первое – недопустимо, а второе возможно лишь когда есть однозначное решение вопроса (впрочем, пример с А. Василицким показывает, что и здесь А. Тарасов фантазирует). Например, А. Тарасов рисует совершенно фантастическую картину работы редакции "Общины" и беспартшколы, но не приводит никаких цитат – даже людей заведомо не отличающихся объективностью и готовых подтвердить нечто подобное (вроде Костенко). Квалифицированный историк берет интервью на магнитофон и затем цитирует. После этого можно сравнить мнение свидетеля событий (к которым я отношусь, а Тарасов – нет), с взглядом других свидетелей. И получится история, а не миф.

Но желательно, чтобы человек хотя бы теоретически мог присутствовать при событиях. А то Тарасов при описании событий 1989 г. ссылается на Платоненко, с которым мы познакомились не раньше второй половины 1990 г. Часто полуанонимные ссылки ставят Тарасова в совершенно смешное положение. Так, он пишет о "видном деятеле" МО КАС, который рассказывал (даже не Тарасову) о том, что купил бункер в рязанских лесах и наполнил его оружием на случай лигачевского переворота. Поскольку конкретный человек не назван, могу предположить, что речь идет об эпизоде, когда я в "Панораме" на вопрос: "Что ты будешь делать в случае лигачевского переворота" ответил, что спрячусь в рязанских лесах (на самом деле я собирался прятаться в Карелии). Потом эта история обросла анекдотическими подробностями и в таком виде дошла до "историка" Тарасова. Впрочем, может быть речь идет о другом анекдоте, из которого мифотворец делает далеко идущие выводы.

Вообще же члены редакции "Общины" и участники беспартшколы на основании таких "источников" получают у Тарасова совершенными мазохистами, если после придуманного им (или кем-то из "радикалов") моего ужасного поведения все равно ходили на мои лекции (даже годы спустя) и тесно сотрудничали на ниве журналистики.

Практически весь огромный текст А. Тарасова легко рассортировать по этим пунктам. Я думаю, указанных примеров достаточно (если кого-то в силу научных интересов интересует ответ на какой-то конкретный пункт – обращайтесь). Но как я уже писал однажды, некоторые фрагменты статьи А. Тарасова "Леворадикалы", не испорченные теоретическими догмами, доверчивостью к слухам и не продиктованные личной ненавистью, приближаются к требованиям исторической науки. И все-таки хочется, чтобы интерес неумолимого постмарксиста к истории общественного движения имел больший КПД – хотя бы в изготовлении полуфабрикатов для научных исследований. Раз уж он так увлекся устной историей и к тому же имеет хорошие знакомства в родственной ему экстремистской среде, было бы полезно, чтобы он походил по "ветеранам" с магнитофоном. Опубликованные в результате мемуары станут более надежным источником по леворадикальной мифологии, чем упомянутая статья и ответы А. Тарасова на мои замечания.

Александр Шубин

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Моей целью ни в коей мере не является участие в дискуссии в качестве равного партнера: я все-таки знаком с предметом меньше ее участников. Но некоторые комментарии, на мой взгляд, совершенно необходимы.

Первое. Оба автора, к сожалению, не смогли удержаться от выпадов чисто личного свойства. Само по себе это вполне объяснимо, но мне жаль, что приходится вместе с обсуждением предмета по существу публиковать также и личные выпады.

Второе. Необходимо помнить, что и А. Тарасов, и А. Шубин - не беспристрастные историки, а активные участники левого движения. Их идеологические и политические ориентиры очень сильно рознятся и не могут не сказываться на представлении фактов. В ряде пунктов дискуссии это хорошо видно. Исследователю, не придерживающемуся левой ориентации, следует интерпретировать факты

самому, оценки же обоих авторов для такого исследователя сами по себе являются ценным материалом.

Еще в предисловии к книге я упоминал левые взгляды А. Тарасова (и Т. Шавшуковой) как важное для понимания текста книги обстоятельство. Остается только повториться: в России нет, насколько мне известно, по-настоящему информированных специалистов в области радикального левого движения (как коммунистического, так и иного), которые сами не придерживались бы левых взглядов. Поэтому я не могу согласиться с упреком А. Шубина в том, что “Панорама” опубликовала какой-то особенно необъективный материал. С объективностью в изложении столь недавних событий и вообще-то непросто, а уж в случае автора “изнутри” - особенно. Но другого способа нет. А всех, как левых, так и прочих, исследователей современной политики мы можем только попросить написать другие варианты истории левого движения.

Судя по устным откликам, часть самих леворадикалов воспринимает посвященную им часть книги как пропагандистский трактат и я их в этом вполне могу понять. Что не означает, конечно, что я его сам так воспринимаю или считаю таковым. Различие восприятия происходит, опять же, от различия точек зрения на саму тему.

Третье. В ряде случаев А. Шубин действительно уличил А. Тарасова в неверном (уже независимо от “взгляда”) изложении фактов. Правда, таких пунктов очень немного. Так же как некоторые фактические опровержения А. Шубина фактически же неверны или неточны, и иногда я могу это подтвердить как участник событий (например, об обстоятельствах выхода “Общины” из Московского народного фронта). В большинстве же случаев речь идет именно о разной интерпретации. Иногда это очень мелкое различие, а иногда принципиальное, как при описании студенческих беспорядков в Москве. В последнем случае очевидно, что все зависит от отношения наблюдателя: и оценка численности, и качественная оценка участников, и даже описание динамики событий. Подобные расхождения в описаниях - далеко не редкость.

Четвертое. В этой полемике очень много чисто идеологических разногласий и споров о теоретической деятельности различных современных и не очень современных идеологов. Мне эти споры представляются по большей части чисто терминологическими и комментировать эту часть дискуссии я не склонен, хотя в целом к ней приложимо то же, что было сказано по поводу фактических разногласий.

Пятое. Резюме. А. Шубин не убедил меня, что публикация части “Леворадикалы” была ошибкой “Панорамы”. Что же касается данной полемики, то и идеологические комментарии обеих сторон, и приводимые ими факты (пусть даже они временами и неадекватно изложены) представляют интерес как дополнение к собственно книге. Почему мы и публикуем эту дискуссию.

Александр Верховский

- ¹ *Верховский А., Папн А., Прибыловский В.* Политический экстремизм в России. М., 1996; *Верховский А., Прибыловский В.* Национал-патриотические организации России. История, идеология, экстремистские тенденции. М., 1996.
- ² *Антонов С.* Петра I собирались взорвать во славу Ленина. – *Сегодня*, 07.07.1997; Трус изгнан с позором. – *Молодой коммунист*, 1997, № 4, *Бумбараши-2017*, 1997, № 4, совместный выпуск.
- ³ См.: *Пименов Р.* Один политический процесс. – *Память*, вып. 2. Париж, 1978; вып. 3, Париж, 1980; *Пименов Р.И.* Воспоминания. Т. 1. М., 1996.
- ⁴ См.: “Дело” молодых историков. – *Вопросы истории*, 1994, № 4; см. также: *Рождественский С.Д.* Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 г. – *Память*, вып.5. Париж, 1982. С. 231-249.
- ⁵ *Алексеева Л.А.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс – М., 1992. С. 224.
- ⁶ См.: *Молоствов М.М.* Ревизионизм-58. – *Звенья*, вып. 1. Р., 1990.
- ⁷ См.: *Алексеева Л.А.* Указ. соч. С. 201, 219, 221, 223-227, 229-230, 305-306.
- ⁸ См.: *Иофе В.В.* Тридцать лет назад, на том же месте. – *Былое*, 1989, № 2. С. 5-9.
- ⁹ См.: *Хейфец М.* Русский патриот Владимир Осипов. – *Континент*, № 27; *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70-я // *Осипов В.* Три отношения к Родине. Frankfurt a/M, 1978. С. 55-86; *Митрохин Н.* Анархисты в антисоветском подполье. – *Анархия*, № 1. См. также: *Буковский В.* “И возвращается ветер...”. Нью-Йорк, 1978.
- ¹⁰ См.: *Алексеева Л.А.* Указ. соч. С. 227.
- ¹¹ *И.Д.* Двадцать лет непрерывной борьбы. – *Рабочий* (Свердловск), 1991, № 1.
- ¹² *Faldin H.* Neokommunistiska partiet. Okand sida av Sovjetunionens vanster oppositions historiens. – *Medborgaren*, 1994, N 12.
- ¹³ *Roszbach K.* Kontrkulttuuri Neuvostoliittossa: hippien ja neokommunistien valilla. – *Sosiaalinen arkkisto*, 1995, N 1.
- ¹⁴ См.: *Алексеева Л.А.* Указ. соч. С. 270-271, 306-307.
- ¹⁵ *Граевский В.* Левореволюционное подполье в Ленинграде в 70-е годы. – *Прямое действие*, № 5.
- ¹⁶ *Алексеева Л.А.* Указ. соч.. С. 271, 307.
- ¹⁷ *Граевский В.* Левореволюционное подполье в Ленинграде в 70-е годы. – *Прямое действие*, № 5.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См. подробнее: *Круглов М.* Самый пролетарский из диктаторов. – *ВК сегодня* (Самара), 25.05.1996; *Даниленко К.* Землю – крестьянам, фабрики – Исаеву! – *Будни* (Самара), 17.10.1996.
- ²⁰ См.: *Алексеева Л.А.* Указ. соч. С. 286-287, 307-309.
- ²¹ *Ихлов Б.* Очерки современного рабочего движения на Урале. Пермь, 1994. С. 8.
- ²² См. подробнее: Альманах “Свеча”: правда и вымыслы. – *Свеча* (Иркутск), 1988, № 1. С. 5-21; 1988, № 2. С. 2-6; *Подшивалов И.* История Иркутской организации КАС. – *КАС-контакт*, № 15-16.
- ²³ Письмо И. Подшивалова А. Тарасову от 5.02.1991.
- ²⁴ О коммунарском движении см. подробнее: *Соловейчик С.Л.* Час ученичества. – Учение с увлечением. М., 1986; *его же.* Вечная радость. Очерки жизни и школы. М., 1986; *его же.* Педагогика для всех. Книга для будущих родителей. М., 1989; *его же.* Воспитание творчеством. М., 1978; *его же.* Ватага “Семь ветров”. Л., 1979; *Кордонский М.С.* Неформальные группы и организации. – Рукопись.
- ²⁵ См., например: *Сталкер.* Утопия-89 // *Фонарь Диогена.* Альманах. М., 1989. С. 55-67.
- ²⁶ См.: УР Лайт, 91. Алма-Ата, 1991. С. 53.
- ²⁷ *Наумов Л.* “Память”: с кем и против кого? – *Община*, № 28. С. 19-24; *его же.* Национальные корни наших взглядов. – *Община*, № 29. С.13-16; *его же.* Рождение нового идеала или “гадкий утенок”? – *Община*, № 39. С. 29-32; *Исаев А.* О масонах, государственности и анархизме. – *Община*, № 31. С. 14-19.
- ²⁸ Письмо И. Подшивалова А. Тарасову от 5.02.1991.
- ²⁹ *Комсомольская правда*, 29.07.1990.
- ³⁰ *Ихлов Б.* Указ. соч. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 12.
- ³² См.: *Рябов П.* Размышления ветерана неформального движения о том, в каком именно месте мы находимся и как оттуда выбраться. – Самиздат.
- ³³ См.: *Воля* (издание КАС), 1989, № 1.
- ³⁴ О Н. Озимове подробнее см.: Николай Озимов – анархист, язычник и половой гигант. – *Черная звезда*, 1994, № 4. С. 12-15; о теоретических взглядах Н. Озимова см.: *Озимов Н.* Анархо-язычество, или Языческий анархизм. – *Нестор* (Житомир), № 27.
- ³⁵ Резолюция об отношении к руководству Движения “Демократическая Россия” и национально-авторитарных организаций. – *Голос труда* (Томск), № 12.
- ³⁶ См.: *Рябов П.* Памяти Бакунина. – *Великий Отказ*, № 2. С. 39.
- ³⁷ Обращение Московской организации КАС. – *Община*, № 38. С. 1; *КАС-КОР*, № 3; *Исаев А.* Пойдем ли мы на выборы? – *Воля* (издание КАС), 1989, № 3; то же. – *Община*, № 37. С. 12.-15.

- ³⁸ Наше отношение к борьбе за так называемые политические свободы. – *Голос анархии* (Пг.), 1989, № 1.
- ³⁹ См.: Ультиматум анархо-коммунистов. – *Голос анархии* (Пг.), 1989, № 1.
- ⁴⁰ См., например: *Жвания Д.* Наше отношение к борьбе за так называемые политические свободы. – *Община*, № 35-36. С. 21-22; *Шубин А.* Демократия и анархия. – там же. С.24-26; Обращение группы участников Казанской конференции АДА к членам КАС. – *Новый свет* (Пг.), 1991, № 1; *Нарвский А.* Осторожно! Комсомольские анархо-сексуалисты (КАС)! – *Солидарность* (издание АКРС), 1990, № 9; О вульгарном “анархизме”. – *КАС-контакт*, № 9; Хождение в народ, или Червяков как он есть. – там же; Обращение Самарской организации КАС ко всем региональным организациям КАС и другим леворадикальным организациям. – *КАС-контакт*, № 10; Резолюция Самарской организации КАС “Об отношении к АДА”. – там же; *Подшивалов И.* Открытое письмо г-ну Анисимову и Ко. – там же; Наш ответ комсе из КАС. – там же; Москоwei против украинцев: раунд первый. – *Нестор* (Житомир), № 37; Изысканное письмо анархо-скандалиста с комментариями. – *Нестор-дайджест* (Житомир), 1991, вып. 1. С. 6-8.
- ⁴¹ Анархия – мать русского порядка? – *Бюллетень Левого информцентра*, 1994, № 23.
- ⁴² См., например: Основные положения доклада Андрея Исаева (Москва) “КАС и рабочее движение”. – *КАС-контакт*, № 9.
- ⁴³ *Тупикин В.* Расправа. – *Солидарность*, 1992, № 5.
- ⁴⁴ Дело Родионова и Кузнецова. Хроника акций сопротивления. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 2.
- ⁴⁵ *Горячева Ю., Кокотов О.* Дело анархистов Родионова и Кузнецова: новые политзаключенные. – *Солидарность*, 1992, № 6.
- ⁴⁶ *Тупикин В.* Расправа. – *Солидарность*, 1992, № 5.
- ⁴⁷ *Александрович П.* Дело Родионова и Кузнецова. – *Новый свет* (Пг.), 1991, № 8.
- ⁴⁸ Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями на 5 мая 1990 г. М., 1990. С.126.
- ⁴⁹ *Горячева Ю., Кокотов О.* Дело анархистов Родионова и Кузнецова: новые политзаключенные. – *Солидарность*, 1992, № 6.
- ⁵⁰ *Тупикин В.* Расправа. – *Солидарность*, 1992, № 5.
- ⁵¹ Дело Родионова и Кузнецова. Хроника акций сопротивления. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 2.
- ⁵² *Тупикин В.* Расправа. – *Солидарность*, 1992, № 5.
- ⁵³ Дело Родионова и Кузнецова. Хроника акций сопротивления. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 2.
- ⁵⁴ *Крайнев М.* Цена судебной ошибки. – *Солидарность*, 1992, № 14-15.
- ⁵⁵ См.: *Червяков А.А.* Милиция и хулиганы: “Мы вме-е-есте!”. – *Солидарность*. Газета синдикального анархизма, 1991, № 11.
- ⁵⁶ В круге первом. – *Солидарность*. Газета синдикального анархизма, 1991, № 11.
- ⁵⁷ См., например: Приватизация. – *Новый свет* (Пг.), 1991, № 8; Приватизация: как с ней бороться. Приложение к газете “Солидарность”. М., 1992; На фронтах приватизации. – *Община*, № 49. С. 26-27; Против приватизации и повышения цен – всеобщая захватная стачка! – *Черная звезда*, 1993, № 1; На чем мы стоим. – *Рабочая демократия* (орган КРДМС), 1994, № 3.
- ⁵⁸ Fuck privatization. – Листовка анархистов Хабаровска; см. также: *Черная звезда*, 1993, № 2. С. 11-12.
- ⁵⁹ См., в частности: *Щербаков А.* Петр Рауш и др., как зеркало несостоявшейся русской революции. – *Черная звезда*, 1994, № 1. С. 4-11; *Новый Нестор*, 1994, № 31.
- ⁶⁰ Письмо И. Подшивалова А. Тарасову от 16.10.1994; *Подшивалов И.* Памяти товарища. – *КАС-контакт*, № 29.
- ⁶¹ См.: *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.
- ⁶² *Новый свет* (СПб.), 1996, № 1.
- ⁶³ См.: *Цовма М.* Первый звонок. – *Аспириин не поможет*, № 2.
- ⁶⁴ См. например: *Шубин А.* Скромное обаяние мелкой буржуазии. – *Солидарность*, 1992, № 2; то же. – *Освобождение личности*, № 2; *Грустный А.* Игра без правил. – *Солидарность*, 1992, № 28.
- ⁶⁵ Сограждане, втянутые в противостояние в Москве! – Листовка Конфедерации анархо-синдикалистов. Москва, 3 октября 1993 г., 23.30.
- ⁶⁶ Великая Октябрьская Капиталистическая Революция свершилась. – *Рабочее действие*, 1993, № 1.
- ⁶⁷ *Цовма М.* Расистские погромы начались. – Там же.
- ⁶⁸ Анархисты против выборов. – *A-S Info*, № 6.
- ⁶⁹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1993, № 47.
- ⁷⁰ *Судаченков М.* Чего хотят тульские анархисты? – Тула, 17.08.1991.
- ⁷¹ *Коханова Р. М.* Судаченков: я – анархист по убеждениям. – Тула вечерняя, 2.12.1993.
- ⁷² См., например: *Шмидт Л.* Всех нас учили давать сдачи. – *КАС-контакт*, № 30; Открытое обращение Питерской лиги анархистов к сражающемуся народу Чечни. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 1.
- ⁷³ *Марьев И.* На бой кровавый! – *Рабочая борьба* (СПб.), № 13.
- ⁷⁴ См.: Заметки из подполья. – *Наперекор*, № 4. С. 10-12; *Басаев И.* Аллах акбар, воистину акбар! – Там же. С 13-16; см. также: *Шубин А.* Соблазны радикализма. – *Третий путь*, № 48. С 15.
- ⁷⁵ См., например: *Терапия бомбы* (Петропавловск-Камчатский), № 1.

⁷⁶ “Нам вождя недоставало...” – *Община*, № 24; *Клин В.* “Националисты объединяются”? – *Община*, № 25; Очищение. Письмо Центрального Совета НПФ “Память”. – Там же; Национально-патриотический фронт “Память”. Информационное сообщение № 4. – *Община*, № 28; За Духовное и биологическое спасение народа. Программа Христианского патриотического союза. – *Община*, № 30; Православный Монархический Орден-Союз. – *Община*, № 45, и т.д.

⁷⁷ *Ихлов Б.* Указ. соч. С. 12.

⁷⁸ См., например: *Гергенредер И.* Гнусная война на Днестре. – *Община*, № 48. С. 10-11; *его же.* Снегуранца. – *Новый свет* (СПб.), 1994, № 1.

⁷⁹ Молдавия: новые диссиденты – новые репрессии. – *Община*, № 48. С. 13; *КАС-контакт*, № 11-12, № 13, 14, 15-16; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), №№ 34, 37; Письма И. Гергенредера А. Тарасову от 18.08.1992, 16.09.1992 и 25.04.1994; *Новый свет* (СПб.), 1991, № 1.

⁸⁰ *Бальчионас Э.* Как живется за границей. – *Община*, № 48. С. 12; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 49.

⁸¹ *Подшивалов И.* Иркутский фашизм. – *Община*, № 48. С. 12-13; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 34.

⁸² *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.

⁸³ *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 51.

⁸⁴ См.: *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 53.

⁸⁵ *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56; Как один Василий всю нечисть распугал. – *Черный передел* (Липецк), № 2.

⁸⁶ См.: *Крысодав* (Алматы), 1996, № 1.

⁸⁷ О “фашизме” и “демократии”. – *Рабочая борьба* (СПб.), № 10; *Бугера В.* Наследники Штрассера. – *Интервзгляд-Intercor*, 1993, № 5. С. 13-17; *Зверев А.* Веймарская Германия – от кайзера до Гитлера по лезвию ножа. – *Рабочая демократия* (орган Русской секции Комитета за рабочий Интернационал), 1996, № 2.

⁸⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1993, №№ 29-31; *Донской И., Левацкий В.* Кто и кого бьет возле Музея Ленина? – *Бюллетень Левого информцентра*, 1993, № 33.

⁸⁹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1993, № 31; *Ушаков С., Буклан С.* Юный антифашист под следствием. – *Новая ежедневная газета*, 23.07.1993.

⁹⁰ См.: *Тушкин В.* Национальность голосует за кровь? – Самиздат.

⁹¹ *Митрофанов А.* Кто кого бьет у Музея Ленина? – *Московский комсомолец*, 27.07.1993.

⁹² Что делали московские анархисты в ночь с 21-го на 4-е. – *Черная звезда*, 1993, № 4. С. 13.

⁹³ См. подробнее: *Тарасов А.Н.* Провокация. – Постскрипtum из 1994-го. М., 1994. С. 76-77.

⁹⁴ *Цовма М.* Расистские погромы начались. – *Рабочее действие*, 1993, № 1.

⁹⁵ *Япончик.* Банда Четырех. – *Лимонка*, № 57.

⁹⁶ *Ларс.* Nazi – motherfuckers. – *Трава и воля*, № 1. С. 11, 22.

⁹⁷ См., например: *Граевский В.* Ловушка национализма. – *Прямое действие*, № 3; *Бруннер Б.* Антисемитизм в России: “капитализм дураков”. – Там же; Германия: анархия против расизма. – *Новый свет* (Пг.), 1993, № 6; *Рауса В.* Русские идут назад, или Откуда идет революция. – *Черная звезда*, 1994, № 4; *Шмидт Л.* Нацистов – вон! Из Дании их уже выгоняют. – *Воля.* Международная анархическая газета, № 8; *Василий.* Кто сдохнет первым. – Там же; Кое-что об арийской форме черепа. – *Черная звезда*, № 13. С. 21; Идея фашизма. – *Солнце* (Н. Новгород), № 2; *Белоглазов К.* Корни национализма. Где они? – *Крысодав* (Алматы), 1996, № 2; *Дамье В.* Миф нации. – *Наперекор*, № 4. С. 5-9; *Кронштейн А.* Любовь к Родине. Логический социопатологоанатомический анализ. – *Анархия*, № 1. С. 12-13; *Взгляд* (Пермь), № 37. Тематический выпуск: национальный вопрос.

⁹⁸ *Осмоловский А.* Нота “Фа” № 1 // Антифашизм & Анти-антифашизм. Каталог выставки. Б.г., б.м. С. 7.

⁹⁹ *Тарасов А.* Миф о “фашистской России”. – *Новая ежедневная газета*, 17.08.1994.

¹⁰⁰ См.: *Александрович П.* Инцидент. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 3.

¹⁰¹ См., например: *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 15; Как один Василий всю нечисть распугал. – *Черный передел* (Липецк), № 2.

¹⁰² См., например: Будни анархии. – *Автоном* (Краснодар), № 3; *Автоном* (Краснодар), № 4; За одного битого – двух небитых дают? Проверим! – *Наперекор*, № 5, и др.

¹⁰³ Заявление о т.н. “Левом антифашистском сопротивлении”. – *Наперекор*, № 5. С. 27.

¹⁰⁴ См. подробнее: *Осмоловский А.* Нота “Фа” № 1 // Антифашизм & Анти-антифашизм. Каталог выставки. Б.г., б.м. С. 7; *Василий.* Кто сдохнет первым. – *Воля.* Международная анархическая газета, № 8.

¹⁰⁵ Название известной песни Егора Летова; выбрано в качестве девиза журналом израильских анархистов советского происхождения “Хомер” (Лифта, Израиль). “Хомер” на местном молодежном жаргоне означает “героин”.

¹⁰⁶ См.: *Becker J.* Hitler’s Children. L., 1977.

¹⁰⁷ *Молчанов Н.* История дыбом. – *Литературная газета*, 26.07.1981.

¹⁰⁸ *Рябов П.* Стратегия движения: генеральное отступление. – *Община*, № 48. С. 6-7; *его же.* Время пришло. – *Наперекор*, № 1. С. 7-8; *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 5-13.

¹⁰⁹ См. подробнее: *Тарасов А.* “Будем дальше разговаривать в суде”. – *Дело*, 1994, № 39; *его же.* Открытое письмо Андрею Исаеву, главному редактору газеты “Солидарность”. – *Новый Нестор*, 1994, № 29.

- ¹¹⁰ *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 35; *Подшивалов И.* Памяти товарища. – *КАС-контакт*, № 29.
- ¹¹¹ См.: Нужна ли рабочим своя партия? Безусловно да! – Листовка КРДМС; Движение за создание Рабочей партии. – Листовка КРДМС.
- ¹¹² Марксисты, объединяйтесь! – *Рабочая демократия* (орган КРДМС), 1993, № 3.
- ¹¹³ См., например: *Приватизация и рабочее движение*, № 1-2; *Рабочий вестник – Мировой Курьер*. Совместный выпуск, 1993, июль.
- ¹¹⁴ *Шубин А.* Конфедерация анархо-синдикалистов – что дальше? – *Анархо-синдикалист* (Донецк), 1994, № 1; то же. – *КАС-контакт*, № 26; то же. – *КАС-экспресс*, № 3.
- ¹¹⁵ *Грустный А.* Ультра. Радикалы на первомайской демонстрации. – *Солидарность*, 1995, № 9.
- ¹¹⁶ См., например: *Шубин А.* Грозный: сражение за мир? – *Солидарность*, 1996, № 16.
- ¹¹⁷ См.: *В. Т. Ребята ловят свой кайф*. – *КАС-экспресс*, № 3.
- ¹¹⁸ Резолюция 15-й конференции ОПО “Рабочий” о ситуации в России. – *Рабочий вестник* (Пермь), № 21.
- ¹¹⁹ См.: Анархо-алкоголики идут к Жириновскому. – *Русское сопротивление*, № 1.
- ¹²⁰ См.: Союз Вольных Тружеников. СВТ. Б.м., б.г.
- ¹²¹ *Гескин П.* Будущим капитализма является анархизм. – *Свободный договор* (Пг.), 1990, № 3.
- ¹²² *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 49.
- ¹²³ См.: Заявление группы участников VI съезда АДА “О коллаборационизме и легальном анархизме”. – *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 47; Заявление группы участников и гостей 6-го съезда АДА о коллаборационизме и легальном анархизме. – *Новый свет* (Пг.), 1993, № 5.
- ¹²⁴ *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 49.
- ¹²⁵ См.: Заявление Исполкома Союза Вольных Тружеников. – *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 49.
- ¹²⁶ Просто революция. – *Новый свет* (СПб.), 1994, № 1; *Мустафа*. Новая мексиканская революция. – *Вуглускр*, № 2. С. 11; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56; Че Гевара наоборот. Интервью с субкоманданте Маркосом. – *Наперекор*, № 2. С. 10-13.
- ¹²⁷ Война из джунглей. – *Черный передел* (Липецк), № 1.
- ¹²⁸ Attention. – *Черный передел* (Липецк), № 2.
- ¹²⁹ *Муравин Н.* Колумбия: партизаны и наркомафия. – *Наперекор*, № 5. С. 19-21.
- ¹³⁰ Пишите письма. – *Черная звезда*, 1994, № 2. С. 2-7; *Колтакиди А.* Краткий курс истории РАФ. – *Черная звезда*, № 13. С. 3-10.
- ¹³¹ *Крысодав* (Алматы), 1996, № 1.
- ¹³² “Вооруженное сопротивление”: революционная вооруженная борьба продолжается. – *Черная звезда*, 1994, № 3.
- ¹³³ См., например: *Вербицкий М.* Ополчение американцев. Вооруженный народ практически непобедим. – *RWCDAХ* (Саратов – Москва), № 1.
- ¹³⁴ *Муравин Н.* Монолог человека с автоматической винтовкой. – *Наперекор*, № 2. С. 17-18; *Дубровский О.* Саша Шлюмпер – герой революции. – *Черная звезда*, 1994, № 3. С. 8-9.
- ¹³⁵ *Маригелла К.* Инструкция к городской герилье. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3.
- ¹³⁶ Назад к Нечаеву. Идеологическое постановление Президиума Верховного Совета Центрального Комитета Инициативы РЕволюционных АНархистов России, Украины, Беларуси, Казахстана и Литвы. – *Черная звезда*, № 14. С. 8-9.
- ¹³⁷ Обращение к гражданам России. – *Анархия*, № 1. С. 37.
- ¹³⁸ Че Гевара наоборот. Интервью с субкоманданте Маркосом. – *Наперекор*, № 2. С. 10-13.
- ¹³⁹ *Магид М.* Автономы: сила и слабость. – *Наперекор*, № 3. С. 6-8; Политика от первого лица. Интервью с берлинскими автономными Ханной и Бернардом. – Там же. С. 11-13.
- ¹⁴⁰ *Кропоткин П.А.* Из работы “Этика анархизма”. – *Крысодав* (Алматы), 1996, № 2; Кропоткин о терроре. – *Трава и воля*, № 1. С. 6; *Дамье В.* Террор вам, тираны! – *Черная звезда*, 1995, № 1. С. 10-11.
- ¹⁴¹ *Пименов Д.* Терроризм и текст. – *Радек*, № 1. С. 75-76.
- ¹⁴² Как приготовить гур-динамит. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 3; Вам, лесные братья! Партизанскими тропами. – Там же; снаряжение капсулей с гремучей ртутью пополам с селитрой. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 4; Аммонит и аммонит. Весьма полезные советы начинающим партизанам. – *Новый свет* (Пг.), 1992, № 5; *Алексеев В.В.* Про черных котят и многое другое. – *Новый свет* (Пг.), 1993, № 4.
- ¹⁴³ Урок экстремизма. – *Черная звезда*, 1993, № 4; то же. – *Рабочий* (Северск), № 35; *Пауэлл У.* Из Поваренной книги анархиста. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 3; *его же.* Взрывные устройства замедленного действия. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 1; Война без фронта. Опыт партизанской войны. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3; *Do It!* – *Автоном* (Краснодар), № 2; Как переделать дробовик в гранатомет. – *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 55, и др.
- ¹⁴⁴ *Пауэлл У.* Поваренная книга анархиста. М., 1995.
- ¹⁴⁵ Протухшая новость. – *Новый Нестор*, 1995, № 9; Будни анархии. – *Автоном* (Краснодар), № 6-7..
- ¹⁴⁶ *Черный И.* Похищение и казнь Альдо Моро. – *Лимонка*, № 12; *Калашиникова А.* К террору... – *Лимонка*, № 18; *Иванов И.* В объятиях спецслужб. – *Лимонка*, № 21; *Власов П.*, партизан. Доктор Герберт Маркузе. – *Лимонка*, № 25; *Че Гевара Э.* Из книги “Партизанская война”. – *Лимонка*, № 29; *Лимонов Э.*

Последний день команданте Че. – *Лимонка*, № 36; *Тарасов А.* Экзистенциальный революционер Ион Ветриле. – *Лимонка*, № 40; *Советы Че Гевары.* – *Лимонка*, № 42; *Власов П.* Партизан. Бакунин как суперагент. – *Лимонка*, № 52; *Власов П.* Партизан Махно как положительный герой. – *Лимонка*, № 53; *Партай Геноссе.* Трибун революции Жан-Поль Марат. – *Лимонка*, № 59; *Власов П.*, партизан. Тупак Амару – хроника прямого действия и вооруженной пропаганды. – *Лимонка*, № 60; *Жвания Д.* Великий Инка – Тупак Амару. – *Лимонка*, № 62.

¹⁴⁷ *Сампьеру А.* Жорж Сорель: социализм и насилие. – *Элементы*, № 7. С. 7-13.

¹⁴⁸ *Бахтияров О.* Повстанец и Смерть. – Там же. С. 13-16.

¹⁴⁹ *Мелентьева Н.* Размышления о терроре. – Там же. С. 17-24.

¹⁵⁰ *Свамиби М.* Всем миром против капитала. Собираем чемоданы – и уходим в партизаны – приглашает субкоманданте Маркос. – *Бумбараи-2017*, 1996, № 6; *Диас Х.М.М.* Венесуэла: зреет новый очаг партизанской борьбы. – *Бумбараи-2017*, 1996, № 13; *Колтакиди А.* Знакомьтесь: Movimiento Revolucionario Тирас Атагу (MRTA) - Революционное движение имени Тупак Амару. – *Бумбараи-2017*, 1997, № 1; Сокрушительный удар нанесла последняя акция MRTA по прогнившему режиму Фухимори. – Там же.

¹⁵¹ *Мацуяма М.* Рэнго Сэкигун – Красная Армия Японии. – *Бумбараи-2017*, 1996, № 8; Сводки с фронтов Мировой Революции. – *Бумбараи-2017*, 1997, № 1; *Шувалофф М.* GRAPO – от антифашистского сопротивления к вооруженной борьбе против буржуазных демократов. – Там же; *Банерджи В.* Восстание в Наксалбари. – *Бумбараи-2017*, 1997, № 2.

¹⁵² Унабомбер схвачен – борьба продолжается. – *Черная звезда*, № 14. С. 23; – *Наперекор*, № 2; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.

¹⁵³ “Граф Хортица” *Осипов Г.* No Sense Make Sense... – *Лимонка*, № 51; *Осипов Г.* Make Love Not War. – *Лимонка*, № 55; *Говорит Чарльз “Soul” Мэнсон.* – Там же; *Мысли Чарльза Мэнсона.* – *Лимонка*, № 62; *Вербицкий М.* NON Легкая музыка для немного оглохших. – *RWCDAХ* (Саратов – Москва), № 1. С. 24-25; *Титоренко И., Пушкина-Линн М.* Мусорная свалка, или История Чарльза Мэнсона. – *Забриски Rider*, № 5. С.137-143; Я – Зверь. Последнее слово Чарльза Мэнсона на суде. 19 ноября 1970 года. – Там же. С. 144-151.

¹⁵⁴ См.: *Bugliosi V., Gentry C.* Helter Skelter. The True Story of the Manson Murders. Toronto – N.Y. – L., 1975. P. 317, 321-331, 415, 423, 493, 614, 618, 634, 639-641.

¹⁵⁵ *Наперекор*, № 5. С. 3.

¹⁵⁶ См.: *Подробности взрыва.* – *Новый свет* (СПб.), 1993, № 3; то же. – *Черный передел* (Липецк), № 2; то же. – *Автоном* (Краснодар), № 6-7; *Взорван военный комиссариат в Москве.* Заявление № 1. – *Анархия*, № 1.

¹⁵⁷ *Камынин В.* Эй! Кто там шагает правой? – *Третий путь*, № 44. С. 3.

¹⁵⁸ *Романов И.* Старомыслы не нутрят ансоц... – Там же. С. 3-4.

¹⁵⁹ Цит. по: *Леонов Ю.* Информация о работе секции по проблемам экстремизма в самостоятельном и неформальном движении. – *Открытая зона*, 1987, № 1. С. 54.

¹⁶⁰ *Обращение Партизанского движения.* – *Черная звезда*, 1995, № 1. С. 22.

¹⁶¹ *Остановить государственный террор!* – *Автоном* (Краснодар), № 5.

¹⁶² *RWCDAХ* (Саратов – Москва), № 1. С. 1.

¹⁶³ *Бюллетень Левого информцентра*, 1992, № 22.

¹⁶⁴ См.: *Chavchoukova T.* L’anarchisme en Russie au temps de l’introduction du capitalisme. – *L’Affranchi*, 1994, mai–juin. P. 6-14.

¹⁶⁵ См.: *Питер: хроника акций солидарности с народом Чечни.* – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 1; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 53.

¹⁶⁶ *Александрович П.* Инцидент. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 3.

¹⁶⁷ 21-го сентября – Всеобщая политическая стачка против существующего режима. – Листовка Открытого Совета Питерской лиги анархистов. 22.07.1994 г.

¹⁶⁸ См.: *Альтернативы*, 1997, № 1. С. 146.

¹⁶⁹ *Описания беспорядков см.: Былевский П.* Грядет бунт студентов! – *Бумбараи-2017*, 1994, № 3; то же. – *Студенческая защита.* Специальный выпуск газеты Российского комсомола “Бумбараи-2017”; *Левацкий В.* Студенческий бунт на улицах белокаменной. – *Бюллетень Левого информцентра*, 1994, № 16; *Студенческий бунт на улицах белокаменной.* – *Новый Нестор*, 1994, № 6; то же. – *Черная звезда*, 1994, № 4. С. 20-21; *Нерсесов Ю.* Студенты идут на Кремль. – *Рубикон* (СПб.), 1994, № 3; *Удавов Г.* Наш автор штурмует Кремль. – *Русское сопротивление*, 1994, № 2.

¹⁷⁰ *Все о сексе!* – Листовка Левого Студенческой Альтернативы.

¹⁷¹ *Черная звезда*, 1995, № 1. С. 19.

¹⁷² *Красные галстуки в небе летят, ОМОН победил пионерский отряд.* – *Черная звезда*, 1994, № 4. С. 21-22; *Костенко Д., Мангазеев И.* Ликует пионерия. – *Новый Нестор*, 1994, № 12; *Цветков А.* Студенческая болезнь левизны после коммунизма. – *Общая газета*, 1994, № 35.

¹⁷³ *Черная звезда*, 1994, № 4. С. 22.

¹⁷⁴ *Студенческие волнения в Москве.* – *Бумбараи-2017*, 1995, № 3.

¹⁷⁵ *Студенческие волнения в Москве.* – *Студенческая защита*, 1995, № 4.

¹⁷⁶ *Власов П., партизан.* Студенты учатся драться. – *Лимонка*, № 13.

- ¹⁷⁷ См.: *Вечерняя Москва*, 18.04.1995; *Смена* (СПб.). 18.04.1995; *Санкт-Петербургские ведомости*, 18.04.1995.
- ¹⁷⁸ *Новый Нестор*, 1994, № 33.
- ¹⁷⁹ *Цветков, партизан*. Как чадил буржуй, чем пахнул? – *Новая ежедневная газета*, 18.10.1994.
- ¹⁸⁰ *Воскресенский В.* Любители удобной жизни. – *Экспресс-Хроника*, 1995, № 13.
- ¹⁸¹ *Головацкая Е.* Не бывает непробиваемых стекол. Бывают непробиваемые головы. – *Московский комсомолец*, 26.04.1995.
- ¹⁸² Подробнее об освещении СМИ студенческих беспорядков в 1994–1995 гг. см.: *Тарасов А.* Студенческие беспорядки и mass media: исследование одного явления. – *Среда*, 1996, № 4. С. 50-53.
- ¹⁸³ *Черная звезда*, № 13. С. 30.
- ¹⁸⁴ *Новый Нестор*, 1995, № 5.
- ¹⁸⁵ *Черная звезда*, 1995, № 1. С. 19.
- ¹⁸⁶ См.: *Мангазеев И.* Зеленые товарищи. – *Новая газета* (Тверь), 18.08.1994; *Подшивалов И.* У них были автоматы и дубинки, но они все равно проиграли. – *Блиц* (Ангарск), 1996, № 23; *Тупикин В.* Не нагло, а с чувством собственного достоинства мы выставили палатки. – *Латинский квартал*, 1996, № 2.
- ¹⁸⁷ См.: Соглашение о совместных действиях в поддержку единого кандидата на должность Президента Российской Федерации Г.А. Зюганова от народно-патриотических сил России. Принято 5 апреля 1996 года в Москве.
- ¹⁸⁸ Обращение Политобъединения “Рабочий”. – Листовка, март 1997.
- ¹⁸⁹ *Хамраев В.* Молодые коммунисты составляют график “бесчинств” в России. “Буржуазной Москве” это обойдется в 3 миллиона долларов. – *Сегодня*, 24.02.1997.
- ¹⁹⁰ См.: Борьба продолжается. – *Лимонка*, № 60.
- ¹⁹¹ Текст письма см.: *Голос труда* (Томск), № 12.
- ¹⁹² *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 55.
- ¹⁹³ Соглашение о взаимодействии Ассоциации движений анархистов. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 1.
- ¹⁹⁴ См.: Движение жесткой анархии. Устав. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 2.
- ¹⁹⁵ *Букчинский М.* Краткий словарь троцкизма от “А” до “Я”. – *Солнце* (Н. Новгород), № 2.
- ¹⁹⁶ *Тупикин В.* Прячущиеся большевики. Бюллетень о болезни и смерти российского отделения Интернациональной коммунистической лиги. – *Латинский квартал*, 1997, № 3.
- ¹⁹⁷ *Шварц Б.* О трансмутации элементов. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3.
- ¹⁹⁸ *Клифф Т.* Экономические корни реформизма. – *Взгляд* (Пермь), № 40; *Гилман Э.* Профсоюзная бюрократия против левых. – Там же.
- ¹⁹⁹ *Ихлов Б.* Класс и партия. – *Взгляд* (Пермь), № 40.
- ²⁰⁰ См.: *Ихлов Б.* Послесловие. – *Взгляд* (Пермь), № 38.
- ²⁰¹ *Бакунин М.А.* Избранные сочинения. ТТ. 1-5. Пг., 1919-1921; *его же.* Собрание сочинений и писем. ТТ. 1-4. М., 1931-1935.
- ²⁰² См.: *Исаев А., Гурболиков В.* Верный ученик Бакунина? – *Община*, № 2. С. 10-12.
- ²⁰³ См.: П. Прудон о государственности и анархии // *Государственность и анархия*. Популярная хрестоматия. Вып. I. М., 1989. С. 49-52.
- ²⁰⁴ *Маккей Д.Г.* Макс Штирнер, его жизнь и учение. СПб., 1907; *Курчинский М.А.* Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Пг., 1920.
- ²⁰⁵ *Эльцбахер П.* Анархизм. М., 1906.
- ²⁰⁶ *Стеклов Ю.М.* Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М., 1918; *его же.* Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь, учение и деятельность. М., Л., 1926-1927; *его же.* Первый Интернационал. М., 1924; *его же.* Прудон, отец анархии. М., 1924, и др.
- ²⁰⁷ *Исаев А., Шубин А.* В поисках социальной гармонии. – *Община*, № 19. С. 5-9, № 20. С. 6-11; *их же.* В поисках социальной гармонии. Очерки борьбы двух течений социалистической мысли // *Мулета-Б. Имперский державный анархизм!* Париж, 1989. С. 222-230.
- ²⁰⁸ См.: *КАС-КОР*, № 3.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ См.: *Исаев А.К.* Второй призыв // *Государственность и анархия*. Вып. I. С. 72-77; то же. – *Община*, № 6.
- ²¹¹ *Владимиров А.* Молодой Маркс о цензуре и свободе печати. – *Община*, № 4. С. 6-11; Карл Каутский о диктатуре пролетариата и демократии народа. – *Община*, № 10. С. 13; Письмо В.Г. Плеханова петроградским рабочим. – *Община*, № 19. С. 10-11; *Троцкий Л.* Письмо советским рабочим. – *Община*, № 22. С. 5-7; Каутский о государственной собственности. – *Община*, № 24. С. 10-11; Отто Бауэр о “национально-культурной автономии”. – *Община*, № 25. С. 3-5; Отрывки из записок Суханова. – *Община*, № 28. С. 15-17 и т.п.
- ²¹² *Чернов В.* Восстановление Интернационала. – *Община*, № 16. С. 16-18; Чернов о большевистской государственности // *Государственность и анархия*. Вып. I. С. 85.
- ²¹³ *Государственность и анархия*. Вып. I. С. 69-71.
- ²¹⁴ Там же. С. 72-84, 86-89.
- ²¹⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 18., М., 1961. С. 415-419.

- ²¹⁶ Максимов Г.П. Задачи производственных союзов. – *Община*, № 33. С. 9-11.
- ²¹⁷ Таккер Б. Государственный социализм и анархизм. – *Община*, № 37. С. 9-11.
- ²¹⁸ Тэкер В. Социализм, коммунизм, методы. Сборник. Б.м., 1907.
- ²¹⁹ Олейников Д. Анархо-гуманизм Алексея Борового. – *Община*, № 47. С. 4-6.
- ²²⁰ Лев Николаевич Толстой о государственности // Государственность и анархия. Вып. I. С. 68; Гурболиков В. Еще раз о Льве Толстом. – *Община*, № 47. С. 10-11.
- ²²¹ Несколько слов против здравого смысла. – *Великий Отказ*, № 1. С. 2-4.
- ²²² Костенко Д. Тот поющий и зовущий яркий Май. – *Великий Отказ*, № 1. С. 7-12; Говорит Красный Май. – *Великий Отказ*, № 4. С. 6-8; Рябов П. Идеи студенческого синдикализма в движении “новых левых”. – *Великий Отказ*, № 3; Костенко Д. Вольные университеты в движении “новых левых”. – Там же.
- ²²³ Костенко Д. Чьим могильщиком и чьим авангардом является рабочий класс? – *Великий Отказ*, № 1. С. 16-18; Рейч Ч. Молодая Америка. – *Великий Отказ*, №№ 2-3; Костенко Д. Теории сексуальной революции. – *Великий Отказ*, № 2. С. 7-12.
- ²²⁴ Костенко Д. Теории сексуальной революции. – *Великий Отказ*, № 2. С. 7-12; Рябов П. Что такое “феминизм” и стоит ли с ним бороться? – Там же. С. 13-15.
- ²²⁵ Контркультурщики среди левых террористов. – *Великий Отказ*, № 2. С. 19.
- ²²⁶ Оранжевые в Москве. – *Великий Отказ*, № 1. С. 22; Оранжевые на берегах Тихого океана. – Там же. С. 23; Знакомьтесь – “Оранжевая альтернатива” в действии. – *Великий Отказ*, № 2. С. 31-33.
- ²²⁷ Прово и кабутеры. – *Великий Отказ*, № 4. С. 10-15.
- ²²⁸ Костенко Д. Автономы. – *Великий Отказ*, № 5. С. 6-10; Смит Ф. Ситуационисты и их наследие. – Там же. С. 11-16.
- ²²⁹ Цит. по: *Великий Отказ*, № 5. С. 6.
- ²³⁰ См.: Костенко Д. Автономы. – *Черная звезда*, 1994, № 4; Скулл Р. Class War (Классовая война). Десять лет беспредела. – *Черная звезда*, 1995, № 1; Автономы: дети вооруженного желания. – *Автоном* (Краснодар), № 5; Гриндельсон-Магнат. Дни Хаоса. – *Крысодав* (Алматы), 1996, № 2 и т.д.
- ²³¹ Смит Ф. Ситуационисты и их наследие. – *Аспириин не поможет*, № 1. С. 13-18; Панегирик. – *Аспириин не поможет*, № 3. С. 5, 13; Лоу Л. Миражи. – Там же. С. 6-10.
- ²³² Ситуационистский Интернационал. – *Радек*, № 3.
- ²³³ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – *Великий Отказ*, № 1. С. 12-14; Чезаре Ломброзо об анархистах. – Там же. С. 20-21.
- ²³⁴ Элерс Ю. Студенческая революция и ренегат Кон-Бендит. – *Великий Отказ*, № 4. С. 9-10.
- ²³⁵ Маркузе Г. Экология и общественная критика. – *Великий Отказ*, № 3; то же. – *Крамола*, 1993, № 1.
- ²³⁶ КАС-КОР, № 2.
- ²³⁷ Новомирский Я. Проект программы синдикального анархизма. – *Голос* (Пг.), 1989, № 2; *его же*. Государство. – *Черное знамя* (Л.), 1990, № 3; *его же*. Манифест анархо-коммунистов. – *Черное знамя* (Л.), 1990, № 4.
- ²³⁸ См.: Жвания Д. Суммируя Бакунина. – *Голос анархии* (Пг.), 1989, № 1.
- ²³⁹ См.: Бакунин и таккеровцы 80-х. – Листовка АССА.
- ²⁴⁰ Эльцбахер П. Сущность анархизма. СПб., 1911.
- ²⁴¹ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? – *Анархия* (Пг.), 1990, № 1. С. 2-6; П.А. Кропоткин о законах. – *Черное знамя* (Л.), 1990. № 5; Кропоткин П.А. Анархия. Ее философия, ее идеал. – *Путь к свободе*, 1990, № 2. С. 1-17; *его же*. Анархизм. – *Путь к свободе*, 1990, № 3. С. 22-27; то же. – *Веселый Роджер* (Тверь–СПб.–Минск–Казань), 1992, № 1; *его же*. Современная наука и анархия. – *Черная линия* (СПб.), № 1. С. 1-18; *его же*. Власть против свободы. – *Анархия*, № 1. С. 8-10 и т.д.
- ²⁴² Цовма М. Алексей Боровой и Петр Кропоткин. – *Освобождение личности*. Посмертное издание. С. 2-5.
- ²⁴³ Толстой Л.Н. Солдатская памятка. – *Здравый смысл*, 1990, № 1; то же. – *Голос труда* (Томск), 1990, № 8; то же. – *Веселый Роджер* (Тверь–СПб.–Минск–Казань), 1992, № 1; Толстой Л.Н. Обладание властью возвращает людей. – *Свободный договор* (Пг.), 1990, № 3; *его же*. О государстве. – *Наперекор*, № 2. С. 18 и т.д.
- ²⁴⁴ Толстой о толстовстве. – *Ясная Поляна* (Рига), № 1. С. 4; Толстой Л.Н. Из доклада, приготовленного для Конгресса мира в Стокгольме. – *Ясная Поляна* (Рига), № 2. С. 12-13; *его же*. Благо любви. – *Ясная Поляна* (Рига), № 3. С. 1-2; *его же*. Из книги “На каждый день”. – *Ясная Поляна* (Рига), № 4. С. 2-6, *его же*. Из записной книжки. – *Ясная Поляна* (Рига), № 5. С. 1; *его же*. Письмо В.Г. Короленко. – Там же. С. 12; *его же*. В.С. Михайловой. – *Ясная Поляна* (Рига), № 6. С. 1; *его же*. О суде и смертной казни. – *Ясная Поляна* (Рига), № 7. С. 2-6 и т.д.
- ²⁴⁵ Кинг М.Л. Преобразованный конформизм. – *Ясная Поляна* (Рига), № 2. С. 23-28; *его же*. Любя врагов своих. – *Ясная Поляна* (Рига), № 3. С. 25-29; *его же*. Быть добрым ближнему. – *Ясная Поляна* (Рига), № 4. С. 25-30.
- ²⁴⁶ Белоцерковский В. Самоуправление и пропасть между мирами. – *Община*, № 40. С. 26-36; Джилас М. Новый класс. – *Путь к свободе*, 1990, № 2. С. 19-24; Солженицын А. Жить не по лжи. – *Солидарность* (издание АКРС), 1990, № 7.

²⁴⁷ Гольдман Э. Как я разочаровалась в России. – *Черное знамя* (Л.), 1990, № 8; Годвин В. Основы. – *Анархия* (Пг.), 1991, № 2; Лабриола Г. Синдикаты и социальное реформаторство. Предпосылки синдикатов. – *Синдикалист* (Северск), 1993, № 2; Неттлау М. Несколько замечаний об экономике анархизма. – *Синдикалист* (Северск), 1995, №№ 8-9.

²⁴⁸ Маршалл П. Анархизм Ноама Чомски. – *Освобождение личности*. Посмертный выпуск. С. 11-15; Крайнев М. На кого работает Ноам Чомски? – *Солидарность*, 1992, № 21; Чомски Н. Мировой порядок старый и новый. – *Аспириин не поможет*, № 3. С. 11-13.

²⁴⁹ Май 68 в Париже. – *Черная звезда*, 1993, № 2. С. 1-5; Французские анархисты в мае 1968. – Там же. С. 5-7; Тарасов А. Воспитание бунтаря, или Левацкое искусство умирать. – *Община*, № 48. С. 18-19; Костенко Д., Рябов П. “Все и немедленно!” Смысл бессмысленного, или Почему победила проигравшая революция. – *Солидарность*, 1992, №№ 14-15; Хроника крупнейших студенческих волнений 60-х годов. – Там же; Тарасов А. Годар как Вольтер. – *Дом Союзов*, 1993, № 2. С. 21-29; Сон о 68-м. Специальное приложение: к 25-летию Мировой Революции. – *Община*, № 49. С. 13-24; Щербаков А. Амальгама. – *Автоном* (Краснодар), № 2 и т.д.

²⁵⁰ Акай Л. Mujeres libres – свободные женщины. – *Воля*. Международная анархическая газета, № 9; *ее же*. Неправильные ответы на сложные вопросы. – *Наперекор*, № 3. С. 8-10; Феминизм – это образование женщины. – *Наперекор*, № 2. С. 9; Дроздова А. Патриархат – на свалку! – *Наперекор*, № 4. С. 22, 25; Цветков А. Секс как зеркало революции. – *Воля*. Международная анархическая газета, № 9 и т.д.

²⁵¹ Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987; *его же*. Философия. Социология. Политика. М., 1989; Кропоткин П.А. Хлеб и воля. – Современная наука и анархия. М., 1990; *его же*. Этика. М., 1991; *его же*. Записки революционера. М., 1988; *его же*. Дневники разных лет. М., 1992, и др.; Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.

²⁵² См.: Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX - начала XX века. Избранные произведения. М., 1994.

²⁵³ Махно Н. Воспоминания. М., 1992; Малатеста Э. Краткая система анархизма в десяти беседах. Донецк, 1996; Банс П, Дежан Э. Что такое анархо-синдикализм? М., 1996; Таккер Б. Свобода, равная для всех. СПб, 1997; Аршинов П. История махновского движения. Запорожье, 1995 и т.д.

²⁵⁴ Боровой А. Бакунин. М., б.г.

²⁵⁵ Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. – *Вопросы истории*, 1989, №№ 7-12; *его же*. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1991; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1-4. М., 1990; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990; *его же*. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1-2. М., 1990, то же. Иркутск, 1991; *его же*. Сталин. В 2 т. М., 1990; *его же*. Портреты революционеров. М., 1991; *его же*. Уроки Октября. СПб., 1991 и т.д.

²⁵⁶ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991; *его же*. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. Н.-У. – М., 1993; *его же*. Преступления Сталина. М., 1994; *его же*. Дневники и письма. М., 1994; *его же*. Сталинизм и большевизм. Б.м., б.г. и т.д.

²⁵⁷ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991; Хобсбаум Э. Эхо “Марсельезы”. Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет. – Дойчер И. Незавершенная революция. Россия: 1917–1967. М., 1991; Андерсон П. Размышления о западном марксизме. – На путях исторического материализма. М., 1991.

²⁵⁸ Клифф Т. Государственный капитализм в России. М., 1991; *его же*. Экономические корни реформизма. – *Взгляд* (Пермь), № 40; Харман К. Как погибла революция. М., 1991; Подъем и упадок советской империи. М., 1993; Почему советская экономика потерпела крах. М., 1993; Доил К. Франция 1968. Месяц революции. Уроки всеобщей забастовки. СПб.–М., 1993; Есть ли другой путь к рынку? М., 1994; Курода К. Сны Горбачева. М., 1994; *его же*. Сталинский социализм: взгляд из Японии. Б.м., б.г.; Фут П. Социализм: демократическая альтернатива. М., б.г.; Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда, или Почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь урок для сегодняшнего дня? М., 1994 и т.д.

²⁵⁹ Клифф Т. Государственный капитализм в России; Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992.

²⁶⁰ Лукач Г. Материализация и пролетарское сознание. – *Вестник Социалистической Академии*, 1923, кн. 4-6; *его же*. Исторический роман. М., 1936; *его же*. Литературные теории XIX века и марксизм. М., 1937; *его же*. К истории реализма. М., 1939; *его же*. Борьба гуманизма и варварства. Ташкент, 1943; Лукач Д. Георг Бюхнер – истинный и фальсифицированный на фашистский лад // *Антифашизм – наш стиль*. М., 1971; *его же*. Свообразие эстетического. Т. 1-4. М., 1985-1987; Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959; Сартр Ж.-П. Слова. М., 1966; *его же*. Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1984; *его же*. Наемники против Кубы. – *Иностранная литература*, 1961, № 8; Камю А. Избранное. М., 1969; *его же*. Из философской эссеистики. – *Вопросы литературы*, 1980, № 2; Фромм Э. Автоматический конформизм // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. Тексты. М., 1986; *его же*. Иметь или быть? М., 1986; Гароди Р. Грамматика свободы. М., 1952; *его же*. Материалистическая теория познания. М., 1955; *его же*. Марксистский гуманизм. М., 1959; *его же*. Ответ Жан-Полу Сартру. М., 1962; Че Гевара Э. Партизанская война. М., 1961; *его же*. Эпизоды революционной войны. М., 1974; Ясперс К. Куда движется ФРГ? М., 1969 и т.д.

²⁶¹ Зинн Г. США после Второй мировой войны: 1945–1971. М. 1977; Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984; Антекер Б., Дэвис А. Кто такой политический

заключенный? // Современная прогрессивная философская и социологическая мысль в США. М., 1977; Дэвис А. О роли негритянок в борьбе с рабством // Там же.

²⁶² Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987; *его же*. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991; Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988; *его же*. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989; *его же*. Иметь или быть? М., 1990; *его же*. Бегство от свободы. М., 1990; *его же*. Душа человека. М., 1992; *его же*. Психоанализ и этика. М., 1993; Хорни К. Невротическая личность нашего времени. – Самоанализ. М., 1993; *ее же*. Женская психология. СПб., 1993; Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 1996; *его же*. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; *его же*. Жизненный цикл: эпигенез идентичности. – *Архетип*, 1995, № 1; *его же*. Первый психоаналитик. – *Архетип*, 1996, № 1; Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997; *его же*. Массовая психология фашизма. – *Архетип*, 1995, № 1; Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988; *его же*. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989; *его же*. Стена. Избранные произведения. М., 1992; *его же*. Проблемы метода. М., 1994; Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1989; *его же*. Сочинения. М., 1989; *его же*. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990; *его же*. Избранное. М., 1990; Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988; *ее же*. Одиночество, самостоятельность и взаимозависимость в контексте культуры // Лабиринты одиночества. М., 1989; Гароди Р. Марксизм XX века. М., 1994; Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994; *его же*. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995; Беньямин В. О понятии истории. – *Художественный журнал*, № 6; *его же*. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996; Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра. – *Свободная мысль*, 1995, №№ 2, 4; *его же*. Россия и капиталистическая мир-экономика. – *Свободная мысль*, 1996, № 5 и т.д.

²⁶³ См.: Анархия как способ проявления некрофилии. – *Солнце* (Н. Новгород), № 2; *Анархо-синдикалист*. Кое-что о кризисе и не только о нем. – *Новый Нестор*, 1995, № 1; Рябов П. Человек бунтующий. Философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю. – *Наперекор*, № 1. С. 10-11; Дамье В. Книжное обозрение. – *Наперекор*, № 2. С. 9; Гр-ий. За что хвалят анархистов? – *Прямое действие*, № 5; Отец как культовая фигура. – *Трава и воля*, № 1. С. 3-4 и т.д.

²⁶⁴ Букчин М. Экология и революционное сознание. – *Третий путь*, № 45; *его же*. Реконструкция общества. На пути к зеленому будущему. Н. Новгород, 1996.

²⁶⁵ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.

²⁶⁶ См.: Маригелла К. Инструкция к городской герилье. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3.

²⁶⁷ См.: Назад к Нечаеву. Идеологическое постановление Президиума Верховного Совета Центрального Комитета Инициативы РЕволюционных АНархистов России, Украины, Беларуси, Казахстана и Литвы. – *Черная звезда*, № 14. С. 8-9; *Радек*, № 3.

²⁶⁸ Фуко М. “Анти-Эдип” – введение в новый образ жизни. – *Черная звезда*, 1995, № 1. С. 13; Фуко М. и Делез Ж. Интеллектуалы и власть. – *Радек*, № 3.

²⁶⁹ В поисках новой культуры. Культурологический манифест коммунистов-революционеров. – *Рабочая борьба* (СПб.), № 1.

²⁷⁰ Ходжа Э. Размышления о Китае. Т. I-II. Тирана, 1979; *его же*. Хрущевцы. Воспоминания. Б.м., б.г.

²⁷¹ Оджалан А. Проблема личности в Курдистане. Особенности революционного борца и партийная жизнь. Ереван, 1994; *его же*. Социализм и проблемы революции. М, 1996.

²⁷² Толкиен Д.Р.Р. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991.

²⁷³ Самари К. О целях и средствах. – *Альтернативы*, 1992, № 2; Мандель Д. Интеллигенция и рабочий класс в 1917 г. – *Альтернативы*, 1993, № 3; Кокс М. Троцкий – его враги и друзья и советский кризис. – *Альтернативы*, 1995, № 1; Шафф А. Срочно требуются “новые левые”. – *Альтернативы*, 1995, № 2; Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда. – *Альтернативы*, 1995, №№ 2-3; Капитализм на рубеже XIX века: новый вызов левым. – *Альтернативы*, 1995, № 3; Привезенцев К. “Зеленые” и рабочее движение: опыт взаимодействия. – там же; Либо социализм, либо варварство. – *Альтернативы*, 1995, № 4; Ихлов Б. Международная конференция “Рабочее движение: состояние и перспективы”. – *Альтернативы*, 1996, № 4 и др.

²⁷⁴ Сосновский Н. Прогноз погоды на завтра и вчера. – *Забриски Rider*, № 3; *его же*. Desdemona Must Die! – *Забриски Rider*, № 4.

²⁷⁵ См., например: Это он, Эдичка? – *Солидарность*, 1992, № 7.

²⁷⁶ Потапов В. Новая война Эдуарда Лимонова. – *Солидарность*, 1992, № 21.

²⁷⁷ См., например: Национал-большевистская партия. – *Штурм*, 1996, № 4. С. 47; Чегеваров И. Мы “зарядились” надолго. Интервью с Эдуардом Лимоновым 11 сентября 1996 года. – *Молодой коммунист*, 1996, № 3 и т.д.

²⁷⁸ Подробнее о Ю. Нерсесове см.: Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 292-294.

²⁷⁹ Нерсесов Ю. Коммунисты и война в Чечне. – *Российская правда*, 1997, № 5.

²⁸⁰ Власов П., партизан. Студенты учатся драться. – *Лимонка*, № 13.

²⁸¹ *Лимонка*, №№ 51, 59.

- ²⁸² К новой речи – речи бессмертных людей. – *Лимонка*, № 41.
- ²⁸³ *Осмоловский А.* О стабильности. – *Лимонка*, № 42; *его же.* Твой выбор сделан. – *Лимонка*, № 44; *Бренер А.* Открытое письмо о холуйстве. – *Лимонка*, № 43; *его же.* Ненавижу. – *Лимонка*, № 45; *его же.* Америка. – Там же.
- ²⁸⁴ Забастовка по... – *Лимонка*, № 45.
- ²⁸⁵ *Вербитский М.* Rudy Ridge и бойня в Waso. – *Лимонка*, № 62.
- ²⁸⁶ *Гейл Я.* Шалом, Израиль! – *Лимонка*, № 43. "Гавнац" в переводе с иврита означает "желтый сыр", а "Сусон Гавнунон" – "Конек-Горбунок".
- ²⁸⁷ *Нерсесов Ю.* Загнивание тропических фруктов. – *Черная звезда*, № 13. С. 19-20.
- ²⁸⁸ *Костенко Д.* Непутевое будущее русской нации. – *Московские новости*, 1996, № 4.
- ²⁸⁹ Раздавить двух змей. – *Лимонка*, № 29.
- ²⁹⁰ *Лимонов Э.* Лимонка в журналистиков. – *Лимонка*, № 47.
- ²⁹¹ *Лимонка*, № 54.
- ²⁹² См.: *Хомер*, № 8.
- ²⁹³ См.: *Эймс М.* Лимонов не панк. А вот Жириновский – почти Роттен. – *Новая ежедневная газета*, 20.09.1994; *Акай Л.* Пусть Лимонов обходится без лимонов. – Там же.
- ²⁹⁴ *Шварц Б.* О трансмутации элементов. – *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3.
- ²⁹⁵ *Власов П., партизан.* Прощай, анархия! – *Лимонка*, № 18.
- ²⁹⁶ См.: *Власов П., партизан.* Бакунин как суперагент. – *Лимонка*, № 52; *Власов П.* Партизан Махно как положительный герой. – *Лимонка*, № 53.
- ²⁹⁷ *Тимур Бонч (Генерал Брусилев).* К членам НБП. – *Лимонка*, № 52.
- ²⁹⁸ Sex-тренажер элитной женщины партии. – *Лимонка*, № 56.
- ²⁹⁹ *Дудинский И.* Кате П. – *Лимонка*, № 55.
- ³⁰⁰ Фан-клуб, секта или дисциплинарный санаторий? – *Рабочая демократия* (орган Российской секции Комитета за Рабочий Интернационал), 1996, № 2.
- ³⁰¹ См.: *Цовма М.* Странные антифашисты, батенька, в нашем городе. – *Наперекор*, № 3. С. 3; Заявление о т.н. "Левом Антифашистском Сопротивлении". – *Наперекор*, № 5. С. 27; *Гр-ий.* За что хвалят анархистов? – *Прямое действие*, № 5 и т.п.
- ³⁰² *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 65.
- ³⁰³ Верное средство от старческих болезней. Обращение к жертвам научно-практической конференции "Новый революционный коммунизм". – Листовка Русской Секции Последнего Интернационала.
- ³⁰⁴ *Гейл Я.* Бумбараш-2017. – *Лимонка*, № 44.
- ³⁰⁵ *Моретьев А.* Солдат революции. – *Рабочая борьба* (СПб.), № 13.
- ³⁰⁶ *Дугин А.* Политический солдат. – *Лимонка*, № 53.
- ³⁰⁷ *Дугин А.* Ги Дебор мертв. Спектакль продолжается. – *Лимонка*, № 14; *его же.* Политический солдат. – *Лимонка*, № 53.
- ³⁰⁸ *Камынин В.* Эй! Кто там шагает правой? – *Третий путь*, № 44. С. 3.
- ³⁰⁹ *Экстремист* (Петропавловск-Камчатский), 1996, № 1.
- ³¹⁰ *Зверев А.* В Москве запылают буржуйские магазины. – *Московский комсомолец*, 4.02.1997.
- ³¹¹ Борьба продолжается. – *Лимонка*, № 60.
- ³¹² См.: *Левкин А.* Шоковая терапия. – *СМ-сегодня* (Рига), 30.11.1996.
- ³¹³ *Дугин А.* Лучше Земле быть пустой. – *Лимонка*, № 61.
- ³¹⁴ См.: *Радек*, № 3; *Москвичев А., Тарасов А.* Конференция революционных радикалов закончилась убийством спонсора. – *Фокус*, 1996, № 1.
- ³¹⁵ Албания повсюду! – Листовка КРАС–МАТ; В борьбе обретем мы право свое! – Листовка Социально-революционного профсоюза "Воля", КРАС–МАТ и Группы "Социалистическая солидарность".
- ³¹⁶ *Цовма М.* Странные антифашисты, батенька, в нашем городе. – *Наперекор*, № 3. С. 3.
- ³¹⁷ *Черная звезда*, № 14. С. 28.
- ³¹⁸ См.: Памяти товарища. – *Марксист*, № 4. С. 120-121.
- ³¹⁹ *Черная звезда*, № 14. С. 24.
- ³²⁰ См., например: *Костенко Д.Г.* Не бунт, а протест. – *Свободная мысль*, 1996, № 7. С. 27-28; *Маркелов С.* Социальная база борющихся студенческих профсоюзов. – *Бумбараш-2017*, 1996, № 12.
- ³²¹ Цит. по: *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.
- ³²² *Новый Нестор*, 1996, № 1.
- ³²³ Раскол в ФАРА. – *Че* (Солигорск), № 3.
- ³²⁴ Пламенные революционеры. Биографии Выдающихся Деятелей ФРАН. Олег Новиков. – *Черная звезда*, 1993, № 2. С. 7-10; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.
- ³²⁵ За сексуальную революцию в кампусе (общезитии). – Листовка.
- ³²⁶ *Черная звезда*, 1993, № 2. С. 10.
- ³²⁷ *Черная звезда*, № 14. С. 30; *Новый Нестор*, 1994, № 7; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56
- ³²⁸ Процесс века: Лелик против Гергенредера. Офицерам ФСБ для служебного пользования. – *Черная звезда*, № 14. С. 30-31.

- ³²⁹ См.: Рысов В. Кровавый секс. – *Русское сопротивление*, № 1.
- ³³⁰ *Новый Нестор*, 1994, № 22.
- ³³¹ См.: Русский эротический сказ. Бендеры, 1993.
- ³³² Там же. С. 6-7. Техническая осуществимость такого эксперимента дискутабельна. С одной стороны, радиус верхней кромки стандартного ведра – 15 см и, следовательно, на такую же высоту поднимается ручка ведра, но, с другой стороны, стандартное ведро, полное парного молока (при средней жирности 4–5%), весит не меньше 8 кг.
- ³³³ Процесс века: Лелик против Гергенредера. Офицерам ФСБ для служебного пользования. – *Черная звезда*, № 14. С. 30-31; Суета вокруг “Саксаула”. – Там же. С. 32; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56; *Новый Нестор*, 1996, № 1.
- ³³⁴ Рябов П. Неформальное движение как высшая и последняя... – *Крамора*, 1993, № 1. С. 59-60.
- ³³⁵ *Анархо-синдикалист*. Кое-что о кризисе и не только о нем. – *Новый Нестор*, 1995, № 1.
- ³³⁶ Дубовик А., Скרוзицкий А. Очерк истории анархического движения на Украине. – *Новый свет* (СПб.), 1995, № 2.
- ³³⁷ Власов П., партизан. Прощай, анархия! – *Лимонка*, № 18.
- ³³⁸ Фомичев С. Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 5-18.
- ³³⁹ Там же.
- ³⁴⁰ Там же.
- ³⁴¹ Там же.
- ³⁴² Мангазеев И. Куда ведет “третий путь”? – *Третий путь*, № 48. С. 11-12; Шубин А. Соблазны радиализма. – Там же. С. 13-20.
- ³⁴³ Рауш П. Ответ на письмо Петра Рябова. – *Новый свет* (Пг.), 1994, № 1.
- ³⁴⁴ Шевчук Ю. Змеиное молоко. – *Третий путь*, № 48. С. 3, 10.
- ³⁴⁵ Гейл Я. Экология. – *Лимонка*, № 59.
- ³⁴⁶ Там же.
- ³⁴⁷ См.: Фомичев С. Коричневая ржавчина Российской Партии Зеленых. – *Третий путь*, № 45. С. 18-20.
- ³⁴⁸ См.: Советская Историческая Энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Стб. 43-46.
- ³⁴⁹ *Trotsky L. Obras*. Т. 4. Р., 1972. Р. 47-55.
- ³⁵⁰ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 211.
- ³⁵¹ Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992. С. 5.
- ³⁵² Троцкий Л.Д. Преданная революция. С. 203-205.
- ³⁵³ См.: *La Verite*, N 552, P. 44.
- ³⁵⁴ *Guerin D. Pour un marxisme libertaire*. P., 1969; см. также: *Idem. L'anarchisme. De la doctrine a la pratique*. – *Anarchisme et marxisme*. P. 1981. P. 250-252.
- ³⁵⁵ *Mandel E. Contrôle ouvrier, conseils ouvriers, autogestion*. P., 1973.
- ³⁵⁶ См.: Фут П. Социализм: демократическая альтернатива. М., б.г. С. 64-68.
- ³⁵⁷ *Альтернативы*, 1995, № 4. С. 38.
- ³⁵⁸ Там же. С. 43-44.
- ³⁵⁹ См., например: *Epstein S. Gay Politics, Ethnic Identity. The Limits of Social Constructionism*. – *Socialist Review*, 1987, vol. 17, No 3; *Goldberg B. Race, Class and History*. – *New Politics*, 1993, vol. IV, No 2; *Johnson P. Trotskyism and the Struggle for Black Liberation*. – *BIDOM*, 1993, July – August; *France M. The Centrality of the African American Movement*. – *Ibid.*; *Sell E. Testing Concepts about the African American Struggle Theory and Reality*. – *BIDOM*, 1993, October; *Dashner H., McAllister C., Nikell E. Women and Economic Integration*. – *BIDOM*, 1993, December; *Sell E. The Independent Character of the Women's Liberation Movement*. – *BIDOM*, 1993, January; *Lefrak P. One Million March for Lesbian/Gay Rights*. – *National Lesbian and Gay Labor Organization Founded*. – *BIDOM*, 1994, September; etc.
- ³⁶⁰ *Община*, № 40. С. 7.
- ³⁶¹ *Альтернативы*, 1995, № 3. С. 11-12.
- ³⁶² См.: *Альтернативы*, 1995, № 4. С. 41-42.
- ³⁶³ Коммунизм остается будущим мира! Выступление А. Лагийе, представительницы Lutte Ouvriere (UCI) на собрании круга им. Льва Троцкого, в Париже, 14 февраля 1992 г. Б.м., б.г. С. 23-26.
- ³⁶⁴ См., например: *Fourth International*, Winter 1968/69. P. 107; *The Newsletter*, 13.01.1968; *New Revolutionaries. Left Opposition*. L., 1969. P.52; *International Socialist Review*, 1969, July – August. P. 48-49; etc.
- ³⁶⁵ См.: *Ихлов Б. Александр Лебедь как зеркало русской нереволуционности*. – *Взгляд* (Пермь), № 37. С. 29-30.
- ³⁶⁶ *Его же*. Что такое “друзья народа” и как они “воюют” против социал-демократов. – *Взгляд* (Пермь), № 38. С. 21.
- ³⁶⁷ *Его же*. Взбунтуйте город. – *Взгляд* (Пермь), № 40. С.67.
- ³⁶⁸ *Его же*. Послесловие. – *Взгляд* (Пермь), № 38. С. 43.
- ³⁶⁹ См., например: там же.
- ³⁷⁰ См.: Резолюция 15-й конференции ОПО “Рабочий” о ситуации в России. – *Рабочий вестник* (Пермь), № 21.

- ³⁷¹ The New Left. A Documental History. Indianapolis – N.Y., 1969. P. 202.
- ³⁷² См.: *Marcuse H.* The Re-examination of the Concept of Revolution. – *Diogenes*, 1968, Winter. P. 21.
- ³⁷³ *Bergmann U., Dutschke R., Lefevre W., Rabehl B.* Rebellion der Studenten oder Die neue Opposition. Hamburg, 1968. S. 90-91.
- ³⁷⁴ См.: *Wiesengrund Adorno T.* Ideologie // *Frankfurter Beitrage zur Soziologie*. Frankfurt a/M, 1964. S. 176.
- ³⁷⁵ *Jacobs P., Landau S.* The New Radicals: a Report with Documents. N.Y., 1966. P. 76.
- ³⁷⁶ *Cohn-Bendit.* Le Gauchisme. Remede a la maladie senile du communisme. P., 1968. P. 267.
- ³⁷⁷ См.: *Reich C.A.* The Greening of America. N.Y., 1970. P. 19.
- ³⁷⁸ Цит. по: *Inquiry*, 1974, vol. I, No 16. P. 7.
- ³⁷⁹ *Le Nouvel Observateur*, 8.01.1973.
- ³⁸⁰ См.: *Hoffman A.* Steal This Book. N.Y., 1971.
- ³⁸¹ *Slater P.E.* The Pursuit of Loneliness. American Culture of the Breaking Point. Boston, 1979. P. 97.
- ³⁸² *Brown N.O.* Life against Death. Middletown, 1969. P. 7.
- ³⁸³ *Roszak T.* Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y., 1973. P. 174-177, 356-370.
- ³⁸⁴ См.: *Мадисон А.* Воспоминания об эйфории. – *Забриски Rider*, № 1. С. 7.
- ³⁸⁵ *Leary T.F.* The Politics of Ecstasy. L.–N.Y., 1970. P. 112-113, 223.
- ³⁸⁶ *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994. С. 134.
- ³⁸⁷ *Roszak T.* Op. cit. P. 350-361, 366-372, 374-379.
- ³⁸⁸ См.: *Goodman P.* Growing Up Absurd. Problems of Youth in Organized Society. N.Y., 1960; *Idem.* New Reformation. Notes of a Neolithic Conservative. N.Y., 1972.
- ³⁸⁹ См.: *Reich W.* The Sexual Revolution. Toward a Self-Governing Character Structure. N.Y., 1970; *Id.* Sex-Pol Essays 1929–1934. N.Y., 1971.
- ³⁹⁰ См.: *Gordon L.* Woman’s Body, Woman’s Right. A Social History of Birth Control in America. N.Y., 1976.
- ³⁹¹ *Guardian*, 18.10.1969.
- ³⁹² *Millett K.* Sexual Politics. Garden City–N.Y., 1970.
- ³⁹³ *Millett K.* Sexus und Herrschaft. Munchen, 1974.
- ³⁹⁴ *Leary T. F.* Op. cit. P. 52-54.
- ³⁹⁵ См.: *New Statesman*, 25.06.1993.
- ³⁹⁶ См.: *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995. Глава “Эстетическое измерение”. С. 176-202.
- ³⁹⁷ *Его же.* Одномерный человек. С. 328-329.
- ³⁹⁸ *Его же.* Эрос и цивилизация. С. 294-295.
- ³⁹⁹ Там же. С. 2.
- ⁴⁰⁰ *Le Nouvel Observateur*, 24.06.1968.
- ⁴⁰¹ *Rubin J.* Do It. L., 1970. P. 256.
- ⁴⁰² *Cohn-Bendit.* Op. cit. P. 267. Надо, правда, учитывать, что укрывшиеся под фамилией без имен братья Даниель и Габриель Кон-Бендиты использовали в оригинале слово “jeu”, которое по-французски означает не только “игра”, но и “шутка”, “действие” (в т.ч. боевое), “взрыв” – но эта многозначность сама по себе контркультурна, карнавальна, т.е. *игра, шутка*.
- ⁴⁰³ См.: *Packard V.* The Hidden Persuaders. N.Y., 1959; *Id.* The Status Seekers. N.Y., 1959.
- ⁴⁰⁴ *Kursbuch*, 1970, N 22.
- ⁴⁰⁵ *Reich C.A.* Op. cit. P. 242-244, 246-290.
- ⁴⁰⁶ См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. С. 330-331.
- ⁴⁰⁷ *Millett K.* Sexus und Herrschaft. S. 473.
- ⁴⁰⁸ См.: *The Beatles Songbook.* Moscow, 1993. P. 178-179.
- ⁴⁰⁹ *Marcuse H.* An Essay on Liberation. L., 1969. P. 11.
- ⁴¹⁰ *Ibidem.* P. 79.
- ⁴¹¹ См.: *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. С. 12-74, 88-105.
- ⁴¹² *Marcuse H.* Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud. Boston, 1966. P. XXVII. Цит. по оригиналу, т.к. в русском переводе (*Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. С. XXI) это место дано с потерей смысловой императивности.
- ⁴¹³ *Маркузе Г.* Одномерный человек. С. 318.
- ⁴¹⁴ Там же. С. 319.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 336.
- ⁴¹⁶ Цит. по: *Ломейко В.Б.* Левее истины. Рецидив детской болезни “левачества” в студенческом движении Запада. М., 1970. С. 79.
- ⁴¹⁷ Там же.
- ⁴¹⁸ *Bergmann U., Dutschke R., Lefevre W., Rabehl B.* Op. cit. S. 55-92.
- ⁴¹⁹ См.: *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. М., 1994. С. 45.

- ⁴²⁰ См.: *Marcuse H. Repressive Tolerance // Wolff R., Moore B., Marcuse H. Critique of Pure Tolerance.* Boston, 1965.
- ⁴²¹ См.: *Bergmann U., Dutschke R., Lefevre W., Rabehl B.* Op. cit. S. 73.
- ⁴²² См., например: *Маркузе Г. Одномерный человек.* С. 330-331.
- ⁴²³ См.: *SDS: Port Huron Statement // The New Left. A Documental History.* Indianapolis–N.Y., 1969.
- ⁴²⁴ См.: *Маркузе Г. Эрос и цивилизация.* С. XXV.
- ⁴²⁵ *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique.* P., 1968. P. 706.
- ⁴²⁶ *Id. Situation III.* P., 1949. P. 188.
- ⁴²⁷ Цит. по: *Kulturny zivot*, 1968, с. 25.
- ⁴²⁸ *Cohn-Bendit.* Op. cit. P. 267.
- ⁴²⁹ Цит. по: *Kulturny zivot*, 1968, с. 25.
- ⁴³⁰ См.: *Сартр Ж.-П. Проблемы метода.* С. 209.
- ⁴³¹ См.: *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique.* P. 384-385, 419-420, 431; *Сартр Ж.-П. Проблемы метода.* С. 146-147.
- ⁴³² См.: *Маркузе Г. Эрос и цивилизация.* С. 309.
- ⁴³³ *Rowntree J. and Rowntree M. Youth as a Class. – International Socialist Journal*, 1968, vol. 5, No 25.
- ⁴³⁴ *Political Affairs*, 1969, February.
- ⁴³⁵ *Debray R. Revolution in the Revolution?* N.Y., 1967. P. 21.
- ⁴³⁶ *Le Nouvel Observateur*, 8.05.1968.
- ⁴³⁷ *Le Combat*, 29.04.1968.
- ⁴³⁸ *Cohn-Bendit.* Op. cit. P. 101.
- ⁴³⁹ См.: *Marcuse H. The Re-examination of the Concept of Revolution. – Diogenes*, 1968, Winter. P. 20; *Id. An Essay on Liberation.* P. 51-52; *Id. Five Lectures.* L.-Boston, 1969. P. 85, 96.
- ⁴⁴⁰ См.: *Debray R.* Op. cit.; *Id. Essais sur l’Amerique Latin.* P. 1967.
- ⁴⁴¹ См.: *Che Guevara E. La guerra de guerrillas // Che Guevara E. Escritos y discursos.* T. 1. La Habana, 1977; *Id. Guerra de guerrillas: un metodo // Ibidem.*
- ⁴⁴² См.: *Мао Цзэ-дун. Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков // Мао Цзэ-дун. Избранные произведения.* Т. 2. М., 1953.
- ⁴⁴³ См.: *New Left Review*, 1969, January–February.
- ⁴⁴⁴ См.: *Schnapp A. et Vidal-Naquet P. Journal de la Commune etudiante. Textes et documents.* Novembre 1967 – juin 1968. P., 1969. P. 389-391.
- ⁴⁴⁵ *Fanon F. Les damnés de la terre.* P., 1991. P. 165-170.
- ⁴⁴⁶ *Маркузе Г. Эрос и цивилизация.* С. 298.
- ⁴⁴⁷ *Его же. Одномерный человек.* С. 336-337; *Marcuse H. The Re-examination of the Concept of Revolution. – Diogenes*, 1968, Winter. P. 20; *Id. An Essay on Liberation.* P. 51-52.
- ⁴⁴⁸ *Frank A.G. El desarrollo del subdesarrollo.* Mexico, 1966. P. 32.
- ⁴⁴⁹ См.: *Horney K. Neurosis and Human Growth.* N.Y., 1950.
- ⁴⁵⁰ *Фромм Э. Бегство от свободы.* М., 1990. С. 145-146, 152, 154-158.
- ⁴⁵¹ *Маркузе Г. Одномерный человек.* С. 102-103.
- ⁴⁵² *Fanon F.* Op. cit. P. 65-141.
- ⁴⁵³ См.: *Sartre J.-P. Preface // Fanon F.* Op. cit. P. 44-54.
- ⁴⁵⁴ См.: *Torres Restepo C. La violencia y los cambios socioculturales en las areas rurales colombianos // Memoria del Primero Congreso Nacional de Sociologia.* Bogota, 1963.
- ⁴⁵⁵ См.: *Debray R. La critique des armes.* P., 1974. P. 21, 173, 184-185, 205-207.
- ⁴⁵⁶ См.: *Маркузе Г. Одномерный человек.* С. 1-2.
- ⁴⁵⁷ См.: *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique.* P. 690.
- ⁴⁵⁸ См.: *Dos Santos T. La corporacion multinacional // Problemas del subdesarrollo latinoamericano.* Mexico, 1975; *Id. Socialismo o fascismo. El nuevo caracter de la dependencia y el dilema latinoamericano.* Buenos Aires, 1973; *Id. Socialismo o fascismo. Dilema de America Latina.* Santiago-de-Chile, 1969.
- ⁴⁵⁹ См., например: *Рябов П. Человек бунтующий. Философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю. – Наперекор*, № 1. С. 10-11.
- ⁴⁶⁰ См., например: *Maitron J. Le mouvement anarchiste en France.* P., 1975; *Schechter S. The Politics of Urban Liberation.* Montreal, 1978; *Berthier R. Vacounine politique. Revolution et contre-revolution en Europe centrale.* P., 1991 etc.
- ⁴⁶¹ Принципы анархо-синдикализма. Международная Ассоциация Трудящихся. – *Прямое действие*, № 1 и последующие.
- ⁴⁶² См.: *Дамье В. Экономика свободы. – Наперекор*, № 1. С. 12-13; *его же. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? – Наперекор*, № 2. С. 20; *его же. Миф нации. – Наперекор*, № 4. С. 5-9.
- ⁴⁶³ *Маркин Р. Как прийти к анархическому идеалу? Через профсоюз. – КАС-контакт*, № 28.
- ⁴⁶⁴ Программный документ Конфедерации анархо-синдикалистов. – *Община.* Спецвыпуск “I Учредительный съезд Конфедерации анархо-синдикалистов”. С. 4-9.
- ⁴⁶⁵ План работы на всю оставшуюся жизнь. – *RWCDAХ* (Саратов – М.), № 1.

- ⁴⁶⁶ Назад к Нечаеву. Идеологическое постановление Президиума Верховного Совета Центрального Комитета Инициативы РЕволюционных АНархистов России, Беларуси, Казахстана и Литвы. – *Черная звезда*, № 14. С. 9
- ⁴⁶⁷ *Рябов П.* Неформальное движение как высшая и последняя стадия... – *Крамола*, 1993, № 1. С. 60.
- ⁴⁶⁸ См.: *Потапов В.* Новая война Эдуарда Лимонова. – *Солидарность*, 1992, № 21.
- ⁴⁶⁹ *Рябов П.* Неформальное движение как высшая и последняя стадия... – *Крамола*, 1993, № 1. С. 60.
- ⁴⁷⁰ *Его же.* Анархические письма. Письмо первое. – *Наперекор*, № 5. С. 7.
- ⁴⁷¹ См.: *Sole R.* Le défi terroriste. P., 1979. P. 174-178; *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России. М., 1986. С. 234-239, 254-255, 265-269.
- ⁴⁷² Ср.: *Черная звезда*, № 14. С. 8-9 и *Че* (Солигорск), № 2.
- ⁴⁷³ См., например: *Сегодня*, 7.03.1997.
- ⁴⁷⁴ Взорван военный комиссариат в Москве. Заявление № 1. – *Анархия*, № 1. С. 36; Акт международной солидарности. – *Бумбараш-2017*, 1997, № 1; *Санин Г.* Буржуи получили последнее революционное предупреждение. Младокommунисты приступили к реализации графика “бесчинств”. – *Сегодня*, 7.03.1997.
- ⁴⁷⁵ *Анархо-синдикалист.* Кое-что о кризисе и не только о нем. – *Новый Нестор*, 1995, № 1.
- ⁴⁷⁶ См., например: *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 5-18; *Ихлов Б.* Анархия и международный троцкизм. – *Новый Нестор*, 1994, №№ 3, 4, 6, 8, 9.
- ⁴⁷⁷ Назад к Нечаеву. Идеологическое постановление Президиума Верховного Совета Центрального Комитета Инициативы РЕволюционных АНархистов России, Беларуси, Казахстана и Литвы. – *Черная звезда*, № 14. С. 9.
- ⁴⁷⁸ См.: *Черная звезда*, № 13. С. 33; *Мухачев С.* “Зеленая” совесть зеленых, или Заметки о грантовом дожде программы “Семена демократии” ISAR. – *Третий путь*, № 38/*Хранители Радуги*, № 2. Совместный выпуск; *Забелин С.* Ответ Мухачеву на заметки о “грантовом дожде”. – Там же.
- ⁴⁷⁹ *Шевчук Ю.* Змеиное молоко. – *Третий путь*, № 48. С. 3.
- ⁴⁸⁰ *Анархо-синдикалист.* Кое-что о кризисе и не только о нем. – *Новый Нестор*, 1995, № 1.
- ⁴⁸¹ *Сорокин Д.* Средство интеграции или пять минут всеобщего объединения. – *Анархия*, № 1. С. 14-15.
- ⁴⁸² *Привезенцев К.* Письмо в редакцию. – *Великий Отказ*, № 5. С. 23.
- ⁴⁸³ *Шубин А.* Соблазны радикализма. – *Третий путь*, № 48. С. 17.
- ⁴⁸⁴ *Рябов П.* Анархические письма. Письмо первое. – *Наперекор*, № 5. С. 7.
- ⁴⁸⁵ Там же. С. 8.
- ⁴⁸⁶ Там же. С. 7.
- ⁴⁸⁷ Наш календарь. – *Наперекор*, № 3. С. 24; *Наперекор*, № 4. С. 28; Вспоминая о “Единственном”. – *Наперекор*, № 5. С. 2; *Новый свет* (СПб.), 1996, № 3 и т.д.
- ⁴⁸⁸ *Рябов П.* Анархические письма. Письмо первое. – *Наперекор*, № 5. С. 9.
- ⁴⁸⁹ Там же.
- ⁴⁹⁰ Там же. С. 11.
- ⁴⁹¹ Там же. С. 11-13.
- ⁴⁹² *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 16, 18.
- ⁴⁹³ *Рябов П.* Время пришло. – *Наперекор*, № 1. С. 8.
- ⁴⁹⁴ *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 16.
- ⁴⁹⁵ *Рябов П.* Время пришло. – *Наперекор*, № 1. С. 8-9.
- ⁴⁹⁶ *Фомичев С.* Прелюдия к анархизму. – *Третий путь*, № 44. С. 18.
- ⁴⁹⁷ *Рябов П.* Время пришло. – *Наперекор*, № 1. С. 8.
- ⁴⁹⁸ Назад к Нечаеву. Идеологическое постановление Президиума Верховного Совета Центрального Комитета Инициативы РЕволюционных АНархистов России, Беларуси, Казахстана и Литвы. – *Черная звезда*, № 14. С. 9.
- ⁴⁹⁹ *Marcuse H.* Counterrevolution and Revolt. Boston, 1972. P. 31.
- ⁵⁰⁰ *Whiteford A.H.* Two Cities of Latin America. A Comparative Description of Social Classes. N.Y., 1964. P. 104-105.
- ⁵⁰¹ См.: *Маккена Т.* План растительной планеты. – *RWCDAХ* (Саратов – М.), № 1; *Туторская С.* Невинные прогулки в лес могут сделать вашего ребенка наркоманом. – Там же; Для тех, кто в пути. – *Трава и воля*, № 1; *Magijuaa..* – Там же; *Черная звезда*, № 13. С. 32-33 и т.д.
- ⁵⁰² См., например: *Павлин.* Опровержение. – *Трава и воля*, № 1. С. 17.
- ⁵⁰³ См.: Еще один нож в спину синдикализма. Критика труда современными автономистами. – *Черная звезда*, № 14. С. 12-13; *Третий путь*, № 44. С. 20.
- ⁵⁰⁴ *Мишустин Д.* Бал правит компьютерный монстр. – *Москва - Садовое кольцо*, 1996, № 1(13).
- ⁵⁰⁵ См., например: *Березовский В.Н., Кротов Н.И.* Неформальная Россия: о неформальных политизированных движениях и группах РСФСР (опыт справочника). М., 1990; Каталог-справочник неформальных самодеятельных организаций и независимой прессы СССР. М., 1990; Новейшие политические партии и движения в СССР (документы и материалы). *Под ред. Славина Б.Ф.*, М., 1991; *Прибыловский В.* Словарь новых политических партий и организаций России (четвертый вариант, исправленный и дополненный). М., 1992. *Данилов А.А., Засорин С.А.* Политические партии Российской Федерации на

современном этапе: Краткий справочник лектора. М., 1992; Новые политические и общественные организации (1987-1991 гг.) *Сост. Струкова Е.Н.* М., 1992; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник документов в 10 т. М., 1992-1993; Многопартийная Россия: 50 основных политических организаций. Справочник в 3 т. М., 1993.

⁵⁰⁶См., например: *Верховский А., Патт А., Прибыловский В.* Политический экстремизм в России. М., 1996; *Астахова Е.В.* Становление многопартийности в СССР: некоторые аспекты. Харьков, 1991.

⁵⁰⁷См., например: *Базовкин Е.Г.* Политические партии и общественные движения в системе современной демократии (сравнительный анализ Украины и России). М., 1993; Березовский В.Н. Российская многопартийность в конце XX века (процесс возникновения 1987-1991 гг.). М., 1992; *Душаков А.А.* Роль политических партий России в консолидации современного общества (1988-1992 гг.). М., 1992; *Крошкина Г.Н.* Молодежное движение и политические партии в России: историко-политический анализ. М., 1991; *Фролова Н.А.* Становление политических партий России (1985-1993 гг.). М., 1993; *Швидченко Л.А.* Общественно-политические объединения в условиях реформирования общества: опыт, проблемы, уроки (1985-1991 гг.). М., 1991.

⁵⁰⁸Объяснение такой ситуации дает один из первых исследователей “неформальных” движений и новых политических организаций В. Прибыловский: “В 1987-88 гг. подавляющее большинство неформальных групп в России декларировало свою приверженность “социализму с человеческим лицом” – отчасти соблюдая накладываемые режимом идеологические табу, отчасти популистски уступая господствующим в обществе настроениям. “Идейные” и “конъюнктурные” социалисты обычно состояли в одних и тех же организациях... В 1989-90 гг., когда все запреты рухнули, а народ ясно показал свою разочарованность в социализме, большинство неформалов стали открытыми противниками социализма и компартии. Тогда же произошло организационное выделение “идейных”... (Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. С. 165).

⁵⁰⁹См., например: *Шериуков А.* Рабочие организации и политические партии; *Шаблинский И.Г.* Департизация стачкозов и российская многопартийность // В сб.: Новые движения трудящихся: опыт России и других стран СНГ. Ч. I. М., 1992. В части II этого сборника приведен ряд документов первых полу-“неформальных” движений социалистической и коммунистической направленности, например, Объединенного фронта трудящихся.

⁵¹⁰*Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 35(189).

⁵¹¹*Бюллетень Левого информцентра*, 1993, № 42(95).

⁵¹²*Бюллетень Левого информцентра*, 1993, № 49(102).

⁵¹³См.: Политическое заявление Всесоюзной коммунистической молодой гвардии большевиков. – *Бюллетень Левого информцентра*, 1994, № 45(147).

⁵¹⁴См.: Устав Всесоюзной коммунистической молодой гвардии большевиков. – *Юный пролетарий*. Боевой листок Всесоюзной коммунистической молодой гвардии большевиков. Спецвыпуск.

⁵¹⁵См.: *Молодая гвардия*. Газета всесоюзной молодой гвардии большевиков, № 1(6) [1996].

⁵¹⁶Положение в ВКП(б). – *Красная молодежь*, 1996, № 1(6).

⁵¹⁷*Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 43(249).

⁵¹⁸*Марков В.* Коммунистическая многопартийность. – *Бюллетень Левого информцентра*, 1992, № 41.

⁵¹⁹См., например: *Латишин Б.* 2:0 в пользу коричневых. – *Солидарность*, 1992, № 20.

⁵²⁰См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 28.

⁵²¹Постановление Оргбюро ЦК РКП-КПСС 15 июля 1996 г.

⁵²²Постановление Пленума Центрального Комитета Российской коммунистической рабочей партии 20 июля 1996 года.

⁵²³Роскомсоюз. Заявление о создании движения оппозиционных сил 17 июля 1996 г.

⁵²⁴Непримиримая оппозиция – за Единство под Красным Знаменем. Заявление руководителей “Трудовой России” и “Союза офицеров” В. Анпилова и С. Терехова.

⁵²⁵*Сенатова Г.* Вместе – значит по-товарищески! – *Рабочая правда*, 1997, №1 (5).

⁵²⁶Совместное заявление коммунистических организаций России по итогам референдума и выборов 12 декабря 1993 г. – *Голос коммуниста*, 1994, № 5.

⁵²⁷См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 37.

⁵²⁸См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 28.

⁵²⁹См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 30.

⁵³⁰См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 32.

⁵³¹*Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 34.

⁵³²*Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 35.

⁵³³См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 37.

⁵³⁴О дальнейшем участии ВКПБ в избирательной кампании. Резолюция Октябрьского (1995 г.) Пленума ЦК ВКПБ (второго созыва). Документ. СПб., 1995.

⁵³⁵См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 37.

⁵³⁶См., например: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 39.

⁵³⁷См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 36.

- ⁵³⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 5.
- ⁵³⁹ См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 6.
- ⁵⁴⁰ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 7.
- ⁵⁴¹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 11.
- ⁵⁴² См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 12.
- ⁵⁴³ См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 20.
- ⁵⁴⁴ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 25.
- ⁵⁴⁵ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 27.
- ⁵⁴⁶ Там же.
- ⁵⁴⁷ Программное заявление Российской партии коммунистов.
- ⁵⁴⁸ Материалы Учредительного конгресса Интернационального союза коммунистов и I-го съезда Союза коммунистов (Российская федерация). С.16.
- ⁵⁴⁹ Там же. С. 17-18.
- ⁵⁵⁰ Там же. С. 20-22.
- ⁵⁵¹ См. там же. С. 23-24.
- ⁵⁵² См. там же. С. 23-24.
- ⁵⁵³ Программа и Устав Российской коммунистической рабочей партии. Л, 1993. С. 23.
- ⁵⁵⁴ *Тюлькин В.А.* Уметь важнее, чем иметь – *Трудовая Россия*, 1997, № 3(42).
- ⁵⁵⁵ См. там же.
- ⁵⁵⁶ См. там же.
- ⁵⁵⁷ Программа и Устав Российской коммунистической рабочей партии. С. 5.
- ⁵⁵⁸ По поводу проекта трех. – *Воля*, 1992, № 7.
- ⁵⁵⁹ Программа и Устав Российской коммунистической рабочей партии. С. 2.
- ⁵⁶⁰ *Сахаров В.А.* Ответ товарищам. Позиция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) по отношению к анархо-синдикализму. – *Большевицкая правда*, 1997, № 1(6).
- ⁵⁶¹ Программа и Устав Российской коммунистической рабочей партии. С. 9.
- ⁵⁶² Там же. С. 10.
- ⁵⁶³ Там же. С. 12.
- ⁵⁶⁴ Там же. С. 4.
- ⁵⁶⁵ Там же. С. 22-23.
- ⁵⁶⁶ Манифест советских коммунистов. – *Большевик*. Ежемесячное приложение к газете “Молодой Коммунист”. 1997, № 1(023).
- ⁵⁶⁷ Программа Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. – *Единство*, 1991, № 29.
- ⁵⁶⁸ См.: *Сахаров В.А.* Подлог завещания вождя. – *Молния*, 1997, № 4(134).
- ⁵⁶⁹ *Сахаров В.А.* Ответ товарищам. Позиция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) по отношению к анархо-синдикализму. – *Большевицкая правда*, 1997, №1 (6).
- ⁵⁷⁰ Г.П. Кумсиашвили. К современной экономической концепции социализма // *Просвещение*. №1, 1995. С. 39.
- ⁵⁷¹ См.: Программа Всесоюзной коммунистической партии (большевиков); Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)). – *Большевицкая правда*, 1996, № 4(5).
- ⁵⁷² Программное заявление Всесоюзной коммунистической рабочей гвардии большевиков. – *Пролетарий*, 1995, №1(1).
- ⁵⁷³ Программа Всесоюзной коммунистической революционной рабочей гвардии большевиков.
- ⁵⁷⁴ Там же.
- ⁵⁷⁵ Все станут рабочими. – *Рабочий-большевик*, 1996, №2 (2).
- ⁵⁷⁶ Большевицкая нравственность. – *Пролетарий*, 1995, № 6(6).
- ⁵⁷⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения в 9 томах. Т. 3. М., 1985. С. 161.
- ⁵⁷⁸ Там же.
- ⁵⁷⁹ *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка. М., 1991. С. 21.
- ⁵⁸⁰ См.: *Шавишуква Т.* Социалистические и коммунистические организации в январе 1997 года. – *Политический мониторинг ИГПИ*, 1997, № 1(60); *Шавишуква Т.* Социалистические и коммунистические организации в октябре 1996 года. – *Политический мониторинг ИГПИ*, 1996, № 10(57).
- ⁵⁸¹ См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 33(239).
- ⁵⁸² См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 39.
- ⁵⁸³ См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 35.
- ⁵⁸⁴ *Бюллетень Левого информцентра*, 1994, № 6.
- ⁵⁸⁵ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 39.
- ⁵⁸⁶ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 41.
- ⁵⁸⁷ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 38.
- ⁵⁸⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 39.
- ⁵⁸⁹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 41.

- ⁵⁹⁰ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 45.
- ⁵⁹¹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 52.
- ⁵⁹² Трус изгнан с позором.
- ⁵⁹³ См.: Заявление Председателя Организационного комитета по созыву Чрезвычайного съезда ВКПБ Лапина А.А. [январь 1995 г.]
- ⁵⁹⁴ См., например: *Козленко И.* Один день в детской больнице. – *Большевицкая правда*, 1996, №2(3).
- ⁵⁹⁵ Программное заявление Всесоюзной коммунистической рабочей гвардии большевиков. – *Пролетарий*, 1995, № 1(1).
- ⁵⁹⁶ *Пролетарий*, 1995, № 2.
- ⁵⁹⁷ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 6.
- ⁵⁹⁸ Даешь всеобщую политическую стачку! – *Пролетарий*, 1995, № 6.
- ⁵⁹⁹ Товарищи! Советские люди! Листовка “Молодой Гвардии имени героев Краснодона”. Архив автора
- ⁶⁰⁰ См.: *Martinet G. Cassandre et les tueurs. Cinquante ans d’une histoire française.* P., 1986. P. 20-32.
- ⁶⁰¹ *Кагарлицкий Б.* Третья попытка, или Краткая история левых партий. – *Солидарность*, 1994, № 4.
- ⁶⁰² Материалы Учредительной конференции Партии Труда. М., 1992. С. 18.
- ⁶⁰³ Там же. С. 19.
- ⁶⁰⁴ 20 вопросов о Партии Труда. М., 1992. С. 15.
- ⁶⁰⁵ Подробнее см.: *Тарасов А.* “Баран во главе львов”. – *Рубикон* (СПб.), 1994, № 5; *его же.* “Баран во главе армии львов”. Председатель ФНПР глазами рядовых профактивистов. – *Дело*, 1994, № 41.
- ⁶⁰⁶ *Альтернативы*, 1997, № 1. С. 189.
- ⁶⁰⁷ См.: *Communist Parties in Western Europe. Decline or Adaptation?* N.Y., 1988.
- ⁶⁰⁸ Программа Социалистической партии трудящихся // Социалистическая партия трудящихся. М., 1994. С. 11.
- ⁶⁰⁹ Там же. С. 12–14.
- ⁶¹⁰ Там же. С. 19.
- ⁶¹¹ См.: Заявление Информбюро ЦК ВКПБ "Осторожно – провокация!" 2 сентября 1995 года. – *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 3.
- ⁶¹² См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 28.
- ⁶¹³ Второй чрезвычайный съезд ВКПБ. Информационное сообщение. – *Большевицкая правда*, 1995, № 1.
- ⁶¹⁴ См.: *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 28; Второй чрезвычайный съезд ВКПБ. Информационное сообщение. – *Большевицкая правда*, 1995, № 1.
- ⁶¹⁵ *Владимиров А.*, кандидат философских наук. Что написано на знамени КПРФ? – *Большевицкая правда*, 1995, № 1, 1996, № 2.
- ⁶¹⁶ *Сахаров В.А.*, секретарь ЦК ВКП(б). Ответ товарищам. Позиция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) по отношению к анархо-синдикализму. – *Большевицкая правда*, 1997, № 1.
- ⁶¹⁷ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 42.
- ⁶¹⁸ *Сахаров В.А.*, секретарь ЦК ВКП(б). Ответ товарищам. Позиция Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) по отношению к анархо-синдикализму. – *Большевицкая правда*, 1997, № 1.
- ⁶¹⁹ *Бюллетень левого информцентра*, 1995, № 42.
- ⁶²⁰ *Бюллетень Левого информцентра*, 1995, № 44; *Большевицкая правда*, 1995, № 1.
- ⁶²¹ Там же.
- ⁶²² *Исполатов М.Д.*, член ЦК ВКПБ. Выборы в Государственную Думу. Точка зрения и выводы. – *Большевицкая правда*, 1996, № 1.
- ⁶²³ Материалы XX съезда ВКП(б). – *Большевицкая правда*, 1996, № 3.
- ⁶²⁴ Заявление Секретариата Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) "Об итогах выборов президента России". – *Большевицкая правда*, 1996, № 3.
- ⁶²⁵ См., например: *Козленко Иван.* Один день в детской больнице. – *Большевицкая правда*, 1996, № 2; *Козленко И.С.* Синдром Мартынова и синдром Шагиняна или Кто и от чего сходит с ума? – *Большевицкая правда*, 1997, № 1.
- ⁶²⁶ См., например: *Пиранишвили В.* Наше оружие – правда о Сталине. – *Большевицкая правда*, 1996; № 2; *Савицкий В.* О замусоленной кривде в "Ульяновской правде". – *Большевицкая правда*, 1996, № 2.
- ⁶²⁷ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 46.
- ⁶²⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 35.
- ⁶²⁹ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 39.
- ⁶³⁰ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 53.
- ⁶³¹ Let Be Anarchy. – *Черный передел*, № 2.
- ⁶³² См., например: Студенческий блин со стихами и песнями. – *Липецкие известия*, 22.11.1996.
- ⁶³³ Играли мальчики в пикет. – *Молодежный вестник* (Липецк), 1997, № 12.
- ⁶³⁴ *Попов А.* Нам незачем бесноваться на улицах. – *Молодежный вестник* (Липецк), 1996, № 6; Ты почто, Красная Шапочка, Волка загубила? – *Молодежный вестник* (Липецк), 1996, № 12.

- ⁶³⁵ *Прямое действие*, № 3.
- ⁶³⁶ Организационные принципы КРАС. – Материалы Учредительного (Первого) съезда Конфедерации революционных анархо-синдикалистов. М., 1995. С. 2-3.
- ⁶³⁷ Там же. С. 1.
- ⁶³⁸ Там же.
- ⁶³⁹ Там же. С. 1-4; *A-S Info*, лето 1995.
- ⁶⁴⁰ Организационные принципы КРАС. – Материалы Учредительного (Первого) съезда Конфедерации революционных анархо-синдикалистов. С. 2.
- ⁶⁴¹ О положении в Восточной Европе и Северной Азии и наших задачах. – Материалы... С. 6.
- ⁶⁴² Там же.
- ⁶⁴³ Там же.
- ⁶⁴⁴ Резолюция о сопротивлении милитаризму. – Материалы... С. 7.
- ⁶⁴⁵ Там же.
- ⁶⁴⁶ О сопротивлении фашистской угрозе. – Материалы... С. 8.
- ⁶⁴⁷ Об отношении к другим либертарным группам. – Материалы... С. 8-9.
- ⁶⁴⁸ Там же. С. 9.
- ⁶⁴⁹ О положении в ИРеАн. – *A-S Info*, лето 1995.
- ⁶⁵⁰ Устав Общественно-политического объединения “Рабочий” // ОПО “Рабочий”. Документы и резолюции. Свердловск, 1991. С. 5.
- ⁶⁵¹ Там же. С. 5-6.
- ⁶⁵² Платформа Общественно-политического объединения “Рабочий” // ОПО “Рабочий”. Документы и резолюции. С. 15.
- ⁶⁵³ Там же. С. 14-16.
- ⁶⁵⁴ Там же. С. 16.
- ⁶⁵⁵ Там же.
- ⁶⁵⁶ Межпрофессиональный рабочий союз Байкальска. – *A-S Info*, 1994, № 6.
- ⁶⁵⁷ *Новый Нестор*, 1994, № 26.
- ⁶⁵⁸ Положение о Совете Представителей // ОПО “Рабочий”. Документы и резолюции. С. 19.
- ⁶⁵⁹ Подробнее см.: *Информлисток политобъединения “Рабочий”*, 26.12.1996.
- ⁶⁶⁰ В чем суть диктатуры пролетариата? – *Рабочий клуб* (Челябинск), 1995, февраль, спецвыпуск.
- ⁶⁶¹ Партия и рабочее движение. – *Рабочий клуб* (Челябинск), 1995, февраль, спецвыпуск.
- ⁶⁶² К вопросу о президентской кампании. Резолюция совещания политобъединения “Рабочий”. – Листовка ОПОР, апрель 1996.
- ⁶⁶³ Там же.
- ⁶⁶⁴ Резолюция 15-й конференции ОПО “Рабочий” о ситуации в России. – *Рабочий вестник* (Пермь), № 21.
- ⁶⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶⁶ *Взгляд* (Пермь), № 40.
- ⁶⁶⁷ Декларация Съезда Советов социалистических движений трудящихся об образовании Объединенного Фронта трудящихся СССР. Принята на учредительном съезде ОФТ СССР, 15.07.1989 г. г. Ленинград.
- ⁶⁶⁸ Обращение Съезда Объединенного Фронта трудящихся СССР к народам и правительствам Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР. Принято на учредительном съезде ОФТ СССР 16.07.1989 г. г. Ленинград.
- ⁶⁶⁹ Резолюция “Об отношении к КПСС”. Принята на Учредительном съезде ОФТ СССР, 16.07.1989 г.
- ⁶⁷⁰ Резолюция об отношении к деятельности В.А. Ярина. – Сборник документов Объединенного фронта трудящихся [конец 1990 г.].
- ⁶⁷¹ См.: *Страдымов В.* Не надо новых фальсификаций (К истории движения “Трудовая Россия”). – *Что делать*, 1996, № 10.
- ⁶⁷² Резолюция о преследовании редактора газеты “Что делать?” Якушева В.М. – Сборник документов IV съезда Объединенного фронта трудящихся РСФСР (г. Москва, 3-4 октября 1992 г.).
- ⁶⁷³ Тактика ОФТ на современном этапе. Принято Исполкомом ОФТ России 21 января 1996 г – *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 5.
- ⁶⁷⁴ См.: *Информационный бюллетень ФНС*, 1993, № 1, экспресс-выпуск.
- ⁶⁷⁵ Подробнее см: Анархисты за мир и водку. – *Алекс-информ* (Самара), 1996, № 11; *Стюарт Ж.* Военкоматчики выкинули белый флаг и впустили парламентариев. – *Все и все* (Самара), март 1996; *Денисов Д.* Студенты против войны. ... А за что? – *Час пик* (Самара), март 1996; Студенты крыли военкома по-латыни. – *Будни* (Самара), 20.03.1996 и др.
- ⁶⁷⁶ *Моя газета* (Самара), 28.04.1996.
- ⁶⁷⁷ *Автоном* (Краснодар), № 5. В “Бюллетене АН-ПРЕСС” тот же документ приведен с некоторыми отличиями: вместо “полный антиавторитаризм” написано “антигосударственность”; вместе “все люди – сестры” написано “все люди – братья”; в направлении “альтернативная культура” вписаны “сквоты”; “образ

жизни” уточнен как “неординарный образ жизни”; направление “экологизм” отсутствует. – *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.

⁶⁷⁸ *Борьба продолжается!* (Армавир). 1996, № 1.

⁶⁷⁹ Ф.А.К. – выборам. – *Автоном* (Краснодар), № 5; *Бюллетень АН-ПРЕСС* (СПб.), № 56.

⁶⁸⁰ Будни анархии. – *Автоном* (Краснодар), № 3.

⁶⁸¹ *Автоном* (Краснодар), № 4.

⁶⁸² См.: За одного битого – двух небитых дают? Проверим! – *Наперекор*, № 5.

⁶⁸³ Как вести себя при аресте и задержании. – *Автоном* (Краснодар), №№ 2, 3.

⁶⁸⁴ Никакой власти никому! – *Автоном* (Краснодар), № 2.

⁶⁸⁵ *т. Кабанос*. Мать порядка. – *Автоном* (Краснодар), № 2.

⁶⁸⁶ Остановить государственный террор! – *Автоном* (Краснодар), № 5.

⁶⁸⁷ *тов. Кабанос*. Действительность – ненавистный садист, или Почему капитализм – дерьмо. – *Автоном* (Краснодар), № 5.

⁶⁸⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 39.

⁶⁸⁹ Совет Молодежной секции КПРФ г. Москвы. Заявление "Об отношении Молодежной секции КПРФ к газете "Молодой коммунист". – *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 37.

⁶⁹⁰ Письмо Центрального комитета КПРФ членам партии. Москва, 14 декабря 1996 г. – *Большевикъ*. Ежемесячное приложение к газете "Молодой Коммунист", 1997, № 1; *Авалиани Теймураз*, член ЦК КПРФ. Коммунистам России! Коммунистам Советского Союза! Предложение группы членов ЦК КПРФ. Включить в повестку дня Пленума ЦК КПРФ 14 декабря 1996 года вопрос о снятии с поста Председателя ЦК КПРФ Зюганова Геннадия Александровича. – Там же

⁶⁹¹ См.: *Губкин Игорь*. О молодежной политике коммунистов. – *Молодой коммунист*, 1997, № 1.

⁶⁹² *Бюллетень Левого информцентра*, 1996, № 38.

⁶⁹³ *Бюллетень Левого информцентра*, 1997, № 12.

⁶⁹⁴ *Молодой коммунист*, 1997, № 2. Спецвыпуск.

⁶⁹⁵ *Большевикъ*. Ежемесячное приложение к газете "Молодой коммунист", 1997, № 3.

⁶⁹⁶ Остановить беспредел зюгановского гестапо! Листовка.

⁶⁹⁷ Трус изгнан с позором. – *Молодой коммунист*, 1997, № 4, *Бумбараи-2017*, 1997, № 4, совместный выпуск.

⁶⁹⁸ *Бюллетень Левого информцентра*, 1997, № 20.

⁶⁹⁹ Подробнее об этой акции см.: Хроника оранжевого движения в России. – *Панорама*, 1994, № 1; *Щербаков А.* Петр Рауш и др., как зеркало несостоявшейся русской революции. – *Черная звезда*, 1994, № 1. С.10.

⁷⁰⁰ Тексты документов см.: Материалы Учредительного (Первого) съезда Конфедерации революционных анархо-синдикалистов. М., 1995.